

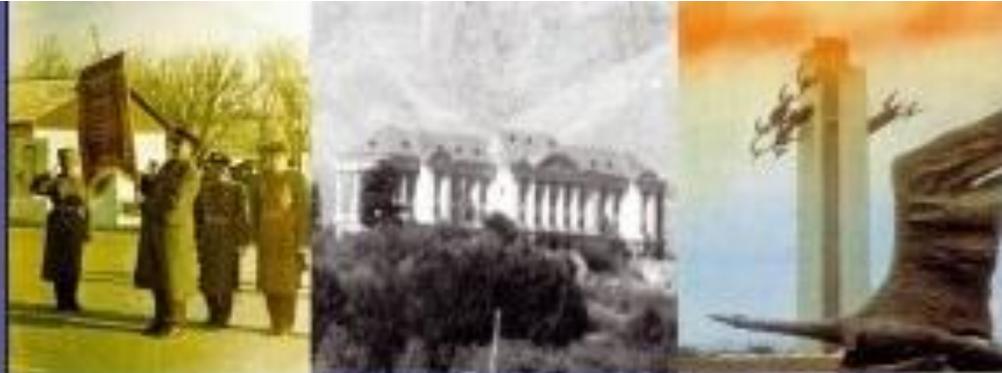

Нас не увидишь на парадах
Мы — не придворные войска,
В отрядах наших и бригадах
Готовность первого броска,
За целый мир спецназ в ответе:
Везде разведке есть дела, —
Прикажут нам, мы в Новом свете
Свои распустим купола...

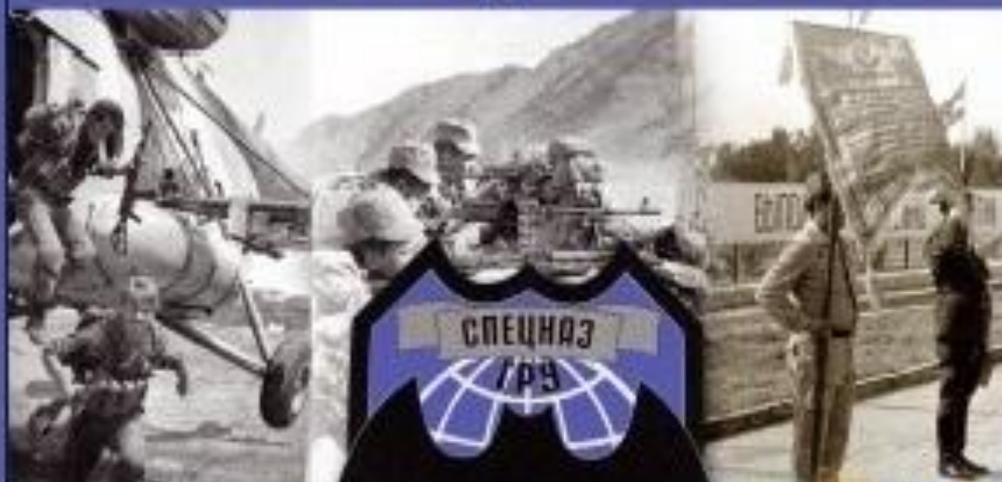
Владимир Кошелев.

КОЛЫБЕЛЬ ЧИРЧИКСКОГО СПЕЦНАЗА

КОЛЫБЕЛЬ ЧИРЧИКСКОГО СПЕЦНАЗА

ОЛЕГ КРИВОПАЛОВ

**КОЛЫБЕЛЬ
ЧИРЧИКСКОГО
СПЕЦНАЗА**

**ИСТОРИЯ И БОЕВОЙ ПУТЬ
15-ОЙ ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ГРУ**

Днепропетровск
ИМА-пресс
2010

УДК 821.161(477)-92(082)
ББК 84 (4Укр=Рос6)
К 82

Кривоपालов Олег Владимирович
К 82 Колыбель Чирчикского спецназа. Издание третье
исправленное и дополненное. Стихотворения. проза, воспомина-
ния. Литературно-документальное издание. — Днепропет-
ровск. ИМА-пресс. — 2010. — 592 с. + 60 с. вкл.
ISBN 978-966-331-305-4

В книге «Колыбель Чирчикского спецназа» неприкрытый рассказ
о 15-й отдельной бригаде спецназначения ГРУ ГШ ВС СРСР, ее солда-
тах и офицерах, воевавших в Афганистане. Книга рассчитана на широ-
ке круг читателей.

УДК 821.161(477)-92(082)
ББК 84 (4Укр=Рос6)

Литературно-документальное издание

КРИВОПАЛОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

КОЛЫБЕЛЬ ЧИРЧИКСКОГО СПЕЦНАЗА

Технический редактор М.Михлик
Художественный редактор В. Ларін
Корректор М. Литвиненко

Подписано в печать с оригинал-макета 30.12.2010 г. Формат 84 x 108^{1/32}
Печать офс. Гарнитура «Гаймс». Усл. печ. л. 34,23. Зак. № . Тираж 120 экз.
Издательство ИМА-пресс, 49051, г. Днепропетровск, ул. Журналистов, 7/215.
(056-2) 27-76-70, 050-514-52-75, 067-910-61-01. E-mail: IMA@optima.com.ua
Свидетельство о внесении в Государственный реестр субъектов издательского дела
ДК № 244 від 16.11.2000 р.
Печать КП «Никопольская типография», 53219, г. Никополь, ул. Электрометаллургов, 21.
Свидетельство о внесении в Государственный реестр, сер. ДП № 2947 від 28.08.2007 г.

ISBN 978-966-331-305-4
ISBN 978-966-331-164-7 (изд. первое). © Кривоपालов О.В., 2010.

*«Наши парашюты солнцем пропитались,
Небо Туркестана выжжено дотла,
Радости земные только и остались
Вздувшимся от пота сопкам Чирчика...»*

Из солдатской песни 70-х годов XX века.

**65-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ЧАСТЕЙ И
СОЕДИНЕНИЙ СПЕЦНАЗА ГРУ ГШ ВС СССР
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу.
С этим эхо приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.*

Анна АХМАТОВА.

Уникальным явлением XX-го века, в истории вооруженных сил планеты, навсегда останется непобедимая и легендарная Советская Армия. Каждому, кто в ней служил, есть чем гордиться, есть что вспомнить и о чем рассказать, тем более если он служил в легендарном спецназе ГРУ. Одним из побудительных мотивов поделиться с читателями своими воспоминаниями и мнением о службе, для меня лично стала грязная волна публикаций, оскорбляющих славу и память моих товарищей. Поэтому после увольнения в запас я регулярно стал писать статьи в периодические издания России и Украины, в которых на основе собственных воспоминаний и документальных материалов, собственных дневниковых записей из рабочей тетради или со слов очевидцев и участников, описывал реальные боевые события, происходившие в 15-й отдельной бригаде специального назначения в ходе боевых действий в Афганистане. При том, описывал не так, как это в те годы стало модным, а бережно и уважительно. Жизнь в армии чаще всего не такая, какой ее иногда представляют в книгах. Это рутинная

тяжелая работа с 6 утра и до 23 вечера, с частыми нарядами и караулами, повседневными будничными делами. Однако нам, влюбленным в свою профессию, она очень нравилась своим многообразием и большим экстримом, который часто нарушал однообразие службы. Ни один период обучения у спецназовцев никогда не повторялся. Вчерашние прыжки с парашютом сегодня наполнялись впечатлениями от тактико-специальных учений в пустынях, а завтра реальной войной в горах, к которой серьезно готовились. В подразделениях спецназа была особая братская обстановка единения. Вот почему через десятки лет при встречах солдаты и офицеры испытывают одинаковые искренние чувства радости и гордости от воспоминаний о своем тяжелом ратном труде, в котором они стали настоящими воинами. Пройдя через который, они осознали замечательные слова Гете: «Исполняя свой долг, человек с любовью относится к тому, к чему себя принуждает!»

И эта любовь о пережитом навсегда сохранится в наших сердцах.

Толчком к началу эпистолярной работы по истории соединения послужило создание музея бригады в 1987 году. Это совпало по времени с периодом моей службы заместителем командира — начальником политотдела бригады в Афганистане, когда командиром соединения был замечательный человек и талантливый военный руководитель полковник Старов Юрий Тимофеевич. Тот год был очень напряженным для коллектива 15-й бригады спецназ по причине непрерывных боевых действий, которые изматывали людей и несли немалые потери (58 человек убитых и 224 раненых, не считая инфекционных больных). Эту воинскую часть я считал родной и хорошо знакомой, так как в начале семидесятых годов уже служил в ней на первичных офицерских должностях, и именно командование этой бригады дало мне толчок для дальнейшего карьерного роста. Перерыв в десять лет, служба в военной разведке на Дальнем Востоке и в Пскове, оказался очень большим для коллектива, офице-

ров моего поколения на тот момент в бригаде практически не было. По поводу чего комбриг сделал заключение:

— Олег Владимирович, ты сейчас ветеран бригады, тебе и карты в руки! Восстанавливай пласт истории бригады до войны.

Не скрою, работая в бригаде, я испытывал не только чувство огромной ответственности за свой участок работы, но и гордость, что довелось быть в руководстве такого прославленного соединения, с богатейшими боевыми традициями, заложенными фронтовиками, которые воспитывали нас, лейтенантов 70-х.

Как-то уж так сложилось что и в довоенное и военное время, до лета 1987 года, в бригаде музея боевой славы не существовало. А предстоящий 25-летний юбилей к этому обязывал. Ознакомившись с боевой действительностью воюющих частей и подразделений бригады, я загорелся целью обобщить четверть века боевой истории коллектива в форме полноценного Музея боевой славы.

Посоветовавшись с главным единомышленником полковником Старовым Ю.Т., мы приступили к планомерному интенсивному сбору экспонатов для музея. Предварительно заинтересовав этой идеей всех командиров и политработников бригады, которые откликнулись с пол-оборота, проявляя большое понимание и творчество.

Главным и принципиальным вопросом, который пришлось сообща решать по ходу, стало восстановление для истории примеров мужества и героизма личного состава. Существующие в штабах исторические формуляры помочь нам не могли, поскольку их оформление велось, мягко говоря, формально. Вероятно, по причине шаблонного соблюдения режима секретности. Бригада, отдельные подразделения которой участвовали в боях Афганской войны с первого дня, в исторических формулярах об этом не запечатлела ни строчки. За то подробно, как и в предыдущие десятилетия боевой учебы мирного времени, перечислялись итоги соцсоревнования по периодам обучения,

приводились ничего не значащие для истории безликие цифры подготовленных отличников боевой и политической подготовки и классных специалистов, а также количество ЧП и преступлений, нарушений воинской дисциплины, произошедших за этот период.

Начатое историческое исследование с секретной части штаба прежде всего коснулось боевых и политических донесений, отчетов о разведывательно-боевой деятельности подразделений, выписок из указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава. Была организована переписка с ветеранами бригады, на тот момент разбросанными по всему Союзу. К нашей радости однополчане откликнулись живо. В Джелалабад пришло более 500 весточек от ветеранов разных поколений. Добровольные помощники помогли нам опросить очевидцев и свидетелей наиболее ярких боев и событий. Немало информации дали протоколы партийных и комсомольских конференций и собраний, а также другие документы. На основании этого был составлен предварительный общий список погибших за годы войны (достигший к февралю 1989 г. мартиролога в 542 фамилии) и восстановлены обстоятельства гибели многих военнослужащих. Большим подспорьем в этом деле стали медицинские донесения и справки об эвакуации раненых и убитых.

После этого мы приступили к восстановлению записей в формулярах отрядов, так, например, в 154 и 177 отрядах, начиная с 1979 и 1981 гг. Большую помощь по подборке архивных материалов из Подольского архива МО СССР оказал ветеран 15 бригады подполковник Юрий Широков, который на тот момент возглавлял в архиве отдел хранения.

Приказом командира бригады на территории штаба под музей отвели целое крыло складского модуля. Старшим работ был назначен агитатор политотдела майор Черепанов С.П., которому из всех частей прикомандировали специалистов-оформителей, дизайнеров, художников рядовых Храпача О.В., Айзатулина Р.Н., Епельфельда О.В., Гуляева Л.П., Аба-

бия В.В. Фотоматериалами обеспечивал художников рядовой Рамис Джумаев. Таджик по национальности. Человек большой храбрости, прошедший с риском для жизни с разведгруппами через многие боевые действия и снимавший ратную доблесть разведчиков спецназа непосредственно в засадах, во время досмотра караванов, налетах на моджахедов. Оттого фотоматериалы, снятые им, оказались просто уникальными. Впоследствии за личное мужество рядовой Р.Джумаев был награжден медалью «За боевые заслуги». Большую организаторскую работу и неоценимую материальную помощь оказал советник ЦК КПСС в оперативной зоне «Восток» генерал-полковник С.М. Беков, по поручению которого в бригаду передали в качестве благотворительной помощи дорогой бархат из Индии, масляные краски и необходимый материал для создания стеллажей, планшетов и стендов.

В секретной части штаба в ящиках с документами была найдена Книга Почета соединения, которая тоже нуждалась в заполнении, ибо за последние девять лет записи в ней не велись. Аналогичная картина была и с Книгами Почета во всех отрядах. По поручению командира бригады полковника Старова Ю.Т., восстановление всех Книг Почета взял на себя мой помощник по комсомолу старший лейтенант Яремко Н.И. И со свойственной ему энергией и волей за короткое время под его руководством многие «белые пятна» в исторических документах боевых отрядов были ликвидированы.

Скажу откровенно, сбор материалов для музея шел непросто, если подполковники Корчагин А.В. и Гилуч В.П., майор Воробьев В.Ф. и их заместители по политчасти бескорыстно поделились многими своими реликвиями, то хозяйственный комбат подполковник Блажко А.А. не «распылял» своих материалов, обосновывая это накоплением собственного фонда будущего музея отряда. Ради справедливости надо отметить, что это ему удалось сделать, но не скоро – через 18 лет (в 2005 году). Но, благодаря полковнику

Блажко А.А., сейчас в Псковском музее 2 бригады, которой он командует, лучшая подборка экспонатов и трофеев афганской поры.

Доставка материалов и экспонатов для музея в условиях Афганистана осуществлялась нелегким путем – вертолетами и самолетами в ночное время и, бывало, сопровождающие не долетали до Джелалабада, погибали вместе с летательными аппаратами (так произошло 22 октября 1987 г., когда разбился майор Романов В.И.). Но, несмотря ни на что, приказ командира бригады был выполнен за четыре месяца – точно и в срок к 25-летию бригады.

Торжественное открытие Музея боевой славы 15-й бригады состоялось 31 декабря 1987 года в Джелалабаде. Мероприятия проводил первый заместитель командира бригады подполковник Безручко Анатолий Ильич, так как командир бригады полковник Старов Ю.Т. и начальник политотдела, находились в провинции Пактия под Хостом, где бригада участвовала в боевых действиях армейской операции «Магистраль». В церемонии открытия музея участвовала с афганской стороны представительная делегация из Кабула: член Политбюро ЦК НДПА тов. Маманд, председатель агентства Бахтар тов. Юриш, секретарь ЦК НДПА, секретарь партийного комитета провинции Нангархар тов. Машат, командиры частей афганской армии, МГБ и пограничных войск ДРА. Пригласили на открытие музея Героя Советского Союза В.В. Колесника, который, несмотря на свои заслуги и высокое звание, не страдал «звездной болезнью» и не преминул воспользоваться приглашением. После митинга и разрезания символической ленточки официальные лица и приглашенные с живым интересом рассматривали 28 стендов и 50 планшетов, на которых была отражена история бригады в документах и фотографиях. На стеллажах лежали десятки трофейных раритетных древних ружей, английский карабин «Бур-303», различное автоматическое оружие, десятки пистолетов и револьверов, кортики и ножи, 20 сабель и клинков, пулеметы ДШК, безоткатные орудия, мино-

мет, зенитная горная установка, две английские пушки периода XIX века. Все экспонаты были взяты нашими разведчиками в боях с мятежниками. Особый интерес представляли знамена исламских комитетов, набор штабной документации с пропусками, мандатами, билетами и печатями, современными средствами связи и фотоаппаратами, видеокамерами, пропагандистской литературой, захваченные в ходе налетов на укрепленные районы и базы моджахедов.

В центральной части экспозиции находился стенд с фотографиями бывших командиров и начальников, солдат и сержантов, прапорщиков и офицеров, прославивших свои подразделения в мирное и военное время. Венчала ее фотография легендарного комбрига полковника Мосолова Р.П. и его собственноручное послание молодому поколению воинов от ветеранов Великой Отечественной войны.

Как рассказывали сослуживцы, принимавшие участие в торжествах, в момент первого осмотра не было равнодушных у стендов с личными вещами погибших героев – полевой сумки командира роты капитана Бекоева, окровавленной карты погибшего командира группы лейтенанта Нафикова, простреленного и залитого кровью лифчика боевой разгрузки замполита Галаганюка, автомата сержанта Василия Коваленко, закрывшего своим телом командира, комсомольских билетов бойцов отделения сержанта Гавраш, подорвавшихся миной, но не сдавшихся в плен и других...

После новогодних праздников в Джелалабад прилетели военачальники. Командующий войсками ТуркВО и Член Военного Совета высоко оценили не только содержание созданного музея, но и его эстетическое оформление. Побывало в музее бригады и командование 40-й армии: командарм генерал-лейтенант Громов Б.В. и ЧВС – начальник политотдела армии генерал-майор Захаров А.И. Почетными посетителями музея в специальном журнале зарегистрировались: первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мироненко, начальник военного отдела газеты «Правда» адмирал Т. Гайдар и многие другие официальные лица. В музее был

снят воскресный телерепортаж для демонстрации по Центральному телевидению, позднее о нем написали журналисты в центральных газетах. Одним словом – открытие музея было замечено общественностью и прошло по настоящему торжественно.

Музей стал хорошим подспорьем командованию бригады в военно-патриотическом воспитании воинов. Здесь возрождались забытые «мосоловские» уроки нравственности и кодекса чести разведчиков и закладывался фундамент новым боевым традициям, родившимся в огне Афганистана. Отныне здесь до вывода войск торжественно вручались боевые награды, партийные и комсомольские билеты, проводились экскурсии для прибывшего пополнения. Как нам позднее сообщили телеграммой из Союза, в 25-ю годовщину части особый энтузиазм проявили и ветераны бригады, оставшиеся после увольнения жить в Узбекистане и Казахстане. После долгих лет разлуки они впервые встретились тогда в Чирчике у памятника «Трем журавлям». После торжественного построения ветераны выступили во всех воинских коллективах перед курсантами учебного полка спецназ, поделились воспоминаниями о боевом пути бригады, возложили цветы к могилам погибших воинов, как водится, помянули...

Обобщение материалов для композиции музея позволило навести порядок в учете и ведении документации и исторических формулярах и Книгах Почета частей. Это стало качественным прорывом в сохранении боевой истории нашей бригады. Впоследствии музей был вывезен на территорию СССР в Чирчик, где складирован в военном городке Азадбаш. Но зимой 1989 года, в ознаменование вывода советских войск из Афганистана, по просьбе местных властей, по приказу комбрига полковника Старова Ю.Т. музей впервые развернули в центральном зале Дома культуры города и через него прошло, по оценке горкома партии, более пятидесяти тысяч посетителей. Среди них были курсанты военного училища, учащиеся школ, рабочие и служащие предприятий, семьи воинов армии, воины-интернационалисты, ветераны Великой Отечественной войны.

...Стремительно пролетели двадцать лет. Нынешняя судьба музея, оставшегося в Узбекской армии, нам с Ю.Т. Старовым не известна. А штабные документы, исторический формуляр и даже Боевое Знамя бригады пострадали во время пожара и частично утрачены. Но участие в работах по созданию музея не прошло для нас с командиром бригады даром. У нас сохранились рабочие записи и тезисы, которые обобщены и по возможности развернуты в главах предлагаемой книги.

В настоящее время, после разрушительной полосы «перестройки» и «демократизации», российский спецназ ГРУ, как и вся армия России, возрождается вновь и набирает былую силу. По инициативе ветеранов войск специального назначения ГРУ товарищей С.Баленко, В.Бреславского, А. Блажко, Д.Герасимова, В.Колесника, В.Манченко, А.Мусиенко, А.Новоселова, А.Овчарова, Ю.Старова, И.Семенова, С.Козлова, Г.Удовиченко, О.Баканач и других проводится большая работа по сбору и вовлечению в воспитательный процесс всего арсенала боевых традиций советского спецназа для формирования моральной составляющей боевого духа Спецназа ГРУ Российской Федерации.

Скромный вклад в эту благородную работу делает и автор этой книги. В ней собран конкретный фактический материал по довоенной истории бригады и Афганской войне, и прежде всего по простым солдатам и офицерам советского спецназа – русским, украинцам, белорусам, казахам, узбекам, татарам, таджикам, которые принимали участие в боевых действиях в ДРА.

Я убежден, что аналитический склад ума моих сослуживцев-разведчиков найдет возможные упущения автора, неточности, недоговоренности, а его оценка некоторых исторических персонажей покажется или искаженной, или недооцененной. Но написано о них всех с одинаковой любовью и уважением, так как бывшая наша бригада была не мифом, а яркой реальностью. Каждый человек, даже если он был одет в военную форму, представлял собой Вселенную со сложным и противоречивым внутренним миром. В книге вы не найдете идеальных героев. Как сказал поэт:

«Ну, где ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант!» Они все были живыми и земными, такими, какие есть все мы. Но они делали историю, которая порой невероятная и героическая может и должна служить примером для нынешних поколений защитников Отечества.

Я стремился к максимальной объективности, поэтому все, написанное мной, опирается на солидную документальную базу. Чтобы компетентные органы не обвинили в разглашении каких-либо секретов, я подаю материалы в той или иной степени осторожно, и только прошедшие оценку цензурой и уже опубликованные в различных СМИ. В книге я широко использую воспоминания сослуживцев и друзей Сергея Харламова, Игоря Стодеревского, Владимира Листопада, Виктора Безкровного, Юрия Владыкина, которые с большой заинтересованностью оказали большую помощь и помогли избежать ошибок при изложении отдельных фактов и событий, происходивших в бригаде за сорокапятилетний период ее истории.

Но это не значит, что все написанное безупречно. К глубокому своему сожалению, я не смог охватить всего, что было в истории, а выбрал только то, что посчитал важным. По истечении времени я не смог назвать фамилии многих достойных военнослужащих, которые просто забыл. Вы уж меня поймите и простите за это.

Хочу высказать искреннюю признательность за финансовую помощь в издании книги ветеранам спецназа ГРУ **Бандурка Владимиру Владимировичу, Безкровному Виктору Анатольевичу, Бекову Сергею Мажитовичу, Воронину Виктору Геннадиевичу, Деревянко Артуру Валентиновичу, Заднипрному Евгению Васильевичу, Король Олегу Владимировичу, Лукьянову Сергею Константиновичу, Михайленко Сергею Николаевичу, Нетребко Олегу Владимировичу, Онипко Юрию Леонидовичу, Поддубцеву Виктору ивановичу, Портнягину Виктору Павловичу**, а также всем, кто оказал помощь в сборе материала и фотографий. Приношу извинения за качество отдельных фотографий, поскольку пре-

доставленные оригиналы в силу объективных причин не в полной мере соответствовали предъявляемым требованиям.

Я готов к тому, что кто-то сможет оттолкнуться от моих воспоминаний и заняться этой темой более плотно, чтобы идти дальше. Пока про 15 бригаду спецназ писали только ветераны спецназа товарищи С.Баленко, Е.Варышев, Ф.Гредасов, В.Колесник, С.Козлов, Б.Керимбаев, Д.Лютый, В.Петров, Ю.Старов, И. Стодеревский, А.Мусиенко, К.Таривердиев, Г.Удовиченко, С.Харламов, а также несколько профессиональных литераторов. Однако еще много осталось за скобками, и я был бы рад увидеть новые воспоминания. По большому счету наша бригада этого заслуживает. Мы уйдем в вечность, а история 15-й отдельной бригады специального назначения должна остаться с военнослужащими спецназа ГРУ будущего, так как в ней много поучительного.

Известный советский писатель Юлиан Семенов справедливо заметил по этому поводу: «Кто контролирует прошлое, не растеряется в настоящем, не заблудится в будущем».

8 сентября 2007 года в парке Боевой Славы подмосковного городка Химки состоялось открытие мемориала «Доблесть и память Спецназа». Теперь у нас появилось еще одно место душевного притяжения.

Значит, хотя мы и разорваны границами «независимых» государств, мы мыслим и чувствуем одинаково. Мы помним вас, братишки! И это все о Вас!

Служу Спецназу!

**С уважением,
ветеран 15-й обрСпН
О. В. КРИВОПАЛОВ**

31 декабря 2009 года.
г. Днепропетровск

ПАТРИОТИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ СОЛДАТА

С.М. БЕКОВ,

Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, генерал-полковник таможенной службы

Приходится читать и слышать суждения об Афганской войне 1979 — 1989 годов (указываю годы, потому что в этой несчастной стране войны не кончаются), как о войне «ошибочной», «непредуманной», «странной», «ненужной» и т.д. Исходя из этих предпосылок, иные авторы делают далеко идущие выводы о зря потерянных на этой войне солдатах и офицерах, о ни за что, ни про что искалеченных телах и душах. Когда встречаюсь с таким умозаключением, у меня в душе не просто поднимается волна протеста — обжигает стыд и гнев как при виде надругательства над могилами.

Да, можно понять убитую горем мать, которая вопрошает: «За что? Дед погиб на фронте за Родину, а внук — за что?» И ей ничего не ответишь, потому что её горе не примет никакого объяснения. Но у нас есть страна, есть армия, есть человек, которому государство вручает оружие. И должна быть единая патриотическая идеология гражданского долга. Как присяга. Причём эта идеология касается не только солдата, но и каждого государственного чиновника, каждого журналиста, каждого гражданина по его отношению к солдату. Чтобы каждый «человек с ружьём» знал, что рискует жизнью не ради себя, а ради Родины. Эта идеология проста, стара и неизменна для каждого способного любить. Эта идеология называется патриотизмом. «Человек с ружьём» без патриотизма — уже не солдат, а бандит.

Вот на эту тему в преломлении к Афгану и к 45-летию образования дорогой моему сердцу 15-й отдельной бригады спецназ, мне хочется высказаться, поскольку мой опыт участия в этой войне и сроки двух командировок (1982 — 1984 и 1986 — 1988), как мне кажется, позволяют свидетельствовать со знанием дела. В эти годы я был советником ЦК КПСС в провинции Нангархар и советником в зоне оперативно-войсковой ответственности «Восток». Оперативно-войсковая зона «Восток» была создана на границе с Пакистаном, именно там, где на противоположной ее стороне были сосредоточены до 70 % душманских лагерей, баз, объектов их хранения и госпиталей. Мне приходилось осуществлять постоянные контакты с руководством ДРА, военным командованием, представляя интересы советской стороны. Мно-

го и практически круглосуточно работал с командованием советских воинских частей и разведывательных органов КГБ, ГРУ. Я принимал участие во всех оперативно-войсковых операциях в зоне ответственности. За этот период у меня сложились добрые товарищеские отношения с командирами и политработниками советских частей и соединений, боевая работа которых безусловно, обеспечивала стабильность республиканской власти на местах и безопасность жителей, населяющих три провинции Нангархар, Кунар и Лагман.

В провинциальном центре г. Джелалабаде на постоянной основе дислоцировались 66-я отдельная мотострелковая бригада, 1353-й отдельный батальон охраны, для обеспечения безопасности аэродрома, на котором дислоцировались 292-й отдельный вертолетный полк, впоследствии 335-й отдельный боевой вертолетный полк. Когда проводились боевые операции, то к нам перебрасывались дополнительные части мотострелковых и парашютно-десантных войск. В феврале 1984 года из Айбака в Джелалабад была передислоцирована первая часть спецназа — отдельный батальон 15-й обрСпН ГРУ. Это был легендарный 154-й ооСпН, которым командовал энергичный майор Владимир Портнягин. Само управление 15-й бригады со штабом, отрядом спецрадиосвязи, службами и политотделом прибыло из Чирчика в марте 1985 года и сразу окунулось в боевую работу. Спецназ по праву считался ударным отрядом Ограниченного контингента. Ни в коей мере не принижая роли мотострелков и летчиков, я расскажу подробнее о спецназовцах, поскольку с ними пришлось работать в более тесном контакте. Этим уникальным соединением в Афганистане командовали два толковых командира: до апреля 1986 года подполковник В.М. Бабушкин, а затем его сменил полковник Ю.Т. Старов, который, пожалуй, был одним из самых старших по возрасту, талантливых и опытных командиров спецназа ГРУ, возглавлявший коллектив бригады до конца 1990 года. Спецназовцам была выделена 800 км полоса ответственности вдоль афгано-пакистанской границы. Часто к операциям спецназа привлекались группы из оперативных батальонов ХАДа, и агенты ХАДа на местах, работавших как наводчики. Особым доверием у нас пользовались афганские чекисты и разведчики: Мазула, Махибула и Мирр Абдула.

Моя советническая деятельность охватывала как контакты с руководством Демократической Республики Афганистан и местными органами власти, так и с независимыми от властей пуштунскими племенами, откуда «духи», в основном, рекрутировали моджахедов. От расположенности вождей этих племён зависело многое. При этом я принимал участие практически во всех оперативно-войсковых операциях в зоне «Восток». Война есть война! Так что в моём арсенале памяти сотни названий кишлаков и уездов, где проходили бои, номера

войсковых соединений, сотни, а, может, и тысячи имён командиров, как афганских, так и советских (надо ведь всё время иметь в виду, что мы помогали афганской народной армии). Особенно дружеские отношения у меня сложились с командирами воинских соединений специального назначения и разведывательных органов, такими как Ю.Т. Старов, С.С. Шестов, В.Н. Кириченко, В.Н. Коршунов, которые возглавляли группы «Каскад», «Тибет», С.Г. Оздоевым, командиром «Вымпела» капитаном первого ранга Э.Г. Козловым, подполковником А.Н. Листопадом, командирами и лётчиками отдельного боевого вертолётного полка, а также генералами А.И. Овчинниковым, Н.А. Моисеевым, О.И. Ляшенко, В.С. Ушаковым, и многими другими. Их не перечислить всех, кто сегодня всплывает в памяти, на которых я хочу опереться в своих суждениях.

При всех противоречивых оценках как самого ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, так и отдельных аспектов этой войны, по мере удаления того события в историю, вдруг исторически-неожиданно, казалось бы, парадоксально всплывают глубинные народные оценки. Журналистские репортажи из современного Афганистана доносят до нас голоса простых жителей, вчерашних «душманов», боровшихся с нами: «Брежнев и Наджибулла были лучшими руководителями», «шурави» не только воевали, но и строили заводы, дороги, плотины... То есть «в осаде» у афганского народа нет ожесточения и ненависти к нам как к «оккупантам».

В том и состоял смысл моей советнической миссии (как и всего многочисленного корпуса советских советников), чтобы наше пребывание в стране по просьбе правительства Афганистана ни в коем случае не расценивалось бы как «вторжение», «оккупация», а только помощь. Интернациональная помощь. Интернациональный долг. В памяти остались настоящие афганские патриоты и героические солдаты. Один из них, командир батальона Царандоя старший капитан Юсуф Шамандар был достаточно молодым человеком. Несколько лет жил в СССР, сносно говорил по-русски. Обучение в военном училище внутренних войск, помимо специальных знаний, дало ему и убеждения в необходимости строить новое общество в средневековом Афганистане. Своей горячностью, прямолинейностью и верностью идеалам коммунизма и социализма он напоминал шолоховского Нагульнова. Но в отличие от любого пропагандиста и агитатора, он еще и делом доказывал верность интернационализму. Юсуф был из местных и, хорошо зная нравы и обычаи провинции, эффективно боролся с контрой, которая приходила из Пакистана. В боях и стычках с бандитами он дважды был ранен. На него было совершено три покушения, но, отлежавшись в госпитале, комбат еще с большей ожесточенностью отдавался борьбе. Когда ему противник бывал не по силам, он приезжал в батальон спец-

наза и выпрашивал у командира дополнительное вооружение и поддержку на блоки. Он доверял только советским и когда выходил на боевые, частоты своей радиосвязи сообщал на ЦБУ только нашего ооСпН. Дежурные офицеры слушали в эфире «Турана». И несколько раз, бывало, вытаскивали царандоевцев из тяжелых ситуаций. С отводом советских частей из провинции на жизни Юсуфа Шамандара была поставлена точка. 10 октября 1988 года он был убит моджахедами. Осознавая свою обреченность, Юсуф с последней советской колонной отправил жену с тремя детьми на руках в предместья Кабула к родственникам, а сам мужественно до последнего часа исполнял свой воинский долг. Вместе с ним погиб начальник уголовного розыска провинции Валиджон. К власти пришли ставленники Пакистана.

Аналогичная судьба постигла и бывшего командира пехотной дивизии в Джелалабаде генерал-лейтенанта Барикзая. Нас с ним объединяли многие радостные и горькие события. Мы просто по-человечески дружили. Как-то я был приглашен на торжественный вечер к командиру дивизии, кроме меня там находились командир бригады полковник Старов и его заместитель Кривопалов. Оказалось, что в тот вечер афганскому комдиву должны были присвоить генеральское звание. По традициям афганского общества той поры, в определенный четверг, в 20.00 кабульского времени, по радио зачитывался приказ о присвоении очередных воинских званий всем военнослужащим силовых министерств. К этому часу виновники торжества накрывали стол и собирали близких. После объявления приказа с кителя или рубашки снимались старые погоны, а одевались новые. С того памятного вечера я сохранил полковничьи погоны Барикзая. Он был умным и проницательным человеком. Учился в военном училище в США и в Военной академии им. Фрунзе. Кстати, много раз подчеркивал, что советская военная школа была не хуже западной. После вывода войск из Джелалабада его назначили командиром армейского корпуса, который вел тяжелые оборонительные бои в окрестностях города. Убит он был в ходе сражения выстрелом в спину. Убийцу не нашли.

Подобной судьбы чудом избежал начальник разведывательного пункта Мирр Абдула, он тоже был убежденным революционером и сотрудничал по спецработе с советскими агентурными группами и командованием бригады спецназ. Ему удалось покинуть Афганистан. Мирр учился в свое время на курсах офицеров разведки в Загорянке. Он был высок, медвежковатого телосложения, обладал огромной физической силой. Прекрасно знал военно-политическую обстановку в провинции и шел на все сознательно. Он успел отправить свою семью в Узбекистан, где учился его старший сын. А затем последним самолетом улетел из Джелалабада при подходе талибов. Сейчас генерал Мирр Абдула работает в Москве на благо родного Афганистана.

Был среди наших афганских друзей и выпускник Военно-политической академии им. Ленина. Это замполит дивизии старший капитан Абдул Маджит Регистани. Его подсоветный подполковник Новиков Анатолий Романович рассказывал, что он одинаково страстно ненавидел душманов, от рук которых пал его брат и кто-то еще из родственников, и собственного начальника штаба: за то, что учился в Лондоне, за то, что богат, за то, что не утруждает себя делами ратными. Если речь заходила о врагах, Маджид начинал выражаться, как одесский грузчик с турецким акцентом, но не менее витиевато. Он вообще здорово говорил по-русски. С ним можно было беседовать на любую тему. Мужик он был обаятельный. Говорил складно, красиво, превознося до небес реальные и мнимые достоинства отличившегося подчиненного, не забыв упомянуть его отца и мать, братьев и сестер, кишлак, в котором родился, ущелье, в котором стоит кишлак, в котором родился этот замечательный человек. А провинившихся воспитывал крепким кулаком. Как это ни странно, при таком небогатом арсенале воспитательных средств замполит пользовался непререкаемым авторитетом в солдатской и офицерской среде. Почему? Мне думается, потому, что был лично храбр, никогда не прятался в бою за спины солдат, был предельно заботливым начальником. Всегда проверял, накормлены ли солдаты, хорошо ли размещены раненые и больные. Проверит посты, мимоходом ободрит несколькими словами солдата. Как рассказывали мне советники, его предупредили солдаты о предстоящем нападении, и свой последний бой он провел мужественно. Убить его как ягненка не получилось...

Многие афганские военные представляли свое будущее и пытались изменить ход событий. В сентябре 1988 года в частях кабульского гарнизона из рук в руки передавалась листовка следующего содержания.

«ЗАЯВЛЕНИЕ СВОБОДНЫХ ОФИЦЕРОВ».

«В то время, когда проливается кровь, руководство занимается созданием фракционных ячеек внутри партии. Для этого используются деньги народа. Более 85% жилых помещений и машин в Кабуле принадлежит руководству НДПА. Но среди погибших и раненых нет и не будет ни одного сына предателей. Советские друзья, прибывшие к нам для отражения интервенции, вместо того, чтобы помогать охранять границу с Пакистаном, обосновались в городах и охраняют дворцы руководителей. Их начальники способствуют упрочению позиций наших тиранов. Наша армия ослаблена борьбой с внутренними врагами. Продолжается выдвигание по пролежкам, а настоящие патриоты отодвинуты. Жертвой интриг стали многие. В 1967 году (с марта 1988 года) в результате безрассудных и непродуманных решений об отводе частей из пограничных районов, потеряно и уничтожено 10 героических погранбатальонов. Давайте сбросим виновников всех невзгод и

трагедий. Развяжем себе руки для борьбы с контрреволюцией. Скажем СССР не как рабы, а как представители свободной страны, что наша революция, отечество стали жертвами неверной политики предателей, которые были приведены вами к власти. Наша армия из-за неверных планов и приказов ваших советников и командиров, которых назначали по вашей воле, полностью разложилась. Если вы за нас, то дайте нам оружие и боеприпасов. После падения Шакардары, Хоссейн-Кула дорога через Саланг перекрыта. Требуем объединения всех видов силовых структур под руководством армии. Взять власть в свои руки, объявить всеобщую мобилизацию. Поставить в строй всех членов НДПА. Организовать оборону городов. Прекратить тратить деньги государства на невоенные цели. Все для победы! Давайте, до того, как умрем бесчестной смертью, объединимся и пожертвуем своими жизнями ради защиты нашей чести и достоинства и чести тех, кто с нами. Когда война придет на улицы наших городов, будет поздно!»

Вечная им всем память — доблестным афганским патриотам, верным своему народу и отдавшим свою жизнь за его счастье.

...И вот сейчас, после многочисленных и многократных попыток извратить и принизить всю почти десятилетнюю историю пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, низвести её до уровня «авантюры», «неоправданных жертв» и т.д., я, как и в те годы, не втягиваю голову в плечи, не стыжусь и не испытываю сожаления за действия свои и моих товарищей. Все мы, от солдата до генерала гордо несли это хорошее звание — воин-интернационалист. Советская пропаганда знала своё дело. И тогда, и сейчас я признаю удачным это идеологическое клише, смысл которого приписывал солдата в собственных глазах, снимал вопросы «За что?», добавлял ему патриотической гордости.

В разговорах между собой, в письмах родным молодые солдаты, впервые оказавшиеся за границей, описывая афганские условия, с полной уверенностью передавали своё ощущение как помощников-интернационалистов. Им их миссия по-другому и не могла представляться: они пришли помогать афганскому народу сделать рывок из века XVI в век XX. Ведь, увидев крестьянина, пахущего землю деревянной сохой, советский юноша только прочнее утверждался в своей благородной интернациональной миссии.

А загляните в «повестки дня» наших заседаний с Башармалем, главой провинциального Комитета, председателем Совета обороны зоны «Восток». Какие вопросы мы решали? Земельная реформа. Распределение воды. Ремонт плотины. Где взять бульдозеры? Строительство Дворца культуры. Создание кооперативов. Открытие профтехучилища. Сбор урожая маслин и цитрусовых. И ещё тысячи больших и малых дел. Но, разумеется, ещё больше неожиданных, военных. В уезде Чап-рияр, например, банда перебила охрану водостоков, которыми питает-

ся большой кишлак Дигас. Если взорвут водостоки, 1500 человек останутся без воды, погибнут посевы. Вызываем на помощь советских военных... Из уезда Хугьяни пришло тревожное сообщение: посланная на переговоры о перемирии группа Царандоя и службы афганской безопасности из 67 человек, якобы целиком вместе с техникой и оружием перешла на сторону противника. Хорошо зная преданного революцией командира группы Мирвайса, мы не поверили этому сообщению. Проводим войсковую операцию, освобождаем кишлак Килагу и находим в нём тела всех предательски перебитых сотрудников безопасности и царандоевцев. Мы тогда, не только провели победную операцию, не только освободили уезд от банды Хайр-Мамада — мы вернули честные имена павшим сторонникам народной власти. В этой операции исключительное мужество проявили офицеры группы спецназа КГБ СССР майор С. Сомов, Б.Аттоев, А.Старов, которые вместе со мной побрились в этот кишлак Килагу.

Кто-нибудь из тех умников, любителей выискивать ошибки задним числом, учитывает эту сторону нашей деятельности? Или вместе с высокими понятиями типа «интернациональный долг» отбросили и чисто человеческие, дружеские отношения, которые неизбежно возникли в процессе межгосударственного, межнационального общения? В том-то вся суть, что не мы разделили афганский народ на враждующие стороны и, помогая одной, волей-неволей становились врагами для другой стороны. А ведь помощь наша в виде продовольствия, техники, стройматериалов, организации и охраны её доставки во все регионы предназначалась всему афганскому народу. И то, что об этом благодарно помнят сейчас и бывший царандоевец, и бывший моджахед, говорит о не прошедших зря усилиях, затратах и потерях.

Мы сами свои ошибки знаем лучше тех «умников». Надо или не надо было совершать этот ввод, — не будем сегодня высоколобо задним числом подменять собой Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство того времени, целиком охваченное логикой «холодной войны». Свершился факт истории. И внутри этого факта мы все направленные туда, в пекло вели себя достойно в самых экстремальных, парадоксальных, экзотически-иностраных условиях, на ходу делая дополнительные ошибки и находя наиболее приемлемые для обеих сторон выходы, решения. Кстати, пуштунские племена, веками живущие в свободной зоне, находящейся между Афганистаном и Пакистаном, в известной нам истории, никем не были покорены — ни войсками Александра Македонского, ни Англией. Все попытки окончились полным провалом. Их население составляет более 20-ти миллионов человек. Короли Афганистана всегда уважительно относились к их вождям, их кодексу чести «Пуштунвали», который по сегодняшний день является альфой и омегой поведения и жизненных принципов этого народа. Ус-

тную договоренность с вождем племени численность, которого, как правило, от 10 до 200 тысяч человек, можно было считать договором скрепленным печатями власти, и по вине племени не нарушалось. Именно пуштунские племена были основой движения мятежников. Я провёл среди них долгое время, имел там надежных друзей-защитников беднейших слоев народа, защитников революции, будущего афганского народа, делил с ними хлеб, воду, ночевал в их шатрах, глинобитных кишлаках, приоткрывшихся на склонах гор Гиндукуша, заключал договора и открывал дороги для народной власти. Мы, советские люди, пришедшие в Афганистан по приказу нашей страны, там сражались за их революцию. Это была наша идеология, наше воспитание.

Командующий 40-й армией, ныне губернатор Московской области Б.В. Громов, отмечает в своей книге «Ограниченный контингент», что войска практически столкнулись с неизвестным советской науке театром военных действий. Ни в училищах, ни в академиях, ни в уставах, ни в наставлениях не «проходили» и не приводили примеров, похожих на афганскую действительность. Я сам был свидетелем комической ситуации, когда в штабе 66-й мотострелковой бригады, приехавший из Москвы корреспондент спрашивает начальника штаба подполковника Князева: «Далеко ли до противника?» По афганским меркам вопрос абсурден. Поэтому начальник штаба ответил под хохот присутствующих: «Двести метров в любую сторону».

Мне довелось побывать практически во всех крупных гарнизонах советских войск и могу сказать, что вопрос обустройства войск в зоне «Восток» решался хуже, чем в северных районах или в Кабуле, Шиндане и Герате, где все дивизии располагались в стандартных военных городках по единому плану. Строительство осуществлялось специализированными отрядами военных строителей. Прибывающие для проверки военные руководители и начальники порой не вникали в особенности боевых действий и обеспечение материальными средствами и боеприпасами, но нередко обходили казармы и рассматривали как заправлены солдатские кровати и стоят ли рядом с тумбочками тапочки. А один большой генерал устроил разнос командиру батальона за то, что у его подчиненных были не покрашены ободранные в походах каски. Не занимаясь показухой мы старались сделать все для оказания помощи командирам и хотя быт многих частей был неказист — особенно у спецназа, люди не жаловались и благодарили за помощь. Я помню, как пришлось принимать и размещать 154-й отряд. В полуторакилометре от Самархеля под мощными эвкалиптами находились развалины шести каменных строений бывшего консервного завода. Вот туда-то и решили посадить спецназовцев. Собственными силами, без привлечения строительных подразделений спецназовцы оборудовали комфортабельный военный городок. Благоустройство территории шло

не просто. Мне пришлось самому ни один раз объезжать предприятия, ирригационный узел и комбинат железобетонных изделий. Просил дать десантникам в долг необходимые материалы. Первое время батальон больше занимался хозяйственными делами. Воевать днем невозможно. Жара адская. Однако на реализацию разведанных группы выходили регулярно. Особое внимание уделялось и провинции Кунар. Там размещение асадабадского батальона спецназ шло еще труднее. Там в палатках, кунгах и землянках прожил личный состав до вывода. Скромный архитектурный портрет — несколько модулей, сборных железных конструкций под столовые и складские помещения, деревянные будки туалетов и раковин, автопарк. Самым священным местом в городках были бани. Хотя банные постройки имели непритязательный вид. Часто это были землянки, состоящие из нескольких помещений, с небольшими подслеповатыми окнами. Несмотря на спартанские условия жизни, спецназовцы быстро привыкали к своим городкам и любили их. Даже строили для души небольшие бассейны, облагораживали священные места — самодельные обелиски и памятные знаки в честь погибших сослуживцев.

Карта афганского театра военных действий напоминала бы шкуру леопарда, если бы не менялась ежедневно. А так её и сравнить не с чем. В зависимости от возникающих задач оперативной обстановки проводились локальные операции с привлечением тех или иных частей или соединений. Так вот, по свидетельству генерала Б.В. Громова, ни одна из этих воинских операций с участием советских воинских соединений не была проиграна. Как не была проиграна и вся афганская кампания. Отчего нашему «человеку с ружьём» опускать стыдливо голову? Он не посрамил славы русского (советского) оружия. Он вышел из сопредельной территории по решению своего Верховного главнокомандования с улыбкой радости, с гордо развевающимися знамёнами. Он не запятнал свою душу преступлениями против человечности, типа выжженной напалмом территории, стёртых с лица земли кишлаков, массовых расстрелов и других зверств, на которые, к несчастью, иногда срываются воюющие стороны.

За свои ошибки платили своею кровью. Число предателей, перебежчиков ничтожно мало. Даже случаев так называемой «дедовщины» я, например, не припомню. В общем, наш воинский контингент в Афганистане, несмотря на известные стратегические просчёты, локальные издержки и даже неудачи, показал себя миру организованным, дисциплинированным, квалифицированным, гибким, высокоморальным. Американцы, большие специалисты всё калькулировать и выводить коэффициенты рентабельности или индексы эффективности, давно уже подсчитали, что русская кампания в Афганистане, оказывается, была высокоэффективной с точки зрения соотношения воинских потерь.

Кстати, американцы же сразу заметили и оценили войсковые соединения специального назначения, проявившие свои великолепные качества в Афганистане. «Единственные советские войска, которые воевали успешно, это силы специального назначения, доставлявшиеся на вертолётах», — писала газета «Вашингтон пост» 06.07.1989. Разумеется, это похвала «сквозь зубы», отсюда и словечко «единственные». Ныне чуть ли не во всех военных академиях мира изучается афганский опыт советского спецназа, особенно первая операция «Шторм», которой командовал полковник В.В. Колесник. Отряд спецназа ГРУ, неофициально названный «мусульманским», потому что комплектовался преимущественно из выходцев из республик Средней Азии и Казахстана и спецподразделения КГБ «Гром» и «Зенит» в течение 45 минут выполнили поставленную задачу. В общем, воистину «воины-интернационалисты». Все они были отмечены наградами Советского Союза.

В рамках статьи не рассказать о многочисленных случаях героизма, самоотверженности, взаимовыручки наших солдат и офицеров, которые после учебных полигонов впервые подвергались испытанию настоящим огнём. Тем не менее, не так уж редки случаи мужественной стойкости даже в безнадежных ситуациях: смерть от последней гранаты в окружении врагов.

Так что всякие попытки принизить дух воина-интернационалиста, навязать ему некий «афганский синдром» наподобие «вьетнамского» у американских солдат — изначально лукавы; они исходят не от реальности, а от навязанной определённой идеологической установки — хохом отрицать, очернять, осквернять всё советское прошлое. А это в корне неверно не только потому, что тени без света не бывает, но и потому, что мы не должны уподобляться «иванам-не-помнящим-родства» и предавать самих себя и наших прекрасных юношей-воинов, которые прощались с жизнью в Афганистане, будучи свято верными присяге своей великой Родине. Кстати, отметим ещё одну особенность Афганской войны: возвращение тел погибших за границу на родину, к семье, что прежде не практиковалось. Похороны печальная, но и наиболее эмоциональная торжественная процедура. А уж похороны воина, павшего в бою, — особенно. Но припомните, с какой трусливой таинственностью, секретностью проводились эти необходимые ритуальные мероприятия в начале войны воинскими и местными властями. В дальних углах кладбищ, без огласки. И как постепенно была сметена эта страусиная практика. Сметена народным вниманием и уважением к памяти солдата, отдавшего жизнь на войне. Порой у могил собиралось всё население посёлка, на траурную процессию выходили завод, школа, институт и т.д. «Это надо не мёртвым, это надо живым». И те, кто сопровождал печальный «груз-200», и оставшиеся воевать в Афгане друзья, видя заботу Родины о «последних почестях», только укреп-

лялись в своих патриотических чувствах. А это, в свою очередь, подпитывало ту «самую кровную, самую смертную связь» солдата с Родиной, которая и зовётся духом армии, самым эффективным её оружием.

Как-то я был приглашен комбригом Старовым на партактив 15-й бригады. В зале офицерской столовой собрался весь цвет бригады: коммунисты, заслуженные командиры отрядов, рот, разведывательных групп, начальники служб, загорелые до черноты сержанты и солдаты-разведчики. Меня порадовало, что прием в партию осуществлялся не по приказу, а по глубокому убеждению... С основным докладом выступал начальник политотдела О.В. Кривопапов, который поднял вопрос о подготовке к празднованию 25-годовщины соединения. Юбилей совпадал с новогодними праздниками. Выступая перед разведчиками, я поддержал идею замполита и рекомендовал подумать о создании музея боевой славы. Время летит стремительно, — говорил я, — а за период с 1979 года, по сути, никто не занимался вопросами обобщения героических подвигов воинов на афганской земле. На очередном совещании штаба оперативно-войсковой зоны «Восток» я поднял вопрос об участии руководства провинции Нангархар в мероприятиях по подготовке к празднованию заслуженной советской части. Меня поддержали товарищи, о нашем решении я сообщил советнику Президента Республики Афганистан известному в СССР партийному деятелю тов. В.П. Поляничко, который на другой день прилетел в Джелалабад и вместе со мной поехал в 15-ю бригаду. Внимательно выслушал командира бригады Ю.Т. Старова, его заместителя О.В. Кривопапова и ознакомившись с результатами боевых действий соединения, он подытожил: «Я поддерживаю мнение товарища Бекова о возбуждении ходатайства по представлению 15-й обрСпН к высшей военной награде Афганистана ордену Боевого Красного Знамени. Я думаю, товарищ Наджибулла подпишет такой указ».

3 февраля 1988 года состоялся Указ Президента Республики Афганистан № 136 «О награждении 1-й особой бригады Советских войск орденом «Красного Знамени» Республики Афганистан». Об этом важном историческом событии писали все центральные и многие местные советские газеты, а по телевидению прошла информация в теленовостях.

Яркой получилась заметка корреспондента «Комсомольской правды» М.Кожухова «Чтобы цвели сады», 22 апреля 1988 г.:

«Сегодняшний день войдет в историю нашего соединения, — гремит над строем бойцов голос командира. — Указом Президента Республики Афганистан за активное участие в защите апрельской революции, за мужественное выполнение воинского долга наша бригада награждена афганским орденом Красного Знамени.

На церемонии награждения присутствует делегация Ленинского

комсомола! По асфальту крохотного плаца чеканят шаг молодые воины: мелодия «Белорусского вокзала» — их песня! — поднимается в бездонное афганское небо. Провинция Нангархар — это восток страны, тревожное пограничье. Следы необъявленной войны видны здесь повсюду — в разрушенных кишлаках, сожженных школах, на дорогах, разбитых воронками взрывов. Вооруженная оппозиция заметно активизировалась в провинции после того, как в Женеве были подписаны документы о политическом урегулировании ситуации вокруг Афганистана. Мятежники пытаются сорвать урегулирование, воспрепятствовать политике национального примирения, проводимой правительством Кабула. Но и местные власти не сидят сложа руки, налаживают нелегкий диалог во имя согласия и мира на этой земле.

— Опыт ВЛКСМ в деле воспитания подрастающего поколения для нас бесценен, — говорит секретарь ЦК НДПА Моманд, приветствуя в провинциальном комитете делегацию Ленинского комсомола. — И в том, что организация ДОМА в Нангархаре окрепла, стала заметной силой, — большая заслуга представителей Ленинского комсомола, которые трудятся бок о бок с нами вот уже несколько лет. Как и повсюду в Афганистане, в Нангархаре немало объектов афгано-советского экономического сотрудничества, это наглядный пример дружбы двух народов. Один из таких объектов — профессионально-техническое училище, которое готовит трактористов, слесарей-ремонтников, электриков. Все оборудование здесь — парты в классах, станки для мастерских, учебные тракторы и комбайны — из Советского Союза. Форму для учащихся — а их здесь более трехсот — прислали в училище из Оренбургской области, которая установила с провинцией Нангархар прямые дружественные связи. Вместе с афганскими преподавателями нангархарских мальчишек учат и советские специалисты. А нужда в специалистах-аграрниках огромная. Более восьмидесяти тысяч гектаров орошаемых земель включает территория Джелалабадского ирригационного комплекса, одного из крупнейших объектов сотрудничества наших стран в Афганистане. Более 30 лет работают здесь советские специалисты, советом и делом помогая афганским друзьям.

Нет, не абстрактные идеи защищают в провинции Нангархар советские воины-интернационалисты. Защищают мальчишек из этого ПТУ, поля и сады ирригационного комплекса, предприятия и школы — ростки новой жизни.

— Мы гордимся вами и с нетерпением ждем вас на Родину, — сказал, обращаясь к воинам, выполняющим интернациональный долг в провинции Нангархар, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.Мироненко. — Убеждены в том, что ребята, прошедшие школу Афганистана, — честь и совесть организации, опора перестройки, которая идет в комсомоле по

всей нашей стране. Рассчитываем на вашу помощь. Ну, а пока к вам одна просьба — живыми и невредимыми вернуться домой!

От имени Бюро ЦК Ленинского комсомола В.Мироненко вручил группе воинов-интернационалистов знаки ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», почетные грамоты комсомола.

— Молодое поколение нашей страны всегда будет помнить о вашем подвиге, говорил, вручая советским воинам награды ЦК ДОМА, первый секретарь молодежной организации Фарид Маздак. — Мы обещаем вам, что будем продолжать дело, которое начали вместе!»

Так мой старый товарищ В.П. Поляничко, впоследствии погибший на Северном Кавказе, свое слово сдержал и помог нам реализовать принятое решение. Все это способствовало дальнейшему подъему морального духа личного состава советских войск и укреплению взаимопонимания и дружбы с афганцами. И я испытывал доброе чувство удовлетворения от сделанного.

Прошедшие за 10 лет через горнило Ограниченного контингента десятки и сотни тысяч молодых людей Советского Союза благодаря этому общему для них «духу» сплотились в новое военно-ветеранское движение, продолжающее традиции ветеранов-победителей в Великой Отечественной войне. Их «афганские» организации стали заметной частью общественной жизни страны. И хотя «нелёгкая досталась доля» этому поколению — возвращаться в мирную жизнь во время социально-политической перестройки, «афганские» организации проявили себя и умелыми защитниками индивидуальных судеб, и помощниками бывшим воинам, родителям погибших, инвалидам в их многочисленных стычках с идеологически размагниченным и дезориентированным чиновничеством. Они же стали инициаторами упорядочения законодательства о воинах-интернационалистах.

Мощное «афганское» общественное движение — показатель патриотической стойкости и нравственной чистоты прошедшей через это испытание части советской молодежи, которая уезжала за границу из Советского Союза, а вернулась уже в другую страну. Было отчего впасть в синдром. Думается, именно самоорганизация «афганцев», их послеафганская спайка и дружба предотвратили эпидемию «афганского синдрома». Чтобы убедиться в отсутствии такового, достаточно обратиться к довольно обширному и популярному «афганскому фольклору», самодельному и профессиональному художественному творчеству. В многочисленных романах, повестях, стихах и поэмах, в кинофильмах и песнях отражена мужественная, нравственно-красивая суть массового «афганца», воспеты воинские подвиги, увековечена память павших.

Солдатский патриотизм выражается не в словах, хотя и они важ-

ны. Солдат доказывает свою любовь к Отечеству самым серьёзным «аргументом» — жизнью, и перед таким неоспоримым доказательством всякое умничанье о зря или не зря понесённых потерях просто кощунственно. А у солдата в «командировке» за границей, как у нашего воина-интернационалиста, появлялась дополнительная ответственность перед Родиной: ты теперь уже не сам по себе, ты — «шурави», и от тебя зависит, будет ли это слово проклятием или уважительным обращением. И то, что оно даже сейчас произносится беззлобно, уважительно большинством афганцев, свидетельствует о том, что наши интернационалисты пронесли там такую ответственность достойно.

Наиболее остро возникали коллизии, связанные с необходимостью особенно нравственной ответственности не только за себя, но и за всю страну, в нашей, советнической среде, поскольку мы постоянно и непосредственно контактировали с представителями афганского народа. Поэтому в заключение позволю себе ещё раз привести личный пример, когда эта незримая сила — ответственность перед Родиной — властно вмешалась в моё поведение и повлияла на решение.

Война ведь то и дело подбрасывает повод для ненависти. Так и подмывает «око за око, зуб за зуб». Помню одно такое своё состояние. Дело было в ноябре 1986 года в том же Хугьяни, о котором я уже упоминал. Однажды, прилетев туда, я стал свидетелем случая, который всех нас в штабе операции привёл в бешенство от бессилия чем-то помочь. Душманами были сбиты два вертолётца. Один сразу разбился, другой лётчики посадили горящим среди «душманов» и, отстреливаясь, пытались уйти. Не удалось. Утром следующего дня к одному из наших постов были подброшены тела наших вертолётчиков. Словно специально плеснули бензина в костёр ненависти. А в это время как раз в штаб приходит сообщение, что банда, осуществлявшая налёт на Хугьяни, находится в кишлаке Кандибаг, где сейчас проходит совещание главарей бандформирования.

Первое, что приходит в голову — немедленно нанести удар всеми силами и средствами войск, задействованных в операции. Обвожу взглядом наших советников высокопоставленных советских офицеров Ушакова, Арцикова, Коршунова, Шиленко, афганских командиров, генералов Сарвара, Расула, Мазулу. У всех на лицах вижу такую же гневную решимость. Возникает сложнейшая психо-эмоциональная ситуация: по субординации здесь среди нас старшим является генерал Сарвар; его команда будет иметь законную силу; но в глазах афганских товарищей ясно выраженное единодушное согласие на признание за нами права мести за погибших лётчиков. Любое наше решение они примут как должное. Однако все мы знаем, что Кандибаг большой, густонаселенный кишлак, в этот кишлак недавно в соответствии с политикой национального примирения вернулось из Пакистана около 150

семей. Неизбежные потери среди мирного населения от нашего удара нанесут неизмеримо больший вред (той же политике национального примирения), чем результат сиюминутного упоения мстью... Да поймут нас и простят наши павшие соратники! Молчаливая пауза затягивается, мы боимся смотреть друг на друга. Среди советников я старший. Чувствую, что все ждут от меня решения, и шепчу еле слышно: «Пусть уходят... мы найдем виновных и их накажем...» При наших связях в племенах это не было проблемой. Потом присутствовавшие в штабе афганские офицеры передавали своим, как «шурави» отказались от мести ради жизни невинных афганцев. Ситуация, прямо скажем, не сразу воспринимаемая простым афганцем, поскольку месть для него священна. Но решение советских советников отказаться от мести ради сохранения жизни невинных людей, заставляло проникаться уважением к высшей справедливости. К её носителям советским воинам. К стране, откуда они пришли.

Припоминаю такой случай. Как-то однажды вечером мы собрались с командованием бригады спецназ для того, чтобы проводить убывающего к новому месту службы прекрасного специалиста заместителя командира бригады по вооружению подполковника Василия Якубу. Во время разговора за столом я коснулся темы немалых потерь среди афганских патриотов и судьбах их детей, оставшихся без родителей. Мы как раз создали для них в провинциальном центре дом «Ватан». Как оказалось, этот наш разговор не был пустопорожним, а упал зерном в плодородную почву. Через некоторое время Ю.Т. Старов мне с удовлетворением сообщил, что по инициативе политического отдела бригады комсомольские организации 154-го и 334-го ооСПН обратились с письмами в горкомы комсомола Кольского полуострова об оказании шефской помощи детям-сиротам провинции Нангархар. Обращение не осталось без ответа и на адрес бригады поступило несколько контейнеров с одеждой, игрушками и канцелярскими принадлежностями. Регулярно в течение 1987 — 1988 гг. офицеры и солдаты бригады, во главе с начальником политотдела бригады, выезжали в Джелалабадский сиротский дом «Ватан» для передачи гуманитарной помощи, проведения бесед и концертов перед малолетними детьми, родители которых погибли при выполнении воинского и гражданского долга. Каждый приезд советских военнослужащих афганские дети ждали с нетерпением и встречали и провожали очень сердечно. Я думаю, став взрослыми, афганцы до сих пор вспоминают эти посещения и сохранили добрые чувства юности.

Там в Афганистане нашего времени Правительством СССР и Центральным Комитетом КПСС перед всеми нами советскими людьми, ходившими по минным дорогам и караванным тропам, и выполнявшими свою миссию в кабинетах высшего руководства этой страны,

была поставлена главная стратегическая задача — иметь рядом с нашей государственной границей дружественную страну и этой задаче были подчинены все наши действия. Свой вклад в это внесла и 15-я отдельная ордена Красного Знамени Республики Афганистан бригада специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.

НАША СПРАВКА

Беков Сергей Мажидович родился 27 ноября 1939 года в селе Верхние Ачалуки Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Кандидат сельскохозяйственных наук. Работал бригадиром, главным специалистом, директором совхоза, первым секретарём Назрановского райкома КПСС, заведующим Отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности, затем секретарём Чечено-Ингушского обкома партии, советником ЦК КПСС в провинции Нангархар Демократической Республики Афганистан и советником оперативно-войсковой зоны «Восток» на границе с Пакистаном в 1982 – 1984 и 1986 – 1988 г.г. С 1989 года – Председатель Совета Министров Чечено-Ингушской АССР. С 1992 года – заместитель председателя Государственного Таможенного Комитета РФ. С 2001 года член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Генерал-полковник таможенной службы, отмеченный званием «Почетный таможенник Российской Федерации». Награжден пятью советскими орденами, двумя афганскими орденами и многими медалями. Его биография включена в книгу «Солдаты XX века», т. 2. М. 2001 г.

ВЕХИ ИСТОРИИ

ФОРМИРОВАНИЕ БРИГАДЫ

*Я уверен, что лучших, чем мы,
Молодых в строй Спецназ поставит,
Не боясь перемен и тьмы,
Наше имя он внукам оставит.*

В.А. НЕЙШОВИЧ

История советского спецназа уходит корнями в историю русской разведки и «летучих» эскадронов. Потребность в разведывательных и диверсионных (специальных) действиях существовала и существует с момента зарождения любой армии.

Мало кому известно, что еще подполковник А.В. Суворов, будущий великий полководец, тактикой спецназа вел успешные боевые действия с конфедератами в Польше. А забытые доблестные имена русских разведчиков Фигнера, Сеславина, Давыдова напоминают нам о блестящих победах в глубоком тылу вражеских войск и по праву должны были бы отмечены на мемориальных досках ГРУ ГШ.

После революции 1917 года всю гражданскую войну прошел по тылам белых отряд спецназначения под командованием легендарного Тер-Петросяна (Камо). О Камо В.И. Ленин отзывался так: «Я знаю одного товарища досконально, как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)».

Это его ученики в 30-е годы возглавляли части в 14-м партизанском корпусе на земле республиканской Испании, где старшим советником командира корпуса был Н.К. Патрахальцев, а военным советником и инструктором первого отряда спецназа — И.Г. Старинов. Отважными бойцами-разведчиками были В.Т. Цветков, В.А. Троян, Х.Д. Мамсуров, Л. Бекреев, О.Стигга и другие. Один из них Х.Д. Мамсуров стал Героем Советского Союза, генерал-полковником, заместителем начальника Главного Разведывательного управления ГШ ВС СССР.

Великая Отечественная война дала собственный богатейший опыт... Только войсковая часть № 9903 под командованием опытного разведчика-диверсанта, прошедшего Испанию, полковника А.К. Спрогиса, дала пять Героев Советского Союза (З. Космодемьянская, Е. Колесова, Н. Дронов, Г. Линьков, И. Банов), по праву являющихся гордостью советской военной разведки.

Героическое прошлое борьбы разведчиков и партизан в тылу противника и явилось следствием создания армейского и флотского спецназа в условиях переоснащения армий мира ядерным оружием.

24 октября 1950 года военный министр СССР маршал Советского Союза А.М. Василевский и начальник Генерального штаба ВС СССР генерал армии С.М. Штеменко подписали директиву № ОРГ/2/395/832 о формировании в Вооруженных силах частей военной разведки специального назначения. Поэтому не случайно именно эта дата считается днем создания советского спецназа или, точнее сказать, антиядерного, диверсионно-разведывательного спецназа в системе Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР как инструмент противодействия ядерным силам вероятного противника.

Первоначально были созданы 46 отдельных рот специального назначения (орСпН). Тогда же на уровне обихода появилось их обозначение — «роты глубинной разведки». Они стали первыми штатными диверсионно-разведывательными формированиями в армии. При общем сокращении Вооруженных Сил СССР в 1953 году 35 орСпН было расформировано. Осталось 11 рот. В 1957 году на смену ротам пришли отдельные батальоны (или «отряды» ооСпН). Основой для их развертывания являлись ранее сформированные отдельные роты спецназа. При этом отряды представляли из себя более серьезную силу, способные подготовить и забросить для выполнения разведывательно-диверсионных задач в тылу противника 20 разведывательных групп, а не 8, как это в то время определялось для орСпН. Впоследствии развитие спецназа пошло по пути укрупнения его формирований. Это было связано с необходимостью повышения боевых возможностей войсковых формирований оперативно-стратегического и оперативных звеньев по обнаружению и уничтожению средств ядерного нападения. В 1962 году было принято решение о формировании отдельных бригад специального назначения (обрСпН).

На основании директив Генштаба № 140104 от 5.02.1962 г., № М/2/68390 от 27.03.1962 г. и №140547 от 19.07.1962 г. в Туркестанском военном округе 1 января 1963 была сформирована 15-я отдельная бригада специального назначения. С местом постоянной дислокации в г.Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР. Телефонный позывной — «Анилин». На базе бригады осуществлялась подготовка специальных кадров для действий в тылу противника. В последующем в соответствии с директивой Генерального штаба №ОРГ/7/110125 от 25.07.1964 г. бригада была реорганизована и значительно усилена.

К тому времени группировка сил военной разведки специального назначения СССР включала в себя 6 отдельных рот (в СкВО, ПриВО, УрВО, СибВО, ЗабВО, ЮГВ), 2 отдельных батальона (в ГСВГ и

СГВ), 10 отдельных бригад (в ЛенВО, ПрибВО, БВО, ПрикВО, КВО, ОдВО, ЗакВО, МВО, ТуркВО, ДВО).

Следует отметить, что буквально с первых лет своего существования молодая 15-я бригада являлась не только передовым соединением в округе, но и лучшей по дисциплине и внутреннему порядку в Чирчинском гарнизоне, где на тот период дислоцировалось 22 воинские части Туркестанского военного округа, в том числе Ташкентское высшее танковое командное училище, парашотно-десантный и артиллерийский полки 105 гвардейской воздушно-десантной Ферганской дивизии, два авиаполка, полк гражданской обороны и др.

Город Чирчик в максимальной степени отвечал всем требованиям, предъявляемым к местам дислокации частей и подразделений спецназа. К ним в первую очередь относилась имевшаяся здесь инфраструктура, и, прежде всего, первоклассный военный аэродром, на котором в то время базировались бомбардировочный и истребительный авиационные полки. Кроме того, Чирчик находился в таком районе, физико-географические особенности которого позволяли с максимальной эффективностью готовить личный состав бригады к боевым действиям в различных климатических и природных условиях. Для этого бригадой использовались межгорная Чирчик-Ангренская впадина, а также расположенные недалеко от города Угамский, Чимганский и Чаткальский хребты, являющиеся отрогами Тянь-Шаня, степные районы Чимкентской и Джамбульской областей Казахстана, обширные пустыни Кызылкум и Каракумы на территории Узбекистана и Туркмении. Близость к Чирчику столь разных по своим физико-географическим особенностям районов создавала благоприятные условия для проведения эффективной боевой подготовки с минимальными материальными затратами.

По словам моих старших товарищей из первого поколения однопольчан, все разведчики бригады просто зачитывались книгами Героя Советского Союза Владимира Карпова, который должен был быть нашим первым комбригом. В те времена Родина хорошо знала своих героев и потому народная молва о В.В. Карпове соответствовала истине. Он, действительно, был кандидатом на должность комбрига. В начале шестидесятих годов Владимир Васильевич Карпов являлся начальником штаба 53-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Кушке. Из его биографии было известно, что он окончил среднюю школу в Ташкенте, здесь же в 1939 году поступил в пехотное училище имени В.И. Ленина. В годы учебы баловался эпистолярным жанром, печатал свои первые стихи и статьи, а также занимался боксом — стал чемпионом Средне-Азиатского военного округа и Средней Азии. Перед выпуском (4 февраля 1941 года) был арестован и осужден военным трибуналом по ст. 58-10 за антисоветскую

агитацию. До осени 1942 года отбывал срок в Тавдинлаге. С октября — в штрафной роте на Калининском фронте. После снятия судимости — последовательно рядовой, сержант, лейтенант.

Войну прошел командиром взвода пешей разведки 629 стрелкового полка 134 дивизии. За время боев в августе-сентябре 1943 года в Пречистинском и Духовшинском районах Смоленской области более тридцати раз с группой разведчиков проникал в тыл противника, участвовал в захвате 35 пленных и уничтожении значительного количества вражеских солдат и офицеров. Являлся признанным «асом» войсковой разведки, так как за годы войны участвовал в захвате 79 «языков». Это был своего рода боевой рекорд, за что он был удостоен звания Героя Советского Союза.

После третьего ранения и лечения в госпитале направлен на учебу в Высшую разведывательную школу ГРУ. В 1947 году окончил академию им. Фрунзе, затем ВАК Генштаба. Служил командиром полка, заместителем командира дивизии в Кизыл-Арвате, Мары, Кушке. Однако на беседе перед назначением на генеральскую должность комбрига 15 обрСпН, что состоялась у заместителя командующего ТуркВО генерал-полковника Н.Г. Лященко, все взвесив, порешили, что комбригом должен стать командир-десантник полковник Луцев.

Карпов не обижался, а даже наоборот привел аргументы в пользу кандидатуры Луцева. Откуда об этом узнали военнослужащие бригады, не знаю, но легенды об этом настойчиво ходили из поколения в поколение. . . А произведения Владимира Васильевича Карпова «Маршальский жезл», «Вечный бой», «Не мечом единым», «Взять живым», «Полководец», «Маршал Жуков», «Генералиссимус» навсегда встали на полки домашних библиотек солдат и офицеров — ветеранов бригады.

Интерес к прозе Владимира Карпова не снизился и после развала СССР. В новом тысячелетии его произведения читают с таким же увлечением, как это было и ранее...

Более того, в 2007 году в украинской газете «Киевский вестник», по просьбе читателей, напечатала целые главы из книги «Генералиссимус».

Настольной книгой современных военных разведчиков остается его роман «Взять живым».

По праву его называют «политическим руководителем и воспитателем народного самосознания».

ВЕХИ ИСТОРИИ

ПЕРВЫЙ КОМБРИГ

*И указал отец дорогу
И наказал не забывать,
Что в мире много, слава Богу,
Людей светильникам под стать.*

Расул ГАМЗАТОВ.

«Туркестанскую» бригаду возглавил один из опытных командиров Туркестанского военного округа полковник-фронтовик Николай Иванович Луцев. Приказ о назначении состоялся осенью 1962 года. Однако отпустили Луцева с прежней должности командира 349-го полка принимать новую часть и продолжать ее дальнейшее формирование только в первых числах января 1963 года. До прибытия командира бригаду начал формировать заместитель по тылу подполковник В.И.Ходченко. Большая часть офицерского состава прибыла в бригаду вместе с командиром из состава 105 воздушно-десантной дивизии. Генерал Н.И. Луцев вспоминал:

«Все офицеры-десантники были в основной массе достойны служить в такой элитной части. Сказалось и то, что все прибыли на должности с повышением. Среди тех, кто закладывал славные традиции бригады, были такие известные в воздушно-десантных войсках люди, как подполковник А.А. Белобрагин (начальник политотдела), подполковник И.А. Коваленко (начальник штаба), майоры И.А. Афанаскин, В.А. Ленский (начальники парашютно-десантной службы), майоры Колесник А.А., Колесник В.А., Чупраков Е.И. (командиры отрядов), Маренков Н.П. (командир отряда спецрадиосвязи), майор Лукин М.Г. (начальник оперативного отдела штаба бригады) и другие. . . Хуже было с личным составом. Оно и понятно, какой командир отдаст лучшего своего солдата. Потому в бригаду сплавляли самых недисциплинированных и слабообученных солдат и сержантов из частей округа. Командно-политический состав за голову схватился при виде пополнения, но работать с ними принялись круто, «по-десантному», и через год личный состав соответствовал своему боевому предназначению».

Основу первого коллектива бригады составил разведывательный батальон майора Кочетова Виктора Александровича, который имел хороший костяк, и прибыл в Чирчик из Самарканда в полном составе как бывший разведбат округа, развернутый за несколько лет до этого

на базе роты глубинной разведки, что стояла в Казанджике. Заместителями командира батальона у Кочетова на тот момент были: Мельников Николай — замполит батальона, Воинов Виктор — начальник штаба, Лавдырь Иван — начальник ПДС батальона, Хмелев Николай — начальник тыла. Ротами командовали А.Баглай и Г. Куваев. При развертывании батальона до нового штата в 1960 году в часть поступили выпускники Ташкентского ВОКУ им. Ленина: лейтенанты Б.Зубаков, И.Серяков, В.Тюхов, В.Зверя, В.Куклич, А.Хаджиниязов. Впоследствии они стали широко известными в спецназе и армии руководителями — полковник Воинов старшим офицером РУ САВО, полковник Тюхов командиром бригады в Вильянди, полковник Мельников заместителем командира — начальником тыла 15 обрСпН, полковник Куклич заместителем командующего армией — начальником тыла 6 гв.танковой армии, полковник Хаджиниязов — начальником АХУ ТуркВО.

Штаты мирного времени созданной бригады предусматривали минимум личного состава, поэтому каждый солдат и сержант был на учете. Главными силами был приписной состав, который регулярно проходил сборы при бригаде. Это были сформировавшиеся взрослые и степенные мужчины, как правило, уже семейные. Имея за плечами десантный опыт, «партизаны», как мы их называли, без особых проблем организовано выполняли программы боевой подготовки: прыгали с парашютом, стреляли, подрывали, успешно завершали тактико-специальные учения. Поскольку все они были с рабочими специальностями, то хорошо помогали на строительстве основных объектов нашей части и стрельбища.

Первое время бригада размещалась на территории трех военных городков: полка гражданской обороны, заброшенного военного городка напротив, городка школы военных поваров. Усилиями офицеров, а также трудолюбием личного состава к полувековому юбилею Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.) все подразделения сосредоточились в одном городке, отдельно базировался только медпункт части. За короткое время были построены все казармы, столовая, штаб, боксы под технику, парашютно-десантный городок, плавательный бассейн и заасфальтированы все дороги. За аэродромом на полигоне ТВОКУ была выделена территория для оборудования стрельбища бригады. Большую работу по вводу в строй мишенной обстановки и электронного оборудования стрельбища проделал сверхсрочник А.И. Смоляков с группой работающих военнослужащих.

Благодаря инициативе командира бригады, разведчики стали заниматься горной подготовкой. Позднее ее ввели в «Программу обучения разведывательных подразделений» как обязательный предмет. Особенностью тактико-специальных учений того учебного периода являлась тенденция размещения объектов учений в труднодоступной гор-

ной местности хребта Чимгана, где был развернут Центр горной подготовки бригады. В этот период альпинизм получил в СССР большую популярность по причине вступления нашей страны в Международный союз альпинистских ассоциаций. За короткое время тогда было развернуто около 20 альплагерей на Кавказе и в горах Тянь-Шаня. По инициативе ЦК ВЛКСМ, поддержанной Министерством обороны, была проведена массовая учебно-спортивная Альпиниада, в которой участвовали и самые подготовленные военнослужащие из военных округов. Учитывая специфические условия дислокации бригады спецназ ей была определена задача выступить лидером этого движения в Туркестанском военном округе. С чем она блестяще справилась. Роты спецназ отработывали учебные задачи по ведению разведки в горах, захвату и удержанию горных перевалов и господствующих высот, разведке и перекрытию маршрутов движения подразделений вероятного противника. В ходе занятий разведчики учились специфике стрельбы в горах — снизу вверх и сверху вниз. Одновременно отработывались вопросы выживания в условиях высоторья и подготовки баз ночевки и отдыха личного состава. За летний период 1967 года командованию бригады удалось подготовить весь личный состав в отрядах спецназ и спецоружия для сдачи нормативов «Альпинист СССР». Занятия по горной подготовке завершались одно-двухдневным восхождением на горные вершины. Первое награждение Почетными знаками «Альпинист СССР» состоялось в День военной разведки 5 ноября 1967 года.

Вновь созданное соединение находилось под постоянным контролем военного руководства округа и Москвы. Основными дисциплинами боевой подготовки разведчиков являлись огневая, тактико-специальная, минно-подрывная, радио- и воздушно-десантная подготовка. Штатный личный состав подразделений мужал на тактических учениях и маневрах. Занимаясь реальной разведывательной и диверсионной деятельностью в тылах «противника», он наводил страх на штабы частей и соединений, а также военную контрразведку, привыкших до этого работать в комфортных условиях...

Н.И. Луцев рассказывал: «Разведчики пробирались пешим порядком, на ишаках, на верблюдах, в штатской одежде в районы расположения частей и штабов и добывали необходимые данные. А иногда прямо в штабах «добывали» документы, в том числе бывало и карты с нанесенной обстановкой. Иногда командование округа благодарило меня за действия личного состава на учениях, а часто бывало и ругало, когда в штабах начиналась настоящая паника по поводу пропажи важных документов, что нарушало планы учений. На разборах прошедших учений от командиров дивизий и полков я часто слышал в свой адрес оскорбления, что я «разбойник», «бандит», «хулиган» и более

крепкие выражения. Однако я был доволен действиями своих подчиненных».

Первые годы личный состав бригады прыжки с парашютом совершал на базе 105-й воздушно-десантной дивизии в Фергане. Вместе с бригадой прыгали разведчики отдельного разведбата ТуркВО и отдельной разведроты СибВО.

По мере организационного укрепления ВДВ и улучшения материальной базы в Чирчике, распоряжением командующего ВДВ генерала армии В.Ф. Маргелова — прыжки с парашютом стали проводить непосредственно на чирчикском полигоне Багиш. С этой целью, в распоряжение комбрига полковника Луцева, на двухмесячные сборы по воздушно-десантной подготовке на аэродром Чирчика откомандировывались самолеты военно-транспортной авиации типа АН-2, АН-8 и АН-12 из Ферганы.

Особую гордость у первого комбрига вызывал тот факт, что за первые пять лет его командования в бригаде не было парашютных катастроф. Через многие годы Николай Иванович говорил об этом так: «За мое командование бригадой ни один человек не погиб. Этим я до сих пор горжусь». За этим фактом, действительно, просматривалась высокая профессиональная подготовка офицеров и жесткая исполнительская дисциплина, бытовавшая во всех подразделениях соединения.

О первом комбриге Луцеве ходили слухи, что был он человеком резким и в глаза начальству не заглядывал. И это бригаде и делу не вредило. Кавалер пяти боевых орденов полковник Н.И. Луцев, сформировав соединение и «поставив его на крыло», после отличной сдачи проверки по боевой и политической подготовке в конце 1967 г. ушел на высшую должность в Москву и стал генерал-майором. Последние годы своей долгой жизни Луцев активно занимался ветеранской работой и военно-патриотическим воспитанием молодежи. Выступая в 90-х годах XX века в 45-м полку спецназа воздушно-десантных войск перед солдатами, убывающими в Чечню, он с гордостью подытожил свой жизненный путь: «Тем, кто спрашивал меня, где я служу, я всегда отвечал, что я десантник. А это значит, что я должен справиться с 2 — 3 человеками. Но я не просто десантник, а десантник-спецназовец, значит, должен справиться с 5 — 6 противниками. Этот мой девиз и поныне живет во мне!»

Вот таким был первый командир бригады. Его мировоззрение и любовь к службе передавалась новым поколениям офицеров, которые впоследствии укрепили боевую славу советского спецназа...

ВЕХИ ИСТОРИИ

В ЭПИЦЕНТРЕ ЭПИДЕМИЙ

*Открой сердце утреннему солнцу,
Пусть согреет его, пока ты молод.
И позволь ласковым ветрам полдня
Охладить твою страсть.
Но остерегайся ночи,
Смерть таится там
И ждет, ждет, ждет.*

Артур РЕМБО.

С первых дней своего существования 15-я бригада спецназначения, помимо напряженной боевой подготовки, строительства учебно-материальной базы, принимала участие в событиях, связанных с чрезвычайными обстоятельствами — тектонического или эпидемиологического характера, нарушающими спокойную жизнь граждан нашей страны. В то время о подобных событиях знали совсем немногие...

Заглянем в исторический формуляр соединения.

Прологом такого рода экстремальной деятельности бригады стала первая эпидемия холеры в Каракалпакии в конце лета 1965 года.

Это потом были массовые карантинные мероприятия с привлечением войск, и 15-й обрСпН в том числе, в Астраханской области в 1970 году, борьба с черной оспой в Аральске в 1971 году. Первый же практический опыт 1965 года сослужил спецназовцам хорошую службу впоследствии. А произошло следующее...

В качестве предисловия.

Всю мирную историю бригады, как и других частей и соединений Советской армии, ежегодно сопровождали целинные эпопеи. Начиная с весны и до глубокой осени подразделения бригады (в составе автомобильных взводов и рот) работали в народном хозяйстве по вывозу урожая. География их поездок часто не ограничивалась только Средней Азией. Побывали наши целинные батальоны и в Белгородской, Курской и Волгоградской областях. Лучшие из командиров-целинников за трудовые свершения были награждены правительственными наградами, а ветеранам бригады полковникам В.Коновальчикову и С.Харламову о тех созидательных испытаниях 70-х годов напоминают медали «За трудовое отличие». Если ознакомиться с материалами мартовского пленума ЦК КПСС, прошедшего в 1965 году, то можно обра-

тить внимание на один из вопросов обсуждения — решение проблемы выращивания риса в стране. Вопросами рисоводства в СССР еще до войны активно занимались энтузиасты, среди которых был отец будущего командира 15 бригады, Героя Советского Союза, генерал-майора Василия Васильевича Колесника. Колесник-старший в 30-е годы был главным агрономом по разведению риса в СССР. Для этого он был направлен за границу и более пяти лет учился в Китае и Корее рисоводству. За это время достаточно хорошо изучил восточную культуру и, как говорят, свободно говорил на китайском и корейском языках. Планы были грандиозные, но ему не суждено было довести начатое дело до конца, так как он погиб от рук фашистов в конце 1941 года. Со смертью энтузиаста на долгое время в небытие ушла и идея. Только через двадцать лет после войны руководство СССР сумело вернуться к этой проблеме и потребовало только за один 1965 год освоить 2 миллиона га целинных земель под рис в Узбекистане, Краснодарском и Ставропольском краях и некоторых других районах страны. С этой целью было сформировано десять специальных целинных батальонов (каждый численностью около 400 чел.), для возделывания чековой системы в Средней Азии. Один из них, в котором довелось участвовать и нашим спецназовцам, дислоцировался в Каракалпакской АССР, в 12 км. от города Кунград, в совхозе им.В.И. Чапаева. Командиром батальона был подполковник С.А. Хотеев, начальником штаба капитан Цветков, замполитом капитан Кобяков. Батальон располагал 110 единицами грузовых машин, инженерной техники из бульдозеров, грейдеров, скреперов, канавокопателей, экскаваторов-планировщиков, тракторов и др. Работа по созданию чековых полей ценилась очень высоко и стоила дорого, достаточно сказать, что, по расчетам того времени, цена 1 га составляла 10 тыс. руб. (что равнялось 10 тысячам долларов США).

С января по октябрь 1965 г. только одним «Чапаевским» батальоном было обработано 376 га. По национальной психологии и укладу жизни каракалпаки — скотоводы, а их пытались заставить работать на земле. Но привязанности к земледелию они не имели и в основном «выезжали» на приезжих корейцах. В этом районе хорошо работали корейцы так называемым бригадным подрядом, которые брали на семью из 4 человек до 20 га, арендовали в совхозе по два двигателя-насоса, задвижки для воды, другое оборудование и приступали к работе. Гоняли воду в чеки, сбрасывали ее через три-четыре дня, ежедневно вырезали сорняки, освежали воду. С государством рассчитывались 50% собранного урожая. Еще при военных-целинниках уродился первый богатый урожай риса на возделанных полях. Этот труд был очень непростой, но корейцы справились.

Неожиданно, в июле-августе нормальная работа военных батальонов была прервана чрезвычайными обстоятельствами. На террито-

рии Каракалпакии вспыхнула эпидемия холеры. По слухам, которые тогда ходили, эту болезнь занесли с территории Ирана.

Около 50 суток силами санитарно-эпидемиологических подразделений МО СССР, медиками велась борьба с холерой. Это страшное заболевание с 1925 года в стране было полностью и повсеместно ликвидировано, но ее распространение из эндемических очагов других стран, главным образом из Азии, имело место быть. Заболевание началось с обильного поноса, а затем неукротимой рвоты. За сутки больной терял до 30 литров жидкости, что приводило к падению сил, снижению температуры и жажде. За 5 — 6 дней больной терял более 50% веса. Человек просто таял на глазах, вместе с жидкостью, из него выходила жизнь. Затем наступал последний период, так называемый альгидный (холодный), при уменьшающихся выделениях, развивались болезненные судороги, синюшность, сиплость голоса, резкое падение температуры тела и кровяного давления. Некоторые же больные умирали стремительно из-за общего токсикоза организма еще до развития рвот и поноса. Умирали в сознании. Что было характерно, местные жители не обращались к врачам и даже скрывали факты заболевания. А ведь если в семье заболел хотя бы один человек, то вся семья вымирала следом с интервалом в три-четыре дня.

Вот почему были предприняты исключительные меры по выявлению, изоляции и лечению больных. Холерных больных, конечно, выявляли по домам. По улицам кишлаков и городов ходили специальные бригады, состоявшие из представителей правоохранительных органов, санэпидслужб, прокуратуры и других. Если никто не открывал, тогда составлялся акт и взламывались двери. Отмечались случаи, когда комиссия обнаруживала уже покойников. Эта статистика потерь до сих пор никому неизвестна.

Начальником объявленного карантина был назначен генерал-майор Нархаджаев. Для проведения карантинных мероприятий были привлечены дополнительные воинские части и несколько батальонов из состава 105-й воздушно-десантной дивизии, которых выбросили в пустыню для перекрытия основных караванных путей, идущих к месту эпидемии. Оперативная группа располагалась в Нукусе¹.

Просторы были необозримые. Руководителями республики были: первый секретарь обкома партии — Камаев (бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана); второй секретарь обкома — Новицкий — украинец; первый зам. Председателя Совета Министров республики — Юрис — латыш. То есть на всех вторых должностях стояли европейцы, которые и тянули воз экономического развития края. Если по-

¹ Столица Каракалпакской АССР имела 50 тыс. чел. жителей. Территория автономной республики была равна шести Англиям, а население составляло 600 тыс. чел.

смотреть на географическую карту, то отчетливо просматривается оторванность Каракалпакии от цивилизации. Вся жизнь ее граждан сосредоточивалась вокруг житвительной влаги Амударьи, несущей свои воды от хребта Бабатаг. С востока ее обрамляли бескрайние пески Кызылкумов, с юга Заунгузские Каракумы, с запада ветер нес раскаленный ветер с плато Устюрт. И только на севере усталая Амударья находила покой в водах Аральского моря.

В наши дни ученые говорят об экологической катастрофе Аральского моря, а в те годы развитого социализма, к сожалению, тоже это был забытый богом угол, где все способствовало распространению инфекции, т.к. там не было достаточного количества квалифицированных медучреждений, служб, врачей, медсестер. Уровень санитарного просвещения не соответствовал своему времени. Слабо была развита инфраструктура: радио, телевидение, не было даже элементарного кинообслуживания.

Оперативная группа имела в своем распоряжении 9 полноценных батальонов войск. Основная часть из которых, как десантники, несла карантинную службу по внешнему периметру, остальные охраняли промежуточные зоны карантина. В первые дни наведения порядка были выявлены большие недостатки в пропускной системе. Для ужесточения карантинного режима были признаны недействительными 18 тысяч пропусков из выданных двадцати тысяч. Жестко, вплоть до применения оружия, пресекался самовольный проезд.

Как рассказывал ветеран бригады выпускник Алма-атинского воздушно-десантного училища А.И. Кобяков, происходили и казусы: «Без пропуска в зону карантина хотел проехать замминистра Каракалпакии. Он подъехал на КПП на шикарной правительственной «Волге». Однако, столкнувшись с твердостью наряда, начал хамить военнослужащим, несущим службу. Тогда по приказу дежурного офицера солдаты вытащили грубияна из машины и скрутили, а машину поставили на штрафную площадку. О происшествии доложили по команде. Вскоре за задержанным чиновником приехали и забрали его. Через некоторое время командующий войсками округа циркуляром сообщил о волевых действиях десантников и поставил их всем в пример. Личному составу батальона объявил благодарность за службу и сообщил, что провинившийся был наказан по партийной линии.

Осуществляя карантинную службу в песках Таскудык пустыни Кызылкум и занимая высоты возвышенности Тярымкуя, гору Кум (высота 113 м), гору Тюмекдаг (высота 152 м) Центральных Каракумов, спецназовцы использовали возможности всей своей техники и в оптические приборы наблюдения просматривали местность до солончаков Гекленкуи и Сарыкамышского соленого озера. В ночное время вели наблюдение с использованием приборов ночного видения, высылали

на возможные маршруты движения караванов свои мобильные посты охраны и засады. В некоторых районах прочесывали местность. Такие активные действия «по-десантному» давали хорошие результаты, за весь период карантина было изловлено несколько десятков автомобилей и караванов в сотни голов вьючных животных. Десятки нарушителей предстали перед судом».

По сути дела, там шла настоящая война с перестрелками, рукопашными схватками и погонями, но не это было главным. Основная борьба за жизни людей велась в эпицентре событий. Для квалифицированного лечения в зоне карантина были развернуты специализированные эпидемиологические военные госпитали Ленинградского, Московского, Приволжского, Туркестанского военных округов.

Александр Ильич Кобяков вспоминал:

«Наш батальон разделили пополам и одну из двух половинок во главе со мной направили в район Нукуса и в Хаджели. В Нукусе карантинная служба осуществлялась в районе аэродрома и на всех других дорогах, идущих в столицу с севера. В Хаджели был развернут полевой госпиталь по приему и лечению холерных больных. Работу в госпитале возглавили два академика, генералы медслужбы Михайлов и Рогозин. Все врачи были исключительно офицерами. Средний медперсонал укомплектовали опытными медсестрами и фельдшерами, призванными из запаса. Младший медицинский персонал и санитары были набраны из числа солдат и сержантов моего целинного батальона. В их обязанности входил уход за больными, подача еды, очистка от фекалий, дезинфекция палат и территории, а также переноска тяжелых больных для лечения. Госпиталь был обнесен по периметру красными флажками. По углам стояли часовые, вооруженные автоматом с 60 патронами, с жестким приказом стрелять на поражение при попытках посторонних проникнуть внутрь госпиталя. У входа, возле шлагбаума, тоже находился вооруженный пост. Внутри этой зоны за белыми флажками размещалась собственно холерная зона... Госпиталю на постоянной основе придавалось 120 военнослужащих, из которых около 40 несли караульную службу, а 80 работали с младшим медперсоналом по обслуживанию больных.

В систему охраны госпиталя входило 5 постов, объединенных в один полевой караул. Хотелось бы подчеркнуть, что в холерной зоне работали только медики и солдаты, включенные в состав медперсонала. Посторонние к больным не допускались... Да туда никто и не рвался. Условия карантина при жаре + 45 — 50 градусов в тени были очень тяжелыми. И в этом пекле военнослужащих, идущих в холерную зону, одевали в специальный комплект индивидуальной защиты: колпак резиновый, резиновые рубашки и шаровары, сапоги резиновые, марлевые повязки на лицо, резиновый фартук и резиновые перчатки. В очаге

заболевания в порядке текущей дезинфекции проводилось тщательное обеззараживание хлорной известью испражнений и рвотных масс. Запах стоял тошнотворный! Военнослужащие ходили в эту зону всего на один час, так как больше просто физически человек не выдерживал. Им на смену шли другие. Люди истекали потом. По возвращении из зоны военнослужащие из каждого сапога выливали по 200 — 300 граммов пота... Поэтому в весе теряли десятки килограммов.

Кроме того, при госпитале был организован обсерватор на 100 чел. В нем в течение 21 дня отсиживались военнослужащие, поступавшие из районов, где находили холерных больных.

Для соблюдения режима секретности на период эпидемии все участники были полностью отрезаны от внешнего мира. Почта, телефон, телеграф — все было остановлено... Не принимали к отправке и почтовую корреспонденцию из очага заболевания. Связь осуществлялась только по ВЧ из здания горкома партии. Докладывали дважды в сутки в ЦК КПСС, ЦК Узбекистана, командующему войсками ТуркВо и члену военного совета — начальнику политуправления округа.

Военнослужащих, врачей и медперсонал кормили хорошо. В рационе была сгущенка, белый хлеб, мясо, изюм и разные консервы. Все высококалорийное и добротного качества. Выздоровливающих больных тоже кормили очень хорошо. Государство боролось за жизнь каждого человека. Местное население хорошо относилось к военным. Ветераны батальона рассказывали, что местные жители по 700 — 800 человек каждый вечер приходили к полевому лагерю дислокации батальона и с противоположной стороны экрана за внешним ограждением проволочного забора смотрели фильмы, что демонстрировали солдатам по 4 раза в неделю. Личный состав срочной службы был отдален от местного населения границами военного палаточного городка. Офицеры жили в домах местного населения, но не радовались этому, так как там антисанитария была полная. Туалет во дворе, однако аборигены не пользовались им, а справляли нужду, где придется. Через некоторое время батальон усилили военнослужащими, призванными из запаса. Кстати сказать, подбор «партизан» был очень хорошим, так в подразделении офицера А.Кобякова из 30 солдат только 7 человек были представителями азиатских республик, а остальные являлись славянами с высшим и средним образованием. Взводом командовал майор. Их сразу привлекли для обеспечения охраны и работ в органах местного самоуправления и райкомах, горкомах партии. Часто работы инспектировал начальник инженерных войск округа генерал-майор Соколов. Он инструктировал батальон и перед началом карантина. В район эпидемии несколько раз прилетали командующий, член военного совета — начальник политуправления, начальник разведки округа, офицеры штаба ВДВ и другие.

Обстановка в районе была тяжелейшая: вечная пыль от леса, дикая жара, а по вечерам, чуть стемнеет, одолевали комары, москиты, каракурты, фаланги, скорпионы и змеи. Особенно досаждали москиты, после укуса которых в зоне поражения возникали большие коричневые пятна.

Несколько слов о дисциплине.

Основная масса военнослужащих достойно несла службу. Солдаты — водители на бульдозерах, занимавшиеся строительством перемычек для чековых полей, несмотря на эпидемию, продолжали работать самоотверженно. В худшую сторону отмечались только солдаты-грузины (в основной массе водители), которые по воспоминаниям командиров часто оглынивали от работ. А поскольку режим карантина ограничил перемещение транспорта, то они были предоставлены сами себе и болтались без дела, встречаясь с корейками, которые занимались проституцией. Командованием очень сурово карались нарушители воинской дисциплины и крахоборы, допуская сбор дани с местных жителей.

К осени эпидемию победили полностью. При подведении итогов было отмечено, что наиболее квалифицированно работали военные врачи. В военных госпиталях погибших не было, а вот в больницах, расположенных в кишлаках и городе, как говорили, умерло около девяноста человек. Люди там погибали как мухи, так как в гражданских учреждениях квалификация медперсонала и уход был недостаточный...

Всем участникам той героической эпопеи выдали специальные удостоверения и грамоты. По тем временам о заслугах в них говорилось эзоповским языком. Ни слова о холере...

«Видно...»

За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей, систематическое выполнение и перевыполнение производственных заданий по освоению рисовых целинных земель Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республики в 1965 году.

Областной Комитет КП Узбекистана.

Президиум Верховного Совета Каракалпакской АССР.

Совет Министров Каракалпакской АССР».

Что получили военнослужащие?

За участие в карантинных мероприятиях по борьбе с холерой офицеры получили по 480 рублей, т.е. 7% от воинского звания и должностного оклада в сутки. Кроме того, каждый месяц выделялись деньги для поощрения личного состава ценными подарками. Был итоговый

приказ о поощрении. Отличившимся воинам вручали грамоты от республиканского руководства и от командования округа. Шесть офицеров были награждены орденами (два Красной Звезды и четыре «Знак Почета»), 25 военнослужащих, в основном солдаты и сержанты, были награждены медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». Офицеров, работавших непосредственно в зоне, заменяли через каждые три месяца. Только один Александр Кобяков проработал весь период без смены с января по ноябрь 1965 года. За это мужественный офицер-спецназовец был награжден орденом Красной Звезды и к концу года назначен на вышестоящую должность. Ко дню военной разведки воинский эшелон прибыл в Ташкент, а личный состав 15-й бригады, задействованный на ликвидации эпидемии, вернулся в родную часть.

Следует отметить, что в 1965 году авторитет соединения в гарнизоне был настолько высок, что при возникновении пожара на Чирчикском трансформаторном заводе к командиру бригады полковнику Луцеву обратились за помощью раньше чем в полк гражданской обороны, которому по долгу службы необходимо было заниматься ликвидацией последствий чрезвычайных обстоятельств. Подразделения бригады немедленно были подняты по тревоге и брошены на блокирование района и тушение пожара. Проявив организованность и завидное мужество, разведчики внесли свою лепту в ликвидацию очага возгорания и способствовали сохранению большого количества государственного имущества и оборудования.

Прошло несколько месяцев и новая напасть... — землетрясение в Ташкенте. Ранним апрельским утром 1966 г. миллионный город проснулся от бесчинства стихии. Столица Узбекистана лежала в руинах. Город еще потряхивало, по небу сверкали зарницы, на земле дымились развалины, а уже появились вечные участники бедствий — мародеры. Для предотвращения мародерства в районах сплошных разрушений и помощи пострадавшим весь личный состав бригады по тревоге был брошен на блокирование районов в городской черте. Вспоминая о том времени, ветеран бригады генерал-лейтенант Д.М. Герасимов рассказывал: «В те тревожные дни и ночи мы могли получить пулю из-за угла. В военнослужащих стреляли. К счастью, не очень метко, но свист пуль мы услышали впервые именно там, на ташкентских развалинах». Военнослужащие помогали специалистам гражданской обороны и медикам выносить раненых, рассредоточивать население на пунктах сбора и эвакуации. Многие солдаты и офицеры 15 бригады по итогам тех работ были поощрены командованием округа.

Осенью 1967 года глубокой ночью в казармах бригады прозвучал сигнал тревоги. Получив оружие и патроны, личный состав подразделений бригады погрузился на автомобили. Военная колонна спешно убыла в неизвестном направлении. «Мы подумали, что опять

едем в Ташкент, — вспоминал ту ситуацию тогдашний командир группы спецназ Д.Герасимов, — однако вскоре сориентировались и поняли, что повернули в сторону Чимкента. Вскоре нам сообщили: в городе беспорядки, поджоги, грабеж, разбой. Захвачен милицейский арсенал, выпущены на свободу заключенные. Органы внутренних дел уже не в силах справиться с беснующейся толпой. Ситуация вышла из под контроля». Как рассказывал мне участник того боевого выезда майор Бедный: «Помимо наведения общественного порядка в городе, одной из рот нашего отряда была поставлена задача по захвату тюрьмы, ставшей штабом мятежников. Проявив отвагу, спецназовцы проникли в основное здание с крыши и сломили сопротивление большой группы уголовников и осужденных, чем помогли милиции восстановить порядок. В эти моменты отдельным бойцам пришлось применять оружие на поражение. Несколько раз солдаты и офицеры вступали в ожесточенные рукопашные схватки с отпетыми рецидивистами... У нас были раненые».

Отмечая высокую организованность, самоотверженность действий личного состава бригады при выполнении специальных заданий командования и эффективную помощь местным органам власти и в ознаменовании 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Центральные Комитеты компартий Узбекистана, Казахстана и Киргизии наградили передовое соединение округа Почетными Красными знаменами. Случай сам по себе достаточно редкий.

26 декабря 1967 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». Согласно положению о медали ей награждались только генералы, офицеры, курсанты военных училищ и сверхсрочники. Однако в феврале 1968 года, в Туркестанском военном округе в качестве исключения за боевые заслуги медалями были награждены не только офицеры и сверхсрочники, но и все солдаты и сержанты срочной службы 15 обрСпН. Это был яркий факт признания высокого мужества и особой выучки личного состава. Повторно подобное награждение всех солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров 15-ой бригады медалями «70 лет Вооруженным Силам СССР» произойдет ровно через двадцать лет в феврале 1988 года в условиях войны в Афганистане.

В год столетнего юбилея В.И. Ленина ритм боевой и политической подготовки был нарушен эпидемией холеры, что разразилась в Астраханской области. И опять туда в помощь людям первыми были брошены бесстрашные воины — спецназовцы 15 бригады... Хорошая выучка и высокие морально-психологические качества разведчиков-спецназовцев наиболее выгодно раскрывались именно в таких экстремальных ситуациях и условиях. «Нам приказали перекрыть участок территории, по которому из карантинной зоны пытались вырваться бегле-

цы, — рассказывал Д. Герасимов. — Спецназовцы дежурили по ночам в степи, несли патрульную службу, проверяли машины, вагоны поездов, выезжающие из зоны. Нередко под щебнем, в товарных вагонах находили ящики, в которых прятались люди. Случались эпизоды и похуже, когда на прорыв противохолерных кордонов шли организованные группы, применявшие оружие. То есть жизнь не давала забывать свист пуль». По оценке заместителя командира бригады подполковника Кочетова, возглавлявшего оперативную группу, особенно тогда отличились разведчики отряда Мельникова, мужество и отвагу проявили подчиненные офицеров Анатолия Виданова, Геннадия Мухина, Бислана Мальсагова, Владимира Манченко. Все они были поощрены за службу юбилейными медалями с профилем вождя мирового пролетариата, а командир роты Дмитрию Герасимову за умелое руководство подразделением, высокие результаты в боевой и специальной подготовке приказом министра обороны было досрочно присвоено воинское звание «старший лейтенант».

За высокие показатели в боевой подготовке, отличные действия при выполнении специального задания командования Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР наградили соединение Ленинской Юбилейной Почетной Грамотой.

Через год, опять внезапно, как удар молнии — оспа! Осенью 1971 года в Аральске были отмечены больные с симптомами черной оспы. При ней на теле и лицах заболевших высыпала характерная узелково-пузырчатая сыпь. Оспины пропитывались кровью и принимали темно-синюю окраску. Медики первоначально не среагировали на внезапное массовое повышение температуры тела у населения, подумали — лихорадка, а только когда на теле больных появились узелки, которые через 4 — 5 дней превратились в гнойники, буквально залепившие лица, забили тревогу. Оспа, как тяжелая острозаразная болезнь, известна еще в глубокой древности (по сохранившимся документам, оспой болели народы, населяющие Египет, Китай, Индию). В дореволюционной России она ежегодно поражала до 150 тысяч человек. Смертность составляла не менее 30% от числа зараженных. В СССР, в результате принятых мер профилактического характера, заболевание стало снижаться и к 1937 году оспа была официально ликвидирована. И вдруг рецидив...

Немедленно было оповещено Министерство здравоохранения СССР, а оно обратилось к военному ведомству. Министр обороны отдал приказ командующему войсками ТуркВо генералу армии Н.Г. Лященко организовать жесткий карантин в очаге заболевания и изолировать всех больных. На тот период самой организованной и мобильной частью в округе, которым он командовал, по праву считалась 15-я

отдельная бригада спецназначения, тем более что ее командный состав уже имел опыт подобной специфической работы в очагах эпидемии холеры и землетрясения 1966 года.

Приказ был отдан в воскресенье и бригада была срочно поднята по боевой тревоге.

Загремели звонки громкого боя, установленные в каждом подъезде домов офицерского состава жилого городка, застучали сапоги по асфальту под ногами посыльных, и побежали на места построения на плацу, одеваясь на ходу, офицеры и прапорщики части.

После проверки личного состава начальник штаба подполковник В.В. Колесник огласил личному составу приказ командующего войсками округа о формировании подразделений для выполнения специальной задачи. Выбор командования пал на второй батальон бригады, которым командовал недавний выпускник академии имени М.В. Фрунзе Борис Борисович Нихимчук. Все четыре роты, входящие в его батальон, отличались высоким уровнем подготовки и были укомплектованы личным составом согласно штату. Самых добрых слов заслуживали командиры отличных подразделений старшие лейтенанты Владимир Манченко и Анатолий Неделько, которые постоянно соперничали между собой, а их здоровое самолюбие и тщеславие передавалось и личному составу. 5-й ротой руководил выпускник РВВДКУ, старший лейтенант Василий Трисмаков. Роту связи возглавлял немолодой, хорошо знающий свое дело, капитан Юрий Гаврилов.

— Повезло вам, ребята, — с завистью в голосе сказал командир первой роты старший лейтенант Михайлов, пожимая на прощание руки убывающим товарищам. Через несколько часов батальон поднялся в воздух и улетел в неизвестность... Каково же было изумление и разочарование прибывших из увольнения военнослужащих, когда они вернулись в пустые казармы. Таких опоздавших набралось человек пятнадцать. Комбриг приказал возглавить их молодому лейтенанту И. Стодеревскому, только что прибывшему в часть после окончания училища.

— Покомандуй пока, лейтенант, батальоном в десять человек, в будущем пригодится, — сказал комбриг.

— Это же надо, так не повезло. Такое дело и без меня, — эмоционально сокрушался юный лейтенант.

— Ничего, на твою долю еще всякого хватит! — сказал ему начальник политотдела бригады подполковник В. Руденко, и как в воду глядел. У Стодеревского в будущем будет яркая боевая судьба. Чувства же молодого офицера разделяли в тот момент все оставшиеся на зимних квартирах... Все рвались в бой...

...А в это время спецназовцы второго батальона уже были на под-

лете к месту десантирования, которое проводилось посадочным способом на полевом аэродроме в пригороде Аральска. Непосредственно у трапа самолета воинов встретило руководство республики и города, на состоявшемся экстренном совещании были поставлены задачи по конкретному выполнению карантинных мероприятий.

Город оцепили по внешней стороне от моря до моря, посты располагались на прямую видимость, кроме того, были созданы зоны безопасности. Связано это было с тем, что именно в городе возник очаг черной оспы. Основная задача подразделений отряда состояла в строгой изоляции эпицентра эпидемии. Замполит батальона майор Кондратович обошел каждого солдата и внушал: «Запомни приказ: никого не впускать и никого не выпускать!».

Благодаря командованию воинской части, которая дислоцировалась непосредственно в г. Аральске, в полевом городке отряда были созданы все условия для жизни и безусловного выполнения приказа. Неусыпная караульная служба велась круглосуточно, на всех маршрутах движения автотранспорта при въезде и выезде были развернуты полевые контрольно-пропускные пункты. Железнодорожные поезда проходили транзитом без остановок в г. Аральске и только на полустанках далеко за городом высаживали прибывших пассажиров и проводилась посадка отъезжающих.

Товары первой необходимости для обеспечения жизнедеятельности Аральска подвозились, разгружались за внешней чертой оцепления на специальных площадках, где проводился их осмотр и обработка санэпидемиологами. И только после этого их направляли в изолированный от внешнего мира город.

Командир батальона Борис Нихимчук вспоминал:

«Мы прекрасно понимали, что из «очага заражения черной оспой» нельзя выпустить никого, кто бы мог быть разносчиком этой болезни, поэтому карантинная служба была поставлена очень жестко, как на войне». Бытует такое выражение, «у страха глаза велики». Воины отряда столкнулись здесь с реальными проявлениями неуправляемого поведения больших масс населения. Узнав о якобы увеличивающемся количестве летальных исходов, о том, в какой сложнейшей ситуации находятся люди в очаге заражения, со стороны отдельных граждан возникла стихийная паника и попытки выйти из кольца блокады. Вот здесь и сыграл свою роль человеческий фактор. Личный состав отряда не поддавался на уговоры, на подкуп, на просьбы какого-либо характера и стоял как гранит. За весь период карантинных мероприятий в зоне ответственности отряда ни одного случая выхода из очага эпидемии отмечено не было. Проводилась большая разъяснительная работа, что способствовало выполнению задачи карантинной службы без осложнений. Весь личный состав отряда проявил высокие моральные каче-

ства, оказывал разностороннюю помощь населению и друг другу. Политработниками осуществлялась работа и с населением, каждый офицер для этого был обеспечен литературой, памятками по мерам предосторожности. Командирами строго пресекался прямой контакт населения из зоны заболевания с солдатами, находящимися в оцеплении.

Все это дало положительные результаты: за период карантина никто из личного состава не заболел, так что медики нашего батальона, к счастью, остались «безработными». Конечно, это мягко сказано, работа ими проводилась огромная. Особенно четко действовал начальник медслужбы бригады старший лейтенант медслужбы Матсаков. Он и его коллеги (врачи, фельдшеры, медсестры и санинструкторы) сутками выполняли карантинные мероприятия и, порой, просто валились с ног, так как не имели времени на полноценный отдых.

Пустынно-степная местность вокруг города Аральска, проживание в палатках и несение круглосуточной службы на постах при высокой температуре днем и минусовой ночью, соленые ветры с моря, требовали от личного состава выносливости и мужества. Не все и не сразу приспособились к такому режиму несения службы, однако надо отдать должное офицерам и личному составу, что за весь период карантина к батальону не было никаких нареканий. Оружие на поражение не применялось, по нарушителям не было сделано ни единого выстрела, кроме нескольких предупредительных отпугивающих выстрелов в воздух.

О том времени в среде ветеранов бригады сохранилось несколько баек. Первая о рукопашном бое, что провел с нарушителем режима замполит четвертой роты Александр Зуев, который, «не мудрствуя лукаво», крепко ударил нарушителя карантинного режима по физиономии и, заломав руку, доставил в комнату задержанных. Вот было разговоров-то, когда обнаружилось, что он «заломал» строптивного представителя местного горкома партии. «По-десантному» действовал и сдержанный командир группы лейтенант Хабиб Холбаев, когда на него стеной пошли нарушители, он, не меняя выражения лица, спокойно пустил длинную очередь из автомата под ноги первой шеренги наглецов, чем сбил с них спесь и обратил в позорное бегство...

Замполит отряда спецназ майор Дмитрий Кондратович, проводил длинные душещипательные беседы с задержанными, которые, получив свободу, после проведенного комиссарского воспитания, впредь дальней стороной обходили посты солдат в желтых песочках без знаков различия... Передавая другим: «Сюда не ходи — это спецназ!». Звучало грозно и непонятно. Начальник штаба батальона майор Лысак только смеивался на жалобы о строгости его военнослужащих, постулавшие от представителей вышестоящего штаба. Спецназ высоко держал свою марку!

Общими усилиями очаг был ликвидирован.

А по итогам карантинных мероприятий за добросовестное выполнение поставленной задачи и инициативу высокую оценку всему личному составу отряда дало руководство города, многие военнослужащие были награждены ценными подарками и грамотами.

Приказом командующего войсками САВО № 0146 от 6 ноября 1971 года всему личному составу батальона спецназ была объявлена благодарность, а наиболее отличившимся вручены почетные грамоты. Среди награжденных оказались комбат капитан Нихимчук, его заместители майоры Лысак, Кондратович, командиры и политработники старшие лейтенанты Шамсутдинов, Холбаев, Кругских, Калачев, лейтенанты Никитин, Чайка, Зуев, старшина роты сержант Агиевич, разведчик ефрейтор Кула и многие другие...

В 1972 году по итогам сдачи проверки 15-я бригада была объявлена отличным соединением. За высокие показатели в боевой подготовке, отличные действия на тактических учениях и при выполнении специального задания командования Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР наградил соединение Юбилейным Почетным Знаком «50 лет образования Союза Советских Социалистических Республик» — 30.12.1972 г.

В 1972 году в Вооруженных Силах СССР был учрежден специальный знак Вымпел Министра обороны «За мужество и воинскую доблесть» для награждения соединений и частей, отличившихся при выполнении заданий Советского правительства, а также на учениях. Особую гордость у ветеранов вызывает тот факт, что 15-я обрСпН одна из первых среди частей ГРУ и соединений Среднеазиатского военного округа в декабре 1973 года была удостоена чести быть им награжденным. Лично командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал армии Лященко Н.Г. вручил Вымпел Министра обороны СССР командиру бригады полковнику Мосолову Р.П. Это событие совпало с десятилетним юбилеем со дня формирования бригады и послужило своего рода символом, подтверждающим успешное завершение первого этапа становления соединения. Я думаю, немалую роль в этой высокой оценке личного состава соединения отличившегося на учениях, сыграло и мужество воинов отрядов специального назначения, проявленное в эпицентрах эпидемий и стихийных бедствий.

ВЕХИ ИСТОРИИ

МУЖАНИЕ

*Как будто первый раз заметил,
Что подвиг, как бы он высок.
Как ни был бы красив — работа.
И пахнет кирзюю сапог,
И звездами, и солью пота...*

Сергей ОРЛОВ.

Не будет большим преувеличением, если я скажу, что второй командир бригады полковник **Мосолов Роберт Павлович**, прибывший на должность в январе 1968 года, был всеобщим любимцем. Все, кто его знал, относились к нему как к незаурядному явлению. Внешним видом он напоминал известного киногероя Бывалого. Крепкая фигура, лысая голова, усы «мушкой». Всегда сдержан, умен и ироничен. Как позднее отмечалось в Альбоме, посвященном 50-летию создания соединений и частей Спецназа ГРУ: «Мосолов-Человек-Легенда XX века»: «При его имени светлели глаза, в летучих характеристиках мелькали слова: «личность», «умница», «юморист», «резок, но справедлив» и т.д. Он обладал особым талантом воспитателя. Многие лейтенанты, отобранные им и начинавшие военную службу в бригаде при нем, впоследствии стали командирами и начальниками политорганов частей и соединений ГРУ».

По нашим юношеским понятиям, сорокадевятiletний фронтовик полковник Р.П. Мосолов был уже пожилым человеком. Его судьба мало отличалась от судеб его ровесников. Родился 16 мая 1923 года в семье железнодорожника в г. Чите. Закончил десять классов и с учебной скамьи средней школы г. Шацка Рязанской области был призван в Красную Армию. С сентября 1941 по август 1942 года принимал участие в боях заместителем политрука эскадрона первого кавалерийского полка седьмой кавалерийской дивизии. В одном из боев был тяжело ранен. После долгого лечения и полного выздоровления стал курсантом Новочеркасского кавалерийского училища, а затем, после его окончания, командиром взвода конной разведки отдельного разведывательного эскадрона шестого гвардейского кавалерийского корпуса в действующей армии. После одного драматического боевого выхода, о котором речь пойдет ниже, был переведен командиром противотанкового взвода (ПТР) в 6-й отдельный истребительно-противотанковый ди-

визион. Второй раз перенес тяжелое ранение. После окончания войны командовал стрелковой ротой 36-го гвардейского механизированного полка 10-й гвардейской дивизии во Львовском военном округе. С марта 1946 года назначается командиром учебной роты полковой школы. В 1948 году, как оказалось, навсегда возвращается в военную разведку и вскоре становится лучшим командиром разведывательной роты дивизии. За войну отважный офицер был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. А всего за многолетнюю военную службу имел иконостас из пяти орденов и одной медали «За боевые заслуги». На фронте познакомился и женился на фельдшернице батальона иркутянке Марии Филипповне, которая родила ему наследника.

Наверное, закономерно, что именно Мосолову, в 1963 году, в период службы в Германии, поручили сформировать один из первых отрядов специального назначения. Так по случайности судьбы фронтовой разведчик оказался у истоков возрождения частей спецназначения в послевоенный период. Вновь служил на Украине в Дрогобыче, командиром 36 отдельного батальона спецназ. Как вспоминал о нем начальник разведки округа генерал-майор Гредасов: «Командир был на месте, с чувством высокой ответственности, постоянно «болеющий» за благосостояние части и имел высокий авторитет среди личного состава, и в первую очередь среди офицеров». Комбриг был физически крепким человеком. Ежедневно в течение часа тренировался с гантелями и гириями, плавал в бассейне части. Учил подчиненных парашютно-десантному делу, на своем опыте делился премудростями науки следопыта. Часто от него мы слышали: «Это тебе на войне не надо! А вот это, сынок, будет главным в работе разведчика».

И мы, будучи зелеными лейтенантами, учились отличать нужное от второстепенного. Мосолов был смел, не боялся нарушать беспотолковых приказов. А таких было достаточно. В частности, для примера, приказом министра обороны №191 в 1969 году для всех военнослужащих была введена единая форма одежды, которая не особенно учитывала климатические индивидуальности военных округов. Личный состав срочной службы имел парадно-выходную форму (фуражки с голубым околышем, мундиры), повседневную (введенную Маргеловым для ВДВ с голубыми беретами и тельняшками), полевую форму (панамы, открытые кителя, брюки прямого покроя и черные ботинки), специальную форму («песочку» желтого цвета без знаков различия). Для офицеров на летнее время определялось ношение фуражек с голубым околышем, рубашек с галстуками защитного цвета, брюки защитного цвета навыпуск или в сапоги, но в 50-градусную жару в Туркестане вояки рубашек под галстуком быстро пропитывались потом и выглядели ужасно неэстетично. Поэтому Р.П. Мосолов своим приказом по

части внес изменения в существующую форму одежды — рубашка носилась без галстука, расстегнутая на две верхние пуговицы. Военный патруль гарнизона буквально зверел при виде спецназовцев с подобным нарушением формы одежды. Комбрига, наверное, на совещаниях гарнизона ругали начальники, но он был спокоен и тверд в своем решении. Для нас, лейтенантов, этот факт послужил примером на всю жизнь. Впредь его воспитанники никогда не боялись брать на себя личную ответственность.

Каждое служебное совещание комбриг умело использовал для обучения и воспитания офицеров, опираясь на факты из собственной жизни. Мне запомнились две истории, рассказанные комбригом.

Первая, о двойственности подчинения частей спецназа начальнику ГРУ и местному военному командованию. Вроде как бригада своя в округе, а вроде и чужая. «Как-то, — рассказывал Роберт Павлович, — мой 36 отдельный батальон спецназ Прикарпатского военного округа был привлечен к корпусным учениям в Карпатах. Учения проводились под личным руководством командующего войсками округа генерал-полковника А.Гетман, который приказал мне спланировать и выбросить на парашютах два отряда спецназ для проведения разведки и захвата Ужокского и Средневерецкого перевалов... При проведении этой части плана учений спецназовцы успешно выполнили поставленную задачу, но восемь разведчиков получили различные травмы при приземлении на деревья и на склоны гор. Это обстоятельство вызвало большой скандал. После учений москвичи обвинили меня в использовании батальона не по прямому назначению... Хотя был у меня и выше начальник, который якобы согласовал этот вопрос с начальником генштаба, но он промолчал. Спросили с меня — комбата — на полную катушку. И чуть не освободили от должности». Впоследствии и мы в своей офицерской практике убедились, что двойное подчинение сохранилось. И подобное отношение к нам мы наблюдали и переживали нередко, особенно, в период Афганской войны.

Вторая история из времен Великой Отечественной войны.

...Разведывательная группа под командованием лейтенанта Р.П. Мосолова была укомплектована бывшими осужденными или как их звали «зеками», людьми разных возрастов, битых жизнью, имевшими уголовный опыт, ловкими и жестокими, прошедшими штрафные роты, где они искупали кровью долги перед Родиной. Для того, чтобы подчинить их себе, молодому командиру на многое пришлось пойти, и многое пережить. Главное — во всем перед ними надо было быть примером жесткости и требовательности. Что греха таить, в чем-то вынужден был даже им подыгрывать. С этой целью, чтобы не прослыть трусом — даже сделал себе на груди татуировку в виде черепа. Что «зеки» восприняли с одобрением — свой парень!

Так вот, однажды, во время выполнения боевой задачи в тылу противника, в группе лейтенанта Мосолова, оказалась поврежденная радиостанция. Для передачи командования корпуса срочных разведанных командир вынужден был отправить через линию фронта связного. Выбрал самого опытного разведчика, за которого, как говорится, голова не болела, что может не дойти, — не солдат, а настоящий черт. Однако через несколько дней, когда разведгруппа, выполнив задание, возвращалась к линии фронта, разведчики совершенно случайно наткнулись на обезображенный труп своего товарища, прибитого к стволу дерева. Видимо, связной напоролся на засаду немцев и стойко принял от гитлеровцев мученическую смерть.

Потрясенные гибелью своего корешка, разведчики решили отомстить фашистам. С этой целью они скрытно проникли в ближайший населенный пункт в поисках немцев. В одном из домов увидели свежую пулеметную амбразуру, что свидетельствовало о присутствии там немцев. Во дворе стоял замаскированный бронетранспортер. Советские разведчики бесшумно сняли часового и спящего в БТРе водителя, после чего ворвались внутрь дома. И, как говорится, тепленькими взяли в плен десяток фрицев. Затем вывели немцев в конюшню и по очереди расстреляли всех из пистолета в живот.

— А почему именно в живот? — спрашивали мы у комбрига.

— Да чтобы помучились перед смертью, — спокойно ответил Мосолов.

Последним своей участи ждал старший команды в звании лейтенанта вермахта. Он оказался мужественным офицером, держался с достоинством до последней минуты и все что-то громко с пафосом кричал, заканчивая каждую фразу понятными без перевода словами: «Хайль Гитлер!». С ним разведчики поступили иначе: сняли с него штаны, надели провололочную петлю на половой член и мошонку, а затем, перебросив веревку через балку под потолком конюшни, подтянули его вверх и подвесили. Недолго он пробыл в таком положении, вскоре оборвался. Добивать его не стали, оставили истекать кровью и умирать мучительной смертью рядом со своими подчиненными. Закончив эту часть своего рассказа, Роберт Павлович надолго задумался, а затем подытожил: «Я ведь прекрасно понимал, что иду на воинское преступление, так как возглавил издевательство над пленными, тем более таким жестоким нечеловеческим способом. Но, можете себе представить, какая ярость в этот момент была у всех разведчиков, когда мы увидели тело нашего растерзанного товарища. Его тоже не пощадили и убили мучительной смертью. До сих пор, как вспоминаю этот эпизод с казнью фашистского лейтенанта, то в ушах отчетливо слышится звук рвущейся под тяжестью его тела плоти и раздирающий душу крик. После возвращения к своим о совершенных зверствах по отношению к пленным

разведчики, видимо, рассказали кому-то из своих друзей, а среди них нашелся тот, кто «стукнул» об этом куда надо».

Командира группы лейтенанта Мосолова немедленно арестовали. Казалось, что это уже все — крышка — трибунал. Но от суда и штрафной роты Мосолова спас политработник — член военного совета 4 гвардейского кавалерийского корпуса, который проявил завидное по тем временам мужество. Он смело пошел против мнения офицеров военной контрразведки, и аргументировано потребовал освобождения командира разведчиков Мосолова. Чекисты вынуждены были отступить. Однако они потребовали перевести Мосолова из разведки во взвод смертников — противотанкистов, чтобы смыл позор кровью на первой линии огня. Очередное ранение ждать пришлось недолго.

Надо было видеть, с каким интересом военнослужащие бригады слушали воспоминания фронтовика, полные откровений и жизненной правды. Ведь для нас, подобные воспоминания Роберта Павловича Мосолова были настоящими открытиями неизвестных страниц войны. Мы же воспитывались на других, причесанных примерах героизма Советской Армии и на безгрешности наших воинов. А он никогда не стеснялся говорить нам жестокую правду о той войне, о которой знал не понаслышке. Впоследствии во время различных мероприятий, которые нам приходилось проводить с личным составом в Чирчикской бригаде специального назначения, да и в ходе дальнейшей службы, мы часто использовали воспоминания Роберта Павловича в качестве примера, которые подчеркивали мужество и героизм советских солдат, а также показывали, какая может быть на войне настоящая правда жизни. Целяная народная натура Роберта Павловича не терпела полутонов дипломатичности, что приводило к неприятностям. Все честные, открытые и добрые люди сразу и на всю жизнь влюблялись в него. Все лукавцы, ловкачи, лжецы и «флюгеры» мгновенно им «раскусывались» и тоже сразу и на всю жизнь становились его врагами. Резкая отповедь высокому лицу — члену военного совета — начальнику политуправления САВО генерал-полковнику М.Попкову, допустившему бестактность и личное оскорбление — стала причиной его ранней отставки с должности заместителя начальника штаба — начальника службы войск САВО. Служба на новом месте получилась недолгая. В начале 1975 года Мосолов ушел из бригады на повышение, а через год уже был уволен в запас. Умер Р.П. Мосолов в возрасте 75 лет в Алма-Ате, в разгул «демократических преобразований» и местного сепаратизма, забытый казахским военным ведомством, которое от ритуальных хлопот самоустранилось. Поэтому последние почести ему отдали только бывшие десантники 177 отряда спецназ, проживавшие в Алма-Ате, под руководством подполковника Б.Т. Керимбаева. Они же собрали средства на достойные похороны и установили надгробный памятник — великому усопшему.

Воистину, нет пророка в своем отечестве!

Одной из особенностей истории бригады с 1969 по 1976 гг., что приходится на период командования полковником Р.П. Мосоловым, было то, что, входя в состав САВО, она продолжала дислоцироваться на территории ТуркВО. Это стало возможным потому, что, будучи сформированной 1 января 1963 года в Чирчике, при разделе Туркестанского военного округа на САВО и ТуркВО бригаду подчинили САВО, как округу первого разряда, в состав которого обязательно должно входить соединение специального назначения. В силу вышеназванных физико-географических условий Чирчика, а также, видимо, по материальным соображениям, место дислокации бригады менять не стали, поэтому она подчинялась Алма-Ате, а находилась недалеко от Ташкента, где дислоцировался штаб ТуркВО. Для людей непосвященных данное обстоятельство внешне никак не проявлялось, за исключением того, что в бригаде получали газету Среднеазиатского военного округа «Красный боец», а войска Туркестанского округа получали — «Фрунзевец». Однако 24 июля 1976 года в г. Капчагай под Алма-Атой была сформирована 22 обрСпН, которую передали в штат САВО, а 15 обрСпН перешла в состав войск ТуркВО.

Командир бригады полковник Мосолов лично занимался отбором офицеров-выпускников для пополнения подразделений части. Это было интересное время. Руководству бригады Мосолову, Кочетову, Белобрагину, Корлыханову, Ходченку, командирам отрядов Кадацкову, Нехимчук, Лобанову, Иванову удалось создать дружный и сплоченный коллектив. Так набор 1969 года из лейтенантов выпускников Ташкентского высшего общевоинского училища оказался самым удачным. Пройдя закалку под руководством мудрых наставников-фронтовиков, офицеры Коновальчиков, Манченко, Михайлов, Неделько, Холбаев, Фазилов стали яркими командирами-единоначальниками. Хотя военная судьба разбросала их, они остались друзьями на всю жизнь. Впоследствии один из них, полковник Манченко Владимир Андреевич, станет начальником направления спецразведки ГРУ ГШ, авторитетным и почитаемым руководителем. В Энциклопедиях «Спецназ России» и «ГРУ. Дела и люди» есть его биография: «Полковник Манченко Владимир Андреевич родился 29 сентября 1947 года в г. Чимкенте. Окончил Ташкентское ВОКУ, Военную академию им. М.В. Фрунзе (1978). Служил в частях специального назначения на должностях командира взвода, роты и отряда специального оружия. С 1978 начальник штаба учебного полка, бригады специального назначения, командир бригады специального назначения. Сотрудник (1988 — 1992), начальник (1992 — 1997) направления специальной разведки ГРУ Генштаба. С 1997 в запасе». Владимир Андреевич вырос в интернациональном конгломерате небольшого целинного казахского городка, где среди множества на-

циональностей лидирующую роль пытались играть мальчишки репрессированных народов Кавказа и Крыма. В борьбе за выживание, в безжалостных уличных драках Володя состоялся как личность и мужчина, что не раз впоследствии ему помогало. Он обладал уникальными качествами руководителя умеющего сплачивать вокруг себя подчиненных, грамотно и лаконично ставить задачи и добиваться их исполнения. Обладая цепкой памятью и способностями оратора он мог быстро расположить к себе любую малознакомую аудиторию. Подчиненные же глубоко уважали своего командира за умение вдохновить коллектив и ни при каких обстоятельствах не давать в обиду даже самого никудышного солдата. Не раз в офицерской среде завистливо шептались: «Вот нам бы такого командира». От себя могу добавить, что сдружившись с семьей Манченко еще соседями в коммунальной квартире, мы сохранили братские чувства друг к другу на всю жизнь. Он являлся моим наставником в боевой подготовке и оказался первым выпускающим на прыжках. Он принял и по родственному разместил в своей московской однокомнатной квартирке нашу семью, когда я приехал учиться в академию. Дверь его, квартиры была всегда открыта для однополчан. Немалая заслуга в достижениях мужа принадлежит супруге Валентине Валентиновне, которая со школьной скамьи без памяти влюблена в своего Вовку, и стала надежной опорой ему в нелегкой жизни. Своим умом, талантом и женским обаянием она дополняла достоинства своего неординарного мужа, которому почему-то так и не суждено было стать генерал-майором. В семье выросли две красавицы дочки, взявшие лучшие качества отца и матери. Однокашнику Манченко по ТВОКУ, Фазилову Исааку Камилловичу удастся достичь генеральского звания в созданной Узбекской армии.

Еще большего достигнет выпускник Ташкентского танкового училища лейтенант Герасимов. В свое время, в 1969 году, он сам напросился в 15-ю бригаду и оказался вполне достойным высокого звания спецназовца. Пришел лейтенант Герасимов в Чирчик имея за спиной 47 прыжков с парашютом, свидетельство пилота самолетов «Як-12» и «Як-18», крепкие навыки боксера перворазрядника. С такой базой Герасимову Дмитрию Михайловичу суждено было стать дважды спецназовцем сначала ГРУ, а позднее и ФСБ, генерал-лейтенантом, кавалером пяти боевых орденов, из которых один орден Ленина. Полковник Герасимов в бытность командиром 22 обрСпН в Афганистане представлялся к званию Героя Советского Союза, но по ряду известных многим причин с высшей наградой не сложилось... Но и без этого он является гордостью бригады.

Учитывая важность языковой подготовки разведчиков, с летнего периода 1970 учебного года в бригаде приступили к изучению иностранных языков в строгом соответствии с оперативным предназначе-

нием. Экзамен по иностранному языку принимали военные переводчики, приехавшие из Алма-Аты. Они творчески подходили к тому, что докладывали им бойцы, не докучая замысловатыми вопросами и ставили оценки с таким расчетом, чтобы рота получила по языку четверку, так как этого было достаточно для того, чтобы ей можно было бороться за звание отличной. Проверяющие прекрасно понимали, как трудно в армейских условиях научить солдата говорить на иностранном языке. Поэтому, если боец твердо заучил порядок допроса военнопленных различных воинских специальностей, да еще понимает, что ему отвечают, то этого вполне достаточно. Расчет на более высокий уровень должен предполагать интенсивную специальную подготовку. Для этого в бригаде не было ни времени, ни особых условий, если не считать двух прекрасно оборудованных лингафонных классов с современным по тем временам чешским оборудованием фирмы «Тесла». Кстати сказать, таких лингафонных классов не было тогда даже в Киевском ВОКУ. В часть были направлены выпускники Киевского высшего общевойскового командного училища лейтенанты Плешаков, Чайка, Загоруйко, являющиеся референтами-переводчиками. Из Рязанского воздушно-десантного училища прибыли лейтенанты Сикорский и Мотуз. Разведуправлением округа для укрепления кадрами отряда спецоружия и штабной роты бригады были отобраны офицеры-ракетчики Ильин и Шапиро. В 1971 году в часть прибыли перспективные лейтенанты Тимченко, Стодерецкий, Цыганов, Никитин (после ранения на учении был откомандирован).

Летом 1972 года трагически погиб заместитель командира 6 роты спецназ по политчасти лейтенант Александр Парамонов. Он был один у престарелых родителей-фронтовиков, которые по состоянию здоровья не смогли приехать на траурные мероприятия. Лейтенанта похоронили на Чирчикском городском кладбище.

В августе-сентябре 1972 года офицерский коллектив бригады пополнили выпускники из пяти высших военных училищ: Киевского ВОКУ (лейтенанты Гартунг, Маковский, Пивовар, Святненко), Ташкентского ВОКУ (лейтенант Золотарев), Тюменского высшего военного инженерного командного училища (лейтенанты Тяпкин, Ульянов), Полтавского высшего военного училища связи (лейтенант Руденко) и Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища (лейтенант Кривопапов). После месячных сборов командирской подготовки с ними было проведено офицерское тактико-специальное учение, на котором группу офицеров возглавил лучший командир роты старший лейтенант Манченко В.А. Учение прошло показательно, и было сопряжено с преодолением больших физических и моральных нагрузок, но все лейтенанты успешно справились с заданиями учения. Через месяц все они были допущены к самостоятельному

выходу на первые командно-штабные учения округа в качестве командиров агентурных групп с двумя радистами. Выброска групп была произведена в разных точках Ташкентской области, а работали они по разведке реально обозначенных объектов — аэродромов, железнодорожных узлов, точек частей ПВО в районе казахских городов Джамбул, Чимкент и других. Все группы действовали успешно.

Непрерывно совершенствовалась учебно-материальная база соединения. Так в 1973 году из ГРУ ГШ в бригаду поступил комплект оборудования и технической документации нового учебно-тренировочного комплекса специальной полосы препятствий — «Тропа разведчика» — уникального тогда сооружения не только в масштабе вооруженных сил. Его основным предназначением было — привитие и совершенствование навыков воина-спецназовца в преодолении искусственных и естественных препятствий в различных природно-климатических условиях, в разное время суток. «Тропа разведчика» представляла из себя участок местности длиной 800 метров, оборудованный препятствиями и заграждениями, наиболее часто встречающимися в боевой обстановке: дощатыми и каменными (железобетонными) заборами, кирпичными стенками с проломами, полуразрушенным зданием и фасадом высотного здания, дымоходом, двумя вертикальными стенками высотой до 5 метров, рвом с водой, подземного канализационного лаза, местами для практического метания ножей, окопами для метания гранат, участком для практического минирования железнодорожного полотна, натянутым тросом на высоте 14 метров над землей между двумя мачтами длиной 30 метров, столба для подключения к телефонной линии и беговой дистанции на 200 метров. Комплекс разрабатывался на местности и внедрялся в практику под руководством первого заместителя командира бригады полковника Голоусенко Ю.Я.

В 1973 году под городом Самаркандом прошли тактико-специальные учения, в ходе которых несколько разведгрупп бригады осуществляли агентурным путем поиск реальных точек ПВО. Несмотря на интенсивную работу военной контрразведки по поимке «диверсантов», все разведчики благополучно вернулись в часть.

Весной 1973 года, бригада пережила трагедию. Во время пешего перехода личного состава роты связи 2 батальона в строй военнослужащих на большой скорости врезался грузовой автомобиль. На месте происшествия погибли двое военнослужащих, трое были госпитализированы.

Осенью 1973 года произошла очередная ротация кадров, часть офицеров старших возрастов была переведена с повышением или на равные должности в другие части и военные учреждения округа, а вместо них пришли выпускники военных училищ лейтенанты Глушков, Кулалаев, Махотин, Петров, Петрачев (ставший замкомбрига-началь-

ником политотдела 22 обрСпН в Афганистане), Сухомлинов (впоследствии офицер военной контрразведки), Чернобай.

В 1974 году под руководством заместителя командира бригады по воздушно-десантной подготовке полковника Ленского В.А., и команды специалистов заместителей командиров батальонов по ВДП майора Лавдырь, капитана Пашковского, инструктора прапорщика Гомзева была завершена постройка парашютной вышки и добротного городка для воздушно-десантной подготовки.

Несмотря на качественный прорыв в уровне подготовки парашютистов, 20 июля 1974 года соединение пережило досадную парашютную катастрофу. Во время прыжков с парашютом из самолета АН-12 на 19 прыжке погиб молодой командир группы 1 роты спецназ, выпускник Киевского ВОКУ лейтенант Пивовар М.И. Тело погибшего самолетом было отправлено на родину и захоронено на одном из киевских кладбищ со всеми воинскими почестями.

В конце лета 1974 г. в Алма-Ате на первенстве Среднеазиатского военного округа по офицерскому многоборью (кросс, плавание, гимнастика, стрельба) хорошо выступили представители бригады старшие лейтенанты Игорь Стодереvский, Александр Тимченко, Юрий Цыганов и лейтенант Сергей Золотарев.

В начале осени того года в бригаду пришло молодое офицерское пополнение из Киевского общеvойскового училища — лейтенанты Болдырев, Волох, Ершов, Задорожный, Кормушин, Ревин, Фокин, Харламов, из Рязанского воздушно-десантного — Боев, Латыпов, Устинов, из Тюменского инженерного — Земский, из Свердловского политического — Козырев. Многие из которых впоследствии добились высоких постов в военной иерархии и на государственной службе. Подавляющая часть из них стала полковниками и осталась верна военной разведке на всю жизнь. Как было принято в бригаде, молодые лейтенанты после соответствующих сборов влились в боевой строй и на равных с ветеранами участвовали в итоговой проверке за год. Примечательно, что во время стрельб, которые проводились днем и ночью, офицеры, прапорщики, солдаты и сержанты в массе своей получали в основном пятерки и четверки. Как отмечали проверяющие: «Видно было, что это результат постоянных тренировок».

О бригаде к тому времени в округе ходили легенды, родившиеся из уст командующего войсками САВО генерала армии Н.Г. Лященко, которого любили в войсках. Он с большим уважением относился к командованию и личному составу 15-й бригады, ставил всем ее в пример и постоянно ненавязчиво помогал в совершенствовании УМБ и боевой подготовки. Всем была известна его искренняя дружба с командующим ВДВ генералом армии В.Ф.Маргеловым (они полковниками воевали под осажденным Ленинградом). Это духовное единство, мужская

дружба позволяли легко решать многие задачи взаимодействия по линии воздушно-десантной подготовки разведчиков. А еще Лященко был отличным стрелком из всех видов оружия, но особенно из револьвера, пистолета и пулемета, поэтому он из всех элементов боевой подготовки важнейшей считал — огневую. Неоднократно командующий лично присутствовал на годовой проверке по огневой подготовке в Чирчике. Его наблюдения за отлично организованной и проведенной стрельбой доставляли удовольствие. Подводя итоги боевой подготовки в Среднеазиатском военном округе, командующий всегда выделял 15 обрСпН в числе лучших соединений и своим приказом поощрял всех командиров до рот включительно. В качестве же поощрения на очередной 1975 учебный год для всего личного состава бригады, командующий приказал выделить спецназовцам дополнительно два вагона боеприпасов для того, чтобы стреляли в ходе плановых занятий без всяких ограничений и лимитов. Кроме того, для проведения учебных стрельб военнослужащих бригады, командующий утвердил практику еженедельного использования со складов дополнительного арсенала трофейного оружия (немецких, американских, бельгийских пулеметов, автоматов, винтовок и пистолетов), что позволяло личному составу изучать материальную часть незнакомых иностранных образцов вооружения и особенности практических стрельб из них. Впоследствии эти навыки сыграли положительную роль в Афганистане, когда спецназовцам в горячке боев часто приходилось пользоваться оружием, захваченным у моджахедов.

Ветеран бригады полковник С.Харламов вспоминал комическую ситуацию о стрельбе того времени: «Помню, как во время проверки в роте стрельбу принимал приехавший в составе комиссии разведуправления САВО пехотный полковник. Не представляя уровень подготовки спецназовцев, а вернее, зная достаточно низкие результаты по стрельбе в пехоте, он перед началом принятия зачета объявил, что всем, кто выполнит упражнение учебных стрельб на «отлично», он будет выдавать по 10 рублей из своих личных средств. Когда же первая и вторая смены стрелявших получили пятерки, что обошлось полковнику в 60 рублей, от дальнейшего выполнения своего обещания ему пришлось отказаться по материальным соображениям. После того, как стрельба была сдана, офицеры роты скинулись и вернули полковнику его деньги, при этом посоветовали — впредь в спецназе не давать подобных опрометчивых обещаний, так как это только в одной роте может обойтись ему в полковничью зарплату. Ну а полученные за отличную стрельбу 60 рублей солдаты тут же реализовали в «чепке», где с удовольствием съели гору печеня и выпили пару ящиков лимонада. Стрельбу в ходе проверки шестая рота сдала на «отлично», при этом отличникам никто, конечно, денег не платил».

Во время сдачи проверки чувствовался высокий подъём и на-

строй на достижение максимального результата, который был во всех подразделениях. Офицеры постоянно находились в ротах, солдаты порой не только днем, но и ночами повторяли те предметы, что надо было сдавать. Однако все знали, что определяющим, а поэтому самым важным этапом итоговой проверки являлись тактико-специальное учение бригады, к которому готовились все штатные разведгруппы, радиотелеграфисты, радисты-центровики, автослужба, подразделения тыла. Масштабы, организация и порядок его проведения впечатляли. Более того, могу точно сказать, что в последующем учения 15 обрСпН проводились далеко не с тем размахом, с каким это было в сентябре 1974 года. Учение бригады началось с подъема личного состава по тревоге. Пока разведывательные роты, согласно боевому расчету, готовились к выполнению задач в тылу «противника», хозяйственные подразделения загружали материальные запасы и готовились к выезду в район сосредоточения. При этом на плацу, в автопарке и на складах части присутствовали проверяющие из округа с секундомерами для контроля выполнения установленных нормативов».

Очень прилежно разведчики учились различным секретным приемам и премудростям из арсенала скрытного ведения боевых действий. Основной упор делался на тактико-специальную, военно-инженерную, воздушно-десантную и физическую подготовки.

Ежегодно в летнее время все штатные группы бригады участвовали в соревнованиях среди разведгрупп, на которых необходимо было пройти десять этапов. Группы в количестве 15 — 20 человек выбрасывали парашютным способом из самолетов Ан-12 в незнакомый район. Они должны были быстро собраться на площадке приземления. На каждом бойце порядка 40 килограммов веса. Эта цифра не завышена. Только рюкзак с экипировкой весит в среднем 30 килограммов. Приплюсуйте сюда оружие, боеприпасы. Собравшись на площадке приземления, спецназовцы совершали 30-км ночной марш, в ходе которого отмечались на 3 — 4 контрольных точках. Воины ориентировались лишь с помощью топографической карты и компаса. Поиск тайника, хождение по азимуту, организация стрельбы из засады или организация налета на объект «противника», практическое подрывание объекта, преодоление водной преграды — эти и другие вопросы группы должны были отработать без проколов.

Чаще всего по итогам тактико-специальных учений и этих соревнований определялись и передовые офицеры бригады. Так, за период с 1970 по 1976 гг., первые места на учениях разведгрупп бригады занимали командиры старшие лейтенанты В.Манченко, В.Трисмаков, В.Елисеев, В.Коновальчиков, А.Неделько, А.Тимченко, С.Харламов, Р.Латыпов, Ф.Волох, И.Стодеревский, Ю.Цыганов, Ю.Широков, которых в качестве поощрения выдвигали на вышестоящие должности и включали

ли в списки кандидатов, допущенных к вступительным экзаменам в Военную академию имени М.В.Фрунзе и Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Периодически призеры учений награждались государственными наградами. Так в 1972 году орден Красной Звезды получил старший лейтенант А.Неделько, медаль «За боевые заслуги» старший лейтенант В.Павловский, в 1975 году ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени заслужили старшие лейтенанты И.Стодеревский и Ю.Цыганов. Отличившимся на учениях присваивались досрочно очередные воинские звания (лейтенанты Д.Герасимов (1970 г.) и О.Кривопапов (1975 г.).

В XXI веке известный в военных кругах литератор, ветеран спецназа С.В. Козлов, обобщая опыт поколений в книгах «Спецназ ГРУ» и «Спецназ ГРУ-2», тенденциозно отметил, что настоящими спецназовцами в бригадах были рязанцы, а все остальные «приемными детьми». Не разделяю эту точку зрения, ибо в Чирчике и в мирное и в военное время хорошо себя зарекомендовали выпускники общевоинских, танковых и инженерных училищ. А в Афганистане и после него три танкиста по образованию Д.М. Герасимов, А.А. Блажко и А.М. Дементьев стали гордостью всех поколений командиров спецназа ГРУ.

Интересно мнение ветерана бригады, выпускника Киевского ВОКУ, полковника С.А. Харламова по этому поводу, высказавшегося так: «У нас появилась возможность поближе познакомиться со своими коллегами, недаром выпускниками различных военных училищ. Основную массу молодых командиров групп составляли киевляне и рязанцы, при чем первых не только в Чирчике, но и в других бригадах было значительно больше по количеству. У меня особый интерес вызывало вполне естественное стремление многих офицеров тем или иным способом зарекомендовать себя. Это вполне естественно. Однако лидировать в этом сразу же попытались рязанцы, при этом они по поводу и без такового стали всячески подчеркивать, что они закончили факультет специальной разведки, поэтому в силу своего образования якобы стоят на голову выше остальных. В этой связи они однозначно могут рассчитывать на безусловные успехи в работе и перспективы по службе. Однако многие из нас с такой постановкой вопроса не намерены были соглашаться.

Конечно, рязанцы в специальном отношении были подготовлены лучше нас. Они хорошо знали тактику подразделений спецназ в различных видах боевых действий, минно-подрывное дело, имели опыт совершения прыжков с парашютом. Всем этим киевлянам, да и выпускникам других военных училищ, еще предстояло овладеть. Однако ничего необычного в этом не было, и как в последующем показала практика, мы довольно быстро овладели всеми премудростями спецназовской науки. Наряду с тем, что рязанцы в лучшую сторону выделя-

лись по специальным дисциплинам, нам была заметна их довольно слабая общая подготовка. Оказалось достаточным задать несколько совершенно конкретных вопросов, чтобы понять это. Плохо они знали систему разведки вооруженных сил СССР, силы и средства, а также боевые возможности каждого ее вида, что в Киеве нам давали очень хорошо. В конечном итоге стало ясно, что рязанцы мыслят довольно узкими категориями командира подразделений спецназ. При этом предполагалось, что в физическом отношении они должны быть далеко впереди всех остальных, однако это было не так. Уже первые зачеты показали это.

Языковая подготовка рязанцев также оказалась намного ниже нашей. Понятно, что уровень знания иностранного языка — вещь довольно специфическая, но киевляне в этом отношении были намного впереди. Видимо, благодаря этому обстоятельству, рязанцы в шутку, а иной раз и с издевкой, называли киевлян выпускниками Киевского дипломатического училища.

Совершенно очевидно, что и рязанцы внимательно изучали нас, киевлян, своих новых сослуживцев. Совершенно беспристрастный анализ показывал, что из восьми киевлян по своим деловым и личностным качествам далеко не все подходили для службы в спецназе. Глядя на некоторых из моих однокурсников, я искренне удивлялся тому, что именно они попали в спецназ. Конечно, это была ошибка кадровиков ГРУ, которые, видимо, считали, что самого факта обучения на разведфаке Киевского ВОКУ вполне достаточно, чтобы лейтенант стал хорошим командиром в спецназе. Не прошло и года и тех, о ком я говорю, перевели из бригады в другие войска, и связь с ними со временем была потеряна.

В общем, в ходе службы обозначилась нормальная здоровая конкуренция и борьба между киевлянами и рязанцами за право называться лучшими. Это проявлялось во всем, начиная от военного училища, которое каждый из нас закончил, и кончая множеством разнообразных аспектов службы. Вполне естественно, что основная масса киевлян, которые по собственному желанию пошли служить в спецназ, гордилась принадлежностью к Киевскому высшему общевойсковому военному училищу, вернее к разведывательному факультету этого училища. Мы прекрасно понимали, что наши успехи в службе — это, конечно, наш труд, но и заслуга училища, а недостатки в работе — пятно на него».

В подразделениях не было скуки. Личный состав находился в постоянном творческом поиске и движении. Солдаты для частей спецназа отбирались из тех регионов, где дислоцировались бригады спецназа ГРУ. Тем самым готовился мобилизационный резерв по всей стране на случай войны. В ротах спецназ служили в основном русские,

белорусы, украинцы, казахи, но попадались латыши, литовцы и узбеки. Фамилии отличников и передовиков социалистического соревнования подразделений бригады всех национальностей сохранили исторический формуляр и Книга Почета части: Абилов, Аравин, Абдукаримов, Алдабаев, Агзямов, Атяжев, Бовкун, Бондарчук, Васин, Вафин, Воробьев, Воронцов, Вобликов, Водогрецкий, Глаголев, Григорьев, Гребнев, Джумабаев, Дегтярев, Джаркимбеков, Доминас, Засорин, Зырянов, Исаев, Исачев, Игнатенко, Кайбагаров, Коваль, Костиков, Кузнецов, Красников, Лысак, Ладанов, Маметов, Матухнов, Мирошников, Мотькин, Нижегородов, Орехов, Овчинников, Оракбаев, Парпиев, Петров, Пиков, Пляскин, Приезжев, Раскин, Ракитин, Разговоров, Раннев, Расулметов, Рыков, Свешников, Скворчевский, Симушов, Тишинский, Фомин, Цыпарсон, Чура, Хабибулаев. Некоторые из них — Скворчевский, Тишинский, Засорин остались на военной службе прапорщиками. С большой теплотой и симпатией вспоминают ветераны бригады своих неутомимых помощников латыша ефрейтора Эдвина Кулу из Риги, старшину роты Виктора Агиевича из Минска, Рината Зарипова из Москвы, Карла Раскина из Симферополя, Александра Вобликова из Чимкента и многих других. Все они имели среднее образование и отменное здоровье, особенно нужное в войсках спецназ. Яркой личностью среди солдат выделялся Александр Коробейников, который пришел в армию кандидатом в мастера спорта, имея более 300 прыжков с парашютом. Хорошую память оставил о себе старшина Валерий Бахтий, выпускник сержантской учебки в Печёрах Псковской области. Он являлся командиром отделения, а затем замкомвзвода в четвертой группе 6 роты. Валерий призывался из Алма-Аты, где работал на заводе после того, как не прошел по конкурсу на факультет журналистики Казахского университета. Ему повезло не только в том, что он попал служить в спецназ, но и в том, что в Чирчике у него жили многочисленные родственники, а в последующем сюда перебрались из Джамбула и его родители. Человек он был серьезный, вдумчивый, что в основном и предопределило его направление после призыва в учебный полк в Печёры. Спецназ очень любил, служил с большим удовольствием, хорошо усвоил программу боевой подготовки по всем предметам. Именно за его неординарность, несмотря на молодость, солдаты шестой роты в шутку прозвали Бахтия «Отцом русского спецназа», чем Валерий в тайне очень гордится. В будущем он поступил в Высшую Краснознаменную школу КГБ и достойно служил Родине, достаточно быстро став полковником.

Костяком воинских коллективов являлись коммунисты сержанты Епанчинцев Н.И., Цыпляков В.И., Сергиенко А.В., Ерохин, ефрейтор Юшта В.А.

В часы самоподготовок с офицерами и политбесед выходного дня

в подразделениях с личным составом тщательно изучался и анализировался боевой опыт спецназа капиталистических стран. Для этого в штабе бригады имелось достаточное количество различной методической и справочной литературы, которая не залеживалась. За отдельными изданиями даже была очередь. Офицеры штудировали опыт ведения боевых действий элитных подразделений иностранных армий в различных регионах мира, в котором черпали немало полезной информации для совершенствования боевой подготовки в собственных подразделениях бригады. Из рук в руки у офицеров переходил шпионский роман разведчика Овидия Горчакова «Джин Грин — неприкасаемый», книги зарубежных авторов «Падающий дождь», «Однажды орел», «Молодые львы» в которых раскрывалась тактика действий рейджеров, зеленых беретов армии США. Особой популярностью пользовался Альбом ГРУ «Слава и гордость Советской военной разведки», изданный в 1967 году под редакцией генерала К.Н.Ткаченко. В этом сборнике были размещены биографии 71 разведчика оперативной разведки ГРУ с описанием боевых операций и их заслуг в годы Великой Отечественной войны. Прошло столько лет, а Альбом до сих пор не потерял своей актуальности. Очень поучительное и емкое издание для нынешнего поколения спецназовцев.

Ярким примером новаторского подхода к ведению разведки стал опыт командира группы штабной роты старшего лейтенанта Юрия Широкова, который, договорившись с летчиком сельскохозяйственной авиации, совершил облет района на самолете Ан-2 для определения координат всех целей, выставленных на тактико-специальные учения. Его, конечно, не похвалили, но отметили за проявленную смекалку. А через десять лет на базе Чучковской бригады проводились первые испытания мотодельтапланов, которые руководство ГРУ рекомендовало спецназовцам для использования в целях ведения воздушной разведки. Зерна опыта, заложенные офицером Широковым, наконец-то, дали свои всходы.

Несколько раз во время проведения ночных занятий по тактико-специальной подготовке по теме «Налет на объект» и снятия часовых, командиры групп старший лейтенант Александр Тимченко (впоследствии подполковником погиб в Афганистане) и лейтенант Игорь Стодеревский, уходя от условностей, с риском для жизни совершили нападения на настоящие охраняемые объекты. Стодеревский о своем случае рассказывал так: «Ночью 1 февраля 1972 года, несколько раз отработав приемы захвата пленных, я решил закрепить этот вопрос в условиях максимально приближенных к боевым. Личный состав подразделения выдвинул к гарнизонной комендатуре и положил в цепь. У входа стояла машина, в кабине которой сидел водитель. Я поставил трем сержантам задачу взять его в плен. Они умели это делать профессиональ-

но. На тот момент в роте одна треть была солдатами осеннего призыва, то есть прослужившими не более двух месяцев. И мне хотелось, чтобы молодежь посмотрела на работу настоящих профессионалов. Когда группа захвата скрытно выдвинулась к комендатуре и, вытащив водителя, скрутила его, засунув кляп, из здания вышли два караульных. Сержанты мгновенно схватили и их. Надо было видеть эту картину. Идут три сержанта и каждый за шиворот тащит связанного пленного. Никакого сопротивления они не успели оказать. Спецназовцы были одеты в зимнюю меховую спецформу стального цвета без знаков различия. Допрашивать их не стали, боясь сердечных приступов, и минут через пять отпустили. Пока они бежали в комендатуру с криками: «На нас напали какие-то гражданские», — мы скрылись. Однако на следующий день нас быстро вычислили. Такое мог сделать только спецназ. Проверка расписаний занятий подтвердила ночные занятия в 4-й роте. Ротного Владимира Манченко вызвали в штаб на разбор. Он был не долог. Комбриг приказал, — сержантов, участвовавших в захвате пленных, поощрить, а командиру группы ждать взыскания от начальника гарнизона за грубое нарушение Устава гарнизонной и караульной службы. Это нападение оказало положительный эффект на совершенствование службы. Вокруг комендатуры вскоре возвели бетонный забор, а у входа выставляли часового. И это было правильно, так как совершенно беспечно был забыт трагический случай, произошедший на этом же месте в начале 60-х годов, когда крымские татары совершили ночной налет на гарнизонный караул и вырезали 20 военнослужащих. Преступников тогда не нашли. Взыскание я получил, но начальник гарнизона запомнил меня и через пару месяцев временно назначил помощником коменданта гарнизона».

Большой школой и испытаниями на прочность для разведчиков являлись «разведывательно-диверсионные действия» против настоящих войск на фоне армейских и окружных учений. После них рождалась масса легенд и мифов о спецназе, кстати, основанных на реальных фактах. Командиры воинских частей, когда узнавали об участии в учениях бригады спецназ, с раздражением говорили: «Опять этот лысый хрен своих разведчиков выпускает на свободную охоту за нами».

Ветераны Чирчикской бригады на встречах с удовольствием вспоминают отдельные из этих «приключений». Примером дерзких и стремительных действий на учениях являлась разведгруппа старшего лейтенанта Хабиба Холбаева, которая захватила в качестве «языков» автобус с офицерами штаба воздушной армии. Тем самым, спецназовцы чуть не сорвали весь ход окружных учений, ибо фронтовая авиация округа оказалась на время парализованной. Естественно, разгорелся грандиозный скандал с наложением взыскания «за хулиганство» на командира группы.

После этого состоялся принципиальный разговор командующего войсками округа с начальником управления КГБ о безопасности органов военной контрразведки в ходе учений. Чекисты сделали соответствующие выводы, и с того времени за разведгруппами обрСпН началась настоящая охота спецслужб, которые выполняли задачи по пресечению действий разведчиков.

Иногда они добивались результатов. Так во время одного из эпизодов фронтовых учений чекистам удалось обнаружить в районе важного военного объекта подозрительных лиц, одетых в гражданскую одежду и начать их преследование.

В ходе многочасовой облавы разведгруппа рассеялась, но одного разведчика 6 роты спецназа 15-й обрСпН рядового Александра Петрова, уроженца Крыма, удалось задержать. Документов при нем, естественно, не было. Во время длительного допроса солдат твердо держался ранее разработанной легенды и не признавался в принадлежности к разведке, а уловив момент попытался скрыться. Во время физического задержания оказал ожесточенное сопротивление и крепко побил нескольких офицеров особого отдела КГБ. Однако далеко уйти строптивому солдату не удалось, и с помятыми крылышками его бросили на несколько суток в одиночную камеру, действительно заподозрив в преступных намерениях. Только после окончания учений лично начальник разведки округа выручил мужественного солдата. Впоследствии за высокие показатели в боевой подготовке и проявленное мужество и героизм командующий войсками округа наградил рядового Петрова ценным подарком, а комбриг присвоил ему воинское звание младшего сержанта. Несмотря на самоотверженность солдата, командование бригады осталось крайне недовольно фактом его задержания и приняло меры по ужесточению собственного контроля за подчиненными в ходе учений. Офицеры штаба курсировали в районах действий разведгрупп на автомашинах и, изображая контрразведывательные органы, выявляли те группы, которые пренебрегали мерами конспирации.

Примерно в это же время до нас дошла информация о том, что на Дальнем Востоке разведгруппа уссурийских спецназовцев под командованием старшего лейтенанта Кордакова совершила дерзкое нападение на военный аэродром Воздвиженка. Обезоружила наряд в двух автопарках и устроила переполох в казармах и жилых домах военных летчиков. Пробралась по-пластунски мимо беспечных часовых, разложила взрывпакеты и сигнальные мины на взлетно-посадочной полосе и на стоянке самолетов и, вернувшись назад, радиосигналом все это подорвала. Эффект был потрясающим. Кордакова, конечно, не наградили, а наказали. Однако во время разбора инцидента заместитель командующего 5-й общевойсковой армией генерал Чуйко сказал: «Вот

как должны быть подготовлены и наши разведчики. Учитесь у спецназа». По просьбе командира 123-й мсд генерала Шевченко, соединение которого дислоцировалось в Барабаше и Зайсановке, «штрафника» назначили командиром разведроты 45-го полка в г. Краскино. Подобные бесстрашные действия спецназовцев на грани фола шевелили болото армейской безопасности, и старшие начальники вынуждены были делать некоторые выводы по усилению бдительности, что шло только на пользу всей армии...

С 1975 года, после убытия на вышестоящую должность полковника Мосолова, новый комбриг полковник **Колесник Василий Васильевич** еще более оживил боевую подготовку в подразделениях. Для рот стали планировать недельные полевые выходы в горы и пустыни. Офицерам и солдатам нравился такой график учебы: неделя выхода, неделя учебы и службы в части, и опять неделя очередного выхода. Хотя подобного не было предусмотрено в программах боевой подготовки, но это решение комбрига оправдало себя. Поскольку позволяло в ходе интенсивной боевой подготовки в поле надежно закреплять у воинов необходимые знания, умения и навыки.

Через несколько лет, став начальником направления спецразведки ГРУ, генерал-майор Колесник закрепил такой порядок подготовки для всех бригад спецназа. В конце лета 1975 года на базе 2-й бригады спецназ в городе Пскове (Ленинградский военный округ) состоялись первые в ГРУ соревнования разведгрупп спецназ на наземном комплексе «Тропы разведчика».

Команда 15-й бригады в упорной спортивной борьбе вырвала первое место у хозяев соревнований, что еще более укрепило авторитет «Чирчикской школы». Осенью 1975 года на базе 80 учебной мотострелковой дивизии САВО (н.п. Отар) разведчики групп старших лейтенантов А.Латышева, Р.Латыпова, И.Стодеревского организовали показательные занятия для начальников разведки корпусов и дивизий Сухопутных войск ВС СССР, что проходили под руководством генерал-майора Ф.Гредасова, которые были оценены по высшему баллу. Тем временем заканчивался и летний период обучения. Осеннюю проверку бригада в очередной раз сдала на «отлично». Значительный вклад в этот успех всего коллектива внес новый командир бригады. И хотя для него, опытного спецназовца, это было далеко не первое испытание, но в качестве комбрига он выступал впервые.

Достижения бригады не остались незамеченными. К концу года в части состоялось торжественное вручение только что учрежденного ордена «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени. Первопроходцами в коллективе стали первые кавалеры этого ордена командиры полковник Василий Колесник и капитан Сергей Шапиро. И это было вполне заслуженно, так как уровень боевой выучки, дисциплины и

внутреннего морально-политического состояния личного состава бригады того времени покорял всех проверяющих.

Лучшие командиры, воспитанники 15 обрСпН капитаны Анатолий Виданов, Дмитрий Герасимов, Владимир Манченко и Анатолий Неделько в августе 1975 года стали слушателями академии им. Фрунзе. К очередной годовщине образования 15 обрСпН в часть приехал начальник службы войск штаба САВО полковник Мосолов Р.П., который, выступая перед офицерами сказал: «На контрасте с теми воинскими частями, в которых мне пришлось бывать, нашу бригаду за тот высочайший уровень боевой готовности, порядок и дисциплину, которые в ней поддерживаются, надо покрыть толстым слоем золота». Надо отметить, что новый комбриг Колесник, так же как и его предшественник, большое внимание уделял воспитанию у личного состава морально-психологической устойчивости, воспитанию чувства превосходства над противником. «В целях воспитания он широко использовал личный пример, часто рассказывая в ходе различных мероприятий о том, как служил, начиная с 1956 года, в спецназе, какая в то время была экипировка и тактика наших войск. — вспоминал полковник С.Харламов, — Очень подробно описывал действия своих сослуживцев в ходе различных учений в период службы на Дальнем Востоке и в Польше. В выступлениях комбриг упор делал на спецназовскую специфику.

После того, как на должность заместителя командира бригады был назначен полковник Ю.Я.Голоусенко, однокашник Василия Васильевича по СВУ, на совещаниях он стал обращаться непосредственно к офицерам-суворовцам, которые составляли более 70% от общего числа офицеров части. Умело используя это обстоятельство, он еще больше повысил мотивацию офицеров к службе». Ветераны бригады вспоминают такие слова Колесника: «С суворовцев у меня спрос особый. Если они с детства пошли в армию, то служить должны на порядок лучше всех остальных. В связи с тем, что я лично суворовец самый старший (набора 1945 года), то имею полное моральное право проявлять высокую требовательность к вам». Эти слова комбрига многих брали за душу и имели однозначно воспитательное значение.

В коллективе бригады, на житейском уровне как среди солдат, так и среди офицеров бытовали добрые товарищеские отношения. Все было пронизано духом взаимопонимания и интернационализма, что выглядело образцово-показательным, как на глянцевого обложках журналов, особенно заметным на фоне местнического узбекского национализма, с которым приходилось сталкиваться ежедневно в городском быту. Показательной в этом плане была семья обаятельного командира 2-го батальона спецназ подполковника Михаила Лобадзе, женой на русской красавице Марии Ивановне, выдавшего замуж свою единственную дочку за корейца лейтенанта Валерия Пака, служившего в бригаде

командиром группы. Для командиров национальность по большому счету не играла никакой роли, ведь преобладали — славяне, главное, чтоб офицер знал свое дело и добросовестно служил. Несколько иначе к этому относились особы, которые осуществляли контроль за благонадежностью. В 1975 году произошло «перетряхивание» офицерских кадров, в результате которого офицеров редкой немецкой национальности и ингушей перевели в пехоту. В коллективе сожалели об этом, так как все откомандированные являлись хорошо подготовленными специалистами и приличными людьми.

Новый 1976 год принес много изменений организационного характера. Весной Директивой Генерального штаба 15-ю бригаду переподчинили командующему войсками ТуркВО. В САВО же в г. Капчагай начали формировать 22-ю отдельную бригаду СпН. Основной офицерский костяк этой бригады составили выдвинутцы из Чирчика. Командиром новой бригады назначили полковника Мороза Ивана Кирилловича, а заместителями командира стали подполковник Груздев Сергей Иванович (в августе 1979 года стал комбригом) и майор Ильин Александр Сергеевич. Один из отрядов СпН в новой бригаде возглавил майор Пашковский Федор Михеевич. Переподчинение бригады позволило решить ряд накопившихся кадровых проблем: отправить на повышение «засидевшихся» на должностях офицеров, улучшить отбор молодого пополнения. Согласно приказу начальника штаба округа впредь в бригаду направлялось на сто человек больше, чем было необходимо.

Через полгода обучения делался отсев военнослужащих, слабо усвоивших программу боевой подготовки или допустивших нарушения воинской дисциплины, а также по морально-политическим качествам. Как вспоминал И. Стодеревский: «Это дисциплинировало людей. Мало кто желал из спецназа попасть в пехоту. Правда, нельзя сказать, что это были никуда не годные солдаты, отнюдь нет. Как правило, в пехоте месяца через два они становились сержантами. Ведь за полгода они проходили в спецназе неплохую подготовку. Просто у нас были очень высокие требования».

Перевод ознаменовался и тем, что бригаду чаще стали привлекать на окружные учения. За короткий период времени спецназовцы изучили многие до этого незнакомые районы Узбекистана и Туркмении, выполняя задачи по ведению разведки мест дислокации частей и проведения спецмероприятий. Участвовали они и в комплексном учении, совместно с пограничными войсками КГБ СССР и местными органами контрразведки. Целью учений являлась проверка боевой готовности ашхабадского погранотряда и тренировка групп спецназ к пересечению госграницы в районах Кызыл-Арвата и Ашхабада. Подобные учения уже неоднократно проходили в западных пограничных окру-

гах, где особенно отличились коллеги — спецназовцы старшие лейтенанты Середа И.М. и Рыжик М.И. из Марьиной Горки, реально пересекавшие советско-польскую и польско-советскую государственную границу. Для того чтобы не уронить авторитет бригады, к учениям были привлечены две разведгруппы наиболее подготовленных разведчиков под командованием ротных командиров капитанов Стодеревского и Цыганова, обладавших хорошими волевыми и физическими данными.

Поставленную задачу разведгруппы выполнили. По итогам проведенных учений все участники были награждены командующим Среднеазиатским погранокругом знаками «Отличник погранвойск КГБ СССР» II степени, чем спецназовцы очень гордились.

В 1976 году в бригаду пришли лейтенанты Николай Загайнов, Сергей Ершов (впоследствии кавалер ордена Красного Знамени, капитан I ранга, командир морской бригады спецназ), Лоренд Ко, Николай Лымарь (рано ушедший из жизни от заболевания, полученного в Афганистане), Владимир Сергиков, Валерий Измалков.

Командующий войсками округа неоднократно представлял бригаду спецназ для комплексной проверки комиссии Министерства обороны СССР в рамках существующего тогда Военно-спортивного комплекса. Подразделения подтверждали свои спортивные разряды и отличные звания. В числе передовиков среди подразделений выделялись штабная рота, 1, 4, 6 роты спецназ и рота минирования. Кстати сказать, в конце 1987 года бригаду, воюющую в тот период в Афганистане, в очередной раз проверяла подобная комиссия МО СССР и разведчики 15 обрСпН единственные в 40 армии получили отличную оценку по физической подготовке. Высокий уровень физической подготовки личного состава и образцовой спортивно-массовой работы в подразделениях части поддерживался личным примером офицеров, которые все имели спортивные разряды по различным видам спорта.

Так в числе лучших спортсменов-легкоатлетов батальонов спецназ и штабной роты отмечались старшие лейтенанты Александр Волобуев, Александр Гартунг, Сергей Золотарев, Александр Ильин, Александр Латышев, Рафис Латыпов, Валентин Ледовской, Александр Тимченко, Гафуржон Тишаев, Сергей Харламов, Юрий Цыганов, Юрий Широков. Следует особо отметить, что Цыганов специализировался на марафонских забегах, однажды он совершил сенсационный маршбросок на 125 км из Чирчика до города Чимкента и завершил его за рекордно короткое время.

Виртуозными мастерами стрелкового спорта были капитаны Александр Чубаров и Сергей Маковский. Старший лейтенант Федор Волох и капитан Александр Голубович поражали окружающих умением метать ножи и топоры. Лейтенант Рамиль Абзалимов, прибывший из РВВДКУ, отлично владел приемами боевого каратэ и сразу стал не-

штатным инструктором этого модного по тем временам вида борьбы. Увлечения Абзалимова объединило многих молодых офицеров. Традиционные состязания по боксу закаляли волю и характер военнослужащих. Признанными мастерами кожаной перчатки были Владимир Манченко, Дмитрий Герасимов, Анатолий Неделько и Игорь Стодеревский. К гордости последнего в его подразделении было пятеро первоурядников и двое кандидатов в мастера спорта по боксу, и шесть первоурядников по самбо. Закономерно, что его рота неоднократно занимала 1 место на турнире по боксу среди подразделений бригады и гарнизона. Никогда не пустовали футбольные поля и площадки для ручного мяча и волейбола. В теплое время, а это девять месяцев в году, функционировал плавательный бассейн части.

От спорта не было отдыха даже в выходные дни. Наоборот, по воскресеньям планировались и проходили все основные спортивно-массовые соревнования между ротами и отрядами, которые собирали сотни зрителей и болельщиков во главе с командиром бригады. Поэтому не случайно все солдаты и офицеры имели по несколько спортивных разрядов среди которых были коронные: по парашютному, гиревому спорту, по стрельбе и легкой атлетике. Ярким примером качества боевой и физической подготовки личного состава является факт участия штабной роты бригады (командиры Ильин А. и Широков Ю.) на первом первенстве Сухопутных войск среди разведвзводов, где наши заняли почетное 4 место. Вперед вырвались только подразделения курсантов выпускных курсов военных училищ, с которыми тягаться срочникам было очень сложно.

В июне 1977 года во время очередных окружных учений произошло трагическое событие. По вине водителя автомобиля ЗИЛ-131 в горах разбился один из лучших офицеров бригады, командир второго отряда спецназ, выпускник Казанского ракетного училища, капитан Шапиро С.М. Две недели врачи боролись за его жизнь, но все было тщетно. Сергей Маркович умер в день своего тридцатилетия.

В июле т.г., бригада, в соответствии с указаниями ГРУ ГШ, совершала прыжки на воду Ташкентского моря. Для одной из самых сухопутных бригад это оказалось непростым в организационном плане делом, но программа была выполнена полностью без каких-либо огрехов. Приятно было смотреть на четкие и слаженные действия средств обеспечения на площадке приводнения. Воздушно-десантная подготовка закаляла волю разведчиков, заставляла проявлять смелость, мужество, формировала характер и, что очень важно, — вырабатывала высокие морально-психологические качества. Все это проявлялось на учениях, где разведчикам и связистам приходилось решать учебно-боевые задачи.

В конце летнего периода обучения 1977 года разведчики брига-

ды участвовали в учениях по разведке стартовых позиций ракетной бригады в районе озера Балхаш, и хотя это была территория другого военного округа (САВО), привлекли туркестанских разведчиков, которых на вертолетах с ошибкой в двадцать километров выбросили от предполагаемого района разведки. Условия учений для спецназовцев оказались очень тяжелыми из-за отсутствия воды и солончаковой почвы. Через три месяца в литературно-художественном журнале Узбекистана «Шарк юлдузи» (Заря Востока) корреспондентом Сергеем Штепо был опубликован очерк «Пятый колодец» о тех похождениях разведчиков. Есть там такие слова: «Пустыни бывают разные. Редко одна похожа на другую. Свои пески и свой «язык» барханов, свой звон и зной. Эта — как стол. Однажды я уже проходил опаленным ее краем. Краем, и то надолго запомнилось... Разведчики шли сейчас к центру пустыни. Жажда душит ребят. Но идут шаг в шаг. Разучились говорить. И теперь это прочно, до первых глотков воды. Подошли к «противнику» — тихо. И будто нет позади этого трудного пути. Нашли! Взяли все-таки «противника» за поводок! Уточнили точку стояния, силы, все, что надо. Вышли на связь». За проявленное на учениях мужество лучших разведчиков бригады спецназ капитана Стодеревского, сержантов Гуреева, Кононенко, Цурова, рядовых Бахтеева, Каракоза, Фомина и др., как героев, отправили в Чирчик на личном самолете командующего войсками округа. А это, согласитесь, знак признания.

Через десять лет, с целью оптимизации боевой выучки, комбриг вспомнил об опыте горной подготовки прошлых лет и штаб бригады спланировал несколько учений в горах. Разведчики должны были со стороны Чимкента подняться в горы, пройти перевал, а затем спуститься по Учамскому ущелью в район кишлака Чарвак, преодолев за неделю 120 километров. Одновременно в полевых условиях должны были проверить экспериментальные рюкзаки РДС-77, поступившие на испытания от промышленности. Рюкзаки неплохо себя зарекомендовали, однако всю Афганскую войну разведчики пользовались устаревшими РД-54 и пехотными «сидорами». Что-то где-то не сработало. По итогам учений текущего года и отличной сдачи проверки за летний период обучения роты получили достойные офицеры Ульянов, Расков, Тимченко, Цыганов, Стодеревский, Чубаров. Капитан Крутских поступил в академию им. Фрунзе.

Эти годы для личного состава бригады стали периодом изучения и практического использования новой боевой техники и оружия, которыми оснащались вооруженные силы. Переход на новую систему людских десантных парашютов, освоение современных средств связи, других принципиально новых средств решения разведывательных задач потребовали от воинского коллектива напряженной работы, упорства, умения качественно выполнять любую задачу в любой обстановке.

В ноябре 1977 года полковник Колесник В.В., попрощавшись с коллективом, уехал к новому месту службы в ГРУ ГШ в Москву, а командование бригадой принял подполковник Овчаров А.А..

Овчаров Александр Алексеевич был опытным офицером, достаточно долго прослужившим в бригаде, чтобы считаться ветераном части. Он родился 16.10.1936 года в с. Шепелевка Турковского района Саратовской области. После школы призван в армию и служил срочную службу в 188 мсп 68 мд СКВО, а после окончания учебного подразделения до декабря 1957 года в полковой школе 286 ЗенАП 6 гв. танковой дивизии в ГСВГ. С декабря 1957 по август 1960 г. он курсант Полтавского зенитно-артиллерийского училища. После окончания обучения служит командиром взвода, секретарем комсомольской организации, помощником начальника политотдела по комсомольской работе 806 ЗенАП 65 ЗенАП в Северной группе войск в Польше. В 1960 году Овчаров поступает в Пензенское высшее артиллерийское училище, по окончании которого назначается заместителем командира отряда спецоружия по технической части в 15-ю обрСпН. В 1972 году становится начальником штаба ОСО. С июля 1973 — начальник службы спецвооружения бригады. С декабря 1975 заместитель командира бригады. С августа 1976 начальник штаба бригады. С ноября 1977 по декабрь 1980 г. командует 15-й обрСпН. Полковнику Овчарову А.А. выпало очень сложное переломное время истории бригады, но он достойно справился с испытаниями и был награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

Со сменой командира в бригаде ничего особенно не изменилось. Кроме того, что усилился костяк командиров батальонов. Наконец-то, отряды получили офицеры Игорь Стодеревский, Александр Тимченко, Юрий Цыганов. Ротным командиром стал Сергей Харламов. Продолжалась боевая подготовка, однако значительно больше, чем раньше, по требованию штаба ТуркВО, стало всякого рода хозяйственных работ. В те времена ТуркВО был округом третьего разряда и боевая подготовка в нем находилась совсем не на первом месте. Первое время после переподчинения бригады еще как-то по инерции продолжалась усиленная боевая подготовка, а потом задавленные хозяйственным строительством подразделения бригады в полном объеме выполняли только программы воздушно-десантной и политической подготовки. «Такое смещение акцентов, — как вспоминал ветеран бригады С. Харламов, — вызывало серьезное недовольство командиров всех степеней».

В сентябре 1978 года разведчики привлекались на очередное учение против бригады осназ, обеспечивающих спецрадиосвязью разведуправление округа. Задача была простая: обнаружить место дислокации подразделений бригады, составить схему боевых позиций на местности, дать координаты, и беспокоить налетами весь период на-

хождения в поле. Задачу спецназовцы выполнили полностью, но один военнослужащий, переодетый в гражданскую одежду, оказался задержанным особистами, по причине обнаружения на его кедах букв «ВДВ», сделанных шариковой ручкой. Это был провал. Правильно сказал на совещании комбриг: «Народная мудрость гласит: в разведке — мелочей не бывает» и на таких ошибках надо учиться». Но учились недостаточно. И этому мешало много обстоятельств.

В ноябре 1978 года решением Генерального штаба вновь были изменены штаты бригады спецназ, при этом в сторону резкого уменьшения отрядов специального назначения и отрядов спецоружия. В частности, оказались сокращены должности начальников штабов отрядов, заместителей командиров по воздушно-десантной подготовке отрядов, инженеров отрядов. Из командного состава в отрядах остались только два должностных лица — командир и замполит отряда. Вместо 5 штатных рот в отрядах спецназ оставили только две. Подверглись расформированию отряд спецоружия и группы спецоружия в ротах спецназ. Все это отрицательно сказалось на жизни войск и уровне боевой подготовки. Элементарно не хватало людей для обеспечения внутренней и караульной службы, а усугубляло ситуацию еще и развернутое строительство. «К чему эта стройка может привести? А если завтра война? — возмущались командиры подразделений. — С кем пойдем воевать? Спецназ уже, кроме мастерка, лома и лопаты ничего в руках держать не может». В 1978 году в бригаду прибыли выпускники училища Николай Губанов, Григорий Иванов, Александр Слепов.

А тень войны уже висела над Туркестаном.

ВЕХИ ИСТОРИИ

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ

*«Если хочешь рассмотреть гору,
нужно отойти от нее на расстояние,
если хочешь дать оценку событию,
нужно время»*

Киргизская поговорка.

17 февраля 1978 г. Китай начал боевые действия против Вьетнама. Через два дня войска ТуркВО были подвергнуты проверке Генеральным штабом ВС СССР по вопросам боевой готовности с частичной отмобилизацией частей и соединений до штата военного времени.

В Иране, на который была нацелена бригада, развернулось мощное национальное движение за демократические преобразования и ликвидацию монархии в стране, которое впоследствии переросло в антиимпериалистическую национальную исламскую революцию. Непокойно было и в Афганистане. В марте 1978 года весь личный состав бригады был поднят по тревоге, подразделения первой очереди подготовлены для десантирования в тыл противника. Личному составу выдали боеприпасы.

В апреле 1978 года начальник разведки 105 влд, командиры парашютных полков, командир дивизионной роты разведки под руководством генерал-лейтенанта Костылева В.Н. вылетели из Чирчика в Кабул для изучения города и окрестностей с целью рекогносцировки маршрутов движения к важным военным и государственным объектам.

Завершив «загрантур», вернулись к своей повседневной работе. У офицеров десантников и спецназовцев сложилось мнение, что в ближайшее время им придется оказаться в Афганистане. Однако повседневная боевая подготовка шла на фоне непрекращающихся слухов о расформировании дивизии и сокращении до минимума штатов отрядов спецназ бригады. Это вызывало недоумение...

Осенью 1978 года были проведены масштабные учения под руководством инспектора МО СССР, заместителя министра обороны маршала Москаленко К.С. «Все вспомнили о том, что в складывающейся ситуации 15-й бригаде спецназ могут быть поставлены разведывательные и специальные задачи на территории сопредельного государства, которые надо будет выполнять в реальной боевой обстановке, — писал ветеран бригады полковник Харламов С.А., в то время командир роты спецназ. — В этой связи всю осень 1978 года бригада «сидела» в повышенной

степени боевой готовности и ни на что другое, кроме усиленной боевой подготовки, не должна была отвлекаться. Этому способствовало казарменное положение, на котором находились все офицеры и прапорщики, несмотря на то, что основная их масса проживала в военном городке, расположенном за забором части. Не знаю, как бы я поступал, будь я на месте командира части подполковника Овчарова, но, честно говоря, ему в тот период никто не завидовал. Даже во время дестабилизации обстановки в Иране, когда бригаде надо было как можно быстрее ликвидировать пробелы в боевой готовности групп спецназ первой и второй очереди, наше окружное руководство требовало от комбрига продолжения выполнения планов строительства. Нам же, младшим офицерам, приходилось выполнять его приказы на выделение личного состава на различные хозяйственные работы, вместо того, чтобы ехать, например, на стрельбище или заниматься с подразделениями тактико-специальной подготовкой. Комбриг как мог выкручивался, пытаюсь, по возможности, сократить количество отвлекаемого на хозработы личного состава бригады, но в его власти порой было мало. Он кардинально ситуацию изменить не мог. Кстати, стройка в части не прекращалась даже тогда, когда вся территория нашего городка была заполнена колоннами автомашин с прицепами, загруженными боеприпасами, парашютами и снаряжением, и выставленными напоказ американским космическим спутникам фото- и видеоразведки для того, чтобы показать США, что мы полностью готовы выступить на защиту своих интересов на южных рубежах СССР в случае, если американцы решат вторгнуться в Иран. Знали бы американцы, что во время построений на плацу, где даже для небольших по составу подразделений не было свободного места, так как плац занимали колонны загруженной по-боевому техники, командиры не только ставили задачи на отработку планов боевой готовности, но и отправляли для ведения строительства различных объектов. Думаю, нам повезло, что ситуация в Иране развивалась таким образом, что она не привела к военной интервенции США в эту страну. Если бы это случилось, то СССР был бы вынужден войти в северные районы Ирана. Кто-кто, а спецназ оказался бы там первым. В условиях той подготовки до глубокой и всесторонней отработки всех аспектов действий групп спецназ в тылу противника было очень далеко».

А тем временем наступил новый 1979 год. 22 февраля 1979 года бригада вновь была поднята по тревоге, и приведена в состояние повышенной боевой готовности на целых три месяца. Весь этот период шла напряженная боевая подготовка. Днем разведчики занимались в горах, а по ночам укладывали парашюты, занимались огневой подготовкой и подрывными работами. Все это время офицеры не покидали военный городок и спали в казармах со своим личным составом. Командир бригады полковник Овчаров на совещании офицеров суть мероприятий довел

лаконично: «Готовьтесь к боевым действиям на территории Ирана. Вероятная задача: воспрепятствовать «зеленым беретам» захватить важные стратегические объекты, обнаружить в горных проходах их ядерные фу-гасы». Как вспоминал ветеран бригады подполковник Н.Губанов: «Мы штудировали маршруты горных проходов, ведущих в Иран с нашей стороны и с территории соседнего Афганистана. Были заполнены бумаги-завещания, выданные в штабе, — в случае чего, семьи должны быть обеспечены».

Были определены группы первой очереди для заброски парашютным способом. Одну из них возглавил выпускник 9 роты РВДКУ лейтенант Лоренд Давыдович Ко (кореец по национальности). Однако выброска не состоялась.

А через полгода все повторилось. Опять тревога, укладка парашютов в ночное время. На этот раз ориентировка была на Афганистан. Любопытный документ — копию шифротелеграммы — из архивов направления спецразведки ГРУ откопал в свою бытность начальником полковник Герасимов Д.М.

Телеграмма начальнику генштаба Огаркову.

«В период с 11 по 17 июля 1979 года произведена рекогносцировка в городе Кабуле с целью возможного использования 15-й бригады спецназ ТуркВО. По мнению советского посла и руководителей спецслужб, наибольшая активизация мятежников на периферии и г.Кабул ожидается в августе. В связи с этим посол просит: перебросить отряд в Кабул до 10 августа. Разработку осуществления мероприятий по переброске возложить на главнокомандующего ТуркВО.

Генерал армии Иващутин».

Но этой рекогносцировке предшествовала директива ГШ ВС СССР № 314/2/0061 от 26.04.1979 г., на основании которой приказом командующего войсками ТуркВО № 21/4/00755 от 4.05.1979 г. в штат 15 обрСпН включен отдельный отряд спецназ численностью 538 чел. Первоначально это был седьмой отряд СпН, который вошел в историю нашего Отечества как «мусульманский батальон». Кстати сказать, формирование его было сопряжено с немалыми организационными трудностями. Так ветеран ГРУ полковник Швец О.У. вспоминал: «28 апреля начальник 5-го управления ГРУ генерал-лейтенант Ткаченко К.Н. назначил ответственными за формирование отряда полковника Колесника В.В. и меня. С 3 по 9 мая мы согласовывали различные вопросы в

штабе округа, где большую помощь нам оказал начальник разведки округа полковник Дунец Василий Васильевич. К сожалению, в штабе ТуркВО не все понимали серьезность поставленной задачи и «ставили нам палки в колеса». Пришлось несколько раз даже звонить в Москву, чтобы сломить «обывательское» мировоззрение и бюрократическое сопротивление. 10 мая начались основные работы в бригаде. В дальнейшем в Чирчике курировали формирование еще два полковника из Москвы Лавренов Н.Н. и Блохин А.П.».

Батальон решено было отселить из бригады, построив для этого хозяйственным способом отдельный военный городок. Командир отряда Игорь Стодеревский, которому поручили руководить строительством, сокрушался: «Меня бросили на ремонт заброшенного военного городка бывшего учебного центра ТВОКУ. Я как мог, пытался уклониться от несвойственной и неприятной работы. Тем более, что, по сути, бросил свой отряд. Но никакие мои доводы о том, что в бригаде есть командиры кадрированных отрядов, не имеющие личного состава, действия не возымели. Мне было заявлено, что эта работа государственной важности, и она на контроле лично у начальника штаба округа. Получив в свое подчинение роту военных строителей, несколько десятков гражданских строителей из всех КЭЧ округа, двести человек личного состава из бригады в качестве подсобных рабочих, я приступил к работе. Сроки стояли жесткие — 2 месяца. Задачу мы, конечно, выполнили. Получилась приличная база для размещения 7 отряда, которого пока еще не было. Но впервые личный состав бригады в таком количестве и на такой продолжительный период отрывался от боевой подготовки, — и это в войсках высшей боеготовности! В быстром темпе началось комплектование нового батальона. Личный состав прибывал из всех округов. В основном из дивизий ВДВ и в меньшей степени из мотострелковых частей. Его штат показался нам странным, потому что в него отбирали только мусульман. Такой большой процент азиатов был необычен для наших частей. Второй особенностью стало наличие большого количества бронетехники, «Шилок», станковых гранатометов. Третьей особенностью стала новая экспериментальная форма одежды, выданная якобы для проверки надежности, но, что бросалось в глаза, форма очень походила на афганскую».

Начальник ГРУ назначил командиром отряда майора Холбаева Хабиба Таджибаевича. Уроженца Сырдарьинской области Узбекистана из семьи ветерана Великой Отечественной войны. 1947 года рождения. Выпускника Ташкентского ВОКУ им. Ленина. С 1969 года прослужившего на должностях комгруппы СпН, комроты, заместителя командира отряда СпН по ВДС в 15-й бригаде. Женатого. Имеющего семь дочерей. (Справка: Впоследствии Холбаев был начальником штаба бригады, командиром 467-го учебного полка СпН, военным комис-

саром военкоматов г.Алмалык и районного в г.Ташкент, начальником управления министерства обороны Узбекистана, начальником штаба армейского корпуса, инспектором Генеральной инспекции МО Узбекистана. Уволился в запас в 1998 году в звании полковника. В настоящее время постоянно проживает в г.Фергана).

Заместителями командира отряда, по представлению управления кадров ТуркВО, стали капитаны М.Т. Сахатов (первый заместитель), А.М. Ашуров (начальник штаба), А.С. Сагтаров (замполит), Э.Н. Ибрагимов (зампотех), майор Д. Джалилов (зам по тылу). Роты возглавили капитаны И.С. Кудратов, К.М. Амангельдыев, старшие лейтенанты В.С. Шарипов, М.М. Мирюсупов. Командиром зенитно-артиллерийской группы назначили старшего лейтенанта Прауга Василия Максимовича, командиром ОРНО капитана Никонова Олега. Экипажи ЗСУ «Шилка» были укомплектованы командирами и операторами славянами В. Баклуновым, Е. Богдановым, С. Боголевским, О. Волошиным, В. Ивановым, В. Кривобоковым, В. Луцкоком, А. Масютиным, В. Мерским, А. Новиковым, С. Трофимовым, заместителем командира ЗАГ прапорщика Неверова Юрия, так как специалистов азиатской национальности на эти должности найти не удалось. Командирами групп спецназ были назначены выпускники общеобразовательных училищ, за исключением двоих лейтенантов выпускников спецназовцев РВВДКУ Турсункулова Рустамходжа Турдихуджаевича и Абзалимова Рамиля Каримовича. Отдельными взводами связи и обеспечения командовали старший лейтенант Ю.М. Мирсаатов и старший прапорщик А. Рахимов.

К 1 июня 1979 года из тысячи представленных кандидатов отряд был полностью укомплектован до штата 532 человека. Началась напряженная, интенсивная боевая подготовка личного состава, которую осуществляли как на конвейере днем и ночью без праздников и выходных дней лучшие офицеры-методисты бригады командиры отрядов майоры Александр Голубович, Александр Чубаров, подполковник Владимир Шрамко, майор Виктор Коновальчиков, а также начальники служб и управления бригады. За полтора месяца отряд, полностью освобожденный от нарядов, караулов и посторонних работ, выполнил годовую программу боевой подготовки. Весь личный состав отряда совершил прыжки с парашютом. Замполит отряда А.Сагтаров высоко оценивал их роль: «Для выполнения будущей задачи этих навыков не требовалось, но прыжки повышали психологическую устойчивость личного состава и тем самым повышали боевую подготовку разведчиков».

«Большая заслуга в быстром становлении отряда принадлежит офицерам, пришедшим из развернутых частей округа, — отмечал Х. Холбаев, — и, прежде всего, благодаря Мураду Сахатову, Владими-

ру Шарипову, Исмату Кудратову, Курбандурды Амангельдыеву, Гафуржону Тишаеву, замполиту Рашиду Абдуллаеву. Сахатов практически все время был на полигоне. А 3-я рота, благодаря командиру В.Шарипову и Р.Абдуллаеву, из непростого коллектива стала просто отличным обученным подразделением, которому доверяли наиболее сложные дела». В середине лета пережили и первые потери. Во время переезда с полигона в полевой лагерь после стрельб по вине водителя произошла автомобильная катастрофа. На одном из крутых поворотов среди сопкок автомобиль Газ-66 занесло, а потом и перевернуло. Погибло четыре солдата из 4 роты и дюжина получили травмы различной тяжести. Вместо погибших и раненых отряд был доукомплектован из штата 15 обрСпН.

15 июля батальон подвергся всесторонней проверке по боевой и политической подготовке комиссией ГРУ ГШ. От округа присутствовал начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Кривошеев Г.Ф. Были проведены тактические учения с боевой стрельбой по темам «Захват горного перевала», «Захват узла связи», «Захват отдельно стоящего здания», «Захват аэродрома», «Бой в городе». Особое внимание уделялось боевому слаживанию на уровне подразделений и батальона. Стрельбу и вождение сдавали на полигонах общевойскового и танкового училищ. Лимитов на горячее и боеприпасы не было. Гранатометчики стреляли на дальность, на время, на шумы сквозь дым, на минимальные расстояния. Кому положено, сдавали практические задачи по минно-подрывному делу. Все подверглись проверке на физическую выносливость во время марш-бросков на 30 километров. Зачеты по овладению приемами рукопашного боя проводили инструкторы от спецподразделений КГБ. Специалисты переводчики в ходе всей проверки отслеживали усвоение личным составом команд на фарси и знание арабской письменности. В заключение был проведен строевой смотр в пошитой московским ателье афганской форме одежды. Начальник вещевого управления МО СССР лично утвердил материал, из которого у нас делали портянки для северных районов. Он хотя и отличался от оригинала, но внешне был очень похож. Для маскировки у офицеров на погонах были сержантские лычки красного цвета (одна лычка — лейтенант, две — старший, три — капитан, комбат был старшиной), а у настоящих сержантов — желтого. По итогам проверки комиссия оценила результаты проверки как хорошие. «Наступило затишье. Солдат начали привлекать для караульной службы и на различные хозяйственные работы. Только почти каждый день, — вспоминал ветеран отряда Рашид Абдуллаев, — подразделения в порядке очередности выезжали на аэродром Тузель и отработывали погрузку бронемашин в самолеты. Скрупулезно рассчитывали, сколько боеприпасов и материальных ценностей можно взять в машинах, чтобы самолеты могли нас поднять. Для

установок радиостанций Р-123 в мастерских танкового училища развзарили броню на машинах».

А в это время, по приказу начальника ГРУ, командир отряда майор Холбаев и заместители командира 15-й бригады майоры Груздев и Турбуланов вылетели в Кабул для рекогносцировки президентского дворца, а также отремонтированного дворца Тадж-Бек в Дурамане, куда вскоре переехал Амин. «Задача была поставлена одна — охранять главу государства и правительства от происков врагов. У них даже в партии было два крыла, — вспоминал Хабиб Холбаев, — Они никому не доверяли, а нам доверяли». «Как можно было судить, в то время никто, не только офицеры бригады, но и сам Колесник слабо себе представлял, для чего на самом деле создавалось подразделение, — вспоминал полковник Харламов. — Из опубликованных воспоминаний Колесника и из бесед с ним, проведенных в разное время, можно сделать однозначный вывод, что и он до самого последнего момента, когда необходимо было приступить к планированию операции по штурму дворца Амина, так же до конца не знал, зачем на самом деле создавался мусульманский батальон».

В середине октября «мусульманский» батальон вновь приступил к интенсивной боевой учебе по программе «Захват объектов». Тщательно были пристреляны полученные со складов автоматы АКМ и АКМС, пулеметы РПК и пистолеты системы «ТТ». В конце ноября состоялась очередная проверка, на которую приехало много начальства из Москвы. От округа проверкой руководил новый начальник разведки генерал А.А. Корчагин. К каждой роте были прикомандированы сотрудник КГБ и переводчик, не входившие в состав отряда и не подчиненные начальнику особого отдела КГБ отряда. «На проверке отряд хорошо выполнил задачу по захвату Чирчикского аэродрома и объектов, прилегающих к нему. Была выставлена оценка «хорошо», — вспоминал замполит отряда А.Саттаров. — Незадолго до ввода произошли небольшие замены личного состава, касающиеся в основном офицеров и прапорщиков».

«Вариантов переброски в Афганистан было несколько, — рассказывал Холбаев. — Кроме перелета, рассматривался и марш своим ходом в Кабул». Однако 4 декабря 1979 года Ю.Андропов и Н.Огарков направили в ЦК КПСС сейчас всем хорошо известную записку №312/2/0073: «С учетом сложившейся обстановки и по просьбе Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам СССР».

В ночь на 5 декабря с аэродрома Чирчик на самолете АН-12 в Афганистан убыла первая группа спецназовцев от 3 роты спецназ

7 батальона под командованием первого заместителя командира отряда капитана Сахатов М.Т. Все выполнялось скрытно в режиме секретности. «Мне комбриг поставил задачу: «Получи боеприпасы на 20 человек по три комплекта на каждую единицу оружия, — вспоминал бывший командир роты В.Шарипов. — Но не на складе, а из своих бронемашин. Получать будешь лично с особистом».

Переброска всего личного состава батальона осуществлялась в ночь с 9 на 10 декабря с двух аэродромов в Чирчике и Ташкенте (Тузель). В Чирчике погрузка осуществлялась под руководством полковника Дунец и заместителя командира бригады майора Турбуланова на самолеты АН-12, в Ташкенте на АН-22 и Ил-76 под руководством заместителей комбрига подполковников Стекольников и Тибенко. Общее руководство операцией по переброске батальона осуществлял лично комбриг полковник Овчаров. На вылет каждого рейса отводилось 45 минут. Интервал между рейсами составлял не более двух часов. Вылет осуществлялся тремя рейсами по семь самолетов на аэродром Баграм, который был выбран из соображений секретности. Для размещения батальона, группой капитана Сахатова уже были подготовлены палатки УСБ из расчета по одной на каждую роту и под штаб между капонирами аэродрома.

«На одном из самолетов, доставлявших продовольствие, боеприпасы и саксаул для отряда, находящегося уже в Баграме, — вспоминал комбриг Овчаров, — под большим секретом были доставлены Бабрак Кармаль и другие члены «нового афганского правительства». Их разместили в месте дислокации батальона в отдельной палатке».

О том, как «мусульманский батальон» штурмовал дворец Амина написано достаточно много, и у тех, кто изучает или просто интересуется данной темой, вопросов практически не осталось, хотя в те времена, когда все это происходило, все было покрыто мраком таинственности, — писал ветеран бригады полковник С.Харламов. — В 15 бригаде о штурме, который был осуществлен 27 декабря 1979 года, узнали практически на следующий день. В данном случае сработал, так называемый, «солдатский телеграф». Без особых деталей, но суть того, что произошло, мы все-таки знали достаточно точно и раньше многих». Более подробно об этом смотри далее «Шторм» через всю жизнь».

За месяц до этих событий (во второй половине ноября 1979 года) командир 105-й воздушно-десантной Ферганской дивизии полковник Королев П.В., прощаясь с командиром 15-й бригады полковником Овчаровым А.А., с горечью констатировал: «Ну что, Саша, расформирование моей дивизии закончено. От полноценного боевого соединения, обученного воевать в горах и пустынях, остался только 345-й отдельный парашотно-десантный полк в Фергане, да в Азадбаше на базе 351 полка будет сформирована десантно-штурмовая бригада».

Многие офицеры называли организационные мероприятия того времени «маразматическим бредом старцев». Действительно, к сожалению, действия военно-политического руководства страны были спонтанными. Глядя сейчас на то время, очевидно, что ни министр обороны, ни генштаб, ни командование ТуркВО государственной мудрости не проявили. Хотя официально чуть позже на одном из военных советов это назвали «необходимой оперативной маскировкой перед вводом войск», но никто из туркестанцев это серьезным основанием не считал, так как, оказалось, что в Афганистан вошли срочно отобработанные сорокалетние приписники-«партизаны», призванные из запаса.

ВЕХИ ИСТОРИИ

«ШТОРМ» ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

*Нас не увидишь на парадах:
Мы — не придворные войска,
В отрядах наших и бригадах
Готовность первого броска.
За целый мир спецназ в ответе:
Везде разведке есть дела, —
Прикажут нам, мы в Новом свете
Свои распустим купола...*

Владимир КОШЕЛЕВ.

Колесник Василий Васильевич родился 13 декабря 1935 года. Украинец. Мать преподавала в школе русский язык и литературу. Отец был главным агрономом. Колесник-старший начал разбивать первые чеки с 1939 года в Украине, в Миргородском районе Полтавской области. Семья переехала в деревню Алефировку. Здесь отец получил в свое распоряжение большой дом для оборудования лаборатории. В этом доме жила и большая семья Колесников.

Когда началась война, Колесник-старший принял все меры для эвакуации в первую очередь лаборатории и семенного фонда. А семья эвакуироваться не успела. Отец и мать, коммунисты, ушли в партизанский отряд, а четверо детей остались на попечении бабушки и дедушки. Первый штурм на маленького Васю обрушился шестого ноября 1941 года. Родители пришли проведать детей, но по доносу какого-то предателя их и еще одного партизана гитлеровцы схватили прямо на улице. Отца и мать расстреляли на следующий день на глазах у детей и всей деревни. В последующем фашисты заживо сожгли деда.

В оккупации дети выжили благодаря бабушке, которая была сведуща в народной медицине и лечила жителей села. За ее услуги люди платили продуктами. В 1943 году, когда Миргородский район освободили от гитлеровцев, двух сестер Василия взяла на воспитание средняя сестра их матери, а маленького Васю с братом забрала младшая. Ее муж был замес-

тителем начальника Армавирского летного училища. В 1944 году его перевели в Майкоп. Здесь Василий впервые увидел суворовцев и захотел стать одним из них.

В 1945 году братьев приняли в Краснодарское суворовское училище. Василий попал в шестую роту, где были самые младшие по возрасту. Училище было укомплектовано замечательными преподавателями и офицерами-воспитателями, вкладывавшими в своих подопечных — «подранков войны» всю душу. С особой благодарностью Василий Васильевич вспоминал начальника училища А. И. Нерченко, потомственного кубанского казака. Будучи кавалеристом, Нерченко безумно любил лошадей и такую же любовь привил своим малолетним подчиненным. У каждого суворовца была своя лошадь. Ребятам обучали вольтижировке и джигитовке. От Алексея Ивановича никто из детей, которых он любовно называл «чадушки», никогда не слышал грубого слова. Питомцы Нерченко сохранили к своему наставнику сыновнюю любовь и часто навещали его вплоть до 1999 года, когда Алексей Иванович скончался в возрасте девяноста шести лет.

В 1947 году училище перевели в Орджоникидзе. Сначала суворовцев разместили на территории пехотного училища, выделив несколько корпусов. По окончании «кадетки» суворовцев автоматически зачисляли на первый курс пехотного офицерского училища. Поступать в другие училища не имели права. По сути, получалось, что суворовцы жили одной дружной семьей в течение десяти-тринадцати лет. Эта дружба сохранилась до сих пор, и выпускники «Орджо» ежегодно в День Победы собираются у станции метро «Кропоткинская» в Москве.

Нельзя сказать, что Василий был круглым отличником. Учебе в значительной степени мешала психологическая травма, полученная в детстве. Дело в том, что, став свидетелем расстрела своих родителей, Василий начал заикаться. Фельдшер училища посоветовала ему уходить туда, где его никто не мог услышать, и стараться как можно больше петь и протяжно кричать. Усиленными занятиями Колеснику удалось к окончанию суворовского училища уменьшить заикание. Но полностью избавиться от этого недуга Василий смог, уже став курсантом пехотного училища.

С чем у Колесника не было проблем, так это со спортом. Еще в СВУ Василий увлекся гимнастикой и акробатикой. Несколько позже стал заниматься стрельбой и бегом. Курсантом занял призовое место на соревнованиях среди училищ округа по бегу на марафонскую дистанцию. Выполнил нормы кандидата в мастера спорта по марафону и стрельбе. Со спортом Василий Васильевич не расставался никогда. Уже в войсках стал кандидатом в мастера спорта по многоборью и парашютному спорту, еще по десяти видам у него был второй разряд.

Курсант Колесник мечтал стать десантником. Дважды писал он

рапорта министру обороны с просьбой перевести его в Алма-Атинское воздушно-десантное училище, но оба раза вместо перевода получал выговор за обращение к старшему начальнику не по команде.

Закончив училище на «хорошо» и «отлично», лейтенант Колесник получил распределение на Дальний Восток. В то время почти треть выпускников написала рапорта с просьбой направить их для службы в этот регион. В Корею шла война, осложнились отношения с Китаем, и многие полагали, что на границе «пахнет жареным». Штаб двадцать пятой армии, куда был направлен молодой лейтенант, находился в Шкогово. Василию и еще восьми выпускникам начальник отдела кадров армии задал вопрос: не желает ли кто-нибудь прыгать с парашютом? Вызвался один Колесник. Заверил, что готов прыгать с парашютом в тыл противника. Так Василий Колесник попал служить в 92-ю отдельную роту специального назначения 24-й армии. Рота располагалась на станции Боец Кузнецов, и командовал ею старший лейтенант Владимир Бреславский. В подразделении по штату было сто двенадцать человек, из них девять офицеров и десять сержантов и старшин сверхсрочной службы. Колесник принял первый взвод, который, будучи разведывательным, в то же время готовил командиров отделений для других взводов роты.

Ответственность на командире такого подразделения лежит немалая. Сложность была в том, что многие предметы, которые входили в программу боевой подготовки отдельной роты спецназа, в пехотном училище не преподавали. Колеснику приходилось много работать над собой, постигая тактико-специальную и воздушно-десантную подготовку, минно-подрывное дело. Большую помощь оказал Василию ротный В. Бреславский — фанат своего дела. Учил он своих подчиненных до изнеможения. Василий Васильевич вспоминал, как при подготовке к занятиям по рукопашному бою он после приемов, демонстрируемых ротным, дважды терял сознание. Несмотря на желание прыгать с парашютом, лейтенант Колесник, как и всякий нормальный человек, побаивался высоты. Чтобы избавиться от этой боязни, взводный решил для начала совершать прыжки с высокого и обрывистого берега реки Сучан. Выбрав внизу подходящий сугроб, он командовал «За мной!» и первым прыгал с обрыва, сделав сальто. За командиром следовал и весь взвод.

Парашютные прыжки разведчики совершали на базе 37-го воздушно-десантного корпуса, которым с 1950 года командовал генерал В. Ф. Маргелов. Этот корпус был особым объединением в Воздушно-десантных войсках. Кроме трех дивизий (13, 98, 99 влд), в него входила 1-я военно-транспортная авиационная дивизия трехполкового состава с комплектом планеров Як-14, с большим количеством летного

состава и пилотов-планеристов. Маргелов опекал разведчиков отдельной роты и неоднократно добивался передачи ее в состав корпуса.

В. Колесник рассказывал, как состоялась его первая встреча с Маргеловым.

«Где-то часов в десять мы прибыли на площадку приземления Украинка. К нам подошел Василий Филиппович и, весело поздоровавшись с нами, шутливо спросил:

— Чего это, товарищи десантники, скрючились как стариковский хрен? Выше голову, радуйтесь — на прыжки пришли.

Как-то само собой за шутками мы почувствовали себя бодрее. Так с благословения Маргелова в тот день я совершил свой первый прыжок. А затем и остальные пятнадцать прыжков с самолета Ли-2 с парашютом ПД-47. В то время этот управляемый парашют имел один серьезный недостаток — при схождении купол складывался. Для неопытных парашютистов это было смертельно опасно».

После прыжков разведчики возвратились в свой гарнизон пешком через Сихотэ-Алиньский хребет. Общая протяженность перехода через горы и тайгу составляла приблизительно триста километров. Продовольствие выдали только на трое суток. Остальное разведчики должны были добыть сами. Испытание было очень тяжелым, но спецназовцы с задачей справились.

В сентябре 1957 года поступила команда на передислокацию на Запад. Только в Москве Бреславский получил в ГРУ ГШ инструкции убыть с ротой в Польшу. Там на базе роты был развернут 27-й отдельный батальон. В батальоне по штату было более трехсот человек. Боевая подготовка в батальоне шла полным ходом, но по сравнению с Дальним Востоком здесь были определенные ограничения. Стрельбы и полевые занятия проводились только на специальном полигоне. В Северной группе войск ежегодно проводили первенство среди взводов и рот по спортивной и военной подготовке. В течение трех лет взвод Колесника держал первенство в СГВ.

За стабильно высокие результаты В. Колесник был назначен командиром роты. Это была высокая оценка заслуг молодого офицера, ведь в то время ротами командовали фронтовики. На момент назначения ротному не было еще и двадцати пяти лет. В течение последующих трех лет его рота считалась лучшей в Северной группе войск.

Но не стоит думать, что у Василия Васильевича все шло как по маслу. При первом поступлении в академию его завалили на экзамене по физике. Свою роль здесь сыграл возраст Колесника. Начальник отдела кадров откровенно признался, что комиссия дала «зеленый свет» тем офицерам, чей возраст не оставлял им шансов сделать вторую попытку. При этом Василия заверили, что в следующий раз его примут обязательно. Однако в батальоне сменился командир, с которым у Колесника отноше-

ния не заладились. Служебные вопросы здесь были не при чем, но тем не менее комбат навесил ротному, который гремел на всю СГВ, семь взысканий и отказал в поступлении в академию. Благо о Колеснике уже знал и командующий группой, и, конечно, начальник разведки. Именно он и вмешался, решив судьбу молодого офицера.

С поступлением в академию дорога Василию Колеснику к большой военной карьере была открыта. Он возглавил оперативно-плановое отделение, стал начальником штаба и командиром 15-й ОБРСПН.

В глубокой тайне, весь 1979 год, в Чирчике на базе 15-й отдельной бригады специального назначения шло формирование, боевое слаживание 154-го ООСПН. Для выполнения спецзаданий в Афганистане был сформирован так называемый «мусульманский батальон». В боевой строй этой части стали 538 солдат и офицеров частей спецназначения. Впоследствии они все носили афганскую военную форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьком. Советскими были оружие и удобные десантные ранцы, а также БМП и БТР. «Мусульманский батальон» выделялся среди других подразделений спецназа тем, что имел на вооружении бронетехнику (БМП, БМД и БТР) и новую организационно-штатную структуру (кроме трех рот спецназа, он имел роту минирования и роту материального обеспечения, зенитный взвод, группу связи), позволяющую выполнять боевые задачи любого характера и автономно. Особым было и комплектование. В основном в нем служили уроженцы среднеазиатских республик (узбеки, туркмены, таджики). В каждой роте был переводчик, курсант Военного института иностранных языков, направленный для стажировки. Но при таком национальном составе отряда практически не было проблем с языковой подготовкой, поскольку все таджики, примерно половина узбеков и часть туркмен владели фарси — одним из основных языков Афганистана. Кроме этого отряда, было сформировано два дублирующих в Закавказье (Лагадехи) и Среднеазиатском военном округе (Капчагай).

В августе сформированный отряд проверяла комиссия Генштаба и признала уровень боевой подготовки хорошим. В это время на личный состав в Москве уже шили униформу афганской армии, а также готовили необходимые документы. Каждый военнослужащий отряда имел легализационные документы установленного образца на афганском языке. С именами мудрить не пришлось — каждый пользовался своим. Это не должно было бросаться в глаза, поскольку в Афганистане, особенно в северных районах, много и таджиков и узбеков, да и туркмены тоже не редкость.

К тому времени афганское правительство и сам Амин неоднократно обращались к руководству ЦК КПСС с просьбой о вводе в Афганистан некоторого количества советских частей для стабилизации обстановки в городах и провинциях страны.

В стенах КГБ и Главного разведывательного управления Генштаба независимо друг от друга были подготовлены варианты использования спецподразделений. Опасаясь непредсказуемого Амина, в Кабуле готовился переворот. Основную роль в этом должны были сыграть чекистские группы «Гром» и «Зенит», а также «мусульманский батальон».

Командиром был назначен майор Холбаев Хабиб Таджибаевич. Под руководством старшего офицера ГРУ полковника В. Колесника и его заместителя подполковника О. Швеца до ноября готовился личный состав отряда к предстоящим боевым действиям. Затем отряд был переброшен самолетами на авиабазу Баграм. Личный состав, а также имущество отряда и предметы материального обеспечения, включая дрова, перевезли на АН-12. Вся тяжелая техника была доставлена на АН-22 «Антей». Отряд две недели находился в Баграме, в 50 километрах от Кабула, где адаптировался к новым условиям.

13 декабря батальон прибыл к новому месту дислокации, на юго-западную окраину Кабула, в район Дар-Уль-Аман. Окончательный план штурма дворца Тадж-Бек был составлен В. В. Колесником.

Через двадцать лет он сдержанно написал об этом:

«Главный военный советник генерал-полковник Магомедов и главный советник КГБ генерал-лейтенант Иванов предложили мне разработать свой план. План утвердили, и я был назначен руководителем операции. Началась непосредственная подготовка к операции. Я разработал конкретный план захвата дворца, а также зенитного полка. Полк должен был захватить инженерный взвод, усиленный двумя расчетами АГС-17. Гранатометчики должны были огнем отсеять личный состав от средств ПВО на позициях, а саперы под их прикрытием должны были выйти к орудиям и пулеметным установкам и уничтожить их подрывом. Этой группой руководил подполковник Швец.

Заместителю командира отряда Сахатову я поставил задачу отобрать личный состав для захвата танков, закопанных у дворца. Для выполнения задачи требовались люди, способные водить танки и вести огонь из них в случае необходимости. Кроме танковых экипажей, в эту группу вошли четверо «комитетчиков», два снайпера и два пулеметчика. Всего двенадцать человек. На автомобиле ГАЗ-66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона и захватить три закопанных танка.

Вторая и третья роты отряда, а также приданная рота десантников под командованием старшего лейтенанта В. Востротина, должны были блокировать расположение второго, третьего и расположение первого и танкового батальона, которые дислоцировались вместе, и не допустить их выхода из ППД. Первая рота под командованием В. Шарипова должна была доставить на своих плечах группы «Грома» и «Зе-

нита» ко дворцу. Непосредственно штурм здания должны были осуществить группы спецназа КГБ совместно с двумя группами первой роты.

План, отработанный на карте и подписанный мною, я принес для подписи Магомедову и Иванову. Однако, утвердив план устно, ни тот, ни другой свою подпись на план не поставили. Ясно было, что в то время, когда мы решали, как выполнить задачу, поставленную руководством страны, эти хитрецы думали о том, как избежать ответственности в случае неудачи нашей акции.

Тогда я в их присутствии на плане написал: «План устно утвержден Главным военным советником Магомедовым С. К. и Главным советником КГБ Ивановым Б. И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись, после чего направился в батальон, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма. Вместе со мной в батальон прибыл и генерал Дроздов, который был назначен моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ. Никто из исполнителей, кроме нас и Холбаева, не был посвящен в истинные планы, которые нам предстояло осуществить...».

Операция, получившая кодовое название «ШТОРМ», началась. С наступлением темноты разведчики Холбаева занимали выгодные позиции у дворца. Захватывали огневые точки и снимали часовых. Общим сигналом к штурму всех объектов должен был стать взрыв «колдца» связи в районе площади Пуштунистана.

Информационная блокада должна была гарантировать сохранение в секрете всего, что начиналось в 19.15. Однако при блокировании артсклада разведчики были обстреляны вторым часовым, которого они сразу не заметили. Сарбоз своими выстрелами переполошил всю охрану, и началась перестрелка. Но самый большой шум устроила группа Сахатова, которая, проезжая через расположение третьего батальона, увидела, что афганцам объявлена тревога. В центре плаца стояли комбат и его заместители. Личный состав получал оружие и боеприпасы. Мгновенно оценив ситуацию, Сахатов принимает решение захватить командование пехотного батальона.

Двигаясь на полном ходу, автомобиль с нашими разведчиками внезапно останавливается возле афганских офицеров, и через считанные секунды они лежали в кузове ГАЗ-66, который рванул вперед, оставляя за собой шлейф пыли. В первые минуты солдаты батальона даже не поняли, что произошло, но потом открыли огонь по удаляющейся машине, однако было поздно... Сахатов, проехав метров двести, остановил машину, спешил личный состав, который тут же залег и открыл огонь по атакующим солдатам охраны. Оставшись без управления, они наступали толпой и представляли собой прекрасную мишень для двух пулеметов и восьми автоматов разведчиков спецназа. Снайперы тем временем сняли часовых у танков...

Далее В. В. Колесник вспоминал: «Услышав стрельбу в расположении третьего батальона, я дал команду на начало операции, запустив серию ракет. Две «Шилки» открыли огонь по дворцу, а еще две — по расположению танкового батальона для того, чтобы не допустить его личный состав к танкам. Расчеты АГС-17 открыли огонь по расположению второго батальона, не позволяя личному составу покинуть казармы. Вторая, третья роты отряда и рота Востротина на броневинулись для блокирования батальонов бригады охраны, а первая рота совместно с группами КГБ устремилась ко дворцу».

Было 18.25, когда чекисты и разведчики бросились в атаку. Командир группы «Гром» Романов вместе с разведчиками капитана Шарипова и чекистами двигались на боевых машинах пехоты. Фактор внезапности был потерян. С первых минут боя «Шилки» открыли огонь по дворцу. Эту ситуацию В. Колесник оценивал так:

«К моменту проникновения во дворец наших штурмовых групп на девяти БМП «Шилки» должны были прекратить огонь. Но в этот момент один из бронетранспортеров упал в канаву, и его командир своими просьбами о помощи «забил» нашу рабочую частоту. Управление временно было потеряно. Для прекращения огня «Шилок» пришлось, как в старину, отправить посыльного. Из-за этой заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нем уже работали наши группы». Бойцы КГБ и ГРУ прорвались ко входу во дворец. Непрерывная канонада заглушила команды командиров и отборный русский мат, которым отлично пользовались мусульмане для подъема морального духа. Чтобы отличить в темноте своих от чужих, на левую руку надели белые повязки. Но их разглядеть в кромешной тьме было не так просто. А вот русские ругательства обеспечивали лучшую безопасность. Чекисты не смогли самостоятельно захватить второй этаж, и полковник Бояринов запросил подмогу из числа разведчиков спецназа. Разведчики сумели овладеть вторым этажом. Забросав гранатами помещение, они ворвались в комнату Амина. Тело убитого Амина после боя похоронил в одном из окопов замполит отряда Саттаров.

Через сорок минут бой в самом дворце стих. Однако вокруг здания и в городе он еще продолжался и прекратился не скоро. Часть подразделений продолжала оказывать сопротивление. Так, с остатками третьего батальона наш отряд воевал еще сутки, после чего афганцы ушли в горы. Основная же часть афганских солдат и офицеров сдавалась в плен. Всего было пленено около 1700 человек.

Пока шел бой во дворце, Сахатов со своей группой захватил один из танков и двинулся к Генштабу, но был обстрелян нашими десанниками, которые его к этому времени уже захватили. Поскольку спецназовцы были одеты в афганскую униформу и ехали на афганском танке, десантники без лишних слов шарахнули по танку из «Мухи». Сахатов

со своими спешился и, нещадно матерясь, объяснил, что они свои. Услышав родную речь, десантники огонь прекратили.

Вечером следующего после штурма дня всех руководителей операции чуть не уложил пулеметной очередью советский солдат. Вот как об этом рассказал сам В. Колесник:

«Возвращаясь на аминовском «мерседесе», мы были обстреляны недалеко от здания Генштаба, которое охраняли десантники. Первым заметил странные вспышки на асфальте и сообразил, что они означают, О. Швец. Он выскочил из машины и покрыл часового отборным матом. Это было лучше, чем пароль. Вызвали начальника караула. Появившийся лейтенант для начала получил от Швеца в ухо, а лишь потом выслушал порядок применения оружия часовым на посту. Мы подошли к машине, в капоте которой зияло несколько пулевых отверстий. Немного выше — и ни меня, ни Эвольда Козлова в живых бы точно не было. Юрий Иванович Дроздов подошел к лейтенанту и негромко сказал: «Спасибо тебе, сынок, что ты своего солдата стрелять не научил». После этого инцидента мы приехали в наше расположение, и для того, чтобы снять нервное напряжение, выпили четыре или пять бутылок водки. Но стресс был настолько сильным, что водка нас не взяла. Несмотря на две бессонные ночи и бой, я так и не смог заснуть».

Общие потери подразделений КГБ и ГРУ за время операции составили 32 человека. В первые минуты штурма из 22 бойцов группы «Гром» 13 получили ранения. Девять ранений получил Сергей Голов, но наперекор судьбе остался жив.

9 января 1980 года батальон спецназа вернулся в СССР. Похоронили с воинскими почестями восемь убитых, направили в госпиталь Туркестанского военного округа 67 раненых.

28 апреля 1980 года Президиум Верховного Совета подписал секретный указ о награждении отличившихся офицеров и солдат за успешное выполнение специальных заданий командования. Звания Героя Советского Союза были удостоены четыре человека, среди них Колесник Василий Васильевич. 370 военнослужащих 154-го ООСПН были награждены боевыми наградами. Семь разведчиков стали кавалерами ордена Ленина, в том числе Халбаев, Сахатов, Шарипов, хотя их Колесник представлял к званию Героя Советского Союза. Двадцать человек были награждены орденом Красного Знамени, в их числе были замполит отряда — капитан Саттаров и подполковник О. У. Швец. Около шестидесяти человек наградили орденом Красной Звезды и еще почти триста человек — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Эта первая боевая операция советского спецназа в Афганистане вошла в энциклопедию специальных операций мира. Ее изучали и будут изучать еще многие поколения разведчиков. Она была талантливо спланирована менее чем за трое суток и проведена менее чем за час.

Главное разведывательное управление всегда отличалось незаурядной скромностью. Именно вследствие ее главные исполнители этого одноактного спектакля десять лет оставались в тени.

Жизнь же этого легендарного человека, насыщенная многими драматическими эпизодами, служит примером для многих поколений разведчиков. К счастью, ему при жизни отдали должное, он стал генерал-майором и до 1997 года был начальником направления специальной разведки ГРУ Генштаба. Но испытания на прочность Колесник проходил постоянно. В период первой войны в Чечне он потерял сына Михаила, который капитаном, командиром роты спецназа, попал в Грозный из Приморья.

«Сам я служил в военной разведке, в ГРУ, — рассказывал немногословный Василий Васильевич, — а когда мой сын решил поступать в Рязанское воздушно-десантное училище, я был категорически против. Но он с детства мечтал о десанте. Учился он на факультете спецназа, служил на Дальнем Востоке, в Уссурийской бригаде. За несколько дней до того, как их должны были отправить в Чечню, Миша позвонил мне и сообщил об этом. И он сказал: «Папа, ничего не предпринимай!» Хотя я бы и не стал никуда звонить.

Хотя уберечь сына от Чечни было элементарно: командир бригады на Дальнем Востоке — мой бывший подчиненный. Да и в ГРУ достаточно людей, которые мне в той или иной степени обязаны. Миша попал в Чечню 18 января 1995 года, а погиб на следующий день, 19-го... 20-го утром мне об этом сообщили. Тяжело, было очень тяжело...».

Дружба — залог силы духа и успехов в жизни и работе. Кто не ищет дружбы с ближним, тот себе заклятый враг. И один в поле воин, если он не одинок в жизни. А порядочность, как говорится в Кодексе разведчика, безусловное соблюдение профессиональной этики разведчика — надежность, чувство плеча товарища и взаимовыручка. Все это органично входит в образ жизни спецназовца. Поэтому горестный день гибели капитана М. Колесника стал поводом для создания 22 февраля 1995 года в Москве общественной организации Взаимопомощи основателей спецназа армии.

Прошли годы, и если сначала в Афганистане — в Кабуле, Джелалабаде, Кандагаре, Лошкаргахе, то затем и на Кавказе командирами частей спецназа стали бывшие воспитанники Колесника, которые продолжили его дело. По вечерам, когда они собирались в товарищеских компаниях, непременно поднимались традиционные тосты: «За Батю!», «За Василия Васильевича Колесника!».

КОМБРИГ

*Светлой памяти генерал-майора
Колесника Василия Васильевича*

...И рядовые, и комбаты,
осилившие высоту,
его зовут и ныне «батей»
за праведную доброту,
хотя у самого истока
он мог и смел бы стать жестоким.

В шесть лет легла на сердце шрамом
та встреча с клятыми врагами
со свастикой на рукавах.
Они родных отца и маму
казнили на его глазах.

И стала б мачехой постылой
земля без мамы и отца...
Но привлекла и приютила
семья суворовцев мальчика.

В ней обретал он шаг за шагом
законы дружбы и отваги,
и крепость воли обретал,
как закаляемый металл.

Та воля душу вдохновляла,
в полет звала, и помогала
перемогать знобящий страх
и на афганских перевалах,
и на граничных рубежах.

И в строгой летописи ратной
останутся на долгий век
штурм и захват дворца Тадж-Бек
сквозь строй охраны многократной.

Подмяв бесшумно грозных стражей,
руководимый им отряд
отсек броню от экипажей
и командиров от солдат.

Затем в порыве том едином,
запалы вывентив из мин,
связь срезал —
и аминь Амину,
и лжи Аминовской — аминь!..

А на ученьях, на досуге,
во всем понятный и большой,
он был советником и другом,
отцом бригады,
и душой.

И в памяти —
как та зарница
за дальней облачной грядой,
Гроза прошла,
а свет лучится,
земле дарующий покой.

*Михаил СЕЛЕЗНЕВ,
лауреат премии Ушакова
и ряда литературных премий.*

ВЕХИ ИСТОРИИ

НАШЕ ДЕЛО — ВОЙНА И РАЗВЕДКА

*«Уносит нашу юность ветер,
Восточный ветер — на войну...
Рычит семидесятый бэтэр
Псом верным в злую тишину».*

В. КОШЕЛЕВ

В начале января 1980 года из Кабула вернулся «мусульманский батальон», офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты которого получили боевой опыт, потеряли погибшими 8 человек и 67 раненых. Никто из моих сослуживцев не мог предполагать тогда, что начавшаяся Афганская война будет такой длительной. Поэтому многие стремились как можно скорее туда попасть, искренне воспитанные в духе интернационализма и советского патриотизма и побаивающиеся, что не успеют сделать главных дел в своей жизни. Но этой войны хватило на несколько поколений солдат и офицеров. Одновременно с эйфорией встречи фронтовиков и милитаристским угаром, охватившим коллектив, на базе 15 обрСпН началось формирование новой секретной части для Афганистана — 459-й отдельной роты специального назначения. Куратором формирования роты полковник ГРУ Блохин, командиром которой назначили одного из лучших офицеров бригады, выпускника РВВДКУ капитана Латыпова Рафиса Рафаковича (впоследствии получившим тяжелое огнестрельное ранение и отправленным в Союз. После окончания академии им. Фрунзе служил в РУ ЛенВО). Латыпову было доверено отобрать из штата бригады офицеров и прапорщиков, однако после пережитого сокращения в 1978 году сделать это было крайне сложно. Тогда для доукомплектования штата подразделения, командованием ГРУ было отправлено распоряжение во все бригады спецназ ГРУ об отборе и откомандировании необходимого количества специалистов. Москва же и утвердила этих четырех офицеров.

Задача была выполнена. Штат заполнили: заместителем командира роты Виктором Боевым, замполитом Сергеем Михальковым, командирами групп Григорием Ивановым, Евгением Тишиным (впоследствии генерал-майор), Владимиром Сомовым (представлялся к званию Героя Советского Союза), Михаилом Лукомским. Группу связи возгла-

вил Шаламов. Заместителями командиров групп стали лучшие чирчикские прапорщики Дрек, Жендоренко, Рязанов, которые, как и офицеры первого набора, показали себя настоящими спецназовцами и фанатами своего дела.

Согласно штату рота насчитывала сто двадцать человек. Под контролем командования бригады, Р.Р. Латыпов сумел сформировать подразделение и провести боевое слаживание. Весь месяц рота интенсивно занималась боевой подготовкой, впитывая опыт героев штурма дворца Амина.

Из их рассказов раскрывалась запутанная ситуация реальной военно-политической обстановки в стране и условия выживания в зимних условиях высокогорья. В начале февраля в Кабул улетела группа лейтенанта М.Лукомского для подбора места дислокации подразделения. Основной состав ротной колонны пересек границу с ДРА 4 февраля 1980 года, и выдвигался в столицу в колонне частей разведки 40-й армии. Впоследствии отдельной роте пришлось более 600 раз «гастролировать» на всей территории Афганистана подобно свободному охотнику, подчиняясь воле вышестоящих начальников. «Часто задачи командирам групп спецназа орСпН ставил лично маршал Ахромеев С.Ф., — писал генерал Ф.И. Гредасов, — докладчиками итогов боевых действий первому заместителю начальника генерального штаба были командиры групп капитан Сомов и старший лейтенант Боев... Эта рота героическая...». Через нее прошли многие ветераны 15-й бригады командир Боев, Иванов, Москаленко, Якименко (погиб), Губанов, Кириченко, Долотказин, Ладейщиков, Ковалев (погиб), Вабул, Кушкис, Акулич, Хоршунов, Зубов (погиб), Адиев (погиб), прапорщики Бельский, Кокарев, Самсонов, Пешков и другие.

Ротой после ранения первого командира в различные годы войны командовали офицеры Владимир Москаленко, Кириченко, Алексей Пильников, Зайцев, Владимир Дедело, Дмитрий Лукьяненко, Николай Хоршунов.

Замена выслуживших свой срок солдат кабульской роты осуществлялась за счет личного состава 15-й бригады, прошедших подготовку. И ошибки были редкими. Личный состав показал достойное мужество и героизм. Первым орденом Красного Знамени в роте получил заместитель командира роты старший лейтенант В.Боев. А всего за войну более 800 офицеров и солдат 459-й орСпН награждены орденами и медалями. 34 военнослужащих роты погибли в боях (первый — рядовой Горшук М.М. — 28.08.80 г.; последний — рядовой Подмоковный И.А. — 22.08.1987 г.).

Позже в Афганистане стали воевать батальоны, и там были свои масштабы и свои герои. Многие результаты подразделений орСпН на их фоне кажутся сейчас незначительными, но они были первыми тогда

и единственными спецназовцами в 40-й армии. Такими и вошли в историю... 15 августа 1988 г. рота выведена в Самарканд.

Летом 1980 года из Москвы пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников операции «Шторм-333» и торжественно были вручены первые ордена и медали за Афганскую войну. Более 300 военнослужащих бригады тогда были награждены государственными наградами, среди них командир бригады полковник Овчаров А.А., начальник штаба бригады подполковник Стекольников А.М. — орденами Красной Звезды, начальник политотдела и начальник тыла бригады майоры Тибенко И.И. и Турбуланов — орденами «За службу Родине в ВС СССР» III степени, группа офицеров штаба и начальников служб — медалями «За боевые заслуги».

К весне 1980 года обстановка в Афганистане осложнилась настолько, что потребовалось решительное вмешательство со стороны министерства обороны СССР. После кровопролитных боев с мятежниками в восточных провинциях страны все острее обсуждался вопрос слабой подготовки наших войск к боям в горной местности с иррегулярными группами мятежников. Даже десантники Витебской дивизии не понимали природу горной войны и нуждались в обучении. По приказу министра обороны генерал-лейтенанту Гредасову Ф.И. было поручено провести показательные занятия с командным составом соединений ТуркВО и 40-й армии в учебном центре Келета под Ашхабадом. На сбор для демонстрации тактики спецназа и методике рукопашного боя были привлечены подразделения 15 обрСпН. Особое внимание начальник разведки Сухопутных войск уделил инструктажу группы руководителей частей 103 ввд по тактике спецназа. Но одного сбора было недостаточно, и тогда по инициативе Гредасова, Генеральным штабом было принято решение направить в Афганистан инструкторов-специалистов разведчиков для обучения командного состава 103-й ввд.

В начале июля 1980 г. в Чирчик прибыли офицеры из бригад спецназ ГРУ для работы инструкторами и специалистами в частях воздушно-десантных войск, находящихся в Афганистане. Представитель ГРУ полковник Сазонов на месте укомплектовал три группы. В каждой группе было по пять офицеров — три командира отряда спецназ, один связист спецрадиосвязи и один сапер. 14 июля 1980 г. два десятка офицеров спецназа ГРУ вылетели в Кабул. Прибывших специалистов лично инструктировали маршал Ахромеев и начальник разведки Сухопутных войск генерал-лейтенант Гредасов. На совещании в 103-й дивизии принято решение от каждого полка выделить по одному батальону для обучения тактике спецназа. Группу от 15-й бригады определили в 317-й парашютно-десантный полк. В эту группу входили майоры Стодереvский, Ильин, Богдан, лейтенант Евдокимов и старший лейтенант Кондратьев. Итоги обучения радовали не только командование. Высо-

кое мнение о проведенных занятиях специалистами спецназа высказывал бывший начальник разведки десантной дивизии полковник Михаил Скрынников:

«Впоследствии действия наших караванщиков были высокопрофессиональными. Операции проводились практически без потерь. И за это они должны быть благодарны офицерам главного разведывательного управления, вложивших много труда в подготовку десантников. Офицеры из состава батальонных тактических групп были обучены организации засад в составе подразделения, могли при необходимости самостоятельно решать задачи по перехвату караванов в пустынях, горах и зеленых зонах, вести боевые действия в любых условиях. Да и в дальнейшем приобретенный опыт помогал им грамотно организовывать боевые действия на любой местности днем и ночью. Постепенно эти батальоны стали использоваться командованием 40-й армии и пехотными командирами в трудных ситуациях как палочки-выручалочки. Жаль, что в российской армии нет таких организационно-штатных структур и таких хороших, всесторонне подготовленных батальонов. После завершения Афганской войны прошло более 20 лет, и почему-то забыт приобретенный боевой опыт». См. М. Скрынников «Спецназ ВДВ», М., «Эксмо» — «Яуза», 2005, стр.192-193.

Несколько иное мнения об обучении высказал самокритичный полковник И.Стодереvский: «Я считаю, что свою задачу по подготовке подразделений 103-й ввд мы до конца не выполнили. Спецназовцев за два месяца не подготовишь, даже из таких прекрасных ребят и профессионалов как десантники. По большому счету занятия мы проводили не больше месяца, так как состоялись несколько боевых операций. Материальной базы ноль. Уж если хотели переучить, надо было вывести батальоны в Союз минимум сроком месяца на три. А вообще-то каждый должен заниматься своим делом. И правы были офицеры-десантники, когда говорили нам: «Если вы такие ассы — приезжайте и работайте здесь со своими подразделениями». Видимо, в Москве это тоже поняли. Однако после моего отъезда в Союз, замполит Г.Новоселов мне писал, что они успешно применяют то, чему я их учил. Дай то бог, если это спасло жизнь хоть одного солдата, значит, командировка не была напрасной». Стодереvский И.Ю. «Автобиография. Записки офицера спецназа ГРУ», М. «Финтрекс», 2006, стр. 161 — 162.

17 сентября 1980 года все военные специалисты благополучно вернулись в Чирчик. В 1981 году за успешное выполнение специального задания командования все участники командировки в Кабул были награждены орденами Красной Звезды.

Осенью 1980 года на базе 15-й бригады проводились испытания системы «Реалия». Аппаратура работала отлично. Для прикрытия объектов провели испытания и системы «Охота», которые после этого широко применяли в боях с мятежниками на территории Афганистана.

Впервые за историю бригады 7 ноября 1980 года 15-я бригада участвовала в параде войск Ташкентского гарнизона, посвященного очередной годовщине Великого Октября. До этого, будучи засекреченным соединением, она в парадах не участвовала, как метко тогда отмечал поэт В. Кошелев: «Нас не увидишь на парадах: мы не придворные войска, в отрядах наших и бригадах готовность первого броска». Но воздушно-десантных частей уже не осталось, и потому с молчаливого согласия начальника штаба округа к праздничному параду в Ташкенте были привлечены подразделения 15 обрСпН, которые отлично прошли перед общественностью столицы Узбекистана.

В декабре 1980 года полковник Овчаров А.А. убыл к новому месту службы в Московский военный округ. Бригаду принял его заместитель полковник **Анатолий Михайлович Стекольников**, который четыре года, помимо боевой подготовки занимался обеспечением личным составом и материально-техническим снабжением подразделений, воюющих в Афганистане. Начиная с 1980 по март 1985 гг. лучшие воины из числа солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров 15-й бригады выполняли интернациональный долг в Афганистане. Они принимали участие в боевых действиях в составе ограниченного контингента советских войск в комплекте частей разведки 40 армии. Многие исполняли обязанности в качестве военных советников в частях командос республиканской армии ДРА. Подавляющая часть из них была награждена орденами и медалями.

В декабре 1984 года командование бригадой принял подполковник **Владимир Матвеевич Бабушкин**, исполнявший до этого обязанности заместителя командира бригады. Новый комбриг родился 7 марта 1949 года в Ташкенте. Отец — ветеран войны постоянно находился на лечении в госпитале в Ташкенте. В 1966 году окончил среднюю школу № 91 и поступил в Бакинское высшее военно-морское училище. Однако учеба не сложилась по причине землетрясения в столице Узбекистана и возвращения уроженцев города на восстановление в Ташкент. Вернувшихся курсантов зачислили в штат командного общевоинского училища им. Ленина, учебу в котором Бабушкин окончил в 1971 году и был откомандирован в Уральский военный округ. С 1971 по 1974 гг. — командир разведывательного взвода и разведывательной роты 324 мсп (г. Пермь). С 1974 по 1978 гг. в г. Арамилль Свердловской области командует отдельной ротой СпН УрВО. С февраля 1978 по сентябрь 1979 гг. — командир учебного мотострелкового батальона на БМП в 78-й Сивашская мсд (г. Чебаркуль, Челябинской области), с 1979 по 1982 гг. — слушатель разведфака (группа спецназ) Военной академии имени Фрунзе. С 1982 по 1984 гг. — заместитель командира бригады в Чирчике (сменил подполковника Агапонова). С декабря 1984 по апрель 1986 гг. — командир 15-й бригады СпН.

В марте 1985 г., выполняя приказ, В.М. Бабушкин ввел управление, штаб 15-й бригады и отряд спецрадиосвязи на территорию Афганистана. Соединение получило открытое наименование: 1 отдельная мотострелковая бригада, войсковая часть полевая почта 71351, позывной «Бретань». В период командования бригадой подполковником Бабушкиным В.М. была принята зона ответственности шириной 800 километров по фронту и глубиной 250 километров вдоль границы с Пакистаном. Налажено боевое управление четырьмя отдельными отрядами спецназ (154-м, 177-м, 334-м, 668-м ооСПн) и проведены боевые операции в провинции Кунар и Нангархар, захват и уничтожение укрепрайона «Гошта», захват укрепрайона «Карера» в ущелье Крер и другие. Последняя боевая операция, по причине международного скандала из за боевых действий на Пакистанской территории, послужила основанием для отстранения комбрига от исполнения обязанностей и досрочного возвращения в Союз.

С августа 1986 по 1988 гг. Бабушкин В.М. — старший офицер разведуправления Ставки Юго-Западного направления. С 1988 по 1991 гг. — заместитель начальника управления кадров Ставки Юго-Западного направления. С 1991 по 1993 гг. — начальник штаба — заместитель командующего войсками ПВО Юго-Западного направления. С апреля 1993 в отставке. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени и многими медалями. Полковник в отставке. Проживает в г. Воронеж. Работает начальником службы экономической безопасности ОАО «Рудгормаш». Женат. Имеет сына и дочь.

Замена комбрига подполковника В.М. Бабушкина произошла быстро. В составе группы офицеров ГРУ, работавших в Афганистане, находился старший офицер направления специальной разведки 5 управления полковник Старов Ю.Т. Офицер опытный и умудренный жизнью, до этого командовавший двумя бригадами спецназ в Германии и Одесском военном округе. Кандидатура во всех отношениях подходящая. Вот его то начальник ГРУ генерал армии Ивашутин и приказал назначить на 15 обрСпН. В апреле 1986 года новый комбриг принял должность и громадное боевое наследство, которое укрепил достойным командованием соединением до конца 1990 года.

Юрий Тимофеевич Старов родился 7 ноября 1940 года на Южном Урале в городе Магнитогорске. Отец прошел войну командиром разведроты и рано ушел из жизни от последствий многочисленных ранений. Поэтому вполне логично, что Юрий пошел по стопам отца. С 4 класса учился в СВУ. После окончания Московское ВОКУ был направлен для дальнейшей службы в отдельный отряд спецназначения в ГСВГ, на базе которого в 1963 году была развернута 3-я гвардейская обрСпН. Затем в 3-й гвардейской Варшавско-Берлинской Крас-

нознаменной ордена Суворова III ст. бригаде специального назначения командует учебной ротой спецназ. За успехи в боевой подготовке награжден орденом Красная Звезда и назначается командиром отряда спецназ. 1969 — 1972 гг. — слушатель академии им. М.В. Фрунзе. После окончания академии продолжает службу начальником оперативно-разведывательного отделения, начальником штаба 2 бригады спецназ (г. Псков). Командует 10-й бригадой спецназ (г. Старый Крым, Одесского военного округа). С ноября 1983 по январь 1986 гг. — командир 3-й гвардейской Варшавско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова III ст. бригады специального назначения (округ Ной-Бранденбург, Группы советских войск в Германии). С января 1986 по апрель 1986 гг. — старший офицер направления специальной разведки ГРУ ГШ ВС СССР. С апреля 1986 по декабрь 1990 гг. — командир 15-й бригады спецназ. С марта 1986 по май 1988 гг. принимает участие в боевых действиях в Афганистане. Под его командованием бойцы-спецназовцы только за один 1987 год уничтожили 332 каравана с оружием и боеприпасами, захватили 290 единиц тяжелого оружия, 80 переносных зенитно-ракетных комплексов (в том числе 6 ПЗРК «Стингер» и 2 ПЗРК «Блоупайп»), 30 неуправляемых реактивных снарядов, 15 тысяч противотанковых и противопехотных мин, 8 миллионов боеприпасов к стрелковому оружию. Принимал участие в десяти армейских операциях. В мае 1988 года в результате четкого планирования без потерь вывел соединение в Союз в город Чирчик. За успешное выполнение специальных заданий командования и проявленное при этом мужество и героизм полковник Ю.Т. Старов награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, афганским орденом Боевого Красного Знамени и многими медалями. Указом Президента Республики Афганистан № 136 от 03.02.1988 15-я бригада под его командованием награждена высшим военным орденом Боевого Красного Знамени. Соединение и все отдельные отряды спецназ, входящие в бригаду награждены 6 Почетными Красными знаменами НДПА. С 1990 года до увольнения в запас в 1992 году — сотрудник ГРУ ГШ ВС СССР и РФ. Полковник в отставке. Проживает в Москве. Женат. Имеет сына. Биография полковника Старова Ю.Т. включена в престижные энциклопедические справочники «Солдаты XX века», М.2001г., выпущенного Российским Комитетом ветеранов войны и военной службы совместно с Ассоциацией «Международный объединенный биографический Центр» и «Спецназ России», М.2007 г.

После ввода 15-й обрСпН в Афганистан, с марта 1985 года, на освободившейся базе и в военном городке был развернут 467-й отдельный учебный полк специального назначения ГРУ, которым командовали ветераны 15-й бригады полковники Х.Т. Холбаев, И.М. Крот, Е.В. Тишин. По итогам учебного года полк неоднократно награждался

переходящим знаменем Военного Совета ТуркВО. Среди воспитанников полка трое военнослужащих спецназа — Арсенов В.В., Исламов Ю.В., Онищук О.П. — посмертно стали Героями Советского Союза. Всю Афганскую войну через военный городок 15-й бригады осуществлялась ротация офицерских кадров из других соединений и частей ГРУ в части и соединения спецназ, воюющие «за речкой». С ними проводились занятия по специфике предстоящих боевых действий, для молодых офицеров проводили сборы по воздушно-десантной подготовке. Впоследствии в среде офицеров спецназа родилось название «Чирчикские курсы Героев Советского Союза».

Война в Афганистане показала возможность самостоятельного боевого применения частей и подразделений специального назначения. Стало ясно, что действия разведывательных органов специального назначения при ведении вооруженной борьбы против незаконных (иррегулярных) вооруженных формирований и при выполнении других специальных задач выходят за рамки разведывательного обеспечения операции (боевых действий). Боевое применение частей специального назначения стало самостоятельной составной частью действий ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Как это происходило, рассмотрим на опыте отдельных отрядов спецназ 15-й бригады.

ВЕХИ ИСТОРИИ

МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН С НОВА НА ВОЙНЕ

*Потом наступит покаяние...
Сейчас уходим на задание —
Приказ, как цель, и ясен путь,
И не сойти, и не свернуть.
Ночь озарит на миг ракета,
Как жизнь людская, как комета,
Но это вовсе не салют —
Ура! Вперед... на Божий суд!*

Владимир КОШЕЛЕВ.

Со второй половины 1980 года деятельность разведывательных органов 40-й армии активизировалась. Разведывательные данные стали более достоверными и конкретными. В связи с этим начался переход от рейдовых действий (результаты которых были в значительной мере непредсказуемы) к действиям по точным разведывательным данным против конкретных групп и отрядов противника.

Уже 3 июля 1980 года командующий 40-й армией отдал приказ об организации в соединениях, частях и отдельно стоящих батальонах дежурства боевых подразделений для немедленного реагирования на полученные разведывательные данные. Поскольку в Афганистане советские подразделения могли действовать только совместно с афганскими, в ближайших афганских гарнизонах также имелись соответствующие дежурные силы.

В конце 1981 года предпринимаются усилия по увеличению группировки разведорганов. В Афганистан вводятся два отдельных отряда спецназ ГРУ, для действий в северном и центральном районах страны. Одним из них вновь стал «мусульманский батальон» — 154 ооСпН.

Знаменательным днем для личного состава стало 7 мая 1981 г., когда командующий войсками ТУРКВО вручил Боевое Знамя 154 отдельному отряду специального назначения. Воинскую святыню принимал командир отряда майор Костенюк. Ничего не предвещало изме-

нений в ритме повседневной боевой учебы. Однако осенью в часть поступила Директива начальника Генштаба № 4/372 от 21.10.1981 г., оказавшаяся полной неожиданностью. Отряд подлежал срочному доукомплектованию и вводу на территорию Афганистана для выполнения специальных заданий командования. На все про все давалось десять дней. Командиром 154 отряда назначили майора Стодеревского, который рассказывал: «Началось переукомплектование отряда, заменяли негодных. Выбрать было из кого. Ко мне шли офицеры и прапорщики не только из бригады, но и из частей гарнизона. Приходили и солдаты, сбегав в самоволку из своих частей. Если человек мне подходил, то назад в часть он не возвращался, так как рядом со мной сидел кадровик из штаба округа, который к вечеру готовил приказ о переводе этих людей. Радовало, что 100 % офицеров и прапорщиков, и 70 % солдат и сержантов оказались добровольцами, что впоследствии положительно сказалось на службе. Одновременно с этим принималось имущество, вооружение, техника и шла погрузка на эшелоны. Этот кошмар без сна и отдыха длился более трех суток».

Ночью 28 октября, завершив марш железнодорожным путем, отряд разгрузился на станции Джаркурган в 35 км восточнее г. Термез и вышел в район сосредоточения согласно приказу. Дальнейший марш к границе своим ходом показался командиру отряда очень трудным по причине сложной местности, отсутствия дорог и регулировщиков. В отличие от серьезной подготовки «мусульманского батальона» Холбаева, ввод отряда Стодеревского сопровождался неразберихой и неоправданной спешкой. Игорь Юрьевич с горечью отмечал: «Прежде чем вводить отряд надо было провести хотя бы несколько занятий по боевому слаживанию. Ни я, ни мои подчиненные опыта по организации марша не имели, так как в спецназе на учениях подразделения действовали пешком. А тут война. В подразделениях сотни машин. Смешанные колонны колесной и гусеничной техники. Для чего нужна была эта спешка? О чем думали начальники в штабах? А ведь война шла уже более года, и можно было хотя бы вспомнить добрый опыт подготовки первого состава 154 ооСпН». Короче говоря, спецназовцы опытом обрательности в боевых условиях и на своих собственных ошибках. Часто бывало опираясь не на требования уставов и наставлений, а исходя из здравого смысла и реалий афганской действительности. Для войны отряд получил наименование — 1-й отдельный мотострелковый батальон (войсковая часть полевая почта 35651, позывной «Пахта»).

В 1.30 местного времени 30 октября 1981 года последняя машина отряда пересекла государственную границу СССР и боевая колонна

двинулась на юг вглубь Афганистана в провинцию Джаузджан. С этого времени начинается новый этап в боевой жизни отряда, который продлится долгих семь лет.

В афганской среде его величали «Джелалабадский» батальон спецназа (по последнему месту дислокации с 1984 по 1988 гг. в окрестностях города Джелалабада на восточной границе Афганистана).

Осваиваясь на новом месте, боевой комбат сплотил вокруг себя весь коллектив. Прекрасно работали его заместители: Посохов, Воронов, Ершов (ранен), Равиль Ахметов, Ниязалиев, Суханов, Чапаев, Скирта, Александр Иванов, помощник начальника штаба Милютенко.

Опираясь на командиров подразделений Волчецкого, Самойлова, Войтенко, Частухина, Маркушева, Якименко (погиб), Рукавишников, Свиридова, умелых артиллеристов Фадеева и Тюпоники, танкистов взвода Суворова, связистов Домрачева, медиков Дубровка, они обеспечивали четкое выполнение боевых задач, спланированных Стодеревским.

Имея все необходимое для боя, инициативный комбат даже сформировал нештатный кавалерийский взвод, который успешно применялся в боевых действиях.

Однако, новаторство майора Стодеревского не было по достоинству оценено командованием армии и ему запретили заниматься «партизанщиной».

ВЕХИ ИСТОРИИ

О П Е Р А Ц И Я

П О Д Д Ж А Р – К У Д У К О М

(6.12.— 8.12.1981 гг.)

*Мы — военной разведки Спецназ,
Это наша мужская работа,
Это псовая злая охота
Егерей, догоняющих нас.*

Владимир КОШЕЛЕВ.

В ряду газетных публикаций и статей аналитического характера, посвященных истории Спецназа, и, в частности, 154-го соСН, остался в тени период боевых действий с 1981 по 1984 годы.

Недостаточно сведущие историки пишут о том, что, якобы, в это время находящиеся в ДРА отряды спецназа осуществляли охрану трубопровода, идущего из Сахва, что, мягко говоря, не соответствует истине и вызывает неудовлетворение у ветеранов Спецназа. Для того, чтобы восстановить историческую правду и вывести из забвения, было написано несколько статей: «Неприступных ущелий не бывает», «За-сада», «Кули-Ишан» и другие, в которых уже рассказывалось о том времени и тактике действий подразделений разведчиков.

Опыт боевых действий Спецназа в первые и последующие годы Афганской войны неопровержимо доказывает, что подразделения и части Спецназа ГРУ всегда были востребованы командованием 40-й армии и находились на острие главных ударов многих армейских операций. Не всегда это было оправданно, но в расчет всегда ставились уникальные боевые и психологические качества военнослужащих нашего Спецназа, который оправдывал свое назначение..

Самая первая крупная боевая операция отряда из Чирчика, переформированного из легендарного «мусульманского батальона», состоялась через месяц после ввода в Афганистан. В декабре 1981 года подразделениями 154-го отряда спецназа, во взаимодействии с мотострелками, был взят в бою кишлак Джар-Кудук, который являлся базой по подготовке моджахедов Северного фронта.

О том, как это произошло, рассказали участники тех событий: командир отряда, в то время майор Игорь Стодеревский, и замкомвзвода

3 роты, в то время старший сержант, Владимир Листопад. Дополняя друг друга, они сумели в деталях восстановить те события. Воспользовался я и дневником комбата — этим уникальным в своем роде историческим свидетельством о человеке и о времени, о котором так немного, в сущности, дошло до нас подлинных документов, тех самых, которым мы даем сейчас название «человеческий документ». Без них трудно понять то время. Как сказал Бунин, — «Нет ничего лучше дневника... Тут жизнь, как она есть...»

Из дневниковых записей комбата: «В 21.00 29 октября 1981 года начали переход государственной границы и закончили в 1.30 (по ташкентскому времени) 30 октября, когда последняя машина вышла на афганскую землю. Марш колонны, состоящей из более 200 единиц техники, проходил очень тяжело, потому что было много чужих машин. В 7.00 прибыли в район 122 мотострелкового полка, а затем прошли через Мазари-Шариф в определенный нам район. С генералом Винокуровым облетел район на вертолете. Обустраивались. В ночь на 1 ноября во время перестрелки получил тяжелое ранение старший лейтенант В.Н. Михалев. Начали боевую деятельность: отправил на операцию вместе с десантно-штурмовым батальоном две группы, одной из них командовал брат Юрий (От автора: командир группы лейтенант Ю.Ю. Стодереvский). Утром 2 ноября сообщили о смерти Михалева. Жаль Владимира — отличный был офицер, золотой медалист, спортсмен, человек незаурядных способностей. Ему досталась одна из первых пуль. Отец — военный, родители живут в Москве. Отдал приказ: прекратить разворачивать лагерь! Прилетал генерал-полковник Гареев, выслушав мой доклад, согласился с моим решением и разрешил самому выбрать новое место дислокации отряда. Летал на вертолете на рекогносцировку, выбирал пункт постоянной дислокации. Согласно плану разведывательно-боевой деятельности три роты спецназа ушли на операции. Вечером 3 ноября привезли одного раненого разведчика...

4 ноября во время прочесывания местности недалеко от лагеря обнаружили банду. Во время скоротечного боя убили 4 душманов и девятых взяли в плен.

6 ноября продолжаем разбивать лагерь. Настроение предпраздничное. Испекли первый хлеб. Сделали освещение и провели первую помывку в бане. Политработники прокрутили личному составу первый фильм.

7 ноября. Праздник провели в боевых хлопотах. Рота на БМП под командованием старшего лейтенанта Посохова убыла на поиски губернатора провинции Джаузджан. Нашли его в кишлаке Менганжик, в условиях полной блокады, с оружием в руках и уже потерявшим всякую надежду на спасение. Как оказалось, он небольшими силами дер-

жал оборону от наседающих духов. Разведчики сбили заслоны душманов, убив в бою 15 басмачей. Пять человек взяли в плен. Захватили трофеи, интересно, что среди стрелкового оружия оказалось шесть английских карабинов БУР-303. Забрав на броню губернатора, на обратном пути при возвращении в ППД, попали в засаду и потеряли разведчика рядового Евгения Горбунова, уроженца Красноярского края...

20.11.81 г. В районе кишлака Тимурак наша колонна попала в засаду. Душманы расстреляли бронетехнику из гранатометов, а затем раненых доби́ли выстрелами в упор — в лицо, а одному перерезали горло и вспороли живот. Среди погибших лейтенант Андрей Слепцов и солдаты Шиварев, Чегодаев, Эшонов, Мшибаев, Бабиев. Останки всех убитых отправил в Кундуз вертолетом...

Старший сержант В.Листопад:

...Первую операцию под Джар-Кудуком я запомнил в деталях...К тому времени мы уже обжились в походных условиях недалеко от Акчи. Бытом своим мы, солдаты, были очень даже довольны, несмотря на зимние условия, у нашего взвода была отличная теплая палатка. Топилась печурка, которую сначала топили дровами, с этой целью нам привезли, уж не знаю откуда, несколько машин сосновых бревен. В качестве зарядки и физо мы, играючи, пилили и кололи их на дрова, а потом наши умельцы-техники сделали форсунку из канистры битого КамАЗа, и совсем милое дело стало — топили печку соляжкой. В боевом плане познакомились и с местностью, пошерстили духов под Акчой, Шибарганом, Балхом, там, где бандиты били наши колонны. Появилась уверенность в себе и товарищах.

Накануне операции, где-то, по-моему, 3 декабря, среди белого дня на дороге две наши машины (БМП и БМД) налетели на итальянские транспортные мины. Взрыв под нашей машиной произошел под шестым катком, вырвал его, расколол поддон двигателя, заклинил башню. Мой взводный лейтенант С.Н.Калмыков (впоследствии погиб 6.06.82 г.) мне говорит: «Листопад, садись в башню подорванной машины и расстреляй все боеприпасы».

Я долго в ней сидел, набравшись терпения, наблюдал в прицел и за 1 — 1,5 минуты, что попадали в радиус обстрела бородатые владельцы английских карабинов, бил по ним из пулемета, а также два раза ухнул из пушки, пока ее совсем не заклинило. Очень я этой охотой был доволен, так как с пользой расстрелял боезапас, а заодно и потренировался...

Перед операцией мы двое суток были в режиме ожидания. Стояли в танковом батальоне под Шибарганом. Там на выезде еще стояли наши пограничники, афганский военный госпиталь и царандой. В городе наших специалистов комбат договорился о бане и мы все по очереди, меняя друг друга, помылись и попарились. Мужики, наши специ-

алисты-газовщики, относились к нам очень хорошо, даже квас в парилку приносили. На местной киноустановке прокрутили нам несколько фильмов, то есть все было по-людски. Неопределенность раздражала, скорее хотелось в дело, в бой. Погода была мерзкая: низкая облачность, морозящий дождь, ветер.

Из дневника комбата: 5.12.81 г. Сидим ждём погоды, готовимся и изучаем вместе с командирами и политработниками авиафотоснимки укрепления базы Джар-Кудук. Крепкий орешек получается. Уточняем боевые задачи и последовательность действий, а также порядок докладов.

Листопад вспоминает:

Начались подвижки, как только стало светать, небо очистилось, прилетели вертолеты Ми-8 и Ми-6. Запомнил крайний инструктаж комбата: «Запомните ребята! С местным населением вести себя достойно. Духов — бить! Наша сила в дерзости и десантной стремительности. Пленных не расстреливать. Стрелять до того, как он поднял руки, а если после этого в него выстрелишь, — знай, ты преступник, и я тебя отдам безжалостно под трибунал!».

Наконец — взлет и мы стремительно полетели над землей. Друг друга в воздухе не видели. На самом подлете к цели в иллюминаторы увидели вооруженных всадников, которые прямо с коней стреляли по нам. В ответ и мы ударили по ним из пулеметов и автоматов. Я видел, как двое наездников от нашего огня упали, а остальные поскакали прочь. Вертолетчики шли по курсу, и догонять их не думали. Не долетая до объекта два или три километра, вертолеты подсели, и мы на ходу десантировались. Кто не прыгал из вертолета груженный под завязку, не сможет себе представить это «удовольствие» — особое чувство тревоги — шаги в неизвестность.

После десантирования, каждая группа под руководством офицеров самостоятельно начала выдвижение на заранее определенные высоты. Сначала шли цепью как на учениях, а тут, как из-под земли, появился Стодеревский, который никогда не ругался матом, а тут он как даст: «Мужики, вашу мать, в бою все передвижения бегом!». И дал очередь над головами.

После такой политработы мы взбодренные и проникнутые чувством высокого патриотизма поскакали на указанные нам рубежи. Кстати, эта стремительность определила победу и многим спасла жизни, но мы это оценили уже после боя.

Кишлак и база мятежников находились в предгорье, среди высоких сопок, в 60 — 80 км юго-западнее Шибаргана.

Наш взвод вышел на высоту правее КП батальона. Только залегли, отдышались, как мне ротный приказывает, — заберешь отделение управления роты и бегом к комбату. Я, Вася Чупковцов, мой земляк из

Донбасса, радист и два молодых бойца побежали на высотку, где располагался на боевом гребне майор Стодеревский и какой-то генерал с позывным «Гром». Когда мы подбежали к командованию, то с левой стороны, где находился царандой, по нам начали стрелять. Громкий голос комбата перекрывал канонаду: «Я «Чимган», доложите обстановку», а потом громко заматерился в эфир в адрес зеленых и те стрелять прекратили.

Мне поставили задачу занять оборону на склоне, обращенному к кишлаку, ползком мы заняли указанную позицию и залегли за валунами, огляделись...

Вид открывался замечательный, но не в плане красоты. Отсюда хорошо просматривался весь кишлак. Он был разделен на две части каньоном небольшой речки. И речушка-то так себе, метров 7 шириной, но она оказалась для нас серьезным препятствием. Глубина была где-то до 2 метров, а местами не глубже щиколотки. Однако в обрывистых берегах были укрытия, в которых скрывались душманы. Но мы с этим столкнулись чуть позже, когда началось прочесывание...

По данным разведки на базе готовили гранатомётчиков и связистов. За полгода до операции её уже пытались взять силами нашей пехоты и афганскими подразделениями, но ничего не вышло, понесли потери и отступили.

Из дневника комбата: «В операции под Джар-Кудуком принимали участие:

а) Бронегруппа 122 МСП, наша бронегруппа (в которую входили все боевые машины отряда, кроме двух БМД, которые десантировались с нами по воздуху, и в лагере остался резерв из 10 машин), батальон 122 МСП (неполного состава), артиллерия ствольная, батарея «Град», батальон царандоя. Бронегруппой командовал заместитель командира 201-й МСД подполковник Самсонов. Все эти силы выполняли в операции роль «наковальни».

б) Десантная группа:

154 ооСПН — без одной роты и без бронетехники; мотострелковый батальон 122-го полка.

Операции предшествовала хорошая подготовка всего личного состава и разнообразные дезинформационные мероприятия, которые отвлекали противника на другие объекты.

1.12.81 г. Вечером прилетел генерал-майор Гришин с оперативной группой, а также пришли подразделения 122 МСП из Таш-Кургана, прилетело и 30 вертолётов. Спецназовцам объявили, что они пойдут на десантирование на кишлак Сары-Пуль (который находится около 60 км южнее Шибаргана).

2.12.81 г. Подразделения полка ушли утром на Сары-Пуль. Мы сидим в готовности к десантированию, — ждем вертолеты, но погода

не дала сделать это и тогда мы пошли своим ходом. В Сары-Пуль не входили, афганцы перед ним стояли уже двое суток. Был приказ в Сары-Пуль не входить, но одному моему взводу командование дало ошибочные координаты, и он проник в расположение духов, оказался в центре кишлака Сары-Пуля. Переночевали. Утром разобрались, командир группы мне доложил. Я приказал, — в бой не вступать и выходить обратно. Эти отвлекающие мероприятия сыграли свою роль.

3.12.81 г. Пошли назад из Сары-Пуля в Шибарган, но дорога оказалась заминированной и на минах подорвались две бронемашин: ранило лейтенанта Дудко (командира взвода 2 роты), он пострадал больше других — получил перелом обеих ног.

6.12.81 г. Десантировались под Джар-Кудуком:

Одна группа под командованием моего заместителя Посохова (в составе усиленной первой роты спецназа, командир старший лейтенант Волчецкий) десантировалась западнее Джар-Кудука, прямо под опорный пункт противника на двух вертолетах МИ-6 (я десантировался южнее и хорошо видел, как наши ребята бежали в лоб на ДЗОТ и траншеи. Хотя подъемчик был приличный, вверх по крутому склону поднялись энергично. Как мы и рассчитывали — духи нас не ждали. В опорном пункте в тот момент было всего человек 15 душманов (дежурная смена), но со стороны кишлака к ним бежало на помощь человек 50. Наши ребята, под огнем, добежали быстрее, потеряв двух человек убитыми. Если б замешкались, все бы полегли. В ДЗОТе был ДШК, но душманам он не помог, так как они не ожидали такой стремительной атаки и не сумели организовать отпор.

2 рота (во главе с командиром Войтенко) десантировалась восточнее Джар-Кудука, судя по аэрофотоснимкам, здесь, якобы, были самые мощные укрепления, но на деле оказалось, что таковые были у Посохова. С востока сопки были пониже и не такие крутые, потому эта рота сопротивления здесь практически не встретила.

Я с 3 ротой (командир старший лейтенант Частухин) на двух МИ-6 десантировался юго-западнее Джар-Кудука. Наш подлет и десантирование пришлось чуть раньше остальных. Увидев нас, около двухсот душманов выскочили из кишлака и пошли толпой в атаку. Были они от нас метров 500 — 600. В одном вертолете у меня было 40 человек, а в другом две БМД, мы их быстро разгрузили и метров с 300 из всех шести пулеметов как дали... Естественно, душманы такого огня не ожидали — ноги в руки и назад в кишлак...

Мы заняли высоту, которая господствовала над долиной (шириной около 1 км), которая шла от кишлака на юг в горы. Со мной был представитель командования армии генерал-майор Гришин (как позже говорили, он приходился племянником первому секретарю МГК КПСС).

Затем высадился батальон 122 МСП (без роты), они перекрыли

долину. Мы прочесали часть кишлака, кишлак был крупный, состоялись скоротечные ожесточенные бои, в ходе которых захвачено много оружия и уничтожено много мятежников.

Воспоминания ст.сержанта В.Листопада:

С 13.00 наша рота, выполняя приказ комбата, скорым шагом, а кое-где и бегом, вошла в кишлак для его прочесывания и выявления моджахедов. Сопротивление противника носило очаговый характер, вспыхивали яростные перестрелки. Пули свистели под ухом и чмокались рядом в землю. Когда мы спускались с горки, пришлось залечь, так как открыл огонь из пещеры не выявленный ранее пулемет ДШК. Сварку от его выстрелов видно не было, так как он располагался в глубине укрытия. Пока обнаружили его место нахождения, несколько человек получили ранения. Эта огневая точка перекрыла вход на несколько центральных улиц кишлака, и его надо было срочно заставить замолчать. Лейтенант Калмыков мне говорит: «Листопад, займись!»

Я отдал свой автомат молодым солдатам, взял две мухи и пополз к дувалу. Взводный с ребятами меня прикрывали отвлекающим огнем. Изловчившись, я перепрыгнул через дувал, залег, затаился, осматривая место, откуда могут стрелять. Нашел ту пещерку, хотел сразу стрельнуть, но было очень плохо видно, и за мной очень близко располагалась стена, если б стрельнул, то получил по затылку своей же струей. Прополз еще немного вперед. Я находился несколько снизу, стрелять было крайне неудобно, но все же ударил одной гранатой и, как мне показалось, вроде точно.

— Володя, прими чуть ниже, — кричат мне пацаны.

— Легко сказать, прими ниже, если б можно было, так бы и сделал, — подумал недовольно я.

Но прицелился как советовали и вторая граната достигла цели — пулемет замолчал. Как потом оказалось, граната угодила akurat в броневой щиток и поразила осколками и кумулятивной струей весь расчет.

В этот момент вдруг бойцы, лежащие за мной, стали дико ржать. Что случилось, чем я их рассмешил? — подумал я.

А оказалось, в момент второго выстрела, сзади подошел невесть откуда взявшийся любопытный ишак и его ударило реактивной струей. Он сидел контуженный на заднице и как пьяный мотал головой, а уши опустил как две тряпочки. Бедное животное... Мы ушли, а этот бедолага так и остался сидеть на месте...

Идем по узким улочкам кишлака и вдруг вблизи сарая — залп, почти в упор, оглушительный и ужасный в другое время, но не теперь; то была минута наибольшего душевного подъема, я думаю, что всем, как и мне, хотелось в этот момент рычать, метать гранаты, колоть, бить прикладом. И когда под мои ноги упал раненый замполит роты, я досадливо перескочил через него, обозленный, что он задержал меня на мгновение.

Однако остановился и помог Ермакову. Пуля или осколок попали ему в ушную раковину. Кровь хлестала неудержимой струей на погон и левый рукав. Мальчишка, он был моложе меня, испугался своей крови и запаниковал:

— Вовчик, помоги.

— Ничего страшного, товарищ лейтенант, — говорю я ему, — Снимай каску, я тебя перевяжу. — Я быстро дрожащими руками неумело перевязал раненого, и лейтенант пошел с нами дальше, пугая окружающих своей нелепой повязкой и жутким окровавленным видом.

Опять началась интенсивная стрельба, побежали. Когда добежали до сарая, — слева слышу — очередь, повернулся и увидел убегающего душмана. Дал ему вслед длинную очередь, снял гранату и метнул ее в сарай. Пошли дальше...

Из калейдоскопа тех событий память высвечивает: зашли в бедную хибарку. У порога нас встретил древний старик и дети десяти-двенадцати лет. В комнатах бедность и полумрак. В подсобном помещении около тонны зерна. Вышли на двор и тут обнаружили россыпь из нескольких свежестреляных гильз.

— Ага, ребята, кто-то тут есть? Кто-то только что стрелял? Пошли обратно.

Осмотр повторили. На этот раз начали шомполами тщательно прощупывать зерно и нашли — откопали молодого парня с оружием. Бойцу ислама от роду было 16 — 18 лет, он был худощав и тщедушен. Несмотря на слабое физическое развитие, он вдруг закричал: «Аллах Акбар!» и, вытащив из-за пояса кривой нож, бросился на нас в рукопашную схватку.

Однако силы были явно неравны. Наш богатырь 24-летний боец, бывший шахтер Вася Чупковцов с улыбкой вышел ему навстречу и всего один только раз огрел душка, как тот упал как подкошенный. Забрали у него оружие, а когда бача пришел в себя, пинками выгнали его на улицу. В тот момент там проезжала наша броня, на которой сидел замкомвзвода сержант Алешка Шворнев, собирающий трофеи. Ему и сдали нашего «языка» для передачи хадовцам.

Когда завершали осмотр северо-восточного квартала, вышли к каньону реки. На противоположном берегу сидела и лежала группа наших пехотинцев из мотострелкового полка, что шли за нами во втором эшелоне. «Осторожнее, ребята, — кричали они нам, — под вами на берегу духи».

Я, подавив инстинкт самосохранения, заглянул вниз, и, мельком разглядев несколько фигур, — почувствовал, как мне показалось, как возле моей головы пробуравили воздух несколько свинцовых трасс. Боевой азарт не покидал, я вытащил феньку и, не глядя, бросил ее примерно в то место, где засек моджахедов. Однако высота была неболь-

шая и они, изловчившись, видимо, успели отбросить гранату от себя. Тогда, вырвав кольцо второй гранаты, я отпустил спусковой рычаг, и после этого, просчитав про себя «521», швырнул смертельный бакшиш вниз. На этот раз взрыв точно поразил несчастных. Пехотинцы, наблюдавшие за нами с противоположного берега, радостно кричали и трое из них стали спускаться на берег речушки для осмотра тел и сбора возможных трофеев.

А мы пошли дальше.

— Володя, давай осмотрим их, — предложили бойцы.

— Не гусарское это дело, — небрежно бросил я им через плечо, — пошли к ротному.

А старший лейтенант Частухин с командиром отделения сержантом Мирзоевым, таджиком по национальности, стояли с небольшой группой старейшин, державших в руках транспарант на красном куске материи и портретом Ленина. Ротный резко что-то им говорил, а сержант переводил. Мы не успели еще подойти к ним, как раздались очереди и афганцы упали на землю, сраженные пулями. Все разбежались в разные стороны — ища укрытие. Кто и откуда стрелял по ним, я не понял до сих пор.

— Чего встал, сержант, — бросил мне сквозь зубы старший лейтенант, — идите по дворам!

Зашли в ближайший дом. Сразу бросилось в глаза большое количество мужчин и всего одна пожилая женщина с тремя испуганными девочками лет 10 — 13, прятающимися за юбку бабушки. Несколько человек солдат осталось во дворе с задержанными мужчинами, а мы, сопровождаемые истошными криками и причитаниями хозяйки, начали досмотр. Ничего подозрительного в доме не нашли. Однако, оттащив хозяйку от сундука, который она обхватила руками и, взломав его замок, увидели штабную документацию исламского комитета, партийные билеты, списки и пачки денег, стянутые резинками. Вынесли сундук во двор. Вытряхнули его, на дне которого помимо бумаг оказалось еще несколько стволов оружия и боеприпасы. Мирзоев приступил к допросу задержанных, поскольку стало совершенно очевидно, что это руководители, — ухоженные лица и бороды, приличные дорогие накладки и чалмы, чистые руки без грязи под ногтями. Один из них начал грубить Мирзоеву. Что он ему сказал я не понял, а потом и не спросил, но сержант явно запсиховал. Однако надменность в поведении и разговоре афганцев с нами враз сбил подошедший ротный, который без всяких слов ударил строптивного афганца прикладом автомата по шее, ниже затылка. Тот, нелепо взмахнув руками, упал.

— Уберите его отсюда, — командовал нам ротный.

Мы подхватили бесчувственное тело и бросили его на кучу верблюжьей колочки, собранной хозяевами для растопки.

— Загружайте оружие и документы, — приказал ротный.

Мы навьючили на двух самых крепких пленников найденное оружие и мешки с пайсой, а затем связали им за спиной руки. Другие понесли документы исламского комитета.

Сколько разных картин! Какие темные силы из глубины души поднимает адреналин боя?! Не помню, сколько времени прошло... Начало смеркаться и мы получили по радио приказ вернуться на командную сопку. Сдали Шивареву трофеи, документы, пайсу.

Подошел комбат и первым делом к замполиту:

— Что с тобой, ранен, серьезно? Снимай каску.

Стодеревский сам лично стал помогать Ермакову, а потом, неловко дернув за конец бинта, оторвал повязку от раны. Лейтенант охнул, опять хлынула кровь, а Игорь Юрьевич ему сказал: «Пустяки, до свадьбы заживет. Иди в медпункт».

— Какой хрен наложил такую дурацкую повязку? — с раздражением и иронией в голосе спросил нас комбат.

— Старший сержант Листопад! — ответил я.

— Двойка тебе по военно-медицинской подготовке. Ну все, хоп майли! Занимайтесь! — раздраженно махнул рукой командир и ушел к командному пункту. По нему заметно было, что он очень болезненно переживал понесенные потери, вот почему лично осмотрел всех остальных раненых.

В нашей роте в тот день, 6 декабря, погиб мой приятель — командир отделения младший сержант Лешка Щеголев из Забайкалья. Произошло это неожиданно, когда чистили кишлак и в него подло сзади выстрелил дух. Пуля вошла ниже пояса, а вышла на уровне груди. Леня в течение десяти минут еще не терял сознание, хотя был в шоковом состоянии, но спасти его было невозможно...

Нам удалось отомстить за него. Мы нашли того стрелка. Это был иранец средних лет, преподаватель центра, опытный инструктор по стрелковой подготовке. Тут же, несмотря на запрет комбата, после короткого допроса его и грохнули...

Во время прочесывания произошел курьезный случай. Командиру группы лейтенанту Юрию Стодеревскому (младшему брату комбата) из роты Войтенко, пуля из английского карабина попала в живот. Удар был такой силы, что офицер упал навзничь и очень сильно ударился спиной. После некоторого замешательства и осмотра, разобрались — смертельный металл угодил в корпус гранаты «Ф-1», висевшей на поясе, и расколол его, потеряв убойную силу. Так чугунная оболочка гранаты спасла лейтенанту жизнь.

После ужина мы с бойцами ушли на усиление на левую сопку. Взводный приказал развернуть захваченный пулемет ДШК, навести его на кишлак и при обнаружении огневых точек — уничтожать духов без дополнительных команд.

Хотя и стемнело, но было беспокойно. Слышно было непрерывное движение, мужские гортанные голоса, подававшие команды, иногда на короткое время загорался огонь. Мы стреляли из ДШК по тому что видели до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Ночь была холодной, бессонной и беспокойной...

Из дневника комбата: «2 часа ночи, 7.12.81 г. Душманы пытались прорвать окружение атакой из соседних кишлаков нам в спину. Атаку отбили, здесь хорошо поработали АГС (автоматические гранатометы станковые), под командованием командира взвода лейтенанта Иванова, а затем нанесли удар по ущелью батареей «Град». Батарея стояла севернее Джар-Кудука километров в десяти. Снаряды летели над кишлаком и нашими головами и рвались в ущелье. После этого душманы больше не совались. Всю ночь над кишлаком авиаторы вешали осветительные бомбы, а артиллеристы стреляли осветительными снарядами и минами».

Утром следующего дня войска вернулись чистить кишлак. На улицах о первом дне напоминали только начавшие пухнуть трупы животных: верблюдов, ишаков, лошадей, да отметины от пуль и осколков на глиняных стенах дувалов. Для предотвращения лишних жертв среди местного населения женщины и дети были выведены из кишлака и собрались около командного пункта отряда (всего человек 300), на ночь Стодеревский определил их в крайний, самый большой дом.

Игорь Юрьевич вспоминал: «Люди собрались перед домом и загалдели, а во двор не заходят. Слышу, говорят по-туркменски, а я ведь с детства на погранзаставах с отцом жил среди туркмен и знаю этот язык хорошо. Поэтому, когда ко мне подошла пожилая туркменка и начала рассказывать, что внутрь зайти невозможно, во дворе собака, я ее хорошо понял и пошел к людям сам. Действительно, во дворе меня встретил громадный рычащий волкодав, бросившийся было на меня. Зная повадки собак, я смело пошел ей навстречу — главное не показывать, что ты ее боишься. Она почувствовала это и кинулась назад, но остановленная рефлексом службы опять встала в дверях дома: глухо рыча, распушив шерсть и приготовившись к прыжку. Как я не пытался ее отогнать, она самоотверженно охраняла доверенное хозяйство. Пришлось ее пристрелить. После устранения этого препятствия местные жители со словами благодарности зашли в дом. Та сторожевая собака оказалась единственным живым существом, которое я лично убил в Афгане».

Местное население кишлака, вышедшее из зоны боев в течение дня, советские солдаты кормили с подошедших походных кухонь. В ходе второго дня прочесывания бои продолжались и были обнаружены еще три исламских комитета и много схронов с оружием. Взяли в плен или уничтожили большое количество мятежников.

О напряжении второго дня операции В.Листопад вспоминал:

В ходе второго дня по нам пристрелялся снайпер. Появились убитые и раненые среди пехоты. По радио вышел Стодеревский и говорит командиру: «Ну что вы б., разобраться некому, кто стреляет с вашего фланга?» Нам взводный командует:

— Ложись, рассредоточиться, смотри, откуда стреляет снайпер! Лежим наблюдаем.

— Ага. Вижу, выстрел из окна дома. Я дал целеуказание.

Расстояние большое — 800 метров, у него, вероятно, был «Бур-303», а нам стрелять было труднее. Долго мы охотились за ним, но все ж срезали. Дух в чалме аж выпал наружу. Вскоре по радио вышел комбат и Калмыков передал: «Комбат все видел. Сказал: — Молодцы, удачный выстрел!»

Из дневника комбата:

8.12.81 г. Ночь прошла беспокойно. С наступлением утра снова обработали кишлак авиацией и артиллерией, и прочесали. После обеда завершили операцию, проверили личный состав и вышли колонной на Шибарган.

Листопад говорил:

По итогам операции у нас никого не наградили. Через двадцать лет я узнал, что хотя бы погибшие Р.Ш. Рахматулин, Л.Ю. Щеголев, М.В. Калинин были награждены орденами Красной Звезды. Правда, нас, срочников, вместе с офицерами тоже представляли, знаю точно, так как мне говорил замполит роты:

— Ну, что, Вовчик, готовь дырочку, тебя комбат к ордену представлял.

— Да ладно вам, товарищ лейтенант! — ответил я тогда.

Однако хотя я и порадовался, но награду не получил, так как в это же время «отличился» в дисциплинарном плане. Водители привезли водочки и мои земляки пригласили ночью отметить мой будущий орден. Хотя все было сделано конспиративно, но меня утром выдал «перегар»... Комбат этого не терпел. Суровый был командир!

— За пьянку я бы ордена не лишил, — опровергает И. Стодеревский. — Это две разные вещи: заработал награду — получи, а вот если проштрафился — в яму ¹... Тем более что оформляли и отправляли наградные бумаги сразу. Могли зарубить в Кабуле, в Ташкенте или в Москве. Я точно не помню по количеству, но награжденные за Джар-Кудук были и солдаты, и офицеры. Ведь это была наша первая крупная операция и первые награжденные.

Офицеры и солдаты за участие в боях все без исключения представлялись к наградам согласно «Статута орденов и медалей» У нас награждение осуществлялось так: после операции сначала собиралось руководство отряда и командиры подразделений и решали кто чего до-

¹ «Зинданд» для штрафников.

стоин, а затем штаб оформлял представления на награждение, в двух экземплярах, одно — в штаб 40-й армии, а другое — в штаб ТуркВО. Что правда, то правда, чиновники в штабах часто документы задерживали, а иногда и «теряли». Кроме того, сложилась порочная практика награждения на ступень ниже. Например, отправляли на орден Красной Звезды, а приходит медаль «За отвагу» и т.д. Тогда мы стали подавать на ступень выше.

Первые полгода с наградами было очень тяжело. Один большой начальник мне тогда сказал: «Если жена мужа на кухне сковородкой убила — это подвиг, а то, что вы делаете — это ваша работа!»

Серьезно занялись наградами с лета 1982 года. Начальник разведки ТуркВО прилетел в отряд и лично разбирался, кого за что наградили, а если не наградили, то почему? Лично на меня он приказал оформить документы на два ордена, но получил я один. Другой затерялся...

Не все награждались посмертно, а только погибшие в бою. За ранения к наградам не представляли, только строго по статуту. Так что каждая награда многого стоит.

Из дневника комбата И.Ю. Стодеревского: «После операции и меня, и батальон обвинили «за глаза» в каком-то мародерстве. Полковник Лобадзе, из разведуправления ТуркВО, приезжал разбираться, у нас многие тогда объяснительные писали. Михаил Николаевич в обиду нас не дал, а при разборе высказался:

— Спецназ не должен привлекаться к несвойственным ему функциям, тогда и сплетен не будет. Я Стодеревского знаю с 1971 года и его людям верю.

А ещё после операции было много пленных, около двухсот человек, и мне приказали, чтоб мои бойцы их расстреляли. Я категорически отказался:

— Я не палач, с безоружными воевать необучен.

Но их все равно порешили, вроде бы свои же».

Общие итоги операции в Джар-Кудуке впечатляли: разгромлен центр подготовки специалистов; ликвидированы исламские комитеты; убито — 290 душманов; только разведчиками отряда спецназа взято в качестве трофеев 197 единиц стрелкового оружия, кроме того, пулеметы ДШК, много патронов, мины (итальянского производства).

При этом потери отряда составили трое убитых, четверо тяжело раненых. В те дни на улицах Шибаргана личный состав отряда спецназа встречали большие группы афганского населения с транспарантами на русском языке «Да здравствуют освободители!» Мы тогда все это считали вполне естественным, так как делали опасную и трудную работу и испытывали от победы большое внутреннее удовлетворение.

Мы не ощущали в поведении афганцев никакого восточного лукавства, так как хорошо знали, что некоторая часть их действительно

искренне верила, что на наших штыках будет построено новое общество. Они заблуждались так же, как и мы...

Комбат Стодеревский вспоминал:

В городах и больших населенных пунктах нас, в основном, держивали. Там стояли наши или афганские гарнизоны. А в кишлаках оказывали только негласную поддержку, так как говорили, — вы уйдете, а душманы ночью придут и вырежут всю семью. Активисты и отряды самообороны помогали нам при проведении операций, а часто при нашей поддержке проводили их сами. Когда мы стояли в Айбаке, то помогли открыть школу. В нашем медпункте отряда два раза в неделю бесплатно лечились местные жители. Мы часто ездили в гости к гражданским и военным руководителям тех районов и провинций, а они приезжали к нам. Наш личный состав имел хорошую физическую подготовку, и мы пытались тягаться с афганцами в их традиционной национальной игре — волейболе. Но, увы, ни разу не выиграли.

Были среди афганцев люди, преданные нам до последнего дыхания, особенно из числа тех, кто пострадал от духов. В Акчу из неблагополучных кишлаков мы вывезли несколько десятков семей, которым грозила смерть, так как их мужчины были активистами или служили в правительственной армии. А еще припоминаю случай: ночью к нам приехал и сдался заместитель крупного бандглаваря. Оказалось, он убил своего курбаши за то, что тот надругался над его сестрой. Мы провели операцию и за трое суток вытащили его семью, и тем самым спасли ее от неминуемой гибели».

Кто знал, что бойцам нашего отряда придется отдавать свои интернациональные долги еще очень долго — до 18 мая 1988 года. Если б тогда кто сказал об этом, то не поверили бы. А как оказалось, гражданская война следом за нами пришла из Афганистана на территорию бывшего Союза. Она до сих пор полыхает во многих ее точках. Уже длительное время мы наблюдаем в Чечне ситуацию, при которой федеральные силы и бандформирования с переменным успехом бьют друг друга. И часто ситуация напоминает Афганистан. У Басаева, как известно, тоже есть второй фронт, который растворился среди местного населения.

Сегодня, как и двадцать лет тому назад в Афганистане, самая трудная задача — выявить в городах и селах глубоко зарывшиеся там террористические структуры. Похоже, что и после стольких лет войн и потерь пока никто не знает, где то «золотое сечение» политических, экономических и военных споров, которое помогло бы скорее привести мир на многострадальную землю.

А в этих условиях полезно помнить о том, как наши соотечественники выполняли свой воинский долг. В их ратных делах и личных поступках соленая горсть опыта, политого кровью, который бесценен.

ВЕХИ ИСТОРИИ

НЕПРИСТУПНЫХ УЩЕЛИЙ НЕ БЫВАЕТ

*Жизнь торопит накалом страстей,
Изменяя весь мир, изменяя всех нас.
Словно цепи порвавший титан
Прометей,
Возмужал и укреп наш СПЕЦНАЗ.*

В.А. НЕЙШОВИЧ.

В Афганистане в 1982 — 1983 годах нашим воинским частям приходилось действовать зачастую в горной местности. Примером тому может служить Мармольская операция.

Руководитель операции генерал-майор Станислав Николаевич Шевченко, который в настоящее время избран членом президиума Республиканской Организации ветеранов Украины и председателем Днепротетровской областной организации. Во время Афганской войны был заместителем начальника штаба 40-й Отдельной Армии Советских войск в Афганистане. Он родился 26 марта 1936 г. в семье военнослужащего, в 1957 году закончил Харьковское гвардейское танковое училище, а в 1968 году — Бронетанковую академию имени Малиновского. Прошел все командные должности, а в 1976 году закончил ещё и Академию Генерального штаба. После Афганистана, с 1984 года служил заместителем начальника штаба 6-ой гвардейской танковой армии и уволен в запас в 1994 году. Награжден орденами: Красная Звезда, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и другими.

С.Н. Шевченко вспоминал:

Тяжелее всего пришлось отряду спецназа, которым командовал толковый, волевой, но своенравный командир майор Стодеревский. Его роты должны были выбивать противника из ущелья. Отвесные скалы высотой до 200 метров, а в них ДОУы. Спецназ полз вперед по 40 — 50 метров в сутки. Огонь был шквальный. Я принял решение привлечь авиацию.

Вызвали авиаполк из Термеза, и он нанес бомбо-штурмовой удар. Разнесли вроде все в клочья, а пошли в атаку — цели не уничтожены.

Со мной был заместитель командующего ВВС полковник Медведев, он не выдержал, сам сел на МИ-24 и пошел на пулеметы ДШКа.

Рискуя жизнью, показал мастерскую стрельбу и точно поразил один расчет. После операции афганские командос принесли в качестве сувенира ствол от ДШК и рассказывали, что Медведев попал точно в пулемет и уничтожил семь человек obsługi.

С правого фланга на Мармоль должны были идти маневренная группа погранвойск КГБ СССР и афганская дивизия. Афганцы шли хорошо, а пограничники почему-то задержались. Тогда после захвата нашим десантом района в тыл «духам» к месту их выхода из ущелья высадили оперативный полк Царандоя. Но по вине советника командира, проявившего беспечность, афганские солдаты попали под огонь советской артиллерии. Этим они были деморализованы и в бой не пошли. Только после операции пришли в себя и лихо растащили все захваченное продовольствие (муку, консервы) и металл.

В район боя прилетели генералы Максимов и Ермаков. Командующий ТуркВО на меня кричит:

— Почему медленно наступаете? Вперед!

А командарм, наоборот, меня поддержал и успокаивает, говорит:

— Все правильно делаешь, не спеши. Вызывай еще раз авиацию. Главное, береги людей — не Берлин берем.

Но и второй, и третий раз удары авиации не дали результата. Бомбы огневые точки не подавляли, а напалм в горах не горел. Только когда 2-я рота спецназа и 1-я рота 122-го полка с горных вершин зашли в тыл к «духам», те начали в панике отступать. Наши подразделения плотно замкнули кольцо окружения в ущелье и предотвращали их отход.

Взяли приличные трофеи. Помню, десять КамАЗов угнали в учебный центр, один УАЗик забрал герой операции — командир отряда спецназа. Из тюрьмы удалось освободить одного еле живого афганского капитана. В казематах нашли мощные японские отбойные молотки, с помощью которых моджахеды и сделали свою горную крепость. После вскрытия всей обороны мы долго не могли найти склады с оружием и боеприпасами — оказалось, вход в них был присыпан. Зато потом на складах обнаружили много разного, одних только ДШК было 8 штук, кроме того, 6 минометов, 20 тысяч боеприпасов к ДШЕ и многое другое...

Завершили операцию 20 марта. Командующий Северным фронтом душманов от нас ушел, но говорили, что его ранили. В плен взяли его заместителя.

Когда мы уходили из крепости, то саперы спецназа тщательно ее заминировали. Потом разведка докладывала, что якобы Забибулло подорвался на этих минах. Мы вывели все свои части из боя, оставив Мармоль под контролем оперативного полка Царандоя, но не успели дойти до Мазари-Шарифа, как «зеленые» драпанули из ущелья.

Оценивая эту операцию, могу отметить, что потери у нас были

невелики — за месяц пять убитых и около сотни раненых. Особенно жалко мне одного старшего лейтенанта, который разбился уже после боев, при спуске с гор. Для сравнения: сразу после этого под Кабулом генерал Генералов за неделю потерял 35 человек. Правда, у меня после операции за спиной осталось «два состава матерщины» от высшего командования. Очень сильно ругали за медлительность. Все тогда торопились, хотели отличиться, как это было в 1982 году. Тогда за Пандшер Героев получили все крупные военачальники: маршал Соколов, маршал Ахромеев, генерал Максимов... А сколько там потеряли наших парней... Прошел месяц, и теперь уже на Военном совете меня стали ставить в пример — за малые потери.

А события того далёкого времени вначале разворачивались на месте так. Основной причиной проведения операции в Мармольском ущелье стало бандитское похищение шестнадцати граждан СССР, работавших на строительстве хлебозавода в Мазари-Шарифе. 1 января 1983 года они возвращались в поселок после трудового дня. Моджахеды перегородили дорогу «бурбухайкой» и остановили автобус, в котором ехали рабочие, насильственно захватили, применив оружие, и увели в горы.

Три дня «зеленые» вели поиски пропавших специалистов, а затем подключились советская разведка и десантники, которые стали искать похищенных по всей территории ДРА. Была сформирована оперативная группа. Целый месяц шли напряженные поиски, на это же время были прекращены все боевые действия. Ведение поисковых работ осложняли тяжелые погодные условия, не позволявшие применять авиацию.

3 января в русле горной речки недалеко от Мармоля был обнаружен труп одного из захваченных наладчиков завода. Остальные как будто сквозь землю провалились.

По приказу командующего 40-й армией 30 января в горах за кишлаком Мармоль высадили первый десант. Вскоре десантники захватили и доставили пленного — 16-летнего паренька, которого удалось «расколоть». Он сказал, что в кишлаке Вардак в доме муллы видел с десяток пленных «шурави». Немедленно в Вардак вылетела мотострелковая рота под командованием капитана Телегина и 50 сотрудников ХАДА (афганская служба безопасности). К операции привлекли 20 вертолетов МИ-8 и столько же боевых вертолетов. Во время высадки второй пары МИ-8 из дома муллы открыли мощный пулеметный огонь. Связь с группой на это время была потеряна, так как начальник связи сам вступил в рукопашную схватку с «духами». При поддержке боевых вертолетов МИ-24 десантировалась третья пара, и «духи» начали спешно отступать в горы. Перед этим они успели расстрелять специалистов, но в спешке убили только пятерых, а троих ранили. В ходе скоротечно-

го боя получили ранения и трое десантников из 6-й роты под командованием Телегина.

Как рассказали освобожденные советские рабочие, их захватили с пропагандистской целью и впоследствии должны были казнить. Руководитель банды демонстрировал захваченных населению, выдавая их за «летчиков», бомбивших афганские кишлаки, и призывая при этом к войне с неверными.

Маршал Соколов позже приказал провести операцию по уничтожению банды Забубилло, который, по данным разведки, мобилизовал только из местных кишлаков 1300 моджахедов. А пока было известно, что именно он организовал операцию по похищению специалистов. По замыслу штаба армии, предусматривалось высадить десанты для перекрытия выхода из Мармольского ущелья, а затем уничтожить живую силу противника и его материальные средства, находящиеся в ущелье. К операции были привлечены: 154-й отдельный отряд спецназа; мотострелковый батальон 122-го мотострелкового полка; мотострелковый батальон 148-го мотострелкового полка; разведывательный батальон 201-й мотострелковой дивизии; приданная артиллерия; батарея зенитно-артиллерийского полка 201-й МСД, а также 40 вертолетов (МИ-8 и МИ-24). С афганской стороны привлекались части пехотной дивизии, отдельная бригада «командос» и оперативный полк Царандоя, которыми руководил заместитель главного советника генерал Шкруднев, прибывший в ДРА вместо убитого 19 января 1982 года моего земляка — днепропетровчанина генерал-лейтенанта П. Шкидченко.

Мармольское ущелье в ДРА считалось неприступным для наших войск с самого начала афганской кампании. В 1980 году после нескольких набегов «духов» на колонны советских войск туда был направлен батальон, но его моджахеды крепко потрепали. По данным разведки было известно, что вход в ущелье неприступен. «Как такового входа и не было, — вспоминал позже командир батальона спецназа майор И. Стодеревский, — его занимала вода искусственно разлившейся горной реки. А с выдолбленных в каменной складке огневых точек били неуязвимые ДШК и пушки».

23 февраля, почти через месяц после освобождения специалистов, началась военная операция. Но не со штурма укрепрайонов в ущелье, а с зачистки ближайших к Мазари-Шарифу кишлаков. Советские войска действовали стремительно — на вертолетах выбрасывался десант, захватывались основные высоты, блокировался район и уничтожались бандформирования.

К концу недели командующий Северным фронтом моджахедов Забубилло начал нервничать и прислал в оперативную группу 40-й армии записку: «Что же вы задерживаетесь, я вас жду. Почему не идете?»

Через неделю я, как руководитель операции, выбросил десанты вокруг района боевых действий на маршрутах выхода из этого каменного мешка. Одну роту разведбата 201-й дивизии возглавлял павлоградец — старший лейтенант Н. Плосконос, впоследствии ставший Героем Советского Союза. В течение всей операции этим подразделениям пришлось в суровых зимних условиях высокогорья (2500 метров над уровнем моря) держать оборону и не допускать отхода мятежников.

Около половины отряда спецназа под командованием майора Стодеревского прибыла для участия в операции. Боевые действия наших войск проходили в сложных климатических условиях — сильный ветер и снег в горах... Непогода держалась девять суток, при которых неделю наши воины продвигались под сплошным огнём противника буквально по пятьдесят метров в сутки.

У «духов» в горных складках ущелья было много долговременных огневых точек, хорошо замаскированных в пещерах, которые были выдолблены в монолитных скалах. В этих пещерах, соединённых тоннелями, располагались богатейшие склады с оружием, боеприпасами, снаряжением, медицинским имуществом, продовольствием. Все это предназначалось для обеспечения фронта, воевавшего с «шурави» на севере. Уничтожение этих складов и было одной из задач операции. Но сделать это было очень непросто, и главное слово здесь должны были сказать солдаты спецназа, прорывавшиеся в ущелье.

Комбат Стодеревский был высоким, статным офицером с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, решительным и нетерпимым к недостаткам. Его уважало командование армии и не случайно доверило наиболее ответственный участок. Он рассредоточил силы таким образом: первая рота спецназа (командир Самойлов) выбивала противника из укрытий в ущелье, вторая рота (командир Н. Войтенко) в это время, поднявшись на 200 метров по вертикали отвесных скал, «чистила» горы сверху, захватывала господствующие высоты и продвигалась по вершинам горной гряды справа от ущелья.

...Шла разведка боем. По приказу комбата были выделены две БМП, загруженные боеприпасами под завязку. В составе экипажей было два человека: в одной — замполит 1-й роты старший лейтенант Алексей Стасюк и водитель; в другой — лейтенант Дудко тоже с солдатом. Действовали по очереди, меняя друг друга. Боевые машины врывались на скорости в ущелье и фактически вызывали огонь на себя, тем самым вскрывая огневые точки обороны моджахедов. И уже тогда Стасюк с Дудко вели ответную прицельную стрельбу из пушки и пулемета.

Под шквальным огнем бесстрашные десантники расстреливали весь боекомплект и задним ходом, под прикрытием дымовой завесы, выскакивали из ущелья. Сзади они были скреплены тросами с тягачом,

который, в случае необходимости, должен был вытянуть потерявшую манёвренность БМП из-под огня. Много раз ходили под огонь мятежников эти два бесстрашных экипажа и сделали неоценимое для подготовки и эффективного штурма ущелья. Но однажды произошло то, что предвидел опытный командир Стодеревский. Боевая машина Стасюка была накрыта огнём нескольких гранатомётчиков. Машина вспыхнула, как факел. Оба воина получили контузии и ранения. Первым пришел в сознание офицер. Он не покинул искорёженной и горячей бэм-пэшаки, оказал первую помощь водителю и сам втиснулся на его место. Страховочный трос помог вытянуть плохо управляемую машину. Алексей Стасюк был представлен к высокой награде — ордену Красного Знамени.

Спецназовцы и потом не раз демонстрировали беспримерный героизм. Памятен такой случай. Во время боя солдат-радист спас жизнь начальнику разведки отряда старшему лейтенанту Скирте. Они попали под перекрестный огонь, и солдат прикрыл офицера своим телом. Радист получил три пули, и только по счастливой случайности две из них застряли в радиостанции, а третья на излете вошла под кожу живота. Герой был тоже представлен к ордену Красного Знамени.

В ходе одной из операций в ствол нашей БМП попала граната. Произошел взрыв внутри машины. Водитель рядовой Степанов получил множественные ранения и практически лишился зрения. Вслепую мужественный солдат сумел вывести поврежденную БМП из боя. Он был представлен к ордену Красного Знамени, однако в Президиуме Верховного Совета СССР подвиг солдата оценили медалью «За боевые заслуги». Но это так, к слову...

В то время, пока шел ожесточенный бой при входе в ущелье, вторая рота, возглавляемая командиром Войтенко и замполитом Жегловым, поднявшись по отвесным скалам, вышла во фланг и тыл противника. Ошеломленные дерзостью спецназа, душманы отступили, бросив всю свою неприступную систему обороны и склады. А увиденное поразило... Разведчики вспоминали, что все переходы из одного складского помещения в другое, а также лестницы были выложены из пустых корпусов авиабомб. Подземную систему хранения и огневые точки связывала прекрасная телефонная связь. В сложных лабиринтах подземной крепости наши солдаты обнаружили помещение двух тюрем, где взору предстали страшные средневековые приспособления для пыток заключённых. На пыточных козлах висели бездыханные, изуродованные тела трёх афганских республиканских военнослужащих, поваливших в плен к мятежникам, с вывернутыми в суставах руками и ногами. В самом ущелье обнаружили большой автопарк: грузовики типа «Татра», «КамАЗ», среди них сиротливо затерялись два «УАЗика». При осмотре техники всех удивило ее хорошее техническое состояние. Хотя

во время боёв машины получили повреждения, однако, заводились «с пол-оборота».

Итак, боевая задача была выполнена полностью. Большое удовлетворение и радость от свершенного омрачали потери батальона — восемнадцать человек ранеными. Правда, из них восемь человек сбегали из госпиталя и через две недели вернулись в строй.

17 марта 1983 года, в день своего рождения, во время наведения авиации на цели получил ранение и бесстрашный комбат Стодеревский. Духи обстреляли группу наших бойцов из 81-миллиметрового американского миномёта, при этом четверо были ранены. Одному солдату оперение от мины попало под лопатку, но спас бронезилет. Игоря Юрьевича осколок ударил пониже поясницы. Как потом вспоминали, он возмущённо говорил санитару: «Это же надо, полтора года провоевал — ничего, а тут скоро замена, и на тебе... Как ехать в Союз с таким ранением в ж...?»

Вот такие были наши афганские будни.

Многие участники той операции свои ордена и медали получили уже в Союзе. К примеру, командира первой роты Н.Войтенко орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени нашёл в Киеве.

А командир отряда спецназа за эту операцию так и не был награжден. Где-то до сих пор лежит под сукном его наградной лист на орден Красного Знамени. Наверное, посчитали, что он и так много получил.

О том, что наши воины делали благородное дело и поддерживались простым населением, ярко свидетельствует такой факт, что практически после каждой победы «шурави» в провинции Саманган устраивали большой праздник. В Айбаке проходил многотысячный митинг. Разведчики демонстрировали машины трофейных боеприпасов и оружия, вывезенных ими из уничтоженных складов. Местные жители от души благодарили советских воинов и дарили им горные тюльпаны. В кишлаке Кили-Ишан на площади для всеобщего обозрения показывали ненавистные трупы убитых бандитов. Позже от простых афганцев спецназовцы узнали, что убитый главарь банды Ашраф был настоящим зверем, не жалел никого и лично замучил более 60 мирных жителей провинции. И от «шурави», а не от Аллаха, к нему пришло возмездие...»

ВЕХИ ИСТОРИИ

ЗАСАДА

*Это было так недавно и не в сказке,
А война, как совершившаяся бьель,
Где лицо солдата застывало в маске,
Что в Афгане высекала злая пыль.*

В начале лета 1982 года войсками 40-й армии при взаимодействии с вооруженными силами ДРА, органами ХАД и Царандоя проводилась операция в провинциях Парван и Каписо по ликвидации мятежных формирований, которая хорошо известна общественности как Пандшжерская операция. В общем плане операции были задействованы все боевые части и соединения армии, в том числе почти весь личный состав 154-го отряда, который в тот период находился на боевых в зоне своей ответственности в районе Айбака (Саманган).

В пункте постоянной дислокации оставалась только 3-я рота спецназа, которая осуществляла охрану завода в Мазари-Шарифе. Наш противник тоже воевал по единым согласованным планам и, воспользовавшись отсутствием основных сил, так надоевшего им отряда спецназа, решил покончить с небольшой ротой «шурави». О том какие драматические события сопровождали это противостояние я постараюсь рассказать.

Выдержка из рапорта начальника штаба отряда капитана Сергея Николаевича Ершова:

«Настоящим докладываю, что 5 июня 1982 года майор Николаев (от автора — Н. — офицер особого отдела военной контрразведки) после обеда вернулся из г. Шибарган и привез данные, что якобы сдался главарь банды из под Агчи и что в его доме есть склад оружия около 160 единиц стрелкового оружия и РПГ. Через ЦБУ армии запросили разрешение на реализацию разведанных на воскресенье 6 июня. Разрешение было получено.

В ночь с 5 на 6 июня на Агчи было совершено нападение мятежников. Афганцы подавали сигнал красными ракетами о нападении и майор Николаев подталкивал меня, чтобы мы пошли на помощь. Но из-за какого-то предчувствия беды я выход дежурному подразделению не разрешил и приказал командиру батареи развернуть гаубицы и вести огонь осветительными снарядами в направлении Агчи.

Утром 6 июня я, с 3-й ротой на семи боевых машинах, выехал в Агчу за наводчиком, чтобы в последующем идти на реализацию разведанных...»

Утром шестого июня раненько по холодку мы вышли на Агчу. Помню наши позывные «Маяк-20, 21 и т.д. Я был «Маяк-30», когда в эфире разбирали плохо добавлял «Листопад». Это все понимали сразу.

Запомнилось безмятежное просыпание природы, уже тутовник был созревший. Хорошо это запомнил. От того памятного и горького дня осталось это яркое впечатление на всю жизнь. Совсем мирное и сладкое... — ягоды.

Так как у нас были подозрения о минировании дороги, то, выполняя жесткие требования «Чимгана-2» (от автора — позывной комбата), тщательно все проверяли, и пока инженер с саперами чистили дорогу, мы спешивались и охраняли колонну, а когда в кустах наткнулись на ягоды, то не удержались и наелись до упаду. Для некоторых моих товарищей, как оказалось, это была последняя радость в жизни...

Подъезжая к мосту, остановились, потому что он был наполовину разрушен с левой стороны по ходу движения.

Моя группа была отправлена вперед для того, чтобы убедиться: выдержит ли мост нашу машину? Выдвинулись вперед одним отделением. Переправились на другую сторону моста. Осмотрели там все и спустились под мост, проверили — в каком он состоянии. Дали команду колонне на начало движения. Прошла одна машина без десанта на малой скорости. Все нормально. Пошли другие. Проскочили еще на 100 — 150 м. Осмотрели окрестности... Дали отмашку на движение вперед. Пришли в Агчу. Это как раз было воскресенье. Однако нас насторожило, что почему-то народу очень мало, хотя город этот многонаселенный, и на базарной площади всегда активное движение.

Пока брали наводчика от ХАДа, к нам подошли пару бабаев — начали предлагать водку и анашу. Нас это сильно насторожило, потому что такого раньше, в принципе, никогда со спецназом не было...

В рапорте начальника штаба отряда С.Н. Ершова отмечено:

«В Агче мы узнали подробности ночного нападения. Хаббибула Фернос выделил нам из числа «хадовцев» наводчика, который знал дом главаря и мы двинулись вперед. Дом блокировали, после долгих поисков нашли место, где хранилось оружие, но там, кроме нескольких винтовочных патронов, уже ничего не было. По убедительной просьбе ХАДа дом главаря взорвали и тронулись в обратный путь...»

... Звончек тревожного состояния уже сработал. Когда пришел начальник штаба, мы ему доложили это обстоятельство. Он был старшим. Для нашей роты это был первый боевой выезд под командованием нового ротного, который только пришел на замену из Союза. Взяли наводчика и двинулись в указанный кишлак для реализации разведанных — брать склад с оружием. Специально шли окружным путем, чтобы не напрямую ломиться, а через соседний кишлак — не привлекая особого внимания.

Пришли на указанное место. Паренек подскочил маленький — помощник пастуха. С кулаками кинулся на этого задержанного нами. Оказалось, что в недавнем прошлом именно этот мерзавец застрелил его отца.

Прошмонали дом, ничего не нашли. Помню, — обнаружили какое-то одно ружье охотничье и немного патронов. Подняли дом на воздух и сели ехать назад в Агчу. Уже на выезде из кишлака на нас обрушился шквал огня. В первые минуты обстрела нашей колонны из засады три машины были выведены из строя: две подорвались на минах и одна оказалась подбита из гранатомета. Сгорели в ней три человека: командир машины замкомандира 2 взвода Шворнев Миша, механик его и наводчик. Кумулятивная струя попала в основание башни — Анциферову перебило ноги. А механику Агибердыеву и командиру повредило спины, и они не успели выскочить — так и сгорели все в машине.

В первые минуты боя погиб и белорус Саша Ващербович — он первым увидел вспышки выстрелов, спрыгнул с машины и успел крикнуть: «засада». Тут же получил три или четыре разрывные пули в грудь. Мой взводный лейтенант Калмыков (я у него был заместителем) ехал не на нашей машине, а с первым взводом — сидел по-походному. Автомат у него висел на крышке люка на месте командира машины.

Во время начавшегося обстрела пуля перебила ремень и его автомат упал внутрь. И когда взводный, подняв автомат, вылезил из люка, ему в шею и голову попали две пули. Он умер мгновенно. Великолепный был мужик — спецназовец, Рязанское десантное закончил...

Наша же машина была подбита во время переезда через арык прямо на мосту. Стреляли с правой стороны по ходу нашего движения. Пробили двигатели, машина заглохла и когда кумулятивная струя выходила — ранила начальника штаба капитана С.Н. Ершова. А он ехал на моем месте рядом с механиком. Им обоим посекло осколками руки и шею, и они практически ничего не видели, так как ко всему еще были сильно обожжены.

Высадив личный состав под левый борт, я принял командование на себя. Так как башня была рабочая, я приказал наводчику:

— Пока боекомплект не расстреляешь, из машины не выпущу...

Пересчитали личный состав — вроде все по лицам есть, но, вроде, кого-то не хватает. Вскоре разобрались.

— Где майор? — спрашивает ослепший Сергей Николаевич.

— Сейчас найдем...

С нами же ехал один человек из особистов, что работал с афганским ХАДом. Пока выясняли и нашли его в десанте... Заставили вылезти из брони; прикрыли огнем, поскольку боялись повторного обстрела машины из РПГ.

Из рапорта начальника штаба Ершова: «Моя машина была подбита выстрелом из РПГ почти в центре кишлака. С тыла нас прикрывала машина замполита роты лейтенанта А.М. Ермакова. Механик-водитель рядовой Крашенинников и я были ранены, из-за ожога лица и глаз я потерял зрение, радиостанция вышла из строя. Оставаться дальше в машине было опасно и я дал команду наводчику-оператору прикрыть нас огнем с правого борта, а десанту спешиться около левого борта.

Чтобы обезопасить личный состав от нападения мятежников, я приказал забросать близлежащие дворы за дувалом гранатами. Мы заняли круговую оборону, лейтенант Ермаков держал связь с другими машинами и с помощью посыльного я через него руководил боем. По голосам я не мог понять, где находится майор Николаев. Спросил об этом сержанта Листопада, он ответил, что видел его последний раз в десантном отсеке. Я послал его обратно в машину, и он вылез оттуда вместе с майором Николаевым.

После прибытия подкрепления я, майор Николаев и остальные раненые были эвакуированы в батальон».

За нами — на другом берегу — осталась одна машина замполита роты лейтенанта Ермакова. 25-летний офицер был хорошо подготовлен в военном отношении, так как до поступления в военное училище прослужил год в разведrote воздушно-десантных войск в Прибалтике. Я нашел его под днищем машины, где он, лежа между катками, стрелял по духам. Получив от Ершова приказ управлять боем, замполит толково организовал его и прочно прикрыл наш фланг. Впоследствии он награжден орденом Красной Звезды.

Долго ли коротко, стали к нам подтягиваться ребята из других взводов и машин, и на месте наших двух БМП образовался управляемый очаг обороны. Моя машина была подбита, но стреляла, а у замполита оставалась исправная и рабочая. Позже, через полчаса ведения этого боя, к нам подтянулись ребята из других экипажей и вынесли раненых, а потом еще подошла машина из второго взвода (как сейчас помню — бортовой номер 29-й).

Запомнился своими действиями механик М.Степанов из первого взвода. Его машина была второй в колонне (экипаж сержанта Шворнева) и была поражена первыми выстрелами. Именно тогда Анвару Гимранову снесло полчерепа. А кумулятивная струя попала в триплекс. Осколками этой же гранаты посекло лицо механику, и он, будучи ослеплен, выполняя команду наводчика, съехал в кювет, и начал объезжать первую подбитую машину, но в тот же момент подорвался на mine. Вторым выстрелом из гранатомета на машине оказалось повреждено противооткатное устройство пушки. Но наводчик стрелял из пулемета, отсекая духов, пока ребята выскакивали из машины и выносили раненых, в том числе и механика Мишу.

Чувство страха было у всех бойцов, но подавлялось практическими действиями, доведенными до автоматизма. Каждый знал свой маневр и действовал осознанно.

Раненых перенесли за дувал. Там было надежнее. Ведь машины, тем более ведущие огонь из пушек и пулеметов, привлекали внимание противника. Капитану Ершову и механику наложили повязки и сделали перевязки. Вспомнив народное средство, я убедил начштаба, чтобы он помочился на тампон и приложил этот компресс на опухшее и обезображенное лицо. Действительно, это дало ему временное облегчение...

Духи первоначально использовали фактор внезапности. Когда же мы стали вести ответный и плотный огонь — они начали отступать, унося своих раненых и убитых...

Вообще-то, нашим комбатом Стодеревским было заведено, что на случай подобного боя у каждого из нас под сидением лежало «НЗ» — по цинку патронов на брата. В этой ситуации сказалась выучка комбата, который жестко и последовательно тренировал личный состав — в ситуациях подобных этой, чтобы каждый боец, попавший под огонь, заранее знал свой сектор огня. Потому, обученные и тренированные, разведчики разделившись — одни стреляли, другие снаряжали магазины — и могли в течение получаса вести мощный ответный огонь.

И это нас в той критической ситуации спасло.

Перестрелка прекратилась. Остальные военнослужащие спешились — прочесали местность и подобрали трофеи: автомат Калашникова китайского производства, пару «буров» духовских и стреляные выстрелы от РПГ. Осмотрели боевые позиции, те места, куда мы стреляли, и те, откуда по нам стреляли. Видели много стреляных гильз, и много кровоподтеков, остатки вскрытых медицинских пакетов... Но тел убитых и раненых обнаружено не было.

Связь с ППД отряда поддерживалась с 21 борта, где старшим был лейтенант Ермаков. Через полчаса к нам прибыла колонна во главе с замполтехом батальона. В ее составе были две БМП, БТР и БАТ...

Со сгоревшей машины снимали все, что можно было снять: оборудование, пулеметы, замки...

Три поврежденные машины взяли на буксир. Всех раненых и убитых загрузили на один бэтээр, и надо же так случиться, что во время марша на них опять было совершено нападение из засады. Убитых не было, но появились свежие раненые... Среди них и командир второго взвода четвертой роты.

Когда загружались, то визуально, совершенно случайно, обнаружили в пыли на обочине транспортную итальянскую мину. Без спешки саперы тщательно стали проверять маршрут нашего выхода из боя и на

расстоянии около восьмисот метров обнаружили еще около двадцати мин.

— А если бы мы поторопились и поехали не глядя?

Вечером в ППД новый ротный устроил «разбор полетов». В этот момент из командования никого не было. Раненого начальника штаба отправили в госпиталь...

А через четыре дня всех дембелей отправили в Союз. В связи с этим всю жизнь жалею своих погибших товарищей, которые должны были со мной увольняться в запас — Анвар Гимранов, Миша Шворнев, Саша Вашербович не дожили до дембеля совсем немного... Всего, как мне кажется: убитых было 6 человек, 8 раненых. Из их числа один умер в госпитале. Анализ боя, проведенного ротой, доказывает, что душманам удалось ввести в заблуждение наших командиров. Несмотря на достаточно грамотное ведение колонны, рота была втянута в заранее подготовленную ловушку, что свидетельствует о недоработках в звене агентурной разведки и афганского МГБ провинции.

После боя капитан С. Ершов об этом докладывал:

«Анализируя все эти события, можно сделать вывод, что информация о складе оружия была сообщена специально для того, чтобы уничтожить единственную роту, которая оставалась в батальоне в ППД, и свергнуть власть в Агче. Другой дороги от «склада с оружием» в Агчу не было, и в случае уничтожения роты, оказать помощь местным властям в отражении мятежников было бы некому».

Безусловно, ошибкой можно считать и то, что в связи с ограниченным применением сил и средств — на обратном пути не были взяты под контроль господствующие высоты по маршруту движения. Однако, несмотря на неблагоприятные стечения обстоятельств, уничтожить всю технику не удалось. Практически в ходе получасового боя убитых и раненых не было. Все потери были связаны с последствиями фактора внезапности в первые минуты боя. Командно-политический состав и сержанты роты проявили высокую психологическую устойчивость и грамотно организовали и вели бой. Среди личного состава растерянности, паники не отмечалось. Все воины вели огневой бой умело, и в противоборстве с противником победили. Ответным мощным огнем враг был рассеян, получил потери и скрылся в кишлаке.

В ходе марша и после боя постоянно велась инженерная разведка местности, что позволило избежать дополнительных подрывов на минах противника.

Как свидетельствуют приведенные факты: общий уровень подготовки разведчиков отряда спецназа в начале 80-х годов был достаточно высоким, в чем безусловная заслуга командиров, которые готовили подчиненных к боям...

Добрим словом вспоминаю своего комбата И.Ю. Стодерева. Это был высокий, статный, подтянутый, аккуратный, гусарского вида офицер. Физически накачанный. Видели бы вы, какие чудеса он творил на стрельбище. Он стрелял из двух автоматов с двух рук и поражал цели. Молодец, он в этом отношении был ярким примером для нас, пацанов. А уже в Афгане он показал себя мастером рукопашного боя. Очень смелый был человек. Много раз на одном бэтээре выходил на рекогносцировку и разведку за сто — сто пятьдесят километров от ППД, нередко переодеваясь в духовскую одежду — шаровары, рубахи и тюрбаны.

Кто был в Афгане, оценит, что это значило. Комбат был прост и доступен. На боевых питался из одного котелка с солдатами, но примечательно, ел только в тех подразделениях, которые отличались во время боя в лучшую сторону. Все это положительно воспринималось личным составом. Он поражал своим обаянием. Великолепный был человек.

В. С. ЛИСТОПАД,
старшина запаса, ветеран 15 обрСпН (в ДРА с 1981 по 1982 гг.), кавалер медали «За отвагу».

Примечание:

По данным из личного архива замкомбрига полковника О.В. Кривопалова, в том бою погибли:

1. лейтенант Калмыков Сергей Николаевич
2. сержант Гимранов Анвар Наилевич;
3. сержант Шабакаев Марс Октябрисович;
4. сержант Шворнев Михаил Александрович;
5. ефрейтор Анциферов Игорь Михайлович;
6. рядовой Ващербович Александр Иванович;
7. рядовой Алибердыев Кабул Каримович;
8. сержант Маурин Герман Алексеевич, умер от ран 10 июня 1982 года,

в госпитале.

ВЕХИ ИСТОРИИ

«КАРЕРА» СТОИЛА КАРЬЕРЫ

*Спецназ уходит по приказу
В налет на вражескую базу.
Его судьбу не предсказать,
А жить зачем, когда все знать?*

*Вопрос оставим без ответа:
Гаданье — скверная примета.
Такое горы не простят...
Храни, Господь! —
Веди, комбат!*

Владимир КОШЕЛЕВ.

875 фамилий наших погибших сослуживцев выбиты на плите мемориала «Доблесть и слава спецназа».

Проходят годы и мы все острее ощущаем их отсутствие.

Молодое поколение должно, хотя бы чуть-чуть, иногда прикасаться к нашей истории, хотя бы чуть-чуть представлять то, что было с нами... Эта статья прежде всего для них... Ибо прав Цицерон: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит, остаться навсегда ребенком».

Я хочу рассказать о днепропетровце, который служил в рядах нашей армии. Вы часто встречаете его на улицах нашего города. Я расскажу о его сложной судьбе через призму одной неизвестной боевой операции Афганской войны... Сергей Лукьянов.

Он родился в 1960 году на Львовщине, в семье служащих. Нелегкая и трагическая судьба выпала его матери. Отец Сергея, Константин Павлович ЛУКЪЯНОВ прожил до обидного короткую жизнь, всего 43 года. Он ушел из жизни в 1979 году в Васильковской районной больнице Днепропетровской области на руках у жены-медсестры, когда сын Сергей еще был курсантом Киевского высшего общеобразовательного командного училища, а дочка Ирина пошла во второй класс школы...

Все трудности жизни и воспитания детей легли на хрупкие плечи Нины Никифоровны. Мать очень гордилась своим сыном, избравшим славную профессию защитника Отечества. Сережа и в школе, и в учи-

лице учился очень хорошо. Занимался спортом. Имел первый разряд по тяжелой атлетике.

Первым местом офицерской службы ему была определена продаваемая всеми ветрами студеной станция Оловянная Читинской области на китайской границе. Принимал новоиспеченного лейтенанта Лукьянова земляк-украинец начальник штаба бригады майор В.И. Федырко (в будущем генерал-майор, президент Украинской ассоциации уволенных в запас кадровых военнослужащих).

В скором становлении Лукьянова в должности была заслуга его бывших курсантских командиров, таких, как генерал-лейтенант В.И. Ляшко, полковник А.И. Майстренко, старших лейтенантов В. Горбанос и К. Морозова, которые, без красных слов, вложили душу в строптивого воспитанника. Дружба с ними у него сохранилась на всю жизнь.

Стремительно пролетели первые годы офицерской юности. Сергей весь в делах и заботах. С увлечением покоряет забайкальское небо под куполом парашюта, успешно решает учебно-боевые задачи на тактико-специальных учениях.

В мае 1983 года Сергей назначается старшим переводчиком — начальником лингафонного кабинета. С декабря 1984 года он помощник начальника оперативно-планового отделения штаба бригады. В марте 1985 года согласно приказу откомандировывается по замене в распоряжение командующего войсками ТуркВО.

С 4 июня 1985 года у помощника начальника оперативного отделения 15-й отдельной бригады спецназначения старшего лейтенанта Лукьянова начинается боевая служба в центре пограничной афганской провинции Нангархар городе Джелалабаде.

Сергей принимал участие в планировании и разработке боевых действий частей и подразделений бригады. Его начальник проницательный подполковник Мишустин отмечал: «У Лукьянова ум живой, творческий при всех обстоятельствах. Умеет кратко, быстро и довольно просто излагать свои мысли. Документы обрабатывает четко и грамотно. Обладает завидным хладнокровием, умением твердо держать себя в сложной обстановке. Решителен и целеустремлен. Трудности службы переносит стойко. В убеждениях тверд».

Полковник Ю.Старов высоко оценивал Лукьянова и вспоминал:

— Лукьянов все время был в движении. Либо при работе на выездах в подчиненные части, где оказывал помощь в ведении отчетной и учетной документации штабов частей и организации службы войск, либо принимал участие в подготовке и выводе разведгрупп на выполнение боевых задач.

Особенно памятным для Сергея Константиновича было участие в проведении налета на перевалочный пункт мятежников в районе населенного пункта Кулала.

Бои же 28 — 31 марта 1986 года оказались для Сергея Лукьянова последними в его боевой службе в спецназе...

Материал, приведенный мной ниже, написан по воспоминаниям участников операции в укрепрайоне «Карера». Двое из них — полковники С.Лукьянов и Ю.Владыкин — служили в те годы в штабе 15-й бригады спецназа и 335-м отдельном боевом вертолетном полку, а майоры запаса Н.Зубков и В.Особенко — в 154-м («Джелалабадском») отряде занимали должности оперативного дежурного заместителя начальника штаба и начальника разведки отряда соответственно.

...Ущелье Карера в провинции Кунар, в 20 километрах юго-западнее Асадабада, было пунктом постоянной дислокации исламского полка имени Абдул Вакиля. Укрепрайон располагался на пограничном хребте в непосредственной близости от пограничной заставы Пакистана.

Со стороны Пакистана к нему вели подъездные пути, со стороны Афганистана окружала труднопроходимая местность. В укрепрайоне постоянно находились 500 боевиков, из состава которых выделялись диверсионные группы для минирования дорог, нападения на воинские гарнизоны, устройства засад и проведения других диверсионно-террористических актов.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

В августе 1985 года был организован разведывод в ущелье Карера численностью 50 человек под командованием капитана Быкова. Из-за отсутствия проводника и сложного рельефа отряд вышел в район поиска под утро, в результате чего был обнаружен. Принял бой, в ходе которого понес потери и отошел, тем не менее, собрав информацию о количестве огневых точек и путях подхода к ним. После этого была разработана операция по налету на УР, но в связи с приказом командующего 40 ОА о запрещении боевых действий в пятикилометровой приграничной зоне, разрешение на проведение операции не получили. Горя жаждой мести за погибших, командир 334-го ооСПН, несмотря на запрет, принял решение провести налет на укрепрайон в ущелье Карера. Для осуществления операции пришлось прибегнуть к хитрости.

Для утверждения в штаб армии было отправлено решение о проведении засады на переправе через реку Кунар на выходе из ущелья Карера. Штаб дал «добро», и две роты общей численностью в 45 человек пешком ночью выдвинулись в ущелье Карера. Выйдя на позиции, передали в Центр боевого управления отряда, что, находясь в засаде, вступили в бой с противником и, преследуя его, углубились в ущелье

Карера. Зная, что противник значительно превосходит отряд в живой силе и вооружении (на вооружении гарнизона УР имелись минометы, безоткатные орудия, ДШК, зенитные горные установки), решили ограничиться налетом на два передовых поста моджахедов. Отряд разделился на три группы: первая осталась на хребте для обеспечения прикрытия и отхода, а вторая и третья должны были совершить налет на два поста. В непосредственной близости от постов выяснилось, что к одному из них трудно подойти из-за сложной местности. Поэтому на ходу приняли новое решение: одна группа атаковала пост, имевший удобные пути подхода. После начала налета на втором посту охрана вышла из укрытий выяснить причину стрельбы — и подставила себя под огонь второй группы. Второй пост также захватили. Посты были оборудованы по всем правилам военного искусства: заглубленные бункеры, склады с оружием и боеприпасами и продовольствием. Все предусмотрено для автономного ведения боевых действий. Как и положено, помимо радиосвязи была телефонная связь. Весь налет занял 10 минут, после чего разведгруппы, забрав образцы вооружения и взорвав остальное, начали отход. Темное время суток и группа обеспечения, которая отвлекла на себя огонь остальных постов укрепрайона, позволили группам беспрепятственно отойти.

***

Через пять месяцев органами безопасности Афганистана отряду был передан «язык» из укрепрайона «Крер» (советские военнослужащие его называли «Карера»), который подтвердил имеющуюся информацию и дал дополнительные сведения о численности личного состава, вооружения и расположении укрепрайона. Командованием 334-го и 154-го отрядов специального назначения, был разработан план проведения совместного налета на УР Карера.

Вспоминает майор Н.Зубков:

— За неделю до операции приезжает командир 154-го ооСпН капитан Р. Абзалимов и говорит: «Готовьте операцию на Кареру». Чуть позже подъехал (командир 334-го ооСпН капитан Г. Быков). А надо сказать, что после Гошты, когда мы двумя батальонами при содействии ДШБ из 66-й мотострелковой бригады взяли укрепрайон, у всех была сильная эйфория, потому что там столько взяли трофеев... Короче, опираясь на положительный опыт, решили и впредь проводить совместные налеты. Гришкиному батальону к такой войне не привыкать, они вообще только в составе отряда воевали и в Карере с переменным успехом не раз бывали, мы же воевали иначе. Ходили, в основном, в налеты на объекты в «зеленой зоне» по наводке МГБ ДРА: высадился, полтора-два часа отработал и на «вертушках» обратно. Это потом, в ходе действий, сказалося.

Ну начали планировать операцию, подготовили карту.

Комбриг Бабушкин с комбатами решение принимают, я на карту наношу то, что мне говорят. Отработали взаимодействие с 66-й омСБр. Из огневых средств придали нам огневой взвод 122-мм гаубиц Д-30 и «Града» одну машину. По задумке, Быков с батальоном выдвигался по одному хребту, где они бывали ранее, чтобы отвлечь духов на себя, а мы должны были скрытно выдвинуться по другому. К утру следовало соединиться на главном хребте Спина в районе вершины Спиначука.

В ходе движения планировалось уничтожить противника и его укрепления, захватить оружие и боеприпасы, после соединения день держаться и отойти под покровом темноты.

Как назло, в то время в батальоне была вспышка желтухи, и народу, даже когда в строй поставили поваров, хлеборезов и прочих, наскребли сотни полторы от силы.

Самая полнокровная была третья рота Олега Мартьянова: человек семьдесят, вторая по численности — первая рота, которой командовал замкомроты Удовиченко, а от второй роты, которая шла вместе с управлением батальона, оставалось всего две группы.

Ночью выехали на броне и к утру прибыли к переправе через реку Кунар. Начали переправляться. Броня и артиллерия остались, а остальные пошли на другой берег. Вся переправа заняла часа четыре: дохленький паром способен был вместить не больше группы. Сразу за Кунаром начиналось плато, недалеко стоял кишлачок, и дальше шли горы. Подъем там очень крутой: с 600 м на плато до 2000 м над уровнем моря в горном укрепрайоне. До 1000 метров горы лысые, а выше — «волосатые»: деревья, альпийские луга.

Когда переправлялись, откуда-то появилась информация, что плато до гор заминировано. Поехали искать тех, кто минировал. Искали до темноты, но, так и не найдя никого, двинулись в горы. И никто не подорвался.

У командира второй группы первой роты после гепатита печень разыгралась. По согласованию с комбатом я возглавил эту группу. «Ласку-2» (наш позывной) усилили двадцатью ХАДовцами и поставили в арьергард.

Начался подъем. Нам всем без привычки было тяжело, но больше всех досталось арьергарду. В горах первым идти нормально, последним же приходится «лошадью скакать».

Рельеф был сложный. В некоторых местах для преодоления рубежа приходилось вставать друг другу на плечи. Несмотря на то, что нам дали проводника из асадабадского батальона, мы в темноте все же заблудились и стали подниматься по другому хребту, правее. Как оказалось, к лучшему, поскольку асадабадцы по своему хребту продвигались с боем. Духи, по опыту зная, что те будут неотвратимо идти впе-

ред, долбили их из ДШК и ЗГУ и на направлении их движения, и с хребта, по которому предстояло подниматься нам.

О боевой работе 334-го отряда вспоминал майор В. Особенко:

— На хребте, по которому шли асадабадцы, около полуночи разгорелся бой. Из кишлака работали безоткатные орудия, ЗГУ, ДШК. Радиостанции и у нас, и у 500-го отряда для связи внутри подразделения были одинаковые, Р-392, и мы прослушивали их переговоры. Если можно так сказать, асадабадцы шли красиво. В переговорах — никакой нервозности, суеты. Чисто рабочие моменты. Не знаю, кто у них шел в головном дозоре, но как сейчас помню его фразы: «Первый, я Второй. По мне работает ДШК, попробую подойти поближе...». Пауза. Потом: «Первый, я Второй, работаем гранатами...» Пауза. Опять: «Первый, я Второй, идем дальше». И вот такая спокойная работа в море огня.

С хребта, по которому мы поднимались, весь бой был как на ладони, и было до слез обидно, что мы ничем не можем помочь мужикам. Так получилось, что духи увлеклись 500-м отрядом и занялись только им. Ну, а оттуда, где мы поднимались, нас и вовсе никто не ждал...

334-й отряд с наступлением темноты по мосту в районе населенного пункта Новобад перешел на левый берег реки Кунар и, пройдя по течению 10 км, начал подъем по северному по отношению к укрепрайону отрогу пограничного хребта. Задача 334-го отряда была: подняться на господствующую высоту 2170 Спинацук и закрепиться там. При подходе к высоте 1917 головной дозор обнаружил выносной пост противника с флангов, зажимая его в тиски. Оставив безоткатное орудие и двух убитых, духи отошли на 50 м на оборудованные запасные позиции. С огневых точек укрепрайона открыли огонь из безоткатных орудий и крупнокалиберных пулеметов. Тем не менее, 334-й отряд продолжил силами трех групп сбивать противника с хребта и неуклонно продвигался к высоте 2170. В это время 154-й ооСпН вышел незамеченным к укрепрайону и обнаружил работающие огневые точки...

Снова майор Н. Зубков:

— Когда лезли в горы, было темно, а вышли на хребет — и глазам открылась совершенно непривычная картина: вся долина в огнях, вдалеке самолеты какие-то летают, на посадку заходят. Здесь XIV век, а там XX. Хребет, на который мы поднялись, назывался Спина. Когда мы на него залезли, справа от нас осталась господствующая высота, которую Роме предложили занять, но он по непонятным причинам отказался.

Дополняет майор В. Особенко:

— Незадолго до рассвета наконец выбрались на хребет Гулпрай. Сидим, решаем, что дальше... Спор зашел из-за того, что командир первой роты Мартянов предложил оставить одну группу на высоте, Абза-

лимов же уперся и сказал, что взять мы ее всегда сможем. Но это оказалось большой ошибкой. Именно с этой высоты нас потом духи долбили из минометов. ...Сидим, кумекаем. Как вдруг прямо над ухом заорал мулла. Сначала не поняли, в чем дело, а потом дошло, что это громкоговоритель: наступило время утреннего намаза. Нас здесь по-прежнему никто не ждал. Третья рота пошла на штурм огневых точек, выявленных ночью, а мы тем временем стали перекрывать хребет Спина. Выдвинулись, закрепились, сидим. Тихо и спокойно. Вскоре вышла на связь третья рота: «Задача выполнена. Сидим».

Н. Зубков:

— Третья рота захватила бункер с ДШК, который был вмурован в пол. Бункер полон цинков с боеприпасами, от бункера идут ходы сообщения и траншеи бетонированные. Это была суббота, и поэтому духи в основном были у жен в кишлаке... И мы, и асадабадцы к 4.00 утра 30.03.86 в основном свои задачи выполнили. Результаты оказались вполне приличные: захвачены и ДШК, и ЗГУ, и РПГ, и большое количество стрелкового оружия. Доложили командиру бригады и запретили дальнейших указаний.

В. Особенко:

— Начинало рассветать. Уходить поздно. Решили закрепиться и действовать по прежнему плану. Ближе к концу подъема Н. Зубков передал группу мне, так как после желтухи чувствовал себя нездорово. Группу принял я. Посоветовались с О.Мартяновым и решили, что нам лучше выдвинуться на высоту.

Это уже — территория Пакистана, но именно с этой высоты можно было контролировать все подходы к укрепрайону со стороны Пакистана. Благо дело, недалеко, метров 700.

Рассвело. Тишина, солнышко припекает. Примерно где-то в 7.30 Вася Войцеховский (заместитель командира группы) толкает меня и говорит:

— Товарищ лейтенант, духи!

Смотрю — точно, из Пакистана прямо на нас поднимаются по тропочке мужики, человек сорок. Связываюсь с комбригом:

— Идут! Что делать?

— Бей!

А мужики, кстати сказать, шли расслабленно: кто автомат на плечо положил и держал за ствол, у кого и вовсе оружие за спиной болталось. Идут треплются между собой. Они и не думали, что в укрепрайоне может быть кто-то, кроме своих. В общем, подпустили мы их метров на 70 и дали из всех стволов. Кто попадал, кто успел за камни прыгнуть. Снова тишина.

Комбриг запрашивает:

— Ну что?

— Нормально, человек 15 завалили.

В общем, духи соображали минут сорок. Смотрю, в Пакистане засуетились. Несколько грузовиков из кишлака пошли в сторону хребта, на котором мы сидели. Опять связываюсь с Бабушкиным (по приказу командира роты я работал напрямую с ним), говорю:

— Тут народ собирается.

— Артиллерию навести сможешь?

— Смогу.

— Ну, давай!

Я и дал. И полетели снаряды на пакистанскую территорию, и вроде бы удачно.

Тем временем «мужики», которых мы вначале пугнули, перегруппировались, усилились — и началось... Плотность огня была такой, что головы не поднять. Лежим с Войцеховским ничком и чисто наугад, высовывая автомат за камни, огрызаемся. Остальные бойцы также. Наверное, все же есть внутренний голос. Что-то меня заставило посмотреть в щель между камнями. А там, метрах в 30 от нас, духовский гранатометчик на колене, труба в мою сторону смотрит, а второй номер в трубу гранату заталкивает.

Тут как что-то подхватило. Высунулся по пояс и ударил из автомата навскидку: к счастью, попал.

Дальше — больше. Чувствую, что уже не могу становиться, патроны тютю, огонь по нам шквальный. Связался с Мартьяновым, говорю:

— Теперь, Олег, я тебя понимаю. (В феврале 1985 года группа Олега была окружена «Черными аистами» и практически полностью уничтожена. В живых остались только Олег, замкомандира группы и раненый радист).

В общем, попрощались мы с ним. Звоню комбригу:

— Давай артиллерию на меня!

— Ты что, обалдел?!

Я ответил ему матом. Секунд 20 в эфире тишина, а потом севший голос:

— Ну, сынок, лови!

Артиллерия начала работать по нам, а мы решили испытать свой последний шанс. Сначала мы с Войцеховским перебрались на вершину сопки (до того сидели метрах в двадцати). На вершине, само собой, огонь еще сильнее. Добавляют духи с высоты, которую асадабадцам так и не удалось взять. Принимаю решение отходить. Говорю Войцеховскому:

— Васька, бери одного человека и отходи.

— Нет, Вадим, ты первый.

Так мы «беседовали» минуты три. Потом вижу, что, если я не пойду, никто не пойдет, так здесь все и ляжем.

Звоню Олегу:

— Прикрой!

А как он может прикрыть? До нас метров 700.

Короче, побежали перебежками. Дистанция приличная, да еще на подъем. Где-то на середине по нам уже пристрелялись. Боковым зрением вижу: бойца рядом убили. Помочь ничем не могу. Местность голая, ни кустика, ни камня крупнее куриного яйца. Так вот и бежал. Метров 20 — 30 пробежишь — падаешь. И не просто, а со всего разбегу, раскинув руки, чтобы подумали, что попали... Олег потом рассказывал, что несколько раз сам думал: «Все, не встанет. Попали». Но все-таки добежал. Олег с еще живым тогда переводчиком роты Розыковым (царство ему небесное), укрывшись за каменной стеной, как могли, прикрывали мой отход огнем. Я буквально свалился на них. Олег:

— Иди в дувал, оклемайся!

Я тут же ответил ему:

— Группу вытаскивать надо.

Тут Олег сообщил, что группа отходит по ложине с Войцеховским.

Забегал я в дувал, там бойцов человек пять раненых и семеро живых. Вбежали еще несколько бойцов, радист Мартьянова, бригадный медик. Думаю, пойду к Олегу, группа на связь не выходит. Выбежал — и попал под сильный огонь. Лежит переводчик, Олега нет. Я за скалу — там духи, я — обратно. С трудом проскочил. Олега духи вынудили отойти. Лежим в дувале, считаем патроны. Картина получается грустная.

Н.Зубков:

— Особенко вызвал огонь на себя. Одновременно с этим на горку, которую мы не заняли, вышли духи и начали долбить наш КП сверху. В результате пришлось перемещаться по хребту в сторону 500-го отряда. Прилетевший «борт» сообщил, что «Ласки-2» больше нет. Там все лежат и не шевелятся... Но «Ласка-2» была жива...

Все это время духи долбили по нашему КП. Две группы второй роты, прикрывавшая КП, начали работать по этой вершине, одновременно передав третьей роте команду комбата перебросить 2 группы для помощи. Третья рота даже не дернулась.

Не знаю, кто виноват, Удовиченко или заместитель комбата Вася Фрезе, но команду комбата даже никто не пытался выполнить. На плечах отходящей «Ласки-2» духи ворвались на позиции первой роты и через два с половиной часа ее как боевой единицы не стало. В разрыв между нашим и пятым батальоном также вклинились духи.

Связь с КП, с подразделениями была утрачена, и Роман послал

меня и еще одного бойца за третьей ротой. От помощи бойца я отказался: если с ним что-то случится, я его не брошу, и тогда мы оба не дойдем. Одному проще.

Меня прикрыли огнем и я побежал в сторону третьей роты. Нарвался на духов, которые погнались за мной. Петлял как заяц. В конце концов они прижали меня огнем. Пришлось укрыться за огромным валуном. Отстреливалась. Когда духи поняли, что меня так просто не взять, стали долбить из РПК-7 по камню. Сначала вроде бы ничего: камень надежно прикрывает, но через несколько выстрелов из ушей пошла кровь, стал плохо соображать. От валуна отойти некуда, дальше обрыв... Последнее, что помню: лечу с обрыва.

Очнулся — несут. Пригляделся — свои. Притащили меня на пункт сбора на базе третьей роты. К этому времени духи уже по нему долбили. «Вертушки», вызванные для эвакуации, сесть не могли, так как им пришлось бы садиться между нами и духами, а это всего-то метров 200 — 250.

Активного противодействия там не было, просто сидели духовские снайперы и методично долбили, добывая раненых. Некоторые из них уже на пункте сбора получили еще по 2 — 3 ранения. Уносим ноги, считаем потери

В. Особенко:

— Очнулся от того, что Рома меня по щекам бьет, спрашивает: — Вадим, живой? Живой?

Выполз из дувала — темень, слышно, что рядом много людей. Это наши собирали раненых и убитых. Голова гудит, трясет в ознобе. Забрался в соседнюю пещеру, там духи убитые лежат, растолкал их, улегся между ними и опять отрубился. Чисто случайно опять нашли, растолкали, начали отход. Встретил Войцеховского с остатками группы. Им повезло. Когда духи отвлеклись на мой отход, Васька сумел вывести оставшихся в живых по лощине ко второй роте.

Лишь благодаря поддержке авиации и артиллерии 154-й отряд не уничтожили. Командир 334-го отряда запросил у руководителя операции подполковника Бабушкина разрешение выдвинуться для оказания помощи 154-му отряду, но получил его только с наступлением темноты. Соединившись с джелалабадцами, сразу начали эвакуацию убитых и раненых на хребет с выходом на высоту 1917, где была подготовлена площадка для вертолета.

Вспоминает Н. Зубков:

— Ночью две роты асадабадцев начали нас вытаскивать. У них не хватало рук, чтобы нести нас по горам километров десять, к месту, где могут сесть вертушки. Полдороги меня на себе тащил Саша Кистень, пока я не оклемался и сам не пошел. Вышли на этот маленький пятачок — все равно, что на край крыши небоскреба... Внизу наша

броня стоит... Вертушка сесть не могла — цеплялась колесом, и в люк просто закидывали убитых и раненых. Асадабадцы разделились: одна рота нас прикрывала — уже рассвело, и духи могли помешать эвакуации, а другая искала убитых и раненых. Они еще более суток выполняли задачу и все там обыскали. Позже к ним высадился десантно-штурмовой батальон 66-й омсбр, но до вершины так и не смог дойти.

Асадабадцам в горах цены не было. Когда вытащили джелалабадцев к отметке 1917, пересчитались. Четверо пропали без вести. Решили эвакуировать 154-й отряд вертолетом с одновременной высадкой на хребет дшб 66-й бригады. Наш батальон должен был находиться на отметке 1917 и с наступлением темноты вернуться в укрепрайон для поиска пропавших без вести. Движение приказали начать после того, как дшб закрепится на хребте у подножья г. Спинацука. Наблюдая высадку, мы усомнились в возможности десантников, тяжело нагруженных вооружением, бронежилетами, касками и боеприпасами, своевременно выйти на указанный рубеж. Поэтому решили двигаться с наступлением темноты, не дожидаясь дшб. Весь день наводили артиллерию и авиацию на укрепрайон, чтобы воспрепятствовать возврату в него противника. С наступлением темноты начали поиск.

Как и предполагалось, десантники в течение ночи брели по хребту, периодически запуская сигнальные ракеты, собирая отставших и заблудившихся. Ночью обнаружили раненого офицера и с ним солдата, который не бросил командира. Спрятавшись, они наблюдали, как, не смотря на огонь артиллерии и работу авиации, духи вернулись в укрепрайон и отошли лишь с приближением нашего отряда, не вступая в бой.

Поиски были трудными. Две группы 334-го отряда вышли на восточную сторону укрепрайона, которая находилась в непосредственной близости от пограничной заставы Пакистана. Пакистанские пограничники ее от греха покинули. С наступлением рассвета поиск прекратили.

* * *

В эту ночь Лукьянов с двумя разведчиками захватил пленного, который в ходе первичного допроса показал на наличие рядом с основным объектом замаскированного склада с оружием и боеприпасами. Благодаря этой информации, хорошо скрытый склад мятежников мы также уничтожили. Разведчики Лукьянова вплотную подошли к огневой позиции пулемета ДШКа и захватили его.

...В 5 утра 29 марта мятежники предприняли отчаянные попытки по уничтожению подразделений разведчиков, захватившего базовые склады, однако, благодаря умелой организации боя все атаки отразили. Вытянув из арсеналов тяжелое оружие, советские воины не жалели зах-

ваченных боеприпасов. Однако в ходе боя, который продолжался весь день, появились первые раненые и убитые...

Отважно воевали все воины группы захвата и групп обеспечения. Особенно хорошо себя проявили начальник разведки бригады майор Кустов, хирург бригады старший лейтенант Юдин, которому в ходе боя осколком оторвало полуха. Наскоро оказав себе первую помощь, он продолжал драться как лев. Спецназовцы потом вспоминали:

— Мочил он духов здорово, не скажешь, что медик.

Хорошо показал себя в первом боевом выходе политработник комсорг отряда старший лейтенант Тукманбетов, метко стрелявший из подствольника.

В драматический момент боя, когда духи подошли так близко, что начали забрасывать гранатами обороняющихся разведчиков, на позицию захваченного безоткатного орудия, рядом с обороняющимися воинами влетела граната Ф-1. Пошипела и не взорвалась. Этот счастливый случай спас жизнь многим участникам того памятного боя...

В разгар дня с пакистанской территории начали подтягиваться мощные резервы мятежников. Подразделение «зеленых» (так звали республиканских военнослужащих) бросило свои рубежи на границе и побежало...

В 14 часов поступил приказ на отход и всем подразделениям нашего спецназа. Легко сказать — отход! К тому времени с трех горных площадок прицельным огнем лупили три духовских пулемета ДШК. Под прицельным огнем перебежками разведчики от укрытия к укрытию продвигались к береговой кромке реки. Отход прикрывала группа старшего лейтенанта А.В. Чихирева (Александр Чихирев погиб вместе с нашим земляком Олегом Злуницыным через полгода в Черных горах под Джелалабадом).

...Рядом с Лукьяновым одновременно ранило несколько человек. Обладая недоужинной силой, Сергей взвалил на плечи юного радистарше-разведчика... Поднялся под пулями и побежал до ближайшей лоцины, где планировал остановиться. Он почти добежал до намеченной точки, когда сильный удар, принесший дикую боль, вдруг неуклюже с размаху бросил его на землю.

Сергей увидел и удивился как его правый кроссовок вдруг полетел в небо. Несколько секунд осознавал волну невыносимой боли... Повернулся к лежащему в неудобной позе солдату и увидел бок развороченной пулей радиостанции Р-159 и струйку крови изо рта. Это моджахед снайперски стрелял в них из английского Бура-300. Пробив насквозь металлическую коробку рации, пуля поразила солдата. Если бы радист был без радиостанции, то оба воина были бы поражены одной пулей. Солдату помощь уже была не нужна. Сергей приподнялся и посмотрел на ноги. Месиво дымящегося мяса, обломки белых костей и

потоки крови могли лишить сознания и не слабонервного. Стянув рану жгутом и вколов промидол, осмотрелся. Кроме них, в лоцине никого. Рядом слышал голоса своих товарищей, которые прорывались к Кунару. Окрикнув их, попросил помощи. Вынести раненого из простреливаемого участка местности было невозможно. Гребень скалы прошивался плотным огнем снайперов мятежников. Однако вскоре рядом с Сергеем шлепнулась кошка с веревкой, что обычно применялась при разминировании.

Зацепив крючки за боевую раскладку (брезентовая сумка для переноски боеприпасов на груди), Лукьянов дернул веревку на себя. Через мгновение трос натянулся и на глазах ошеломленных бандитов пластом лежащий раненый вдруг взлетел, разбрасывая мелкие камни, на вершину горной складки и пропал с их поля зрения. Однако вторая пуля все же догнала Сергея. До сих пор эта пуля в его теле...

На берегу реки лежало около двадцати раненых. Сергея окликнул окровавленный и почерневший начальник штаба отряда майор Анатолий Петунин, которому в этот момент оказывали первую медицинскую помощь.

Вскоре в небе появились наши вертолеты. МИ-24 закрутили свою боевую карусель, а под их прикрытием рядом с ранеными сели два борта МИ-8. Последнее воспоминание о поле боя осталось у Сергея от вида из иллюминатора: огненные хвосты реактивных снарядов неслись в сторону пакистанской границы. Бой продолжался с новой силой... Наш же земляк, истекающий кровью, разведчик Лукьянов на вертолете был эвакуирован в госпиталь 66-й мотострелковой бригады в Джелалабад. А 1 апреля эвакуирован в Кабул, где находился до сентября...

* * *

События той операции дополнил бывший замкомандира 335-го вертолетного полка полковник Ю.И. Владыкин.

— Комбриг В.М. Бабушкин спланировал операцию с привлечением двух отрядов спецназначения. Вначале использование авиации не планировалось. Разведчики полезли за трофеями. Результативности постоянно требовал маршал Ахромеев, который тогда работал в Кабуле. На следующий день в 10 утра на КП полка пришел запрос из района КП Бабушкина — нужны вертолеты для эвакуации трофеев.

Пошли парой МИ-8 и парой МИ-24. Когда подлетали к району боевых действий, МИ-8 забрались на 5000 м, а мы шли на высоте 3700. Я начал связываться с комбригом. В это время на той же волне кто-то стал подавать мне команды: «712, поворачивай вправо». Я понял, что это какой-то дух, и не реагировал на него.

При подходе к району боевых действий комбриг сообщил мне квадрат карты, в котором следует сажать вертолеты. Я прикинул, что

указанный им квадрат находится в непосредственной близости от границы, а второй — на территории Пакистана. Это был Пашат — место на полпути между Асадабадом и Джелалабадом по Кунарскому ущелью.

Мы имели высоту, и я внимательно изучил местность. Граница проходила по хребту, т.н. «Линия Дюранта». Сориентировавшись, я ответил Бабушкину, что мы работать в указанных квадратах не можем. Нам запрещено входить в зону ближе 5 км до ленточки (границы).

В ответ открытым текстом Бабушкин сообщил:

— Юрий Иванович, надо наших ребят забрать. Никакие там не трофеи.

Я как старший дал команду экипажам МИ-8 сесть в районе командного пункта командира бригады, а сам полетел осмотреть местность. С воздуха было видно, что на хребте и за ним шел очаговый бой. Стрелкового оружия не было заметно, а вот по дымам были видны работающие ДШК и ЗГУ. Работали они в нескольких местах, но трасс не было видно, только красноватые вспышки выстрелов по обрезу ствола у ЗГУ и характерное — как сварка — у ДШК.

Сразу поле боя детально осмотреть было невозможно, и мы стали уточнять, где и кому нужна помощь. С одной из точек в эфир вышел сержант-десантник и сообщил:

— Командир группы ранен, духи озверели, начали забрасывать гранатами, прошу помощи, или через несколько минут спасать будет некого.

— Сколько метров от тебя можно работать, — спросил я.

— В 20 — 30 метрах.

К этому моменту я нашел на хребте что-то похожее на дувал. И около него копошащиеся группы людей. На таком близком расстоянии от дувала мы работать по ним не могли. Но ведь надо было. Зная о том, что все разговоры записываются бортовым магнитофоном, я приказал ведомому:

— Задачу понял, работать не могу, работать запрещаю, повторяй мои маневры, — фактически сделав запись для прокурора!..

Мы снизились на высоту 150 — 200 м над горами. Самый высокий гребень был выше нас. Тяжело было решиться на открытие огня — была велика вероятность попадания по своим. Стали работать из пушек, бьющих наиболее точно. Стреляли с минимальной дистанции. Умом понимал, что даже если попадем по своим — душманов отгоним. Под шквалом огня духи вынуждены были начать отход. Когда расстояние между дувалами и противником увеличилось до 150 — 200 метров, дали залпы нурсами.

По радио передал для КП полка, что в таком-то квадрате десант ведет бой, прошу разрешения работать.

Как потом узнал, в этот момент на КП было большое замешательство. Все видели, что бой идет на границе. Запрос КП Кабула не дал результата. Они бросились докладывать, а связываться в бой не разрешили.

Командиром нашего полка был полковник В.П. Целовальник, опытный и сообразительный летчик.

Когда я запросил смену по расходу топлива, он догадался, что главная причина в другом — в боеприпасах. Хотя мы провели в воздухе всего 40 минут. И, не раздумывая, выслал нам смену.

На обратный путь мы пошли почти «голые», оставив менее 30 % боеприпасов. А в это время два МИ-8 сидели на земле рядом с КП десантников.

Дальнейшие события развивались так. Прилетев на аэродром в Джелалабад, я пришел в штаб полка. Сейчас за время точно не ручаюсь, может быть, прошло часа полтора. А на аэродром уже запросился и сел самолет из Кабула. В числе прочих пассажиров был представитель военной прокуратуры, который с ходу запросил проволоку из моего бортового магнитофона. Судя по всему, человек он был знающий, поскольку ухватился за эту деталь. Прослушав переговоры, где речь шла об отказе выполнять задачу, он был удовлетворен и больше ничего не «копал».

Вскоре поступила команда из Кабула о поддержке окруженных групп, и я снова полетел в тот район четвертым звеном. На сей раз была войнушка как войнушка. Хорошо постреляли.

Всех деталей, творившихся на земле, я не видел. Но кое-какие группы, обозначившие себя дымами, мы хорошо поддержали. Запомнил такой эпизод: духи ослами затаскивали на хребет какое-то тяжелое вооружение, на место уничтоженной огневой, а мы их посбивали со склона.

Бой стал понемногу стихать. Обстановка позволила МИ-8 сесть перед границей и забрать группу наших раненых. Мы сопроводили их на «Сеялку» — воздушный позывной площадки у госпиталя 66-й мотострелковой бригады.

Через некоторое время обстановка опять накалилась. Против малочисленных групп десантников, легко вооруженных, из глубины Пакистана стали подтягиваться войска. Это хорошо было видно с воздуха. Наша бронегруппа и артиллерийские подразделения располагались недалеко от комбрига и были скованы маневром бурной горной реки Кунар.

Я доложил Бабушкину, что вижу большую колонну автомобилей — около 50 штук. В кузовах — пехота. Многие были одеты в черные комбинезоны. Это форма пакистанских командос. Ущелье, по которому шли грузовики, упиралось в хребет. Видимость была скверная. Сол-

нце опускалось за горы и слепило глаза. Комбриг обстановку понял и попросил навести артиллерию. Но «боги войны» стреляли не точно.

Потому мы приняли грех на душу и зашли вдоль колонны. Сначала пустили по два ПТУРСа с попаданиями по колонне, а потом отработали со второго захода НУРСами. Стреляли вдоль колонны — это была практически полигонная стрельба. Результат налицо. Загорелись машины по светлomu склону у основания гор. В разные стороны побежали солдаты из подкрепления. По нам ответного огня не было. Чем ниже опускалось солнце, тем чернее становилось ущелье. Стали видны вспышки от стреляющего оружия.

Обычно десант предупреждал, если по нам кто-то работал, но от них команд не поступало. Позднее командир отряда капитан Абзалинов мне сказал, что ничего не сообщали летчикам, — боялись нашего ухода из боя.

Солнце еще не закатилось, когда пошли пакистанские вертолеты «Пумы» и начали высаживать десантников. Мы их не трогали. Они, прижимаясь к земле, развернулись и ушли на свою территорию. Вскоре опустели сумерки. Нам на смену пришло второе звено, и я сдал дежурство в воздухе. Показал из пушки, где противник, куда надо богат. Когда мы уходили, бой на земле продолжался.

А потом был кошмарный сон. Всю ночь мы летали двумя парами. Других пускать не имело смысла, т.к. мы знали ночные ориентиры, чтобы не попасть по своим.

Для безопасности, чтобы не столкнуться в воздухе, ведомый всегда был на 300 м выше меня, у моего вертолета были включены только верхние строевые огни. Так с ведомым капитаном Никулиным мы всю ночь и пролетали.

Спецназ всю ночь выводил и проверял личный состав. Обнаружили, что не хватает нескольких человек.

На следующий день налетели представители штаба ОКСВ, были они у нас и на КП бригады. Днем стрельбы не было, но, когда к району подлетали вертолеты, по ним начинали стрелять. Я лично видел работу двух ДШК.

Ночью операцию по выносу убитых и раненых повторили. Позднее мне рассказывали, что из окружения по минному полю прошел и не подорвался раненый десантник и рассказал, где искать окруженных.

Действительно, вскоре в пещере нашли солдата, в которой он охранял раненого¹. Днем рядом ходили духи, и чудом никто не заглянул в это укрытие. Солдат настолько озверел, что чуть своих не пострелял, когда они нашли их.

¹ В пещере лежал тяжело раненый в бедро и живот старший лейтенант Дмитрий Анфиногенов. Разведчик остался жив. Из армии уволился в запас. Сейчас живет в Москве.

На третьи сутки все закончилось. Как я помню, у спецназа были с десяток человек убиты, двое пропали без вести и группу раненых вывозили в госпиталь. После боя видели двух убитых десантников, раздетых до тельняшек, лежащих на спине. Однако на пакистанскую территорию за ними уже пройти не могли.

Эти бои я запомнил как тяжелую работу и очень устал, но, когда комбриг Бабушкин вышел со мной на связь, я не узнал его голоса, измененного пережитым. Мы спали в вертолетах, пока нас заправляли и заряжали. А он не спал ни минуты... После всего на аэродром приехал Бабушкин. Мылись в бане на Бучиле. Делились впечатлениями, он жаловался, что ему руки связали. Вскоре его сняли с должности и отправили в Союз...

Я же до сих пор не могу понять — зачем надо было захваченное оружие и мины тянуть через границу, — чтобы привезти на склады, а затем по описям уничтожить?»

В. Особенко:

— Лежим в дувале, тоскуем. Гремят вертолеты. Связался с ними — у меня оказался радист Олега. Духи в это время всерьез занялись нашим убежищем. Пока снаряды попадали в стены, было более-менее ничего, но тут один из них влетел в окно и улетел вместе с углом стены, под которой я лежал. Потом мы так и ползали от стенки к стенке, периодически откапывая друг друга. Так вот, когда «вертушки» пришли, комбриг говорит:

— Работай с «воздухом» сам.

Я — «крокодилам»:

— Бейте так и так.

Отвечают:

— Не имею права, госграница.

В общем, заходят на боевой, но не работают. И таких заходов было шесть или семь. Я уже не выдерживаю. И тут спокойный «отморозенный» голос:

— Я борт 712-й, начинаю работу, укажи цель.

— Дувал видишь?

— Духи где?

— На крыше.

— А вы где?

— Под крышей...

Духи и в самом деле забрались на крышу, «эфки» нам забрасывают.

Перед входом — «ба-бах!»

Слава богу — все целы. Кто-то из бойцов в ответ кидает гранату в окно, но граната, ударившись о стену, упала между нами. Навсегда

запомнил этот момент... Крик: «Конец!». Лежу ничком и судорожно соображаю, что закрывать руками: лицо или пах.

Снова «ба-бах!» Оять все целы, только слегка поцарапало своими же осколками. Так и перекидывались, пока «вертушки» работать не начали, и работали, по-нашему, как надо. Если бы не они, не писать бы мне эти строки...

Они на боевой заходят — духи весь огонь на них, выходят — огонь на нас, и так по очереди.

Наводил «вертушки», пока мог, потом, ближе к концу дня, крыша начала ехать от разрывов, ударов и прочего. Отдал радиостанцию медику. Я, говорю, больше не могу. Он начал работать с авиацией, а мне дал таблеток каких-то, укол сделал, и я отрубился.

А почему летуны сразу не работали, я уже много позже узнал, когда в апреле руководящий состав обоих батальонов, бригады и авиаполка вызвали в Кабул «на ковер».

Стоим на аэродроме в Джелалабаде в ожидании вертолета, перекуриваем, судачим о том, о сем. Ну, я и спрашиваю летчиков:

— Мужики, что за козел у вас с позывным 712 летает?

Смотрю, лица как-то изменились.

А подполковник Владыкин говорит:

— Вообще-то это я, а в чем проблема?

Я говорю: так, мол, и так, столько боевых заходов делал, а работать начал только через полчаса. Почему?

Тут он мне все и объяснил. Мы, говорит, только на перезарядку прилетели, а нас уже мужики со щитами и мечами в петлицах встречают и говорят:

— Объясните, подполковник, по какому праву вы вели боевые действия за пределами госграницы?

Летуны им — удивленные глаза: не может этого быть.

А представители прокуратуры:

— Так ведь группа за границей, а вы ее огнем прикрывали!

— Не может такого быть, — говорят, — послушайте пленки объективного контроля.

Проверили, а на них «запрос» — «отказ», снова «запрос» и снова «отказ»... То есть они сначала переговоры записали, а потом работать начали.

Так что низкий мой поклон всем летчикам джелалабадского полка, принимавшим участие в той операции, за мудрость и снайперскую работу. Не просто, думаю, комполка было принять такое решение, но он это сделал».

Итоги. 154-й ооспН потерял в той операции десять человек. Для того, чтобы почтить память погибших, назову их поименно:

старший лейтенант РОЗЫКОВ Холмухад Джураевич;

младший сержант РАЗЛИВАЕВ Михаил Николаевич;
ефрейтор КОСИЧКИН Сергей Владимирович;
рядовой ВЕЛИКИЙ Владимир Михайлович (из Кривого Рога);
рядовой ЕГОРОВ Александр Васильевич;
рядовой ПОДОЛЯН Александр Викторович;
рядовой ЭЙНОРИС Виктор Брониславович;
рядовой ЯКУТА Виталий Владимирович;
Рядовой БУЗА Александр Михайлович;
Рядовой МОСКВИНОВ Дмитрий Владимирович.

Двадцать человек ранены, шесть из которых так и не вернулись в строй. Потери такого масштаба для советского спецназа в Афганистане были крайне редки — в силу отличной подготовленности личного состава, тщательного планирования и умелого руководства боевыми действиями.

По возвращении в пункт постоянной дислокации начался сбор разведывательной информации о результатах операции в укрепрайоне Карера.

По агентурным данным, в ходе операции уничтожили более 300 боевиков. Командира душманского полка и его заместителей арестовали и впоследствии расстреляли в Пакистане.

Для руководства боевыми действиями в укрепрайон 31 марта прибыл лично председатель ИПА (Исламской Партии Афганистана) Гульбетдин Хекматиар.

И хотя операция завершилась разгромом укрепрайона Карера, командир 15-й обрСпН подполковник В.М. Бабушкин был снят с занимаемой должности и отправлен в Союз...

Это несправедливое, по мнению большинства офицеров, смещение командира бригады, а также наказание всех участвующих в операции офицеров (за исключением погибших и раненых) в виде возврата представлений к правительственным наградам долго обсуждалось в коллективе. Последовали и оргвыводы. Спецназу отныне запрещалось проводить налеты на укрепрайоны, вести боевые действия в пятнадцатикилометровой приграничной полосе, а все решения на налет утверждать только штабом 40-й общевойсковой армии.

...Для нашего же героя Сергея Лукьянова начался длительный курс лечения. Менялись города и госпитали. Центральный военный госпиталь города Кабула сменил 340-й окружной военный госпиталь ТуркВО в Ташкенте. С сентября 1986 года по октябрь 1988 года Лукьянов находится на излечении в клинике ВТО военно-медицинской академии в Ленинграде. Лечили его и наши украинские врачи из 408-го ОВГ в Киеве. В общей сложности два года девять месяцев и 14 дней медики боролись за жизнь и здоровье молодого офицера. Его правая нога стала на 28 сантиметров короче. Десятки операций, три аппарата

Илизарова, кровотечения, фантомные боли, если кто знает что это такое, то поймет, что это особая история... Сергей как самых дорогих людей вспоминает военных врачей Юшманова Г.А., Лескова Н.И., Артемьева А.А., которые боролись за его жизнь... В ноябре 1988 года, проявив завидную настойчивость, Сергей Константинович остается в армии и добивается направления для дальнейшей службы в Киевский военный округ.

В родном Днепропетровске полковники А. А. Досужий и А.М. Кравчук чутко и внимательно подошли к офицеру-десантнику, награжденному орденами Красного Знамени и Красной Звезды и определили его преподавателем военной кафедры Днепропетровского инженерно-строительного института. Большую помощь в становлении в должности оказал ему полковник Хомин М.А. Начинается новый мирный период жизни и службы С.К. Лукьянова. Его выздоровление было обусловлено большой и верной любовью.

Когда решался вопрос об ампутации раненой ноги, офицер сыграл свадьбу. Его супруга Лилия Станиславовна Ворогниченко, разделила с ним боль ранения и поднимала его на ноги.

Мужество и целеустремленность Сергея Константиновича поражают. Он в период развала государства и армии, когда тысячи офицеров теряли ориентиры в жизни, наперекор всему успешно заканчивает военную академию имени Фрунзе и юридический факультет Днепропетровского государственного университета. Свободное время проводит в спортзале и вскоре становится мастером спорта международного класса по пауэрлифтингу. Он пятикратный чемпион и рекордсмен Украины. Член национальной сборной Украины, первый в стране жимом штанги лежа поднял 200 кг. В 1998 году в Запорожье выиграл Кубок Президента Украины. В ноябре 1999 года стал серебряным призером Чемпионата Европы в Будапеште. Он победитель турнира Мальме-Опен 1996 года, призер турнира Серебряная Штанга в Польше. Капитаном команды принимал участие в Паралимпийских играх в Атланте и Сиднее.

Этот красивый крепыш сейчас ничем не выделяется среди сотрудников областной налоговой администрации. Только целеустремленность и настойчивость в работе выдают его славное боевое прошлое.

Глядя на него, невольно вспоминаются крылатые слова поэта: «Юноше, обдумывающему житье, решающему сделать бы жизнь с кого», скажу не задумываясь, делай ее с товарища полковника Лукьянова!

ВЕХИ ИСТОРИИ

О СВЯЗИСТАХ

*Для кого-то тянется, как вечность,
А для кого — короткая судьба...
И мгновения уходят в бесконечность
С трассой пуль, свистящих возле лба!*

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без связи. Что уж говорить о военной организации, требующей особенно четкого управления. Военная связь — неотъемлемая составная часть системы управления войсками. Первые военные подразделения телеграфной связи появились в русской армии в 1851 году.

20 октября 1919 года войска связи стали самостоятельными специальными войсками Красной Армии. Особый период бурного развития связи совпал с Великой Отечественной войной.

К 1979 году наша армия имела совершенные образцы различных систем связи, которые позволили в условиях Афганистана обеспечить взаимодействие и управляемость частями и соединениями.

Из наиболее крупных частей связи выделялся 103 отдельный полк связи, который дислоцировался в Кабуле. В каждой дивизии были свои батальоны связи. В общей структуре связи служба специальной радиосвязи одна из самых закрытых и, я бы сказал, незаметных служб в структуре разведки. Радист обречен всегда быть вторым. Но без него, второго, нет и первого. Как сказал военный разведчик Иван Бережной:

— Вопрос связи в разведке — вопрос жизни и смерти. Что мы значим без связи? Ноль без палочки. Пустое место. Мы для командования больше не существуем...

У службы спецрадиосвязи ГРУ великая история. Она хранит имена уникальных радистов.

О деятельности спецрадиосвязи на территории ДРА пока не было написано ни строчки. А ведь именно они спасли сотни жизней своих коллег-спецназовцев. Вот лишь одно официальное донесение. «15 июня 1980 года дежурным радиотелеграфистом рядовым Яковлевым был принят боевой сигнал от группы спецназа, которая попала в окружение и вела тяжелый бой. Боевой сигнал был немедленно передан командованию. В воздух были подняты вертолеты и направлена помощь группе. Разведчики были спасены». И таких сообщений приемные центры спецрадиосвязи ГРУ приняли сотни.

Мне, Безкровному Виктору Анатольевичу, в то время еще стар-

шему лейтенанту, выпало судьбой выполнять интернациональный долг в Афганистане в самый разгар караванной войны спецназа ГРУ с моджахедами.

К маю 1985 года я проходил службу в должности начальника станции космической связи отдельного радиопеленгаторного узла связи ОСНАЗ в г. Воркута. 22 мая 1985 г. после эпопеи приобретения билетов в час пик вылета массы шахтеров в отпуск «на материк», я вместе с семьей убыл в очередной отпуск на родину в г. Чернигов. Через два дня после прибытия к родителям получил телеграмму с требованием немедленно вернуться в часть для замены на новое место службы.

Содержание телеграммы для меня оказалось совершенно неожиданным. Пришлось срочно возвращаться в часть, где меня ждало предписание для убытия для дальнейшего прохождения службы в ДРА. Так как я был первым из нашей части, подсказать или посоветовать было некому. Поэтому, совершенно не зная что меня ожидает, с двумя чемоданами личных вещей и формой одежды, включая парадную, прибыл на пересыльный пункт в Ташкент.

Как оказалось, назначен я был на вновь созданную должность командира группы космической связи 15 бригады спецназ, управление которой в апреле того года было передислоцировано на восток Афганистана в город Джелалабад. Так как подразделение, командиром которого я был назначен, формировалось на базе Ташкентской бригады связи, то и должность пришлось принимать там же.

Там в столице Узбекистана, 27 мая 1985 г., я представился своему непосредственному начальнику — командиру отряда спецрадиосвязи бригады спецназ кавалеру ордена Красной Звезды подполковнику Виталию Константиновичу Ступникову. Ему на тот момент было около сорока лет, и как гласила молва, он прослужил от рядового до подполковника в одной Чирчикской бригаде. Впоследствии он заменился в Кировоград. Его сменщиком стал майор Стряпчев, который и вывел отряд на Родину. Штаб отряда возглавлял капитан С. Аникеев. Старшиной — опытный прапорщик Зуев из Чирчика, который еще накануне войны занимался обеспечением и подготовкой первого отряда КГБ «Каскад». Это был заботливый и хозяйственный человек, старающийся создать благоприятный быт личного состава. Его сменил прапорщик Токарев.

Организационно отряд состоял из 4 групп: приемного радицентра, передающего радицентра, центра ЗАС и вновь организованной группы космической связи.

Моя группа состояла из экипажа станции космической связи «Кристалл» Р440-А, станции ЗАС «Интерьер» и двух станций тропосферной связи Р412-А.

После приема должности, уже 28 мая, наша техника в составе

пяти автомобилей «Урал-375», одного автомобиля «Зил-131» и весь личный состав были загружены на железнодорожные платформы и в сопровождении командира отряда убыла в Хайратон. Там была разгружена и под охраной своим ходом совершила длительный марш в Джелалабад.

Уже во время первой ночевки в Пули-Хумри мы пережили первое испытание. Наш полевой лагерь и советский гарнизон, дислоцирующийся там, был подвергнут обстрелу реактивными снарядами. Один из снарядов попал в караульное помещение, которое находилось от нас всего в 50 метрах. В результате шесть бойцов были убиты и столько же ранены. Так неласково встретила нас новая полная загадок страна... Преодолев ледяные трудности перевала Саланг и жару Кабула, наша колонна без потерь и поломок прибыла в субтропики Джелалабада, где нас ждали с большим нетерпением...

Под контролем начальника связи бригады подполковника Муратова А.Н., уже через четыре часа после прибытия силами подчиненной мне группы была организована прямая засекреченная связь в телефонном и телеграфном режиме со штабом 40 армии «Опера», штабом ТуркВО «Линза», ГРУ ГШ «Аврора». Данный канал был образован с помощью станции космической связи «Кристалл», работающей через космический аппарат «Грань»: с подспутниковой точкой 48 градусов восточной долготы, аппаратурой ЗАС гарантированной стойкости «Интерьер».

Начальником аппаратной «Интерьер» являлся толковый лейтенант Семма Г., техником — прапорщик Хлыстов. Сейчас можно доложить, что приступив с первого дня пребывания к боевому дежурству, за два года непрерывной работы в руках этих специалистов перерывов связи, кроме технологических, не было.

Командиром приемной радиогруппы до декабря 1987 года был лейтенант Юрий Булындин. Ответственный, исполнительный офицер, который никогда не боялся отстаивать свою точку зрения. Прекрасный друг и надежный товарищ. Это его трудом, его нервами обеспечивалась бесперебойная радиосвязь с отдельными отрядами спецназ, группами разведки, находящимися на боевых, вышестоящим штабом.

Булындин за два с половиной года пребывания на афганской земле стал старшим лейтенантом и был награжден государственными наградами.

Командиром группы ЗАС являлся старший лейтенант А. Медведев. Ответственный и смелый офицер, постоянно рвущийся в бой, на передовую. Техником станции космической связи трудился прапорщик Полуэктов. Начальниками станции тропосферной связи работали прапорщики Неупокоев В. и Киселев С. Станции тропосферной связи использовались по двум направлениям. Одна Р412 обеспечивала связь в

направлении на Бараки, вторую придали Джелалабадскому гарнизонному узлу связи, расположенному на территории 66 омсбр, где и работала в направлении на Кабул. Но из-за сложного рельефа местности тропосферная связь не зарекомендовала себя надежной и бесперебойной.

Афганистан, откровенно говоря, устроил суровый экзамен разведчикам-связистам. Да, нам было не впервой работать в сложных условиях, но война, была особенная. Отсутствовала сплошная линия фронта. Спецкорреспонденты были разбросаны, располагались в разных направлениях на достаточно больших расстояниях от 100 до 800 км. Для работы с ними нужны были направленные антенны. И к ним предъявлялись особые требования, ведь прием следовало обеспечивать практически с любого направления.

Как известно, большая часть территории Афганистана — горы. Но на юге и юго-западе — высокогорные равнины с котловинами, где располагаются пустыни и полупустыни. Здесь летом господствуют пыльные бури и ионосферные возмущения. А пыльные бури, как известно, враги радиоволн, они препятствуют их распространению, поглощают значительную часть и без того малой энергии волн. Особенно подвержены этому коротковолновые диапазоны — основа спецрадиосвязи военной разведки.

Нередко маломощные сигналы прерывались пыльными бурями на несколько часов, а то и суток. Все это приводило к увеличению продолжительности сеансов связи. Кроме того, условия высокогорья — 1000 и более метров над уровнем моря — сказывались на работе автономных агрегатов электропитания. В одном из документов по итогам первого года работы спецрадиосвязи ГРУ в Афганистане говорилось:

«Следует отметить, что радиосвязь не в полной мере отвечала требованиям устойчивости и оперативности по следующим причинам: протяженность трасс от 50 до 700 км, причем 70% из них — от 150 до 200 км, — это наиболее трудные для работы КВ трассы в связи с наличием мертвой зоны. Преодолевать ее можно применением антенн земного излучения, увеличением мощности передатчика и чувствительности приемника. Пока же малая мощность агентурных радиостанций, их табельные антенны не позволяют бороться с этим явлением и обеспечивать устойчивую связь».

Что же касается человеческого фактора, то нашей службе спецрадиосвязи было чем гордиться. В отрядах спецназ в условиях непрерывных боевых действий всю войну профессионально работали связисты групп связи: Виталий Борисович Образцов, Николай Дмитриевич Поздняков, Владимир Евлампиевич Ячников, Владимир Николаевич Мартаков, Александр Васильевич Степанов, В.В. Домрачев, Козич, Чаусов, Мишин, Костин, старший лейтенант Сергей Белов, заместели

тели командиров групп связи старшие прапорщики Николай Тищенко, Шаламов, начальники радиостанций старшие прапорщики Владимир Иванович Трубин, Владимир Столяров, Александр Светлеющий, Евгений Коновалов, С.Н. Корсаков, Николай Александрович Кывыржик, Виктор Петрович Панчук, командиры отделений сержанты Александр Анатольевич Немешаев, Вацлав Ольховский, наши земляки днепропетровчане старшие сержанты Олег Онищук, Олег Викторович Масюк, Геннадий Солохин и многие другие...

Партийно-политическую работу с личным составом отряда спецрадиосвязи организовывал авторитетный замполит отряда выпускник Донецкого училища капитан Олег Петрович Униченко. Он был высок, спортивен и горазд на разные выдумки. По его инициативе мы неоднократно организовывали спортивные турниры, даже товарищеские встречи по волейболу с военнослужащими республиканской армии. К нему подходят слова: «Настоящий замполит — человек, к которому простой солдат может запросто подойти, прислонить голову к груди, поделиться самым сокровенным, если нужно то и поплакать». Впоследствии его сменил выпускник Свердловского высшего военно-политического училища Валерий Николаевич Смирнов, который тоже обладал качествами хорошего организатора.

Хотя расположение управления, штаба бригады и отряда спецрадиосвязи к нашему приезду было обустроено на территории бывшего Джелалабадского оливкового завода, условия службы и жизни с привычки показались очень тяжелыми. Особенно запомнилось напряженное время с 1985 года по 1987 год, когда части бригады переживали вспышки эпидемии холеры. Для борьбы с ней, рядом на территории 66 омсбр, даже был развернут специальный инфекционный госпиталь особо опасных инфекций.

Первое время мы жили прямо в цехе консервного завода, в помещении длиной метров 80. Сарай без простенков и перегородок, из которого мы выбросили на свалку большое количество банок с оливками. Через некоторое время собственными силами отряда и комендантской роты здание отреставрировали и разделили помещение на комнаты для офицеров управления бригады, казарменное помещение для личного состава отряда и комендантской роты.

Но, несмотря на изнурительную жару и сложную эпидемиологическую обстановку, связисты достойно несли боевую службу на своих постах не только в Джелалабаде, а и в районах боевых действий, где проходили операции с привлечением частей бригады. А боевых операций было множество. И повсюду, в Нангархаре, Логаре, Газни, Кунаре... в каждой группе спецназ, находящихся на боевых, работало по два разведчика-радиотелеграфиста, обеспечивающих надежную связь с центром. Нередко многие из них брали в руки оружие и участвовали

в боях. В такой ситуации сложил свою голову ефрейтор Андрей Иванович Харитонов, награжденный посмертно орденом Красной Звезды. Рядовой Вадим Колупаев стал кавалером медали «За отвагу».

Будничный, на первый взгляд, и незаметный труд связистов был высоко оценен боевыми орденами и медалями СССР, а начальник связи бригады подполковник Муратов Ахмет Нигматович за два с половиной года службы в Афганистане был дважды награжден орденом Красной Звезды.

Мы гордились и понимали, что в этом оценка ратного труда не только нашего начальника, но и всего коллектива офицеров, прапорщиков и солдат — связистов нашей десантной бригады.

В.А. БЕЗКРОВНЫЙ,
*подполковник командир группы космической связи
15 обрСпН (в Афганистане с 1985 по 1987 гг.)
г. Джелалабад.*

ВЕХИ ИСТОРИИ

ГАЗНИЙСКИЙ БАТАЛЬОН

Сохраним во всей чистоте славу русского имени и славу полков, поддержанную — ценою крови.

М.Д. СКОБЕЛЕВ.

Распространенным явлением в разговорной речи среди советских военнослужащих в Афганистане было присвоение частям наименований населенных пунктов, в которых дислоцировались части и подразделения. Тому пример газнийский батальон.

...Что такое Газни?

Это административный центр одноименной провинции Афганистана, располагающийся на высокогорном плато, с трех сторон окруженный горными хребтами. В городе проживает 32 тыс. жителей. По традиции это местный центр торговли и ремесел (здесь развито изготовление шуб из овчины, а также производство медной посуды). Населенный пункт — без намеков на планировку, дома одноэтажные глинобитные или из сырцового кирпича, с плоскими крышами. Застройка в основном плотная. Улицы узкие, грязные, в дождь становятся малопроходимыми. Санитарное состояние из рук вон плохое. Водой население снабжается из бурной речки шириной менее десяти метров, глубиной 0,5 — 1 метр.

Наш 177 отдельный отряд специального назначения — 2-й омсб (в/ч пп 43151, позывной «Лаура») пришел в провинцию Газни весной 1984 года с целью перекрытия основных караванных маршрутов из лагерей оппозиции на территории Пакистана. А до этого с 21 октября 1981 года выполнял боевые задачи по всему Афганистану.

Он был из тех самых первых легендарных, что называли «мусульманскими батальонами», в срочном порядке сформированным в Капчагае на базе 22 бригады спецназ (Среднеазиатский военный округ). Спросите почему мусульманским?

При отборе личного состава учитывалось знание военнослужащими уйгурского, узбекского или таджикского языков. Потому и оказалось, что до 60 процентов военнослужащих первого набора были уйгурами. Офицерский состав был молод, 70 % командиров окончили Алмаатинское высшее общевойсковое командное училище.

Первому командиру майору, а позднее подполковнику Керимбаеву Борису Тукеновичу удалось сплотить батальон в единую боевую се-

мью. Про командира рассказывали, что он родился в 1948 году в с. Прудки Джамбульского района Алмаатинской области. В 1966 году поступил в Ташкентское ВОКУ. В 1970 году направлен в ГСВГ, где три года командовал взводом, затем разведротой. В 1975 заменился на равную должность в КСАВО. Через два года назначен заместителем начальника штаба, командиром мотострелкового батальона в г.Темиртау. В 1980 году оформлен 10-м управлением Генштаба для заграничных командировки в Эфиопию в должности советника командира пехотной бригады. В этот период им заинтересовались разведчики ГРУ, и после ряда встреч и бесед в Москве генерал армии Ивашутин назначил его командиром 177 ооСпН. Так в 33 года Борис начал осваивать премудрости профессии спецназовца и впервые вместе с личным составом прыгнул с парашютом.

Впоследствии в своей книге «Капчагайский батальон» Алма-Ата, 2005 г., описывая это время, он даст подробную характеристику своим подчиненным, среди которых особо выделяет четверых — ставших генералами — это Сергей Фадеев, Ринат Мерездурдыев, Сакен Жасузаков, Мелс Бекбоев. А сапер Николай Задорожный и разведчик Павел Хижняк станут государственными деятелями — депутатами Верховного Совета Казахстана. Но это будет потом, а пока... 29 октября 1981 года 177 ооСпН приступил к выполнению боевых задач в районе н.п. Меймене.

7 ноября отряд подвергся нападению мятежников и понес первые потери. Через десять дней в ходе совершения марша, попав в засаду, потерял двух человек убитыми. Комбат признавался, что на ошибках первых дней, оплаченных кровью, изучали тактику действий противника. Начала складываться система планирования боевой деятельности отряда. Ежедневно начальник разведки отряда старший лейтенант С.Жасузаков производил сбор и анализировал разведанные, поступившие от разведподразделений ГРУ, «Кобальт» МВД, Царандоя, ХАДа, группы губернатора провинции, первого секретаря, постов наблюдения, воздушной разведки. Кроме того, как с удовлетворением писал Керимбаев, — его начальник разведки лично переодевался в мусульманскую одежду и, пользуясь знанием языка, общался в населенных пунктах с местным населением, собирая информацию и создавая агентурную сеть из сочувствующих лиц.

В середине января 1982 года начальник штаба армии генерал Тер-Григорьянц привлек отряд к участию в операции в н.п.Дарзоб. Совершив 120 км марш в район боевых действий, отряд, отражая нападения духов из засад, разминировал дороги, завалы, блокировал Дарзоб с северо-востока. Бои продолжались около семи дней. После чего 177 ооСпН оставили в городе для укрепления власти НДПА. В течение месяца занимаясь чисткой местности провел несколько операций.

Ветеранам запомнился день 10 марта 1982 г, когда отряд вел тяжелый бой с крупной бандой мятежников. Вертолет, подвизивший боеприпасы разведчикам, оказался пораженным огнем ПВО мятежников и упал. Направленная в район падения вертушка с десантом из 8 человек, под командованием лейтенанта Т.Айдарова, была тоже обстреляна. Под огнем противника разведчики десантировались и заняли оборону. Пять часов длился неравный бой, в ходе которого спецназовцам удалось забрать тела погибших разведчиков и летчиков, но при отходе группа понесла собственные потери — погиб в бою рядовой В.Чернов. Он стал седьмым убитым за первые полгода пребывания в ДРА, но опыт, полученный в боях, рождал уверенность у командиров отряда, рот, взводов.

Керимбаев был доволен деловыми качествами своих заместителей капитанов М.Бекбоева, Бексултанова, Г.Джунушева (начальник штаба), Фадеева (зам по техчасти), майора Мухудинова (замкомандира по тылу). «Заместители командира батальона были немного постарше других и они, конечно же, не покладая рук, работали над тем, чтобы у нас была сильная часть» — отмечал командир.

На первом этапе непросто складывались отношения с замполитом. Керимбаев откровенно написал об этом так:

«Что можно сказать о Муратове? Я часто вспоминаю фильм «Чапаев», эпизод встречи Чапаева с комиссаром Фурмановым. Нечто подобное было в нашем батальоне. Очень неприветливо встретил я его. Чужак. Но я, к своему удовольствию, в нем очень сильно ошибся. На протяжении всей службы мы работали плечом к плечу. Он был примером в деле укрепления дисциплины, хорошо поставил политико-воспитательную работу в части, постоянно бывал в подразделениях, выходил на боевые.

Во время ожесточенных боев в Панджшерском ущелье мы штурмовали высоту под названием «Зуб», где были ранены старший лейтенант Мерездурдыев, сержант Норейка, рядовой Бобомуратов, их надо было срочно эвакуировать с высоты более 4000 метров.

Все подразделения были в это время на операции. Комиссар добровольно вызвался возглавить группу эвакуации. Так он спас раненым жизни и своим личным примером воодушевлял воинов».

В боях закалялись ротные командиры Смаилов (ранен), Ахметов (убит), Бекбоев, Куманяев (ранен), Петрович, Шатемиров. Поддерживали высокую боевую готовность многочисленной бронетанковой техники, учили механиков и водителей действовать в горных условиях заместители командиров по технической части старшие лейтенанты Литвиненко, Шадрин, Кулбаев, Попов (последний, кроме того, исполнял обязанности командира группы огнеметов).

Основную нагрузку войны несли командиры групп, демонстриро-

вавшие высокое личное мужество и отвагу. Так, произвели громкое впечатление на всю 40-ю армию лейтенанты М. Усенов и Р. Мереддурдыев, захватившие в плен инструктора из Пакистана, который выдал схему минных полей, места дислокации банд мятежников и складов. Это стало большим достижением специальной разведки в ходе операции.

Геройски погиб в бою Келибек Ахметов. А произошло это при таких обстоятельствах: Душманы захватили девять мельниц, обеспечивавших Меймене хлебом. Для освобождения города от голодного пайка 2-я рота отряда вступила в бой и отбросила духов. Однако осталась одна огневая точка, которую разведчики подавить не смогли. Для разведки и принятия решения вперед был отправлен старший лейтенант Ахметов.

«Последнее сообщение, — писал Керимбаев, — которое передал командир, было: «Стою на узкой дороге. Справа и слева — забор. Впереди — мост. На мосту стоят дети. Огонь прекратил, иду разбираться...» Через секунду выстрелом из гранатомета он был убит. Вторым выстрелом убило механика — водителя М. Оспанова. Как оказалось, душманы стреляли из расположенной рядом мечети, под прикрытием выгнанных на мост ребятишек, справедливо рассудив, что по детям советские солдаты стрелять не будут».

Хорошо воевал старший лейтенант Сергей Махашев, которого за мужество выдвинули на должность командира парашютно-десантной роты в Гардесскую бригаду, где он вскоре опять отличился в ходе операции, но получил тяжелое ранение и контузию.

Начальник разведки Сухопутных войск генерал-лейтенант Ф. И. Гредасов говоря о том периоде, вспоминал отдельных героев:

«Думаю, уместно сказать о подвиге офицера-разведчика В. Г. Радчикова из 177 ооСпН. У него в Панджшере в результате подрыва на минном поле в бою были оторваны ступни обеих ног. После излечения в госпитале Валерий нашел силы и мужество вновь пробраться в Афганистан. Долго просил командующего войсками ТуркВО Ю. П. Максимова оставить его в Афгане, направив его в свою родную роту, «ребята которой» вынесли его с поля боя. И все-таки Юрию Павловичу пришлось уступить. Радчиков с честью выдержал все немислимые физические и нравственные испытания и трудности, участвуя в боевых операциях и преодолевая на протезах в горных тропах завалы, чтобы вновь утвердиться в жизни и продолжать военную службу. Мне лично пришлось докладывать маршалу С. Л. Соколову о нем. Как-то прибыв в штаб 40 ОА, Сергей Леонидович лично увидел Валерия в тот момент, когда тот упорно преодолевал крутые лестницы дворца Топайи Таджек, направляясь на службу в разведотдел армии. Позднее Радчиков успешно окончил военную академию. В звании полковника погиб в автомобильной катастрофе».

«У нас были боевые комиссары, — писал Керимбаев, — они не прятались за спины солдат, находились рядом с командирами. Неслучайно, все замполиты рот были мечены пулями и осколками: капитан Батуев (погиб), ст. лейтенанты Жантасов (ранен), Самогулов (ранен), капитан Сивин (ранен), ст. лейтенант Скотченко (ранен). Комсорг части старший лейтенант Джуматаев был тоже ранен. Хорошими помощниками были секретарь парторганизации старший лейтенант Ильинский и замполит 6 роты старший лейтенант Уажанов».

Высокими профессионалами показали себя связисты группы старшего лейтенанта В. Козича, медики Р. Рахманкулов, А. Утеев, В. Ниякин, Н. Усенов, О. Тазабеков.

Побывав в Меймене, Дарзобе, местом постоянной дислокации для 177 ооСпН стало знаменитое Панджшерское ущелье.

Город Руха, где он являлся первой советской частью, вставшей постоянным гарнизоном. Там боевая деятельность батальона была мало связана с его прямым назначением, но именно в Панджшере он закалился в боях.

Об этом расскажу подробнее...

Как известно, в том районе состоялось шесть крупномасштабных операций. Самой громкой за всю афганскую войну стала операция 1982 года. По ее итогам, заместитель главного советского военного советника в Афганистане генерал-лейтенант Д. Г. Шкруднев, в частности, сказал: «Боевые действия войск по уничтожению мятежников в районе Панджшера нельзя сводить к обычной акции по уничтожению бандформирований. Если в операциях, проведенных до этого времени, войска, как правило, имели дело с одной или несколькими объединенными в группу бандами, не имеющими определенного, заранее разработанного плана ведения боевых действий, то в Панджшере мы встретились с заблаговременно подготовленной, хорошо продуманной системой обороны и огня в горах, хорошо обученными, отличающимися высокой стойкостью, довольно многочисленными бандформированиями противника, объединенными единым командованием и единым планом действий. Поэтому эту операцию нужно отнести к разряду войсковых, проведенных в сложных условиях высокогорья... Подобного рода боевых действий с применением таких сил и средств наши Вооруженные Силы не имели с 1945 года...».

В Панджшере полномочным хозяином ощущал себя Ахмад Шах Масуд, возглавлявший отряды «Исламского общества Афганистана» (ИОА). В обширной долине реки Панджшер, протянувшейся на 70 километров при ширине 12 метров, простирающейся вплоть до пакистанской границы, имеющей огромное количество пещер, нор, ущелий, перевалов, господствующих высот, проходов, прилегающих к основной долине и имеющих свободный выход в различные районы и на

основную автомагистраль, соединяющую Кабул с СССР через перевал Саланг. Именно поэтому Панджшер, к тому же имеющий значительные богатства изумрудов, рубинов и лазуритов, позволяющие мятежникам свободно ими торговать и закупать необходимое вооружение, боеприпасы и снаряжение, и был избран для размещения так называемой центральной партизанской базы Ахмад-Шаха. Он создал здесь хорошо оборудованную систему обороны, огня и управления мятежными силами, действующими на огромной жизненно важной территории.

Было решено подготовить и провести крупномасштабную операцию для уничтожения существующей там базы мятежных формирований.

Общим замыслом боевых действий предусматривалось нанесение главного удара по противнику в долине реки Горбанд. Решающую роль должны были сыграть тактические воздушные десанты с одновременными действиями сухопутных войск. В общей сложности привлекалось 12 тысяч воинов.

Общая глубина операции доходила до 220 км., ширина полосы наступления с учетом действий артиллерии и авиации — 60 км., продолжительность операции — 13 — 15 суток.

К концу дня 15 мая первые советские части, совершив марш, сосредоточились в районе Чарикара. К этому времени на аэродром Баграм начали прибывать десантируемые части. Действуя согласно плану, в ночь на 16 мая наши разведчики (в том числе и 177 ооСПН) захватили почти без боя все господствующие высоты у входа в долину Панджшер. С 4 часов утра 17 мая началась крупномасштабная Панджшерская операция. Вначале был нанесен мощнейший авиационный и артиллерийский огонь на максимально возможную глубину занимаемой противником территории, затем состоялось его уничтожение сухопутными войсками в долине, и массовыми десантами на пути отходящих и подтягивающихся группировок мятежников. Очень помог захват разведчиками господствующих высот.

В операции участвовали 104 советских вертолета и 26 самолетов, а также часть афганских машин. Были высажены 4200 десантников. В долине решительно действовали мотострелковые дивизии. При этом батальоны шли по горам, при поддержке артиллерии и вертолетов захватывали высоты, ущелья, тропы, выходящие к долине, и прикрывали продвижение передового полка, двигавшегося по долине на БМП и БТР.

Не надо думать, что люди Ахмад-Шаха не оказывали сопротивления. Оказывали, и еще какое! Оборона в горах Гиндукуша была организована на уровне регулярной армии, а фанатичность мятежников, пожалуй, превосходила все то, с чем ранее сталкивались наши солдаты. Практически боролись две отменно обученные армии.

Наши разведчики и десантники, закрепившись на отбитых высо-

тах, основными силами вели бои на окраинах и в населенных пунктах, где застигнутые врасплох «духи» пытались вырваться из окружения, вступая даже в рукопашные бои. Едва темнело, как они отчаянно начинали штурмовать высоты, стремясь вернуть утраченное преимущество. Несколько сотен моджахедов с диким устрашающим ревом то и дело бросались на наших ребят. Но спецназовцы держались стойко, отражая «психические» атаки.

Вот как об этом вспоминал полковник Керимбаев: «Нам то и дело приходилось проводить операции по захвату высот. Одну из них под названием «Зуб» высотой в четыре с половиной тысячи метров брала штурмом 3-я рота капитана Бекбоева, усиленная расчетами АГС-17, которыми командовал старший лейтенант Оразолиев, группой саперов под командованием старшины инженерно-саперной роты прапорщика Александра Бубенцова. Двинулись они на господствующую высоту в четыре утра, а взяли ее только в девять вечера следующего дня. Это был трудный бой, мы несли потери. Но крутые склоны и ожесточенный огонь душманов смогли лишь задержать, но не остановить спецназовцев. Бубенцов вроде как в шутку сказал перед боем: «Я там буду первым!». И обещание выполнил. Далее пришлось с переходом в ущелье Пиявуш брать гору Кирила (высота 6000 метров). Было это 10 июля 1982 года, как раз в день рождения бесстрашного Бубенцова. В ущелье были густые заросли, в которых скрывалось немало душманов, не рискуя, порой, открыто противостоять нам, они передевались в афганскую или советскую форму. Прапорщик Бубенцев с рядовыми Д.Жилинским и В.Жильниковым находились в головном дозоре и шли первыми. Позади была треть пути, когда среди камней мелькнули фигуры в военной форме. Прежде чем бойцы успели разглядеть душманских «оборотней», те открыли огонь. Бубенцов успел дать несколько очередей и, изрешеченный пулями, упал рядом с солдатами. Случилось это в двенадцать дня, а закипевший потом бой продлился до пяти часов утра следующего дня. Мне пришлось задействовать резервную группу старшего лейтенанта Б.Жатакпаева, для поддержки штурмующих и эвакуации тел погибших. Гора Кирила была взята, и вход в ущелье Панджшер оказался под нашим контролем. Это был один из самых тяжелых боев отряда, где погибло семь человек».

Все ли удавалось нашим войскам в ходе операции? Конечно, нет. Фронтальное наступление по отдельным направлениям подчас не приводило к успеху. «Утюжка» артиллерией в горах себя не оправдала. Тактика и формы маневра постепенно менялись. Главным было захватить господствующие высоты. Это делали вертолетные десанты и так называемые обходящие отряды. Но они часто не достигали желаемого, то и дело утыкаясь в скалы и глубокие ущелья, которые не могли преодолеть. Приходилось возвращаться назад и искать обходы. 30 июля

1982 года для ликвидации банды, идущей к н.п.Базарак, была поднята первая рота, однако духи подготовились к встрече и на единственной горной дороге заложили радиоуправляемый фугас. Первую БМП подкинуло взрывом как спичечный коробок и сбросило в пропасть. Погибли разведчики С.Аксенов и М.Сулиев.

Позарез требовались специальные альпинистские подразделения, а их не было. И здесь афганская природа проверяла наших спецназовцев на выносливость и психологическую устойчивость. Разведчики были вынуждены около 20 суток действовать в очень тяжелых условиях высокогорья на высотах 3 — 4 тысячи метров, как правило, в пешем порядке, с полной боевой выкладкой до 40 кг. Неясность обстановки, когда не знаешь, откуда последует нападение, давила на психику разведчиков. Потеря в весе у разведчиков за неделю в горах составляла до десяти кг. Керимбаев вспоминал: «Бойцы выматывались высокогорьем так, что некоторые из них не могли самостоятельно спускаться. Их приходилось нести на носилках».

Особенностью было и то, что впервые десанты пролетали через перевалы на высоте до 5000 метров, впервые им подавались боеприпасы, вода, продовольствие на высоте до 3500 метров. Не все здесь было отлажено, грузы сбрасывались с 70 — 100 метров, часть их утрачивалась, емкости с водой разбивались. 23 сентября 1982 года был сбит вертолет с двенадцатью разведчиками 177 ооСпН, ведущими воздушную разведку. Спасти удалось лишь двоим.

Разведданные, без которых было и мечтать о выполнении операции, в определенной степени подтвердились, но далеко не все. Многие в обороне остались не выявленным. Как самокритично признал тогдашний заместитель начальника разведки армии подполковник И. П. Иваненко, «...из-за отрывочных и часто противоречивых данных, а также их несвоевременного получения разведке армии не удалось выявить местоположение руководства бандформирований во главе с А. Шахом и обеспечить его захват».

Но эти и другие промахи и просчеты в конечном результате не повлияли на исход Панджшерской операции.

«В ходе операции мы уничтожили несколько тысяч мятежников, — подытожил НШ армии генерал-лейтенант Н. Г. Тер-Григорьянц, — многих пленили и отправили в Кабул. Наши потери оказались незначительными, вот только раненых, в основном в ноги, было достаточно много. Взяли огромные трофеи, особенно боеприпасы. Склады Ахмад Шаха были забиты продовольствием, прежде всего пшеницей и сахаром. Раздали его жителям Панджшерской долины».

Операция закончилась, и встал вопрос, что делать? Как стало известно, руководство контрреволюции бросило клич: отомстить советским воинам при их выходе из Панджшера. Часть уцелевших мя-

тежников притаилась в пещерах, норах, трещинах скал и совершала внезапные нападения на наши подразделения. Это требовало повышенной бдительности и крайней осторожности от спецназовцев, которые прикрывали выход советских войск. Именно эта операция убедительно показала командованию армии необходимость пересмотра способов оперативного применения в условиях ДРА спецназа. Последствием во многом благодаря успешным действиям спецназа против отрядов полевого командира Ахмад-Шаха Масуда, мятежники пошли на перемирие в этом районе, но и потери отряда составили там около 30% от всех потерь за 7 лет пребывания в Афганистане. Например, только за 1982 год отряд потерял убитыми 50 человек и двое пропали без вести.

После Панджшера разведчиков разместили в городе Гульбахор, что в переводе означает «город цветов», который был известен как центр ткацкой промышленности. Но к тому времени ткацкая фабрика не работала из-за постоянных нападений бандитов, которые запугивали людей, грабили склады с готовой продукцией, уничтожали сырье. Спецназовцы буквально за три недели провели успешную операцию — очистили город и окрестности от моджахедов, помогли сформировать отряды самообороны и отряд охраны фабрики. Производственный процесс налажился. Здесь у воинов были налажены хорошие отношения с немногочисленным рабочим классом и населением.

Именно в этом афганском городке впервые встал вопрос о награждении советской части орденом, однако оказалось, что боевой отряд спецназа ГРУ Знамени части еще не имеет, хотя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1981 года постановлено было его вручение. Вопрос проведения ритуала вручения стал ребром. И в августе 1983 года, отряду, наконец-то, в боевой обстановке вручили Боевое знамя. Это мероприятие провели торжественно, с широким привлечением местных партийных и провинциальных органов, афганского командования местных частей и советников. Но в горячке новых забот к вопросу о награждении части орденом уже никто не возвращался.

Батальон мало находился на одном месте. То и дело подразделения отряда выполняли частные боевые задачи по реализации разведданных в провинциях Кабул и Нангархар, чистил Баграмскую долину и уходил в горы под Саланг.

25 декабря 1983 года подполковник Б.Т. Керимбаев сдал должность подполковнику Владимиру Васильевичу Квачкову.

В Кабуле, из рук командующего армией получил комбат свои ордена Красного Знамени и «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Утром следующего дня ушел в Союз, к новому месту службы.

А для 177 ооСпН война продолжалась...

Особенно памятным для разведчиков оказалось 13 января 1984

года, когда усиленная рота отряда с приданным танковым взводом и двумя ротами афганской республиканской армии блокировали кишлак Вака в районе Суруби.

Как позднее пояснял руководитель той операции командир отряда В.Квачков, им была поставлена задача: обнаружить и захватить караван с оружием и боеприпасами. Однако агентурные данные не подтвердились, а спецназовцы наткнулись на крупное вооруженное бандформирование, с которым вступили в бой. В момент окружения отряда превосходящими силами моджахедов, афганские военнослужащие самовольно оставили указанные им позиции и ушли. Полтора суток наши разведчики вели неравный бой в окружении и только поддержка советской артиллерии и авиации позволила отряду выйти из района боевого столкновения, потеряв при этом четырнадцать человек убитыми.

Вскоре после этих событий подполковник В.А.Грязнов, заменивший раненого и контуженого командира отряда Квачкова, успешно завершил передислокацию его на новое место в высокогорный район под Газни.

В ноябре 1984 года капитана Б.М.Кастыкпаева сменил майор десантник Вячеслав Васильевич Юдаев (скончавшийся от ран в мае 1987 года в Пскове). Это было сложное время замен офицеров и начала большой кадровой неразберихи.

К осени 1985 года в отряде произошла ротация кадров, в результате чего сменился почти весь офицерский состав, включая комбата и всех его заместителей. Сложилась ситуация, когда основная масса офицеров отряда до службы в Афганистане не имела, за редким исключением, ни малейшего понятия о специфике действий войск специального назначения.

Гредасов Ф.И. вспоминал: «Вся эта чехарда с оргштатной перетряской частей и соединений спецназа свидетельствовала о недооценке командованием в тот момент роли и значения специальных форм боевых действий».

Большую роль в улучшении качества командного состава сыграл факт передачи отряда в состав 15 бригады специального назначения под командованием комбрига подполковника Владимира Матвеевича Бабушкина, штаб которой был передислоцирован из Чирчика в Джелалабад. Как показало время, эта реорганизация пошла на пользу делу и придала действиям разведчиков большую осмысленность. В батальон начали приходить офицеры, большинство из которых уже имело опыт службы в частях специального назначения. Некоторые из них пришли на повышение из воюющих в ДРА отрядов спецназа.

Обустроившись в 1984 году в Газни, с началом холодов батальон приступил к выполнению своих основных задач. Любая зима наложила свой отпечаток на специфику боевой деятельности отряда. В это

время она сводилась к облету местности с воздуха досмотровыми группами да редким выходам на поиск и уничтожение складов. При подъеме в горы, окружающие плоскогорье, группы спецназ, высланные для проведения засад, особо страдали от холода. Разведчики жаловались, что к утру полуторалитровые фляги с водой промерзали почти на треть, как их ни пытались уберечь от мороза. Приходилось раздалбливать лед через горлышко шомполом.

Из-за сильных снегопадов горные перевалы были непроходимы для автомобильной техники «духов», а вьючные караваны в этой местности встречались редко. Ведь провинция Газни находилась в глубине страны, и тащить оружие и боеприпасы в такую даль на верблюдах командование мятежников, по-видимому, считало нецелесообразным.

Зима угнетающе действовала и на противника. Духи в это время года не предпринимали интенсивных действий. Разведчики шутили по этому поводу, что у нас с мятежниками зимнее перемирие до весны. В этой связи отряд занимался разведкой на себя, а основным видом боевых действий стала чистка кишлаков и базовых районов противника в горах силами всего отряда.

Кроме нашей спецназовской части, недалеко, в пятистах метрах друг от друга были расположены 191 отдельный мотострелковый полк, а также медико-санитарный батальон. В двенадцати километрах от отряда находился полевой аэродром 239 смешанной вертолетной эскадрильи.

Что представлял из себя наш военный городок, или, как принято тогда было говорить, пункт постоянной дислокации отряда (ППД)?

Он располагался на ровном плато у горы Пачангар высотой 2424 м над уровнем моря. Лето на плоскогорье стояло жаркое. Температура воздуха днем составляла 25 — 30 градусов, ночью 20 — 25, что существенно отличалось от субтропического климата Джелалабадской низменности и переносилось легче. Растительность была очень скудная, в основном засухоустойчивые травы (польнь, ковыль, типчак). Правда, вблизи афганских населенных пунктов росли и сады, и виноградники.

Городок мало изменился с первых лет размещения здесь отряда. Личный состав жил в стандартном палаточном городке. Перед палатками подразделений стояли уставные грибки дневальных, бойцы были одеты и зимой, и летом в бронежилеты и каски. Разведчики войск спецназа бронежилеты не носили никогда, а вот для дневальных и часовых они выделялись. Солдаты их ненавидели, поскольку они были тяжелы. Летом грели как сковородки, а толку было мало, особенно когда работали снайперы.

Со временем рядом с палаточным городком построили стандартное металлическое здание столовой и два щитовых модуля под штаб и

общежитие офицеров. Недалеко за оградой из колючей проволоки размещался автопарк, где под открытым небом стояла боевая и автомобильная техника.

Перед штабом отряда командиры и политработники силами местных умельцев поставили величественный памятник погибшим при выполнении боевых заданий, ставший одним из лучших в 15 обрСпН. Сто шестьдесят фамилий на его плитах напоминали о нелегком боевом пути батальона по афганской земле. Ему пришлось с лихвой хлебнуть горя и пролить кровушки.

С июля 1985 по сентябрь 1986 года частью командовал майор Попович Алексей Михайлович.

А 1 октября 1986 года батальон принял майор Блажко. Личность и обаяние этого мужественного и неординарного офицера сыграли особую роль в истории отряда. О нем следует рассказать подробнее. Подчиненные с любовью величали его на украинский манер — Батько Блажко. Называли так, потому что Анатолий Андреевич по национальности был украинцем. Корешки рода Блажко пошли из села Гуменки Каменец-Подольского района Хмельницкой области, где живут его многочисленные родственники и поныне.

Однако родился будущий легендарный командир спецназа 12 августа 1953 г., в семье профессионального военного не на Родине, а в г. Самарканде, Узбекской ССР, куда забросила их судьба отца и приказ командира. Толик рос бойким мальчишкой, с детства увлекающимся многими видами спорта. Но были и особые привязанности, например, он очень даже неплохо играл в футбол, сначала в команде юношей, в сборной города, а потом и области. Наш герой был не по годам высок и спортивен, потому уже в 15 лет являлся штатным игроком сборной команды Самаркандской учебной дивизии по футболу. А через год, завершив учебу в школе, молодой спортсмен стал курсантом высшего танкового командного училища.

О своей семье он с гордостью рассказывал: «Я вырос в военном городке, мой отец был прапорщиком, ветераном Великой Отечественной войны. Андрей Арсентьевич родился в 1924 году и после освобождения от фашистов Хмельницкой области был призван в армию. Войны на его долю хватило с лихвой, а в Чехословакии отец получил тяжелое ранение и эвакуогоспиталем вывезен в Среднюю Азию. Там и встретился с моей матушкой Елизаветой Николаевной, ставшей ему женой. Жили молодые сначала в Ашхабаде, а после землетрясения, разрушившего город до основания, отца перевели в Самарканд, там и прослужили почти всю жизнь. Мы с братом пошли по стопам отца и стали офицерами. Мне суждено было стать полковником, а брату подполковником железнодорожных войск».

Женат Анатолий Блажко на красивой женщине литовке Аурелии

Антановне Валюте. Ее отец, Антанос Владиславович Валнос был категорически против брака дочери с русским офицером. «Я познакомилась с Анатолием Андреевичем, — вспоминает супруга Блажко, — на празднике 23 февраля. В тот момент я училась в школе культуры, а он служил в местной воинской части. Он мне понравился, как говорят, с первого взгляда. Образ настоящего мужчины у меня сформировался под влиянием популярного в то время польского фильма «Четыре танкиста и собака». Среди главных героев там был грузин Георгий, вот его образ мне запомнился и, как говорят, запал в душу. В молодости у Блажко было очень много похожего на этого киногероя. В общем, познакомились мы в тот памятный вечер, и он мне сразу же предложил выйти за него замуж. А мне тогда не было еще и восемнадцати. Мое знакомство с русским офицером резко осудили в училище культуры и даже вызвали родителей на помощь и разбирательство. Мой отец был просто шокирован моим выбором. Дело в том, что он и десять его родственников в свое время были репрессированы, получили длительные сроки, которые провели в Сибири. Так что понятно — все, что было связано с Россией, вызывало у него лютую неприязнь. Я тогда девчонкой была и не очень разбиралась в воинских званиях, поэтому как бы выходила замуж за солдата, а Толик гордо тогда меня поправил: «Я не солдат, я старший лейтенант Советской армии!».

Напор семьи я выдержала, высказав свои убедительные аргументы, что этого человека я люблю, и он будет моим мужем. Отец уступил, после чего вся наша родня дружно и мирно сыграла нам настоящую национальную литовскую свадьбу, а после свадьбы мы жили некоторое время на хуторе Гильчай. К тому времени я уже закончила школу культуры, а потом в 80-м году Блажко перевели на Север в Печенгу, где у нас родился сын Олег. У Анатолия чисто мужской характер, с ним нелегко жить, но он дома совсем другой, чем на службе, и об этом знаю только я. Знаю, как на него повлиять, он бывает резок, сначала вспылит, а затем сделает все, что у него просишь.

Характерно, что он до сих пор тоскует об афганском времени. Это самый дорогой период в его жизни. Сейчас, когда, бывает, спит плохо, я его на утро спрашиваю: «Что тебе приснилось?».

Он отвечает: «Война».

— Какая война?

— Афганская».

По чистой случайности, профессиональный танкист, инженер по эксплуатации бронетанковой техники и автомобилей попал служить в разведку. А произошло это в Прибалтийском военном округе, где кадры в сентябре 1979 года назначили старлея командиром разведывательной роты 287 гвардейского мсп 3 гвардейской мотострелковой дивизии. Это решение оказалось судьбоносным. В восьмидесятом году

он командует разведывательной ротой 19 мсп 131 мсд 6 общевойсковой армии ЛенВО. С должности начальника разведки полка в августе 1982 года Блажко переезжает в Москву на учебу в Военную академию бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского. После выпуска получает распределение на Дальний Восток, где с июня 1985 по октябрь 1986 командует отрядом специального назначения в Уссурийской бригаде спецназ. А потом начинается его афганская эпопея. Именно в ТуркВО состоялось его восхождение в спецназе, он оказался востребован — возглавил отряд, а позднее соединение спецназначения. Прослужив два года в Газни, он уже ждал замены, когда неожиданно был приглашен на беседу к начальнику штаба армии генерал-майору Ю. Грекову. В кабинете, кроме него, находился начальник направления ГРУ Герой Советского Союза полковник В. Колесник. Начальник штаба армии предложил комбату остаться на третий год.

— Хорошо, я согласен, — ответил Блажко, — но у меня одно условие.

— Какое еще условие? — побагровел Греков. — Ты, что о себе думаешь? Какие еще условия можешь нам ставить?

— Пусть выскажется, — остановил начальника штаба сдержанный полковник Колесник.

— Я прошу разрешения съездить на две недели в отпуск в Союз. — сказал Блажко.

— Нет вопросов, — сразу сменил тон Греков.

После отпуска подполковник Блажко А.А. вернулся в родной 177 отряд, который с мая 1988 года передислоцировался на аэродром г. Кабула и вел засадные действия против моджахедов в окрестностях столицы. Им же отряд был выведен из Афганистана. При этом, следует отметить, что отряду была доверена честь прикрывать выход командарма генерала Громова Б.В. За мужество и героизм, умелое руководство подразделениями отряда полковник Блажко А.А. был награжден тремя советскими боевыми орденами (Красного Знамени и двумя Красной Звезды). Афганское правительство отметило мужество и заслуги советского комбата высшим военным орденом Боевого Красного Знамени ДРА.

Вспоминая Афганистан, Блажко отмечал, что все проведенные боевые операции были нестандартные и яркие. Тактика действий групп 177-го отряда складывалась, исходя из особенностей рельефа и плотности населения провинции. Еще при майоре Поповиче начали проводить засады-однодневки. Перед наступлением темноты группа в составе 20 человек (норма загрузки двух Ми-8 в этой местности) десантировалась в район, в котором была отмечена или предполагалась активность ночных перемещений противника, на удалении 5 — 10 км от места предполагаемой засады, а с рассветом вертолетами или бронег-

руппой спецназовцы эвакуировались в пункт постоянной дислокации. Следующим вечером другая группа той же самой роты вновь высаживалась, но только в другом месте.

Некомплект личного состава в ротах из-за ранений, болезней и прочих причин достигал 40 — 50 % численности, и поэтому от роты могло работать не более двух групп попеременно. Одна с утра вернулась, вторая готовится к вечернему десантированию... В октябре 1984 года по тылам «духов» от Газни до Мукур-Газы и обратно (в общей сложности 200 км) прошла группа лейтенанта Павла Дмитриевича Кулева. Все разведчики были одеты в афганскую национальную одежду и умело использовали свое преимущество... Впоследствии это практиковали достаточно регулярно. Особых успехов в этом маскараде добились лейтенанты Евгений Линьков и Эдик Ибрагимов. Я запомнил один трехсуточный выход РГ № 220, под командованием Линькова, когда разведчики в национальной одежде на трофейном автомобиле провели разведку у кишлака Цопай и благополучно вернулись без потерь в часть.

Добрую память оставили о себе зам. комбата Михайлов, Мясников, Резник, Климов, Луганский, Роменской, Карагодин, Селютин, командиры рот: два Алексеевых — Миша и Александр, Капустин, Кошевой, Максимов, Деревянко, Бобылев, Мацук, Мухаровский, Родин, Козлов, Андрей Иванов, Матвийчук, командиры групп Акаев, Астапов, Черный, Панов, Сабельников, Сисин, Ковальчук, Кантышев, Залуев, Хайдаров, Лисаев, Самойлов, Акуловский, Степанов, Кляуз, Кулев, Куприенко, Кондрашов, Сидченко, Плаксин, Плахотнюк, Ржеутский, Яриков, Богдашкин, Вельбоев, прапорщики Карпенко, Зюханов, Птухин, сержанты Александр Загинайко, Дмитрий Поповский и другие. Орденом Красного Знамени были заслуженно награждены лейтенант Кольчус П.И., лейтенант Залуев А.Н., рядовой Бондарь В.Н.

Во многих славных боях участвовали отважные воины, однако самой удачной и громкой операцией отряда оказалась по разгрому каравана в 204 выючных животных.

А получилось, по словам Блажко, до банальности просто: один майор «с бодуна» перепутал маршрут полета досмотровой группы лейтенанта Деревянко. Они должны были лететь по одному, а он указал другой. Во время полета вертушки со спецназом вышли на Шутанское ущелье, обнаружив караван, десантировались и начали бой, сообщив об этом по связи. Клич был один: «Наших бьют!».

Собрались по тревоге все, вплоть до роты обеспечения. Выстроились на плацу экипированные для боя и ждали, пока комбат запрашивал КП ВВС на добро к вылету. Комэск Перфилов Владимир Алексеевич на свой страх и риск уже поднял первую пару в воздух под командованием замкомандира эскадрильи Петра Лещишина. После получения разрешения уже пара за парой вертолетчики стали подходить к месту

боя. Практически вся эскадрилья работала в этом бою. Ми-24 встали в круг и били по ущелью, а вертушки с десантом садились одна за другой. Когда лейтенант Деревянко и вертолеты стали бить «духов», те начали разбегаться и прятаться, но шесть пленных разведчики все-таки нашли и взяли.

Караван же под огнем разбрелся на отдельные стада по 40 и 60 голов. Вот к ним комбат и сажал группы с вертолетов. Спецназовцы сначала валили животных и снимали груз, а потом начали ловить верблюдов, ишаков и подводить их прямо к вертолетам для разгрузки. Тогда захватили очень много трофеев. Все крупное взяли с собой на борта, а то, что помельче подорвали на месте.

«И что характерно, — отмечал с гордостью Анатолий Андреевич, — в той операции с нашей стороны был только один раненый боец. Припоминаю, — продолжал он, — что во время боя мы грохнули какого-то голландца. Я не думаю, что он был специалистом, наверное, просто журналистом. В караване, кроме оружия, было очень много пропагандистской литературы и других бумаг, но нам сначала это было совершенно не надо, и она была свалена в кучу на ЦБУ. А чуть позже к нам приехали особысты от советников и мне говорят:

— Командир, дай покопаться.

Покопались, нашли две исписанные тетради на фламандском языке, билеты на Пешавар, корешки счетов на проживание в гостинице и т.д.

Просят:

— Отдай.

Отдали, а они это оформили себе как результат, а потом ко мне прибежал наш контрразведчик и в крик:

— Зачем ты отдал?

А я ему говорю:

— Ты чего орешь, неделю лежали эти документы и никому не надо было, чего же ты не покопался там.

Второй момент. Когда начали разбирать и сортировать трофеи, то обнаружилось большое количество классного оружия. В частности, хорошие карабины в смазке. Тут, конечно, нас опередили летчики, которые перевозили груз. Они же охотники, и многое успели разворовать. К слову, вот такой характерный пример. В куче трофеев нашли много мешков с обувью и обмундированием. Начальник штаба Михайлов мне говорит:

— Командир, большой мешок нашли с чешскими ботинками, с пластмассовой подошвой, а они почему-то все на правую ногу.

Но я сразу сообразил, звоню командиру эскадрильи и говорю:

— Вова, давай как-нибудь поделимся. У меня правые ботинки, а у тебя, наверняка, есть левые...

Так по-братски и порешили. Полбатальона потом одели в эту обувь...

Несколько строк о главном герое того боя лейтенанте Деревянко Артуре Валентиновиче.

У него редкое для украинской земли имя — Артур. Почему именно так нарекли мальчонку? Причина особенная. Отец Валентин Леонидович служил срочную вместе с пареньком, которого звали Артур. Дружба была настолько велика, что Деревянко решил: будет сын — непременно назову Артуром.

Он с детства хотел стать летчиком. Так сказать, голубая мечта о голубом небе. И он таки с ним породнился. Только в руках стал держать не штурвал самолета, а ляжки парашюта. Где-то в классе восьмом твердо решил пойти в десантники. Мальчишеский порыв дополнялся рассудительностью взрослеющего парня, который стал основательно готовиться в училище. Во многом помог ему родной дядя. Он служил прапорщиком в кировоградской бригаде спецназначения, в которую после ДРА пришел Артур. Александр Леонидович приводил парнишку в часть, рассказывал о подготовке бойцов в голубых беретах. Вместе выезжали в учебный центр, на десантирование.

У Артура в памяти отложилось многое. В том числе анекдотичное. Как-то во время прыжков один из неудачников зацепился парашютом за кроны деревьев. И повис прямо над военторговским ларьком. А вокруг никого. Так и проболтался бедняга, пока не подоспели товарищи. Со стороны это выглядело смешно.

В жизни же часто не до улыбок. В этом Деревянко убеждался не раз. И когда стал курсантом КВОКУ, и тем более в Афганистане. Жизнь отрезвила, сорвала романтический налет со службы десантника.

Какой она представлялась ему раньше? Это бездонная голубизна в маковках раскрывшихся парашютов. Это разлетающийся на куски от хлесткого удара кирпич. Это восторженные глаза девушек, бросающих цветы к ногам марширующих на параде крепко сбитых парней в голубых беретах. Когда же приходишь служить, службу десантников видишь, точнее говоря, испытываешь по-другому. Это некоторый страх перед прыжком в заснеженную степь. Это осунувшиеся плечи, растертые ляжками от рюкзака во время броска. Это вывихнутая при прыжке нога...

В ВДВ до сих пор бытует поговорка: «Десантник — три минуты орел, а все остальное время лошадь».

Артур Валентинович как раз из таких, кто, попав из романтизма в реальную жизнь, полюбил службу еще крепче. Только дело тут не только в одних чувствах. Он много работал над собой, усиленно занимался спортом. В основном волейболом. Стал кандидатом в мастера, выступал на чемпионате УССР. В училище начал заниматься по мно-

гим спортивным дисциплинам. Для общего развития. Так что после окончания КВОКУ в Афганистан ехал во многом сформировавшийся человек. Теперь смотрел не только с земли в небо, но и с неба на землю...

В Афганистан Деревянко попал спустя три месяца после окончания училища. Накануне, уже в ТуркВО в учебном полку спецназ, прошел специальную подготовку. Тогда-то и совершил свои первые пять прыжков с парашютом. Расставаясь с Чирчиком, на берегу ледяного Аккавака, молодые офицеры поклялись: «Встретимся у трех журавлей».

Служить направили в 15 бригаду спецназ в район Газни. Встретив молодого лейтенанта, майор начальник штаба был не особенно многословным: «Скоро сам во всем разберешься». По установившейся традиции первый месяц куда не посылали. Как говорится, давали возможность акклиматизироваться. Но обстоятельства торопили, и недели через три с небольшим пришлось выходить на задание. Организовывали засаду. Сидели трое суток. Безрезультатно. Противник хитер. Он появляется в самый неожиданный момент и, наоборот, может не пойти там, где ты его давно поджидаешь. Так что надо быть наготове каждый час и даже каждую минуту.

— Бывало, к месту засады добирались двое-трое суток, — вспоминал Деревянко. — Представьте, чего это стоило при полной экипировке, да еще в местах, где зимой мороз под сорок, а летом под сорок жарка. Плюс высокогорье с разреженным воздухом.

Сидеть в засаде — испытание особое. Днем, замаскировавшись, должен «умереть», чтобы себя ничем не выдать. Все передвижения исключительно ночью. И так столько времени, сколько нужно. А сколько — никто не знает. Пока враг не появится. Более половины всех засад оказывались безрезультатными. А что значит — результативные?

А. Блажко говорил так: «Если захвачен лишь один автомат и у нас все живы и здоровы — это хороший результат, если захватили много оружия и техники, имея при этом хоть одного раненого, — это плохой результат».

Каждый разбор боевых действий проводил вездесущий комбриг полковник Ю. Т. Старов. Его бригада имела зону ответственности в восемьсот километров по фронту и более двухсот пятидесяти в глубину, проходящую по горным перевалам афгано-пакистанской границы. И всюду комбриг был, как говорят, вовремя и в нужном месте. Только те, кто воевал в горах, могут понять, какие сложные задачи решались этой бригадой. Старов был талантливый командир, а также замечательный человек. «Берегите людей», — подчеркивал он постоянно. Это было его кредо.

Сколько раз ходил Деревянко с подчиненными на боевые зада-

ния? Цифра значения не имеет. У каждого своя судьба. Всем хочется жить. Всем страшно. Один раз живем. Рядом с Артуром погибло немало ребят, в том числе и однокурсников. Среди них — отважный спецназовец старший лейтенант Сергей Ковальчук, лейтенант Олег Злуницын, старший лейтенант Олег Севальнев. Последний по злой воле судьбы погиб в день своего рождения. А Сергея не стало ровно через два года после выпуска из училища...

Это было 3.06.87. Обычное патрулирование. Досмотровая группа № 211 из 177 ооСпН вела воздушную разведку в районе 50 км севернее Газни. Нарушавшие тишину гор трудяги-вертолеты иллюминаторами всматривались в местность. Ничего настораживающего. Только десантники давно заметили: беду надо ждать тогда, когда ее, казалось бы, абсолютно ничего не предвещает. Это правило сработало и сейчас. Совершенно неожиданно вдали показался караван. Подлетели поближе, осмотрелись. Верблюдов, вроде бы, не так и много. Досмотровую группу решили высадить, чтобы преградить душманам путь. «Вертушки» вновь поднялись в небо. Надо уточнить, сколько всего навьюченных животных шли с территории Пакистана.

Первые минут двадцать спецназовцы огонь не открывали. Выжидали, что предпримет противник. Увидевшие их душманы, остановились. Они не знали, какими силами встали шурави на их пути. Тоже решили выждать, пока не спустится к ним в низину идущее слева и справа от каравана боевое охранение. Когда же поняли, что пробиваться придется с боем, начали стрелять.

Десантники отвечали меткими очередями. До этого сумели занять выгодные места. Тогда они еще не знали, что встали на пути одного из самых больших по тем временам караванов — в 204 верблюда... Что животные навьючены оружием. Что охранение составляло около 300 человек, а их горстка — семнадцать парней. Оставалось надеяться на самих себя, и лишь потом на подмогу, за которой умчались вертолетчики.

Бой шел уже минут сорок. Подтянувшиеся силы душманов пытались прорваться. Безуспешно. Живая стена из семнадцати десантников оказалась крепче, чем бетонная. Лейтенант Артур Деревянко умело руководил боем. «Вычислив» его, душманы подбирались все ближе и ближе. Один из них прицелился и...

Тот настоящий командир, кто бережет своего солдата. Тот настоящий солдат, кто бережет своего командира. Не примеры из книжки, а сама жизнь подвела бойцов к такому заключению. Так что, когда рядовой Владимир Бондарь увидел, что целится в офицера, он резко оттолкнул его, а сам... А сам попал под пули. Благо, что очередь прошла по ногам. Тогда спас он не только командира, жертвуя собой. Тогда он, быть может, спас и остальных. Группа заняла позиции на склонах хол-

ма, плохо просматриваемого с двух наблюдательных пунктов моджахедов. Попытка подавить огневые точки десантников из ЗГУ, тоже не дала результата.

Артур вспоминал: «Наши позиции методично обстреливались крупнокалиберными пулеметами и зенитными установками. Справа по нам с высотки били две ЗГУ, а с левого фланга от кишлака по нам злобно долбил духовский ДШК. На головы непрерывно сыпались какие-то щепки и мелкие камни, свистел рикошет, но прямых попаданий, к счастью, не было. Горный гребень надежно защищал нас от огня. Четыре наших пулемета стреляли короткими очередями по группе душманов, пытавшихся помочь охране каравана спасти верблюдов, которых мы уже навалили несколько десятков. Все разведчики, сосредоточенно, как в тире, экономно расходуя патроны, стреляли по приближающейся массе туш с выюками груза на спинах. Разведчики с правого наблюдательного пункта сообщили по радио, что караван огромен, его конца не видно. Все ущелье забито верблюдами. Я перешел на частоту 45200 и вызвал «Воздух». Рация ответила утвердительно. Я дал целеуказание. «Крокодилы» зашли в хвост каравана. Дым и пыль поглотили ущелье. А на нас шли и шли. Усилили огонь и начали окружать нас подразделения охраны каравана...»

Наконец-то с неба пришло спасение. Но не в виде Божьей помощи. Это два вертолета МИ-8 доставили подкрепление. Через полтора часа после начала боя десантировалась и с ходу вступила в бой группа бесстрашного лейтенанта Пучкова. С двух направлений спецназовцы разбили караван душманов наголову: «завалили» всех выючных, захватив при этом огромную партию оружия. Во выюках обнаружили четыре пусковые установки для реактивных снарядов, 998 реактивных снарядов, два миномета, три безоткатных орудия, два пулемета ДШК, более 1000 боеприпасов к тяжелому оружию и 206 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию.

И все это в немалой степени благодаря тем, первым семнадцати смельчакам. Не будет преувеличением сказать, что они стояли насмерть. Всех десантников представили к наградам.

Война, помимо боев, побед и поражений, гибели людей, — это еще, в определенной степени, канцелярская работа, и даже бухгалтерия. Это составление приказов и распоряжений, подготовка различных донесений и сведений. Это, наконец, и написание представлений к наградам. Как во всякой канцелярщине, тут существуют свои законы, тонкости и, разумеется, неточности и ошибки. От многих приходилось слышать, что из-за всего этого люди, представленные к одним наградам, получали другие, поскромнее, а то и вовсе оставались без них. Поставят вместо слова «организовал» более распылчатое «участвовал», и совсем другой вывод напрашивался. И кто в этом виноват: то ли

писарская душа, то ли бездушные иных представлявших, боявшихся, чтобы не слишком высоко наградили человека?

В истории с Деревянко произошло нечто подобное. Лейтенант, в конце концов, за тот бой был отмечен Красной Звездой.

Но впереди были новые бои и новые награды. За уничтожение банды из восьмидесяти человек, которая обстреляла их, выполнявших патрулирование на вертолетах, был награжден вторым орденом.

Третий орден Красной Звезды лейтенант получил за бой, проходивший в особой обстановке. Накануне группа старшего лейтенанта Сергея Сабельникова вышла на досмотр местности. Наткнулась на караван в 80 верблюдов. Пока преследовали, три четверти каравана смогли скрыться во встретившемся на его пути кишлаке. И лишь «хвост» — в двадцать животных — удалось «обрубить». Вот тогда-то пришлось ввести дополнительные силы. В их составе оказался и Артур со своими подчиненными. Бой длился около четырех часов. Врага разбили. Трофейного оружия было не счесть.

Четвертая награда — орден Красного Знамени — нашла Деревянко после операции «Барьер». Тогда наши перекрывали афгано-пакистанскую границу. То была задача особой сложности. Их подразделению определили для охраны участок более десяти километров по фронту. Именно здесь, по данным разведки, должен был двигаться караван. Время шло, а его все не было и не было. Странно. Решили на всякий случай проверить мелкосопочник. Туда-то и направили группу, в которую входил со своим подразделением лейтенант Деревянко. Двигаются — и на тебе: в узком русле, выходя из-за крутого поворота, наталкиваются на душманов. До них каких-то метров 80, почти лоб в лоб!

На войне побеждает не только тот, кто метко стреляет, но и тот, кто, не растерявшись, первым открывает огонь. Офицерам и его бойцам удалось это сделать быстрее противника. Этим и вызвали в его рядах панику. Ну а дальше — дело решительности и меткого огня...

Старший лейтенант Деревянко пробыл в Афганистане без малого два года. Он уже ходил на родной земле, более того — по родному городу Кировограду, а его боевые друзья были еще там. Они уходили в феврале 1989 года, как и положено разведчикам, последними. Артур помнит те телевизионные кадры, когда в скором будущем командующий войсками Киевского военного округа шел по мосту, соединяющему нас с Афганистаном.

На последнем БТРе, у боевого Знамени, сидел старший лейтенант Алексей Сергачев. В КВКУ они учились в одной роте. Увидел он и других своих однокурсников — старших лейтенантов Павла Кольчуса, Петра Мухаровского, Андрея Лубенца. Иных же может видеть

лишь на фотографии... В последний день войны погиб старший лейтенант Олег Матаков...

После Афгана Деревянко попал в родной город. В ту часть спецназа, в которой служил его дядя и в которую он прибегал еще школьником. Но действительность расстроила, ему должности — командира роты — не нашлось. Почти год трудился то на одном, то на другом месте. И замполитом подразделения пришлось быть до ликвидации политорганов, и даже начальником службы. Можно понять состояние боевого офицера, вынужденного мыкаться по разным должностям. Пожалуй, не каждый вот так, как Деревянко, безропотно выполнял бы временную работу. Весь этот год он ходил и выбивал себе роту. Артур не напоминал о своих четырех орденах. А ведь их у него больше, чем у кого-либо в части. Пожалуй, даже в Киевском округе того времени таких офицеров-орденоносцев — единицы.

А что он сам о себе думает?

— Чем я лучше других? — совершенно искренне рассуждал Деревянко.

— Подумаешь, ордена... Разве их количеством определяется человек? Вместе со мной служат офицеры, которые не хуже меня. Имею в виду не только «афганцев».

— Я же прошу одного — дайте роту! Я хочу работать!

Страшно, когда не помнят о павших. Вдвойне страшнее, когда забывают о живых. А ведь забывают. Факты на этот счет, увы, имеются. И фраза «Я вас в Афганистан не посылал» слышится не так уж редко... Черствея к человеку, в конце концов черствеешь к Отечеству.

Нелегко было устоять и перед славой. Когда тебя приглашали в высокие президиумы, на всякого рода мероприятия, в трудовые коллективы. Когда выбирали на Всеармейское офицерское собрание в Москву. Деревянко, конечно, чувствовал повышенное к себе внимание. Не случайно именно его фамилия, одна из немногих, прозвучала в докладе командующего войсками округа Б.В.Громова на торжественном собрании для участников парада в честь 72-й годовщины Октября. Повышенное внимание льстило самолюбию. Вот и на парад в числе немногих послали именно его.

С развалом могучей армии и началом укрепления «братских» отношений со вчерашними вероятными противниками НАТО и США, изменилась служба и у Деревянко. По приказу министра обороны Украины он попадает в группу офицеров, выезжающих по обмену опытом в вооруженные силы США. Тогдашний начальник генштаба Украины генерал-полковник Лопата выбрал молодого офицера из большой группы кандидатов, имеющих высокие звания полковников.

— Пусть едет молодой, за ним будущее!

Некоторое время майор Деревянко восстанавливал свои знания

английского языка, полученные в КВОКУ, а затем одиннадцать месяцев учился в престижном командно-штабном колледже морской пехоты США в штате Вирджиния (военно-морская база Квантико), где порой делился с офицерами других армий своим боевым опытом по борьбе с терроризмом. А также частенько шокировал местных обывателей своей советской десантной формой — голубой тельняшкой и беретом.

По возвращении на родину Артур был назначен начальником оперативного отдела штаба миссии ООН в бывшей Югославии (юго-восточная Славония), в городе Вуковар. Казалось бы, впереди у офицера большое интересное будущее... Но завершил свою офицерскую карьеру подполковник Деревянко неожиданно, после реформирования кировоградской бригады в 50 учебный центр специальной подготовки Южного оперативного командования ВС Украины в мае 2000 года он уволился в запас.

И было ему на тот момент тридцать пять лет от роду. Такая судьба постигла тогда не только его. До сих пор удивляюсь как легко и бездумно кадровики министерства обороны Украины «избавились» от лучших офицеров-разведчиков армейского спецназа В.Горатенкова, Н.Пархоменко, В.Воронина и многих других. В этот психологически трудный и судьбоносный момент в Кировограде на областной конференции афганцев Артур встретился с боевыми побратимами. Молодому подполковнику запаса, бывшему замкомбригу, протянул руку помощи бывший десантник С.В. Червонопиский. Украинский Союз ветеранов Афганистана направил энергию, знания и умения Деревянко в нужное ветеранскому движению русло. Долгое время Артур опять был на «передовой», хотя и не в армии. Он являлся помощником председателя государственного комитета Украины по делам ветеранов, отстаивал права боевых товарищей в мирной жизни. Его можно было часто увидеть за рубежом: то он в Париже, то в Берлине... Короче говоря, осознанная жизнь продолжалась. А армию все же вспоминал с ностальгией.

Как-то он мне сказал: «Снится мне по ночам служба. Видимо, душа-то осталась в строю...».

В 2004 году Артур возглавил управление безопасности магистральных нефтепроводов открытого акционерного общества «Укртрансгаз». Позднее перешел начальником отдела в компанию по производству срубов домов из ценных пород дерева. И эта беспокойная должность оказалась по плечу боевому офицеру... А потом были другие высоты и достижения.

Говорят, счастливо складывается жизнь у тех, кто получил имя в чью-то честь. Может, оно действительно так. Только смелость, мужество, героизм с именем не даются. В жизни все это добывается трудом, потом, кровью. Как у Деревянко... Да, непростая это штука — слава.

Хорошо, что Деревянко понял это без опозданий. Двое сыновей носят его фамилию, и это здорово...

В составе 177 ооСпН служили многие заслуженные и героические люди, хочется не забыть никого, но обо всех не расскажешь...

А вот забыть капитана Бекоева Павла Викторовича, старших лейтенантов Севальнева Олега Витальевича, Таривердиева Карена Михайловича невозможно...

Последний, например, Карен (сын известного советского композитора) отлично воевал и был награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды.

Начав взрослую жизнь студентом философского факультета МГУ, он внезапно для родителей очутился в девятой роте РВВДКУ, а затем в Афганистане. Его имя занесено в исторический формуляр части по итогам захвата так называемой «блуждающей» залповой установки.

Блуждающая реактивная установка залпового огня нам досаждала. Так же, как и разведчики, она вела одиночные действия. Выйдет ночью на дальность полета эрэсов, даст залп и к рассвету спрячется где-нибудь в кишлачной зоне или в горах. Информации о ее базировании не было никакой, огневые позиции она меняла постоянно, и пока наши артиллеристы 191 мотострелкового полка, расположенного вместе с отрядом, придут в себя, да начнут ответный огонь, расчет пусковой установки мятежников уже далеко.

Как произошел ее захват, рассказал сам Таривердиев:

«25 ноября я получил задачу на проведение засады в горах к юго-востоку от Газни. Моя разведгруппа № 212 в составе 16 человек (включая меня и моего заместителя прапорщика Зюханова) от первой роты с двумя радиотелеграфистами группы связи и двумя минерами должна была десантироваться посадочным способом из двух вертолетов Ми-8 в ущелье. Пересечь узкий горный хребет, отделяющий нашу провинцию от провинции Гардез, которая тоже входила в сферу ответственности нашего батальона, и провести засаду в восточных предгорьях этого хребта.

Первоначально предполагалось выбрать площадку десантирования в восточных предгорьях севернее района засады, чтобы движение группы осуществлялось по более ровной местности и было более безопасным. Однако решили десантироваться именно в ущелье в самом центре горного массива, чтобы скрыть место посадки от возможного наблюдения противника.

Летчики от перспективы подобной посадки были, конечно, не в восторге, но мне, пользуясь хорошими отношениями с командиром ведущего экипажа, удалось уговорить их провести полет и сесть именно так, как хотелось нам, а не было предписано инструкциями штаба ВВС. Полет проходил на предельно малой высоте — 2 — 3 метра над

землей, и при входе (точнее, влете) в ущелье летчики не поднялись над горами, а по-прежнему продолжали держать ту же высоту. Я, признаваясь, сам испугался, когда увидел, что мы крадемся по дну ущелья, слева и справа от нас поднимаются каменистые склоны, а ущелье далеко не прямое. Причем скорость движения около 140 км в час. Однако в 1985 году с нами взаимодействовала такая эскадрилья вертолетчиков, пилоты которой действительно могли летать «на бревне», и наш полет прошел удачно, хотя один раз мы все-таки зацепили какой-то камень колесом. При нашей скорости и при том, что я весь полет удивлялся, как винт нашего вертолета вмещается между склонами, ощущение было не из приятных.

Высадились мы в сумерках и с наступлением темноты двинулись на восток. Шли по руслам сухих ручьев. Риск, конечно, был, и не малый. Выслать боковое охранение было невозможно: не из кого. Кроме того, при движении по ровной местности боковой дозор двигается с той же скоростью, что и основная группа, а попробуйте двигаться так по горному хребту!

Кое-какие меры безопасности при движении мы, конечно, принимали. С этой целью выслали головной дозор, участки местности, вызывающие подозрение, осматривались, но движение было организовано с целью обеспечения скорейшего выхода в район проведения засады, а не с целью обеспечения максимальной безопасности. Расчет оказался правильным, и часа через четыре мы достигли выхода на Гардесскую равнину.

Дорога, ведущая из кишлачной зоны к югу от Гардеза в глубь горного массива, в который мы десантировались, оказалась ненаезженной. Карты масштаба 1:10000 издания 1976 года, которыми мы пользовались, были весьма неточны, и такие неувязки у нас возникали постоянно».

Следует пояснить, что район засады выбирался по карте без предварительной рекогносцировки с воздуха, поэтому командир группы заранее обговорил в штабе отряда свое право изменить район засады, в разумных пределах, по обстановке. Подобное изменение считалось в порядке вещей, и если командир давал координаты своего местонахождения, не очень сильно отличающиеся от указанных в боевом приказе, ничего страшного в этом не было. Командиру группы на местности виднее, где действительно лучше организовать засаду.

«Дорога, на которую мы вышли, — продолжал Таривердиев, — «имела место быть». Однако в колее успела прорасти и завясть трава (почему-то данная местность не была покрыта снегом, как в западных предгорьях). То есть этой дорогой не пользовались минимум лето и осень. Было маловероятно, что именно в ночь, когда мы вышли на засаду, ею воспользуются. Поэтому я, расположив группу в боевом по-

рядке, посчитал необходимым выслать дополнительный разведдозор в составе из трех человек во главе с сержантом Альшановым, с тем, чтобы они все-таки определили, есть ли на этом участке дорога, которая действительно используется для движения с востока на запад. Я был уверен, что такая дорога есть.

И подгруппа Альшанова такую дорогу обнаружила в нескольких километрах южнее. Когда сержант доложил мне о своей находке, я решил изменить место засады. Для начала, не трогая основные силы группы, я под охраной одного разведчика присоединился к Альшанову у обнаруженной дороги (на карте она не была обозначена) и, проверив его наблюдения, связался по Р-392 с прапорщиком Зюхановым, оставшимся с основными силами.

Зюханов организовал минирование старой дороги на всякий случай минами с суточным сроком самоликвидации — все-таки мы находились в районе, где проживали и мирные жители, а поэтому ставить минные поля без срока самоликвидации нам было категорически запрещено — и вывел группу в новое место.

Новое место представлялось для засады очень перспективным. Дорога была сильно накатана, причем, судя по следам, движение активно осуществлялось как из равнины в горы, так и в обратном направлении. Следы были свежие.

Так как мы не знали, откуда могут пойти мятежники, я решил разделить группу на две части. Группу из двенадцати человек с прапорщиком Зюхановым во главе я отправил ближе к горам с задачей расположиться на первой же удобной в тактическом отношении высоте над дорогой, по возможности, имея в секторе огня и выход из ущелья.

Сложность поиска такой высоты заключалась в том, чтобы она была расположена на достаточном удалении от ближайших горных вершин, заняв которые мятежники могли бы получить преимущество в случае обнаружения подгруппы Зюханова.

Сам же с оставшимися людьми и радиотелеграфистом расположился на равнине в сухом русле, тянущемся вдоль дороги на удалении 15—20 метров от нее.

В случае, если мятежники появятся из ущелья, подгруппа Зюханова пропускает головную машину, обстреливает все, что попадает в зону действительного огня АГС-17 и двух пулеметов ПК; моя подгруппа занимается головной машиной, открывая огонь с близкого расстояния. Если машины будут двигаться в обратном направлении, мы пропускаем на Зюханова столько машин, сколько успеет пройти мимо нас до открытия огня по головной машине. Сами же, по обстановке, расправляемся с тем противником, который оказался в пределах досягаемости нашего огня. В любом случае, головная или единственная ма-

шина (сколько их там ни будет) должна была пропускаться для поражения средствами подгруппы, дальней по маршруту движения.

На случай неблагоприятного развития боя из-за численного преимущества противника были предусмотрены пути отхода. Я сразу же связался с центром боевого управления отряда и передал свои пожелания дежурной паре вертолетов огневой поддержки Ми-24.

Подлетное время «двадцатьчетверок» составляло 20 минут, а вопросы взаимодействия с ними и целеуказания в ночное время были отработаны заранее. Так что особого беспокойства по поводу неблагоприятного развития событий я не испытывал».

Главное было — не дать себя окружить превосходящим силам противника непосредственно на местах расположения подгрупп, но это было слишком маловероятным.

«В третьем часу ночи, — вспоминал Карен, — мы услышали шум тракторного двигателя, направляющегося из кишлачной зоны в горы. Наблюдатель, высланный от моей подгруппы вдоль дороги, доложил, что в тракторе находится шесть человек, все вооружены. Мер безопасности противник не предпринимал. Посты наблюдения не засекли посадки вертолетов, и нас в районе никто не ждал.

Я отдал приказ не обнаруживать себя. Сообщив прапорщику Зюханову сведения о противнике, с тем чтобы он заранее мог организовать огонь подгруппы, ориентируясь именно на такую цель, я поставил задачу группе наблюдать за окраиной кишлачной зоны — вдруг за трактором последуют еще какие-нибудь транспортные средства.

Зюханов выдвинул к подножью высоты несколько разведчиков, вооруженных автоматами с прибором бесшумной стрельбы. В случае, если бы им удалось быстро уничтожить мятежников внезапным огнем с близкого расстояния, то в дело включались бы пулеметчики, расположенные на тактическом гребне.

Нам очень не хотелось сразу же обнаруживать свое местонахождение огнем пулеметов, во-первых, потому что это было небезопасно и близко расположенные бандформирования могли предпринять меры по нашему поиску и уничтожению, а во-вторых, если бы засаду не удалось провести бесшумно, можно было рассчитывать в оставшиеся три часа темного времени дожждаться еще и дополнительного «результата».

Автоматчикам удалось огнем ПБС уничтожить четверых мятежников в прицепе, пятый же успел скрыться. Кроме того, тяжело раненый водитель попытался выйти из зоны огня. Пришлось одному из пулеметчиков уничтожить его короткими очередями. То, что ПК дал несколько очередей, командира группы Таривердиева не очень смутило — в горах по ночам часто стреляли и на это противник мог и не обратить внимание, но то, что одному из охраны удалось скрыться, представляло опасность. Сбежал он в сторону кишлачной зоны, и в

ближайшем же кишлаке, до которого от подгруппы было всего 1000 — 1200 метров, поднял бы тревогу. Это грозило большими неприятностями.

На удачу нашим разведчикам вышла луна, и местность хорошо просматривалась в бинокли ночного видения. Достаточно удалившись от места гибели трактора, сбежавший почувствовал себя в безопасности и вышел на дорогу. О том, что между ним и ближайшим кишлаком расположена еще одна подгруппа, он не подозревал. Первоначально Таривердиев хотел приказать группе захвата взять его в плен, но в бинокль было хорошо видно, что в руках у него заряженный гранатомет и двигается он достаточно осторожно, готовый немедленно отреагировать на опасность. Как таковой задачи добыть пленного перед группой не ставилось, и Карен решил не рисковать. Спецназовцы уничтожили его из пистолета ПБ.

Удостоверившись, что все тихо и никакого движения в ближайших кишлаках и на дороге не происходит, Таривердиев разрешил Зюханову выслать с высоты досмотровую группу для осмотра трактора. Через некоторое время получил доклад, что в прицепе обнаружена двенадцатиствольная установка залпового огня. По тем временам это считался очень ценный результат. Держать группу разделенной в ожидании чего-нибудь еще было неразумно. Гораздо разумней было соединить все силы на высоте, занимаемой подгруппой прапорщика Зюханова, и организовать там круговую оборону на случай попытки мятежников отбить захваченную установку.

Разведчики установили на дороге мину-сюрприз, взрыв которой мог послужить для нас сигналом, что со стороны кишлачной зоны кто-то двигается, и отошли на высоту. Надо сказать, что время до рассвета оказалось достаточно беспокойным, так как со стороны ущелья явно прослушивалось какое-то движение. Но в поле зрения наблюдателей противник не попадал. По всей вероятности, пулеметные очереди все-таки не остались без внимания мятежников, находящихся в горах, и они суетились вокруг с целью выяснить обстановку. Командир группы категорически запретил открывать огонь без крайней на то необходимости, дабы не обозначить заранее позиций наших огневых точек. Установив связь с Центром, Карен доложил обстановку и свои выводы по ней. Дежурные вертолеты огневой поддержки были приведены в готовность № 1.

По-видимому, у противника в данный момент на этом участке не оказалось достаточных сил и решимости навязать разведчикам ночной бой. С их стороны это было явной ошибкой, так как с наступлением рассвета район сразу же был взят под патрулирование армейской авиацией. Летчики по просьбе командира отряда спецназа осуществили пуски ракет по окружающим группу высотам, откуда они могли подверг-

нуться обстрелу, и все стихло. Вязываться в драку, при наличии у себя над головой четырех Ми-24, да еще двух Су-25, круживших над кишлачной зоной, на необорудованных заранее позициях, для мятежников было явным самоубийством, их командование это понимало.

Эвакуация группы из района засады прошла спокойно, если не считать того, что первая попытка поднять в воздух вертолет с трофеем спецназовцев на борту едва не закончилась плачевно. Подъемной силы у Ми-8 не хватило, и он упал на землю. К счастью, высота была небольшая, и никто не пострадал. Вторая попытка оказалась более успешной, и разведчики с захваченным «результатом» добрались до своего городка.

После доклада командующему армией установку через неделю затребовала Москва, куда она и была отправлена самолетом... Все разведчики были представлены для награждения орденами и медалями... И они ходили героями... Вскоре Карен Таривердиев подорвался на минном поле... После госпиталя до развала Союза служил в Старом Крыму, а затем вернулся в Москву, где некоторое время работал на телевидение. Обострение болезни, развившейся после ранения конечностей, привело к тяжелой инвалидности.

Гордостью 177 отряда был и капитан Бекоев П.В., командовавший ротой спецназ. «Скромный в быту и неустрашимый в бою» — так отзывались о нем его командиры и подчиненные.

Он был любимым и долгожданным ребенком в семье. Его отец Виктор Дмитриевич и мать Ирина Владимировна очень гордились своим сыном, который продолжил семейную традицию, и стал профессиональным военным. Рассуждая с сегодняшних позиций, наверное, трудно понять, почему главный хирург Группы советских войск в Германии полковник медицинской службы Бекоев, — «не порадел родному челювечку?». Я думаю, для него было бы не сложно забрать сына-офицера в престижную группу войск. Ему бы это ничего не стоило... А сын пошел в десант и три года доблестно воевал в спецназе ГРУ в Афганистане! Их сын, их кровиночка погиб и посмертно был представлен к званию Героя Советского Союза! Но высшей наградой для Павла Бекоева оказалась Вечная Память сослуживцев.

Бекоев, прибывший из 154 отряда на должность командира 3 роты в 177 ооСтпН первое время был чужаком. Он, по выражению офицеров, был «пиджаком», то есть не заканчивал нормального офицерского училища, а стал лейтенантом на военной кафедре Минского радиополитехнического института, однако боевых качеств, необходимых спецназовцу, у него отнять было нельзя. Бекоев успешно командовал группой в Джелалабадском 154 отряде, потом там же был выдвинут на должность заместителя командира роты. Воевал грамотно и смело.

«Недалеко от Джелалабада пехота должна была окружить «зе-

ленку». Но до этого ночью в горы вышел спецназ. Приближение брони жители кишлака услышали издалека. «Духи» сели в автобус и поехали к горам. Но здесь уже были разведчики. Завязался бой, — рассказывал бывший командир роты 334 отряда А.Кистень. — Пехота же, по обыкновению, окружила пустой кишлак и прочесала его, ничего там не найдя. Я хорошо запомнил, что в том бою особо отличилась группа Павла Бекоева из 154 отряда. «Духов» зажали в овраге, а Бекоев и сержант по фамилии Сержант со своими бойцами обошли их и сверху забросали гранатами. В результате в овраге осталось восемнадцать «борцов за веру». У джелалабадцев даже не было раненых. Для нас это был очень показательный бой. Как на картинке. Однако он оставил ошибочное ощущение легкости этой войны».

За этой же легкостью скрывалось настоящее мастерство офицера и боевая отвага, которую ценили на войне.

Новый комбат 177-го Алексей Попович, выпускник разведфакультета Киевского ВОКУ 1974 года, был очень доволен, получив командиром третьей роты такого опытного офицера. Он к нему прислушивался с первого дня, поскольку нельзя было не доверять опыту Бекоева, который к тому времени служил в Афганистане уже второй срок, т. е. воевал больше трех лет. И, кстати сказать, уже тогда имел два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды, а такие награды заслужить было очень сложно.

«Непросто Павел вписался в коллектив. Некоторые командиры видели в его самобытности вздорность характера. Для Бекоева не было авторитетов, он был совершенно неуправляем в боевой деятельности, — вспоминал майор Владимир Волош. — Его имя постоянно находилось на устах сослуживцев. Кто говорил о нем с восторгом, а кто завидовал его многочисленным удачам. Помню, 17 октября 1985 года, он со своей ротой без потерь разгромил опорный узел душманов в районе Парзубай. 10 декабря 1985 года десантировался в 60 км западнее Ургун, выдержал четырехчасовой бой и захватил 9 ПЗРК, 2 ДШК, большое количество боеприпасов. 14 января 1986 года капитан Бекоев с двумя бойцами вступил в бой с 26 «духами» и победил. Ровно через месяц, 14 февраля, Павел во главе отряда из 32 человек десантировался из вертолетов в районе Лой-Мана. После трехчасового боя уничтожил пять складов «духов». Успехи роты, которой командовал П.В.Бекоев, во многом определялись его личным мужеством и хорошим знанием своих подчиненных, с которыми он делил и скромный палаточный быт, и постоянный риск боя. Он был очень честолобив и храбр».

Помимо организационно-кадровых изменений, укрепивших подразделения специального назначения, большую роль в повышении их боевых возможностей сыграло и то, что каждой бригаде и отрядам спецназ придали авиацию.

Пожалуй, ни о ком «афганцы» не говорят с таким почтением, как о вертолетчиках. Есть их за что почитать, перед кем преклоняться. Спецназовцы о них много рассказывали. О Герое Советского Союза майоре Майданове, о майоре Стригине и других. Разведчики с теплотой вспоминали случаи, когда на одном вертолете удалось вывести с поля боя не десять, а двадцать четыре человека...

В Джелалабаде боевую деятельность спецназа обеспечивал 335 отдельный боевой вертолетный полк. В Газни придавалась 239 отдельная вертолетная эскадрилья (12 транспортных вертолетов Ми-8 и 8 вертолетов огневой поддержки Ми-24), аэродром которой, как об этом уже писалось, находился недалеко от отряда. Наличие своей авиации сразу же самым благоприятным образом сказалось на мобильности и результативности разведывательно-боевой деятельности спецназа. Разведчики в основном перестали «привязывать» свои выходы к собственным бронегруппам, поэтому радиус действий подразделений увеличился до 150 — 180 километров.

В условиях сильно пересеченной местности и чрезвычайной плотности минирования, которую применяли «духи» в этом районе, поход «брони» даже километров на 50 — 60 от ППД можно было смело приравнять к подвигу. Так что в этих условиях добрые отношения с «воздухом» были нам просто необходимы. На склоне горы, рядом с ППД 177 отряда, хорошо читаемые сверху, из камней были выложены слова: «Слава ВВС!». Так десантники приветствовали своих друзей-летчиков.

Отличными коллегами и помощниками, поставляющими достоверную информацию, были офицеры оперативной агентурной группы ГРУ «Ургун». Эта группа из четырех офицеров сидела за многие сотни километров от ближайших советских частей в крайне скудных условиях, но работала отлично. Начальник разведки отряда Игорь Ящичин высоко оценивал их вклад в общее дело: «Наши разведчики практически ни разу не возвращались пустыми, если вылетали на реализацию данных «Ургуна». С начала декабря 1985 и в течение полугода 1986 года все основные наши успехи были связаны с провинцией Ургун и, соответственно, с информацией, которую нам предоставляли наши агентурщики. И это при том, что наша «броня» в Ургунское ущелье не ходила.

В тот район, расположенный в непосредственной близости от границы между Афганистаном и Пакистаном, за девять лет войны, по моему, ни разу и армейская операция не доходила, не говоря уже о нашей ничтожной (по пехотным понятиям) бронегруппе в семь—восемь БМП и БТР. Больше количество боевых машин мы, как правило, разом не выставляли. Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что своим удачам в этот период войны мы были обязаны агентурщикам из Ургуна и вертолетчикам из Газни».

Весь декабрь 1985 года наши разведгруппы довольно успешно били на Ургуне «духовские» караваны. Особо результативными оказались засады в ущелье севернее города Ургун, которые провела 1 рота под командованием капитана Степанова, и засада 3 роты капитана Бекоева в районе крепости Гумалькалай — крайней по расстоянию точки, куда могли долететь наши вертолеты.

В первом случае разведчики захватили около 60 стволов стрелкового оружия, несколько безоткатных орудий, один ДШК и даже автомобиль ЗИЛ-130, набитый артснарядами и РСами.

А в районе крепости Гумалькалай, помимо всякого прочего добра, удалось захватить и несколько китайских ПЗРК «Стрела», что по тем временам само по себе считалось выдающимся результатом. Впоследствии агентурщики рассказали, что в той засаде был застрелен и американский советник.

В Ургунских горах боевики чувствовали себя полноправными хозяевами. Наших частей в том районе не было, афганская армия и Царандой, если где-то там и дислоцировались, то вели себя крайне смиренно и в горы не совались. Ближе нас к этому району находилась только гардезская 56 десантно-штурмовая бригада. Но у них были свои задачи.

У «духов» там царил тишь, гладь и Божья благодать. Наши агентурщики каким-то чудесным образом сумели составить подробнейшую карту расположения банд в этом районе и определить, где располагаются их склады с оружием и боеприпасами. Сами склады, по полученной информации, находились вне населенных пунктов, но, как правило, в тактической близости от них, что для спецназовцев было удобно. Поэтому можно было предположить, что в близлежащих кишлаках располагались на зиму крупные «духовские» отряды, готовые быстро оказать помощь отрядам охраны складов.

Командование отряда довольно долго обдумывало способ, как бы их нейтрализовать. Вопрос этот был серьезный, потому что использование бронегруппы, по описанным выше причинам, исключалось, а одним бомбоштурмовым ударом подход резервов противника, как известно, не предотвратить. Тем более, что в этой части Афганистана горы сплошь лесистые, причем хвойных пород, а значит, на зиму не опадающие, и это обстоятельство сильно ограничивало возможность наблюдения с воздуха за перемещениями на земле.

В феврале 1986 года обязанности начальника разведки отряда исполнял К.М.Таривердиев, который вспоминал:

«Наш командир батальона майор Попович решил рискнуть. Не последнюю роль в его решении сыграл командир третьей роты Павел Бекоев. В вопросе о проведении серии налетов на Ургунские склады голос командира третьей роты имел большой вес. Впрочем, к этому

времени капитан Бекоев сумел практически доказать свое умение совершать успешные налеты и засады.

В качестве первоочередной цели комбат выбрал склад оружия и боеприпасов, расположенный в горах, километрах шестидесяти юго-западнее Гардеза. От Газни до цели расстояние было вдвое большим, и мы рассчитывали использовать гардезский аэродром, как аэродром подскока, или как аэродром ожидания, если можно так выразиться. По нашему плану, транспортные вертушки, десантировав наш отряд в район склада, не возвращались на свой аэродром в Газни, а должны были сесть в Гардезе. Таким образом, в течение пятнадцати — двадцати минут они могли вернуться в район проведения налета и эвакуировать нас оттуда. Склад располагался неподалеку от селения Лой-Мана, в котором вполне могли оказаться «духовские» резервы. По нашим сведениям, численность охраны была сокращена с шестидесяти человек до пятнадцати. 239 вертолетная эскадрилья могла выделить нам для этой операции только шесть Ми-8мт. Число вертолетов и определило наш боевой состав — 60 человек, по десять на каждый борт.

На всю операцию отводилось не более одного часа с момента десантирования отряда. Мы надеялись, что за это время «духи» не успеют собрать и подтянуть достаточно сил, чтобы оказать успешное сопротивление нам. Десантирование предполагалось произвести на ровную площадку у подножья гор, которая находилась в непосредственной близости от склада. У летчиков были сомнения в ее пригодности, так как заказанная нами аэрофотосъемка местности ничего путного нам не дала, так как весь район предстоящих действий был сильно занесен снегом, поэтому аэрофотоснимок к нормальной работе был мало пригоден. Мы рассчитывали, что снежный покров не превышает 10—15 см и не слишком затруднит движение, однако в реальности он составлял около 50 см и сильно повлиял на наши действия на конечном этапе операции.

Возможный огонь зенитных средств (ДШК и ЗГУ) планировалось подавить с воздуха, но все-таки наибольшие надежды мы возлагали на внезапность нападения и скоротечность боя».

Командир 15 бригады спецназ подполковник В.М.Бабушкин согласовал со штабом 40 армии вопрос о том, чтобы, если возникнет необходимость и бой затянется, то разведотряду на помощь выдвинулась 56 дшбр в полном составе. При неблагоприятном развитии событий спецназовцам пришлось бы держаться в окружении не менее 10 — 12 часов, а это было чревато непредсказуемыми потерями с нашей стороны. Оперативная агентурная группа предоставила в распоряжение спецназовцев афганца-проводника, знающего местность и расположение огневых точек.

Налет был осуществлен 14 февраля. На первом этапе все шло согласно плану. Охрана не ожидала нападения, зенитные средства не были подготовлены к немедленному открытию огня, и после короткого бомбоштурмового удара Су-25 и Ми-24 все шесть «восьмерок» удачно десантировали спецназ на площадку приземления.

Прыгать пришлось из положения зависания с высоты метр-полтора, может чуть больше, но тут нам помог глубокий снег. Кроме того, место десантирования было скрыто от «духов» плотной снежной пеленой, поднятой винтами вертолетов. Разведчики оказались на небольшой площадке, в нескольких десятках метров от подножья гор. Поначалу по ним никто не стрелял, и отряд довольно организованно сумел подняться к складу.

На месте выяснилось, что территория склада представляет из себя несколько одиночных строений, разбросанных в полном беспорядке на ограниченной площади. Довольно быстро и без потерь удалось захватить их все, кроме одного.

Метод захвата был предельно прост: подгруппа обеспечения открывала по домикам ураганный огонь с расстояния 30 — 50 метров, под ее прикрытием к домикам подбирались два — три разведчика. Как только они занимали безопасное положение в «мертвой зоне» у стен, огонь по окнам и дверям прекращался, подгруппа нападения вставала с земли и забрасывала домик гранатами через окно. Такого воздействия на противника оказалось вполне достаточно, чтобы полностью подавить сопротивление.

Настораживало только то, что ничего особо существенного внутри этих строений найти не удавалось, и вначале показалось, что никакого большого склада здесь нет, и всю эту операцию затеяли зря. Правда, наводчик заранее предупредил нас о том, что не знает точно, в каком именно месте расположен основной склад, так как в районе его расположения ему бывать приходилось, а в хранилище — нет.

Но тут из одного домика попытался сбежать молоденький парень, на вид лет пятнадцати. Оружия у него не было, и прапорщик Вербитский быстро его поймал. Бача был сильно испуган, и после пары профилактических затрещин немедленно согласился отвести разведчиков к искомому складу.

Выяснилось, что основное хранилище представляет собой странного вида строение из трех стен на обратном скате большого холма. Основные силы роты просто проскочили мимо него, не придав этому строению большого значения. Роль тыльной стены выполняла гора, то есть домик был заглублен вовнутрь скалы так, что наружу торчало только что-то вроде предбанника.

Первоначально около него осталось одно отделение солдат из роты капитана Бекоева, а все остальные пробежали мимо. Это строе-

ние было единственным местом, откуда разведчикам было оказано сопротивление. Частично подавить его удалось только после того, как кто-то из солдат забрался на крышу и спустил во внутрь несколько гранат через трубу дымохода. Ворвавшись в «предбанник», спецназовцы поняли, что попали в какую-то искусственно сделанную пещеру, потому что вглубь горы вел небольшой кривой коридор. За коридором находилось еще одно помещение, куда и отошли «духи» из «предбанника».

Выкурить их оттуда оказалось очень затруднительно, потому что они активно обстреливали выход из коридора. Пользуясь тем, что коридор оказался не прямолинейным, а имел поворот, за которым можно было находиться в относительной безопасности, спецназовцы начали закатывать в дальнюю пещеру ручные гранаты. Причем не бросать их, а именно закатывать, высунув руку из-за угла, катали их по полу туда, где засели «духи».

Судя по гулкому звуку взрывов, пещера была внушительных размеров. Вскоре кто-то заметил, что обороняющиеся прекратили обстреливать выход из коридора, и несколько солдат осторожно проникли в пещеру. «Духов» в ней не оказалось, а в тыльной стене спецназовцы нашли вход в еще один коридор, который вел еще дальше вглубь горы. Сунувшийся в этот очередной коридор солдат тут же попал под автоматную очередь, выпущенную почти в упор. То, что он остался цел и невредим — везение высшей категории. «Духам», видимо, отступить было уже некуда, и они засели в том коридоре накрепко. Чего там было понастроено или прорыто дальше, разведчики так и не узнали, потому что дальше продвинуться им не удалось. Впрочем, как показали дальнейшие события, в этом и не было никакой необходимости. Бойцы не ожидали, что придется воевать в пещерах, поэтому ни у кого не оказалось с собой элементарного фонарика. Вся вышеописанная суета происходила при свете зажженных спичек или зажигалок. Кто-то догадался использовать в качестве осветительного прибора сигнальный пиропатрон с факелом. И вот тут-то при осмотре пещеры, разведчики обнаружили стеллажи с двухкилограммовыми упаковками пластида американского производства. И было его там по меньшей мере несколько тонн. Кроме того, по углам в беспорядке были свалены противопехотные мины «Клеймор» направленного действия, несколько десятков противотанковых итальянских Т8-6.1 и тому подобные «мелочи». Впрочем, если бы пластид сдетонировал от разрыва наших гранат, то наличие или отсутствие прочих мин уже не имело бы никакого значения. Надо сказать, что «духи» решили ответить разведчикам тем же и катнули несколько гранат в их сторону, но делать им это было неудобно, и гранаты разорвались за углом второго коридора. Один наш автоматчик остался в коридоре блокировать боевиков, а остальные принялись лихорадочно вытаскивать свои трофеи из пещеры.

«Поначалу мы попытались вытащить и пластид, но быстро сообразили, что с собой его в таком количестве не утащишь, — отмечал Таривердиев. — Поэтому брали только стрелковое оружие, по несколько экземпляров мин в качестве образцов и всякую прочую мелочь, казавшуюся полезной. К примеру, удалось добыть две коротковолновые радиостанции китайского производства. Связисты утверждали, что эти радиостанции имели не менее 5 тысяч километров дальности связи, а по ширине диапазона превосходили наши радиостанции раза в полтора. Впоследствии мы отправили их «наверх» для изучения».

К этому времени ситуация принимала неблагоприятный поворот — противник все-таки сумел организовать и занял господствующие высоты, то есть оседлал или начал оседлывать тактический гребень выше отряда. Поначалу огонь был не очень плотным и прицельным, но «духи» довольно быстро наращивали плотность огня. У них с каждой минутой прибавлялось огневых точек.

Павел Бекоев опасался подобного развития событий, но предотвратить его все равно не мог из-за малочисленности отряда. Однако еще в самом начале боя рота Бекоева, составлявшая костяк отряда, поднялась выше по склону и захватила горное орудие на подготовленной огневой позиции. Орудие было самым тщательным образом замаскировано от наблюдения с воздуха и развернуто в сторону той самой площадки, которую рота Бекоева использовала для приземления. Во время первого бомбоштурмового удара эта позиция ничуть не пострадала. Однако когда 3 рота добралась до него, выяснилось, что расчет на позиции отсутствует. Можно представить, во что могла превратиться наша операция, если бы орудие в момент зависания вертолетов для выброски отряда оказалось бы в готовности к открытию огня. Кроме этого, солдаты Бекоева уничтожили и расчет ЗГУ, который смог добежать до своей зенитной установки, но так и не успел открыть огонь.

Сейчас можно предполагать, что площадка, на которую высаживались, была заранее пристреляна, и если бы расчеты успели вовремя занять свои места по боевому расписанию, десантникам пришлось бы более чем туго. В этом отношении Павел Бекоев, больше всех рассчитывающий на успех внезапности и твердо уверенный, что спецназовцам удастся подавить противника прежде, чем он успеет развернуться к бою, оказался совершенно прав.

К сожалению, спецназовцы потратили слишком много времени на поиск склада и выкуривание из него охраны. В конце концов сообразили, что с «духами» можно поступить значительно проще, чем пытаться проникнуть вглубь пещеры: нужно просто поставить заряд, установленный на неизвлекаемость, прямо на стеллаж с пластидом. Наши саперы, во главе с лейтенантом Сергеем Кантышевым, быстро создали этот заряд из трофейного же пластида и дали ему получасовое замед-

ление. Что именно получилось в результате взрыва нескольких тонн пластида в пещере, можно себе представить и без дополнительных объяснений.

Однако все это заняло время, и операция затянулась почти на полчаса сверх запланированного. Поэтому, несмотря на самую активную поддержку с воздуха, которую разведчикам оказывали пары Ми-24, сменявшие над разведчиками друг друга, без потерь все-таки не обошлось.

Самым уязвимым местом плана операции было то, что эвакуироваться приходилось с того же самого места, на которое и десантировались. Другой площадки для посадки вертолетов поблизости просто не было. «Духи», тоже неплохо разбиравшиеся в военном деле, довольно быстро это поняли и попытались воспользоваться данным обстоятельством с максимальной для себя выгодой. Еще до того, как за отрядом прилетели военно-транспортные вертолеты, подтянувшиеся «духи» успели организовать весьма действенный огонь из безоткатного орудия, позицию которого спецназовцы никак не могли определить. Возможно, эта позиция была подготовлена заранее, но разведчики пропустили ее во время первой, самой благоприятной для них фазы боя. А, может быть, эту безоткатку приволок с собой резервный отряд противника, благо весит она не так много. Как бы то ни было, она доставила множество хлопот. Из-за нее «восьмерки» долгое время не могли зайти на посадку. Вертолет на земле представляет собой идеальную мишень для стрельбы. Пока разведчики Бекоева теряли время, противник усиливал огонь своих стрелковых средств.

Безоткатку, в итоге, подавили вертолеты огневой поддержки, но отходить к «восьмеркам» после выполнения боевой задачи бойцам пришлось уже по совершенно простреливаемой местности. Кроме того, снежный покров на площадке эвакуации, как уже говорилось, составлял около 50 сантиметров. Это затрудняло передвижение, при этом отходили разведчики сильно нагруженные своими трофеями. На счастье, если можно так сказать в этой ситуации, только два бойца получили тяжелые ранения. Их сразил огонь противника буквально у самых трапов вертолетов. Корпуса вертолетов также были довольно сильно изрешечены пулями и осколками, хотя вертолетчикам удалось избежать потерь.

Эта операция была признана успешной и стала одной из самых «красивых» операций 177 отряда, проведенных той зимой. Имя капитана Бекоева гремело на весь спецназ!

«Газный щы» еще несколько раз придерживались подобной схемы нападения на склады оружия и боеприпасов, причем делали это не без успеха. Но в итоге командование бригады и штаб армии (в лице заместителя начальника штаба 40 армии полковника Симонова, отвечавше-

го за наши действия) посчитали, что успех налетов на Ургунские склады каждый раз находится, что называется, «на острие бритвы» и прекратили подобную деятельность.

Через громких побед притупила у личного состава чувство опасности и необходимое уважение к противнику. И тут вновь на первый план выступила личность и особенности характера Павла Бекоева. Это особенно продемонстрировал его последний бой.

18 марта 1986 года в штаб батальона пришла информация о том, что в кишлаке Сахибхан, расположенном около 60 километров южнее Газни, находится небольшая банда «духов», сопровождающая французского советника. Были ли в Афганистане советники из Франции или все это только слухи, до сих пор точно неизвестно, но в тот день подобная информация подействовала на решительного Бекоева как красная тряпка на быка.

Кишлак Сахибхан находился на территории провинции Газни, то есть не был отделен от нашего ППД непроходимыми для техники горными хребтами. Наверное, это и сыграло роковую роль в быстром планировании этой операции.

Около полудня рота Бекоева была поднята по тревоге и загружена в вертолеты, причем, не взяв с собой ни тяжелого вооружения, ни достаточного количества боеприпасов, ни даже теплых вещей на случай, если придется ночевать в поле. А ведь в марте здесь лежал снег, и ночью держалась устойчивая отрицательная температура. При этом Бекоев посчитал, что весь налет займет не более двух часов, а день был относительно теплый, и казалось излишним запасаться чем-либо на случай непредвиденных обстоятельств. К тому времени, после удачных налетов на Ургун, в которых Павел Бекоев принял самое непосредственное, а зачастую, основное участие, его авторитет у командования нашего батальона был непререкаем.

Первая рота спецназ тоже была поднята по тревоге и получила приказ выдвинуться в район Сахибхана сводной бронегруппой из пяти БМП-2 и двух БТР-70, приданных из 2 роты. В их задачу входило добраться до района боевых действий третьей роты и забрать ее оттуда после успешного выполнения боевой задачи.

Формально в боевом приказе указывалось, что бронегруппа должна поддержать Бекоева огнем в случае возникновения такой необходимости, но этому пункту никто никакого значения не придал. Была уверенность в победе. Во всяком случае, Бекоев посадил свою роту на вертолеты и улетел задолго до того, как боевые машины вышли из парка. В любом случае, «броня» первой и второй роты могла прийти в район боевых действий не ранее, чем через три часа после того, как третья рота уже начнет бой. Кроме того, в отличие от налетов на ургунские склады, третья рота изначально лезла в населенный пункт, чего на

Ургуне разведчики тщательно избегали, и опыта ведения боевых действий на улицах сравнительно большого кишлака на тот момент они не имели.

Приблизительно к 15 часам рота Бекоева, в течение двух с половиной часов безрезультатно прочесывавшая кишлак, внутри которого ей первоначально не было оказано ни малейшего сопротивления, вышла на его окраину, противоположную от площадки своего десантирования. Там находилась большая крепость, одной своей стороной выходящая на последнюю улицу кишлака. Уже не рассчитывая найти противника и посчитав свой вылет безрезультатным, Бекоев успел запросить, чтобы его эвакуировали вертолетами, так как еще оставалось светлое время, а наша «броня» с черепашьей скоростью по-прежнему месила глубокую грязь на подходе к цели. Капитан Степанов, командовавший бронегруппой, даже успел предположить, что с минуты на минуту последует команда возвращаться в ППД, а они еще даже в окрестностях Сахибхана появиться не успели. Это обстоятельство, помнится, его сильно раздражало.

И в этот момент из крепости по роте Бекоева был открыт огонь. Сразу же появились убитые и раненые. Услышав об этом в эфире, «броня» увеличила скорость до максимальной, но прибыла в район боя уже к шапочному разбору.

Третья рота лежала в арыке на окраине кишлака, ведя беспорядочный огонь по крепости из стрелкового оружия. Дистанция между этим арыком и ближней стеной крепости была около 50 — 70 метров. Поэтому несколько Ми-24, круживших в воздухе, никак не могли нормально поддержать роту огнем из опасения попасть по своим.

«Броня» отряда развернулась в цепь, а разведчики первой и второй рот спешили. При этом получилось так, что развернулись они строго в тылу у третьей роты, и тоже не могли использовать все свои огневые средства по той же причине, что и вертолетчики.

Естественно, что «духи» из крепости открыли огонь и по подмоге. В итоге, пешие боевые порядки первой и третьей рот перемешались между собой, и всякое разумное управление огнем было потеряно. Ми-24 продолжали кружиться над ними, изредка давая залпы НУРСов, но, по большому счету, это была стрельба для очистки совести, потому что никакого целеуказания им никто не давал, а сами они разобраться в той суматохе, которая творилась на земле, были не в состоянии.

О последних минутах жизни Бекоева замполит майор Волош рассказал так:

«Бекоев, который не привык отступать, и чья личная храбрость поражала всех, все-таки решил штурмовать крепость. Действуя личным примером, он подобрался к ближней стене и через пролом влез вовнутрь. За ним последовали капитан Олег Севальнев, питерский па-

рень, бывший суворовец, выпускник Благовещенского ВОКУ, который являлся командиром третьего взвода первой роты и один солдат из третьей роты. При этом, Севальнев, полез в крепость вместе с Бекоевым, несмотря на то, что его взвод, как и вся первая рота, имели задачу в первую очередь прикрывать действия третьей роты и оказывать ей огневую поддержку, а никак не участвовать в незапланированном штурме. В какой-то мере капитана Севальнева оправдывает то обстоятельство, что со дня на день ожидался приказ о его назначении на должность заместителя Бекоева, и он пошел за ним на смерть как за своим новым командиром. Впоследствии находившиеся рядом с ними солдаты третьей роты рассказывали, что Бекоев крикнул Севальневу: «Олег, пойдем! Мы вдвоем их там голыми руками задушим!».

Бекоев бесстрашно вылез на крышу крепости и побежал по ней, бросая во двор гранаты. «Духи» открыли огонь на звук шагов сквозь саманный потолок и ранили его в бедро. Бекоев упал во внутренний дворик и был добит автоматной очередью из окна. Севальневу удалось соскочить вниз, но помощи Бекоеву он оказать не успел, потому что его немедленно застрелили выстрелом в спину. Солдат, заскочивший в крепость вместе с ними, бросил гранаты, и сумел выбраться наружу и доложить о гибели обоих офицеров».

... Уже на отходе от окраины кишлака, когда из сахибханской крепости были извлечены трупы Бекоева и Севальнева, а сама крепость была развалена до основания со всеми теми, кто ее пытался защищать, одна из наших БМП открыла огонь во фланг передвигающейся группе из нескольких человек. В сгущавшихся сумерках их посчитали за противника, пытающегося выйти в наш тыл. Вскоре удалось разобраться, что это не «духи», а наше собственное отделение, выходившее из кишлака... В наступившей темноте бесстрашные летчики Газнийской эскадрильи все-таки посадили несколько вертолетов, которые забрали убитых, раненых и часть уцелевших солдат и офицеров третьей роты, кто оказался поблизости.

Но на этом бой для спецназа не закончился. «Духи» успели установить мины на пути отхода. Для этого было выбрано очень удачное место — единственный разрыв в длинном русле, напоминавшем противотанковый ров. Другого проезда через это русло не было. Бронегруппа еще на пути к Сахибхану с трудом нашла этот проезд, а теперь же, в темноте, противник успел скрытно установить там противотанковые мины. Ни собак, ни саперов с ними не было, поэтому пришлось преодолевать эту преграду на «авось». В результате, головная БМП подорвалась. Несколько человек, в том числе начальник разведки батальона Игорь Ящишин, замполит батальона Владимир Волош, замкомвзвода 1 роты сержант Альшанов получили контузии. В довершение всех бед после подрыва головной машины замыкающая БМП потеряла

гусеницу и остановилась. Таким образом, вся бронегруппа на несколько часов оказалась наглухо запертой на узком участке земли. Причем машины стояли строго одна за другой, и никто не мог продвинуться ни на метр. Разумеется, это не осталось незамеченным противником, и в скором времени разведчики подверглись минометному обстрелу, к которому быстро присоединилось безоткатное орудие. Ночь была облачной, и никакой поддержки вертолеты десанникам оказать не могли. По счастью, обстрел был крайне неточным, и новых потерь в этой фазе боя не было. Только с рассветом колонне отряда удалось добраться до кандагарского шоссе, по которому уже более или менее нормально разведчики добрались до своего ППД.

Потери за операцию составили четыре человека убитыми (среди них два офицера — капитаны П. Бекоев и О. Севальнев, два солдата — рядовые С. Алхимов, В. Красильников), двадцать девять человек получили ранения различной степени тяжести. В Афганистане было принято 40 дней не занимать койку погибшего в бою. Такой был обычай, такая традиция. И сорок раз по сорок дней, и сорок раз по сорок сороков пусть проходит, но память о таких светлых сынах Родины как Бекоев и его подчиненные должна храниться на всем ее пространстве. Подорвавшаяся БМП-2 была утеряна безвозвратно, хотя и удалось дотащить до ППД ее останки.

Такова была цена недооценки противника. Урок оказался горьким, но из него были сделаны правильные выводы. Подобных вольностей при планировании операций штаб бригады больше не позволял, и таких потерь впоследствии личный состав соединения уже не имел. Однако до конца той войны 177 отряд потерял убитыми еще три десятка героев.

Всего за годы афганской войны погибло 160 человек. Из них 18 человек были офицерами, 6 прапорщиками, остальные сержанты и солдаты.

Не вернулись из операций в свою часть трое.

2 июля 1982 года, при обеспечении вывода мотострелкового батальона из н.п. Базарак (Панджшерское ущелье), во время боя пропал без вести сержант М.В. Ануфриев.

5 августа 1982 года в районе высоты 2862 н.п. Руха (Панджшерское ущелье), в бою пропал без вести рядовой Ю.А. Абдурашидов.

13 июля 1985 года пропал ефрейтор И.С. Гелетчак. Их тела найдены не были.

После вывода в мае 1988 года на территорию СССР штаба и двух батальонов 15 обрСпН, 177 ооСпН был задержан командармом в Афганистане и выполнял боевые задачи по периметру обороны города Кабула, дислоцируясь на его аэродроме. Последней колонной, в арьергарде, с командармом Громовым на броне, он вышел из Афганистана. Это была большая честь для 15 обрСпН и 177 ооСпН...

В этот последний день Афганской войны, 15 февраля 1989 года, сложил голову последний военнослужащий отряда.

Афганское правительство отметило массовое мужество воинов этой части Почетным Красным Знаменем ЦК НДПА на бамбуковом древке.

ЦК ВЛКСМ наградил отряд Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». После вывода из Афганистана батальон был переведен под Мурманск в поселок Тайболо, где размещалась до того часть ракетных войск стратегического назначения.

История этого периода, наверное, была бы достаточно смешной, если бы личному составу не было от этой передислокации так грустно. Их как бы проверяли на прочность, перебросив из азиатской жары и пыли в разряженный воздух Заполярья на снега и в стужу. Приехали они к новому месту дислокации ободранные и голодные. Эшелон продвигался медленно, и для того чтобы обеспечить свое существование, офицеры и прапорщики продавали на полустанках свое обмундирование и имущество.

Вскоре Блажко передал командование отрядом майору из 668-го отряда и убыл в Псков на должность заместителя командира 2-й обрСпН. К сожалению, слабинкой нового командира, опытного офицера, достойно воевавшего в Афганистане, оказалась выпивка. Он погряз в бытовом пьянстве и своим примером способствовал коллективным оргиям. Офицеры жили без семей и этот холостяцкий быт разрушающе давил на некогда сплоченный воинский коллектив.

Много хлопот в тот период доставил отряд комбригу полковнику Сидорову и его заместителю по воспитательной работе полковнику Мульгах. Но со временем все обустроилось, и при последнем командире отряда майоре Ю. Самсонове, это был уже полноценный отряд, готовый к боям и новым испытаниям.

Авторитет последнего командира отряда был высок еще с Афганистана. Юрий Николаевич Самсонов, уроженец Алтайского края, кавалер двух орденов Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», человек непростой военной судьбы, выполнявший интернациональный долг в должности начальника штаба 154 ооСпН, нашел проверенные рычаги сплочения коллектива. Сам заядлый спортсмен, имеющий шесть спортивных разрядов, бывший матрос погранвойск, выпускник знаменитого Тюменского инженерного командного училища, давшего спецназу многих хороших командиров, он на первое место по сплочению коллектива поставил спорт. Построил футбольное поле, тропу разведчика и до изнеможения тренировал личный состав. А как известно, в здоровом теле, здоровый дух!

Вскоре 177-й отряд стал призером многих соревнований, а на

ежегодном первенстве Ленинградского военного округа среди разведчастей стабильно занимал первые и вторые места.

Легендарная личность ветеран отряда генерал-лейтенант Куцов С.Н. Много ему пришлось пережить в своей жизни острых моментов. Как-то, в бытность еще начальником штаба Газнийского батальона спецназ вертолет на котором он летел был сбит в воздухе и взорвался. Из всех находящихся на борту десантников воспользоваться парашютами удалось только троим. Одним из этих счастливых был Куцов. Эту дату Сергей Николаевич считает своим вторым днем рождения. Он до сих пор в боевом строю.

А новые боевые испытания не заставили себя долго ждать...

На Северный Кавказ потянулись первые воинские эшелоны... Разведчики отряда опять окунулись в боевые испытания. Не остался в стороне и полковник Блажко. Став в феврале 1989 года заместителем командира бригады, он с 15.01.1995 г. по 29.03.1995 г. принимал участие в боевых действиях на территории Северо-Кавказского региона. В этот период сводный отряд бригады под его руководством наводил конституционный порядок на территории Чечни. Это тяжелое испытание военнослужащие бригады вынесли с честью. За период руководства полковником Блажко А.А. отряд не потерял ни одного человека убитыми. При этом выполнил все поставленные перед ним задачи.

За умелое руководство частью, мужество и героизм, проявленные при ликвидации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском регионе, Блажко А.А. был награжден орденом «За военные заслуги». С ноября 1997 полковник Блажко Анатолий Андреевич — командир бригады.

Имея богатый опыт ведения боевых действий, полковник Блажко А. А. постоянно делится им с командирами отрядов, дает практические советы, которые помогают командирам принимать единственно правильные решения.

Блажко говорил: «Когда я вспоминаю Афганистан, то время сглаживает из памяти все плохое, у меня остались только хорошие и добрые воспоминания. Благодаря афганскому опыту, умению планировать разведывательно-боевую деятельность и боевую подготовку личного состава, мы смогли впоследствии быстро адаптироваться в Кавказском регионе».

В ходе реформирования российской армии почему-то (сознательно или по головотяпству) ликвидировались лучшие, заслуженные дивизии и полки. Наш 177-й отряд постигла участь 345 гв. отдельного парашютно-десантного полка, неожиданно тоже попавшего под сокращение. В 1997 году он был расформирован по приказу министра обороны РФ.

Как большую личную утрату переживал случившееся полковник

Блажко, тем более, что через год ему пришлось за два дня формировать и направлять в район боевых действий сводный отряд бригады, который с ходу приступил к выполнению задач командования. В дальнейшем отряд, неоднократно меняя личный состав по замене, выполнял разведывательно-диверсионные задачи на территории Дагестана и Чеченской республики, при этом проявляя чудеса мужества, отвагу и героизм.

А с июля 1999 года по сентябрь 2000 года в бригаде были проведены организационно-штатные мероприятия с развертыванием до полного штата двух отдельных отрядов специального назначения.

Напрашивается вопрос:

Стоило ли расформировывать 177 отряд?

Умелое руководство и настойчивость полковника Блажко А.А. позволили грамотно организовать учебный процесс и повседневную жизнедеятельность новых частей и подразделений бригады. В результате этого, программа боевой подготовки выполняется в максимальном объеме и с высокими показателями. При этом постоянно изучается, анализируется и внедряется в боевую учебу практический опыт, накопленный частями и подразделениями бригады в ходе участия в боевых действиях двух войн.

С августа 1999 года по 2003 год сводный отряд бригады принимал непрерывное участие в выполнении контртеррористических мероприятий на территории Северо-Кавказского региона.

В этот период личный состав отряда зарекомендовал себя только с положительной стороны. Более 400 разведчиков были награждены государственными наградами. Четверо военнослужащих удостоены высокого звания — Герой Российской Федерации (посмертно), а бывший начальник штаба 177 оо СпН полковник Александр Фомин за бои на Кавказе стал Героем России. Состоялся как гражданин и отважный разведчик сержант Николай Криворучко. После армии он успешно защитил кандидатскую диссертацию и работает научным сотрудником Национального института стратегических исследований Украины.

Получается, что нынешняя молодежь достойно продолжает боевую славу и историю отряда, которого уже нет.

Успокаивает в этой ситуации только одно, пока в строю останутся такие ветераны как полковник А.А.Блажко, будут сохраняться и передаваться новым поколениям разведчиков боевые традиции 177-го отряда СпН, который навсегда останется для них эталоном высочайшего мужества и героизма!

ВЕХИ ИСТОРИИ

БАРАКИНСКИЙ БАТАЛЬОН

*Верните часть моей души,
Оставшейся за Гиндукушем.
Там меж пылающих вершин
Еще кочуют наши души.
Верните всех моих друзей
С портретов, с картичек настенных.
Они мне ближе и родней
Друзей давнишних, довоенных.*

Игорь МОРОЗОВ.

По легенде это был 4 отдельный мотострелковый батальон, но для всех военнослужащих ОКСВА, в том числе и нашего противника — моджахедов, было известно подлинное его предназначение — отряд спецназа ГРУ. Секретную аббревиатуру — 668 отдельный отряд специального назначения (ооСпН) знали немногие. Для служебной документации и почты это была войсковая часть полевая почта 44653, позывной «Бахор». Главной особенностью размещения этого отряда являлось то, что он находился на небольшом участке местности у подножья горы Мир Абдаль, за которой лежал крупный афганский кишлак Бараки — Барак. Это было просто «гнездо» непуганых душманов, их там было столько, что никто и никогда не осмеливался туда заходить. Как-то уже в мои времена, по приказу комбрига, на вершину горы высадили для наблюдения за «духами» группу спецназа. Она немедленно подверглась такому мощному огневому налету, что вертолет, снимавший группу, стал как дуршлаг и чудом дотянул до посадки, не упав... Очень часто «духи» сами нападали на расположение батальона спецназа, обстреливая его ППД из реактивной артиллерии и минометов. Сделать это было несложно, ибо попасть в цель труда не представляло. Большая скученность подразделений, размещенных на ограниченной территории, как правило, способствовала потерям. В ответ по «духам» работала приданная отряду батарея гаубиц Д-30 и ПУ «Град-30».

Делая со мной первый обход территории части, сопровождающий капитан Юрий Берзин то и дело указывал особо памятные места: «...здесь осколком мины убило капитана Михайлова, а в этом месте скончался от ран рядовой Чигура...». Этих меток смерти страшились и

старались обходить стороной. Личный состав не верил армейской истине, что «снаряд дважды в одну воронку не попадает». Для того, чтобы погибнуть, здесь не обязательно было выходить на боевые. В ответ на смерть своих солдат и офицеров спецназ и десантники 56-й дшбр (батальон которой стоял в одном городке с нашими) поливали «зеленку» и кишлак Суфла, раскинувшийся через дорогу, шквальным огнем. Так и «жили» рядышком врагами с марта 1985 по май 1988 года...

Именно тогда, в марте 1985, с первых дней пребывания в провинции Логар, 668 ооСпН вошел в состав 15-й обрСпН и начал свою полномасштабную настоящую войну в Афганистане.

В простонародье его прозвали «Баракинским» батальоном. Так оно и вошло в историю. Хотя, если быть точным, г. Бараки находился в 11 километрах от истинного ППД отряда на северо-восток.

Первым командиром отряда, сформировавшим батальон на базе 9 обрСпН в Кировограде, согласно директиве ГШ от 21 августа 1984 года, был подполковник И.С. Юрин. Его заслугой является то, что к началу сентября был сформирован боеспособный отряд полностью укомплектованный специалистами славянской национальности, и в основном из частей спецназа, а не наспех набранных, как бывало ранее, из пехоты.

В конце сентября отряд был переброшен в Баграм, где начал «ходить на войну». Именно там произошли его боевое становление и первая рокировка командных кадров. О подготовке к вводу и первых месяцах боевой службы отряда на земле Афганистана написал бывший начальник штаба отряда майор В.Г.Петров в книжке «Уходит в ночь отдельный...», коротко, но интересно для истории:

«...19 октября 1984 года, 4 часа 30 минут. Батальон стоит в строю готовый для пересечения афганской границы. Границы, отделяющей жизнь от смерти, мир от войны, прошедшей изломом через жизнь всех 543 солдат, прапорщиков, офицеров, стоящих в строю недалеко от Термеза на берегу «речки».

Легкий ветерок. Утро еще прохладное, но пустыня уже чувствуется жарой, пылью, сухостью, песком.

Идут последние проверки, звучат приглушенные команды, лязгает оружие и снаряжение. Все в полном боевом снаряжении, с боеприпасами и гранатами, с чаем из верблюжьей колочки во флягах. Новые БТРы, БМП, «Шилки» позади строя, готовы к совершению марша на Баграм. Ждем зачатки боевого приказа на марш.

К офицерам штаба батальона подошел офицер разведотряда ТуркВО подполковник Артеменко.

— Ну что, мужики, готовы? Ничего не забыли?

— Ну-ка, подойдите поближе. Пока всем не объявляйте, потом

расскажете. Только что сообщили: погиб Боря Ковалев со всей разведгруппой. Духи вертолет сбили. Детали пока не знаю, потом сообщу.

Война дохнула на нас своей холодной беспощадной реальностью. Старшего лейтенанта Ковалева почти все из нас хорошо знали по совместной службе в Кировоградской бригаде спецназ, на базе которой формировался батальон. Он не был кадровым офицером. Его призвали после института, потом подал рапорт и остался в армии. В Афган он ушел раньше нас, был командиром группы в Кабульской роте. Был...

Позже мы узнали, как все произошло. Разведгруппа, 14 человек, летела на проведение засады. Недалеко от Кабула вертолет был обстрелян духами. Граната из РПГ-7 попала в хвостовой винт. Вертолет закрутился и начал подниматься, потом раздался взрыв, не выжил никто.

Настроение после этого сообщения, конечно, было паршивым.

Зачитали боевой приказ на совершение марша, прозвучала команда: «По машинам!», и колонна начала вытягиваться в сторону моста через Амударью.

Я с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Шадриным к мосту выехали первыми и вместе с пограничниками проверяли каждую боевую машину согласно боевого расчета.

— Номер машины? Сколько человек? Вперед.

— Все пересечение границы заняло минут 40. Реальное количество техники и личного состава точно совпало с расчетом боевого и численного состава. Пограничники сказали, что такое случалось редко, обязательно бывали какие-то сбои и неточности. Мы с Шадриным восприняли это как похвалу нашей штабной работе.

Прошла последняя машина техзамыкания. Настала и моя очередь.

— Пока, ребята, до встречи!

— Давайте, удачи!

Прыгнули с Николаем на броню, и БТР помчался через мост занимать свое место в строю».

668 отряд СН был сформирован на базе отдельной бригады специального назначения, дислоцированной в Кировограде. В ночь на 15 июля 1984 года в лагерь под Федоровкой было выведено 115 человек личного состава, которые составили костяк батальона. С этого дня и началось формирование.

Пошли очень напряженные дни. Начали прибывать люди и техника. Их надо было учесть, распределить по подразделениям, организовать боевую и политическую подготовку, узнать кто чем дышит, привыкнуть подчиняться закону и традициям, сложившимся среди разведчиков. Ведь не секрет, что часто командиры передавали в другую часть или подразделение своих не самых хороших подчиненных. Поэтому люди приходили самые разные.

Я не имею в виду наших разведчиков. Командование бригады, руководство 3-го батальона, который послужил базой для создания нашего отряда, отдавали лучших офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. Любая просьба о чьей-то, замене удовлетворялась моментально. Эти люди действительно создали стержень отряда.

Замечание касалось тех командиров и бойцов, которые прибыли из других частей округа: водителей, связистов, минеров.

Самые теплые воспоминания оставили зенитчики во главе с капитаном Пономаревым. Подразделение сразу показало себя с лучшей стороны по состоянию воинской дисциплины, уровню боевой подготовки, состоянию техники. Очень хорошо они себя показали и при ведении боевых действий.

В целом с людьми проблем не было. Если человек по каким-то причинам не подходил, его быстро меняли.

Батальон формировался очень мощный: 3 разведывательные роты (одна на БМП и две на БТР), автомобильная рота, батарея ЗСУ-23 — 4 «Шилки», взвод минирования, взвод связи, медпункт, столовая, склады, управление батальона. Такая структура позволяла действовать батальону автономно в любых условиях. Последующая жизнь показала, что такая организационная структура уже была проверена временем и являлась оптимальной для условий Афганистана.

Большую помощь в проведении этих организационных мероприятий, помимо командования 9 бригады (командир бригады полковник Чмугин А.Ф.), оказывали разведотдел Киевского военного округа и офицеры ГРУ ГШ.

Нервотрепки, конечно, было много. Неожиданно обнаружился педикулез. Пришлось три дня выпаривать весь личный состав и все белье. Трудно было организовать боевую подготовку: ведь воевать предстояло в горной местности, а где найдешь горы в украинских степях. В общем, сложности возникали на каждом шагу.

Лагерь постоянно осаждали родители, да это и понятно: ведь их дети уходили не на загородную прогулку, а в чужую страну под пули. Мать сержанта Сушко, секретаря комсомольской организации роты, две недели плакала и просила оставить ее сына в Кировограде, но он настоял на своем и ушел с нами. Через полгода погиб при проведении засады на караван. Мать заранее чувствовала его скорую смерть.

Из техники в Федоровке отряд получил «Шилки», танковый тягач (БТС), БТР управления «Чайку», технику связи, «Уралы». Все машины были новые, как говорится, с нуля.

Штаб округа, разведотдел сделали все необходимое для полного обеспечения батальона. Загрузили нам даже два вагона угля, кирпич, пианино и бильярд, не говоря уже о других материальных запасах и вооружении.

Все офицеры и прапорщики, у которых не было квартир, получили их и заселили свои семьи.

Всю бронетехнику — БМП, БТРы и боеприпасы, согласно директиве разведчики должны были получить в Термезе. Перемещение туда батальон должен был совершить железнодорожным транспортом двумя эшелонами с интервалом в сутки. Начальником первого эшелона был назначен командир батальона подполковник Юрий Игорь Степанович, начальником второго — заместитель командира батальона — капитан Микушин Александр Лукич.

Последнее построение состоялось на аэродроме Федоровка. Провожал батальон командующий Киевским военным округом генерал-полковник И.А.Герасимов. В настоящее время Герой Украины генерал армии народный депутат Украины, председатель Организации ветеранов Украины. Он и высказал последние напутственные слова. Последний торжественный марш. Погрузка в Знаменке на эшелоны и на третьи сутки — начало движения вперед на Термез. По железной дороге перемещались 5 дней. По России ехали спокойно, по графику, без происшествий. Когда пересекли Волгу и потом начали углубляться в Каракумы, почувствовали, что мы на Востоке, а «Восток — дело тонкое». Железнодорожники предупредили, что после Чарджоу возможны провокации и хищения имущества из вагонов, просили быть поосторожнее. Усилили бдительность караула.

Чахлая степь, полупустыня, пустыня. Пыль, ветер, песок, столбы вдоль дороги и на горизонте: пасущиеся верблюды, унылые серые полустанки без признаков растительности, старики в халатах, неподвижно сидящие в тени серых строений. Пейзаж после Украины тоскливый.

Население, при редком общении, относилось к нам по-разному. Кто-то по-доброму, а кто-то плевался, называл оккупантами, призывал дезертировать. Первый эшелон прошел спокойно, а вот во втором по неизвестной причине загорелся вагон с дровами, причину возгорания так и не выяснили.

Хотя, как вспоминал В.Г. Петров, и у первого эшелона тоже было небольшое приключение. «Ночью эшелон остановился где-то посреди Каракумов. Никита Громов, зам. по тылу, предложил организовать костерок и напечь картошки — стоять, судя по всему, будем долго, а экипаж локомотива предупредит о начале движения гудком.

Насобирали каких-то колочек (по-моему, в пустыне неколючих растений нет, по крайней мере, я не встречал), запалили костерок, кинули картошку, лениво трепались, слушали незнакомые ночные звуки. Вдруг часа через два в свете костра появился старший лейтенант в форме железнодорожных войск.

— Привет, мужики!

— Здорово.

— У вас какой номер эшелона? 1249?

— С вечера такой был. А ты откуда, родной, взялся? Отстал от своего эшелона или от каравана?

— Ну, слава богу, нашел! Ребята, я вам хлеб везу, а бензин в 66-ом кончил. Машина стоит километрах в 10-и на восток. Такие вот дела.

Поднялся Никита Громов:

— Ладно, старшой, не переживай. Я пойду, доложу комбату, а ты пока картошки поешь да передохни.

Минут через пять появился комбат. После небольшого совещания было принято решение, что мы без хлеба обойдемся. Старший лейтенант перекусил, зам. по тылу расписался у него на накладной. После этого мы дали ему канистру бензина, списав ее на безвозвратные потери, пожали руки и пожелали удачи. Старлей ушел в ночную пустыню, пообещав нам, что не заблудится, а мы поехали дальше».

В Термез батальон прибыл в начале октября, начался второй этап организационной нервотрепки. Предстояло получить технику, боеприпасы, минно-взрывные средства, провести стрельбы, обкатывать личный состав на броне, с офицерами провести вождение и еще масса других мероприятий. Имущество, боеприпасы, взрывчатку складировали прямо на плацу в расположении мотострелковой дивизии.

В Термезе батальон под свою опеку принял полковник Стекольников — офицер разведотдела штаба ТуркВО. Здесь же прибыл и переводчик старший лейтенант Хаким Каримов. Как оказалось впоследствии, толковый, храбрый, хороший офицер.

Личный состав с техникой и вооружением освоился довольно быстро. Это было одной из сложностей — наши спецназовцы ничего тяжелее автомата и гранатомета раньше в руках не держали. Теперь же быстро и основательно освоили АГС-17 (автоматический гранатомет), вооружение БМП-2, БТР, подствольный гранатомет, да и просто привыкли к броне. Кроме того, прониклись чувством ответственности и серьезности предстоящих задач. Бойцы поняли, что там, за речкой, ошибки прощаться не будут.

В.Г. Петров вспоминал: «За несколько дней до перехода границы меня вызвал командир батальона. У него был полковник Стекольников.

— Начальник штаба, завтра придут 150 КамАЗов. Нам поставлена задача загрузить на них имущество и с караулом отправить в Баграм. Там 108-я дивизия поможет с разгрузкой, а караул будет охранять имущество до нашего прибытия. Назначай и инструктируй один взвод.

— Товарищ подполковник! Мы же потом половины запасов недосчитаемся!

— Знаю, но это приказ. Подбери толковый взвод, Шадрин пусть соберет документы на оформление визы.

Стекольников:

— Товарищи офицеры, не паникуйте. Я созвонюсь с генералом Исаевым, командиром 108 дивизии, попрошу с этим вопросом помочь.

— Есть, товарищ полковник.

В караул назначили взвод старшего лейтенанта Могилевца.

На следующий день рано утром пришли машины. За два дня мы их загрузили и на третий день отправили в Баграм, зная, что часть имущества будет разворована и нам придется ломать голову над тем, как все это и куда списать».

19 октября пошла через границу основная колонна батальона.

Афганистан. Что мы о нем знали? Если говорить о мусульманских традициях, об укладе жизни, о национальных взаимоотношениях, то наши знания ограничивались фильмом «Белое солнце пустыни»: «Восток — дело тонкое, Петруха». Кое-какие практические советы нам все-таки давали. Кое-что рассказывали в Кировограде офицеры бригады, которые уже побывали в Афгане в качестве советников: полковник Найденев, Сербин, подполковники Ильин, Моросин и другие офицеры. Много рассказывали и советовали офицеры, которые помогали готовить батальон в Термезе: полковник Стекольников, подполковник Артеменко, капитан Абзалимов, старший лейтенант Пак. Это была хоть и небольшая, но очень нужная информация. В общем, учиться спецназовцам предстояло на собственном опыте, постигать науку войны методом проб и ошибок.

Вел колонну по Афганистану полковник Стекольников, хотя по приказу старшим был назначен комбат подполковник Юрин. Дело в том, что никто из руководства батальона не имел опыта в проводке больших колесно-гусеничных колон в сложных горных условиях. Стекольников нас много учил. Возглавляли колонну боевой разведывательный дозор и группа разминирования, потом двигались подразделения, замыкало колонну техзамыкание. Штабной БТР «Чайка» шел за первой ротой. Колесная техника («Уралы») была распределена вперемежку с БМП и БТРами. Боевые машины в шахматном порядке были готовы к открытию огня вправо и влево.

Двигались на максимальной скорости. Отставшие машины подбирало техзамыкание и тыловая походная застава, мы их ждали на привалах. Надо сказать, что отставшей или сломавшейся техники практически не было, потому что вся она была новая. За весь марш было отменено всего два случая поломок.

Первый раненый появился часа через два после начала движения. Самым «боевым» оказался один из поваров. Почувствовав себя в «боевой» обстановке, дослал патрон в патронник, а на предохранитель

автомат не поставил. И в результате на первой же остановке, садясь на БТР, случайным выстрелом подстрелил себя ниже поясицы. Хорошо, что обошлось легко — царапина, а могло быть и хуже. При проверке оказалась, что вся команда поваров была готова к бою, даже запалы в гранаты вкрутили. Командирам и политработникам пришлось еще раз проверить весь личный состав и провести разъяснительную работу по мерам безопасности.

До Пули-Хумри почти вся местность ровная, как стол. Пустыня с чахлыми кустарниками верблюжьей колочки и серая лента дороги, с правой стороны которой тянется тонкая нитка топливного трубопровода. Колонну постоянно сопровождала четверка вертолетов, иногда уходя вперед, иногда в стороны. Нападения или обстрела ждать было неоткуда. Единственную реальную опасность представляли мины, поэтому машины старательно объезжали все ямы и выбоины в асфальте — места возможной установки мин, а личному составу строго-настрого было запрещено сходить на обочины.

От Пули-Хумри дорога начала уходить вверх к перевалу Саланг, пошли серпантины. Все больше появлялось кишлаков. Целых и разбитых, потом все чаще разбитых. Все чаще и чаще вдоль дороги валялась взорванная и сгоревшая техника. Хотя мы шли спокойно, население приветливо махало руками, везде в кишлаках развевались красные и зеленые флаги, но по количеству битой техники чувствовалось, что не все здесь благополучно, а ночью идет совершенно другая жизнь. Мы видели уничтоженные кишлаки, взорванную боевую технику, больше стало появляться кладбищ, по ночам небо полосовали трассы пулеметных и автоматных очередей.

Саланг. Про этот перевал говорили так: кто не был на Саланге, тот видел в жизни пару пустыков. Высота 4 200 м. Это единственный путь, связывающий северный Афганистан с Кабулом. Справа обрыв, дна которому не видно, слева скалы, вершин которых не видно. Перевал работал по определенному распорядку: по четным числам пропускал колонны в Кабул, по нечетным из Кабула. Порядок движения обеспечивала комендатура перевала, и порядок этот был жестоким. Не дай Бог у машины откажет двигатель, тогда ей одна дорога — в пропасть. Машины шли на пределе, сказывался недостаток кислорода.

С нами вместе перевал пересекали еще две или три колонны. На узкой дороге машины двигались в три ряда, задние с ревом толкали идущих впереди. Начинаясь вторая половина дня, все старались до темноты спуститься с Саланга, чтобы не попасть под обстрел. Обстрелы бывали каждую ночь, и уже не одну колонну духи сожгли на перевале. Благодаря усилиям комендатуры, туннель прошли организованно. Основная задача состояла в том, чтобы в туннеле не заглохла ни одна машина. Незадолго перед нами ЧП случилось с самоходным артилле-

рийским дивизионом. Заглохла установка и заблокировала движение задним машинам. Пока ее пытались сдернуть с места, туннель наполнился выхлопными газами, многие бойцы задохнулись и погибли. Батальон прошел Саланг без ЧП.

Когда прошли Саланг, наливники, проходившие с нами, обогнали нашу колонну и на бешеной скорости устремились по серпантинам вниз к Чарикару. В движении чувствовался опыт, подгоняемый страхом. И страх этот был обоснован, потом мы увидели почему.

Мы шли медленнее — опыта у нас было меньше.

К ночи колонна успела сосредоточиться на территории инженерно-саперного батальона недалеко от Чарикара. Отстал только БТР заместителя по тылу ст. лейтенанта Громова — застучал двигатель. Ему дали команду дожидаться утра, организовать наблюдение и оборону, а утром отремонтироваться они могли сами. В 22.00 начался обстрел городка. Несколько мин легли недалеко от места дислокации батальона спецназа. Тут же в ответ начала работать артиллерийская батарея, и обстрел вскоре прекратился. После такой встречи ночь в Чарикаре прошла спокойно.

К обеду третьих суток марша батальон пришел на место дислокации в Баграм. До этого провели рекогносцировку, определяя места подразделений, автопарка, складов, медпункта и всего остального. Обустроившись, в общем-то, долго не пришлось. 108 мотострелковая дивизия передала расположение танкового полка, который незадолго перед этим был переведен в Руху, что в Панджшерском ущелье. Палатки для личного состава стояли, автопарк для размещения техники был практически готов, офицеров и прапорщиков управления разместили в деревянном модуле, столовую — в СРМке (металлическая полукруглая конструкция). Расположением все остались довольны: строить ничего не надо, нужно только произвести небольшие доработки. Если бы не одно «но»...

Подразделения начали занимать указанные им места и тут же начали поступать доклады о том, что очень многие объекты заминированы: палатки, подвалы, бани, каптерки. Срочно дали команду ничего не открывать и ничего не трогать. К работе приступила группа разминирования во главе со старшим лейтенантом Рудаком. Ушло на это часа три. Чего только минеры не нашли: и гранаты на растяжках, и тротиловые шашки, и батоны пластита, и даже пару итальянских противотанковых мин Т5-6,5. Все говорило о том, что танкисты со злости или с дури оставили нам сюрприз за свой перевод в Руху. Вернее, не нам, а тем, кто придет после них. Ведь Баграм по сравнению с Рухой — все равно, что Ялта по сравнению с каким-нибудь Анадырем.

Руха, Анава, Ашава — последние точки Панджшерского ущелья, где стояли наши гарнизоны. Пятачки земли, окруженные горами, кото-

рые духи по несколько раз в день обстреливали из минометов и стрелкового оружия, каждая мина попадала в цель. Потери в этих гарнизонах были очень большими

Баграм считался в то время, пожалуй, самым спокойным и удобным местом Афганистана. Названия Баграм на карте не найдешь. Это довольно большая равнинная зона в 40 км северо-западнее Кабула, на которой расположились такие города, как Чарикар, Гульбахар, большое количество кишлаков, крупная авиабаза. Войск там было дислоцировано множество, включая 108 мотострелковую дивизию, 345 опдп, несколько авиационных полков, афганские армейские части, ХАД и Царандой (госбезопасность и милиция) Все сколько-нибудь важные объекты были плотно окружены постами охраны, нашими и афганскими.

До Кабула 40 км по относительно спокойной дороге (днем), на которой через каждый километр стояли наши посты. Все кишлаки вдоль дороги были уничтожены на глубину примерно 1,5 км.

В Баграмской зоне духи масштабных боевых действий не вели, но нападения на посты, обстрелы наших войск, стычки между бандами вглубине «зеленки», минирование дорог происходили постоянно. Наши дежурные артиллерийские и реактивные батареи и днем и ночью работали по выявленным целям. Спать приходилось под постоянный грохот.

Ночью часто бывали нападения на посты охраны. На моей памяти, вспоминал начальник штаба отряда капитан В.Г. Петров, — где-то в конце января 1985 г. духи полностью вырезали 11-й пост, охранявший дорогу и проходивший вдоль нее трубопровод. Полком охраны тогда командовал подполковник Обремский, его посты постоянно отбивали нападения духов. В «зеленку» соваться вообще было опасно.

Но если оценивать обстановку в целом, в Баграмской зоне было спокойно.

Чем еще был характерен Баграм, так это пылью. Техника перемолола глинисто-песчаную почву лучше, чем на любой мельнице. Это была даже не пыль, а какая-то взвесь. Идешь по ней, погружаясь по колено, и не чувствуешь сопротивления, только волны перебегают, как по воде. При малейшем ветерке вся эта взвесь поднимается в воздух, и спасения от нее нет, проникает даже туда, где и щелей нет. Воздух наполнен пылью так, что у вытянутой руки ладони не видно.

На второй день после нашего расквартирования в батальон прибыл начальник штаба ТуркВО. Пробыл он недолго, осмотрел расположение, кое о чем порасспрашивал, сделал кое-какие замечания, дал 10 дней на ознакомление с обстановкой и на благоустройство. Пообещал приехать еще раз. В целом, он остался доволен батальоном.

Через 10 дней, согласно приказу начальника штаба, батальон должен был начать боевые действия.

Основной задачей для нас являлось уничтожение караванов с оружием и боеприпасами, шедшими из Пакистана. Кроме того, мы должны были уничтожать склады, мелкие банды, минировать тропы, по которым перемещались духи, обеспечивать боевые действия мотострелковых подразделений, когда они чистили «зеленку». Обеспечение заключалось в том, что мы блокировали вероятные пути отхода духов. Иногда и самим приходилось чистить «зеленку». Эта задача была нехарактерной для нас и самой неприятной. Хотя приятной не была ни одна задача. Еще одной задачей было патрулирование местности на вертолетах и на броне с целью проверки всего и всех, что передвигается в нашей зоне ответственности.

Информацией о противнике 668 ооСПН снабжал Баграмский разведпункт (РП), руководимый подполковником Кривицким, который до этого служил в разведотделе Киевского военного округа. РП состоял из трех офицеров и радиста, располагался километрах в пяти от Баграма в к. Гулям-Али. Схема была такая: через свою агентуру они добывали данные, спецназовцы оценивали информацию, принимали решение на реализацию, докладывали в разведотдел 40-й армии и потом действовали. Командование отряда добрым словом вспоминало разведчиков с РП — работали очень хорошо. Информацию они всегда давали точную и своевременную. Кроме того, они передали спецназовцам своего агента — Юнуса — с которым впоследствии начальник разведки отряда работал напрямую. Этот агент часто ходил с разведгруппами отряда на задания по реализации разведанных.

Были у них и другие источники информации. Первое время помогали освоиться в обстановке начальник разведки 108 МСД, командир разведбата дивизии майор Шац. Кроме того, разведчики работали самостоятельно с постами охраны, с афганскими командирами отрядов самообороны в кишлаках.

В этот начальный период в батальоне постоянно находились офицеры разведотдела округа или 40 армии — офицеры Стекольников, Артеменко, Воробьев. Подразделения занимались обустройством расположения, изучали зону ответственности. Каждый день одна-две роты на броне патрулировали местность, досматривали караваны, идущие с товарами в Баграмскую зону. Водили боевую технику и стреляли на стрельбище, которое находилось в шести километрах к востоку, у подножия Зингарского хребта. Во время занятий офицеры и солдаты учились определению расстояний до целей и ведению огня в горных условиях, что имело свои особенности.

Разведчики чувствовали неослабное наблюдение за ними со стороны местного населения. В.Петров вспоминал: — Идешь на броне, смотришь, сидит посреди степи «копченый». На вопрос, что ты тут делаешь, отвечает: охочусь на голубей. Эти охотники-соколятники по-

чти всегда появлялись на пути движения брони, а когда броня шла обратнo — тоже. Нас учили не ходить одной дорогой. По одной и той же колее два раза подряд ездить было нельзя — обязательно нарвешься на «итальянку».

Я с начальником разведки батальона ст. лейтенантом Докучаевым и с майором Дидурой (из РП) составили карту района с расположением постов охраны и местами дислокации всех банд, которые были выявлены. Разбирались во взаимоотношениях между мятежниками. Эти отношения были очень непростыми. Банды, принадлежащие к различным партиям (ИПА, ИОА, ИСОА), воевали не только с «шурави», но и между собой, иногда даже сотрудничали с нами. Во многих кишлаках были подразделения самообороны, которые были вообще неизвестно за кого. Доходило до парадоксов. Рассказывали, что небезызвестный Ахмад Шах Масуд сначала приезжал к командиру 108 дивизии и пил с ним чай, потом, не найдя общего языка, начал боевые действия против советских войск.

Интересную историю рассказал командир артдивизиона. Некоторое время он сотрудничал с командиром одной из группировок севернее Баграмского аэродрома.

Тот давал ему информацию по мятежникам, а также ценные данные для нанесения ударов. Данные, после предварительной проверки через ХАД, оказывались точными. Потом этот дух пришел и попросил нанести удар по банде, которая якобы житья не дает его кишлаку. Проверили, оказалось — подставил наш пост охраны!

Однажды начальник разведки батальона ст. лейтенант Докучаев с разведгруппой второй роты на одном БТРе поехал на пост охраны в район Сайядского моста для уточнения обстановки. Пост находился километрах в восьми в глубине «зеленки». Туда проскочили одним духом, но на подходе к посту их крепко обстреляли. Командир поста сильно удивился, как это им удалось проскочить целыми. Только для того, чтобы доставить на пост продовольствие, 108-й дивизии приходилось проводить целую войсковую операцию.

Времени на размышление не было. Решили быстро, на предельной скорости гнать назад, пока духи не опомнились. Чудом удалось без потерь проскочить назад. И в этот раз наглость и неопытность помогли спецназовцам.

Часто ночами в «зеленке» раздавалась дикая автоматная и пулеметная стрельба. На следующий день выяснялось, что в кишлак пришел караван с оружием и две банды, принадлежащие разным партиям, так выясняли отношения между собой и его делили.

В начальный период адаптации батальона в зоне своей ответственности остро встал вопрос об экипировке личного состава. Спецназовцы имели песочки, штормовки, теплые свитера и десантные ботинки,

которые были практичны и удобны. Но нарекания вызывали десантные рюкзаки РД-54, подсумки для магазинов, лопат, гранат. Глядя на разведчиков старших поколений, начали шить себе «лифчики» по трофейным образцам. В них умещалось 4 магазина к автомату, 4 гранаты, нож и пара сигнальных ракет. В подразделениях отряда от РД-54 начали отказываться. Сухпак рассовывали в капюшон штормовки и по карманам. Хотя говорили, что в Джелалабадском и Газнийском батальонах, которые воевали с 1981 года, от рюкзаков не отказывались, а пришивали дополнительные карманы для фляг с водой. Сухпайки спецназовцы получали со складов армии двух видов: десантный эталон 5А и горный. И тот и другой были компактными и высококалорийными. Воду носили в литровых пластмассовых флягах и на группу брали одну 12-литровую резиновую емкость. Все это на одном разведчике сидело удобно, плотно и не мешало двигаться.

От бронежилетов бойцы 668 ооСпН отказались после первой же операции. Титановые пластины хоть и выдерживали пулеметную очередь, но весили 16 кг и были очень неудобными. А разведчик — это не тяжелый танк. В некоторых ситуациях роль бронежилета у них выполняли те же нагрудники. Так замполита роты ст. лейтенанта Галаганюка спас лифчик от очереди в грудь. И таких случаев было несколько. Не носили спецназовцы на боевых и стальные шлемы. Может быть, кто-то увидит в этом какое-то ухарство, но на первом месте у спецназа ценилась быстрота и натиск. А грузеный разведчик становится неповоротливым.

В этот же период в батальон прибыли из Московского питомника первые шесть собак с вожатыми: две минно-розыскные и четыре сторожевые. Их помощь оценили очень быстро. Они здорово помогали. Разведчики армии подарили японскую легковушку — грузовичок «Датсун», оказавшийся очень надежной и выносливой машиной. Пригласили афганского художника и разукрасили ее под афганскую «барбухайку», в кузове установили ДШК, борта обшили броней, а кузов накрыли брезентом. В кузове этого японского «москвичка» помещалось восемь разведчиков с полной выкладкой, и мощная машина все это исправно тянула. Несколько раз разведчики успешно использовали ее при выходах на засады.

Через 10 дней, как и обещал, прилетел начальник штаба ТуркВО. Проверил устранение отмеченных замечаний, и дал команду 668 ооСпН на начало боевых действий против бандформирований. Это был конец ноября 1984 года.

К тому времени штаб отряда накопил достаточно информации о противнике. Прорабатывалось несколько интересных вариантов боевых действий. Был кишлак Пачахак за Зингарским хребтом: где банда человек около 60, несколько пулеметных точек, склад с оружием и бо-

еприпасами. На высоте около 4000 м в глубине Тагабского ущелья был склад с боеприпасами и продовольствием. Были несколько складов в «зеленке», еще кое-какие объекты. По различным причинам все эти варианты были отставлены: недостаточность информации, невозможность подхода на броне, нехарактерные для спецназа задач, расположение в глубоком тылу моджахедов. Но караванов пока не ожидалось, и было принято решение брать склад с оружием и боеприпасами, что размещался в небольшой крепости в 1,5 км юго-восточнее Чарикара.

Боевая задача была поставлена второй роте капитана Золотарева. Ее усилили двумя «Шилками» и группой минирования. Четверка Ми-8 осуществляла поддержку с воздуха. Комбат подполковник Юрин находился на воздушном командном пункте на одном из вертолетов, начальник штаба батальона капитан Петров осуществлял общее руководство на земле.

Первая рота спецназ капитана Поповича на БМП-2 оставалась перед Чарикаром в готовности оказать поддержку огнем, броней и людьми в случае осложнения обстановки.

Операцию разведчики начали в 4.00 29 ноября 1984 г. Броня должна была стремительно проскочить как можно ближе к крепости, посадить две группы захвата, группу обеспечения и обеспечить огнем их действия. Группы захвата должны были с двух сторон подойти к крепости и после нанесения удара вертолетами захватить ее. После этого нужно было привести досмотр, погрузить на броню захваченное оружие и боеприпасы, установить мины и отойти. Накануне вечером еще раз все обсудили и проиграли возможные варианты действий, еще раз уточнили связь с воздухом, броней и группами. Вроде бы всем все было понятно, все должно было пройти успешно. Но бой есть бой, тем более первый и все неожиданности исключены не были. Успех решала неожиданность и быстрота действий.

Петров вспоминал:

— Сейчас, когда уже прошло время, когда можно оценить эту операцию с учетом накопленного боевого опыта, не побоюсь сказать, что в какой-то степени с нашей стороны эта операция была авантюрой. Духи воевали уже не первый год и были гораздо опытнее нас. Кроме того, мы не знали, заминированы ли подходы к крепости, не знали точного расположения огневых точек, сети кяризов в этом районе. Доразведку местности провести было нельзя, весь ход операции проигрывался на карте и по информации, предоставленной агентом Юнусом, который тоже пошел с разведчиками. Все это отразилось на ходе боя, и он прошел не совсем так, как было задумано.

Я шел на четвертой машине. На выходе с Чарикарского базара надо было проскочить метров 100 по очень узкой улице между дувала-

ми. Там ждал первый сюрприз. Три машины прошли, а мой БТР взорвался. Фугас сработал под третьим правым колесом, отбросив его метров на 200. Это была первая задержка. Шестерым бойцам, которые сидели в десантном отделении, ударом о броню поломало ноги. Эвакуировали их к первой роте. С водителем перекрыли тормозные трубки, чтобы не вытекала жидкость, попробовали завести машину — один двигатель завелся. — Вперед! — БТР-70 хорош тем, что очень хорошо держал подрывы — второй двигатель заводился практически всегда. Метров через 300 взорвался БТР старшего лейтенанта Степанова, там, правда, обошлось без раненых.

Пока подползли к крепости, огонь постепенно нарастал со всех сторон. Сначала были одиночные выстрелы, потом начали бить пулеметы и гранатометы. Хорошо, что местность была ровная, до дувалов было метров двести. БТРы, оставаясь для прикрытия отхода, маневрировали и подавляли выявленные точки своим огнем. Группы захвата с двух сторон подошли к крепости, но вертолеты никак не могли нанести удар по цели. Ниже 2000 метров они не опускались, и комбат попросил у меня дать целеуказание. Я дал команду «Шилке» капитана Пономарева и она с четырех стволов рубанула по крепости. Поднялось облако пыли, по нему вертолеты и ударили. Я уже понимал, что внезапность потеряна, но дело надо вести до конца. Стрельба уже шла со всех сторон, появились первые раненые, но группы захвата с северной стороны уже ворвались в крепость. Инженер батальона капитан Яковлев, переводчик и я броском через арык и виноградник подошли с южной стороны. Калитка в дувале закрыта. Валя Яковлев, не долго думая, сунул гранату и выдернул чеку. Прятаться некуда, прижались к дувалу. Калитку вынесло, но небольшой осколок все-таки зацепил Валентина.

Крепость взяли.

Одна группа разведчиков заняла оборону на дувалах, вторая начала досмотр. Комбату я все время по «Ромашке» (радиостанция для связи с вертолетами) докладывал обстановку.

Наш прорыв занял 40 минут — слишком долго, и за это время духи ушли кяризами (подземными ходами) и унесли все, что можно. Взяли мы только рассыпанные патроны, пустые ящики и что-то по мелочам. К тому времени наблюдатели начали с дувалов докладывать, что духи нас окружают. Следовало срочно возвращаться к броне.

Сразу отмечу такой момент, еще в ходе подготовки в Союзе наши инструкторы, прошедшие Афган, требовали делить организации подразделений разведчиков в группах на тройки. Каждый в тройке отвечал друг за друга. Это давало возможность улучшить взаимопомощь и облегчить контроль за людьми, чтобы никто не отстал и не потерялся. Этого принципа мы придерживались с первого дня постоянно, и он себя оправдал... Назад тоже уходили с боем, но вышли благополучно.

Результат операции неутешительный: несколько человек раненых, ефрейтор Поволя через девять дней умер в госпитале от ранения в живот и два подорванных искалеченных БТРа. Итак, мартиролог потерь отряда открыл ефрейтор Поволя Валерий Валентинович 6 декабря 1984 года!

Конечно, спецназовцы получили капитальный разнос от начальника разведки армии полковника Сапожника: оправдывались, писали кучу объяснительных. И все-таки первый боевой опыт был получен, а война без крови не бывает. Ругался на «спецназеров» и начальник разведки 108 мсд. Две недели назад они своим разведбатом в той же «зеленке» проводили аналогичную операцию. Духи прижали батальон так, что пришлось вытаскивать его в течение полутора суток. Почему не изучили их опыт?

В середине декабря батальону был дан «интересный» приказ прочистить Баграмский госпиталь и реабилитационный центр на предмет наличия там посторонних лиц. Проще говоря — провести «зачистку», отловить дезертиров. Эдакая полицейская функция.

Баграмский госпиталь, пожалуй, был самым крупным в Афганистане после Кабульского. Если быть верным исторической правде, то следует прямо сказать, что после лечения немало солдат старались всеми правдами и неправдами остаться там и не возвращаться в свои части. Проявляя чудеса находчивости они устраивались кочегарами, подсобными рабочими в столовых, прятались под кроватями в общежитиях медперсонала и просто в различных укромных уголках. Спецназовцы добросовестно выполнили поставленную задачу и выловили около сорока человек, которых сдали военной комендатуре.

Ветераны отряда рассказывали:

— Надо было видеть глаза этих бойцов, которых после вылеченного ранения отправляли опять под пули куда-нибудь в ад Панджшерского ущелья или на сторожевой пост в горы под Саланг. Но Присяга есть Присяга и Приказ есть Приказ.

Второй погибший военнослужащий отряда служил в 3 роте. Согласно отчету командира РГСН № 431 пулеметчик рядовой Тулдимов Абдуракул Хожиматович входил в состав РГСН в количестве 12 разведчиков и двух радистов, которая 17.12.1984 года была выведена на броню в район дороги Чарикар — Кабул между 10-й и 11-й заставами с задачей уничтожить банду, направлявшуюся из базового лагеря в кишлачную зону..

Разведпункт дал командованию отряда спецназ информацию, что по тропе между 10-й и 11-й заставами постоянно по ночам идет движение духов с гор в кишлаки и обратно. Вскоре агент Юнус сообщил, что ночью с гор пойдет банда человек в 15 — 20. Решили посадить на тропу разведгруппу ст. лейтенанта Иванова. С началом темноты броня

вывезла их к месту засады, группа изготовилась к бою. Духов ждали со стороны гор, поэтому основную огневую мощь направили туда. Сзади проходила дорога, трубопровод, дальше метрах в 300 начинались кишлаки. С этой стороны группу прикрывали пулеметчик и агент Юнус с автоматом. Около 23.00 с гор пошли сигналы фонарями. Вот-вот должны были появиться бандиты. К встрече группа была готова — об этом командир доложил по радиостанции на КП батальона. И вдруг все пошло по совершенно другому сценарию. Как рассказал позднее Юнус, духи совершенно неожиданно возникли перед ним в 3 — 5 метрах. Банда в количестве примерно 10 человек шла со стороны кишлаков. Юнус сразу открыл огонь, срезал двух человек, его тут же поддержал пулеметчик. Духи моментально ответили автоматными очередями. Завязался встречный бой на очень короткой дистанции. Юнус и пулеметчик Тулдимов перепрыгнули через небольшой бугор к основной группе, в этот момент пуля попала солдату в ягодицу. Море огня, вспыхнула солярка из пробитого трубопровода. Бой был яростный, но короткий. От расположения батальона все это происходило километрах в двух. Когда подошла броня, все уже было закончено. На месте боя догорала солярка, валялись четыре убитых духа, остальные отошли в сторону кишлаков. Судя по следам крови, тащили с собой раненых.

Пулеметчику Тулдимову становилось все хуже: стонал и шептал, что ему очень больно. Быстро погрузили его на БТР и отправили в госпиталь, до которого было километров пять. Однако на подъезде и госпиталью солдат умер: оказалось, что пуля, попав ему в ягодицу, прошла все тело почти до плеча. Ранение было несовместимым с жизнью.

Постепенно мы начали «осваивать» северную сторону баграмской «зеленки». По данным разведгруппы в северные кишлаки примерно раз в неделю приходило пополнение и доставлялось оружие из Панджшерского ущелья. Поддержка разведгруппы в том районе осложнялась расстоянием (около 20 км) и трудностью подхода брони: дороги были сплошь заминированы и в основном проходили или через кишлаки или рядом с кишлаками. Точной информации о наличии банд в этих кишлаках не было, так как активно они против «шурави» не действовали. Поддержку разведгруппы организовали вертолетами (батальону придали звено Ми-24) и дальнобойной артиллерией («Геоинт»). Ответственно со всеми офицерами провели занятия по наводке авиации и корректированию огня артиллерии. Некоторое время с разведгруппами ходили авианаводчики от вертолетчиков, пока не убедились, что наши командиры групп могут сами наводить авиацию. Координаты для «Геоинтов» давали командиры групп. Две пушки били точно по указанным целям, а у третьей, наверно, уже был разбитый ствол, и она так и норовила ударить по группе. Как в песне: «...по своим артиллерия лупит».

Туда, куда можно пройти, на помощь группе выходила броня. Одна рота постоянно находилась в полной боевой готовности и через три минуты после получения команды выдвигалась к месту боя. Механики-водители освоили технику очень хорошо, БТРы и БМП летали по степи на предельной скорости. Обслуживание и ремонт техники, благодаря зампотеху батальона капитану Кутыреву и зампотехам рот, было организовано на высоком уровне. Водители все свободное время копались в машинах — знали, что иначе нельзя.

Пошли подрывы. Мин и на дорогах и по степи было натыкано очень много и не всегда их можно было обойти. Каких только не было: итальянские ТЗ-6,5, английские МК-7, наши противотанковые, самодельные фугасы. Самыми коварными минами были итальянские ТЗ-6,5. Пластмассовый корпус и малое количество металла не позволяло найти их миноискателем, а пневматический взрыватель срабатывал после соответствующей накачки. Можно было по одному месту проехать 3 — 4 раза, а на пятом подорваться.

БТРы подрывы выдерживали более-менее нормально: почти всегда могли двигаться сами, без колеса, на одном движке. С БМП-2 было хуже, — их приходилось вытягивать БТСом. Раненых при подрывах было мало. Бойцы держались сверху на броне и при взрыве их просто скидывало. Конечно, были контузии, переломы, ушибы — взрыв есть взрыв. Фатально не везло старшему лейтенанту Качанову, как ни пойдут на броне — так подрывается. За весь Афган он получил пять сильных контузий.

Кроме организации засад, мы проводили и другие мероприятия: постоянно велось патрулирование местности на вертолетах и на броне, досматривались караваны, везущие товар на Баграмские рынки, разбирались с задержанными: кого-то передавали в ХАД, кого-то отпускали.

Штаб батальона накапливал и систематизировал информацию, анализировал обстановку в зоне. Еще раз повторюсь: вооруженные формирования активных действий против советских войск не вели, относились к нам лояльно или просто боялись. В основном бандформирования, принадлежащие к различным политическим партиям, вели боевые действия между собой, иногда очень интенсивные. Отношения между бандами были настолько сложными, что разобраться было почти невозможно. Хорошо нам помогал Юнус. После нескольких проверок мы поверили ему безоговорочно. Он постоянно ходил с нашими группами на реализацию, приносил ценную информацию. Отец его был крупным партийным работником в Чарикаре, сам он был каким-то молодежным лидером, хорошо знал русский язык. Лет 25-и, невысокого роста, жилистый, очень подвижный, мечтал поехать в Советский Союз. Однажды дневальный вызвал меня с совещания, сказал, что пришел Юнус. Он пригасил ящик с выстрелами к гранатомету (как он его до-

тащил? Там килограммов 30) и английский БУР (винтовку). На вопрос: где взял? — ответил, что выкрал в банде и дал по ней хорошую информацию. К сожалению, реализация была невозможна — слишком глубоко в «зеленке».

Конечно, как бы он ни маскировался, его связь с советскими не могла остаться незамеченной. Рано или поздно это должно было кончиться плохо — другого выхода просто не могло быть. Так оно и случилось. Через несколько лет, служа в Германии, я встретил уже полковников Дидуру и Кривицкого, бывших офицеров Баграмского разведпункта и они мне рассказали, что Юнуса и всю его семью духи уничтожили.

Привлекали батальон для обеспечения задач, выполняемых дивизией, и на мероприятия в масштабе армии. Перед новогодними праздниками две роты были откомандированы на охрану Кабула. Четыре дня разведчики сидели на горках вокруг афганской столицы, не допуская обстрела города из минометов и эрэсами.

В середине января 1985 г. 108 мсд проводила операцию по очистке «зеленки» от духов. Вечером прибежал посыльный и сообщил, что кого-нибудь из руководства батальона вызывает заместитель командующего армией генерал-майор Дубынин. Комбат был в отпуске, заместитель — капитан Микушин куда-то вышел, побежал я.

— Товарищ генерал-майор, капитан Петров по вашему приказанию прибыл!

— Что у вас из людей и техники готово к немедленному выходу?

— В трехминутной готовности находится первая рота в составе 80-ти человек и 10-ти БМП-2 и две «Шилки».

— Хорошо, смотри сюда, — я подошел к карте, — Дивизия выдавливает банды вот из этого района, надо перекрыть им пути отхода. Детали согласуй в оперативном отделе, бери свою броню и — вперед. На все про все — 15 минут.

Мне ничего не оставалось, как сказать «Есть!».

Прибежал в батальон, доложил Микушину, тот меня отругал, что я не дал Дубынину старшим кого-то другого. Минут через пять броня вышла. Машины были загружены, люди готовы, связь организована, несколько минут только ушло на постановку задачи. С КП батальона действиями руководил Микушин.

Задача была такая. Дивизия проводила операцию на севере «зеленки», выдавливая духов от Данджширского ущелья в восточном направлении.

В этом районе речка, выходя из ущелья, разливается на множество рукавов, образуя пойму километра в полтора шириной. Севернее поймы и выше метров на 30 идет плато и дальше — горы. Ширина плато метров 300. Между поймой реки и плато проходит довольно при-

личная дорога. Наша задача состояла в том, чтобы выйти в предгорье, перекрыть дорогу в пойму и не допустить отхода духов.

От батальона надо было идти километров 10 — 12. Было уже довольно холодно, градусов около 10. Первой, как обычно, шла машина с группой разминирования, потом БТР охранения, машина командира роты капитана Поповича. Я, по привычке, был на четвертой БМП. До реки осталось пройти совсем немного, метров 100. Дорога сузилась: слева дувал, справа небольшая, но крутая горка. На марше каким-то образом строй поменялся, первой оказалась БМП ст. лейтенанта Муковоза, моя — второй. Вдруг вижу, как в кино: мощнейший взрыв под БМП Муковоза, бойцы, как игрушечные, летят в разные стороны. Колонна сразу встала, по отработанной схеме охрана заняла оборону справа и слева. Я подбежал к подорванной машине. Под БМП большая яма, в которую уже набиралась вода, в яме валялись куски от двигателя. Егор Муковоз ходил вокруг машины, что-то высматривая на земле.

— Егор, ты как?

— Шапку потерял, шапку потерял, надо найти, где-то она здесь. Ясно было, что у него сильная контузия, но главное, что остался жив. Разведчики и механик-водитель тоже, на удивление, были все живые, только чуть побитые и поцарапанные.

БМП была разбита вдребезги: гусеницы слетели, вместо двигателя была большая дыра — фугас был мощный.

Доложил на КП батальона, вызвал БТС, потому что машину можно было тянуть только им. Надо было идти дальше, выполнять задачу.

Дорога была заблокирована разбитой машиной. Послал прапорщика Бунеску найти обходной путь, но он вернулся ни с чем. Надо было что-то придумать. Подошел капитан Пономарев:

— Геннадиевич, давайте я «Шилкой» разобью дувалы и пройдем попрямею.

До реки было 100 метров и четыре дувала, огораживающих поля.

— Давай, Григорий, круши, пройти надо кровь из носу.

Пономарев развернул установку на дувал и ударил по нему очередь из четырех стволов. Спустя несколько минут с дувалами было покончено. На месте подрыва оставили взвод Муковоза ждать БТС и организовать перекрытие поймы. Колонна пошла на плато. Дорога через пойму была, но когда первая машина перешла рукав реки, волной вымыло две итальянки. Пришлось пробивать другую дорогу, чтобы не тратить время на разминирование.

Только вышли на плато и начали расставлять машины на боевые позиции, начался обстрел с вершины горы, сначала из пулемета, потом из гранатометов. До вершины было метров 400. Огнем БМП накрыли огневые точки, обстрел прекратился, потом разведчики оседлали вершину.

Под утро духи, теснимые 108 мсд, попытались на нас сунуться, но попытка была вялой и, после нескольких очередей из БМП, больше ничего не предпринимали.

БТС пришел, и на самом подходе к позиции Муковоза его обстреляли из пулемета. Механик-водитель дувал засек, тут же Пономарев его «Шилкой» развалил.

Часов в 10 утра на позицию к Муковозу пришли человек шесть стариков с красным флагом. На улице -10° с ветром, а они в калошах на босу ногу. Приняли их, как положено, напоили чаем, накормили. Они просили нас больше не стрелять по кишлаку и по дувалам — пообещали.

Задача была выполнена, можно было уходить, но мы решили задержаться на пару дней и изучить этот район, оставили там для этой цели две разведгруппы.

Позже пару-тройку раз проводили там засады, но почти безрезультатно.

И в том же районе потеряли БТС. После дождя он соскользнул с дороги по склону метров на тридцать. Вытянуть его не было никакой возможности — очень тяжелый, оборудован на базе танка. Командир принял решение его подорвать, что и успешно сделали, взорвав внутри несколько противотанковых мин. Но дело этим не кончилось. В бронетанковой службе округа нашим бумагам на списание не поверили (мы доложили, что он подорвался на mine) и потребовали подтвердить факт подрыва фотографиями. Направили к месту подрыва разведгруппу на двух Бэмпэ. Не дойдя до места с полкилометра, группа была обстреляна с расположенных неподалеку дувалов. Завязался бой. БМП своими пушками дувал развалили, наш один разведчик был ранен в ногу, пришлось возвращаться.

БТС все равно списали после того, как комбат позвонил в округ и сказал, что если нам не верят, пусть чиновники сами приезжают и фотографируют. Кстати, разных комиссий в батальон приезжало очень много: из Москвы, из Ташкента, из 40-й армии. Двух дней не проходило, чтобы не было какой-то комиссии.

Плохо то, что никакой практической помощи они не оказывали, только мешали работать, что-то исследуя и давая противоречивые указания. Но командировочные, как мы потом узнали, получали хорошие. Москвичи получали 54 чека в сутки, а командир воюющего батальона — 310 в месяц. Но это так, к слову.

Еще одну операцию довольно большими силами провели в районе 7-ой заставы (Кабульская дорога).

По полученной информации метрах в 600 от поста в разрушенной кишлачной зоне находился склад с оружием и боеприпасами, принадлежащий местной банде. Пару дней мы с начальником разведки

Докучаевым потратили на разведку. Понаблюдали с поста охраны за местностью, подходами к дувалу, в котором располагался склад, за передвижением местного населения, старались выявить огневые точки, прикрывающие склад, но не выявили — оборудованных точек просто не было. На следующий день съездили в местный отряд самообороны, поговорили с его командиром Баширом. Разговор, благодаря переводчику Хакиму, который знал афганские обычаи, получился. Башир полностью охарактеризовал обстановку в районе, даже предложил сходить к духам и познакомиться с их командиром. Мы вежливо отказались.

Операцию провели в конце февраля. Рано утром броня подошла к седьмому посту. Первая рота, быстро спешившись, пошла к складу, в ключевых точках оставляя по пути пулеметчиков для обеспечения отхода. Охрана все-таки была, но нашего нападения никто не ждал. Склад взяли с налета, без потерь с нашей стороны. Но результат был мизерным: несколько мин и стволов, небольшое количество боеприпасов. Духи толком и опомниться не сумели, когда рота уже вышла назад к броне.

Никита Громов активно списывал имущество, похищенное при разгрузке в Баграме. Оптимальными вариантами были подорванные и сгоревшие машины. В них по документам оказывалось все что угодно, вернее, то, что нам было надо. Так, в сгоревшем БТСе оказались 15 караульных тулупов. Наверное, их там хранили для пушей сохранности. В одной из БМП сгорели 20 комплектов обмундирования, в другой — 40 литров спирта и так далее. В общем к середине февраля дебет с кредитом у нас сходился полностью. Никита даже хотел списать на подрыв пианино — сильно тяжелое. Не списали, потому что ни в БТР ни в БМП оно по габаритам не входило, да и Микушин воспротивился, зам комбата иногда играл.

В Баграме очень большой опыт получили наши врачи — хирург ст.лейтенант Куренков и анестезиолог капитан Нахалов. В батальоне серьезной работы не было, и они все время проводили в госпитале, принимая участие в операциях. Когда батальон перевели в Бараки, они уже могли самостоятельно проводить довольно сложные операции непосредственно в батальонном медпункте. Работали ребята профессионально и самоотверженно. Очень многие разведчики обязаны им жизнью и здоровьем.

За четыре месяца в Баграме батальон был сколочен во всех отношениях. Почти все бойцы были обстреляны, не терялись в сложных ситуациях, знали свое место в бою. Командиры подразделений научились руководить боем, контролировать сложившуюся обстановку. Связисты, руководимые капитаном Поздняковым и ст. лейтенантом Чаусовым, давали бесперебойную связь в самых сложных условиях, о связистах надо сказать особо. С каждой разведгруппой их шло два человека.

Для связи с батальоном использовалась станция «Ангара», для связи с авиацией — «Ромашка». У радистов в группе было две основные задачи: первая — как зеницу ока беречь станцию и давать связь в любых условиях, вторая — во время боя освещать местность ракетами. На моей памяти не было случая, чтобы связисты подкачали.

Минеры ст. лейтенанта Рудака полностью освоили минно-взрывные средства и дополнительную технику, которую мы получили («Реалия», «Охота»), могли разминировать и заминировать любую местность и объект.

Все сказанное касается и других специалистов батальона: зенитчиков, водителей, специалистов тыла.

Были за этот период времени и негативные моменты: воровство, пьянки, неосторожное обращение с оружием и даже самострел. Отдельные случаи нарушения воинской дисциплины. От этого никуда не деться — жизнь есть жизнь, и в батальоне около 600 человек. Но это были отдельные случаи и с каждым командиром и политработниками разбирались, как говорится, по горячим следам. Эти нарушения на боевую готовность батальона влияния не оказывали и отрицательно на боевых действиях не сказывались, поэтому останавливаться на них и разбирать причины и последствия я не буду.

В конце февраля поменялся комбат, из белорусской бригады спецназ пришел подполковник Рыжик Модест Иванович. Я его знал, когда еще был курсантом Рязанского училища и в Белоруссии проходил стажировку. Огромного роста, могучего телосложения, одним своим видом внушавший спокойствие и уверенность. В спецназе его знали и уважали, мы были довольны, что комбатом назначили именно его.

28 февраля, совершенно для нас неожиданно пришел приказ о перемещении батальона в Бараки-Барак. Начало погрузки — 1 марта, прибытие на место — 3-го.

Бараки-Барак располагался в 36-и километрах юго-восточнее Кабула на Гардесской дороге и в 35-и километрах от Пакистанской границы. В зоне действий, которая определялась батальону, находились основные караванные тропы из базовых лагерей подготовки и снабжения бандформирований — Тери-Мангала, Ланди-Котала, Пешавара. наших войск в этом районе было мало, боевые действия велись периодически, а караванами почти никто не занимался. В самих Бараках размещалась группировка духов до 6000 человек. Несколько раз наши войска пытались очистить эту зону, но ни одна операция удачно не завершилась.

Незادолго до этого мы узнали, что все восемь батальонов спецназ сводятся в две бригады и создается так называемая «зона завеса» для прикрытия Пакистанской и Иранской границы. Четыре батальона: 1-й — в Джелалабаде, 2-й — в Газни, 4-й — в Бараках и 5-й — в Асада-

баде вошли в состав первой бригады со штабом в Джелалабаде. Командиром бригады стал подполковник Бабушкин, в феврале он с ознакомительной поездкой был в нашем батальоне.

Вторая бригада прикрывала южную и юго-западную границы Афганистана, штаб ее располагался в Лашкаргахед на самом юге страны.

Утром 1 марта пришли 120 КамАЗов, и за два дня батальон полностью загрузился. Колонна получилась очень большая — около 300 машин, но опыт совершения такого марша у нас уже был. Построили колонну спиралью на плацу, определили задачу каждому подразделению, проверили связь. К вечеру 2 марта все мероприятия были завершены, и рано утром 3 марта батальон начал марш на Бараки,

Маршрут делился на три отрезка: Баграм — Кабул, проход через Кабул и Кабул-Бараки. Марш надо было пройти на предельной скорости с двумя остановками: перед Кабулом в Теплом Стане и по выезде из Кабула, чтобы подтянуть колонну. Наиболее опасным был участок Кабул — Бараки, особенно в районе Алихейля: духи часто нападали на наши колонны и постоянно минировали дорогу.

Наш марш прошел без происшествий, не было ни подрывов, ни раненых, ни отставшей техники. На участке до Кабула я от нечего делать считал разбитую технику с правой стороны дороги, ту, что лежала дальше 20 метров, не считал.

В общей сложности получилось 138 единиц. Это на участке в 30 с небольшим километров. Кабул. Шумный, красочный, торгующий всем и вся, пропитанный сильными незнакомыми запахами, не признающий правил дорожного движения. При проходе нашей колонны, оцетинившейся стволами, афганские барбухайки благоразумно жались по сторонам.

Весь маршрут колонну сопровождала четверка вертолетов. Ми-24 шли по сторонам, осматривая вершины и «зеленку», довели нас до самого места назначения.

Местом назначения была ровная пустая площадка размером примерно 100 на 300 метров рядом с Гардезской дорогой и расположением 3-го десантно-штурмового батальона 56 ДШБр. С одной стороны проходила дорога, за которой были кишлаки. Дувал, правда, был. Его можно было использовать в качестве защитного сооружения в случае необходимости. Между дорогой и кишлаками текла небольшая речушка Логар. С двух других сторон полуподковой протянулась трехглавая гора Мир-Абдаль-Сахиб, на которой расположились позиции артиллерии и за которой лежала Баракинская «зеленка». С четвертой стороны стояла разрушенная мечеть и дальше, где-то в километре, начинался кишлак Суфла. В Суфле находился разведпункт, который должен был с нами сотрудничать и дислоцировался батальон афганской армии. С

Юсуфом, командиром батальона, общий язык мы нашли очень быстро. Он учился в Союзе, прекрасно знал русский язык.

Первую ночь на новом месте переспали в машинах, а с утра начали планировать и оборудовать лагерь. Где-то к обеду опять, как в Баграме, прилетел на вертушке начальник штаба округа. Походил, посмотрел, согласился с нашей планировкой и приказал все палатки закопать в землю. Бить караваны, по его распоряжению, мы должны были начать через неделю. Закопать палатки — решение, конечно, правильное. В случае минометного обстрела лучше сидеть в земле, чем на поверхности. Но, как и чем сделать? Земля, как бетон — глина и камни, даже кирка отскакивает со звоном. Палатки большие — УСБ, 39 штук. Посоветались с командирами, и комбат принял решение — землю взрывать. Делается шурф сантиметров 50 глубиной, закладывается 200 граммовая шашка, взрыв размягчает почву, дальше идут в ход лопаты. В общем, израсходовали мы на это дело больше полутонны взрывчатки, но дня через три все палатки были закопаны. Основная и самая тяжелая работа была сделана. Все остальное — склады, бани, пекарня, столовая, позиции для боевого дежурства, минирование кое-каких участков — уже было проще. Не хватало стройматериалов, стали пилить в округе редкие тополя, что можно, брать в разрушенных дувалах. При очередной поездке за деревом, метров 200 от расположения, «Урал» налетел на мину. Пострадал замполит автороты лейтенант Токарев. Ему крепко побило правую руку, а машина восстановлению уже не подлежала. Как бы там ни было, но через неделю основные работы были выполнены, можно было начинать боевые действия. Мы с Докучаевым уже успели за это время ознакомиться с обстановкой, наметить основные места засад. Командира 3-го десантно-штурмового батальона капитана Воробьева я знал по Рязани — тренировались в одной спортивной команде, поэтому десантники, чем могли нам помогали. В частности, выделили одно капитальное кирпичное здание, в котором мы разместили штаб, секретку, медпункт. Нам с Микушиным тоже дали комнату в капитальном здании в одной из своих казарм. Как-то мы с Воробьевым поднялись на Мир-Абраль на позицию арт.батарей, чтобы сверху осмотреть местность. Сверху обзор был великолепный, видно было километров на 30. До самых гор простиралась слегка всхолмленная степь, на которой были видны два или три небольших кишлака. Воробьев пояснил, что они разрушены. За степью темной стеной поднимались горы, вершины были в снегу. За горами уже был Пакистан.

Далеко-далеко, у самых гор, была видна полоска пыли.

— Караван ползет, — сказал Воробьев.

— Днем идет, наверное, мирный.

— Мирные тут не ходят. Они идут севернее на Джелалабад и

Кабул, и южнее — на Гардез и Газни. Этот наверняка битком набит оружием.

Воробьев помолчал, потом говорит:

— Плохо, что вас сюда поставили. Жили мы тут спокойно, теперь покой кончится.

— Почему ты так думаешь?

— Вы же караваны будете бить, а духи в долгу не останутся, начнут по расположению лупить из минометов да и минирование дорог усилят.

— Артиллерия есть, будешь давить минометы.

— Тугогато. Они, сволочи, бьют с машин. Подъехали, пяток мин кинули и уехали.

— Ничего, нас теперь много, как-нибудь справимся.

Основной задачей десантников было обеспечение проводки наших колонн на Гардез. Перед проходом колонны они очищали дорогу от мин, выставляли посты охраны, при необходимости наносили удары по бандитам. Самостоятельно против бандформирований и караванов работали редко, только в случае крайней необходимости. На серьезные мероприятия батальон ходил в составе бригады или с мотострелками. Но это были десантники, и если они ввязывались в бой, то дрались как черти. За неделю до нашего прихода разведдрота батальона ввязалась в тяжелейший бой в зеленке. Бой шел около суток, рота потеряла больше 10-и человек только убитыми, но задачу выполнила, уничтожив крупную банду вместе с иностранными инструкторами.

То, что в батальоне была батарея Д-30-х, нам было на руку. Договорились с ребятами, что если нам будет нужно, они по первому требованию нанесут удар туда, куда мы попросим.

Разведчики с РП подтвердили, что караваны тут идут практически безнаказанно, с частотой 3 каравана за двое суток. Основная тропа проходила из Теримангала по ущелью Дубанди.

За пару километров до выхода на равнину в ущелье располагался кишлак одноименного названия. Там караваны отдыхали после перехода по горам, потом выходили на равнину.

Что из себя представляет караван? Сначала идет охрана, от пяти человек и больше пешком, на мотоциклах, на лошадях. Как правило — это молодежь, очень часто обкуренная гашишем. Дальше — основные силы. Лошадь с грузом килограмм в 200, которую под уздцы держат два человека. С собой у них только оружие и боеприпасы к нему. Количество лошадей может быть самое различное. Замыкает колонну опять охрана. В боевых караванах встречаются и коммерческие товары, но редко. Двигается караван бегом.

Из отчета командира РГСН № 431 Александра Иванова. «...марта 1985 года РГСН в составе 22 человек была выведена в район ущелья

Дубанди с задачей организовать засаду на караван с оружием и боеприпасами, следующий по маршруту: Теримангал — Дубанди — Бараки-Барак. Группа была усилена расчетом АГС-17 и двумя пулеметами. В течение ночи организовал засаду на выходе из ущелья в 150 метрах выше тропы...» Какой по численности пойдет караван не знали. Прикинули, что будет лошадей 30, максимум 40. Решили брать, но в засаду назначить самую лучшую разведгруппу и максимально ее усилить. Выбор пал на первый взвод третьей роты старшего лейтенанта Иванова. Разведчиков до предела загрузили боеприпасами, на усиление дали два пулемета ПК, расчет АГС-17 (станковый гранатомет), минеров. Поддержку в случае необходимости должна была обеспечить первая рота на БМП-2. Артиллерия помочь не могла, так как расстояние было больше 30 км. Сеансы радиосвязи с группой ограничились до минимума: о готовности к бою, о начале забивки и в экстренных случаях. Объяснялось это тем, что духи частенько прослушивали нашу радиосвязь, аппаратура для этого у них была, и мы не раз слышали их переговоры на наших частотах.

Минеров группе придали для того, чтобы обложить минами позицию разведчиков, если духи на нее полезут. Тропу решили не минировать, потому что перед проходом каравана духи почти всегда пропускали по маршруту отару овец — проверяли на мины.

Вывели группу броней. Машины поколесили по степи, сделав несколько коротких остановок. На одной из остановок, километрах в 5 — 6 от ущелья, разведчики незаметно выскользнули из машин и укрылись в овраге, а к месту проведения засады вышли с наступлением темноты. Место для засады Саша выбрал очень удачно. Посадил группу на горке в 150 метрах выше тропы, обложился камнями, на флангах и в центре поставил пулеметы, укрыл радистов, установил мины. Сутки группа сидела тихо, ничем себя не выдавая. Мы в штабе были, как на иголках: не засветились ли разведчики, все ли было предусмотрено, успеет ли помочь в случае чего.

Часов около 18-и заработала связь: «400-й, я 431-й, вышло человек 90, это охрана, пропускаю». Минут через 10 — 15 пошел второй доклад: «Пошли лошади, около шестидесяти... Еще выходят...»

— Саша! Сколько? — радиостанции работали в режиме дуплекса, разговор пошел открытый, в нарушение всех правил связи.

— Насчитал больше сотни, но идут еще.

— Саша, затаись! Высылаю поддержку, будем брать броней.

— Высылай, 400-й, а я их бить начну.

В наушниках стал слышен треск пулеметов и автоматов, команды. Было видно, как в небо одна за одной стали подниматься осветительные ракеты.

Леша Попович, который был здесь же, в штабе, ни в каких указа-

ниях не нуждался, побежал к броне. Через минуту десять БМП на предельной скорости рванули на помощь группе.

Когда первая рота минут через 40 подошла к месту засады, уже все было кончено. Броня оцепила район, осветила местность прожекторами. Кругом валялись трупы и лошади. Лошади, которые уцелели, стояли в стороне, опустив головы. Глина раскисла от крови так, что вязли ноги. Рота досмотрела место боя. Духов добивали, раненых не брали. Некоторые были так шокированы происшедшим, что лежали скрюченные не в состоянии пошевелиться, хотя не были даже ранены. По самым приблизительным подсчетам на месте боя осталось больше двухсот трупов. Только после того, как стало ясно, что уже нет никакой опасности, группе Иванова дали команду спуститься вниз. Это правило соблюдалось постоянно: броня досматривала место боя, а группа выполняла засаду охранения. Ни один разведчик из группы Иванова даже царапины не получил. Огонь разведчиков был настолько мощным и точным, что духи не смогли оказать сопротивления.

Общими усилиями загрузили тюки, которые были на лошадях, на машины, у убитых собрали документы и оружие, часть трупов заминировали. Минировали просто: под труп подсовывается граната Ф-1 и выдергивается чека.

Захвачено было столько, что с трудом уместилось на 10 БМП. Все было закончено, надо было быстро уходить. Возвращались другим маршрутом, старым нельзя: не исключена возможность засады, а колеи от машин наверняка заминированы. Где-то через час броня благополучно вернулась в батальон.

Картина взятых трофеев была впечатляющей. На плацу сложены горы мин различного назначения, миномет, несколько пулеметов, большое количество стрелкового оружия, выстрелов к РГТГ-7, боеприпасов. Весь батальон радовался. Вот именно тогда произошло становление и бойцов и командиров, которые поверили окончательно, что мы из себя представляем силу, которая на многое способна и с которой духи должны считаться.

Когда комбат доложил в армию о результате, ему не поверили. В конце концов Рыжик зло буркнул: «Приезжайте сами и посчитайте!» и бросил трубку, чуть телефон не расколол.

Я подготовил наградные листы, Иванов был представлен к «Красному Знамени», Докучаев и многие разведчики к «Красной Звезде». Наградным ход не дали, положили под сукно — отлежаться. Но отлеживались наградные недолго. Через пару дней почти на том же месте группа забила чуть меньший караван и опять без потерь. Мы оформили Иванову второе представление на «Красное Знамя». Наградным дали ход — не поверить результатам было нельзя. Ребята были награждены, но командиру группы пришел только один орден.

1983 — 1986-й года отличались очень интенсивными боями. Мотострелки, десантники постоянно проводили крупные операции по чистке зеленки, в Панджшере шли одна операция за другой, авиация и артиллерия работали круглосуточно. Из Пакистана караваны с оружием двигались потоком. Тогда еще не было строгих ограничений и делений на мирные и не мирные кишлаки. Главное — результат. Награды давали по результатам, а они должны были быть подтверждены трофеями, фотоснимками, информацией разведки, ХАДа, Царандоя. Наверное, этим и объяснялась задержка награждения РГСН № 431. Батальон начал бить караваны один за другим. Результат пошел за результатом. В караванах, кроме оружия, везли все, что угодно: деньги, наркотики, магнитофоны, часы — всего не перечислишь. Перед руководством батальона встала задача оградить разведчиков от соблазна что-нибудь сунуть в карман — это грозило плохими последствиями. Выход нашли простой: метрах в двухстах от лагеря подобрали площадку и, по приходу брони, останавливали ее там, выгружали все взятое на реализации, «разгружали» бойцов и только после этого отправляли личный состав в лагерь. Захваченное оружие, боеприпасы, коммерческие товары передавали в ХАД, часть отправляли в армию, конечно, кое-что оставляли себе. Кое-что — это спальные мешки, материал для обивки палаток, фонари, керосиновые лампы и тому подобное. Минно-взрывные средства нам разрешили использовать по своему усмотрению. В продолжение этой темы ветераны отряда рассказывали такой случай. Однажды в Суфле чуть ли не в пять раз подорожала водка (в Афгане почему-то продавали водку только Донецкого розлива). Тряхнули духаншика-индуса, он говорит: «Это ваши солдаты цену подняли». Дня за два перед этим первая рота забила большой караван. Комбат вызвал Поповича. Объяснил ситуацию, что в роте плавают большие деньги. Особист к этому времени по своим каналам выяснил, что сумма составляет около 2 миллионов афгани. Леша Попович начал трясти роту. Через сутки вся сумма была в штабе, деньги еле уместились на двух составленных столах. Мы с начальником разведки полночи их считали, потом составили акт и передали в ХАД.

В марте-апреле 1985 года были дни, когда батальон забивал за сутки по два каравана. Не всегда операции проходили гладко. Надо учесть то, что афганцы имели громадный боевой опыт, воевали на своей территории за свои идеалы, какие бы они ни были, знали местность до последней кочки, могли укрыться и получить помощь в любом кишлаке.

Все чаще и чаще охрана караванов оказывала сопротивление при нападении наших разведгрупп. Надо отметить, что дрались они отчаянно, невзирая на потери. Иногда группам приходилось очень туго, духи отступали только тогда, когда в бой вмешивалась броня или авиация.

Боялись и уважали они «Шилку», называя ее «Шайтан-арба». Это и понятно: четыре 23-мм ствола со скорострельностью 1000 выстрелов в минуту на каждый ствол. Как-то я наблюдал, как командир ЗАГ Пономарев тренировал своих зенитчиков, стреляя по старому корпусу БТР. После очереди он летал как картонная коробка.

Разведгруппы начали нести потери убитыми и ранеными. Учас- тились подрывы техники. Броня нарывалась на мины в самых разных местах, иногда просто в голой степи. В очередной раз подорвался БТР Саша Качанова, он получил сильнейшую контузию, были трупы. Взор- вался БТР командира 3-й роты капитана Смирнова. Он пролетел по воздуху около 35 метров, очень сильно ударился. Взорвался Леша Тур- ков. Подрывов было много.

Если проанализировать ситуацию в целом, духи активизировали боевые действия периодически: с весны, когда открывались перевалы, и до начала весенне-полевых работ; потом бои шли до глубокой осени, затихая в период сбора урожая. В это время по всему Афгану можно было ездить «в УАЗике (немного утрирую), имея только ракеты. В слу- чае обстрела ракета летит в поле и урожай горит. Наверное, с их точки зрения, игра свеч не стоила. Зимой, когда в горах лютый холод и пере- валы закрыты, боевые действия велись вяло.

Начались, как и предрекал Воробьев, периодические обстрелы лагеря. Два-три раза в неделю, с наступлением сумерек, духи вели об- стрел территории из минометов. Но мины падали неточно, видно с ар- тиллерийской подготовкой у духов было не ахти. Да и артиллеристы моментально засекали точки и вели ответный огонь.

Правда, один раз 82-мм мина попала в палатку группы миниро- вания, разнесла и покорежила все, что там было. Спасибо случаю, что группа в это время была в наряде. В палатке оставался один человек, погиб.

Для того, чтобы предотвратить потери от обстрелов, по всему лагерю накопили щелей, в которых укрывался личный состав.

Один раз мы съмитировали обстрел в своих целях (что было, то было!). Комиссии донимали нас и в Бараках. Как-то прилетели учить нас своими придирками и указаниями. Как говорится — достали. По- думали-подумали мы с комбатом и придумали. Получив «добро» дей- ствовать, я вызвал капитана Пономарева и дал ему команду взорвать в районе дежурной позиции «Шилок» пару килограммовых зарядов. Гри- горий понял ситуацию с полуслова. Когда бухнули взрывы, «Шилки», в соответствии с задачами боевого дежурства, ударили по вершинам Мир- Абдаль-Сахиба. Тут же подключилась артиллерия. Проверяющие опе- шили. Не знаю, что они пережили и передумали, но утром вертушка их унесла в Кабул.

«Как-то в середине апреля по батальону было выпущено несколько

очередей из кишлаков, которые были за дорогой напротив расположе- ния. Сделано это было напрасно. Рыжик приказал выгнать к дороге всю боевую технику и выпустить по кишлакам по боекомплекту. На следующий день над всеми дувалами развевались красные флаги. С этого момента между нами восстановился мир. Кое в чем мы и помога- ли афганцам: помогли им расчистить арык, который проходил по рас- положению батальона, минеры с помощью овчарки Пальмы чистили поля от мин, наши врачи оказывали помощь местному населению. Кста- ти, о врачах. В медпункте их было двое: ст. лейтенант Куренков — хирург и капитан Нахалов — анестезиолог, да еще прапорщик — на- чальник аптеки. Позже прислали операционную медсестру, а пока ре- бята справлялись сами. Работы им хватало: раненые, контуженные, просто больные. Помогали и соседям — десантникам. Как-то они вые- хали на учебные стрельбы. Прошло минут 15 — несется назад БМД, и сразу к нашему медпункту. Оказалось, что боец случайно попал под выстрел АГС-17. 30-мм граната пробила ему навывлет правое плечо, задев легкое, и разорвалась метрах в 10-ти дальше. Рана была очень серьезной, но наши врачи справились. Бойца успешно прооперирова- ли, потом он долечился в Кабуле и месяца через два был в строю. Ог- ромное спасибо врачам батальона. Многие солдаты, прапорщики, офи- церы, обязаны им здоровьем, а часто жизнью. Куренков в последствии стал, кажется главным хирургом Ленинградского военного госпиталя.

И еще одно дополнение на эту тему. В караванах мы брали очень много медикаментов и медицинского оборудования. Все это сосредото- чивалось в медпункте. Инструкции мы переводили легко, потому что почти все офицеры-разведчики имели диплом переводчика. Захвачен- ные лекарства в значительной степени пополняли нашу аптеку.

Духи начали приспособливаться и менять тактику проводки ка- раванов. Если раньше они ходили в наглуую, даже днем, то теперь стали значительно осторожнее. Караваны стали мельче, шли только ночью после очень хорошей разведки и с сильной охраной. Часто на охрану каравана выходили духи из баракинской «зеленки». Охрана стала хо- дить не впереди и позади каравана, а веером, осматривая все забро- шенные дувалы, овраги, горки — места, где могла быть организована засада, за расположением батальона, за каждым выходом брони велась постоянная слежка. Кроме основной дороги, через Дубанди появилось несколько дополнительных маршрутов — севернее и южнее. Большой караван доходил до Дубанди, отдыхал там после ночного перехода, потом делился на несколько частей, растекался по горам, потом выхо- дил на равнину сразу в нескольких местах, иногда с интервалами. В качестве еще одной перевальной базы они стали использовать кишла- чок Хуши, расположенный километрах в 10 севернее Дубанди. Надо отдать должное офицерам разведпункта Логарской зоны. Благодаря им,

мы всегда имели точную информацию о времени, маршруте движения каравана и его конечной точке. Часто хорошую информацию давал Юсуф. Не доверяя своим солдатам, он пробирался к нам в батальон, переодевался в нашу форму и ходил на реализации.

Мы тоже приспособивались к меняющимся условиям и изменяли тактику действий. Стали ставить на тропах минную систему «Охота»: в центре заминированной зоны стоит сейсмический датчик, который дает команду на подрыв нескольких мин ОЗМ-72 или МОН-50. Духи это дело «раскусили» — начали гонять по тропам отары овец. Тогда мы начали применять систему «Реалия» в сочетании с «Охотой». «Реалия» давала возможность определить количество и направление движения объектов и дать команду на подрыв мин. Вся информация высвечивалась на пульте (довольно сложном), который находился в батальоне. Но результат, конечно, был не тот, что при действиях разведгруппы. Иногда его просто не было: духи успевали до прихода брони все унести.

Несколько раз использовали «Датсун» и афганские «барбухайки» (грузовики) для вывода разведгрупп. Разведгруппы к выходу на задания стали готовить с максимальной маскировкой, чтобы наблюдатели ни о чем не догадались. Караваны и просто обученное пополнение продолжали идти из Пакистана, а мы продолжали их бить. Весна и лето 1985 года для батальона были очень результативными, но и очень тяжелыми. Мы как-то подсчитали: разведчики в месяц 20 дней из 30 проводили в засадах и в боях. В расположении тоже не отдохнешь: надо нести боевое дежурство, выходить на броню на помощь разведгруппе, ведущей бой, ходить в наряды.

Из отчета командира РГСН № 423: «Через две минуты после охрания появился караван в количестве 20 лошадей и 40 — 50 бандитов. Когда он весь оказался в секторе огня группы, я дал команду на уничтожение. Хвост каравана попытался повернуть назад, но был накрыт огнем АГС-17. Охрана, которая пыталась оказать помощь основным силам, была уничтожена и частично рассеяна пулеметным огнем».

Засада была организована километрах в шести севернее расположения батальона на пересечении Гардезской дороги с одной из троп, уже в самом конце караванного маршрута. Мы знали о прохождении каравана, но уверенности не было. На вторые сутки караван пошел именно этой тропой. Лейтенант Канавский организовал засаду очень грамотно, можно сказать, классически. Разведгруппа замаскировалась на горке метрах в 70 — 80 выше тропы, которая огибала гору полукругом. Пулеметы поставил по краям, АГС — в центре. Каждому были определены секторы ведения огня. Караван появился глубокой ночью, был вовремя засечен наблюдателями. Духи двигались бегом, наверное, уже радуясь, что прошли маршрут благополучно. Весь бой прошел

быстро, зло и точно. Броня подошла минут через 15 — 20. Осветили место прожекторами и приступили к досмотру. «Забито было 22 лошади и около 40 духов. Серега Канавский, видя, что все практически закончено, или заметив что-то пропущенное досмотровой группой, решил спуститься вниз. Он уже почти спустился, когда из придорожного кювета раздался выстрел: раненый дух послал пулю из БУРа. Духа тут же добили, но Канавский получил сквозное ранение в бок; ему пришлось пару месяцев проваляться в госпитале. Результат был очень хороший, Серега Канавский за этот караван получил «Красное Знамя».

В конце апреля 1985 года мы узнали препаршивейшую новость: в Асадабадском батальоне погибла разведрота. Батальон пришел из Белоруссии несколько дней назад и только приступил к боевым действиям, опыта не имел никакого. Дав разведчикам войти в кишлак, они устроили бойню. Почти вся рота погибла. В живых осталось несколько человек. Страшная трагедия. Кишлак Даридам потом артиллерией разнесли в пыль.

Очень хорошо нам помогали собаки. Весной 1985 года они постоянно ходили с группами. Они не гавкали — так были обучены. Духов чувствовали за полтора километра и ненавидели их всей своей звериной ненавистью. Сторожевых собак в батальоне было четыре: три овчарки и один ризеншнауцер, все очень крупные и злые, общий язык с ними найти было нельзя, слушались только своих вожатых. У ризеншнауцера Джина вожатым был рядовой Циммерман, по весу он и кобель были одинаковыми и в батальоне смеялись, когда они выходили на прогулку: кто кого прогуливает, то ли Циммерман ризеншнауцера, то ли наоборот. Но в засадах Джин слушался своего вожатого беспрекословно. Если Джин поднял голову, значит минут через 15 появятся «копченые». Когда начиналась стрельба, пес прижимался к земле и лежал, не двигаясь, до окончания боя.

Из отчета командира РГСН № 431:

«Когда мы открыли огонь, банда быстро рассредоточилась и потом начала атаку на группу. Позиция у нас была удобной и в течение 15 — 20 минут большую часть банды группа уничтожила. Четыре человека было взято в плен». Опять Иванов. Ему просто фатально везло на операциях. Почти все выходы были результативными.

В этот раз засада была организована в районе перевала Альтамур. По информации по тропе должно было пройти обученное в Ланди-Котале пополнение в количестве около 60 человек. Когда началась забивка, бандиты, не растерявшись, рассредоточились и пошли на группу. Все было так, как написано в отчете, но в плен взяли не четыре, а двадцать два человека. Когда Саша доложил об этом, я сказал ему, что нам больше четырех не надо. Поэтому реально в батальон было доставлено четверо.

Сначала начальник разведки ничего не мог от них добиться. Объясняли, что они говорят только на пушту (язык кочевых племен), что они мирные и их заставили идти с бандой и т.д. Но когда привели Джина, и сказали, что разбираться с ними будет он, духи заговорили чуть ли не на русском и выдали все, что нам было надо. Потом передали их хадовцам.

Ребята сильно устали. Постоянно засады, бои. Отлежится группа в батальоне сутки-двое и снова на задание. Разведотдел требовал, чтобы постоянно на тропах сидело не меньше 5 групп. Хотя мы и доказывали, что такой необходимости нет, что мы работаем по реальной информации, все доводы были напрасными. Взяли грех на душу, пошли на обман. В армию шел доклад, что группа сидит в засаде, а разведчики в это время отлеживались в батальоне... Иногда сознательно сажали группу на тропу, где никаких духов быть не могло. Так одну группу посадили метров за триста от батальона, чтобы бойцы просто отоспались. Улеглись они прямо у дороги, укрылись палатками, потому что шел редкий в этих местах дождь, и спокойно себе отдыхали. Вдруг часа в три ночи слышу, что в этом районе поднялась сильная стрельба. Продолжалась она не более двух-трех минут, потом в небо поднялось несколько осветительных ракет. Броня полетела сразу, вернулись минут через 20, привезла наших и двух пленных. Оказалось, что на группу совершенно случайно вышла банда человек 15. Завязался плотный и стремительный бой. Разведчики хоть и спали, но только одним ухом и одним глазом и знали, кто где лежит (тройки), ситуацию контролировали полностью. Духи и опомниться не успели. С пленными вышло вообще комично. Обоих взял ефрейтор Рожка — молдаванин, невысокого роста крепыш, очень сильный физически. Одной рукой он жал две 24-кг гири. Рассказ его выглядел примерно так: «Лежу я себе спокойно, наполовину сплю, по палатке дождик стучит. Вдруг чувствую, что кто-то на меня наступает. Знаю, что наши не могут. Откинул плащ-палатку — надо мной морда бородатая наклоняется. Я двинул с правой в челюсть. Попал хорошо. Бородатый упал как мешок. Смотрю — наклоняется вторая морда, свалил его таким же ударом, только слева. Потом начал бить по теням из автомата. Бил лежа — вставать нельзя, а то свои свалят. Всех постреляли, пустили ракеты, а эти двое так и лежат — еще не очухались».

Иногда группам приходилось очень тяжело, особенно, если засада продолжалась несколько суток. Жара днем доходила уже до +40°, а запас пищи и воды был ограниченным. РГСН № 421 Леша Туркова посадили на тропу рядом с дорогой на Кабул километрах в 12-и от батальона. Трое суток они сидели практически без воды, доставить ее было очень трудно. Днем броню не пошлешь — демаскируешь засаду, ночью нельзя — спугнешь духов. А караван ожидался хороший. Реши-

ли использовать афганскую «барбухайку» — наш «Датсун» афганцы уже знали. Остановили грузовик, водителя задержали в батальоне и с этого грузовичка на ходу сбросили группе воду, залив ее в чулки от ОЗК. На пятую или шестую ночь караван все-таки был забит.

Порой засады проходили не совсем удачно, с малыми результатами. Сверху нас за это тоже «журили». Опять приходилось идти на хитрость. Для таких случаев в батальоне всегда имелся запас неучтенного оружия, мин, боеприпасов, и они тогда пускались в ход. Такой пример. Группа сидела на боковой тропе, отходящей от Дубанди на склоне ущелья. Кто был командиром, точно уже не помню. Ночью пошел караван, его удачно забили, к группе пошла броня, все шло по накатанной схеме. Было одно «но»: броня к месту боя подойти не могла — не позволяла местность. Офицер из вышестоящего штаба, который в это время находился в батальоне, начал требовать, чтобы досмотр был проведен немедленно — ему был нужен результат. Комбат, пользуясь правом руководителя операции, категорически отказался. Модест Иванович приказал группе сидеть на месте до утра, периодически освещая и обстреливая место боя, а досмотр провести утром вместе с бронегруппой. Решение оказалось правильным. Уцелевшие духи отошли на обратный склон ущелья и начали вести неприцельный огонь из гранатометов и стрелкового оружия по склону, где находилась группа, и по району уничтоженного каравана. Стрельба с обеих сторон продолжалась до утра. Утром, когда провели досмотр, оказалось, что караван пуст. Лежали убитые верблюды, лошади, две раненные в ноги женщины и придавленный верблюдом «бачонок» лет пяти. Больше ничего не было. За ночь духи сумели выгнать своих раненых и убитых и все то, что им было дорого. Почему оставили двух женщин и пацана, нам было не понятно. Попробовали оказать женщинам помощь — завязжали. Оставили им пару перевязочных пакетов и ушли. Но результат все-таки в разведотдел армии дали, сумев обмануть проверяющего. Использовали для этой цели имевшиеся запасы — не зря же группа вела бой.

Я все время пишу: мы решили, мы подумали, мы спланировали, мы доложили. Наверное, на этом надо остановиться подробнее. Планирование операций проходило на основании разведанных (как и откуда они поступали, я уже писал). В нем принимали участие комбат, замкомбата, начальник штаба, начальник разведки, начальники служб были задействованы, как говорится, в части касающейся. Партийно-политическую работу организовывали и проводили замполит батальона, парторг, комсорг и замполит роты, от которой была задействована разведгруппа. Всегда старались соблюдать режим секретности при планировании и непосредственно при подготовке личного состава. Очень тщательно продумывали способ и время вывода группы на задание,

потому что визуальное наблюдение, как я уже писал, за батальоном велось постоянно.

Очень большая ответственность возлагалась на помощника начальника штаба. Коля Шадрин вел учет личного состава, так называемую, таблицу БЧС (боевого и численного состава). Он учитывал тех, кто ушел на операцию, кто вернулся и не вернулся, оформлял документы на награжденных, раненых и погибших. На нем лежала ответственность за то, чтобы никто не пропал без вести. Надо отметить, что в его работе никогда не было ни одной ошибки.

Забегая вперед, расскажу один неприятный случай. В третьей роте погиб разведчик (фамилию называть не буду). Его опознали. Под документом подписались три свидетеля, при них его запаляли в гроб и «Черным тюльпаном» отправили в Новоукраинку Кировоградской области. Гроб сопровождал старшина третьей роты прапорщик Гапончук. Прошли похороны, гроб не вскрывали, потому что этого делать просто было нельзя. Игорь вернулся в батальон. Вдруг в середине 90-х годов по телевидению мать этого солдата заявляет, что ей привезли не ее сына и средства массовой информации начинают раздувать историю со всякими гнусностями в адрес афганцев, нашего батальона, сопровождающего (Гапончука). Долго пришлось отмываться от этих наговоров. Но мать и родственники нашего погибшего товарища, по-моему, до сих пор остались при своем мнении.

Лето 1985 года для батальона было тяжелым. 15 мая на Гардез должна была пройти колонна, которая нам везла продовольствие. Штурмовики проверили дорогу на мины, выставили посты. Колонну ждали часам к одиннадцати. Около десяти часов на дороге раздались взрывы, стрельба, был виден сильный дым, по «зеленке» работали вертолеты. Стало ясно, что колонна попала в засаду. Штурмовики послали несколько машин с десантом на выручку, но приблизительно через час броня вернулась ни с чем, буксируя пару разбитых БМД — прорваться к колонне не удалось. Духи оседлали дорогу основательно. Бой продолжался часа два. Голова колонны была уничтожена, один наливник сожжен, остальные машины повернули назад на Кабул. Очень обидно было наблюдать за этим избиением в сознании того, что сделать ничего не можешь. С этого дня, 15 мая, началась блокада батальона, которая продолжалась два месяца.

Сначала мы не осознали всю серьезность положения, понимание пришло потом, когда начали заканчиваться продукты. Пополнить запасы продовольствия было неоткуда. Если коротко, то до 15 июля (до прорыва блокады) батальон питался гречкой и ставридой «в собственном поту». Пайки, естественно, не трогали — они шли группам. Надо отдать должное офицерам, прапорщикам, солдатам — никто не возмущался (какое-то гражданское слово), все ели гречку и делали свое дело.

К слову: в августе я поехал в отпуск и попал с друзьями на открытие охоты. Ружье в руки не брал — настрелялся, пока друзья били уток, организовал костер, сварил шурпу. Зорька закончилась, собрались ребята, под 100 грамм организовали закуску — ставриду!!! Я схватил ружье и эти банки расстрелял.

Ну да ничего, пережили мы и гречку со ставридой.

Хуже было другое: начался гепатит. Болезней в Афгане хватало всегда, иногда таких, о которых мы и не слышали. Больных тифом, малярией, гепатитом отправляли в Кабул, сейчас такой возможности не было — блокада, Машины не ходят — дорога перекрыта. Вертушки летают редко — жара и «Стингеры». Лечились теми лекарствами, что брали у духов и верили в знания и опыт наших врачей. Гепатит свалил 65% батальона. Оказывается, «черт не так страшен, как его малюют». Привыкли и к этой заразе (славянская натура неистребима) Просто приняли эту желтуху, как должное, и перестали обращать на нее внимание. Разведчики, больные желтухой, ходили на боевые действия.

Блокада была прорвана 15 июля. Пошли продукты, письма, эвакуация раненых и больных, опять началась нормальная жизнь. Где-то в начале июля из батальона улетал Леша Турков — получил назначение командиром роты в 1-й батальон (Джелалабад). При взлете вертушка упала и загорелась. Все, кто был внутри, выскочить успели, но, если верить приметам, то знак был недобрый. Через неделю другой вертушкой Леша все-таки, улетел, а через месяц под Джелалабадом погиб. Брали крепость, и пулеметная очередь срезала его, командира взвода и бачонка, которого они пытались остановить.

30 июля погиб сержант Дмитрий Сушко, мать которого еще в Федоровке просила меня не брать его в Афган. Группа, отсидев в засаде ночь, ушла на дневку в старый дувал. Караван пошел под утро. Охрана, обкуренная гашишем, сунулась на дувал, где маскировалась группа. Пришлось принять бой. Сержант Сушко и пулеметчик, который был рядом, погибли от разрыва гранаты из РПГ-7.

«Меня перевели в штаб бригады в Джелалабад, — продолжал свои воспоминания Петров, — в оперативно-разведывательное отделение. С июля 1985 года по май 1986 я был в Джелалабаде, ходил на боевые с первым и пятым батальоном. Там условия и характер боевых действий были уже другими. А с мая по июль 1986 года мне довелось служить в Кандагаре в 3-м батальоне, потом пришла замена в Союз».

Размещение отряда, впоследствии, признали удачным, так как он своими разведподразделениями плотно закрыл выход с ограниченного по площади участка равнины и предгорья, на котором пересекались 98 въючных караванных маршрутов, идущих с Парачинарского выступа из Пакистана. Выход из городка в засады осуществлялся на броне или пешком и занимал небольшое время, так как удаление от

ППД составляло от 20 до 30 км. При небольшом удалении групп дежурная броня дежурила прямо в автопарке отряда. Забрасывались группы и вертолетами, для чего была сооружена вертолетная площадка. Практиковал отряд и налеты на населенные пункты, где по данным разведки обнаруживались бандформирования и их склады. Изредка на бронетехнике прочесывали местность в интересующих районах. Активно осуществляли досмотр караванов и транспортных средств. Систематически рота минирования отряда перекрывала караванные маршруты, устанавливая на них систему «Реалия-у». В связи с особенностью размещения отряда отдельно от крупных гарнизонов советских войск с него и спрос был строже. И хотя за первый год отряд уничтожил 18 караванов и бандгрупп, в 1986 году его сопровождали неудачи и потери личного состава. Майор Коркишко Михаил Васильевич вспоминал:

«В июне 1986 года я прибыл из ЗаБВО на должность начальника штаба 668 ооСпН. Меня доброжелательно, душевно и тепло встретили командир майор Резник Евгений Александрович (впоследствии командир полка спецназ и начальник разведки ВДВ) и замполит майор Герасименко Виктор Григорьевич. Второго я хорошо знал по совместной службе в спецназе ГСВГ. Резник вскоре уехал в академию, а его сменил майор В.Удовиченко. Владимир Михайлович родом был из казаков. Село Ольховый Рог Миллеровского района Ростовской области — его родина. (Там, кстати сказать, он и нашел последний приют). В 1974 году окончил Тбилиское высшее артиллерийское командное Краснознаменное училище имени 26 Бакинских комиссаров. В настоящее время это училище дислоцируется в Екатеринбурге как артиллерийский институт, на базе бывшего СВВПТАУ. Двенадцать лет прослужил Удовиченко в 12-й отдельной Лагадехской бригаде спецназ. Прошел последовательно все должности командира группы, командира роты и начальника штаба отряда. В апреле 1986 года направлен на переподготовку в Чирчик, а в июле возглавил 668 ооСпН в Афганистане. На мой взгляд, и это подтвердилось дальнейшей службой, моральная обстановка в это время, в батальоне была здоровая. Отряд был не из худших и по итогам боевых действий.

Меня поразило сравнение с прежней службой, при штате батальона в 550 человек, большом количестве разнотипной техники со всем этим успешно справлялось командование батальона в количестве 4 человек, все в звании майор. В Забайкальской бригаде, откуда я прибыл, по штату числилось около 330 человек личного состава и над ними куча разных отделов, служб, возглавляемых офицерами в званиях подполковник-полковник, а порядка было гораздо меньше.

В 668 ооСпН быт был налажен полностью. Ротные палатки были зарыты в землю и от обстрелов сверху укрыты накатами из бревен.

Мне как начальнику штаба было приятно отметить, что распорядок дня выполнялся полностью и служба войск соответствовала уставам. Особо бросилась специфика проведения физзарядки. Территория городка небольшая, и личный состав совершал пробежку от КПП и вертолетной площадки под прикрытием бронетехники из боевого охранения, едущих впереди и в конце колонны. Командирам всех степеней, особенно ротным, было дано больше самостоятельности, чем в Союзе, в Афгане в спецназе рота действительно являлась центром боевой и политической подготовки. Коллектив офицеров и прапорщиков был дружным и сплоченным, каждый офицер и прапорщик профессионально занимался своим делом.

После трагической гибели в апреле 1987 года в автомобильной катастрофе двух служащих СА и ряда других происшествий, потрясших батальон, комбата майора В.Удовиченко и замполита майора В.Ткаличева сняли с должностей. Удовиченко откомандировали в Кандагарский батальон, где, пытаясь реабилитироваться, он в боевой обстановке проявлял чудеса героизма. Так 16 сентября 1987 года группа под его командованием захватила караван с оружием. 24 октября того же года, возглавляя разведотряд, замкомбата 173 ооСпН майор Удовиченко совершил налет на кишлак в 4 км западнее Кандагара... В жестком бою семь разведчиков и сам Владимир Михайлович героически погибли. Майор Удовиченко — посмертно награжден орденом Красного Знамени. Вдова и его дочери в настоящее время живут в г. Днепродзержинске Днепропетровской области.

Подполковник М.В. Коркишко вспоминал: «Конфликтов и разногласий при Удовиченко практически не происходило. Эти явления появились позже. Они были связаны с началом кадровых перетрясок, поиском и приближением своих людей. Однако, для объективности, надо отметить, что главный показатель — разведывательно-боевая деятельность активизировалась, пошли неплохие результаты, были неоправданные потери, которых мне бы в мое время не простили. Например, расстрелянный из вертолета досмотровой группой автобус с мирными жителями; потеря двух вертолетов МИ-24 в районе Газни; несоординированные действия при досмотре каравана и гибель военнослужащих вместе с моим сменщиком начальником штаба майором Головоко и другие. Из-за грубого нарушения воинской дисциплины, граничащего с преступлением на почве неуставных отношений, был отозван наградной материал отряда на Вымпел министра обороны СССР «За мужество и воинскую должность».

«Когда я пришел в батальон, — вспоминал Коркишко, — существовала традиция направлять на первые боевые выходы с новичком опытных офицеров наставников. Первый мой выход во главе отряда из двух рот в район 40 км. западнее Сурхоб состоялся в начале августа. Со

мной был начальник разведки батальона, а общее руководство в эфире осуществлял замкомбрига подполковник Безручко. Сложностью и особенностью боевых действий в полосе ответственности батальона являлось то, что караваны и бандформирования мы перехватывали только в ограниченном месте между горами и зеленой зоной Бараки и Заргуншахр. Эта местность была сильно заминирована, поэтому не случайно в нашем батальоне подрывов было больше всех в бригаде. К тому же ППД батальона был под постоянным наблюдением и часто обстреливался эрсами и минометами. Мы часто практиковали ложно-демонстративные выходы бронегрупп в противоположном направлении, распространяли через ОАГ «Бараки» дезинформацию о наших намерениях. У нас сложилось твердое убеждение, если группе удастся скрытно выйти в район засады, то успех гарантирован. Потому что в районе нашего отряда в ночное время активность духов была исключительно высокой. Я сам лично много раз наблюдал свежие следы от караванов, проходивших в 1 — 1,5 км от ППД отряда под покровом ночи.

Самый значительный успех батальона — караван из 196 вьючных, забитый с 12 на 13 мая 1987 года. Он был обнаружен случайно на дневке в к. Абчакан. Только потому, что этот караван предназначался для северных провинций, для местных он был «чужой», духи выгнали его с дневки из гор в практически открытое место, где его и обнаружила облетная группа замполита ст.лейтенанта Павла Трофимова. Общая картина боя описана в очерке «Абчаканское ущелье», я добавлю только одну деталь. У нас тогда при подходе к месту боя подорвались две БМП. Одна из них сгорела. Среди личного состава были раненые и контуженные. Я тогда тоже получил подрыв и ранение ноги, но благодаря нашему врачу Белевитину быстро поправился и вернулся в строй.

Боевые действия в батальоне организовывались со следующей периодичностью: — 10 дней учебы и подготовки к боевому выходу, — 10 дней засадных действий в составе групп, — 10 дней, после возвращения, служба в нарядах.

Мне запомнился яркий эпизод марта 1987 года, когда команду РО в составе двух взводов и артбатареи (из трех гаубиц Д-30), я вывел его в район к. Чинари (30 км западнее ППД). Со мной был замполит батальона, который шутил, что своим присутствием принесет мне удачу. К вечеру моя артиллерия начала работать по кишлачной зоне в противоположную сторону от мест высадки наших РГ. Отступая под огнем нашей артиллерии, довольно крупная бандгруппа в составе до 20 человек вышла к месту засады наших разведчиков и попала под их огонь. Завязался бой, до утра разведчики держали ее на месте. С рассветом я с бронегруппой подошел к месту засады и был произведен досмотр. Собрали более 10 единиц стрелкового оружия, много боеприпасов и имущества, а также взяли одного пленного. И без потерь вер-

нулись в ППД. Хочется отметить, что досмотр является самым опасным элементом в ходе боевых действий. Анализ действий личного состава батальона и анализ понесенных потерь приводит к выводу, что основное количество убитых происходило во время досмотров, прежде всего из-за поспешности, ослабления внимания (майор Головкин, ст. лейтенант Корчака, рядовой Быличкин и др.). Поэтому в батальоне существовало железное правило, с которым смирился позднее и Корчагин, до подхода бронегруппы и наступления светлого времени досмотр места боя не производить.

Месяц спустя я повторил засаду в том же месте, и бандиты угодили в нее опять. Однако мы, действуя по той же схеме, шли бронегруппой по сухому руслу к входу в ущелье, когда идущая за мной БМП подорвалась на mine. Мы оставили с ней охранение, а сами прошли еще два километра к месту боя. Досмотр был затруднен обстрелом со стороны духов, которые успели разместить на господствующих высотах своих пулеметчиков. Одна БМП с зампотехом на борту попыталась подняться по склону и выйти на высоту с целью прикрывтия разведчиков от огня. Но на камнях у нее слетела гусеница. Попытки ее эвакуировать оказались безуспешными. К тому времени бой не утихал, на месте досмотра появились первые раненые, которых забрали прилетевшие вертолетчики. День уже клонился к ночи. В тот день в батальоне находился комбриг Старов Ю.Т., с которым я держал постоянную связь. Стало понятно, что до наступления темноты мы уже не успеем снять машину с горки, а оставлять ее было невозможно. Пришлось расстрелять ее из танка Т-62, который с расстояния в 200 метров ее поджег. Пока мы отходили, зарево было видно долго и далеко. В мае 1987 года, говорил Коркишко, — я был назначен начальником разведки 15 обрСпН, сдав должность майору Виктору Головкин, убит в Джелалабад. Но, вспоминая то время, считаю, что 4 батальон был лучшей частью, в какой мне пришлось служить за свою военную службу».

Год достойно командовал отрядом любимец комбрига Анатолий Васильевич Корчагин. Это был состоявшийся офицер. Выпускник Рязанского воздушно-десантного училища, получивший боевой опыт в качестве командира роты и замкомбата и первый орден Красной Звезды в бригаде Герасимова. А в Бараках он стал подполковником, заслужил два ордена Красного Знамени. В июне 1988 года ушел на учебу в академию им. Фрунзе. После ее окончания служил сотрудником ГРУ ГШ ВС РФ.

К приходу Корчагина обстановка изменилась, противник установил за расположением отряда круглосуточное наблюдение. Увеличил сумму денежного вознаграждения населению за сведения, касающиеся передвижения подразделений отряда. Профессиональное противодействие моджахедов сразу же сказалось на результативности отряда.

Караваны стали стороной обходить «засвеченные» разведорганы спецназа. Под руководством нового комбата разведчики настойчиво совершенствовались боевое мастерство и вскоре посыпались ожидаемые громкие результаты.

За годы Афганской войны Баракинский батальон стал хорошей школой, он вырастил многих прекрасных офицеров, которые с командиров групп выдвинулись на роты и выше. Офицеров — ставшими гордостью советской военной разведки. Пожалуй, я бы затруднился выделить наиболее заслуженных, поскольку все были молодцы, но если взять за основу итоги боевой деятельности, то назову несколько громких фамилий.

...К молодой плеяде продолжателей традиций ветеранов Великой Отечественной войны относится земляк легендарного полковника Р.П. Мосолова — забайкалец, старший лейтенант Похвощев Герман Владиславович. Ему было суждено историей стать первым в списке лучших офицеров отряда. Имя Похвощева прошло во всех секретных донесениях: в ЦК КПСС, министру обороны, начальнику генштаба, начальнику главного разведывательного управления. Из рядового офицера-разведчика Похвощев превратился в героический символ бесстрашного советского спецназовца, геройски выполняющего боевые задачи в Афганистане. Он захватил ПЗРК «Стингер»! С появлением этого комплекса у исламских партизан в Афганистане нашим летчикам стало очень неудобно в небе, а более того грустно и страшно стало всем, кто пользовался услугами авиации. Для тех, кто не знает, что представляет собой переносной зенитный ракетный комплекс «Стингер», коротко скажу, что это чудо техники нового поколения ПЗРК. Мало того, что дальность полета ракеты 6000 метров, так от нее еще и не спрятаться, так как никакие маневры и тепловые ловушки не помогали. Помимо того, что ракета комплекса видит самолет или вертолет, так она еще и хитрей наших авиаторов. Появление «Стингера» нанесло удар не только по жизням сотен летчиков, но и по престижу Советской Армии и СССР. В связи с этим на высшем уровне был отдан приказ всем разведорганам: добыть и разгадать тайну комплекса. Но, видимо, наши штирлицы в этом случае оказались бессильны.

И помня крылатое выражение Наполеона: «Если техника попала в войска — она потеряла секретность», в штаб 40 армии поступил приказ: достать, купить, украсть, захватить в бою любой ценой... Время шло, а выполнить приказ не могли. И тогда появился, как его называли спецназовцы, «шкурный приказ» — обещание звания Героя Советского Союза в обмен на «Стингер». Командиры всех степеней и так болеющие за дело еще более зашевелились. В штабах начали рождаться грандиозные планы дерзких захватов крупных укрепрайонов в горных массивах около пакистанской границы. По данным агентурной развед-

ки, в некоторых из них на вооружении было несколько ПЗРК. Сдерживали реализацию этих планов воспоминания о печальной истории боев в «Карере», когда массовый налет на укрепрайон, напичканный духами, привел к потерям и международному скандалу. И велик был шанс у командиров потерять должность, а не заработать Звезду.

Тогда основную ставку сделали на лихих спецназовцев, ведь у них было больше профессионализма, чем у других разведчиков. И спецназ с этой задачей справился.

В январе 1987 года шахджойский 7-й батальон 22-й бригады СпН принес первый долгожданный трофей. Был и Герой — замкомбата капитан Евгений Сергеев, но «подковерных дел мастера» закрыли ему путь к Золотой Звезде Героя. А в мае 1987 года этот успех закрепили, когда очень громко прогремела досмотровая группа Баракинского батальона П. Трофимова, который был близок к победе, но, как оказалось, в бою были взяты только несколько десятков китайских ПЗРК. Похвощев же первым в ОКСВА взял не один, а целых четыре «Стингера». Такого результата до сих пор не было! Делать нечего — надо было держать слово, и его наградили высшим советским орденом Ленина...

...Герман родился в 1962 году в семье железнодорожника в г. Чите. В его облике было что-то бурятское — невысокий рост, монголоидный тип лица, узкий разрез глаз, некоторая неспешность в движениях и удивительная «девичья» скромность. Как и у отца, у Германа было «крепко склоченное» тело с большими и сильными руками. В 18 лет он был призван в Вооруженные Силы и начал военную службу в Забайкальской бригаде спецназ сапером-разведчиком, а затем командиром отделения в роте минирования. Старшие начальники отмечали его серьезность и рассудительность, взвешенность в поступках и решениях. Он был справедлив к подчиненным и уважителен к начальникам. Младшего командира хорошо знали командир бригады и начальник политотдела, именно, последний, душевный человек и заботливый руководитель, полковник Р. Ясевич и посоветовал Герману стать офицером. После недолгих колебаний Похвощев подал рапорт по команде о направлении его в военное училище. Лучшим училищем по подготовке разведчиков, в то время, считалось Киевское ВОКУ. Туда и поехал Похвощев сдавать вступительные экзамены, и в августе 1981 года стал курсантом Киевского высшего общевойскового командного училища имени М.В.Фрунзе. Быстро пролетели годы учебы и на его погонах появились офицерские звездочки. Как ими гордился он, то и дело поглядывая на себя в зеркало. О месте службы речи быть не могло, он попросился на Родину — в продуваемую всеми ветрами, многими нелюбимую, но дорогую его сердцу забайкальскую землю. Она для него была самая красивая и единственная как мать. Вернувшись в свою родную часть, Похвощев возглавил группу спецназа. Но служить ему в

Забайкалье довелось недолго. В августе 1986 года он направляется в Афганистан командиром третьей группы первой роты 4 батальона. Начались непрерывные разведывательные выходы, количество которых перевалило за сто. Несколькими раз группа Похвощева попадала в критические ситуации. Трижды в стычках и боях с душманами он получал контузии. Через год войны он заместитель командира роты. Похвощев внимателен к людям, тактичен в отношениях с солдатами и офицерами. В его подразделении сложилась особая атмосфера теплоты и доброжелательности, заботы друг о друге, взаимопомощи. К нему тянулись все, чувствуя запас добра и оптимизма. Он неоднократно отмечался в числе лучших разведчиков, но его звездный час пришел 18 июля 1987 года в районе перевала Девальчи — Кандав провинции Логар. Заняв удобное место для засады, его группа сумела уничтожить крупный караван, сопровождаемый охраной более чем в сто моджахедов. Два часа разведчики под командованием Похвощева вели бой до подхода бронегруппы, не потеряв при этом ни одного своего товарища. Когда охрана бандитского каравана, оставляя убитых, рассеялась в горах, разведчики осмотрели богатые трофеи. Среди прочего, к великому удивлению разведчиков, были вскрыты контейнеры с 4 ПЗРК «Стингер» и 2 ПЗРК «Блоупайп». Результат потрясающий! Какому народу СССР принадлежал танец, который исполнили разведчики в этот момент около этого чуда военной науки, сказать трудно. Радости не было предела. Ведь такое Дело было сделано. Сразу после доклада, немедленно из Москвы за захваченными спецназом образцами вооружения вылетел самолет с усиленной охраной, который, как говорится, с поля боя и забрал трофеи.

Командование спецназа ГРУ пожинало лавры победы. Младшие же офицеры с надеждой и завистью ждали развязки: на этот раз будет Звезда Героя у Похвощева или нет?!

— Откуда, — спрашивали, — этот парень?

— Из Забайкалья!

— Ты, подумай, какой молодец!

Это обижало, будто далекое Забайкалье было не способно родить героев?!

Однако, вопреки ожиданию, в апреле 1988 года Похвощеву пришел только орден. За свой выдающийся боевой результат старший лейтенант Похвощев Г.В., к уже имеющимся двум орденам Красной Звезды, получил на грудь высший орден СССР. Он стал десятым кавалером ордена Ленина в 15-й бригаде. Примечательно, что вручали ему в апреле 1988 года этот орден несколько раз. Первый раз — комбриг Ю.Т. Старов, а потом, через несколько дней после этого в Джелалабад прилетели командарм Громов и член военного совета Захаров, и, для представителей средств массовой информации вручили орден повторно...

А Герой Советского Союза в Баракинском батальоне все же появился.

Но это событие вызвало у разведчиков очень противоречивые чувства. Им стал в мае того же года водитель бронетранспортера роты спецназ сержант Юрий Миролюбов.

Очень обижались на это решение командования и правительства наши боевики-разведчики:

— Разведчику обещанную Звезду не дали, а «водиле» за то, что броню водит, дали!

— Где справедливость?

— Кто важнее и кто для кого работает?

Командование бригады им на это отвечало:

— Мы должны радоваться, что наш человек оказался в числе Героев, а не из другой части. И, по большому счету, не так уж сейчас важно для истории, что дали высокую награду не Похвощеву! Важно, что получил Звезду — Спецназ, а мы своих истинных Героев не забываем и не забудем никогда!

— Помните, когда Сергеев и Чебоксаров из 22-й взяли первый «Стингер», так их даже орденами Красного Знамени не наградили, а кто стал Героем? — Вы сами знаете.

— А фамилию Похвощева всегда будут вспоминать как лучшего из лучших. Вместе с именами первых разведчиков-спецназовцев нашей бригады Сахатовым, Шариповым, Бекоевым, Коваленко, Якутой, Удовиченко, не получившим Звезды, хотя по праву они должны были стать первыми Героями Советского Союза!

Задев эту тему, мне кажется, следует рассказать об этом неожиданном для нас всех награждении высшей наградой СССР простого водителя БТР младшего сержанта Юрия Миролюбова. Небольшая предыстория.

В один из октябрьских дней 1987 года в бригаду из Кабула поступило указание военного совета 40 армии о более внимательном отношении к вопросам награждения личного состава. Речь, в частности, шла о забытой категории военнослужащих — водителях. Приказывалось изучить послужные списки водителей и достойных представить к наградам. При этом предписывалось от каждой части срочно представить наградные листы на лучшего механика-водителя для рассмотрения в штаб армии. Приказано — сделали.

Изучая поступившие наградные из частей бригады мы с командиром отметили, что в наших частях водители не забыты, а по достоинству и наравне с другими категориями поощряются. При этом из пяти представленных механиков-водителей один выделяется особо. Во-первых, является старослужащим, и, во-вторых, уже имеет две боевые медали. В текучке боевых будней мы даже не запомнили его фамилию.

Но через месяц комбригу позвонили из Москвы, и полковник из ГУКа МО СССР поинтересовался отдельными фактами биографии сержанта Миролюбова, который готовился к увольнению в запас из 668 ооСПН.

— А что случилось? — настороженно спросил полковник Стarov.

— Да ничего, он же представлен командованием 40 армии и ТуркВО к званию Героя Советского Союза!

— Как? — не сдержал эмоций комбриг. — Мы его не представляли?!

— А вот и хреново командир, плохо вы работаете с людьми. Надо перестраиваться, товарищ полковник! — прозвучал ответ.

Положив трубку, Юрий Тимофеевич от души ругнулся:

— Это мы-то хреново работаем? Где реакция на наградной материал по Олегу Якуте? Тоже к Герою представляли! А по Удовиченко? У нас порой и героев определяют по агитационной команде и по ходу пропагандистских кампаний. Им из Москвы виднее... нужен герой — шофер!

И в конце мая вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР.

К сожалению, судьба назначенного командованием армии Героя Юрия Миролюбова оказалась трагической. Сначала о нем писали все газеты и журналы СССР, например: газета «Правда» от 22 мая 1988 г. опубликовала в передовице:

«Прославил себя Юрий Николаевич Миролюбов, сержант, старший водитель бронетранспортера. К медалям «За отвагу» и «За боевые заслуги», которыми он награжден за храбрость на поле боя, сегодня добавились медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина. Он не раз смотрел смерти в лицо, был ранен, контужен. В одном из боев Юрий заменил выбывшего из строя пулеметчика и тем самым повлиял на исход боя, который закончился победой. Таков советский воин, который всегда приходит на выручку товарищам».

«Комсомольская правда» 22 мая 1988 г. в статье «Солдатами не рождаются»:

«Да какой он был особенный, что вы, обыкновенный парень, как все, — мама, Зоя Николаевна заметно смущается, не зная, куда деть большие натруженные руки, — а вообще-то, знаете, смелый парень, отчаянный с детства такой был». — Сказала — и словно прикоснулась к очень личным, одной ей ведомым мыслям. Выдали разве что морщинки, дрогнувшие вдруг вокруг добрых материнских глаз. Заботы, заботы... Кроме Юры, у Зои Николаевны еще один сын и ... пять дочерей! Недаром она награждена орденом «Материнская слава» 1-й степени. Жил в небольшом поселке под Саратовом простой русский мальчишка. Бегал в школу, гонял футбольный мяч, ухаживал, наверное, за девочками. Технику или, как говорит мама, «всякие железки», любил

с детства, особенно мотоциклы. Осенью 1985-го Юрий Миролюбов, как и многие его друзья, получил военкоматовскую повестку. Кавказ, учебное подразделение, долгие часы занятий, постижение азов науки побеждать... Думал ли Юра тогда, что уже очень скоро от того, как он усвоит все эти секреты и навыки, будет зависеть его жизнь? В общем, да — место прохождения службы после учебки стало известным очень скоро — Афганистан.

Часть, в которую попал служить Юра в Афганистане, была особенная. Специального назначения. А значит — всегда на самом острие боя, в самом горниле войны. Спецназ должен уметь действовать на пределе человеческих возможностей, а если потребуется — то и за их пределом. Знаете, говорят, что смелого пуля боится? Подвиг сержанта Миролюбова — подтверждение этой строчки. В него стреляли, когда, извиваясь между камнями, он пополз к раненым товарищам, стреляли, когда волок на себе тяжело раненного командира, стреляли, когда цеплял на буксир подбитый бронетранспортер. А потом снова БТР и прыгающие перед воспаленными глазами долгие километры горной афганской дороги... Позже, уже в части, Юрий Миролюбов узнает, что за тот бой он представлен к званию Героя Советского Союза.

Через 3 месяца пришло время возвращаться на Родину. Дома никому ничего не сказал, лишь однажды, отчего-то смущаясь, обмолвился отцу: «Батя, меня вроде к Герою представили...»

А. Чудаков:

А вот что написал о Миролюбове военный журнал «Знаменосец» 12, 1988 г. в статье «Его звезда»:

«Почему в иные моменты нам свято хочется верить (иного слова и не подберешь) в стереотипы! Скажем, если с Героем Советского Союза знаком заочно и впервые спешешь к нему на встречу, то представляется этот человек величественным не только в поступках, но и внешне: разворот плеч, целеустремленность во взоре, весомость суждений. А если он коренаст и негромок в общении, если скуп на слова и не может высоким слогом объяснить, почему в критической ситуации поступил именно так, а не иначе, если в тоне разговора ни намек на всесокрушающую безапелляционность, а порой слышны нотки сомнения — то что, Герою такие черты не свойственны! Да нет же, вот сидит напротив сержант запаса Юрий Миролюбов. Слушаю скупой рассказ Юрия о его жизни и вижу, как время от времени появляется отрешенность в глазах, когда он мысленно погружается в неведомое мне — в дни и ночи своей службы в Афганистане, где за мужество и героизм при выполнении интернационального долга был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вспоминает Ю.Миролюбов:

— В части, где мы после призыва в армию проходили доподго-

товку по специальности водителя бронетранспортера, нам сказали, что вскоре направят в Афганистан. Тревожно было на душе: не маленькие, знали, что там, где стреляют, там и убивают. Но виду ребята не показывали. Может, потому что на миру, на глазах друг у друга все были. В Кабуле, когда нас стали распределять по частям, к нашей группе подошел старший лейтенант Кайсаров. Сказал все прямо, открыто: участок боевой, частые стычки с мятежниками, всякое может случиться. Кто чувствует, что не потянет — может проситься в другое место. Из нашей группы никто из строя не вышел. Только мы, земляки с Поволжья: Володя Дорошенко, Виталий Соловьев, Андрей Матюшкин, Саша Глухов, Илдух Алимов и Сережа Попов вроде как плотнее друг за другом ходить начали.

Вспоминает политработник подполковник О.Кривопапов:

— Каким мне запомнился Юрий Миролюбов в первые дни службы в нашей части? Человеком вспыльчивым, неуравновешенным. Мог сорваться, надерзить. Что, мне думается, прежде всего уважал в себе Юрий до армии? Независимость. А тут сразу столько над тобой командиров. И все требуют, приказывают, контролируют. Но уже первые боевые выходы в горы сильно изменили его. То ли так устроен человек, что только перед лицом смертельной опасности понимает: требовательность в деле военном даже в мелочах — не прихоть, а единственный путь научить победить и остаться живым. На смену показной браваде к Миролюбову пришли самокритичность, понимание, что бережет от пули в бою мастерство и взаимовыручка, опыт, уверенность в том, что тебя прикроют, помогут.

Вспоминает Ю. Миролюбов:

— Самоутверждаться в своих глазах и глазах сослуживцев мне, наверное, было легче, чем многим одноклассникам по сроку призыва. Я все-таки поселковый, маме и отцу по дому помогал, за сестрами там присматривал. Работы никакой не боялся, понимал, что как бы она трудна ни была, кто-то же должен ее делать. В армейском коллективе, правда, поначалу все думалось: почему именно меня назначили в наряд по кухне, в караул, на обслуживание техники? Были, в общем, амбиции. Но это быстро проходит. Война наглядно показывает, как мы, наши дела тесно взаимосвязаны, как мы зависимы друг от друга. Бой учит тому, что все можно преодолеть только сообща, вместе. Примеров тому множество. Вот один из них.

По просьбе наших друзей мы забросили в ущелье Чинари группу для засады — недалеко от нашего гарнизона. Бронегруппа, чтобы не спугнуть караван с оружием, идущий из Пакистана, вернулась в гарнизон. И вдруг тревога. Командир резервной группы еще не добежал до стоянки бронетранспортеров, а машины уже выкатились на площадку погрузки. Мчимся к ущелью. Дозорные сержант Сергей Зверев и рядо-

вой Виктор Латыпов на тропе встретили огнем мелкую группу мятежников. А по гребню шли основные силы противника. Наших они отрезали, окружили. Ребята бой приняли. Было сделано все возможное, чтобы поддержать их огнем и броней, выручить. Командир части сам руководил операцией. Все это знали — связь была, солдаты держались. Когда мы прорвались к ним, у Зверева и Латыпова оставалось всего по половине магазина патронов. В том бою я впервые узнал, как можно оглохнуть от грохота выстрелов собственного пулемета.

Вспоминает военком Краснопартизанского района Саратовской области майор В. Исаенко:

— Юрий в поселке Чистополянском был из тех ребят, кого тихоней не назовешь. У Николая Николаевича и Зои Николаевны — пять дочерей и два сына. Особо и не уследишь в работе да хлопотах по дому за всеми. Только заметно в семье Миролюбовых, что все дети приучены к труду, к ответственности перед обязанностями, перед данным словом. Юрий техникой увлекался, не даром и в автошколе ДОСААФ пошел учиться, в самодеятельном эстрадном ансамбле играл, да и постоять за себя или товарища всегда мог.

Вспоминает Ю. Миролюбов:

— Коллектив в подразделении подобрался боевой. И хотя служили в нем воины самых разных национальностей, ребята не только понимали друг друга с полуслова, но и работали за двоих: каждый владел одной-двумя смежными специальностями, всегда готов был помочь товарищу. Особенно мы сдружились в Афганистане с Володей Дорошенко, он родом из соседнего совхоза, Фурмановского. Оба водителя, жили в одной палатке. Когда палатку мина разбила, вырыли землянку. В свободное время друг другу письма с Родины показывали. Был у нас общий магнитофончик. Слушали музыку, наши песни. Самой любимой была та, которая начиналась словами: «Такого снегопада, такого снегопада давно не знали здешние места...» А вот «запад», рок не трогал. Грохота войны, наверное, хватало. Мы с Володей в операциях старались быть поближе друг к другу. Если у кого-то из нас БТР был неисправен, то шли на броне пулеметчиками. Командиры это дело нам доверяли, потому как стреляли мы вроде неплохо, все штатное оружие подразделения в первые же месяцы освоили. Ну и, конечно, если что случится, поломка какая — мы друг другу помогали. Под Дубанди, кишлак такой есть, попали мы под сильный обстрел. Я тогда как раз у Дорошенко пулеметчиком был. Реактивными снарядами нас накрыли, из пулеметов хлещут. Тут на какой-то колдобине в БТРе Владимира переломилась подвеска — правое переднее колесо не действует, мешает движению. Переглянулись мы: свинец по броне бьет, а «бэтээр» надо чинить. Прикрыли нас ребята. Мы лежа колесо открутили, приладили ремнями, чтобы ехать не мешало. Семь колес, конечно, не восемь. Один

мост к тому же не работает — пришлось нам тогда с места прикрывать ребят огнем. Расстреляли один боекомплект полностью, второй вручную зарядили. И его расстреляли. А после боя со складов мятежников оружие, боеприпасы вывозили машинами.

Вспоминает Ю. Миролюбов:

— Не знаю, чем я приглянулся нашему санинструктору. Только старший сержант Сергей Леба меня с первых дней приметил. Учись, говорит, кровь останавливать, раны перевязывать, противошоковые инъекции делать. Уйду в запас — за меня останешься. Так оно и получилось. В моем бронетранспортере всегда была сумка с медикаментами. В ущелье Чинари, когда крупный караван с оружием для душманов захватывали, она особенно пригодилась. Наша группа захвата была в засаде. Взяли пятнадцать вьючных животных. Оружие нужно было забрать — нас, три бронетранспортера, туда и направили. Только мы втиснулись в ущелье — тут и началось. Как потом выяснилось, группа мятежников численностью до трехсот человек, пытаясь отбить караван, отсекла нас от выхода из ущелья. Пришлось мне и за водителя, и за пулеметчика, и за медбрата там быть. Многих ребят ранило. Погиб Саша Двухречинский — храбрый парень из Новосибирска. В ногу ранило капитана А. Бобылева — командира роты. Я ему повязку наложил, он продолжал командовать, руководить боем. Были и потери. Но мы никого не оставили, не отдали противнику. На скорости вырвались из капкана все три машины. Только тогда я и обнаружил, что моя медицинская сумка пуста — весь перевязочный материал использован.

После встречи с Юрием Миролюбовым я все задавал себе вопросы: что же главное в человеке, когда он идет в бой, когда незаметно, но исправно выполняет любую обыденную работу? Что за сила духа стоит за такими фактами, как участие его во всех операциях (а их было около 60), в которых действовало подразделение. Даже если ты контужен и командир отправляет тебя в санчасть. Юрий все это объясняет просто: «Неудобно было перед ребятами. Они идут в горы, а мне, что ж, на койке прохлаждаться?» Или что кроется за таким ответом: «Самое главное, запомнившееся из службы в Афганистане? А мы спины горам не показывали. Никогда». А о чем говорит тот факт, что сразу же после вручения в Кремле наград Юрий и его мама Зоя Николаевна собирались домой в совхоз «Красное знамя»? Юрий спешил на экзамены в вечернюю школу, да и молоковоз, на котором он работал, остался без хозяина.

Все же, мне кажется, я нашел ответ на свои вопросы. Когда человек живет и трудится по совести, в какие бы сложные, тяжелые обстоятельства он ни попадал, — он будет делать дело честно, как должно, как требует человеческий, интернациональный долг защитника Родины.

Подполковник А. ДЕРЯБИН.

Понятное дело, обвал славы вскружил Юрию голову. На первых порах, скучая об Афганистане, все мысли у него были сосредоточены вокруг армейских будней. В одном из своих писем он написал замполиту бригады подполковнику О.Кривоपालову о своем желании стать офицером, что очень порадовало. Но какое военное училище без среднего образования, надо учиться. Пошел в вечернюю школу за аттестатом, а жизнь на глазах стала меняться к худшему. Начата Горбачевым, так называемая, «перестройка» втягивала страну в губительную воронку развала всех институтов государственности и экономики. Служить в армии стало не престижно. Родной совхоз начали растаскивать «новые русские», жить стало невыносимо тяжело и Юра начал пить, так же, как многие вокруг него в поселке Чистопольском. Но на спиртное денег не хватало и расцвел черный рынок — на который тянули все, что плохо лежит. Как-то стянули с собутыльником из разрушенного цеха МТС колесо от трактора и обменяли за бутылку самогонки. Но эта бытовуха закончилась для Героя Советского Союза Миролюбова лишением свободы сроком на три года. Понятно, что не просил он снисхождения, не очень веря в справедливость закона, а потом стыдно же было бы показывать свои геройские документы и награды. Да и суд делал свое дело тупо, не вникая в сердцевину человеческих судеб. Через два года после приговора суда нашлась в Саратове молодая и прелестная журналистка, которая ко дню Победы решила написать очерк о преемственности поколений и стала она искать афганца Юрия Миролюбова. А когда узнала его историю, пришла в дикое бешенство и написала в редакцию «Комсомольской правды», которая материал не опубликовала, но ход материалам дала. Нашлись ответственные лица МВД и прокуратуры, Верховного суда, которые представили документы на амнистирование осужденного Миролюбова.

— Куда вернулся Юрий?

— В ту же самую богом забытую, властью разрушенную российскую глубинку.

— Что делать? И кто виноват? — извечные русские вопросы.

В общем, закончилось все по ряду обстоятельств настоящей трагедией, о которой в юбилейном альбоме «Спецназ ГРУ» написано всего два слова «трагически погиб в 2001 году». А произошла нелепость — в январскую стужу, пересекая замерзшую реку, он ушел под лед вместе со своим трактором.

Мне вспомнились слова покойного Юрия Миролюбова:

«Все же, мне кажется, я нашел ответ на свои вопросы. Когда человек живет и трудится по совести, в какие бы сложные обстоятельства он ни попадал, он будет делать дело честно, как должно...» Какие они правильные и какая неправильная оказалась жизнь и судьба героя. Мне искренне жаль его. А исключительный ли это случай? Обо всех ли мы знаем своих сослуживцах? Как им живется после войны?

Ежегодно в один из апрельских дней я со скорбью вспоминаю погибшего заместителя командира 4-го батальона, майора Головка Виктора Николаевича, судьба которого тоже стала трагической. Это был среднего роста симпатичный человек с приятным и открытым славянским лицом. Он закончил девятую роту воздушно-десантного училища и являясь истинным боевиком- спецназовцем просто неудержимо рвался на боевые.

Перед Афганом Головка служил в 10-й Крымской бригаде и к нам приехал на должность начальника разведки штаба бригады. Но, узнав, что в Бараки батальоном командует его друг Корчагин, он заявил, что считает свою должность более штабной, чем в боевом отряде спецназначения, и хочет поехать. Долго убеждать комбрига поменять его местами с начальником штаба 668 отряда не пришлось. В мае 1987 года состоялся приказ, и Головка с некоторым сожалением откомандировали в Баракинский батальон. Кто мог знать расклад звезд? Кто мог предполагать, что это место для него окажется роковым...

Прослужив в Бараках меньше месяца, он получил ранение. Я с комбригом полковником Старовым навещал его в центральном советском военном госпитале в Кабуле. Был разгар войны, поэтому госпитальный двор и все палаты были просто до предела забиты ранеными. Кровати стояли в два яруса, даже в коридорах между отделениями все было забито... Офицерская палата, в которой лежал Головка, была чуть просторнее, с высокими потолками, но и в ней лежало несколько десятков человек. Тошнотворно пахло лекарствами и зловонием разлагающейся человеческой плоти. Обрубки рук, культы ног, обезображенные и обожженные лица, стоны, страдания... — все это впечатляло.

Бледное лицо Головка мы с комбригом увидели сразу, как только вошли в палату. Несмотря на тяжесть ранения, Витя держался по-мужски и во время беседы даже сел на край кровати. В его истории, рассказанной нам, подтвердилась верность народной военной поговорки, что самое опасное на войне — это первый и последний день. Виктора поккалечило, когда он с бронегруппой вышел в район боя с бандой мятежников. Ранило его в первые минуты... На счастье, разрывная пуля, пронзив бедро насквозь, взорвалась от удара о броню. Ранив осколками при этом еще четырех человек.

Виктор рассказывал нам, что удивляется до сих пор, вспоминая те моменты, как за несколько секунд до ранения все его тело необычно напряглось, как будто ожидая чего-то, а потом он почувствовал мощный удар.

Через десять месяцев после этого смерть все-таки нашла майора Головка...

Были ли у него какие-либо предчувствия перед этим своим последним боем он уже рассказать нам не смог. Его судьба оказалась фа-

тально трагичной. В тот день вроде ничего не предвещало о его гибели. Шла обычная разведка местности. Погода не баловала, перевал был закрыт. Поэтому досмотровая группа № 421 в количестве 19 человек вела воздушную разведку в районе Газни-Бараки. Осуществляя облет местности, в степи Самдаг в 11.10 разведчики обнаружили караван из 9 вьючных животных в сопровождении 12 вооруженных мятежников. Десантники, как это было не раз, выпрыгнули для досмотра каравана и вступили в бой. Противник сопротивлялся недолго. Однако по причине досадной несогласованности действий между десантом и авиацией произошла трагедия: командир авиаотряда МИ-24 майор Нежелский В.Я. ошибочно принял очередь трассирующих пуль за целеуказания для атаки и нанес ракетный удар (НУРСАМИ) по полю боя, где, кроме духов, были разведчики досмотровой группы. Ведь задачи ставили разные командиры. Спецназу задача была произвести досмотр зоны, а летчикам — повозить немного спецназ, без самостоятельности, согласно наставлений, инструкций и приказов, и домой. Единого замысла выполнения задачи отработано не было. Что хочет спецназ от летчиков, а летчики от спецназа, порой до конца было не ясно. То же самое произошло и при огневой поддержке «земли» с воздуха. Под двойным огнем — моджахедов и вертолетчиков — были убиты майор Головка В. Н., старший лейтенант Обморшев И.А. (борттехник МИ-8, который выпрыгнул вместе с десантом) и тяжело ранены пять разведчиков: старший лейтенант В.И. Саввин, младший сержант Н.В. Самит, рядовые Н.Г. Бысов, Ш.Ф. Клонтаров, К.Г. Туйчиев.

Витя Головка, получивший осколочное ранение в область сердца и огнестрельное ранение в лобную часть головы, умер сразу. Его залитая кровью топографическая карта и разорванный пулями лифчик боевой разгрузки позднее были переданы на вечное хранение в музей боевой славы бригады. Командир бригады Ю. Старов добился посмертного награждения кавалера двух орденов Красной Звезды майора Головка орденом Ленина.

А через месяц начался вывод войск из Афганистана на родину. В этой неразберихе сложно складывалась жизнь вдовы после гибели мужа. Именно в это время впервые цинично прозвучали кошунственные слова бюрократа:

— А я вас в Афганистан не посылал!

Мы, бывшие сослуживцы Головка, вынуждены были вмешаться в процесс решения бытовых вопросов и написали в газету «Комсомольская правда». 19 октября 1988 года наше письмо было опубликовано, приведу его полностью:

«Вдова обивает пороги»

«Много раз нам приходилось слышать о том, как бездушно относятся местные власти на Родине к проблемам воинов-интернационали-

стов и их семей. Не верилось, что бюрократизм и волокита уживаются рядом с человеческим горем. Но, к сожалению, пришлось в этом убедиться самим.

Служил в нашей части прекрасный человек и офицер — майор Виктор Головкин. 8 июля 1987 года во время боя с бандой мятежников он получил тяжелое ранение, но из боя не вышел. Виктор оставался в строю, пока не потерял сознание. После лечения в госпитале отказался от положенного отпуска и прибыл в часть. Он искренне считал, что не имеет права на отдых, когда его товарищи выполняют боевые задачи. Никто и никогда не слышал о том, что ему трудно с раненой ногой, наоборот, своим мужеством и хладнокровием он заставлял забывать про усталость...

17 апреля 1988 года во время ведения боевых действий наш боевой друг, майор В.Н.Головкин, кавалер двух орденов Красной Звезды, погиб смертью храбрых. Посмертно он награжден орденом Ленина.

Дома у Виктора осталась семья: жена, двое маленьких детей и мама-пенсионерка. Все его родные и родственники жены живут в г. Борисове Минской области. Виктора тоже похоронили в Борисове. Туда, в городской военкомат, направили личное дело погибшего и все необходимые документы. Вполне естественно и понятно желание жены Виктора, Ольги Константиновны, жить там, где похоронен муж.

До отъезда в Афганистан Виктор служил в Крымской области, там же жила и его семья. После гибели мужа Ольге Константиновне приходится постоянно ездить из Крыма в Борисов и обратно для того, чтобы решить проблемы, связанные с получением жилья. Но ни квартиры, ни положенного пособия, ни пенсии на детей она не получает, потому что у нее нет борисовской прописки, а прописки нет, потому что нет квартиры. Семья живет сегодня на те деньги, которые мы, офицеры части, собрали и отправили ей после гибели Виктора. Ни городской комиссар города Борисова, ни другие официальные лица, которые располагают жилой площадью и фондами для выделения семьям военнослужащих в подобных случаях, никаких мер не принимают.

Каждый из нас, будь мы на территории СССР, считал бы своим долгом поддержать семью погибшего товарища, добиться справедливости. Но мы продолжаем выполнять свои обязанности здесь, в Афганистане, и поэтому обращаемся за помощью в редакцию.

**С уважением, офицеры части Ю.Берзин,
В.Горатенков,
О.Кривопапов.**

К чести руководства города Борисова, они оперативно отреагировали на нашу публикацию и обеспечили семью погибшего офицера необходимой жилой площадью. Бывший командир отряда и лучший

друг Виктора, подполковник А.Корчагин, в тот период слушатель ВА им.Фрунзе, помог семье перебраться на новое место жительства в Белоруссию и первым возложил цветы на могилу В.Головкина. Мысленно в эту минуту мы, находящиеся в Кабуле, были с ним рядом.

Четвертому батальону везло на хороших командиров, всем в спецназе были известны имена Сергея Рындина (впоследствии погиб в горячей точке), Павла Корчака (погиб в бою), Роберта Яшина, Евгения Барышева, Виталия Бокова, Юрия Коваленко, Сергея Клименко, Сергея Михайленко, Виктора Воронина, Евгения муковоза, Алексея Попович, Игоря Буги, Игоря Дубровы, Юрия Олефrienко, Ю. Пименова, В. Бородавки, А. Шубы, К. Пашнина, В. Лупенко, В. Прохоренко, Жогла, Попова, Корягина, Слипченко, Полозова, Кравченко, Ефремова (впоследствии погиб в горячей точке), Могилевич (впоследствии погиб в горячей точке), Тесля, Бекина и многих других...

А настоящей гвардией среди лучших стали кавалеры трех орденов — Анатолий Корчагин, Андрей Бобылев, Олег Гопиенко, Валерий Горатенков, Владимир Воробьев.

Если кого забыл, простите...

Любимцем коллектива был командир роты спецназ старший лейтенант Василий Иванович Саввин, награжденный четырьмя боевыми орденами. Вот какие сердечные слова нашел о нем его бывший подчиненный Евгений Барышев:

«На всю жизнь я запомнил, что 12 мая Васин день рождения. Вечером соберемся, перекусим и выпьем по маленькой. Правда, Вася, наш командир роты Василий Саввин, этим не баловался. Не любил, да и нельзя ему было. До нашего отряда Вася год отслужил в 56 десантно-штурмовой бригаде в Гардезе. Там и подорвалась на фугасе его машина. От подрыва осталось на всю жизнь множество мельчайших осколков на теле и ногах, которые Вася на досуге выковыривал, и ежедневные головные боли — следствие контузии.

«Вась-я-я-я!» — специально протяжно говорил я ему при встрече. «Жень-я-я-я!» — так же протяжно вторил он мне в знак дружеского приветствия. «Ну что, похрюкаем сегодня!» — Вася большой любитель резких высказываний. «Похрюкаем» на его языке — поедим. Както на утренней зарядке он сказал бойцам: «Сегодня вы у меня, как худые свиньи, будете покорять большой Мир Абдаль». Большой Мир Абдаль — самая высокая гора рядом с нашим расположением. Водились за ним и другие высказывания, но... на них никто не обижался. Знали, что говорит он беззлобно».

Фамилия Саввина с завидным постоянством звучала на ежедневных утренних докладах разведотдельцев командующему армией. Вот

лишь краткое перечисление наиболее весомых результатов его боевой деятельности за тот период:

16 апреля 1987 г., командуя облетной группой, захватил машину с пятью бандглаварями Исламской партии Афганистана. В ночь с 12 на 13 мая 1987 г., командуя бронегруппой, принимал участие в уничтожении каравана в районе н.п. Абчакан, в ходе боя получил ранение, но продолжал руководить боем и способствовал захвату большого количества оружия и боеприпасов, среди которого оказались ПЗРК и БО. 22 мая, находясь в засаде в районе н.п. Альтамур, уничтожил караван из 50 вьючных животных, в результате чего захватил большое количество оружия. 4 октября, командуя досмотровой группой, десантировался в районе н.п. Абчакан и уничтожил караван «духов». 15 декабря, командуя РГСпН обнаружил банду мятежников, совершил маневр и нанес удар с тыла, при этом навел огонь авиации на 2 ЗГУ и 1 ДШК. В ходе боя моджахеды были уничтожены. 4 февраля 1988 г., действуя в составе бронегруппы, грамотно организовал бой и поддержал РГСпН ведущую бой с превосходящим противником в районе н.п. Чрх. Под плотным огнем «духов» произвел досмотр уничтоженного автотранспорта и корректировал огонь артиллерии. В ходе боя уничтожил один миномет, 2 ПУРС, 23 моджахеда. 14 марта, командовал РГСпН при уничтожении каравана из засады. 17 апреля 1988г., во время досмотровых действий в районе степи Самдаг (36 км. сев.вост. Газни) был ранен. Это было его четвертое ранение. Несмотря на тяжесть полученного ранения в лобную часть головы, правое предплечье и левое бедро комгруппы Саввин по радиостанции «Ромашка» продолжал управлять авиацией в ходе боя и эвакуации группы, после чего потерял сознание. Врачи спасли жизнь отважному спецназовцу, но из армии комиссовали по болезни. Как мне говорили, майор Саввин В.И.. долгое время служил в Севастопольском горвоенкомате.

Надо отметить особо, что в первой половине мая 1987 года многие группы 668 отряда дали высокие боевые результаты. Читаю записки в рабочем блокноте:

«9 мая 1987 г., РГСпН под командованием лейтенанта И.Буга при поддержке бронегруппы № 415 уничтожила в засаде 30 вьючных животных и семь мятежников. Захвачено: ДШК — 1, БО — 2, миномет — 1, СГМ — 1, ПЗРК — 3, СО — 2. Боеприпасы».

«11 мая 1987 г., Досмотровая группа лейтенанта Тесля на облете уничтожила: вьючных животных — 26. Захвачено: пленный — 1, БО — 2, выстрелов к БО — 113, 82-мм мин — 47, выстрелов ПГ-2 (для РПГ-2) — 80, ВВ — 88 кг, взрывателей: к минам-сюрпризам — 47, химических — 74».

«В ночь с 12 на 13 мая 1987 года РГСпН № 411 под командованием лейтенанта Полозова уничтожила в засаде караван из 22 вьюч-

ных животных. Захвачено: Оружие: БО — 1, 82-мм миномет — 1, РПД — 2, СО — 2. Боеприпасы, мины, ВВ-106 кг, средства взрывания к ним».

Известной личностью в Афганистане был замполит роты 668 ооСпН старший лейтенант Михаил Иванович Садовников. Это был человек удивительной настойчивости и целеустремленности. Он дважды служил в Афганистане. Первый раз в двадцать лет после окончания Ашхабадской учебки сержантом на должности командира отделения БМП. В 1981 году его мотострелковое подразделение стояло на блоке под Мазари-Шарифом. Ему не пришлось тогда хлебнуть настоящего боевого лиха, но Афганистан запал в душу, он полюбил эти выжженные солнцем горы, прохладу ущелий и дух боевой романтики.

Тогда бывший слесарь-сборщик, выпускник Пензенского машиностроительного техникума и предполагать не мог, что станет профессиональным военным.

Под влиянием обстоятельств и убеждения офицеров подразделения Миша уехал учиться в Сибирь. После успешного окончания в 1986 году Новосибирского высшего военно-политического училища для него не было сомнений по выбору места службы. Он напросился в Туркестанский военный округ. В Ташкенте его направили вновь в Ашхабадскую дивизию на должность замполита мотострелковой роты. Мог ли Миша спокойно служить, если рядом шла война. Через год неимоверных усилий он добился направления в Афганистан, где произвел приятное впечатление на кадровиков и в апреле 1987 г. был назначен замполитом роты в одну из лучших частей спецназа в Бараки.

Садовников сменил Мишу Трофимова. Кстати сказать, фамилия Трофимов была очень распространенной в нашей бригаде. Только в Бараках служили два замполита Трофимовых. В Газни взводным был тоже Трофимов. И все носители этой фамилии были боевыми и толковыми офицерами. Один замполит Паша Трофимов представлялся к Герою, а два других Трофимовых героически погибли в разное время. Один в Афганистане, а другой Миша через десяток лет в Югославии. Михаил Трофимов, которого сменил Садовников, после ДРА не захотел служить в армии и уволился в запас. Пошел, на так называемые «вольные хлеба», и несколько лет удачно работал каскадером в Ташкенте на Узбекской киностудии. Его прекрасная разносторонняя спортивная подготовка оказалась здесь востребована. Это был просто отчаянный парень, как говорят о таких — сорвиголова. После позорного развала системы кинематографии и Узбекской киностудии, в конце 90-х годов, потянувшись за романтикой и острыми ощущениями, он уехал помогать братьям-сербам защищать свое отечество и героически погиб в одном из боев на земле Югославии...

После бесстрашного М.Трофимова лейтенанту Садовникову не-

просто пришлось зарабатывать себе авторитет. Однако Миша достаточно быстро вошел в незнакомый десантный коллектив и обусловлено это было тем, что он не вылезал из боевых действий. 12 мая 1987 года Садовников входил в состав бронегруппы старшего лейтенанта Саввина и действовал в первом своем бою дерзко и решительно. Это заметили все: и солдаты, и офицеры. А 2 июля при прочесывании кишлака Сипест он закрепил свою боевую характеристику... После этого ему доверяют самостоятельно командовать группами. Ровно через неделю, 8 июля, в районе н.п. Чинари его группа попала в очень сложную ситуацию. В том кровопролитном бою, когда погиб Саша Двухреченский, Садовников добился весомого боевого успеха и был выделен командованием в числе исключительно смелых, решительных и результативных офицеров батальона.

В нем было много командирского: он говорил грубым баритоном, красочно ругался матом, тяготился политзанятиями, несколько поверхностно занимался индивидуальной воспитательной работой с подчиненными, любил поиграть в карты и выпить... Первое время у него отмечались шереховатости в отношениях с боевыми командирами групп и некоторыми бойцами из старших призывов, но он сумел всех поставить на свое место... Иногда и в физиономию мог съездить, но своего добивался. Во время боя 26 июля 1987 года Миша получил пулевое ранение в лоб.

Он шутил по этому поводу:

— Хорошо, что мозгов нет, а то было бы сотрясение!

Но ранение и черепно-мозговая травма были очень серьезные.

Вот так по крупицам и складывался у человека деловой авторитет.

После выдвижения комсомольца старшего лейтенанта Яремко на вышестоящую должность в Кабул, я добился назначения Садовникова на освободившуюся должность в политотделе бригады помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Это считалось повышением по службе. В мае 1988 г. Миша в первой колонне бригады возвратился в Союз. Однако, прибыв к месту постоянной дислокации в Чирчик и выпив на радостях со своими однокашниками за благополучное возвращение, он вдруг загрустил. В хлопотах не сразу я понял причину перемены его психологического настроения. А когда вдруг обнаружилось его отсутствие, очень заволновался. Организовали поиски — безрезультатно. Через несколько дней из Кабула в штаб бригады позвонил офицер разведотдела армии подполковник Матвей Абсушин и сообщил:

— Олег Владимирович, Садовников просил передать тебе, что он благополучно добрался до своего батальона.

— Ах, мальчишка, сбежал на войну! Еще не навоевался! — подумал я в тот момент...

Да, он был человеком действия. Решительным и целеустремленным. Быстро сориентировавшись в обстановке общей неразберихи, Миша, имея на руках служебный паспорт, самовольно вернулся обратно в Афганистан, на войну, в свою часть, которая в связи с повышением активности мятежников была задержана командованием в Кабуле до февраля 1989 года.

— Как же я мог находиться дома, если мои ребята продолжают воевать, — пояснял он мне позже свой поступок, — ведь они бы подумали, что я струсил.

Садовников вновь был назначен на прежнюю должность — замполитом роты в своей части. Вновь окунулся в стихию войны, ходил в засады, летал на воздушную разведку в окрестностях Кабула. 19 августа 1988 г. при выходе колонны на боевые, БМП, на которой находился Садовников, подорвалась на mine. Михаил получил серьезную минновзрывную травму и госпитализирован в центральный военный госпиталь в Кабуле.

Не успев окрепнуть, только выйдя из госпитальной палаты, он вновь 20 сентября уходит на боевой выход в район н.п. Даштак южнее Кабула, где пережил многочасовой тяжелый бой с моджахедами.

Я к тому времени вернулся в Кабул на должность заместителя члена военного совета, и беспокоясь за судьбу Садовникова, пошел к генерал-майору А. Захарову с просьбой:

— Товарищ член военного совета, прошу Вас назначить моего замполита роты Садовникова на вышестоящую должность. Ходит по лезвию ножа. Смертью дважды помечен — получил пулевое ранение в голову и контузию на подрыве. Это тот самый Садовников, что самовольно вернулся в Афганистан из Чирчика. Как бы не убили!

Кто-то, а Захаров отлично знал, что такое метки смерти. Он тут же снял трубку телефона и приказал начальнику отдела кадров подполковнику А. Соснову найти должность для Садовникова. Вскоре состоялся приказ, и Садовников окунулся в работу секретаря партбюро 177-го отряда спецназа, дислоцировавшегося в то время на Кабульском аэродроме.

...15 февраля 1989 года, на последнем бронетранспортере отряда, следом за пешком идущим по мосту командармом Громовым, Мишка выкатил на родную советскую землю... Какая же она тогда была громадная наша земля! Эшелон их части был в пути без малого месяц. За дороги они, как босяки оборвались и спустили все свои сбережения. Станция разгрузки части оказалась за полярным кругом недалеко от Мурманска. Впервые все они, от солдата до офицера, увидели роскошное северное сияние. Вот ведь как устроена военная судьба, то афганс-

кая жара под 40 градусов, а тут, где под боком норвежская граница и 40 градусов мороза. Под меховой десантной курткой у М. Садовникова не видны были три ордена Красной Звезды, полученные за мужество, пролитую кровь, за успешное выполнение интернационального долга... Только шрам на высоком лбу свидетельствовал о том, что его хозяин побывал в боевых переделках.

Служба в Союзе у Миши, как и у многих, прошедших войну, шла неровно. Часть разместили в заброшенном военном городке, где до этого размещались ракетчики. Естественно, по ходу пришлось заново обустроить полуразграбленные помещения. Непрерывные строительные работы и неустроенный быт действовали на всех разлагающе.

То ли сказалось отсутствие рядом женского начала, то ли ранения давали о себе знать, но Садовников остался закоренелым холостяком. Бывало, получив получку, крепко выпивал. В этом состоянии дурел до безобразия — все ему казалось, что он на войне... В суждениях и поступках был резковат. С пол-оборота легко заводился и мог полезть в драку.

После подписания позорного приказа министра обороны России о расформирования отряда, он долго не мог выйти из стресса. Служить в Пскове отказался. В этот период у молодых офицеров считалось за геройство — назло врагам уволиться в запас. Уволился.

— А куда идти?

— Что он умел делать, кроме того, как воевать?

В 1998 году его следы затерялись. Позднее мне рассказывали, что его убили на Кавказе в городе Баку...

Недаром его метила смерть...

Яркий след в истории отряда оставил о себе младший врач медпункта отряда лейтенант медицинской службы Белевитин Александр Борисович.

После окончания Ленинградской военно-медицинской академии он в сентябре 1985 г. попал в Афганистан. Помимо повседневной медицинской практики принимал участие в 9 боевых операциях, в ходе которых проявил себя смелым и решительным офицером. Неоднократно под огнем противника оказывал быструю и квалифицированную помощь раненым, а если требовала обстановка, брал в руки оружие и участвовал в бою как боец. Особо, лейтенант Белевитин отличился 6 апреля 1986 г. при повторном досмотре места уничтожения каравана, 16 апреля 1986 г. при уничтожении каравана вооруженной оппозиции.

20 июня 1986 г. пункт постоянной дислокации отряда был подвергнут интенсивному минометному обстрелу мятежниками. В этой обстановке, рискуя жизнью, лейтенант Белевитин вынес из-под обстрела двух раненых военнослужащих и оказал им своевременную медицинскую помощь, чем спас жизнь.

4 августа 1986 года, участвуя в налете на склад мятежников, был ранен и контужен. В ходе боя лично уничтожил одного мятежника и организовал эвакуацию раненых, во время которой силы покинули его и он потерял сознание. За боевые заслуги старший лейтенант Белевитин был награжден орденом Красная Звезда и медалью «За боевые заслуги».

Послевоенная служба у Александра Борисовича сложилась достаточно удачно. Он защитил диссертацию, стал профессором, а к 2005 году уже был заместителем начальника военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, получив высокое воинское звание генерал-майора медицинской службы. Насколько я знаю, он стал единственным генералом из всего достойного офицерского коллектива 668 ооСпН.

Повезло отряду и на особиста. До 22 октября 1987 года щепетильную работу военного контрразведчика ОО КГБ бригады вел майор Романов Владимир Ильич. Он был выпускником Рязанского высшего воздушно-десантного училища, и маргеловская закалка дала ему хороший иммунитет от принятой у некоторых работников этой сферы неприличной формы сыскной деятельности и способности к подковренным интригам. Владимир Ильич был прекрасным человеком и надежным товарищем. Прямым и верным в отношениях с командным составом батальона и солдатами. Его уважали и любили. Он погиб в сбитом духами самолете Ан-26, идущем на посадку в районе взлетной полосы аэродрома Джелалабад.

Не могу не вспомнить добрым словом наших прапорщиков Леонида Сапронова и Константина Станева, а также солдат и сержантов, которые на своих плечах несли все победы и поражения отряда. Каждый офицер, вспоминая свою длительную службу, непременно назовет фамилии подчиненных, которые запали в душу своим мужеством и героизмом, профессионализмом и человеческими качествами.

В батальоне такими были сержанты Ю. Зубко, О. Кожушко, Г. Пасахович, В. Коргун, А. Ковтун, Мизгириев, Мирзагаев, Чубаров, Горбунов, В. Захарченко, Д. Сушко, А. Гонышев, Н. Карплюк, А. Волков, А. Канашков, В. Ильенко, А. Волков, О. Масюк, О. Онишук, Г. Солохин, П. Рыбин, рядовые В. Поддубцев, С. Черных, С. Христенко, Лагутин, С. Лапшин, А. Двухреченский, М. Ткаченко, О. Шариков и многие другие. Всех сразу и не припомнишь. Свое повествование о солдатах и сержантах я хочу дополнить выдержками из чудом сохранившихся рабочих записей с наградных листов отряда, по отдельным отличившимся живым и мертвым разведчикам:

1. Рядовой Быличкин Василий Васильевич, уроженец Пензенской области, механик-водитель. В РА с ноября 1985 года. За время прохождения службы в I роте спецназ зарекомендовал себя дисциплинированным солдатом. Отлично знал свою боевую технику, грамотно ее

эксплуатировал. Всегда держал ее в образцовом состоянии. Быличкин принимал участие в 70 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. Отличился 1 апреля 1987 года, когда РГСПН № 433 завязала бой с бандой мятежников. Бронегруппа вышла на поддержку разведчиков. Машина рядового Быличкина шла головной. Местность была пересеченной, но броня шла на большой скорости. Группа разведчиков нуждалась в срочной поддержке, так как «духи» уже начали пристреливать «РС» и минометы по обороняющимся спецназовцам. Подойдя к району боя, машина Быличкина с ходу вступила в бой, ведя прицельный огонь по огневым точкам мятежников. Василий четко управлял своей машиной, маневрировал, не давая мятежникам прицельно бить по машине. Под огнем группы и бронегруппы мятежники прекратили огонь и, неся потери, стали уходить в горы. Но в последние минуты боя пуля снайпера тяжело ранила Василия. Умер он в госпитале через 4 суток. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

2. Сержант Волков Андрей Алексеевич, заместитель командира группы (роты на БМП), уроженец Пензенской области. В РА с ноября 1985 г. За время прохождения службы зарекомендовал себя дисциплинированным, грамотным сержантом. Участвовал в 80 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. Отличился в марте 1987 года, когда на афганскую колонну напали мятежники. Бой был тяжелым. Афганцы запросили помощи и она была оказана. Немедленно в район боя вышла бронегруппа отряда. На одной из БМП командиром был сержант Волков. Помощь подошла в самый критический момент боя. Сержант Волков, оценив обстановку, давал четкие целеуказания наводчику, управлял механиком для маневра. Экипаж действовал четко и слаженно. Метким огнем из БМП сержанта Волкова подавлялись огневые точки мятежников. И мятежники отступили, афганская колонна прошла этот участок дороги. Наша бронегруппа, выполнив свою задачу, возвращалась в ППД. Машина сержанта Волкова замыкала бронегруппу. И в этот момент из придорожных кустов раздался выстрел из гранатомета по замыкающей машине. Граната попала в башню, сержант Волков погиб. Это произошло 24 марта 1987 г. Сержант Волков посмертно награжден орденом Красной Звезды.

3. Алмаатинец рядовой Бабичев Андрей Николаевич был наводчиком-оператором роты специального назначения (на БМП). В Республике Афганистан Бабичев А.Н. находился с ноября 1987 года. За это время принимал участие в 38 боевых операциях по ликвидации вооруженной оппозиции в провинции Логар. 26 января 1988 года рядовой Бабичев А.Н. принимал участие в ведении засадно-поисковых действий в районе н.п. Калаги. Обнаружив оппозиционеров, рядовой Бабичев А.Н. занял выгодную позицию и, используя штатное оружие, по-

давил огневую точку. В бою лично уничтожил одного моджахеда. Своими действиями способствовал успешному выполнению боевой задачи. В ходе боя были уничтожены: 1-машина, 3 оппозиционера и захвачено оружие и боеприпасы. 14 июля 1988 года рядовой Бабичев А.Н. входил в состав группы при ведении боевых действий в районе северо-восточнее н.п.Закабад. Одним из первых обнаружив оппозиционеров, рядовой Бабичев А.Н. вступил в бой. Проявляя смелость и решительность, рискуя собственной жизнью, рядовой Бабичев А.Н. вплотную приблизился к вооруженным оппозиционерам и огнем из штатного вооружения уничтожил расчет ПУ РС оппозиционеров, сковал их действия, чем способствовал успешному выполнению боевой задачи. В результате боя группой было уничтожено: 8 выючных животных, 3 оппозиционера и 20 реактивных снарядов. 9 августа 1988 года рядовой Бабичев А.Н. входил в состав колонны, совершающей марш из Баграма в Кабул. В районе н.п.Дакой-Бала, группировка мятежников подвергла обстрелу боевую колонну. В ходе боя рядовой Бабичев А.Н. подавил огневую точку оппозиционеров, но был тяжело ранен и умер, до конца выполнив свой воинский и интернациональный долг. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

4. Уроженец Душанбе сержант Мирзоев Одилшан Айварович, командир отделения. В РА с мая 1987 года. За время прохождения службы в вч пп 44653 зарекомендовал себя дисциплинированным, грамотным сержантом. Участвовал в 70 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. За успешное выполнение боевых задач был награжден медалью «За отвагу». Особо отличился 31 июля, когда принял участие в уничтожении банды оппозиционеров в районе н.п. Мазгин провинции Логар. Находясь в составе бронегруппы, на своей машине одним из первых пришел на помощь разведгруппе, которая вела неравный бой с превосходящими силами мятежников. Огнем из пулемета со своей боевой машины заставил банду отступить, чем спас жизни разведчикам, которые вели неравный бой с противником. В ходе боя Мирзоев лично уничтожил 2 мятежников, но был убит снайпером противника. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

5. Уроженец Псковской области рядовой Захаров Александр Геннадьевич, разведчик-гранатометчик 3 роты спецназ. В РА с ноября 1987 года. За время прохождения службы участвовал в 25 боевых выходах по уничтожению караванов и бандформирований мятежников. 9 июня 1988 года РГСПН № 432 завязала бой с бандой мятежников. В ходе боя в группе появились раненые, и рядовой Захаров помогал их эвакуации к бронегруппе, которая пришла им на помощь. Оставшись на броню прикрывать раненых товарищей, он корректировал огонь башенного пулеметчика и сам вел огонь из автомата по мятежникам. Но силы про-

тивника значительно превосходили нашу группу, и когда группа стала отходить к броне под сильным огнем мятежников, Захаров принял огонь на себя и был убит, получив смертельное ранение в голову. Награжден орденом Красная Звезда (посмертно).

6. Волгоградец рядовой Бабенко Александр Анатольевич с февраля 1986 г. был водителем БРТ роты минирования. Принимал участие в 43 боевых операциях, но особо отличился 6 декабря 1986 года во время боя в районе н.п. Абчакан. При выдвижении в район бронегруппа была атакована противником. Будучи контуженым, Бабенко сохранил самообладание и продолжал выполнять поставленную боевую задачу. Огнем из автомата отразил атаку противника и лично уничтожил одного мятежника. Под интенсивным обстрелом вынес с поля боя раненого товарища, оказал ему первую медицинскую помощь. Устранил неисправность боевой машины и подготовил ее к эвакуации. Награжден медалью «За отвагу».

7. Таджик рядовой Карачаев Рамазон Хайталиевич был хорошим пулеметчиком роты спецназ. В Афганистане служил с апреля 1986 года. Принимал участие в 32 операциях по реализации разведанных. Особо отличился 30 ноября 1986 года, когда действовал в засаде. Обнаружив группу мятежников, уходящих из кишлака в горы, он в составе группы захвата совершил маневр во фланг противнику и способствовал пленению 3 мятежников. Во время боя получил ранение, но продолжал выполнение боевой задачи. Награжден орденом Красная Звезда.

Несколько знакомых фамилий военнослужащих батальона мне напомнила пожелтевшая вырезка из газеты «Красная Звезда» от 15 декабря 1987 г. Статья «Дорога домой» военного журналиста А.Лади-на явно была написана по заказу вышестоящего командования на модную в тот период тему борьбы с пьянством.

«Во время моего пребывания в Ташкенте в аэропорту и на железнодорожном вокзале было задержано несколько нарушителей общественного порядка в военной форме. И что характерно — все они были в форме десантников и в документах у них стояла одна и та же подпись — майор В.Головко. Что натворили эти несколько человек? Позарились на водку, сбываемую спекулянтами... Не хочется писать об этом, но пусть десантники знают тех, кто позорит их честь. Это рядовые запаса С. Митрохин, А. Макаров, Н. Мовчан... Опозорил себя недостойным поведением и сержант запаса С. Жураковский. Он громко бахвалился своими необычными заслугами, что, впрочем, не стесняясь, делали и те трое, о которых шла речь выше. Возможно, они действительно неплохо проявили себя в боевой обстановке. Но бахвальством, недостойным поведением уже бросили тень на свое недавнее прошлое, затмили то хорошее, что им, несомненно, свойственно...»

Реакция на данную публикацию была неожиданно резкой и очень жесткой. Лично министр обороны СССР Д.Т. Язов приказал наградные материалы на указанных в статье военнослужащих отозвать, что, как я помню, мы все очень болезненно переживали случившееся. Как жаль, что дорогой ценой заслуженные боевые награды оказались потерянными из-за нелепой мальчишеской пьянки...

Эта ситуация в чем-то оказалась схожей с последующей историей Героя Советского Союза Ю. Миролубова, о котором я уже писал. Мирное гражданское общество нашей страны нетерпимо принимало своих сыновей, прошедших суровую школу войны. Порой оно было необоснованно безжалостным.

Мы в бригаде практиковали отправку писем другого рода — писали в газеты и родителям отличившихся воинов о доблестной службе, поднимая на щит гласности конкретных героев и формируя положительный образ защитников Родины. Одним из таких эпистолярных героев стал для нас рядовой (впоследствии сержант) Рыбин.

Я сам сфотографировал Павла Рыбина и фотографию отправил вместе с письмом в горком КПСС и редакцию местной газеты города Кушвы Свердловской области, где жили родители Павла. Вскоре получили ответное письмо, к которому была приложена газетная публикация «Кушвинского рабочего» от 21.06.1988 г. Привожу полный текст:

«За мужество и отвагу»

(так служат наши земляки)

Двадцать восемь выпускников ПТУ № 44, призванные в ряды Советской Армии для выполнения интернационального долга, оказания помощи в защите революционных завоеваний в Афганистане, оправдали звание советского солдата, показав пример мужества и героизма. Инженерно-педагогический коллектив училища гордится своими воспитанниками. На имя первого секретаря Кушвинского горкома КПСС из войсковой части, где проходит службу Павел Рыбин, пришло письмо (*оно публикуется ниже — ред.*), в котором рассказывается об отличной службе выпускника СПТУ-44.

Письмо из части

Здравствуйте, уважаемые товарищи! Сообщаем Вам о том, что Ваш земляк рядовой, разведчик-пулеметчик, Павел Рыбин, указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красной Звезды. Мне приятно сообщить, что Павел мужественно выполняет свой воинский долг. Воин-десантник рядовой Рыбин смел и отважен в боях с мятежниками. В августе прошлого года в районе населенного пункта Суфла он был тяжело ранен, но не покинул поля боя и продолжал вести огонь из своего пулемета, чем обеспечил выполнение подразделением поставленной задачи. Павел активен в общественной работе, является комсомольским вожаком. За успехи в коммунистическом воспитании

молодежи, личное мужество и героизм он награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В декабре прошлого года— январе нынешнего Рыбин принимал участие в составе подразделения в операции «Магистраль», обеспечивая проводку афганских колонн в блокированный административный округ Хост. В суровых зимних условиях на высокогорье десантники достойно выполнили поставленную задачу. Сообщая о службе рядового Павла Рыбина, не могу не сказать спасибо его матери, проживающей в Кушве на улице Горняков, за хорошее воспитание сына, настоящего героя, воина-интернационалиста.

Здесь, в Афганистане, уроженцы Урала достойно несут боевую службу. Героями Советского Союза на афганской земле стали младший сержант Юрий Исламов из Талицы Свердловской области, подполковник Валерий Востротин из г. Касли Челябинской области. Славой покрыло себя десантное соединение, которым командует полковник Юрий Старов из Магнитогорска. Достойными продолжателями дела военных комиссаров гражданской и Великой Отечественной войн являются выпускники Свердловского высшего военно-политического училища, кавалеры боевых наград старшие лейтенанты В.Майоров, Н.Быков, капитан В. Смирнов, майор С. Зозуля, подполковник А. Греблюк и другие.

Знайте, земляки: уральцы бьются здорово!

**С десантным приветом начальник политотдела
О. Кривопалов»**

В наше смутное время мы никогда уже не узнаем, как сложилась жизнь у большинства бывших военнослужащих 668 ооСпН, из которых более тысячи являлись настоящими героями и были награждены орденами и медалями СССР и афганского правительства за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в Афганистане. Подполковника Корчагина в июне 1988 года сменил тоже выходец из 22-й бригады майор Валерий Александрович Горатенков, которому выпала честь 6 февраля 1989 года возвращаться с личным составом на Кировоградщину. Он стал там заместителем командира 9 обрСпН, полковником, но долгой службы не получилось, так как когда началось переформирование бригады в учебный центр, подал рапорт на увольнение...

...Недолгой оказалась послевоенная история 668-го отряда. Начиналось вроде все красиво: прибывающий на украинскую землю боевой батальон встречал сам командующий войсками Киевского военного округа генерал-полковник Б.В. Громов. Под его чутким руководством власти Кировограда выделили фронтовикам благоустроенные квартиры в новых домах. Но вскоре началась жестокая «перестройка» — Громова сняли, армию начали сокращать и переформировывать: из луч-

шей бригады спецназ создали 50-й учебный центр специальной подготовки главного управления разведки МО Украины.

Через несколько лет от славного боевого коллектива не осталось и следа. Офицеры и прапорщики уволились в запас. В украинской армии перестал существовать и 668-й отряд. Очень жаль, хорошая боевая и заслуженная была часть!

Правда, в память об афганцах на территории учебного центра в г.Кировограде возле штаба установили памятник погибшим на той войне, но он какой-то получился безымянный. Видимо, кто-то посчитал лишним увековечить 51 фамилию погибшего воина, а может, просто на это средств не хватило. Наверное, это было неправильное решение.

Имена погибших должны знать и помнить все!

ВЕХИ ИСТОРИИ

АБЧАКАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Мало, ежели офицер сам не боится, а команда его не имеет равной с ним твердости; у истинно храброго офицера и подчиненные будут герои.

М.С. ВОРОНЦОВ.

12 мая 1987 года в провинции Логар спецназом был захвачен на тот период самый большой караван моджахедов. Об этом бое уже написано много. Он стал хрестоматийным. Его подробности изучались во всех частях ОКСВ. Мастерство и мужество командира досмотровой группы № 423 старшего лейтенанта Трофимова П.Г. ставились в пример всему личному составу.

Не претендую на истину в последней инстанции и все же попытаюсь восстановить хронологию тех событий и рассказать о них еще раз. Чтобы помнили. Мой рассказ о наших земляках героях украинского 668 отряда спецназ, сформированного в 1984 году в Кировограде на базе 9 обрСпН ГРУ. Провожал его на войну лично командующий войсками Киевского военного округа генерал армии И.А. Герасимов, не догадываясь, что совсем скоро 52 военнослужащих вернутся обратно на Родину грузом «200».

...Тот день начинался как обычно. С утра долгое ожидание подлета вертолетов из Газни, предназначенных для воздушной разведки на караванных маршрутах. Только к 13 часам они прилетели. Боевым звеном командовал капитан Н. Майданов. По плану командира отряда этим вечером разведывательная группа (далее РГСпН) №424 под командованием лейтенанта Барышева Е.С. должна была высадиться с вертолета и организовать засаду на одном из наиболее вероятных маршрутов движения караванов мятежников. Для обеспечения действий группы была назначена бронегруппа №425 в составе трех БМП-2 и трех БТР-70. Для проведения воздушной разведки и рекогносцировки места предстоящей засады, согласно приказу по отряду командиром досмотровой группы (далее ДГР № 423) был назначен старший лейтенант П. Трофимов.

Только в 14.00 досмотровая группа вылетела. В ее составе было 20 человек: из них три офицера (заместитель командира роты старший лейтенант П.Г.Трофимов, командиры групп лейтенанты В.А. Боков и Е.С.Барышев), два радиста группы связи, 13 разведчиков 2 роты и

2 минера. На вооружении имелись: АГС-17-1, ПКМ-2, ГП-25-2, АКМС с ПБС-1-1 и АКС-74-12. Командир 3 группы 2 роты лейтенант Боков, чей позывной и обозначен был на боевом «натаскивании», т.е. изучал местность и знакомился с работой командиров. Трофимов к тому времени был достаточно авторитетным и опытным боевым офицером, награжденным медалью «За отвагу» и вполне подходил на роль боевого наставника. На двух Ми-8 под прикрытием пары МИ-24 группа должна была совершить облет местности по так называемому малому кругу: н/п Пандхаби-Шана — н/п Бараки — н/п Ахундхейль. Особое внимание уделялось южной части провинции Логар: кишлакам Альтамур, Чаунай, Абчакан, ущелью Дубандай. Ущелье в районе населенного пункта Абчакан, как уверяли знающие люди, — место спокойное во всех отношениях. Пересохшее русло реки днем хорошо просматривалось и не внушало опасений.

Однако, проходя над ним, командир досмотровой группы, а также лейтенант Барышев и командир 2-го отделения младший сержант Г. Пасахович практически одновременно обнаружили караван, находящийся на дневном отдыхе.

Павел Трофимов принимает решение десантироваться и связать боем охрану каравана до прибытия подкрепления. Вся досмотровая группа под прикрытием пары «крокодилов» была высажена приблизительно в ста двадцати метрах от Абчакана, на противоположном склоне каньона. Вертолетчики отработали по ущелью и доложили на ЦБУ, что спецназ ведет бой, а они все уходят пополнять боекомплект.

Десантировавшись, группа заняла круговую оборону. Как только духи пришли в себя, они открыли такой шквальный огонь, что ответную стрельбу из АГС-17 Барышеву и младшему сержанту Чубарову пришлось вести лежа, подняв над головой кисти рук. Трофимов срочно связался с ЦБУ и доложив обстановку — запросил помощи.

Бой завязался сразу. Душманы знали, что два вертолета не могут посадить значительную группу, и пошли напролом. Но не зря замполит роты постоянно напоминал воинам суворовскую заповедь, что врага бьют не числом, а умением. Первая атака была отбита точными очередями, гранатами.

Враги решили блокировать десант со всех сторон. Трофимов, своевременно распределив силы, захватил главные высоты, оставшись руководить боем за камнями на караванном пути. Отбита еще одна атака. Патроны на исходе. Определены примерно силы противника: более восьмидесяти человек, тяжелое стрелковое оружие, гранаты, но ни у кого из воинов не мелькнула даже мысль укрыться в горах.

Новая атака. Старший лейтенант сам лег за пулемет и прижал врагов к земле. Неожиданный взрыв гранаты — и он, контуженый, ог-

лох и ослеп на какое-то время. Едва очнувшись, Трофимов вновь припал к орудию, отстранив пытавшихся оказать ему помощь.

Бой разгорелся с новой силой. Павел успевает, преодолевая боль, давать указания воинам, на всякий случай придвинув к себе поближе гранату...

Когда обстановка стала критической и казалось, что инициатива переходит к врагам, отчаянные разведчики перебежками достигли брошенных выюков с грузом и финками открыли их. Под свист пуль установили трофейный ДШК и открыли шквальный огонь по бандитам.

Получив это сообщение, командир отряда подполковник Анатолий Корчагин приказал бронегруппе выдвинуться в район боя для оказания помощи воюющим разведчикам. Одновременно с этим срочно подготовить группу поддержки для вылета в район боевых действий. Вертолеты были заправлены топливом и боеприпасами за 30 минут, и группа в составе 22 человек вылетела на Абчакан.

В 15.30 вертушки были над группой Трофимова. При попытке сесть они были встречены сильным огнем. Поэтому группа поддержки десантировалась на обратных скатах холма в двух сотнях метров от места предыдущей высадки. Это усложнило организацию взаимодействия. Но вертушки начали работать, и огонь духов стал менее интенсивным. Однако обстановка продолжала оставаться сложной. Досмотровая группа продолжала оставаться под сильным огнем, среди личного состава имелись контуженые от разрывов РПГ. С соседней высоты духи открыли прицельный огонь из ДШК. Все это затрудняло маневр.

Два с половиной часа... много ли это? Сто пятьдесят минут, 9000 секунд... Не так много, если увлечься интересным делом, засидеться у тихого озера с удочкой... А кто измерит 9000 секунд смертельного боя, когда на одного пятеро?

Именно столько дрались разведчики до прибытия подкрепления на вертолетах и на броне. В 15.40 группе захвата в составе пяти человек под командованием лейтенанта С. Клименко была поставлена задача — занять высоту, где находился ДШК, уничтожить мятежников и в последующем не допустить выхода противника во фланг. Используя маневр и последовательный перенос огня, эта подгруппа в течение двадцати минут выполнила поставленную задачу и овладела господствующей высотой. В 16 часов 15 минут подгруппа Клименко была атакована группой всадников. Атака была отбита. Противник потерял около десяти человек. Под прикрытием этой подгруппы спецназовцы забросали гранатами духов, находящихся в ущелье. Только когда противник начал отходить вглубь ущелья, обе группы спецназа смогли объединиться. Командир уточнил задачи подгруппам. К этому времени подошла бронегруппа под командованием командира роты старшего лейтенанта Саввина. А с ней и приданная отряду артиллерия: четыре гауби-

цы Д-30 и две машины «Град-В» (двенадцатиствольные установки на базе ГАЗ-66.) Саввин организовал огонь реактивных установок в глубину каньона, а ствольной артиллерии прямой наводкой под прикрытием брони по целям, которые появлялись на поле боя.

Для прикрытия действий группы досмотра каравана, в 17.00 в ущелье к Абчакану прорвались две БМП-2. В группу досмотра вошли В.Саввин и П.Трофимов и с ними 8 разведчиков, которые под огнем противника приступили к работе. Во время досмотра был ранен в грудь рядовой Сергей Лапшин. Пуля задела ему позвоночник. Легкое ранение в руку получил младший сержант Володя Коргук. До наступления темноты оставалось ещё долгих полтора часа. Ещё одна из боевых машин из состава бронегруппы попыталась приблизиться к месту досмотра, но подорвалась на mine. Вторая подошедшая бронегруппа, которой командовал начальник штаба майор М.В.Коркишко, при движении к месту боя также подорвалась на минном поле. Подорвался БТР-70.

К 18.30 стало смеркаться. Духи предприняли ожесточенную попытку отбить караван. В результате ожесточенного боя, в ходе которого огонь велся с расстояния не более шестидесяти метров, получили ранения старший лейтенант В. Саввин и двое разведчиков. В этот критический момент боя один из сержантов с пулеметом вышел во фланг атакующей группе противника по сухому руслу и кинжальным огнем с фланга уничтожил основные силы противника.

Трофимов с разведчиками довооружились трофейными боеприпасами, английскими «ртутными» гранатами, а также прихватили с собой безоткатное орудие (далее БО) китайского производства и девять выстрелов к нему. Наверх поднимались тяжело груженные, используя не простреливаемые участки склонов. Заняли круговую оборону, готовясь к худшему. Рассчитывать на дополнительную помощь от батальона разведчикам не приходилось. Поскольку в это же время в районе 50-60 километров севернее ППД батальона ввязалась в бой с мятежниками 411-я группа и броня третьей роты. Других сил в отряде уже не было. К этому времени о богатых трофеях доложили в штаб 40-й армии. По распоряжению начальника штаба армии генерала Грекова из Гардеза под Абчакан была переброшена десантно-штурмовая рота на десяти БМП-2 с целью оказать помощь спецназу. Однако сигналов взаимодействия с подразделениями отряда они не знали, поэтому во избежание недоразумений им было приказано остановиться в 4 километрах от места боя, и оставаться там в качестве резерва при отходе спецназовцев с трофеями.

Ночью, как и ожидалось, духи предприняли еще одну попытку отбить караван. Но их действия были обнаружены наблюдателями и пресечены трофейными гранатами. После этого моджахеды установи-

ли ДШК и попытались обстреливать позиции спецназа, но пулемет был ловко подавлен спецназовцами огнем трофейного БО. Духи до утра не могли успокоиться и периодически открывали огонь из миномета, но им также авторитетно отвечала наша артиллерия. Здесь же под пулями ночью хирург батальона лейтенант Александр Белевитин оказал первую помощь раненым, и они мужественно держались до утра. Иных изменений обстановки до рассвета не произошло.

С первыми лучами солнца пришли вертушки, доставили подкрепление и боеприпасы. Снова спецназовцы, теперь уже под руководством капитана Воробьева полезли в ущелье, где вскоре ранило еще одного разведчика. Стрелявшего «духа» застрелил замполит Трофимов. Вскоре в небе появилась пара штурмовиков Су-25, которая отработала «пятисотками» пути возможного выдвижения резервов противника в ущельях Абчакан и Дубандай. Впоследствии оказалось, по данным агентуры, к месту боя в тот момент выдвигалось до двухсот пятидесяти моджахедов. Тем самым летчики в очередной раз спасли спецназовцев.

После этого к «забитому» каравану стали стекаться тыловые и транспортные подразделения отряда.

Утром начали вытаскивать оружие и боеприпасы из русла наверх. Таскали на себе по тропам. Часть наиболее ценных и представляющих интерес трофеев была доставлена в ППД. Основную же часть трофеев пришлось уничтожить на месте по причине их огромного количества и невозможности вывезти из ущелья. Итак в ходе боя уничтожено: верблюдов — 193, лошадей, ишаков и мулов — 62. Уничтожено на поле боя: ПЗРК «Хуньин-5» («Стрела-2м» китайского производства), реактивных снарядов (РС) — 470, РС 9м22м (увеличенной дальности) — 60, выстрелов к безоткатным орудиям (БО) — 570, выстрелов к РПГ-7 — 950, 82-мм мин — 410, 14,5-мм патронов — 30000, 12,7-мм патронов — 61400, 7,62-мм патронов — 230000, мин «Клэймор», производства США — 90, противопехотных мин ПМН китайского производства — 170, ручных гранат (т. н. «ртутных») английского производства — 90, взрывчатых веществ (ВВ) — 340 кг, медикаментов — 700 кг.

Захвачено и благополучно вывезено в отряд: ПЗРК «Хуньин-5» — 16, пусковых установок (ПУРС) — 4, ПУРС увеличенной дальности — 1, РС 9м22м — 24, БО — 7, 82 мм минометов — 1, ЗГУ — 1, ДШК — 1, СГМ — 1, АК — 2, миноискатель — 1, медикаментов — 700 кг. Обнаружен и вывезен трофей особой важности — шифровальная машина, производства США — 1. Осмотрены трупы 14 погибших моджахедов (столько обнаружено трупов на месте боя; по уточненным данным агентуры — 47 убитых, в том числе 6 иностранных советников, двое из которых являлись советниками гражданами США).

Никогда не достигли цели ПЗРК, переданы афганским войскам

взятые в бою ДШК, ЗГУ, миномет, безоткатные орудия, боеприпасы к стрелковому оружию, взрывчатка и много другого вооружения и имущества, предназначавшегося мятежникам.

Как позже выяснила агентура, численность отряда мятежников, у которого был отбит караван, составляла 90 — 95 человек. Отряд был не из местных. Они вели караван из Пакистана. Этим и объясняется, почему на поле боя осталось только 14 трупов. Проводка задержалась из-за того, что не сошлись в цене с командирами местных бандформирований за проводку каравана. Его планировалось разделить на три части и проводить через подконтрольную территорию разными маршрутами. В проводке планировалось задействовать двести тридцать боевиков.

Из ущелья подразделения отряда выходили без особых приключений.

По прибытии, выполняя приказ комбрига, начали готовить наградные на отличившихся военнослужащих. И хотя состав группы был неоднородный, были и старослужащие, и недавно прибывшие молодые, которые и духа живого в глаза не видели, но с боевой задачей справились все отлично. Все представлялись к наградам. По приказу командующего армией командира ДГР № 423 представили к званию Героя Советского Союза.

Оформляя наградный лист, сослуживцы вспомнили, что родился Павел Трофимов 4 октября 1959 года в поселке Надеждино Багратионовского района Калининградской области в семье участника Великой Отечественной войны, кавалера орденов Красного Знамени и Славы. С 1946 года отец Павла Георгий Данилович, закончив военную службу, работал участковым уполномоченным Надеждинского РОВД. Рос Павел в семье самым младшим, пятым ребенком. Много у Трофимовых было связано с воинской и государственной службой: фронтовая биография отца, служба мужа сестры — подполковника погранвойск, брата — старшего прапорщика, сестры — старшего лейтенанта, инструктора по борьбе с наркоманией. А вот двух младших братьев тянуло к земле. Бригадиром колхозной комплексной бригады стал Олег. Закончив профтехучилище, овладел специальностью тракториста-комбайнера и Павел. Невелики колхозные поля на Калининградщине. Урожай достается ценой тяжелого труда. Не изменил бы Павел профессии хлебороба, но пришла пора идти в армию. Уважение к ратному долгу, родительский наказ верно служить Отечеству запали в душу Павла прочно и навсегда. ...Нелегка служба в понтонном расчете. Боевые нормативы не оставляли времени на раскачку, нерешительность, и Павел был в числе первых. Если нужно было, бросался к нераскрывающемуся понтону в ледяную воду. Только на срочной службе Павел понял, что в сложное и противоречивое время его место в армии. Он написал ра-

порт о продолжении службы прапорщиком. К этому времени он был классным специалистом, освоившим не одну воинскую специальность, пользовался авторитетом. Воины батальона избрали его комсоргом. Год службы показал, что для серьезной работы нужны знания, и Павел подал рапорт с просьбой направить на учебу. В 1983 году в Новосибирске он сдал экзамены за полный курс среднего военно — политического училища и вернулся в родной батальон.

В декабре 1984 года приказом Министра обороны СССР прапорщику Трофимову П.Г. было присвоено воинское звание лейтенант. Вскоре, простившись с советской землей на утреннем аэродроме Тузель, он вступил на раскаленный солнцем бетон посадочной полосы Кабула. Место службы в Афганистане было неплохим: батальон охраны столичного аэропорта. Не без хлопот, конечно, — личный состав нес боевое дежурство более чем на полусотне постов и застав, часто приходилось отгонять огнем бандитов, случались и обстрелы. Но служба не давала полного удовлетворения. Это чувствовала и жена Татьяна, которая в каждом письме писала: «Береги себя, я тебя знаю, полезешь туда, где труднее...».

А Павел подавал рапорт за рапортом о переводе в части, ведущие боевые действия. Неотразимое впечатление произвели на него лихие, на первый взгляд, несколько бесшабашные парни в «песочках» и голубых тельняшках, встречавшиеся ему в зоне ответственности. Только через год службы в ДРА дождался Павел назначения замполитом роты специального назначения. Здесь наиболее ярко проявились деловые и профессиональные качества молодого политработника. Бригада, которой командовал полковник Старов, к тому времени имела многолетний опыт борьбы с мятежниками.

Сейчас о той поре пишут многие, а вот как в те дни говорил ответственный редактор программы радио «Свобода» С. Шустер: «...Я имел возможность убедиться, что десантные операции стали частыми, и, кстати, успешными ... господство в воздухе и на земле было подавляющим, воевали хорошо тренированные подразделения спецназа».

Наши воины, действительно, были обучены хорошо, владели всеми видами оружия, обладали высоким морально-психологическим духом. Одинаково умело воевали и днем, и ночью. Боевая выучка помогала разведчикам и в том памятном бою...

Командир 15 бригады полковник Юрий Тимофеевич Старов через много лет после этого говорил, вспоминая о Трофимове:

«В характере у него больше командирского, но в то же время он не отталкивал людей, они к нему тянулись. Павел — офицер с военной косточкой, и кроме слепого выполнения приказа всегда думал, как его лучше выполнить. Снискал к себе уважение умением убедить. И второе — личная отвага. После первого награждения крышу не понесло.

Не заносчив. Много боев было за его спиной и до майского каравана, но у него отсутствовало головокружение от успехов. Известность не сделала его хуже. Летом 1987 года было у меня желание назначить его на должность командира роты, но по ряду причин не получилось. А я убежден, что по своим деловым и моральным качествам он вполне соответствовал бы этой должности. Как офицер — политработник на войне, он был примером — честным и храбрым. Хотелось бы, чтобы в повседневной мирной жизни он был замечен и продвигался по службе. Таких, как он, жизнь не ломает, Трофимов прочно стоит на ногах. Хочу думать, что он и впредь будет служить примером для других, как в Афганистане. Тем более, что голубую тельняшку впоследствии он сменил на морскую»¹.

Подполковник Воробьев Владимир Федорович, бывший заместитель командира отряда, рассказывал:

«Тот бой я запомнил хорошо. Группу возглавил замполит роты старший лейтенант Трофимов. На вертолетах она вылетела на поиск. Караван обнаружили в одном из ущелий. Когда в штабе отряда получили сведения о том, что досмотровая группа уже ведет бой, командир отряда подполковник Корчагин принял решение послать на усиление еще одну группу, тоже человек двадцать. С ней полетел и я. Позже было выслано еще две бронегруппы. Когда прибыли на место, группа Трофимова отбивалась, можно сказать, из последних сил. Сам он был контужен, по нашим воинам вели огонь снайперы. Мятежники беспрестанно атаковали. Нашу высадку тоже встретили огнем, пытались зайти нам в тыл и расстрелять. Лейтенант Сергей Клименко вовремя разгадал их маневр и с отделением солдат бросился к ним наперерез, связал огнем. Бой был долгий. И все же под прикрытием вертолетов, подошедших бронегрупп, огня нашей артиллерии нам удалось завладеть караваном. Павел Трофимов слыл веселым, активным человеком. Его простота позволяла быстро сходить с подчиненными. Они относились к нему удивительно доверчиво. Не последнее место играл авторитет спецназовца. Мне запомнился эпизод боя 6 августа 1987 года в районе н.п. Бабус, недалеко от перевала Вагжан. При досмотре местности, уже возвращаясь к бронегруппе, именно Трофимов заметил в зарослях кукурузы изготовившихся к бою душманов. Громко подав команду, Павел первым открыл прицельный огонь короткими очередями и сумел захватить инициативу боя. Однако хозяйственному Трофимову очень жаль было уничтожать захваченную машину. Отправив бронегруппу с офицером Исаковым, он с одним разведчиком привел автомобиль в рабочее состояние и довел его из района боевых в ППД части...

Или был такой случай. Во время совместного с афганским Царандоем боя в районе Шингара была уничтожена банда мятежников.

¹ Павел после Афганистана служил в морской пехоте на Северном флоте.

Афганские солдаты батальона, которыми командовал старший капитан Юсуф, в запале боя стали расстреливать выючных животных. Павел бросился под стволы автоматов афганцев и не допустил жестокости: «Ведь это же лошади!» Крестьянская жилка брала верх даже на войне».

Вроде бы во всех отношениях достойный человек. Наградной на Трофимова ушел в Москву и где-то столкнулся с бюрократической преградой. Произошла непонятная заминка.

К награждению представили своих и летчики.

— Кто командовал звеном, Майданов.

В наградной легко легли первые строчки: «Военный летчик 2-го класса капитан Майданов второй раз выполняет интернациональный долг в Республике Афганистан. За этот период совершил 1.250 боевых вылетов. Общий налет составил 1.100 часов. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени»...

Но участие в этой операции могло закончиться для него крупной неприятностью. Посадка для Ми-24 на сложной местности была категорически запрещена. Однако Майданов делает доклад своему командованию и комбату подполковнику Корчагину — это его спецназовцы подсади в Суфле в его вертолеты. Нужны дополнительные силы. Караван слишком велик. Его невозможно накрыть огнем Ми-24. Бой предстоит тяжелый. Значит, нужны дополнительные боезапас, топливо, подкрепление десанта. Майданов вспоминал: 392-й, — глуховатый голос Корчагина едва пробивается сквозь полифонию эфира, — я тебя только об одном прошу: моих ребят не бросай. Слышишь? Их же мало совсем. Без подмоги перебьют понапрасну. Давай ко мне. Я дам подкрепление. Заправлю.

— Не имею права, — отвечаю.

— Но логика боя подсказывала — накрыть караван с минимальными потерями можно только в том случае, если действовать стремительно, дерзко, без малейшего промедления. Оно (без пафоса) смерти подобно.

— И «Точка» в Суфле у Корчагина как нельзя лучше для этого подходит. Лету всего ничего — каких-нибудь десять минут... Но... подход к площадке сложный. В моей группе — «ось» (Ми-24), а они без специального разрешения командования права на посадку не имеют.

— Как поступить? — Командный пункт на запросы не отвечал. Земля словно песка в рот набрала. Таким образом горы внесли коррективы в связь, дали мне право собственного выбора.

— Впрочем, даже если бы связь не прервалась и была устойчивой, шансов на то, что дадут «добро» на подобный шаг, не было никаких.

— Самая короткая дорога от десанта к ущелью займет около часа. За это время исход боя может быть предreshен. По крайней мере, наших ребят положили бы всех. Как пить дать, положили. Конечно, подполковник Корчагин знал об этом, а потому и твердил мне без нажима, но твердо, не теряя надежды.

— Так ты куда идешь, 392-й?

— К тебе, — отвечаю.

— Закружила боевая карусель. Пока «осы» поддерживали десантников, я с ведомым успел смотаться к Корчагину за подкреплением. Взяли двадцать человек. Заправились. Навесили ракет — и в бой.

— «Двадцатьчетверки» тоже пополнили боезапас, топливо. Словом, вместе с броней, которая подоспела вовремя, довершили разгром каравана.

— Победителей не судят? Еще как судят. Чуть не сняли.

— Разбор полетов для Майданова едва не закончился отстранением от летной работы за «самодеятельность» — так квалифицировал действия подчиненного комэск и командир полка. И только богатый улов «охотников» спас от сурового наказания.

В итоге, на паркетных полях ГУКА, в Москве, приняли решение:

Старшему лейтенанту Трофимову — дать орден Красного Знамени. Капитану Майданову — вручить Звезду Героя.

...Через несколько месяцев больший результат, чем у Трофимова, дал только командир разведывательной группы 177 ооСПН лейтенант Дервянко.

* * *

Как сложилась судьба у героев Абчаканского боя?

У части офицеров вернувшихся в Украину военная служба не состоялась. Они оказались невостребованы в ГУР МО Украины. К 1995 — 1999 гг. подавляющая часть из них уволилась в запас в звании майора, и окунулась в рыночную экономику.

Бравый выпускник РВВДКУ, кавалер двух орденов Красной Звезды и ордена «За службу Родине в ВС СССР», майор запаса **Бокв Виталий Алексеевич** поселился в Киеве. Работает начальником производства частного предприятия. Его сын Тимур, радуется отца, так как продолжил военную династию и является курсантом авиационного университета.

Уроженец Новомиргородского района Кировоградской области майор запаса **Коваленко Юрий Кимович**, особо отличившийся в борьбе с караванами мятежников в ноябре 1985 и в марте 1986 г.г., награжденный орденами Красного Знамени и Красной Звезды вернулся на малую родину и трудится в Кировограде директором рекламного предприятия «Ника». Растит двух прелестных дочек Олесю и Веронику.

Начальник разведки отряда, кавалер ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги» майор запаса **Михайленко Сергей Николаевич**, как обычно, в больших делах. Он директор группы компаний НПФ «Рубикон» в столице Украины. Вспоминая прошлое, он мне сказал: «Было, конечно, сожаление, что мои однокашники по КВКУ оказались за бортом работы ГУРа, но как показало время никто из нас не пропал. Знания, навыки и умения полученные в училище и спецназе ГРУ помогли выжить. Ведь не секрет, что в пехоте главный человек — командир полка, а в спецназе — командир группы. С лейтенантской поры нас учили не бояться неизвестности, смело принимать решения и рассчитывать только на себя. Вот так и живем, порой помогая друг другу».

Майор запаса **Буга Игорь Семенович** вернулся в родной Тирасполь и посвятил себя общественной работе. Два срока избирался депутатом городского совета. Является председателем постоянной комиссии по муниципальной собственности, аренде и приватизации. Входит в Президиум горсовета. Возглавляет Приднестровскую ассоциацию ветеранов войны в Афганистане. К ордену Красной Звезды добавился орден Почета ПМР. Воспитывает двух дочерей.

Офицеры Рындин, Могилевич, Ефремов погибли в горячих точках.

Много было примеров мужества и героизма личного состава 668 отдельного отряда спецназ ГРУ, — вспоминал наш земляк подполковник Михаил Васильевич Коркишко. — Служили в разное время в спецназе братья Садыковы из Иссык-Куля. Первый брат Даймыр Абылович погиб 30.07.1982 г. в Газнийском батальоне, а второй добился направления из Чирчика к нам, в Баракинский батальон, чтобы отомстить за смерть брата...

Запомнился мне этаким крепышом, активистом — организатором футбольных батальонов на плацу. Служил Садыков достойно и воевал примерно. Оставалось ему до дембеля примерно два месяца. Где-то в январе 1987 года во время выхода в район разведки подорвался на фугасе БТР-70 с разведчиками на броне. Рядового Садыкова и рядом сидящих бойцов сбросило с брони. Собрав тела пострадавших при подрыве, бронегруппа, под огнем противника, отошла километров на 15, прежде чем вычислили, что нет Садыкова. Развернулись и в полном составе вернулись к месту подрыва. Нашли Садыкова в тяжелейшем состоянии с оторванными ногами, но живого и крепко держащего в руках автомат. Он ни на минуту не потерял сознания и надежды, что за ним вернутся. Потом уже в Союзе он приезжал в родную 15 бригаду в Чирчик, рассказывал, что все у него сложилось нормально. Как принято на Востоке, — он один у матери и должен заботиться о ней. Мужественный был человек.

Хорошим бойцом запомнился сержант Юрий Зубко. Был такой случай. Вместе с «зелеными» осенью 1986 года мы попытались взять склад в кишлаке Подхаби-Шана (3,5 км от ППД). К кишлаку подошли засветло бронегруппой в десять машин и афганской группировкой. Но операция не складывалась, да и фактор внезапности был потерян. При подходе духи стали нас интенсивно обстреливать. Особенно беспокоили снайпера. Пули шуршали часто и все рядом. Мы открыли ответный огонь по дувалам, и, получив приказ на отход, под прикрытием дыма и пыли отошли. В том бою Зубко был со мной на одном БТРе. Когда вернулись в ППД, рассмотрели, что его бушлат через всю спину был рассечен пулями по касательной. Видно, родился Юра в рубашке!

На другой день состоялся футбольный матч между ротами и Зубко хорошо в нем сыграл, так после его окончания майор Герасименко мне сказал то ли с шуткой, то ли всерьез:

— А ты мне чуть Зубко не загубил! Талантливых людей надо беречь!

Как оказалось, наш замполит оказался прав, вырос из Юрия Григорьевича Зубко государственный деятель — народный депутат Украины. Пусть работает на Родину и на нас — своих побратимов! Всегда помня наш девиз: «Никто, кроме нас!»

«В ОБЫЧНЫЕ СОЛДАТЫ УХОДИМ МЫ В ЗАПАС»

Под впечатлением боя, проведенного разведчиками в мае 1987 года, подполковник медицинской службы Марат Антонович Величко написал стихи и положил их на музыку.

Покоем не богата
Профессия у нас.
Отборные ребята
Идут в войска спецназ.
Нам не нужны консервы,
Патрон важней для нас.
Из тросов свиты нервы
У воинов спецназ.

Хоть грудь и не в жилете,
И не под каской глаз,
Но за приказ в ответе
Солдаты из спецназ.
Пусть бурю грозитя
Погода на заказ,
Покой лишь только снится
Бойцам из войск спецназ.

По Гиндукушу рыщут,
Он стал им как Кавказ.
Душманов смело ищут
Разведчики спецназ.
И западно обходят,
И разберут фугас,
По лезвию проходят
Ребята из спецназ.
И сила, и сноровка
У них не на показ.
И ледоруб с веревкой —
Оружие спецназ.
Где мины дурно воют,

Где сталь кинжальных трасс,
Один десятка стоит
Специалист спецназ.

А если вдруг не доля,
Погибнет кто из нас,
Сомкнут сердца до боли
Мальчишки из спецназ.
Пока в пружину сжаты,
Но скоро грянет час,
В обычные солдаты
Уйдут войска спецназ.
В обычные солдаты
Уходим мы в запас...

*г. Кабул,
1987 г.*

ВЕХИ ИСТОРИИ

АСАДАБАДСКИЕ ЕГЕРЯ

*(334 отдельный отряд спецназначения ГРУ
в Афганистане)*

*Хоть храбрость, бодрость и мужество всюду
и при всех случаях потребны, токмо тщетны они,
ежели не будут истекать от искусства, которое воз-
растает от испытаниев.*

А.В. СУВОРОВ.

В декабре 1985 года газета «Правда» опубликовала заметку о том, что китайская газета «Жэньминь жибао» написала о приграничном бое советской роты с моджахедами и о подвиге Героя Советского Союза лейтенанта Николая Кузнецова. Отмечалось, что такая осведомленность китайской прессы от того, что среди моджахедов были китайские советники, непосредственно участвовавшие в том бое и смогли рассказать подробности о гибели тридцати военнослужащих элитного отряда спецназ, недавно прибывшего в пограничную провинцию Кунар. Сами понимаете, что появление такой заметки в центральной партийной газете не могло быть случайностью. В то время вообще не писали о спецназе ГРУ. Хотя с приходом Горбачева именно на него была сделана основная ставка в борьбе с вооруженными формированиями афганских мятежников. И раз статья появилась, она должна была привлечь внимание международной общественности на факт использования спецслужб Китая, для подготовки специалистов подрывной войны против республиканского правительства Афганистана и Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Вот так громко о 334-м отряде спецназ узнала вся планета.

А вскоре о мастерстве, мужестве и боевых подвигах спецназовцев, находящихся в Асадабаде, заговорили уважительно американские и западноевропейские специалисты, работавшие советниками на базах подготовки афганских террористов на территории Пакистана. Кем-то из них, явно западных военных, и было дано громкое название «*Асадабадские егеря*», подхваченное вскоре местным населением и мятежниками, сначала в провинциях Кунар и Нангархар, а позже по всему Афганистану. Почему именно егеря? Это не азиатское название...

Слово «егерь» немецкого происхождения (Jäger — охотник, стре-

лок), имеет три значения: 1) Разновидность лёгкой пехоты. Егерями называли отличных стрелков. В русской армии первый батальон егерского типа был сформирован П. А. Румянцевым в 1761 г. В русско-турецкую войну 1768—1774 все пехотные полки русской армии уже имели команды егерей. В 70-х гг. из них были созданы отдельные егерские батальоны. В 1797 году были переформированы в егерские полки. К началу Отечественной войны 1812 в русской армии было 52 егерских полка, в т. ч. 2 гвардейских. В начале XX века в русской армии существовал один лейб-гвардии егерский полк. Многие командиры егерских частей стали известными военачальниками — М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион, М. И. Кутузов; 2) Егеря конные — лёгкая кавалерия, предназначались для ведения разведки, поисков и рейдов в тыл противника; 3) Специалисты-охотники¹.

Однако западное название «Асадабадские егеря» прижилось в Афганистане и стало своеобразным брендом качества, характеризующим боевую часть спецназа 40-й армии, что заслужить было непросто.

Наш 334 отдельный отряд специального назначения (войсковая часть полевая почта 83506, позывной «Тариф»), он же по легенде прикрытия 5-й отдельный мотострелковый батальон), был сформирован, в соответствии с Директивой ГШ ВС СССР № 31/4/2/00919 от 30 декабря 1984 года. Формирование осуществлялось на базе 5-й отдельной бригады спецназ Белорусского военного округа в Марьиной Горке из военнослужащих частей спецназ Белорусского, Ленинградского, Дальневосточного, Прикарпатского и Среднеазиатского военных округов. Боевое слаживание сформированных подразделений было завершено к 8 января 1985 года. А 13 января отряд уже был передан в состав ТуркВО и прибыл в город Чирчик Ташкентской области.

После пересечения государственной границы СССР в районе Термеза, с 17 по 29 марта отряд совершил шестисоткилометровый марш через обледеленый Гиндукуш по маршруту: Хайратон — Пули-Хумри — Джабаль-Уссарад — Кабул — Желалабад — Асадабад.

Это было нелегкое дело. Для того чтобы просто дойти до Асадабада, была проведена крупномасштабная армейская операция. В последующем, благодаря активным боевым действиям этого отряда с душманами, дорога стала более безопасной и соединила два административных центра Желалабад — Асадабад, тем самым стабилизировав обстановку в районе. Давалось это большой кровью и постоянными потерями.

Местом дислокации прибывшей части был определен небольшой пограничный городок, центр провинции Кунар. Провинция Кунар узкой полосой протянулась на 200 км по ущелью вдоль границы с Паки-

¹ Советская военная энциклопедия, Москва, 1977 г. том.3 стр.289.

станом. В долинах Кунара была особая экзотическая природа субтропиков. Здесь произрастали банановые пальмы, апельсины. Город Асмар и его окрестности знающие люди называли афганской Швейцарией. Места красивые: сланцевые горы, много речушек и ущелий вполне подходящих для курортов. Правда, в вечернее время масса гнуса — комаров и москитов опускалась на городок и это было опасно не только для населения, но и наших воинов, потому что эти насекомые несли малярию и другие опасные заболевания...

Маленький город Асадабад, столица провинции, расположился на берегу реки всего в 15 км от пакистанской границы. Это был самый восточный пункт дислокации советских войск. А за границей — сплошные тренировочные центры моджахедов. Южнее Асадабада душманов учили советники из Пакистана, в районе Асмара — американцы, французы. Много было и китайских инструкторов. Через провинцию Кунар проходило 25 транзитных караванных маршрута из Пакистана. Не случайно эти места называли краем непуганых духов. Гадкое место. Не на голом месте и не случайно родилась солдатская поговорка:

— Если хочешь пулю в зад — поезжай в Асадабад!

Командарм Б.Громов об этих местах писал: «В приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Особенно тяжело пришлось подразделениям, находящимся в Асадабаде. Пик боевых действий пришелся там на завершающий этап Афганской войны».

Зона ответственности отряда спецназ была велика: от населенного пункта Барикот на севере до дороги Асадабад — Джелалабад на юге. Однако ему пришлось мотаться в рейдах по Нангархарской долине и провинции Лагман, стоять в базовом районе возле ГЭС на Дарунте под Джелалабадом, воевать в Черных горах, искать душманов под Суруби и Гардезом, бить духов в засадах под далеким городом Хостом...

Что представлял из себя город Асадабад?

Глубокое, похожее на каньон, ущелье, образованное угрюмыми скалистыми хребтами. По дну сбегается две бурных речушки со сказочно-голубой водой. На берегу теснятся одноэтажные постройки города Асадабад, а ниже по течению, на камнях излучины, расположен аккуратный военный городок. Площадка для вертолетов. Парк боевых машин. Вот здесь-то и размещалось «Хозяйство Быкова», когда-то утопающее в зелени оливковых садов. Перед КПП части до последних дней стоял большой щит с ровной надписью «В нашей части служил Герой Советского Союза Н.А. Кузнецов!».

Не всегда была голубоватой мутная вода в местных горных речках Кунар и Печдара — густо вплетались в них кровавые струи. То Амин жестоко карал, по его мнению, «непокорных», то из Пакистана приходили лихие люди. Да, страшная и нелегкая судьба была у города

Асадабад. Нет в нем ни одной семьи, которую обошли бы потери. Ни одной! Все стены домов и все дувалы выщерблены пулями. Несколько раз переходил город из рук в руки: то моджахеды брали, то правительственные войска.

Потом в начале 80-х пришел в этот город мотострелковый батальон советской 66-й мотострелковой бригады капитана Бахиджана Ертаева, казаха по национальности, но хитрого и предприимчивого не хуже афганца...

С тех пор в штабе ОКСВ стали ходить слухи, что в Кунаре драгоценные камни (лазурит и рубины) прямо под ногами валяются...

Первым командиром отряда спецназ стал майор В.Я. Терентьев. Честолюбивый, молодой и весьма перспективный офицер, прибывший из печорского учебного полка, где, как отмечали, он был очень приличным руководителем. Отряд вошел в ДРА и одновременно был включен в состав легендарной 15 обрСпН, командир которой, полковник Старов Ю.Т., вручил отряду 1 февраля 1987 г. Боевое Знамя части.

Боевая история «пятого отдельного мотострелкового батальона» началась весьма неудачно. Причем неудача была настолько громкой, что отряд еще долгое время не мог отмыться от пятна, которое легло на него в самом начале боевой деятельности. Впоследствии, батальон выполнял весьма сложные задачи, которые были под силу не каждому из отрядов, за кем закрепилась слава успешно воюющих. Но, несмотря на это, отряд все равно считался слабым в боевом отношении. Одной из причин такого суждения было отсутствие трофеев — главного показателя результативности в Афганистане, Дело в том, что частенько отряд забирался в такие места, откуда трофеи вытащить было невозможно. Самим бы ноги унести. Поэтому склады подрывали, вынося только образцы вооружения. Другая причина крылась в больших потерях, которые нес отряд из-за такой своей деятельности. В этом отряде за три года погибло 104 солдата и офицера.

Но все же, по большому счету, именно тень самой первой неудачи висела над отрядом, омрачая его славные дела и подвиги. А случилось тогда вот что.

Имея недостаточно боевого опыта и времени на обустройство, акклиматизацию и изучение местных особенностей боевых действий, был допущен очень серьезный просчет, приведший к большой крови.

Уже через месяц после прибытия в ходе первого боевого выхода всего в десяти километрах от пункта постоянной дислокации отряд потерял 29 человек убитыми и половину личного состава ранеными. Эта трагедия связана с печально известным Мараварским ущельем...

Мараварское ущелье находилось в самой непосредственной близости от расположения отряда, который как уже было отмечено, дислоцировался на своеобразном острове. Его образовали слияние двух рек,

а также канал, который был прорыт для действия гидроэлектростанции, расположенной неподалеку. Само ущелье отходило перпендикулярно от реки Кунар и шло на северо-восток. Широкое в начале, ближе к Пакистану оно сужалось. Расстояние между хребтами колебалось от одного километра до восьмисот-семисот метров. Превышение гор составляло триста-четырееста метров. Равнинный участок, лежавший меж гор, был шириной метров триста. Примерно в десяти километрах от начала ущелья проходила граница с Пакистаном. Причем вблизи границы, еще в Афганистане, начиналась дорога, которая вела в Пакистан. Драма разыгралась в трех-четыре километрах от начала ущелья.

К тому времени новички успели принять участие только в одной боевой операции и то совместно с 154 отрядом. 15 апреля недалеко от Джелалабада ее провели группы старшего лейтенанта Бекоева и сержанта Сержант из первого батальона. Зажав в овраге банду моджахедов, уничтожили ее. Для необстрелянных разведчиков 334 отряда это был очень показательный и даже красивый бой. Как на картинке.

Ветеран отряда старшина роты Юрий Филиппович вспоминал: «Нас решили испытать в деле. Но операцию проводил первый батальон, а мы оставались во втором эшелоне. Настоящего боя мы не почувствовали. Наоборот, этот выход в горы притупил чувство опасности и породил самонадеянность. По нам никто не стрелял, и никакого противника мы не видели. Первое впечатление о войне оказалось обманчивым. После той операции все рвались в бой».

Майор Терентьев, видимо, решил побыстрее втянуть отряд в боевую работу. Километрах в трех от начала ущелья находился нежилой кишлачок Санган. По данным разведки, в этот кишлак духи на ночь выводили группу около десяти человек. Это был своеобразный пост на входе в ущелье.

Первоначально именно уничтожение этой группы и планировалось. Не более. Задача несложная. Самая подходящая для обучения в бою. Согласно замыслу, вторая и третья роты должны были в темное время суток выдвинуться на правый склон ущелья и занять позиции над кишлаком. Первая рота должна была идти низом. Третья группа первой роты должна была бесшумно войти в кишлак и уничтожить духов.

По мнению бывшего командира группы роты спецназ А. Кистеня, операцию в Даридаме начали в расчете на захват американского советника. Комбату сказали, что за взятого в плен советника можно сразу получить орден. Дальше сработало честолюбие и азарт охотника.

Самая первая, по мнению офицеров отряда, и, наверное, одна из главных ошибок, была сделана за день до выхода. Комбат собрал командиров групп и рот, своих заместителей и все они вышли на рекогносцировку. Офицеры поднялись на одну из высот в начале ущелья,

откуда комбат поставил задачу. Причем о скрытности речи не шло. Всю военную «компанию» наверняка видели духи, находившиеся в ущелье. Им, воевавшим тогда уже шестой год, не составило труда догадаться, что скоро следует ждать «гостей».

Вторая серьезная ошибка заключалась в том, что связь толком организована не была. Абсолютно все подразделения должны были работать на одной частоте. В третьих, не был выделен оперативный резерв, способный выдвинуться и оказать помощь. Даже не было организовано взаимодействие с артиллерийской батареей, имевшейся в распоряжении комбата. А ее огонь мог оказать решающее воздействие на ход операции. Одним словом, руководитель боевых действий проявил себя дилетантом и недооценил противника.

Что получилось?

Отряд, примерно в 20 часов, переправился на пароме через р. Кунар. Комбат занял командный пункт на той же самой высоте, где проводил рекогносцировку. Когда первая и вторая роты проходили мимо его КП, он вызвал к себе капитанов Цебрука и Макарова и провел с ними краткое совещание.

Роты двигались вдоль правого склона ущелья по сухому руслу и по равнине. А бронегруппа лейтенанта Дорогина для отвлекающего маневра оторвалась от роты и вышла в район моста близ кишлака Саркани.

Досмотр кишлака ничего не дал. Он оказался пуст.

Было уже часа два или три, когда Цебрук после досмотра сказал офицерам, что комбат уточнил задачу. Теперь разведчикам предстояло досмотреть следующий кишлак — Даридам, который находился примерно в двух километрах от них. По словам ротного, в Даридаме находилась группа моджахедов, вместе с которой действовал американский советник. Вперед пошла первая группа, которой командовал лейтенант Кузнецов. Как вспоминал ветеран отряда Юрий Кухарук: «В группу Кузнецова входили: сержанты Нападовский И., Кухарчук В., Гавраш Ю., рядовые Федив Б., Музыка В., Вакулук А., Бойчук В., Марченко В., Бийных, Коробов». За ней следом шла вторая, лейтенанта Котенко.

Ротный понимал, что идти дальше в ущелье без прикрытия сверху рискованно. Поэтому он поставил задачу лейтенанту Кистеню по организации засады в небольшом домике, который находился у дороги между Сангамом и Даридамом с целью уничтожить группу духов, если они все-таки будут выдвигаться в Сангам. Командиру четвертой группы, капитану Тарану, он приказал подняться на хребет и прикрыть третью группу сверху. Сам же решил связаться с группами, ушедшими вперед. Но вторая группа на связь почему-то не вышла, а Кузнецов передал, что они заканчивают проверять второй кишлак, который, похоже, пуст.

Видимо, ротный почувствовал что-то недоброе и, взяв с собой двух или трех разведчиков, отправился вперед к своим передовым группам.

Было уже около пяти утра, когда послышались первые выстрелы. Бой, завязавшийся в самом начале, нельзя было назвать ожесточенным. Но постепенно стрельба становилась все интенсивнее. Из переговоров по радио стало ясно, что Кузнецов и Когенко ведут бой и их атакуют духи. В этот ответственный момент в эфире наступил полный хаос. Одновременно на этой частоте начали работать все. Иногда было слышно, как Цебрук просил комбата выслать помощь. Услышав, что наши ведут бой, командир третьей группы Кистень со своими разведчиками сразу перебрался на хребет и прошел дальше к Даридаму. Группа Тарана перебралась дальше по хребту, страхуя 3 группу сверху. Сразу от Даридама в направлении Сангама шли террасы, которые понижались к выходу из ущелья. Из-под горы, по которой шли разведчики Кистеня, выбежали четыре-пять духов и заняли позицию за обрывом террасы. Отходившие из кишлака разведчики 1 и 2 групп нарвались на их огонь. Спецназовцы 3 группы ударили сверху по ним из всего что было. Духи были хорошо видны, и двоих удалось завалить, но остальные скрылись, снова зайдя в мертвую зону под хребтом. Он, к сожалению, был совершенно лишен каких-либо складок или укрытий. Поэтому разведчиков сразу обнаружили и стали интенсивно обстреливать. Трудно сказать, откуда велся огонь, но стреляли очень прицельно. Комгруппы решил оставить эту позицию и отойти немного назад. Было видно, как наши выбегают из кишлака, а им в спину бьют духи. От Сангама на помощь вдоль хребта вышла вторая рота. Но дойти она явно не успевала.

Новая позиция разведчиков 3 группы была не лучше предыдущей. Бойцов снова обнаружили и обстреляли. Буквально в нескольких сантиметрах от руки Кистеня в склон ударила пуля. Не дожидаясь потерь, десантники вернулись в дувал. Там все-таки были укрытия. В 100 — 150 метрах от этого укрытия росло несколько ив. Вскоре из-под них стали бить из автоматов.

Почти сразу погиб пулеметчик группы Некрасов. Пуля попала прямо в сердце. Начался минометный обстрел. Одна из мин попала прямо в дом, где укрылись бойцы группы Кистеня, но, к счастью, осколками никого не задело. Из-под ивы продолжали бить и довольно метко. Одному из солдат пуля попала в цевье автомата и отрекошетила в ногу. Так же, в ногу, был ранен еще один солдат. Из подствольного гранатомета командир группы послал туда гранату и, видимо, попал. Огонь стал слабее.

Чтобы выйти из-под минометного обстрела, разведчики подготовились к броску. В группе был разведчик Иванов, здоровый такой парень, кандидат в мастера спорта по плаванию. Под плотным огнем он

перенес тело погибшего Некрасова в укрытие. Бежал, а фонтанчики пуля, как в кино, сопровождали его.

В эфире продолжалась неразбериха. Комбат пытался давать какие-то указания, но с его КП ничего не было видно. Артиллерию пытались наводить, но поскольку с самого начала с ними задачи не согласовали, это было малоэффективно. Около одиннадцати часов бой в Даридаме стих. Практически, с духами воевали только группы Кистеня и Тарана, стрелявшие с горы.

Ветеран отряда Кистень вспоминал: «Обстрел продолжался. Очередная мина разорвалась от нас метрах в четырех. Я не стал ждать, когда духи введут поправки. Нужно было выносить убитого и раненых. Прикрывать их отход со мной остались старшина роты и сержант Белозеров. Сержанту я вручил пулемет погибшего Некрасова. Мы влупили их трех стволов, не жалея патронов. Под нашим прикрытием группа отошла без потерь. Настала наша очередь, но нас прикрыть было некому. До ближайшего укрытия было метров двести. Мы рванули втроем. Духи, видимо, брали упреждение по цели, поэтому мы видели, как нас сопровождают фонтанчики, взбиваемые пулями. Утешало одно, что спину прикрывают три автомата — раненых и Белозерова. Быстрее, чем тогда, я никогда в жизни не бегал. Обошлось. Отдышались. Вышли в Сангам».

Вскоре единственный из состава бронегруппы прорвался замполит роты Игорь Семенов на БМП-2, из пушки и пулемета которой он прикрыл отход групп. Кроме него, в этот день ни одна машина из бронегруппы прорваться в район боя не смогла. Пришли вертушки, но в эфире по-прежнему царил хаос. Командир 3-й роты, находившийся выше всех, увидел, как из Даридама в направлении границы духи уведут пленного, одетого в камуфляж. По его наводке авиация накрыла отходящую группу. Позднее тело рядового Тарасова из второй группы, захваченного духами, именно там и нашли, присыпанным камнями. Своих духи унесли.

Что же случилось в Даридаме?

Даридам — довольно большой кишлак, состоящий примерно из ста дувалов. В нем никто не жил, и часть строений была разрушена. Две группы, общей численностью около двадцати человек, не могли контролировать его в полной мере. Когда они пошли обратно, часть духов, находившихся все это время на горках, вошла в кишлак и, что называется, «села им на хвост». Другая группа моджахедов обошла кишлак слева и блокировала выход разведчиков в направлении Сангама. Их-то разведчики Кистеня и наблюдали с горы. Возможно, группы духов действовали и с другой стороны ущелья, поскольку вторая рота на подходе к кишлаку натолкнулась на сильный огонь и пройти не смогла.

Оказавшись в западне, не имея достаточного опыта, разведчики

Кузнецова и Котенко во главе с Цебруком, отбивались, как могли. Но помощи не было, боеприпасы заканчивались, наверняка были убитые и раненые. Моджахеды и местные жители добивали всех раненых «шурави» камнями. О чем свидетельствовали их обезображенные тела. При этом рассказывали, что тяжело раненый рядовой Василий Федив, закол штук-ножом автомата душмана, когда тот нагнулся над ним. Вячеслав Сулин, потерявший кисть руки, продолжал кидать гранаты здоровой рукой, выдергивая кольцо зубами. Подорвал себя последней гранатой, чтобы не быть захваченным в плен. Позже замполит роты Игорь Семенов подсчитает, что из всех павших в том бою семнадцать человек погибнут не от пуль, а взорвут себя сами от безысходности положения, в котором оказались.

Взорвет себя окруженный мятежниками лейтенант Кузнецов... Ему будет присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Рядом с ним, на его глазах будет ранен Игорь Бахмутов. Коля оттащит его за скалу, вернется на прежнюю позицию и, видимо, оставшись без патронов, подорвет себя гранатой. По-видимому, лейтенант Кузнецов, пожалев своих разведчиков, остался прикрывать их отход. Но без офицера группа превратилась в неорганизованную кучку вооруженных людей. В результате они все погибли. Кузнецов, когда кончились патроны, подпустил к себе духов и подорвал гранатой. Его долго не могли опознать из-за того, что грудная клетка накрыла лицо.

В одном из домов нашли несколько тел погибших разведчиков отделения младшего сержанта Ю.Ч.Гавраша, которые подорвали себя и ворвавшихся духов миной ОЗМ-72, видимо, тоже, когда кончились патроны.

Почему-то подвиг этот станет позже предметом постоянного обсуждения. Петр Ткаченко в книге «Слово о мараварской роте» писал: «Для меня же и до сих пор остается тайной, психологической загадкой — как семеро человек в какие-то, может быть, секунды могут договориться об одновременной добровольной гибели... Люди ведь умирают так же, как и рождаются, в одиночку. И иной порядок противоречит их природе. С этой тайной не справится наше бедное сознание...»

«Отделение, которым командовал младший сержант Гавраш Юрий Чеславович, прикрывало отход своих боевых товарищей. Окруженные мятежниками, разведчики отстреливались до последнего патрона, а когда в дувал ворвались мятежники, воины подорвались миной ОЗМ-72. Смертью храбрых пали: младший сержант Гавраш Юрий Чеславович, рядовой Музыка Василий Николаевич, ефрейтор Вакулук Александр Сергеевич, рядовой Мустафин Наиль Маратович, рядовой Бойчук Владимир Васильевич, ефрейтор Марченко Вячеслав Валентинович, младший сержант Кухарчук Василий Федорович. Во время боя разведчиками отделения младшего сержанта Гавраша было унич-

тожено более тридцати мятежников. Когда подоспели товарищи, на стене дувала была выцарапана надпись: «Передайте на Родину: погибаем как герои».

Говорили, что о подвиге солдат отделения сержанта Гавраша стало известно из неких агентурных данных, то есть от кого-то из мятежников, побывавших в том бою. Допускаю, что кто-то из мятежников мог позже рассказать о подробностях гибели наших солдат, но мало верится в то, что он прочитал и запомнил надпись на чужом для него языке... И если стоит чему удивляться, то только тому, что рождались и рождаются люди, способные на подвиг...

Ветеран отряда Андрей Дорогин так вспоминает о том подвиге:

«Разговор о том, что отделение Гавраша в полном составе погибло от собственной мины, был. Я этих ребят не видел павшими, как не видел и надписи на дувале, про которую тоже говорили. Быть может, надпись была несколько другой, сейчас не помню, но слово «Родина» и «погибаем», судя по тем разговорам, которые ходили, там были. От какой мины погибли? Мина — ОЗМ-72, выпрыгивающая из грунта. Перед выходом в Сангам было отдано распоряжение приготовить эти мины в качестве гранат. Делалось это очень просто — отстреливался стакан, в котором находятся боевой заряд и начинка из «роликов»-осколков. Вкручивался обычный детонатор, и граната большой мощности готова. Использоваться она должна была при штурме дувалов. Ее перебрасывали через стенку, и там она взрывалась. На поле, на открытом месте ее не применить — она весила порядка четырех килограммов. Наверное, этот шаг, на который пошли ребята, был сознательный. Хотя сейчас, прокручивая все в памяти, кажется, что можно было еще им держаться. Но... первый бой, противник — настоящий, стресс, гибель друзей — все это могло привести к тому, что ребята быстро расстреляли свои боеприпасы и остались с голыми руками. Возможно, это их не групповое решение. Возможно, решились не все, может кто-то один, но... Мина ведь была большого радиуса поражения...»

Кто расскажет теперь об их подвиге...

В живых из двух групп 1 роты остались шестеро: лейтенант Котенко, прапорщик Бахмутов, рядовые Турчин, Коробов, Власов и Бийнык. Котенко вышел вечером, а ночью из ущелья выполз весь израненный прапорщик Бахмутов. У него даже щеки были пробиты насквозь. Пуля выбила часть зубов, и он толком говорить не мог. В руке у него был АПС, который не могли забрать. Пальцы подсознательно настолько крепко вцепились в рукоятку пистолета, что их никак не могли разжать. Чуть позже той же ночью вышел разведчик рядовой Турчин. Он пришел без оружия с зажатой в руке последней гранатой, у которой не было кольца. Гранату тоже долго не могли забрать. От прапорщика ничего толком узнать не удалось, зато солдат рассказал много интересно-

го. По его словам, после того как завязался бой в кишлаке, начался беспорядочный отход. Никакого управления боем организовано не было. Без помощи извне их вскоре окружили и почти всех перебили. Также в горячке он рассказал, что видел, как один из разведчиков попал в плен к духам и они его увели. Он же спрятался в каком-то арыке и выходил из окружения один. Солдат про свой отход говорил весьма путано, сказывалось послестрессовое состояние...

После этого боя солдат попал в «психушку», где находился долгое время для реабилитации. Впоследствии В.А. Турчин стал председателем Президиума Координационного Совета Героев Советского Союза и Российской Федерации. Прапорщик Бахмутов тоже остался жив, оправился от ранений и, закончив институт иностранных языков, успешно работал военным переводчиком за рубежом...

На другой день на помощь прибыл 154-й отряд из Джелалабада. Это был слаженный и обученный коллектив, и их действия были четкими и отработанными. Для прикрытия на левый хребет ущелья, вплоть до Даридама, вышли остатки первой, второй и третьей рот асадабадского отряда. Двигаясь по ущелью под прикрытием сверху и прикрытием брони, джелалабадцы почти без боя дошли до Даридама и блокировали район. Впоследствии туда прилетел на вертолете генерал Лучинский. Он расположился как раз под теми злополучными ивами. Собирали убитых. Духи поживились тогда неплохо — оружие и боеприпасы убитых разведчиков они унесли с собой.

Вот что вспоминает ветеран бригады бывший командир роты 154 ооСпН Дмитрий Лютый. Есть в его рассказе пронизывающие душу эпизоды: «Моя рота получила боеприпасы и вместе с третьей выехала на аэродром. В Асадабаде мы нашли какой-то МТЛБ, на который погрузились и поехали в ущелье, совершенно еще не зная, что там произошло. По дороге натолкнулись на затор. В глубоком овраге две «разутые» машины перекрыли дорогу и остальной броней 5-го отряда было ни пройти и ни проехать. Экипаж на них был совершенно неопытный, что делать — не знает и чуть не плачет. В составе моей роты оказалось двое водителей БМП. Они быстренько организовали ремонт, натянули «гусьнки» и мы все тронулись дальше.

Информация о случившемся была самая противоречивая. По ней было абсолютно не ясно, что же на самом деле, и уж тем более, как случилось. Я был потрясен, когда узнал, что до сих пор неизвестно, сколько человек потеряли... Пока суд да дело, начало темнеть.

Поступил приказ, что мы должны будем идти по равнине к кишлакам. Для того чтобы иметь и прикрытия, и огневое обеспечение, мы забрали всю броню асадабадцев. Утром выгнули броню, уточнили частоты и порядок взаимодействия и пошли вперед.

Слева и справа сначала на горы полезли асадабадцы и пехота. Их

нахождение там было скорее для успокоения души, что, вроде, сверху нас кто-то прикрывает. На самом же деле горы были лесистые и, находясь на вершине, было сложно контролировать то, что происходит хотя бы на середине склона.

Теоретически, духи могли нас долбить оттуда запросто. Моя рота шла справа по ущелью, а третья — слева. Межгорное пространство составляло метров триста. Развернули оружие нашей брони влево и вправо. Мы контролировали склон над 3-й ротой, а они над нами. Так было удобнее.

Дошли до первого кишлака без приключений, но, как выяснилось, и асадабадцы, и пехота по дороге к указанным позициям выдохлись. В сущности, они опять заняли те позиции на горах, которые занимали вчера. Для того чтобы дойти до Даридама, нам пришлось двигаться без прикрытия сверху. Все повторялось, с той лишь разницей, что теперь мы шли под прикрытием брони, и нас было не две необстрелянные группы, а две боевые роты.

Духи прекрасно понимали, что тела погибших так не оставят и за ними обязательно придут. Поэтому они подготовились к встрече. Столкновений с советскими войсками они до этого не имели и логически прикинули, что неплохо сделать дубль № 2. Тем более, форма у нас одинаковая с асадабадцами, значит, и действовать можно по аналогии. Поэтому, когда третья рота досмотрела первый кишлак и стала выходить, по ней ударили с правого склона.

Видимо, предыдущий бой духов расслабил, и они поторопились. Им бы следовало запустить нас дальше в ущелье и только потом ударить во фланг. Поскольку били только из стрелкового оружия, мы решили, не ввязываясь в бой, под прикрытием брони дойти до второго кишлака, где и предстояло выполнить основную, печальную задачу. Мы без приключений, хотя и под обстрелом, добрались до Даридама. Дорога, которая шла по окраине Даридама, проходила под обрывом, высотой метра два. Поэтому огонь духов с левого склона нам вреда причинить не мог.

Больше я опасался того, что противник займет высоту прямо перед нами. В этом случае он мог вести огонь вдоль всей колонны. До этой горы, покрытой кустарником, было метров двести. Используя растительность и складки местности, духи запросто могли скрытно выйти и занять там позиции. Поэтому я определил оператору одной из передовых машин эту гору, как сектор особого внимания. Сам я тоже сел в машину и наблюдал за полем боя в прицел. Под нашим прикрытием третья рота начала досматривать кишлак. Слева духи пытались приблизиться и войти в кишлак, но огнем БМП мы своевременно пресекли эти попытки. У меня была очень удобная выщерблина в склоне обрыва, прикрывавшего нас. Ствол пушки там располагался так, что можно

было вести огонь, Воспользовавшись этим, я выстрелом из орудия снял одного наиболее наглого духа. С той стороны больше нам не досаждали.

Но случилось то, чего я опасался. Духи заняли позиции на горке перед нами, а потом притащили пулемет. Мы открыли люки десанта машин и подогнали вплотную машину к машине. Наши бойцы снизу заползли в десант.

Занимаясь укрытием личного состава, я сам оказался между склоном и бортом машины. Тут меня и «прищучил» пулеметчик. Встать и залезть в башню под таким плотным огнем было равносильно самоубийству. Сделав несколько перекатов от гусениц к склону и обратно, я понял, что это весьма скоро кончится для меня весьма плачевно. Пулеметчик бил все точнее. Решив, что все равно погибать, я вскочил на борт машины и забрался в люк башни. При этом, до сих пор я пребываю в уверенности, что ни руками, ни ногами я не касался брони — будто прямо с земли я нырнул в люк башни. Причем, как только я туда свалился, по люку застучала пулеметная очередь. Духу, судя по всему, очень не хотелось меня выпускать. По-своему, он был прав, поскольку как только я оказался у орудия, то скомандовал механику: «Заводи!», а сам припал к прицелу. Механик вывел вперед свою машину, а я открыл огонь по склону из пушки. В результате духи с этого направления огонь прекратили.

Далее мы развернули орудия машин вправо и открыли огонь по дальнему склону. Духи, осознав нашу неуязвимость, стали бить только прицельно по людям. Интенсивный огонь стрелкового оружия, который снес все навесное оборудование с машин, прекратился. Но, тем не менее, духи зорко следили за нами и огнем фиксировали каждое наше движение.

Было уже около трех дня, когда послышался гул вертушек. Не выходя с нами на связь, не запрашивая обстановку в районе площадки, на высоте метров тридцать, со стороны начала ущелья, на посадку зашли три вертолета. Я немедленно дал команду прекратить огонь, чтобы их не зацепить. Что и было, в конце концов, выполнено. Но почему духи прекратили огонь, для меня до сих пор загадка. Неподалеку от нас «восьмерки» плюхнулись на землю, и из открывшейся двери первым, как будто на параде, вышел... заместитель начальника штаба армии генерал-майор А.А.Лучинский со всеми генеральскими «прибамбасами» и в штанах с красными лампасами. Обойдя неспешным шагом вертолет, он, также не торопясь, направился к нам. Из вертолетов за ним посыпались бойцы дшб 66-й мотострелковой бригады, прибывшие к нам на подмогу.

Вертухи стали отваливать, и я, на всякий случай, приказал открыть огонь по склону, чтобы прикрыть их взлет. Тут и духи очнулись.

Вот когда испарилась генеральская важность! Вспомнив курс молодого бойца, он ужом заполз под БМП. Десантура тоже спешно прикрывалась нашей броней. Поняв бесперспективность дальнейшего сопротивления, и, я думаю, сообразив, что раз пришли «восьмерки», то, наверняка, где-то рядом и «двадцатьчетверки», духи свернули свою войну и отошли.

Лучинский собрал нас на совещание и объявил главную задачу: найти абсолютно всех. Распределились и начали искать погибших. Я со своей ротой по-прежнему занимался обеспечением безопасности поиска. Хотя искали, по возможности, все. Первыми обнаружили на террасах четверых или пятерых расстрелянных бойцов. Видимо, духи собрали раненых и, чтобы с ними не таскаться, расстреляли. В кишлаке нашли еще кого-то. Начало темнеть и поиск отложили до завтра. Расположились в дувалах на ночлег. На следующий день поиски продолжились. Я отправил Олега Мартьянова с бойцами на те склоны справа, откуда до последнего момента стреляли духи. Там никого не обнаружили, но нашли автомат кого-то из асадабадцев. Оружия духи тогда набрали много, но, видимо, под огнем один потеряли. Поиски продолжались до вечера. Хуже всего было то, что так и не ясно было, сколько трупов нужно найти. В конце концов, вечером вроде бы разобрались, что не хватает одного солдата. Но, перерыв кишлак и его окрестности, мы ничего найти не смогли. Уже дело дошло до того, что стали собирать по частям, думая, что, может быть, человек подорвался.

На вторые сутки все-таки удалось подтянуть и пехоту, и асадабадцев до рубежей, где они должны были находиться, изначально обеспечивая нашу работу. Мы остались еще на одну ночь, поскольку тело солдата так и не было найдено. В эту ночь на горе произошли какие-то разборки пехоты между собой. У страха глаза велики и, не разобравшись в темноте, они открыли огонь друг по другу. В результате оказался один убит и несколько ранено.

Поутру мы продолжили поиски. Памятуя о том, что рассказал Турчин про бойца, которого взяли в плен, я предложил искать в том направлении, куда якобы увели пленного. Для этого сам отправился за гору на БМП. Там была глубокая промоина, и машина дальше пройти не могла.

Спешившись, я стал искать. Мои предположения подтвердила недавняя информация от летчиков о том, что они уничтожили группу моджахедов, двигавшихся в сторону Пакистана. Среди них был человек в КЗС (костюм защитный сетчатый). При этом они указали и место, где примерно это могло быть. После продолжительных поисков я в одной из промоин нашел тело солдата, заложенное камнями. Достал щуп и стал аккуратно проверять, не заминировали ли духи подходы. Но им, видимо, было не до этого. Потом, отведя бойцов в сторону, дол-

го проверял, не поставили ли духи какую-нибудь пакость на разгрузку Камни, по возможности, стаскивал сначала кошкой. Когда с груди убитого я стал снимать последний большущий камень, вдруг послышалось шипение. Я похолодел, решив, что это начал работать пиротехнический замедлитель. Но когда положил камень на место, шипение прекратилось. Странно. Приподнял опять, снова шипение. Только тут я понял, что это газы, уже раздувшие тело, более свободно стали выходить через освободившиеся пробоины. Своротив последний камень, я сказал, чтобы забирали тело.

После того как последний погибший был обнаружен, нам дали команду сворачиваться, и вскоре мы улетели в Джелалабад. Как рассказывали офицеры асадабадского батальона, Котенко, несмотря на награждение орденом Красного Знамени, видимо, в моральном плане был очень надломлен потерей сослуживцев. Учитывая это, впоследствии он был переведен командиром батальона оперативным дежурным на ЦБУ. Тяжело переживал случившееся и замполит Семенов. Никто не смог поднять только погибших.

Анализируя случившееся, надо отметить, что покойный Николай Нестерович Цебрук был достаточно опытным в армии и спецназе человеком. Родился 27 ноября 1955 года в деревне Рудавне Брестской области. В 1979 году, когда началась война в Афганистане, закончил Киевское высшее общевойсковое командное училище и принял разведгруппу в Уссурийской бригаде спецназа. В неполных тридцать лет был награжден медалью «За боевые заслуги», что в мирное время получить было очень нелегко. За этим был большой ратный труд по поддержанию высокой боевой выучки личного состава и сложная учеба по «выживанию» в суровых дальневосточных условиях.

Дальневосточные спецназовцы отличались хорошей выучкой, так как постоянно привлекались на тактические учения против реального «противника», что проходили на громадной территории Приамурья и Приморья, где преодолевали громадные расстояния в уссурийской тайге, на подручных средствах переправлялись через мощные водные преграды, мерзли, голодали и питались подножным кормом. Офицер, имеющий такую выучку, был бы прекрасным боевиком в Афганистане, но судьба была к нему безжалостна. Цебрук был убит пулей в шею. Подчиненные вспоминали, что у Цебрука была особая симпатия к Кузнецову.

Еще при первых беседах с личным составом, прибывшим в Белорусскую бригаду для формирования, он сразу обратил внимание на серьезного и старательного, вдумчивого взводного лейтенанта Кузнецова, который буквально не отходил от своих подчиненных. Кое-кто из офицеров в свободную минуту, прощаясь с мирной жизнью — «заливал за воротник», а он был постоянно как «мамка» с солдатами.

Ротный знал, что Коля полный сирота, из села Малая Питерка на Тамбовщине. Чуть повзрослевшего мальчишку местные власти определили в суворовское училище. Роскошный город Ленинград поразил пацана, и он все боялся, что окружающая его жизнь — сказка и скоро закончится. Потому старательно учился и вскоре сравнялся с городскими парнями по уровню общего развития и знаниям. Не случайно, его как лучшего выпускника направили в «свое», чтоб не стыдно было, Ленинградское ВОКУ имени С. Кирова. Стремительно пролетело четыре года и вновь стал вопрос о дальнейшей службе. Само собой получалось, что служить он должен был в престижном Ленинградском военном округе. Так кадровики и порешили — направив его в самые романтические — десантные войска, сразу на капитанскую должность — командиром группы специального назначения. Учись он похуже, может быть, и судьба была бы другая. Но Родина его воспитала настоящим человеком и золотой медалист лейтенант Кузнецов главный свой экзамен сдал на отлично. В том бою воспитанник псковской бригады спецназа лейтенант Николай Анатольевич Кузнецов, окруженный врагами, подорвал себя и их гранатой «Ф-1».

Этот лейтенант особенно близок моему сердцу, поскольку в Пскове, на берегу реки Великой, я жил в той же комнате офицерского общежития, которую он занимал перед убытием в Белоруссию на формирование батальона в Афганистан. Я как будто чувствовал биение его сердца... Он навсегда остался в Псковской бригаде. А через десятилетие приказом министра обороны Белоруссии № 95 от 19 февраля 1996 года Кузнецов Н.А. навечно зачислен в списки 1 учебной роты разведки 5 отдельной бригады спецназ.

Мужество и отвагу проявили все 29 погибших воинов. Вот имена погибших:

капитан ЦЕБРУК Н.Н., лейтенант КУЗНЕЦОВ Н.А., сержанты НЕКРАСОВ В.Л., ЖУКОВ А.М., УРАДБАЕВ Ж.А., МАТАХ М.А., КУХАРЧУК В.Ф., ЧУТАНОВ А.Т., ШАПОВАЛОВ Ю.Н., ГАВРАШ Ю.Ч., КУЛЬНИС С.И., НАПАДОВСКИЙ И.А., ефрейторы ВАКУЛЮК А.С., МАРЧЕНКО В.В., КОМОГОРЦЕВ Н.Н., ФЕДИВ В.И., рядовые ХАЙДАРОВ С.С., ПОПОВ В.В., СУЛИН В.А., МУСТАФИН Н.М., ЧИХУНОВ А.М., КАСЫМОВ О.М., ОВЧИННИКОВ О.П., НОВИКОВ А.К., КУРЯКИН В.П., БОЙЧУК В.В., СЛИВКО В.И., МУЗЫКА В.Н., МОРЯХИН В.Г.

Все они были награждены орденами Красной Звезды (посмертно), кроме Вячеслава Сулина, награжденного орденом Ленина (посмертно), да лейтенанта Н.А.Кузнецова — ставшего Героем Советского Союза.

Ветеран отряда Сергей Данилюк вспоминал: «Меня начальник штаба отправил в отряд принимать раненых. Когда их привезли, там

лежал один солдат Мадиев — раненый двумя пулями в живот. Он был белый от потери крови, а губы синие. Он говорил, что зря его привезли, что он все равно умрет. И, действительно, через месяц сообщили, что он умер в госпитале. Вячеславу Сулину оторвало кисть руки, так он продолжал кидать гранаты здоровой рукой, выдергивая кольцо зубами. Олега Касымова нашли зверски замученным. Семь человек подорвались миной, когда у них кончились патроны. Когда я находился в Мараварах, я не чувствовал страха. Было чувство растерянности. А в части начал вспоминать все, то меня колотило. Возле двух палаток первой роты с утра до вечера стояли группами солдаты и обсуждали случившееся. Кто-то просто молчал. Слушали. На входной двери висел список погибших. Внутри, хоть был день, стоял полумрак. Кровати были заправлены, и, что запомнилось, в палатке стояла гробовая тишина. Разум никак не мог осознать, что этих ребят, наших друзей, мы никогда больше не увидим. Не хотелось верить».

Ветеран отряда Андрей Дорогин вспоминал: «Теперь много переосмыслено, но Маравары дали начало новому батальону. Были извлечены уроки из этого боя. И индивидуальная подготовка солдата, знание им задачи подразделения, боевое слаживание подразделений, работа командиров — на это все повлиял этот печальный опыт».

Не совсем порядочно в этой ситуации, по словам офицеров, повел себя командир отряда, который пытался всю вину свалить на погибшего Цебрука. Поскольку он якобы самовольно отправил людей в Даридам. На общей постановке задачи речи о его досмотре не шло. О том, что задачу на дальнейшие действия поставил именно Терентьев, теперь знал только один человек — командир второй роты Макаров. Если бы он промолчал, то все шишки бы достались и покойным, и живым офицерам первой роты. Такие разговоры уже шли. Но Макаров молчать не стал». После разбора с пристрастием, проведенного комиссией из ТуркВО и штаба 40 ОА, 16 мая, командира отряда майора В.Я. Терентьева и замполита майора В.С. Елецкого сняли с должностей и откомандировали обратно в Союз. Не было унижительнее наказания для военного человека, чем это... По сути, они тоже стали жертвами того боя.

Комбата прикомандировали в разведуправление штаба ТуркВО. Дальнейшая судьба замполита неизвестна.

На вакантную должность командира Асадабадского отряда был назначен капитан Г.Быков, бывший до этого начальником штаба 154-го отряда. Будучи человеком волевым и неординарным, он сумел из почти деморализованного поражением отряда сделать настоящую боевую единицу. Замполитом к нему был назначен капитан В.Д. Петрухин. Позднее в Афганистане в частях спецназа не было более популярной личности, чем командир 334 ооСПН майор Григорий Васильевич

Быков. Он навсегда врубил свое имя в историю спецназа. В течение первых трех месяцев личный состав в боевых действиях не участвовал, а под руководством своего комбата совершенствовал физическую и тактическую подготовку. Ежедневно по несколько раз батальон в полном составе с оружием и боекомплектом под прикрытием бронетехники пробегал 8 — 10 километров. Под руководством капитана Г. Быкова, отряд отработал тактику штурмовых действий и внезапных налетов на укрепленные районы и отдельные их элементы. Из-за того что избранная тактика была весьма рискованной, потери в этом отряде были наиболее высокие. В отместку разведчикам, расположение отряда, систематически подвергалось обстрелу моджахедами как из минометов, так и эрэсами.

Близость границы с Пакистаном, отсутствие возможности авиационной поддержки и применения вертолетов, разветвленная сеть хорошо оснащенных высокогорных укрепрайонов, многократное превосходство со стороны моджахедов — все это привело к необходимости применения особой тактики действий, единственно возможной в этих сложнейших условиях.

Став хорошо подготовленной, легко управляемой боевой единицей, отряд в полном составе, с тяжелым вооружением на плечах (ПТУРы «Конкурс», минометы), ночью, под прикрытием дальнобойной артиллерии стал осуществлять дерзкие марш-броски, завершавшиеся налетами на укрепрайоны моджахедов. После короткого ночного боя захваченный укрепрайон минировался, взятое оружие и имущество уничтожалось, а батальон до восхода солнца, с пленными и особо ценными трофеями уходил в безопасную зону.

За ночь отряд мог пройти по высокогорью до двадцати километров. В случае, если в темное время не удавалось уйти в безопасное место, то тяжелое оружие, огонь артиллерии и правильно выбранное место дневки позволяли отряду выдерживать дневной бой с превосходящими силами противника.

В результате активных боевых действий менее чем за год в провинции были уничтожены почти все известные разведке укрепрайоны, базы и склады моджахедов. Отряд неоднократно проводил операции под Суруби.

А началась боевая летопись и слава отряда во время первого разведвыхода в августе 1985 года, в ущелье Крер, его разведчики прозвали более звучно — Карера. Под командованием капитана Г. Быкова в том бою находилось 50 разведчиков.

Из-за отсутствия проводника и сложного рельефа отряд вышел в район поиска под утро, в результате чего был обнаружен. Принял бой, в ходе которого понес потери и отошел, тем не менее, собрав информацию о количестве огневых точек и путях подхода к ним. После этого

была разработана операция по налету на укрепрайон, но в связи с приказом командующего 40 ОА о запрещении боевых действий в пятикилометровой приграничной зоне разрешение на проведение операции получено не было. Горя жаждой мести за погибших, командир 334-го ооСпН, несмотря на запрет, принял решение провести налет на укрепрайон в ущелье Карера.

Для осуществления операции пришлось прибегнуть к хитрости. Для утверждения в штаб армии было отправлено решение о проведении засады на переправе через реку Кунар на выходе из ущелья Карера. Штаб дал «добро», и две роты общей численностью 45 человек в пешем порядке ночью выдвинулись в ущелье Карера. Выйдя на эти позиции, передали в Центр боевого управления отряда, что, находясь в засаде, вступили в бой с противником и, преследуя его, углубились в ущелье Карера.

Зная, что противник значительно превосходит отряд в живой силе и вооружении (на вооружении гарнизона УР имелись минометы, безоткатные орудия, ДШК, зенитные горные установки), решили ограничиться налетом на два передовых поста моджахедов. Отряд разделился на три группы: первая осталась на хребте для обеспечения прикрытия и отхода, а вторая и третья должны были совершить налет на два поста. В непосредственной близости от постов выяснилось, что к одному из них трудно подойти из-за сложной местности. Поэтому на ходу приняли новое решение: одна группа атаковала пост, имевший удобные пути подхода.

После начала налета на втором посту охрана вышла из укрытий выяснить причину стрельбы — и подставила себя под огонь второй группы. Второй пост также захватили. Посты были оборудованы по всем правилам военного искусства: заглубленные бункеры, склады с оружием и боеприпасами и продовольствием. Все предусмотрено для автономного ведения боевых действий. Как и положено, помимо радиосвязи была телефонная связь. Весь налет занял 10 минут, после чего разведгруппы, забрав образцы вооружения и взорвав остальное, начали отход. Темное время суток и группа обеспечения, которая отвлекла на себя огонь остальных постов укрепрайона, позволили группам беспрепятственно отойти.

Успешным оказался и налет на кишлак Дадрег ночью 24 октября 1985 года. Тогда без единой потери был уничтожен большой склад боеприпасов (только противотанковых мин, т.н. «итальянок», около 400 единиц).

Когда возникала необходимость, совместными усилиями с Джелалабадским ооСпН проводились совместные операции. Яркими примерами успешных боевых действий двух отрядов служат операции в

Гоште, на перевале Гулпрай и в районе Джигдалай (провинция Кабул). Несколько слов об этом.

В январе 1986 года был разгромлен базовый район «Саргандчина» в уезде Гошта провинции Нангархар (тогда было захвачено 2 ПЗРК, 2 ЗГУ, 7 ДШК, 3 миномета, 2 БО, большое количество боеприпасов и взрывчатки). органами безопасности Афганистана отряду был передан «язык» из укрепрайона Карера, который подтвердил имеющуюся информацию и дал дополнительные сведения о численности личного состава, вооружении и расположении исламского полка имени Абдул Вакиля. Командованием 334-го и 154-го отрядов специального назначения был разработан план проведения совместного налета на укрепрайон «Карера».

Вспоминал майор Н.Зубков: «После Гошты, когда мы двумя батальонами при содействии ДШБ из 66-й мотострелковой бригады взяли укрепрайон, у всех была сильная эйфория, потому что там столько взяли трофеев... Опираясь на положительный опыт, решили и впредь проводить совместные налеты. Асадабадскому батальону к такой войне не привыкать, они вообще только в составе отряда воевали и в этой самой Карере с переменным успехом не раз бывали... Спланировали операцию, подготовили карту. Согласно решению командира бригады, налет проводился силами двух отдельных отрядов (батальонов) при огневой поддержке приданной артиллерийской батареи 122-мм гаубиц Д-30 и огневого взвода РСЗО БМ-21 «Град». Основной замысел операции заключался в скрытном выходе двух рейдовых отрядов (100-й и 500-й ооСпН) по отдельным направлениям с задачей блокировать и уничтожить к рассвету 29 марта 1986 года опорные пункты моджахедов с последующим захватом укрепрайона».

Задача была выполнена, но получала скандальную международную оценку, что совершенно не имеет отношения к разведчикам и ничуть не принижает их героизма и мужества. Они работали безупречно и среди личного состава Асадабадского отряда убитых не было. Вот как о работе 334 отряда рассказал бывший начальник разведки 154 отряда Вадим Особенко: «На хребте, по которому шли асадабадцы, около полуночи разгорелся бой. Из кишлака работали безоткатные орудия, ЗГУ, ДШК. Радиостанции и у нас, и у 500-го отряда для связи внутри подразделения одинаковые, Р-392, и мы прослушивали их переговоры. Если можно так сказать, асадабадцы шли красиво. В переговорах — никакой нервозности, суеты, — чисто рабочие моменты. Не знаю, кто у них шел в головном дозоре, но как сейчас помню его фразы: «Первый, я Второй. По мне работает ДШК, попробую подойти поближе...». Пауза. Потом: «Первый, я Второй, работаем гранатами...» Пауза. Опять: «Первый, я Второй, идем дальше». И вот такая работа в море огня. С хребта, по которому мы поднимались, весь бой был как на ладони, и

было до слез обидно, что мы ничем не можем помочь мужикам. Так получилось, что духи увлеклись 500-м отрядом и занялись только им. Ну, а оттуда, где мы поднимались, нас и вовсе никто не ждал...».

Участники того боя вспоминали: «Наш 334 отряд с наступлением темноты по мосту в районе населенного пункта Новобод перешел на левый берег реки Кунар и, пройдя по течению 10 км, начал подъем по северному по отношению к укрепрайону отрогу пограничного хребта. Задача 334 отряда была: подняться на господствующую высоту 2170 Спиначука и закрепиться там. При подходе к высоте 1917 головной дозор обнаружил выносной пост противника с флангов, зажимая его в тиски. Оставив безоткатное орудие и двух убитых, духи отошли на 50 метров на оборудованные запасные позиции. С огневых точек укрепрайона был открыт огонь из безоткатных орудий и крупнокалиберных пулеметов. Тем не менее, отряд продолжил силами трех групп сбивать противника с хребта и неуклонно продвигался к высоте 2170. В это время 154-й отряд вышел незамеченным к укрепрайону и обнаружил работающие огневые точки...».

Даже по описанию боя чувствуется профессионализм и мужество разведчиков. Это уже не те пацаны, что вели первый бой год тому назад. В батальоне к этому времени активно действовала группа захвата пленных, которая добилась высоких результатов. За два года ею было захвачено в плен более 20 бандглаварей и заместителей крупных формирований, чья информация использовалась при планировании последующих операций.

По мнению офицеров разведчиков 40-й армии, 334 ооСпН был самой мобильной и боеспособной единицей на территории Афганистана, которую привлекали на все армейские операции вплоть до последних лет войны.

Создать такое уникальное подразделение комбату удалось благодаря личному мужеству и высокому профессионализму всего офицерского состава. И прежде всего таких как В.И. Дмитрук, В.В. Качура, О.А. Якута, А.М. Кистень, А.Г. Чепурной, А.В. Пылявец, С.В. Макаров, А.В. Зюбин, Ю.Н. Боровской, А.И. Чайка, Н.И. Яремко, А.Г. Киртаев, И.И. Матвейчук, А.В. Мусиенко, И.В. Семенов, погибшие в боях В.Рудометов, С.А. Татарчук, И.А. Тупик, В.А. Матюшин, А.А. Винник и многие другие...

Однако сам факт размещения отряда в Асадабаде, по мнению опытных разведчиков, был продуман плохо. Ведь городок батальона, расположенный на ограниченной территории-островке, можно было спокойно обстреливать с близлежащих гор, что и делалось. Кроме того, это был единственный отряд спецназа, у которого не было своих вертолетов. Причина кроется в том же — духи в результате обстрела из минометов и реактивными снарядами могли легко выводить из строя вер-

тушки. Асадабадцы обеспечить их сохранность не могли. Да и простой выход из городка на боевые действия скрыть было очень проблематично. Но тем не менее, «асадабадские егеря», как стали вскоре называть их местные, не давали спокойно жить моджахедам в провинции Кунар вплоть до вывода отряда из Афганистана.

За это комбат Григорий Быков получил прозвище «Гриша Кунарский».

Его глубоко уважали подчиненные, старшие командиры, уважали и местные жители. По боевым делам отряда специального назначения его знала вся провинция Кунар. Знали его и там, «за речкой», в Пакистане. Оттуда главари моджахедов пересылали в Афганистан листовки, в которых обещали большие деньги за голову «Кобры» (такой позывной был у комбата), нашего Григория Кунарского. О рождении этого прозвища рассказал рядовой В.С. Денищенков: «...Помню, 9 мая приехали к нам представители командования соседней афганской части, ХАД, Царандоя, поздравили с праздником и зачитали перед строем приказ. Первый пункт звучал примерно так:

«За большие заслуги в защите завоеваний апрельской революции, за мужество и храбрость при выполнении интернационального долга наградить командира советского батальона майора Быкова — Кунарского почетной грамотой». Услышав такую приставку к фамилии комбата, мы весело зашумели, в строю прокатился одобрителный смех, то тут, то там вспыхивали аплодисменты. Однако это не было шуткой: дело в том, что есть у афганцев такая традиция — давать себе или друг другу клички, псевдонимы, которые одним словом характеризуют человека, отмечают его заслуги! Вот и командиру пятого батальона афганцы дали вторую фамилию в знак особой признательности за все то, что сделал он для провинции Кунар.

Комбата Быкова побаивались и офицеры, и солдаты. Он был очень строг. Нетерпим к человеческим слабостям, на похвалу скуповат. Но был он и справедлив. Замечал не только разгильдяев, но и тех, кто на совесть служил. Уважали его за то, что всего себя, без остатка, отдавал службе. День и ночь — в заботах о батальоне, боевой готовности, своих подчиненных. Не было такого случая, чтобы батальон уходил на боевые, а комбат по какой-то причине остался. Зато довольно часто он в бой ходил с ротами.

На боевых Быков чувствовал себя, как в родной стихии: действовал азартно, на изменения в обстановке реагировал мгновенно, решения принимал за считанные секунды, в сложнейших ситуациях был хладнокровен. Под его руководством разведчики провели немало успешных боев. Григорий родился для того, чтобы стать командиром. Судьба у него была удачливая и счастливая. Три года по своей воле Быков прослужил в Афганистане. За это время во многих отчаянных

переделках пришлось ему побывать. Вместе с солдатами рисковал и комбат, всем хорошо известно было его личное мужество и отвага. ... Однажды с группой солдат он попал в огневую западню. Укрылся с ними в небольшой впадине между скал, но там их нащупали душманские минометчики. Сменить место никак нельзя, высунуться наверх невозможно — так и стригут со всех сторон автоматные и пулеметные очереди. Что делать? Рация, как назло, из строя вышла. Комбат командовал подчиненным: «Ложись! Вжимайся в камни!» А сам и не шелохнулся, как сидел, так и продолжал сидеть. Обстрел усилился, мины совсем близко падают, а комбат песни В. Высоцкого поет... Мины рвались все ближе и ближе... Младший сержант Олийный, который был тогда вместе с комбатом, рассказывал: «Жить нам оставалось считанные минуты — это точно. И вдруг обстрел прекратился. Быков от удивления петь перестал. Издалека доносился гром артиллерии, а там, откуда нас обстреливали моджахеды, теперь грохотали разрывы снарядов. Оказалось, что командир роты, старший лейтенант С. Татарчук, вовремя заметил место сосредоточения минометного огня и догадался, что там находится Быков. Не медля ни минуты, он связался по радио с артиллеристами и выдал точные координаты минометной позиции противника. Тем самым спас жизнь комбату и нам».

Быков, являясь выпускником воздушно-десантного училища, был чрезвычайно выносливым человеком. Терпеть не мог слабаков, а такие во время многочисленных переходов в горных условиях появлялись даже в числе его заместителей. Проявивших малодушие, комбат безжалостно унижал перед всем личным составом батальона, за это на него держали обиду многие. Полное отсутствие педагогического такта, прямолинейность его со временем приобрели в воспоминаниях иную оценку: «Комбат, конечно, зверь был, но все делал правильно».

Провинившихся или проявивших моральную неустойчивость, физическую слабость солдат комбат назначал в разведдозор — идти впереди подразделения, в неизвестность, в засаду, на минные поля. При этом заявлял:

— Если погибнешь, то как герой, а живым останешься — станешь человеком.

Бывало, что отличившийся вчерашний штрафник при подведении итогов «войны» вызывался из строя и комбат объявлял:

— С сегодняшнего дня считаю его своим лучшим другом!

К наградам он представлял лучших из лучших. Умело использовал разнообразные формы партийно-политической работы. По традиции, установленной Быковым, представленные к награждению фотографировались с комбатом и его замполитом, командиром подразделения. Удостоенным этой чести, вручалась потом фотография с надписью на обороте: «Такому-то по случаю представления к государствен-

ной награде за то-то и то-то». Подпись командира скреплялась крутой печатью. Делалось это на тот случай, если представление не будет реализовано. К сожалению, такое бывало не однажды.

Григорий Быков не терпел, как он выражался, дикого «вещизма», был крут и беспощаден с теми, кто сознательно нарушал дисциплину. Вообще, как вспоминают, он был человеком строгих принципов. Особенно нравилось подчиненным то, что он в рот начальству не смотрел, мысли его не старался угадывать, по многим вопросам имел собственное мнение, проверенное боевым опытом. Без оглядки на свое благополучие, на личную карьеру тормозил Быков вышестоящих. Вступал с ними в конфликты, добиваясь решения проблем быта личного состава, полного боевого обеспечения. Доставалось от него тыловикам за недостатки в организации питания.

Не все его любили, но те, для кого воинский долг превыше всего личного, ничуть не обижались, комбата понимали и поддерживали. Заключительным аккордом боевой деятельности Г.Быкова в Афганистане является операция, проведенная 25 — 26 мая 1987 года в районе Джигдалай. В отличие от других выходов, проводившихся только ночью, здесь выдвигание отряда происходило днем, на виду у душманских наблюдателей. После выхода в район разведки, уже в сумерках, начался поиск, который продолжался до утра (обычно советские подразделения в ночное время операций не проводили). В результате было обнаружено и уничтожено 11 складов с большим количеством вооружения и боеприпасов.

В июне 1987 года майор Быков, по личному указанию генерала армии Варенникова, был принят на учебу в военную академию имени М. Фрунзе. В 1990 году, успешно завершив обучение на разведывательном факультете, попал служить в ГРУ ГШ ВС СССР. Но служба в высших кабинетах не пришлась ему по душе. Начавшийся развал Союза и армии подтолкнули его к увольнению в запас. В Москве он набрал группу единомышленников и мотался с ними по всему СССР — инкассатором по перевозке драгоценностей. С началом братоубийственной войны в Югославии он в первых рядах воинов-добровольцев. Поехал помогать сербам и, как говорят, отлично командовал интернациональным отрядом специального назначения. Однако в это время сослуживцы уже отмечали у него признаки душевного нездоровья, а также болезненные проявления мнительности. Все чаще бывало, что он в минуты грустных раздумий вспоминал своих погибших подчиненных. А таких в отряде под его командованием было 65 человек. И с особым душевным надломом вспоминал восемь разведчиков 154 отряда, утонувших по его вине 11 февраля 1985 года при форсировании реки Кабул при выходе в район Гошты. Без предварительной разведки места переправы БТРы снесло течением и они затонули. Личный состав вып-

лыть в теплом обмундировании и обвешанный боеприпасами не смог. В числе погибших было два офицера. Особенно Григорий жалел лейтенанта Сергея Лемишко, у которого в Союзе родился сын, но отец его так и не увидел...

Прав ли был Быков, когда каждая «война» в отряде принималась его подчиненными не как рутинные действия, а как последний бой. К нему и готовились соответственно. Прошли годы, и исполнители воли железного комбата начали сомневаться: нужны ли были такие героические и самоотверженные усилия на грани здравого смысла? Так, наверное, нужно воевать по защите своего Отечества. Но в локальном конфликте следовало беречь людей. И, наверное, Быков думал об этом после войны, анализируя прошлое... Ему прощали потери личного состава, когда других карали очень строго. Но от суда совести не уйти никому... Обладая железной волей на войне, он в мирной жизни легко попадал под влияние людей дурных и недостойных. Последние годы ему пришлось переживать синдром мании преследования. Он появился у него еще в Асадабаде. Как вспоминал сам Быков, эти видения к нему стали приходиться после того, как в критической ситуации одного боя, разведчики, преследуемые противником, под яростным огнем прыгнули на три подсевших вертолета и в спешке забыли тяжело контуженого комбата. Сутки больной и безоружный Григорий шел по горам в сторону отряда, каждую минуту ожидая конца. И хотя тогда все закончилось благополучно, его нашли разведчики и вертолетчики, но психика стала давать сбои...

Жизнь этого человека оборвалась нелепо и не на войне — 6 июля 1995 года. Вернувшись со своей второй войны на Балканах, он, потрясенный изменениями на родине, развенчанием идеалов, которым служил, а также неурядицами в личной жизни (женился на служащей СА, работавшей официанткой в его отряде в ДРА) — толкнули его на самоубийство. В роковой час он взял охотничье ружье, вышел в подъезд и выстрелил себе в рот. Остались после него ордена Красного Знамени и Красной Звезды, которыми был награжден легендарный Быков-Кунарский, да память.

Хоронили подполковника запаса Быкова на одном из московских кладбищ только верные его памяти разведчики-спецназовцы. Выступая над телом покойного, ветеран отряда Николай Яремко напомнил однополчанам биографию их командира: «Он родился в станице Крымской на Кубани в семье инвалидов. Отец прошел всю войну в разведке и здоровьем не отличался: был весь израненный и с расстроеными нервами. Мать тоже еле выходила, обнаружив абсцесс селезенки. Перебрались в Москву. Сын рос в семье родителей-инвалидов слабым и болезненным. В пять лет обнаружили сколиоз. Отсутствие координации в движениях отразилось на всю жизнь в его особенной походке. В

четвертом классе стали разрушаться зубы. Преподаватели выражали сомнение, что этот кривенький, затянутый в корсет мальчик сможет заниматься спортом наравне со своими сверстниками. А эта физическая неполноценность наоборот развила в нем болезненное самолюбие.

Во всем: в играх, в спортивных занятиях, в учебе он старался быть первым, мечтал прославиться, чтобы блеск этой славы заставил всех забыть о его недостатках. Прошли годы тренировок, которые изменили Григория внешне и внутренне. Он имел 190 сантиметров роста, классическую атлетическую фигуру, хорошо плавал брассом. Заработал первый юношеский разряд. 60 раз отжимался от пола. Увлекался пятиборьем, борьбой. Воспитанный двором он смело вступал и не боялся уличных драк. Эти бойцовские качества убедили его, что он уже ни в чем не уступает пацанам.

Надо отдать должное и родителям, которые своей требовательностью воспитали из сына послушного, старательного и прилежного ученика. Он выгодно отличался от своих товарищей великолепной памятью и прилежностью. После школы Григорий Васильевич поступил в РВВДКУ. Легко постигал военные науки, а перед выпуском его назначили даже старшиной первокурсников.

Офицерская служба в забайкальской бригаде спецназ складывалась благополучно, а тут командировка на войну. Талант командира Быкова не сразу заблистал в Афганистане. Много драматических событий пережил Григорий, было в его биографии даже отстранение от должности, но судьба благоволила ему. Если бы не она, то не стал бы он тем, кем стал — Быковым-Кунарским.

Вдумайтесь, на его счету было более 120 боевых выходов, командиров с таким опытом не только в Союзе, но и в мире можно было по пальцам пересчитать. Он умел из простых мальчишек, которые поначалу были неспособны просто дойти в горах до противника, делать выносливых и умелых разведчиков. В трех случаях из четырех он точно угадывал, где нужно поставить засаду и караван выходил на нее. Но не потому, что был ясновидящем, а потому, что хорошо изучил обстановку, знал местность. В некоторых районах бывал по два-три раза и знал, за какой кочкой спрятаться, где тропинка, по которой можно прокрасться незаметно даже для глазастых местных жителей. Гульбеддин Хекматияр пообещал три миллиона афганей за голову командира Быкова».

Восторженное отношение к командиру было у солдат. Так рядовой запаса Виталий Ракицкий о своем командире сказал: «У каждого в жизни есть свой кумир. Так вот моим кумиром был Григорий Васильевич Быков!».

Под этими словами могли бы подписаться многие...

Одним из талантливых воспитанников Быкова был начальник

разведки 334-го отдельного отряда спецназначения старший лейтенант Якута.

Среди четырех тысяч солдат и офицеров 15 отдельной бригады спецназ, награжденных советским правительством боевыми наградами, особой когортой выделяются четыре Героя Советского Союза и десять военнослужащих, представленных к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение героических подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, но которые были удостоены других государственных наград СССР, а у двоих представления вообще реализованы не были. В этом списке есть фамилия Якута.

Якута Олег Александрович попал в Афганистан двадцатилетним лейтенантом, сразу после окончания Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР. Он родился 17 ноября 1964 года в Минске, в семье рабочего и медицинского фельдшера. Конечно, молодым солдатам, он — высокий, стройный и красивый парень, бывший кремлевский курсант казался уже опытным военным. А он был такой же неопытный мальчишка, как и его подчиненные, волею судьбы оказавшиеся на границе с враждебным Пакистаном. Адаптировались к новым условиям вместе. В августе 1985 года на пике военного противостояния советских войск с моджахедами в разгар афганского лета он прилетел в жаркий и душный Джелалабад, где был назначен командиром группы спецназначения в 154 ооСпН 15 оБрСпН. Здесь, в горах пограничной провинции Нангархар, лейтенант Якута совершил первые разведывательные выходы в качестве стажера и получил знания, умения и навыки спецназовской науки побеждать в реальных боевых условиях. Через месяц, когда начальник штаба отряда Г.В.Быков получил назначение на должность комбата 334 ооСпН 15 оБрСпН, он забрал с собой в г.Асадабад и Якуту. Новый коллектив произвел гнетущее впечатление. После гибели 1 роты солдаты и офицеры батальона долго не могли морально оправиться от перенесенного поражения. Нужны были активные действия для перестройки сознания личного состава. И Якута помог комбату в этом процессе своим личным примером. Сослуживцы отмечали, что лейтенант Якута О.А. с первых дней проявил высокую подготовленность к службе в боевой обстановке Афганистана, умение воспитывать подчиненных, готовить вооружение группы к выполнению специальных боевых задач, быстро ориентироваться в скоротечной боевой обстановке, грамотно оценивать ситуации, мгновенно принимать решения и руководить личным составом, достигая выполнения поставленных задач с наименьшими потерями.

Первая операция, порученная лейтенанту Якуте, по реализации разведданных состояла в захвате и уничтожении склада с оружием и боеприпасами промаоистской организации в кишлаке Дудрек (провин-

ции Кунар). Она была тщательно спланирована и проведена показательно удачно. Лейтенант Якута умело организовал налет на объект, в ходе которого захватили 8 автоматов, 200 противотанковых мин и большой склад с имуществом и медикаментами. Отметив хватку, способности и личную смелость лейтенанта Якуты, командир батальона начинает поручать ему наиболее сложные операции. За первых пять месяцев службы в Афганистане лейтенант О.Якута прочно завоевал деловую авторитет офицера, обладающего завидным хладнокровием, изобретательной хитринкой и острой смекалкой разведчика. Неоднократно эти качества спасали жизнь и ему, и его подчиненным, и всему отряду.

Ярким подтверждением тому является операция, состоявшаяся 3 декабря 1985 года, когда в ходе ожесточенного боя в районе высоты 1300 метров группа Якуты оказала помощь группе спецназ, попавшей в засаду моджахедов. Действуя самоотверженно, дерзко и решительно, лейтенант Якута в том бою спасает от неминуемой гибели своих товарищей. Реально смерть висела и над головой молодого лейтенанта. Плотность огня противника была такова, что командир группы Якута за несколько минут боя получил два пулевых ранения в руку и колено. Несмотря на нестерпимую боль и изрядную потерю крови, лейтенант продолжал грамотно руководить боем и отогнал превосходящую по численности группу духов в сторону н.п. Шопали. Благодаря личному мужеству, проявленному лейтенантом Якутой, разведчики его группы вынесли с поля боя тела всех погибших товарищей: младших сержантов Матяша Е.В., Файзулина М.И., рядовых Иванова М.И., Козака В.В. и Дворникова В.А.

Операция по эвакуации убитых и раненых спецназовцев происходила в тяжелых горных условиях пересеченной местности под огнем преследующего их противника. За тот бой лейтенант Якута был представлен командованием к награждению орденом Красная Звезда.

В январе 1986 года командир отряда назначил лейтенанта Якуту командиром специальной группы по захвату пленных. Командуя этой группой, лейтенант Якута продемонстрировал высочайшее личное мастерство, мужество и отвагу, так, 5 апреля, находясь в засаде в районе Джигдалай, дерзко захватил в плен главаря банды, а его охрану уничтожил сосредоточенным огнем. За эту операцию он представляется к награждению вторым орденом Красной Звезды. 19 апреля 1986 года в районе Чайшан-Масты (провинция Кабул) спецгруппа Якуты в ходе скоротечного боя захватила в плен 9 видных деятелей оппозиции, а десятых охранников уничтожила. В ходе того боя Якута получил контузию. За мужество и проявленный героизм офицер был представлен комбригом Старовым к ордену Боевого Красного Знамени.

Якута делал неоценимую работу. Его группа по захвату пленных неоднократно захватывала ценных «языков», в том числе главарей мя-

тежников провинциального уровня, командующих «фронтами», которые давали важнейшую информацию: о силах, вооружении и расположении бандформирований, их боевых порядков, планах ведения боевых действий против нас и наших союзников — правительственных войск ДРА, о местах нахождения исламских комитетов мятежников, складов с оружием и боеприпасами, схемами дислокации и обороны укрепрайонов мятежников вдоль границы с Пакистаном и на территории ДРА. Реализация полученной информации позволяла командованию нашей бригады и штабу 40 армии планировать боевые действия, нарушающие расчеты оппозиции по ведению войны против советских войск и армии ДРА на продолжительный период, как в зоне ответственности отряда, так и в районах ответственности всей 15 оБрСпН, а также в районах наших боевых рейдов.

В целом же, Якута, командуя группой захвата пленных, лично захватил в плен 20 главарей и заместителей командиров 4 крупных бандформирований, участвовал в захвате и уничтожении ряда крупных складов с оружием и боеприпасами в хорошо охраняемых укрепленных районах Карера, Гошта и другие, находящиеся в тылу многократно превосходящего противника на границе с Пакистаном и в глубине территории Афганистана.

Оценивая способность Якуты всесторонне подходить к анализу получаемой и добываемой информации, способность к неординарному мышлению, умение четко доложить свои предложения по оперативной обстановке, склонность к боевому риску, умение работать по добычанию информации в ходе боя, командование соединения в августе 1986 года назначает лейтенанта Якуту начальником разведки 334 отряда. Он быстро осваивает новый участок работы и успешно работает с разведчиками оперативно-агентурных групп «Асадабад», «Джелалабад-2», «Дельта-1», «Дельта-2», советниками ХАДа и Царандоя, а также непосредственно с агентурой.

Но он не ограничивается только оперативной работой, а берется за любое горящее дело. Боевую работу любит, получает от практической реализации разведанных большое внутреннее удовлетворение. И результаты, достигнутые отрядом, высоко оцениваются командованием бригады и 40-й армии. Так, например, в ноябре 1986 года, командуя ротой спецназ в районе Гарби-Бадпаш (провинция Кабул), он уничтожил штаб исламского комитета, захватив 4 важных пленных, 20 единиц стрелкового оружия (12 автоматов, 8 английских карабинов), 8 мин к миномету, 60 противотанковых мин, знамя исламских моджахедов, печать, ценные штабные документы. По приказу комбрига, за эту операцию лейтенант Якута был представлен к третьему ордену Красной Звезды.

Наиболее же выдающимся личным подвигом лейтенанта Якуты

является организация им разведки и оборонительных боев в районе Нуристана, контролируемого бандглаварем Сарварханом, в рядах которого находилось более 3 тысяч моджахедов. Район этот был интересен для разведки тем, что рядом с Биркотом, по сведениям разведки, проходило несколько караванных маршрутов, активно используемых боевиками для ежедневного обеспечения оружием и боеприпасами бандформирований центральной части Афганистана. Доступ в это высокогорное место был крайне затруднен как по географическим причинам, так и в связи с близостью баз и укрепрайонов моджахедов на территории Пакистана. О сложности района предстоящих боевых действий спецназа и маршрута к нему, свидетельствует такой факт, что после завершения армейской операции в мае-июне 1985 года, проведенной под руководством генерала армии В.И.Варенникова, ни одна колонна, ни одна машина в Биркот пройти не могла. Мятежники жестко блокировали всю трассу, начиная от населенного пункта Асмар до границы с Пакистаном, и сам город Барикот.

25 декабря 1986 года лейтенант Якута во главе группы разведчиков, под прикрытием афганских беженцев был переброшен на вертолетах афганских ВВС в н.п. Барикот. Ему была поставлена задача в течение двух недель путем визуального наблюдения с использованием агентурной сети выявить караванные маршруты моджахедов и спланировать 5—6 выходов для 334-го отряда, который несколькими ночными марш-бросками должен был скрытно выдвинуться в район Барикота к началу января 1987 года.

Как выяснилось позже, по данным агентурной разведки, появление нашего разведчика в Барикоте совпало по времени с началом реализации крупной военно-политической акции, спланированной ЦРУ и спецслужбами Пакистана совместно с лидером моджахедов Гульбеждином. Суть планируемой ими операции, под условным названием «Сердце Азии», заключалась в стремительном захвате двухтысячной группировкой Гульбеждина исторической области Нуристан с объявлением, при поддержке международного сообщества, нового государства Сердце Азии со столицей в городе Барикоте.

Наступление моджахедов началось через несколько дней после десантирования Якуты в городе. В первые же часы в ночь с 27 на 28 декабря 1986 года моджахеды уничтожили или рассеяли личный состав двух батальонов пограничного полка Афганской армии, прикрывающие город с востока и севера. Тяжелый, кровопролитный бой вел 3 батальон, наиболее морально устойчивый и преданный командиру полка. Началась паника и попытки массового дезертирства и предательства со стороны сарбозов. В этой обстановке, как явствует из доклада советников, лейтенант Якута быстро сориентировался в обстановке и, находясь в рядах обороняющихся, вместе с командиром пограничного

батальона увлек личным примером остатки «зеленых» на отражение атак мятежников, чем спас ситуацию в самый критический момент ее развития. Командир афганского погранполка, четверо советских советников и часть комендантской роты полка предприняли попытку выехать из города в сторону Асадабада. Но лейтенант Якута, проанализировав ситуацию, принял решение не оставлять пункт постоянной дислокации, а организовать оборону на территории старой крепости (где дислоцировался штаб полка), с использованием всех имеющихся средств, в том числе секретных мин «Охота-2», привезенных с собой для минирования караванных маршрутов моджахедов. Ему удалось убедить в верности своего решения командный состав пограничного полка и советников, которые положились на опыт и интуицию лейтенанта-спецназовца.

— Это только кажется, что Асадабад совсем рядом, — убеждал их Якута, — в зимних условиях высокогорья эти 60 километров покажутся в десять раз больше. А вы учитываете возможные засады на серпантине дороги?! Куда вы денетесь в случае чего? С одной стороны — обрыв и ледяной Кунар в ущелье, с другой — неприступная скала. Духи расстреляют вас как куропаток. Выход один — организовать оборону и стоять насмерть. Помогите мне, я все спланирую! — подвел итог Якута.

Советники, не успевшие утвердить свое решение на эвакуацию в Асадабад у своего руководства из-за отсутствия связи, задумались. А позже полностью подчинились боевому чутью разведчика. И как они сами признались — не ошиблись. Оборона крепости, выбранная Якутой, для отражения штурма массовых сил противника, профессионально подготовленная система огня и минно-взрывных заграждений, позволила отразить атаки в дни боев превосходящих сил моджахедов.

Организацию нескольких рубежей обороны населенного пункта Якута взял на себя, с помощью советников, привлек все имеющиеся силы афганских пограничников. При этом он спланировал прикрыть Барикот с юга первым батальоном, с запада — вторым, с севера — третьим. Грамотно используя имеющиеся у разведчиков специальные инженерные средства, заминировал открытые участки местности на подходах к городу, и лично принял участие в минировании переправы через реку Кунар, по которой осуществлялась переброска основных сил моджахедов из Пакистана. И, действительно, правильная организация обороны превратила штаб полка в настоящую крепость, имеющую стратегическое значение, поскольку являлась центром города и самым важным его объектом. Непрерывный бой продолжался трое суток.

Не сумев взять крепость с первого штурма, моджахеды понесли существенные потери и отошли на ранее оставленные пограничника-

ми позиции, начав длительную осаду обороняющихся. Обстреливая крепостное сооружение реактивными снарядами, артиллерией и минометами, они вновь и вновь повторяли атаки, но встреченные упорным сопротивлением обороняющихся, откатывались назад.

Со слов советников С.М. Бекова, А.П. Вавилова в этот период лейтенант Якута был душой обороны. Он демонстрировал спокойствие и уверенность в своих силах и в устойчивости созданной обороны. Когда опускались сумерки, лейтенант скрытно выходил из крепости и осуществлял эшелонированное минирование путей движения мятежников от переправы к городу. При этом, после подрыва моджахедов, пользуясь бесшумным оружием, расстреливал оставшихся бандитов, уцелевших на подрывах и в районе переправы.

Его действия были дерзкими и наносили ощутимый урон противнику, моджахеды начали паниковать и отказываться идти на афганскую территорию. Американские советники, получившие информацию о действующем в крепости «шурави-шайтане», устроили за «ночным охотником» настоящую контрохолу, но удача была на стороне лейтенанта Якуты, который, по словам советников, стал еще более осторожен и изощрен.

За неделю боев в Биркоте слухи об отважном лейтенанте дошли до Джелалабада и Кабула. Генерал армии Варенников В.И. вылетел в Джелалабад в штаб 15 оБрСпН и заслушал комбрига Старова по развитию ситуации в Барикоте. Обсуждались и неприятные моменты, связанные с нежеланием афганцев воевать с душманами.

Бывший советник ЦК КПСС в оперативно-войсковой Зоне обороны «Восток» генерал С.М.Беков вспоминал:

«В разговоре с Софи — председателем Совета обороны Зоны «Восток» касаясь ситуации в пограничных войсках в Барикоте. Он как-то сник, стал вялым. Странно было слышать его сетования на подчиненного, которого он мог наказать и даже отстранить от должности. Генерал Сарвар (командир 1-й пограничной бригады) по уровню деятельности не соответствует генералу, — отвечает мне Софи. — Он человек безответственный, работает плохо. Три месяца назад отправил в Кабул для ремонта 41 пулемет ДШК. А они очень нужны, он же не принимает мер по их возвращению. Посты, выставленные им на границе, не бьют караваны. Я велел ему установить посты в других местах — все на месте. Не удерживают позиции в Лойдакке на основной трассе. Во время операции в Гулуку потеряли 12 единиц бронетехники. Оставили душманам целенькими только потому, что он совершенно не позаботился об обеспечении бригады горюче-смазочными материалами.

— За любой из перечисленных Вами поступков его надо отстранять, — посоветовал я, воспринимая его слова как просьбу товарищеского совета. Но он торопливо закончил разговор согласием:

— Да, да, нужен человек более ответственный».

После принятия решения об эвакуации из города советников и группы разведчиков во главе с лейтенантом Якутой, Варенников вызвал на связь лейтенанта Якуту и выслушал его мнение о целесообразности дальнейших боевых действий. Лейтенант Якута проявил в этот момент высочайшее мужество и доложил, что, на его взгляд, город оставлять нельзя, а целесообразнее закрепить ситуацию в нашу пользу и удерживать город. Генерал армии Варенников согласился с доводами лейтенанта и утвердил это решение. Для поддержки защитников крепости он добился направления в Барикот элитного президентского подразделения командос, которое вскоре было десантировано на 20 вертолетах в район боевых действий.

Как вспоминали позднее советники С.М. Беков, А.П. Вавилов, Коршунов, А.С. Корнилов, А.Д. Поносов, с прибытием подкрепления, кровопролитные бои в Барикоте продолжались еще трое суток, но противник повсеместно был выбит с занимаемых ими позиций и вынужден был уйти на пакистанскую территорию.

Таким образом, планы Гульбеддина и его советников по изменению геополитической ситуации в Нуристане оказались сорванными, благодаря мужеству и героизму советских и афганских военнослужащих. Решающую роль в обеспечении стойкости гарнизона Биркота оказало личное влияние на окружающих, как пример стойкости и боевой активности, советского офицера — начальника разведки 334 ооСПН лейтенанта О.А. Якуты.

Как позднее выяснилось из агентурных источников, подкрепленных визуальным наблюдением, моджахеды потеряли в боях под Биркотом убитыми и ранеными более 600 человек.

После возвращения лейтенанта Якуты для подробного доклада о ходе боевых действий в штаб бригады в Джелалабад — заслушивание проводил лично генерал армии В.И. Варенников, — полковнику Старову было отдано распоряжение подготовить наградной материал для представления Якуты к званию Героя Советского Союза. После отработки всех необходимых документов, генерал армии Варенников забрал комбрига и Якуту с собой в штаб 40 армии, где по его приказу, они обошли с наградными документами членов военного совета 40 общевойсковой армии ТуркВО. После чего они были сданы установленным порядком в секретную часть.

Офицеры разведотдела армии полковник А. Плешаков и подполковник С. Золотарев проинформировали командование бригады, что генерал армии Варенников В.И. все документы о представлении лейтенанта Якуты О.А. к званию Героя Советского Союза, подписанные должностными лицами 40 ОА ТуркВО, увез лично в г. Ташкент в середине января 1987 года. Прошло время, заполненное напряженной боевой

работой и новыми впечатлениями. Попытка узнать судьбу направленных наградных материалов, как правило, не давала ясности. Как-то в июне 1987 года, находясь в Кабуле на военном совете армии, командир бригады с начальником политотдела во время перерыва зашли к начальнику отдела кадров армии полковнику Михайлову для уточнения вопросов по награждению личного состава. На вопрос:

— Что с документами на лейтенанта Якуту? — услышали:

— Ребята, и мы и штаб ТуркВО возмущаемся, да вы этого лейтенанта уже к пяти орденам представили.

— Ну и что?!

— Хватит ему и того, что уже дали.

— Ну не вам решать, Вячеслав Михайлович, — ответил комбриг. — Ваше дело канцелярское.

— А ты слышал поговорку, Юрий Тимофеевич: «Выше кадров только солнце!», еще товарищ Сталин справедливо сказал: «Кадры решают все».

— Ну не про Вас он это говорил, а про таких ребят, как наш Якута! — зло ответил зарвавшемуся кадровику начальник политотдела.

Наконец, в октябре 1987 года, подошло время возвращаться в Союз по замене. С большой неохотой делал это Олег. За спиной оставались более 150 боевых операций, разведывательно-поисковых действий, налетов, засад. Риск стал нормой его жизни. Уезжал с тяжелым сердцем, будто предчувствуя, что никому он в Союзе не будет нужен. За два года непрерывных боев и походов из мальчишки превратился он в настоящего «волка» войны, не признающего паркетных шарканий и строевых приемов на плацу, оценивающего людей по суровым критериям железных командиров Юрия Старова и Григория Быкова.

Ему нелегко пришлось в гражданской жизни. Не успел пересечь границу, как таможня с жадностью голодных псов набросилась на его скромные пожитки и извлекла на свет необыкновенной красоты рубины и лазурит, найденные им в горах в районе Асадабада, Асмара и Барикота... Предназначены были эти камушки любимой девушке, и откуда мог знать наш спецназовский «Маугли», что это, оказывается, — «народное достояние».

Как было понять старшему лейтенанту, что он вернулся в общество, где живут по другим законам, которых он еще просто не успел узнать...

За два года боевой службы в Афганистане, в неполные двадцать три, он был представлен к пяти орденам и к званию Героя Советского Союза.

Он был самолюбив, в принципе, вполне заслуженно, гордился своими заслугами перед Родиной и на многие вещи смотрел по-фило-

софски запросто. Его не понимали в гражданской жизни, считали разгильдяем и наглецом.

Попав в обычную воинскую часть, он не смог вписаться в мирный ритм жизни армии, когда к командиру нужно войти после стука в дверь, обратиться после соответствующего строевого ритуала отдания чести. На войне все было значительно проще. Олег же не встретил в мирной армии настоящего педагога в лице командира или политработника, который бы его понял и дал время на психологическую адаптацию, поддержал его в душевных метаниях. Его кидали с должности на должность. Он нахватал массу взысканий за низкую дисциплину в подразделении, опоздания на строевые смотры, за пререкания со старшинами и прочие мелочи. Вскоре попал в категорию отверженных — негодных к службе и вечно гонимых, что еще более отворачивало его от военной службы...

С горечью слышал я о том, что боевой офицер-разведчик Олег Якута, оказался не востребовавшимся в разваливающейся армии бывшего Союза и уволился в звании майора с должности замполита батальона по собственному желанию — по болезни... В расцвете лет оказаться ненужным армии и обществу — это ли не верх безразличия к людям?! А какую личность потеряла Российская армия?

А жаль, это был талантливый военный и очень смелый человек...

О его гражданской жизни мне известно немного. Знаю, что живет в Москве и занимается небольшим бизнесом. В 2000 году оказал финансовую поддержку в выпуске памятного альбома «Спецназ».

Но о его службе в Афганистане Николаем Кикешевым написана книга «Встань и иди» (Издательство «Мегатрон», Москва, 2000). Книга уже переиздавалась дважды, значит судьба нашего героя не оставляет равнодушным современников, и он является истинным примером для подражания подрастающей молодежи.

После легендарного Быкова-Кунарского на отряд трудно было подобрать достойную замену. Потому в сравнении с предшественником его сменщик оказался слабоподготовленным офицером. Ко всему еще пехотинец подполковник А.Б. Клочков оказался хамоват и авантюрен до безумия. Его и замполита майора В.Г. Кулюкина, который наоборот был немногословен, слишком мягок и интеллигентен для спецназа, постигла судьба первых руководителей — их пришлось заменить в октябре-ноябре 1987 года. При этом командира отправили в Союз, а замполита откомандировали в 5-ю мсд в Шинданд, где он замполитом артиллерийского дивизиона дослужил до февраля 1989 года. Комбриг Старов был вынужден в этой непростой ситуации — нехватки кадров, уже не просить заменщиков из Союза, а произвести рокировку само-

стоятельно, и на 5-й батальон назначил самого опытного своего командира, до того уже в течение года командовавшего 154-м отрядом.

Им оказался хладнокровный и очень сдержанный, даже медлительный латыш Владислав Гилуч. Новый комбат был высок и статен. Глядя на него, невольно вспоминалось шутливое выражение «о горячих прибалтийских парнях». Он со своим темпераментом точно подходил к этому словосочетанию. Хотя при всей своей медлительности он был очень грамотным спецназовцем, смелым, решительным офицером и не всегда похвально упрямым, но порядочным человеком. Но для командира это неплохо. За мужество и успешное командование частью Гилуч был впоследствии награжден двумя орденами Красной Звезды.

В облике вновь прибывшего командира окружающих прежде всего поражали его громадные рыжие усы, кончики которых он крутил в минуты глубоких раздумий.

Владислав Петрович родился 8 октября 1949 года в селе Гайли Преильского района Латвийской ССР в большой крестьянской семье. У его родителей Петра Язуповича и Вероники Теняевны Гилуч было семь детей. Владислав был последним ребенком и, как это обычно бывает, самым любимым. Он хорошо учился и после школы окончил Рижский строительный техникум по специальности техник-строитель. Два года до призыва в армию проработал прорабом на стройке, а в 1968 году был призван в войска специального назначения в город Вильянди. Довелось осваивать военную специальность рядовым разведчиком, а потом сержантом командиром отделения. В 1970 году был направлен в Рязанское десантное училище. В 1974 году выпускник девятой роты РВВДКУ приехал по распределению в город Псков.

Владислав был статный, красивый крепкий парень, основательно занимающийся спортом. Особенно его привлекал бокс. Он умел держать удар и неоднократно принимал участие в соревнованиях за училище и на первенство ВДВ. Его побаивались соперники, ибо хорошо знали, что за внешним спокойствием этого медлительного увальня скрывается мощная энергия и недоуменный характер.

С 1983 года он служит в Забайкальской бригаде спецназа, а в октябре 1986 года откомандировывается в Афганистан командиром 154 отряда спецназа, на котором в течение года получил хороший боевой опыт.

Замполитом к новому командиру 334 ооСпН приехал из Союза капитан Михаил Иванович Нимко, который до того служил в Брестской десантно-штурмовой бригаде и считал себя достаточно опытным парашютистом-десантником. Гилуч же, профессионал-спецназовец, огнесся к своему замполиту с нескрываемым недоверием: Нимко хотя и был крепкой кости, но ростом не вышел. И рядом с Гилучем,

естественно, значительно проигрывал во внешности. Первое время новичок тяжело адаптировался в обстановке. Впоследствии под влиянием властного командира он занял свою достойную нишу в коллективе и зарекомендовал себя хорошим боевым замполитом. По итогам афганской кампании капитан Нимко М.И. был награжден орденом.

Эта кадровая замена, произведенная комбригом, влила свежую струю в моральную атмосферу отряда, который после поступления Быкова в академию на некоторое время, как показалось, будто потерял свое лицо.

Подполковник Гилуч и его заместители: майоры Дмитрук Владимир Иванович, Качура Вячеслав Михайлович, Судаков Евгений Геннадьевич, Мамошук Василий Дмитриевич, капитан Нимко Михаил Иванович, каждый на своем месте, вскоре стабилизировали положение дел в отряде, и умело и грамотно организовывали и обеспечивали боевые действия в ходе ряда армейских операций и реализации разведанных. Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназа в провинции Пактия и округе Хост, умело организованные первым заместителем командира отряда майором В.И. Дмитруком. Несколько слов о нем. Начинать он службу в Баракинском батальоне, а Быков, который знал его по училищу, выпросил у комбрига его себе. И не ошибся. Толковый был офицер. Интересно его воспоминание о первом боевом выходе: «Расскажу про свой первый выход в горы на операцию. Около месяца никуда не ходил — Быков дал время на адаптацию. Новичков на войну не посылали минимум месяц. Но каждый день — утренняя физзарядка. В строю все, в т.ч. офицеры и прапорщики. Увиливали только бытовики из служб обеспечения, повара и т.д. Начиналась зарядка кроссом на 6 км. Потом гимнастика. Необходимость этого я понял уже на первом выходе. Если бы не эта зарядка, не знаю, как бы я перенес выход. Новый НШ батальона от зарядки (кросса) увиливал. После первого выхода я спустился с гор самостоятельно. Его, здоровяка, симпатичного молодого парня, принесли. Не раненным, а с сердечным приступом. После госпиталя он к нам больше не вернулся.

Операцию спланировали в Бабурском ущелье, которое выходило к Кунару по дороге на Джелалабад. Контролировали ущелье душманы. На нависающих над входом в ущелье горах располагались их посты. Ущелье выходило в долину Кунара сухим руслом, над которым стоял железобетонный мост. Мост с двух сторон, как и всю дорогу Асадабад — Джелалабад, охраняли посты «зеленых». Все бы ничего, но посты душманов, находящиеся на вершинах гор и пользующиеся своей неуязвимостью, обстреливали практически весь транспорт,двигающийся по дороге через мост. Доставалось и нашим колоннам. Большого вреда стрельба из стрелкового оружия не приносила, но раздражала.

Иногда были ранения. А приезд в батальон комбрига даже однажды принес гибель сержанта, возвращавшегося из госпиталя. Вот этих ребят мы и решили немного проучить, так как сил для зачистки ущелья у батальона, естественно не было.

Операцию назвали «Ловля на живца». Суть ее заключалась в том, что ночью отряд силами двух рот (реально это получалось около 100 с небольшим пеших бойцов) скрытно выдвигался к кишлаку, где располагался исламский комитет, и занимал оборону на ближайшей горе. А потом на эту горку наши вертушки десантируют группу около десятка человек. Духи отправятся ловить группу, а получают сами по всем зубам, как положено.

Расчет оправдался полностью. На первый выход готовилось тщательно. Пристрелял автомат. Подобрал и подогнал нагрудник — «лифчик» по-народному. Взял пять полных магазинов, несколько пачек с патронами, бросил про запас четыре гранаты. Пистолет Сечкина с сотней патронов на боку. Сигнальный пистолет с двумя десятками патронов к нему. Десяток сигнальных ракет. Парочка ракет осветительных. Четыре дыма. Бинобль дневной и ночной БН-2. Радиостанция Р-392 с двумя запасными аккумуляторами. Сухпай взял весь. По опыту знаю, что в ход идут даже галеты, которые в Союзе на учения редко брали с собой. Запас воды — две пластиковые фляги по 1,5 литра. Одна в РД-54 как НЗ, вторая рядом, под руками, для утоления жажды. Автомат, по совету старожилов, взял старый, 7,62 мм. Говорили, что более надежный и пуля солиднее. Долго колебался в выборе обуви. Старожилы ходили в основном в кроссовках. Остановился все же на ботинках с высоким берцем, в которых ходил обычно. Ну, и какой командир без карты, фонарика, компаса, карандаша. Словом — «Рембо» к бою готов. Задача — находиться при выдвижении рядом с комбатом, место-на марше — за радистом комбата. С выходом на место — при командире 3-й роты. В командование ротой не вмешиваться. В случае необходимости — действовать по складывающейся обстановке.

Утром перед выходом обычная суматоха. Комбат доводит боевой приказ на выход. С командирами разбираем вопросы взаимодействия. Затем проверка готовности к выходу рядового состава. ПНШ проверяет списки выходящих. Все. Все готовы.

«Броня» выходит из парка и становится вдоль канала ГЭС. Садимся на «броню». Поехали. К мосту Бабура колонна подходит в сумерках. Вдоль дороги тянется густая пелена пыли. Рев моторов эхом отбивается от скал. Наблюдают за нами духи или ушли на отдых?

Проходим мост. «Зеленые» настороженно наблюдают из-за укрытий постов. Метров через двести «броня» притормаживает, мы валимся на землю и скрываемся в зарослях кустарника. «Броня» уходит дальше.

Командиры проверяют людей и докладывают о готовности. Заряжаем оружие — патрон в патронник. Ждем окончательной темноты. Горы постепенно теряют свои очертания, темнота сгущается. Начинаем движение вдоль дороги к сухому руслу ущелья, дальше по руслу, прижимаясь к обрывистым берегам, с камня на камень, след в след, чтобы избежать попадания на мину.

Проходим под мостом. Интересно, видели нас «зеленые» или нет. Углубляемся в ущелье. Горы постепенно расступаются. Темнота почти кромешная. Небо затянуто тучами. Жарко, душно. Явственно чувствуется приближение грозы. Уже где-то слышны раскаты грома, дальше отблески молнии. Проходит час, второй. Русло все круче поднимается в горы. Рюкзак уже не кажется таким легким. Пот заливает глаза. Одежда уже давно промокла насквозь. Сказывается напряжение в постоянном ожидании засады. Если заметили нашу высадку и движение в ущелье — в русле перебьют, как куропаток. Но вокруг тишина. Сражаемся только с жарой.

1,5 литра воды, которые планировал на сутки, почти на исходе. Сначала не пил. Старался держаться, но все же не выдержал. Глоток за глотком, и фляга пуста. Сделать бы привал, что ли, но комбат молчит. Первыми не выдерживают солдаты. По цепочке докладывают об упавших в обморок. Один, второй, третий. Подходит врач батальона, после очередной остановки для оказания помощи упавшему: «Предложи комбату сделать привал. Если дальше пойдем — начнут падать еще больше».

Я и сам чувствую, что силы уже на исходе. Иду уже на автопилоте. Иду к комбату. «Хорошо, привал!» — соглашается тот. Тут же падаю рядом с ним. «Вода есть?» — спрашивает Быков. «Есть», — отвечаю и лезу в рюкзак за второй флягой. Через минуту уже пожалел, что предложил воду. Быков опрокидывает флягу, раздается бульканье и я получаю обратно практически пустую флягу. Со злобой допиваю остатки. Не знаю, поступил ли он так специально, не спрашивал. Но урок я получил хороший. Больше свой личный запас воды, НЗ, я не давал никому, берег до конца.

Как спасение, звучит доклад разведдозора:

— Нашли воду!

Поднимаюсь. Иду вперед. Вода — лужа в камнях размером 2 x 1 метр. Но вода. Наполняю себе фляги. Через 20 минут продолжаем движение. Жара не спадает, продолжает душить. Быстрей бы пошел дождь, но дождя нет. Еще полчаса — и мы у подножья намеченной горы. Минутная остановка, уточняем местонахождение и начинаем подъем вверх. Перед подъемом меняем боевой порядок. Ухожу в роту. Ротный интересуется самочувствием, предлагает помощь и забирает у меня рюкзак. Молча снимаю рюкзак и отдаю. Вот я и стал альпинист-

том. Ноги впереди и выше меня. Шорохи подо мной. Где-то через полчаса решаю посмотреть на сколько поднялись вверх. По спине тут же пробежал холодный озноб. Сзади была чернота и пустота. Если упасть со скалы, тебя уже никто не соберет.

«Больше не оборачиваться. Смотреть только вверх и вперед, не паниковать», — даю установку сам себе. Светает. Мы на отроге главного хребта. С двух сторон обрывистые ущелья. Отрог метрах в двухстах заканчивается таким же обрывом к главному ущелью. Между главным хребтом и нами небольшая седловина и дальше пологий подъем поросший кустарником.

По плану мы в бой вступаем только в случае необходимости. Наступает утро. Вот-вот появится солнце. Оно уже освещает вершину хребта. Слышится треск вертолетных двигателей. А вот два Ми-8 по очереди цепляются за верхушку горы, видно, как с них соскакивают люди. Вертолеты тут же уходят. Ну что же, с Богом, начали.

Наше расположение оказалось достаточно хорошим, с точки зрения размещения резерва. Но непосредственного участия в бою мы так и не принимали. Со своей позиции я прекрасно наблюдал само ущелье, окружающие хребты и отроги.

В дальнейшем, когда на вершине завязался бой и духи, по всей видимости, запросили подкрепление, мы прекрасно видели выдвигание со всех концов ущелья их отрядов. Стали корректировать огонь артиллерии нашей бронегруппы по этим отрядам, а потом и авиации. Одна из групп дошла до подъема на хребет по дну ущелья, над которым мы сидели. На дне до них было очень далеко. Мы планировали расстрелять их в спину, когда они будут подниматься по противоположному склону.

Склон оказался более пологим, чем тот, по которому мы поднялись. Но кустарник оказался настолько густым, что, как только они дошли до «зеленки», мы их больше не видели. Стрелять вслепую было бессмысленно. Так и просидели в резерве весь день, вслушиваясь в картину боя по радиостанции и корректируя огонь приданных средств. Видели только, как комбат запустил два снаряда ПТУРС по дому исламского комитета. Над домом развеялся зеленый флаг. Второй снаряд вошел точно в окно. Да еще сражались с жарой. Спасала листва дуба, воды почти не было. Когда я достал флягу, набранную в луже ночью, она оказалась на 2/3 заполненной илом. Ночью этого не было видно. Пришлось выпить и эту муть. Нашим было еще хуже. Стрельба не утихла. О жаре они и не думали. А вскоре поступил доклад о ранениях. Слава Богу, обошлось без потерь. Все свои позиции удержали. Наша помощь так и не понадобилась.

Вечером над вершиной опять появились «восьмерки». Они забрали раненых и замкомбрига, который утром прилетел посмотреть эту заварушку. Миссию свою мы посчитали выполненной и стали возвращаться домой. Уходили разными маршрутами. Комбат со своей ротой обратно пошел по хребту, не спускаясь в ущелье. Мы же возвращались по старому пути. Это поддержало меня еще раз. Со своего отрога мы спустились в ущелье с противоположной стороны, ближе к кишлакам. Отчасти, не желая на спуске сталкиваться в сумерках с отходящими остатками духов. Спустились прямо на лагерь духов.

В скалах у подножия были пещеры, остатки стоянки людей и кострища. Людей не было. Но на дне ущелья была вода! Часть речки здесь еще не ушла под камни. Мы осмотрелись, выставили охранение и попадая на берегу стали пить прямо из речушки. Вода была прохладная и вкусная. Силы буквально возвращались в тело.

Запасись водой, осторожно спускаемся в главное русло ущелья. Вокруг тишина, как-будто и не было стрельбы и взрывов целый день. Выходим на старый маршрут.

Тишина. Дорога обратно оказалась намного легче. Не было духоты предыдущей ночи. Уже не боялись засады. К рассвету выходим из ущелья.

Мост. Слышим шум Кунара. «Броня» должна быть где-то рядом. Еще полчаса — и мы у «брони». «Броня» стоит почти на берегу Кунара. Рядом заброшенный сад и оросительный канал.

Опять жара, опять хочется пить. Скидываю с себя все и залажу в канал. Пью тут же прямо из канала. Блаженство. Вторая рота пришла по хребту только к обеду. Мы уже давно пришли в себя, а они еще полдня брели по хребту под палящими лучами солнца и без всякой воды. Пришли, как тени. Солнце же сломило и начальника штаба батальона. Обморока и приступа не избежал и он. Что удивительно, хлебание грязной необеззараженной воды сошло мне с рук. Впрочем, больше так воду я уже никогда не пил. Адаптировался через неделю. Вот так и состоялось мое боевое крещение».

Бывший начальник штаба Вячеслав Качура вспоминал о своем: «Было это в ночь с 13 на 14 марта 1987 года. Мы получили приказ обезвредить банду душманов, засевших в кишлаке Алишанг. По сведениям, полученным от представителей афганской разведки, банда была хорошо вооружена и готовилась к нанесению ударов по афганским войскам и советским частям. В назначенное время двинулись по маршруту. Пошли пешком порядком ночью. Вброд перешли реку Алишанг. Она неглубокая, по пояс, но вода ледяная. Течение очень быстрое и сильное. Одного сносит запросто. Поэтому по восемь-десять солдат соединялись руками в цепочку или прямо в обнимку шли вперед. Из речки

вышли мокрыми до ниточки. Воду из обуви выливать пришлось. Но беспокоились не о себе. Боялись боеприпасы подмочить.

Совершать марш с полной боевой выкладкой по гористой афганской местности тяжело. Ведь под ногами камень, валуны... Споткнулся, упал — считай, вышел из строя. А обувь у нас тяжелая. Не для марша в горах.

К утру в назначенное время прибыли к окраине кишлака. Маршем пришлось руководить мне как начальнику штаба. Управление батальона я расположил на горке — очень выгодное место для обзора и для руководства ротами, боевыми группами. Со мной были пять бойцов, каждый из которых выполнял свою задачу, и управление батальона со всеми средствами связи. Роты заняли свои места, окружив со всех сторон кишлак. Оставили только одну дорогу, идущую из кишлака, но взяли ее под боевое обеспечение огнем. Тут все было нами продумано на случай, если духи вздумают бежать. Придирчиво проверил точность расположения подразделений.

К 5-ти утра подошла бронегруппа, которая придавалась нам на эту операцию. В ней были два танка Т-62 и пять БМП. Танки приданные, а БМП наши, батальонные. Вскоре подошел батальон хадовцев — воинская часть афганского МГБ. Численный состав всего 40 человек. Вообще, у них подразделения очень малочисленные. Нет людей. Мы уточнили план совместных действий с хадовцами, обговорили в деталях все вопросы предстоящей операции и приступили к делу.

Духи старались не выдавать себя. Но чувствовалось, что они готовятся к бою. Хадовцы через усилитель-динамик обратились к душманам и жителям кишлака. Обращение было коротким, но ясным. Предлагалось всем душманам сложить оружие и сдаться. В обмен — гарантия сохранения жизни и нормальные условия работы, возвращение в семьи.

Кишлак окружен, сопротивление бесполезно. Женщинам, старикам, детям предложили покинуть кишлак. Прошло время, а душманы молчат, в плен не сдаются. Тогда хадовцы двинулись в кишлак. Вместе с ними мы направили своего начальника разведки лейтенанта Олега Якуту.

«Гостей» встретили огнем из пулеметов и автоматов. Снова последовало обращение к душманам по динамику. Но и это не возымело положительного действия. Стрельба продолжалась. У нас появился один раненый. Ему была оказана медицинская помощь, и солдат остался в строю. Не пожелал покинуть поле боя.

Местное население ушло из кишлака. Сразу же душманы открыли по нам сильный огонь. Я ввел в действие артиллерию, которая крепко поработала по духам. Наши подразделения пошли вперед, но огонь противника вновь прижал их к каменистой земле. Танки я не решился

вводить в бой, БМП — тоже. Подумал, что из гранатометов духи их попросту сожгут. А из танков и БМП по целям, как и было решено, мы открыли огонь. В этом была большая польза. Командиры рот старшие лейтенанты Игорь Дикарев и Андрей Чепурнов, чьи подразделения находились на главном направлении, действовали осторожно, расчетливо, но наверняка.

Конечно, можно было поднять роты в атаку, пустить в ход танки, БМП, насытить наступление огнем и разгромить духов. Но с какими потерями?

Поэтому мы действовали без спешки, но при этом не давали душманам перехватить инициативу. А те, следует заметить, закрепились в кишлаке удачно. Их огневые точки были прикрыты камнями, валунами. Как крепости, огнем стрелкового оружия не прошибешь. Вскоре артиллеристы накрыли некоторые из них. Насыщенность огня противника несколько спала. Но духи продолжали рьяно сопротивляться. У нас появились раненые. Темп боя нарастал. Комбат майор Быков принял решение вызвать авиацию и вертолеты.

Я по радию дал команду на выход в боевые порядки рот двух танков и боевых машин пехоты. Немедля, они покинули укрытия. Но вскоре двумя точными выстрелами из гранатометов подбили командирскую БМП, где находился начальник штаба стрелкового батальона. Бронемашинка остановилась, не подавала признаков жизни. Значит, там случилось что-то непоправимое, и нужна немедленная помощь.

Лейтенант Алексей Степанчук рывком устремился к подбитой машине. Бежал быстро, но, когда до нее оставалось с десяток метров, он был срезан пулеметной очередью. Тогда вместе с бойцом из управления мы прорвались — таки к машине. Я взобрался на БМП. Вижу, майор тяжело ранен, скорее даже контужен, но продолжает отдавать непонятные команды. Теряет сознание. Солдат-водитель мертв. Руки крепко сжимают управление. Я крикнул своему солдату, позвал его в машину. Вдвоем мы оттащили убитого водителя в сторону, и я скомандовал отвести машину метров на 500 назад. Топливный бак был пробит, горячее вытекало. Еще две-три минуты, и будет поздно.

Боец завел двигатель, я выскочил из машины и залег у валуна, готовясь вести огонь из автомата, нащупал свои гранаты. Так, на всякий случай. На полном развороте в руках умелого бойца машина устремилась назад. По машине выстрелили из гранатомета, но мимо. А солдат сработал в одно мгновение. Действительно, горючки хватило только на несколько сот метров. Все получилось, как задумано. А так, в БМП нам бы пришлось туго. К погибшему водителю и тяжелораненому майору наверняка прибавились бы еще двое...

По радию вызвали медицинскую машину для оказания помощи. Прибыл наш начальник медпункта старший лейтенант медицинской

службы Валерий Шкуратов. Прямо под душманским огнем приступил оказывать помощь раненым. И надо же такому случиться — от разрыва снаряда был Валерка контужен. Но, преодолевая страшную боль, помогал ребятам. Бегал то к одному, то к другому. Кстати, впоследствии офицер был награжден орденом Красной Звезды.

Медалью «За боевые заслуги» наградили и моего солдата, выведшего с поля боя БМП вместе с тяжелораненым майором и погибшим водителем. Сработал парень что надо. Молодец! Его фамилия рядовой Капелюшный.

В том бою мы уничтожили более сорока духов. Четверо сдались в плен. На вертолетах отправили в госпиталь десятерых наших раненых бойцов и двоих погибших: лейтенанта Алешу Степанчука и водителя БМП рядового Ивана Кашенко.

Когда вспоминаю о толковых мужиках, о том, каким надо быть военному человеку в боевой обстановке, всегда на ум приходит имя нашего комбата Гришки Быкова. Так его все с любовью за глаза называли. Решительный. Требовательный. Суровый. И вместе с тем в минуту затишья, в свободное время он был доступен каждому солдату. У нас в батальоне своя художественная самодеятельность. И первым на концертах выступал с песнями Гриша, наш комбат. Выходил на сцену с гитарой и пел свои песни. Затаив дыхание, слушали его солдаты.

В любой боевой обстановке офицер сохранял спокойствие. А это так здорово влияло на окружающих. Не терялся. Умело руководил боем. Знал повадки душманов. Безошибочно ориентировался в обстановке, принимал правильные решения. И эффективные. Храбр. Отважен. Когда он шел во главе групп, на душе у всех было легко: «С нами Гришка! Не пропадем!» Позывной у комбата был «Кобра». Об этом знали все радисты. И молодые, и старослужащие. Но этот позывной всегда произносился в эфире с любовью. Знали позывной и духи, действовавшие в нашей зоне.

Много толковых ребят было у нас в батальоне. На них вся надежда в боевой обстановке. Например, сержант Гунда, заместитель командира группы минирования. Мины всех систем знал в совершенстве: и наши, и иностранные. Назубок, на ощупь. Соответственно, и все взрыватели к ним. Хладнокровный, выдержанный, спокойный, геройский парень. С двумя орденами Красной Звезды вернулся домой, где его ждали жена и двое детей. Или ефрейтор Оленев. Секретарь комсомольской организации. Отличный механик-водитель БМП. Водил машину, как заправский таксист. Медалью «За отвагу» награжден. А сержант Сердечный! Это был самый лучший из всех командиров саперных отделений. И солдаты-саперы его уважали. Хорошими бойцами были сержанты Олег Присяжнюк, Евгений Заднипрный, Сергей Кочерженко, Игорь Савчук, Олег Жихарев — все они были представлены к награ-

дам. Слышал, что в годы Великой Отечественной лучшим сержантам-командирам присваивали офицерские звания.

В Афгане я нередко задумывался: почему бы тем сержантам, кто достоин, кто прошел жестокие бои, кто имел опыт ведения боевых действий, кто, наконец, обстрелян и проверен огнем во всех отношениях, не присваивать офицерские звания, не доверять взводы? Пусть уходили бы в запас в офицерских чинах. Думаю, наши кадровые органы здесь недорабатывали. Ведь многие из таких ребят потолковее некоторых офицеров были. Хотя солдаты тоже разные встречались. Если он в казарме несобранный, безынициативный, — и в бою, как правило, таков. Нет, он воюет. Но без инициативы, все по приказу. Первым в атаку не поднимется, идет за спиной другого парня. Первым огонь не откроет, чтобы не раскрыть себя, ждет, когда стрелять начнет другой. Если и рванулся в атаку, а по нему огонь — сразу же ложится. Ему до лампочки, что атака захлебнется. Вперед устремится другой, а он потом добьют, когда огня не будет. Это не расчетливость во имя общей цели, нет! Расчет во имя себя.

Вот тут и вырисовывается другое, самое тяжелое. Теряли мы в боях, в первую очередь ребят толковых, самоотверженных, для которых задача подразделения, ее выполнение — самое главное.

Одинаковых солдат не бывает. Здорово, если бы в ротах были только мужественные, отважные, смелые, знающие свое дело. Но такие роты встречаются только в книжках или кинофильмах. Много теряли мы в боях хороших ребят. Жалко их. Они честно и добросовестно выполнили свой долг в горах Афгана.

— И еще один немаловажный момент. В Пакистане серьезно готовили солдат и командиров для душманских банд. Причем опытные военспецы из США, Китая, Пакистана. Так что пополнялись банды хорошими бойцами. Ко всему прочему, им еще неплохо платили. В Афгане — это не последнее дело. Да и вооружены они были классно. Современное оружие — американское, китайское, английское, пакистанское. Мины — со всего белого света. И самые, как говорится, коварнейшие. Мы их не успевали изучать. Все, что создавалось нового из вооружения, все поступало к душманам для проверки в боевых условиях. Помню, как американские «Стингеры» поставили нас в затруднительное положение. Пришлось нашей авиации, вертолетам изменить потолок полетов... По-разному шла раскладка потерь в боевой обстановке. Каждый бой проходил по-своему и не был похож на предыдущий. Бывали успехи в боях, бывали и неудачи. Боевые действия нам приходилось, как правило, вести в ночных условиях. Но командование на всех уровнях всегда подробнейшим образом разбиралось в результатах боевых выходов, боев, операций. И первое, на что обращало внимание, — на потери личного состава. За это спрашивали очень строго.

В бою победить может только тот, кто отлично подготовлен, кто до автоматизма знает оружие, технику, кто физически закален и развит до совершенства, кто идейно стоек, для кого войсковая дружба, товарищество, взаимовыручка, взаимозаменяемость, готовность в тяжелую минуту к самопожертвованию — не пустой, пропагандистский звук... И легких побед у нас не было. Ох, как тяжело давались нам эти победы!

Результаты подготовки солдат, сержантов, офицеров здорово проверялись в боевой обстановке, там, «за речкой». Бой — самая лучшая проверка этой работы. Плюс ко всему бой проверяет самого человека, его характер, его качества. Тут каждый как на ладони. Тяжело человеку, когда он попадает на войну. Но преодолели себя и стали отважными воинами И. Суходольский, В. Харьков, Р. Королев, С. Двирнык, В. Киреев, П. Дедович, В. Белуга, О. Зверев, Э. Уваров, Жуков и др.

Да, война в Афгане была не та, что Великая Отечественная. У нас не было единой линии фронта. Но духи стреляли. Пули автоматные в свои тела ребята получали такие же, как и в ту мировую войну. И осколки от мин те же. И руки, ноги отрывало, ампутировали их так же, как и раньше. И костыли у пацанов сегодня такие же, как у ветеранов...

А подвиги ребята совершали, как их отцы, деды. И воевали они отважно, мужественно, здорово, красиво, если можно так сказать. Когда шли на боевую операцию, солдаты говорили: «Пошли на войну!» Или звонили «сверху», спрашивали: «Где ваши?» — «На войне!» — следовал ответ. А все ли вернуться с той войны? Никто не знал. Конечно, лучше было бы, чтобы возвращались с войны все. Но это война. Там стреляют!

Страшно терять убитыми и ранеными ребят в 18 — 20 лет. До слез больно, когда «черные тюльпаны» увозили молодых пацанов, чтобы предать их земле родной. Погибали и солдаты, и сержанты, и наш брат офицер, оставляя семьи, детей, матерей, отцов.

Когда готовились к боевым действиям, приходилось обращать внимание каждого на самые, казалось бы, незначительные детали, мелочи. Ведь малейшее нарушение экипировки, плохо подогнанная фляга могут выдать разведчика в засаде. Говорили тысячу раз не курить на марше, не курить на привале, в темной ночи огонек от горящей сигареты — далеко виден. И по этому огоньку сразу же для проверки — кучная пулеметная очередь. А духи научились стрелять метко и наверняка. Дорого обходилась иной раз эта мелочь в солдатском быту.

Напоминали на инструктажах при подготовке к операции, чтобы командиры не демаскировали себя, не выпячивались. У каждого офицера при себе есть радиостанция. Связь в боевой обстановке — основа успеха. Антенну, безусловно, надо прижимать к себе, ни в коем случае нельзя, чтобы она была поднята вверх. Душманы-то за восемь лет вой-

ны отлично это усвоили. Коль антенна над парнем торчит — значит это офицер. Точный выстрел ниже антенны — и дело сделано. Значит, надо было, и немедленно, кому-то принимать командование на себя. Хорошо, если заменивший вышедшего из строя командира знал боевую задачу, людей...

Или еще такой момент. Мы с собой иной раз не брали тех, кто приболел — непрерывно кашлял, чихал. Ведь «будь здоров!» душманы не говорили. А простывать было где. Приходилось брести по речке по пояс в воде, а то и выше. А водица бурлящая, да такая холодная, что колики ощущали — речка питается водой со снежных гор. Она ледяная. Вот и простывали бойцы и командиры. Когда организм в напряжении, когда вся воля подчинена бою, решительным действиям, то эта простуда и не проявлялась, а чуть расслабился боец, дня два-три посидел в расположении — вот и давала потом знать о себе та ледяная ванна.

Тяжелая штука война. И особенно там, где в бой вступают люди переднего края, там, где с противником приходится сталкиваться лицом к лицу, на расстоянии смертоносного огня, взрыва гранаты, выстрела из гранатомета, на расстоянии армейского ножа и приклада автомата. Каждый — солдат, сержант, офицер взвода, роты, батальона — принимал удар врага первым. Они воевали, проливали кровь, навеки выходили из боевого строя. Мы все преклонялись перед ними. Все остальные — обеспечивали бой, руководили издалека, из штаба, откуда не видна бой, не видна кровь, не видна смерть. Я к чему об этом говорю? Да к тому, что к боевым смертным делам солдата много потом примазывалось других. И говорят: «Я воевал!» И в подтверждение их заявлений им выдавали «Свидетельство о праве на льготы». Попробуй потом разберись: кто воевал, а кто нет. Особенно в очереди на вокзалах, в аэропортах или в магазине. Это сложно. В очереди ведь не спрашивают, в каком батальоне воевал или где воевал? Свидетельство подтверждает, что воевал. Так на это смотрели и армейские кадровики. Написано в личном деле, что воевал, и все! И привилегии всем одинаковы. Тем, кто ходил в атаки на душманов, на их огневые точки, и тем, кто сидел мучался от безделия под палящим солнцем Афганистана. Все потом становились воевавшими.

Очень часто сегодня дискутируют: не та, мол, нынче молодежь. А я скажу: «Та». С ней только надо работать, больше внимания уделять, быть откровенными с ней, дать все, что нужно для учебы, работы, отдыха. И если надо чему научить во имя дела — надо учить. Если парню сказали, что он будет в армии минером-сапером, то сделай его специалистом. Если ему сказали, что он будет сержантом — командиром отделения, научи его этому тяжелому и сложному военному ремеслу. Если он механик-водитель БМП — отдай ему все, чтобы он стал настоящим асом в этом деле. Если парень хочет стать офицером — помоги

ему разобраться: может ли он быть командиром, сумеет ли работать с людьми, руководить ими в бою? А любит ли он вообще людей? Любит ли солдата? Если нет — катись из военного училища. Может, из него каменщик отличный выйдет, артист, водитель, слесарь, животновод, агроном, да мало ли кто? Но только не офицер, который в бой ведет ребят, от которого зависят успех выполнения боевой задачи, жизнь подчиненных».

Ветеран первой роты отряда один из лучших замполитов 15-й бригады Александр Карлов рассказывал: «Григория Быкова я не застал, знаю по рассказам. Он стал легендой Афганистана. Вот у кого авторитетов не было! Авторитет один — поведение человека на войне. Прощтрафившиеся по приказу «Кобры» ходили в разведдозор впереди всех с одним штык-ножом и в тельняшке. Часто хватало одного такого выхода, чтобы человек пришел в себя и научился справляться со своим страхом.

В батальоне, чтобы получить награду, нужно было ее заслужить. Например, орден Красной Звезды — минимум пять боевых выходов.

В батальоне, как и во всех батальонах спецназа, незаслуженных наград не было. Когда я пришел в нашу первую роту, меня поразила положительная атмосфера, царящая там: солдаты, сержанты, офицеры были одной большой, дружной семьей, один за всех — и все за одного. Моральный дух, отношение к службе солдат и офицеров были на высочайшем уровне, так что служить было легко. Огромная заслуга в этом Игоря Семенова, за что я ему бесконечно благодарен. Это он взрастил секретаря комсомольской организации роты Женю Оленева. Такие, как Женя, рождаются раз в тысячу лет, он всего себя отдавал службе, делу: стенгазеты, конкурсы, художественная самодеятельность — любая инициатива шла от Жени. В роте он был непререкаемым авторитетом: «Женя сказал!». Скажешь: «Женя, надо!» — и сделано. Рота жила, работала, пела, воевала.

Начинали на голом месте. Обустраивались солдаты, все делали своими руками. Моей задачей было не развалить все созданное до меня, а просто поддерживать порядок. Первая рота больше всех воевала, самая боевая, но и потери были большие. Это было ранней весной. Комгруппы старший лейтенант Вадим Матюшин в тот день должен был лететь с группой на выносной пост мотострелкового батальона и оттуда вести разведку. Группа убыла на аэродром.

Вертушка была забита продуктами, водой, место нашлось только для Вадима и связиста. В 5 утра личный состав батальона построился на зарядку. И в этот момент заработали вертухи и поднялись в воздух. Зная, что летят наши, все обернулись и смотрели, как вертушки вошли в ущелье. Был виден пост справа. И все увидели пуск ПЗРК. По тому, как вертушки дернулись, было понятно, что летчики пуск увидели.

Первую вертуху лупанули «Стингером» — вспышка, клубы дыма. Вторая вертуха ушла по дну ущелья.

Мы стояли обомлевшие. Первым опомнился ротный Игорь Дикарев, рывкнул:

— Рота, в ружье!

Мы, кто в чем был на зарядке, похватили оружие, запрыгнули на броню и на аэродром. С первой вертушки в момент взрыва два летчика выпрыгнули с парашютом. Вторая вертуха села. Они подобрали одного летчика, мертвого, второго не нашли. Мы стали просить летчика подбросить нас в ущелье. У него тряслись руки, говорил:

— Хоть застрелите, не могу!

Но все же уговорили, за речку нас перебросили. Двумя ротами пошли в горы. Духов уже не было. Внизу увидели горящий вертолет, на склоне увидели купол кишкой. Летчику не хватило высоты. В 10 — 11 часов утра начался обстрел батальона, мы сверху видели, как страшно долбили наших. Мы видели прямое попадание реактивным снарядом в БМП (в этот момент погиб рядовой Андрей Копя), следующий снаряд накрыл роту связи.

В бою, когда начинается первая беспорядочная пальба и приходит смятение мыслей, чувств, надо немедленно подчинить себе это смятение. Солдаты ждут твою команду, все зависит от командира. Если сам струсишь — солдаты тебе не поверят, с тобой не пойдут. Если человек показал себя хорошо — ты с ним в бой пойдешь. Война обостряет человеческие отношения: или-или, третьего не дано. Чувство страха есть у всех, но если ты человек, то сумеешь его перебороть, а себя контролировать. Офицер не имеет права проявить свой страх, засомневаться, показать неуверенность солдату. Но также необходимо прислушиваться к мнению боевого сержанта, солдата. Это нормально — учиться и не стесняться спросить у тех ребят, кто уже не раз крещен боем. Я спрашивал, и прислушивался, и не жалею об этом. Хотя решение принимает командир.

Война людей роднит, потому что от их отношения к другому зависит вся их жизнь. Ясно вырисовывалось — кто есть кто. Война расставляет все точки над «і». Я считаю, что Афган — это хорошая школа. Я рад и счастлив, что вернулся и что судьба свела меня с уникальными людьми. И в горе, и в радости мы были вместе. Это великое счастье! Я благодарен Богу за все. Наши погибшие пацаны — все герои и навечно в моем сердце, в моей памяти. Честь им и слава на века! На гражданке трудно привыкнуть к сытому, довольному мещанству, к хамству и грубости, к людскому бессердечию».

Вспоминает ветеран отряда Степаненко:

«19 апреля 1986 года батальон был направлен в базовый район Суруби в 20 км от Кабула для прикрытия старой кабульской дороги и

ГЭС Суруби. По прибытии отряд разместился на территории ДШБ, который выполнял охрану этих объектов.

Из общения с местными органами власти, агентурной разведкой и офицерами батальона было выяснено: наибольшее беспокойство приносит бандформирование инженеров Бафура, которое размещалось в укрепрайоне Тагай. Командованием батальона было принято решение нанести удар по формированию банды с целью ее ликвидации.

По оценке агентуры, в состав банды входило ориентировочно 100 — 120 человек. На вооружении имелись тяжелое оружие, минометы и различное стрелковое оружие. На совещании офицеров батальона командир, капитан Быков, принял решение ввиду большой численности банды вести боевые действия всем составом батальона. Необходимо отметить, что дело происходило за 2 — 3 недели до демобилизации очередного призыва военнослужащих, батальон полгода вел тяжелые бои, нес большие потери, поэтому в группах вместо 16 разведчиков по штату было лишь 8 — 9 человек. Реально в роте разведки находилось вместе с офицерами максимум 50 человек.

Выдвижение батальон начал в 20 часов с целью пройти 12 км по горной местности. К рассвету выйти в район горы Спиндаргар (отм. 4224 м). Впереди батальона в головном дозоре шла группа лейтенанта Якуты, далее роты шли по штату: 2-я, 1-я и 3-я.

Подъем был очень тяжелым, поскольку крутизна ската доходила до 30 градусов и поверхность была покрыта чем-то вроде щебенки, поэтому ноги постоянно срывались, люди падали и катились вниз.

Несмотря на тяжелейшие условия, к 3-му часу ночи батальон поднялся на высоту 1000 м и вышел на плато. Теперь предстояло пройти 3 км по открытой местности и начать подъем в собственно укрепрайон Тагай. Комбат приказал выдвинуться вперед 2-й роте и занять кишлак, находящийся у подъема на хребет.

Группы лейтенанта Якуты и Степаненко выдвинулись вперед и подошли на окраину кишлака. В это время 1-я и 3-я роты, миновав плато, начали подъем на хребет с другой стороны. Начинало светать. Подойдя к окраине кишлака, группы залегли и начали наблюдение, однако никакого движения и присутствия людей замечено не было.

Лейтенант Якута дал команду разведчикам на захват крайнего справа дувала, который более-менее походил на жилой. Скрытно разведчики выдвинулись и подошли к самым стенам дувала, и укрылись за каменной стенкой высотой 1,5 м, которая огораживала дом. Внезапно открылись ворота и из дома в развалочку, с автоматами в руках вышло 6 духов.

Поставив автомат у стены, духи начали умываться, разделись, ходили, смеялись и разговаривали. По приказу командира разведчики перемахнули через стенку и, сделав несколько выстрелов из бесшум-

ного оружия, уложили духов на землю. Захватив автоматы, захватили дувал, поскольку не знали сколько там еще человек. Внутри не оказалось никого, кроме молодой девушки примерно 14 — 16 лет. В это время две оставшиеся группы захватили оставшиеся дувалы, таким образом, батальон был прикрыт со стороны плато. 1-я и 3-я роты закончили подъем в гору и вышли на намеченные рубежи.

Хребет был очень узкий, шириной 20 — 30 метров, поэтому группы расположились одна за одной по хребту вверх. Вверху находилась группа под командованием лейтенанта Игоря Турика. Группы приступили к оборудованию стрелковых ячеек (СПС) для стрельбы.

В целом все было тихо и спокойно, никакого движения не наблюдалось. Якута по радио доложил комбату, что захваченный дух, показывает какие-то документы, утверждает что он — ХАДовец. Кроме того, захваченная девушка плачет, просит не убивать ее и отпустить.

Комбат приказал для выяснения обстоятельств духа связать и закрыть в чулане, а девушку отпустить. Якута данный приказ выполнил, девушка прошла по дороге мимо всей роты и скрылась за поворотом.

Впоследствии выяснилось, что это была роковая ошибка. Она обошла хребет и ушла в ближайший кишлак.

Позже узнали, что этой ночью в кишлак пришел караван с охраной в 250 человек. Она им сообщила, что по ту сторону хребта, в кишлаке, русские. Духи, естественно, решили разобраться, кто же там есть? Их отряд полез на хребет и вышел как раз перед группой лейтенанта Турика. Позиция группы находилась на горке высотой 15 — 20 метров, что давало ей хоть какое-то преимущество. Внезапным огнем разведчики уничтожили головной дозор духов примерно человек 20 — 25.

Абсолютно не ожидавшие нападения, духи отошли и укрылись в камнях ниже по хребту. В течение часа было тихо, очевидно, духи оценивали обстановку. В районе девяти часов утра ударили одновременно с двух сторон сверху и снизу слева по хребту. Лезли совершенно оголтело, несмотря ни на какие потери; очевидно, были обкурены. Несмотря на шквальный огонь со стороны разведчиков, потеряв человек 40, им удалось приблизиться к позициям группы на 40 — 50 метров. Сложность заключалось в том, что оставшиеся разведчики не могли поддерживать своих огнем, так как неминуемо заделали бы своих.

Бой длился уже более часа, в группе Турика два разведчика погибли и трое были ранены, дважды ранен был командир. Игорь трижды вызывал огонь на себя. Таким образом, в группе осталось 7 разведчиков и 2 минера. Командир запросил у комбата разрешения отойти на позицию остальной роты. Однако комбат в категорической форме запретил ему это делать, так как он находился выше всех, и если бы он отошел, то духи просто сбили бы две оставшиеся роты сверху вниз. Комбат приказал держаться хоть зубами, но ни шагу назад. Таким об-

разом, от 9-ти человек зависела жизнь остальных ста. Понимая это, комбат вызвал вертушки и огонь артиллерии.

Удар вертушек пришелся прямо по позициям духов с первого же захода. За 2 — 3 минуты, потеряв человек 50, духи отошли. Наступила передышка. Однако вертолеты провисели в воздухе с полчаса и ушли в Кабул на дозаправку. Духи начали штурм с новой силой, причем за это время они ухитрились обойти группу по склонам и попытались войти в ее тыл. Начав подыматься, они напоролись на первую роту под командованием лейтенанта Кистеня.

Подпустив их поближе, первая рота буквально размолотила группу в количестве человек 50 — 60 за 2 — 3 минуты. Поняв, что сбоку не обойти, духи полезли в лоб на группу Турика. В течение 8-ми часов, несмотря на огонь артиллерии и авиации, они продолжали штурм и подошли к позициям группы на 10—15 метров.

У разведчиков заканчивались боеприпасы, почти все были ранены. При попытке перебежать ближе к командиру, погиб рядовой Березкин. Разведчики Игорь Михайлов и Паша Коваль доложили Турику, что у них осталась по десятку патронов на брата, но еще имеется килограмм тротила и, если что, живыми они не сдадутся. Турик по станции запросил комбата о помощи, иначе он не продержится и часа.

Замполиту 3-й роты старшему лейтенанту Дранице была поставлена задача: любой ценой доставить боеприпасы группе Турика. Разведчики набили РД патронами, гранатами, тротилом, и шесть человек попытались пробиться к Турику. Однако ввиду шквального огня четверо из них были ранены и пробиться смогли лишь двое. Между тем штурм продолжался.

Духи подошли настолько, что разведчики слышали их голоса. Наводить артиллерию стало невозможно, оставалось рассчитывать только на вертолеты. Бой не стихал, погибли еще двое разведчиков. Где-то в районе 15-ти часов дня Игорь Михайлов доложил по станции: «Кобра! У нас убили лейтенанта Турика». Таким образом, из группы осталось трое израненных парней. Чудом им удалось продержаться до темноты, скорей всего из-за того, что духи поняли, что живьем никого не взять. Под покровом темноты на позиции пришли группы 2-й роты, которая фактически в бою не участвовала и потерь не понесла. Они вынесли тела погибших разведчиков и спустили их по склону вниз к бронетехнике.

Таким образом, в этом бою батальон потерял девять человек убитыми и двадцать одного ранеными. По агентурным данным впоследствии выяснилось, что духи в этом бою потеряли только убитыми более 350 человек».

Вспоминает ветеран отряда Александр Мусиенко:

В ночь с 12 на 13 марта 1987 г. разведотряд 334 ооСПН в составе

двух рот совершил 12-тикилометровый пеший марш и переправившись вброд через горную реку Алишанг вышел к окраине одноименного с рекой кишлака. Всю ночь шел проливной дождь, закончившийся только перед рассветом, и нам удалось незаметно подойти к самому кишлаку. Разведывательный отряд в составе 1 и 2 роты блокировал кишлак, в котором располагалось бандформирование вооруженной оппозиции численностью около 30 — 40 человек, исламский комитет (штаб) и склад боеприпасов. Больше всего наше командование интересовал склад с 107-мм реактивными снарядами, которые по имеющимся сведениям были доставлены в Алишанг грузовиками накануне, и предназначались для обстрела Митерлама, административного центра провинции Лагман.

Разведчики-минеры установили на путях вероятного отхода моджахедов два комплекта неконтактного взрывного устройства «Охота» (10 осколочных заградительных мин ОЗМ-72). С рассветом духи, чьи наблюдательные посты находились по периметру кишлака, заподозрили неладное и выслали двух дозорных которых, заместитель командира 1 роты, пропустил мимо себя и сообщил командиру 3 развед группы (РГ СпН № 513), которая располагалась на левом фланге 1 роты. Дозорных разведчики уничтожили бесшумно из 7,62-мм автомата АКМСЛ оснащенного прибором бесшумной и беспламенной стрельбы ПБС-1. Но моджахеды, следившие за действиями своих дозорных, открыли беспорядочную стрельбу.

Начался бой. Попытка моджахедов прорваться из кишлака к броду через реку закончилась подрывом их на «Охоте». Несколько тел так и остались лежать на поле озимой пшеницы, остальные же, пятясь отползли в кишлак. Оставаться в заблокированном кишлаке в планы «духов» не входило. Они прекрасно знали, что все закончится штурмом и захватом населенного пункта. Моджахеды вызвали помощь для разблокирования кишлака. Во время «вялого» с нашей стороны огневого боя противник не мог установить, где и какими силами мы располагаем. Каждый раз, пытаясь прорваться из заблокированного Алишанга, «духи» наткнулись на прицельный огонь разведгрупп, а затем и артиллерии. В итоге заблокированные моджахеды стали надеяться только на помощь извне, и она подошла.

Западную окраину кишлака блокировали две РГ СпН 1 роты, отрезая противнику путь отхода вдоль левого берега реки в глубь ущелья, и соответственно подхода с него резервов. Разведчики, расположенные в одном из жилых дворов на окраине кишлака, вовремя заметили выдвигающуюся группу деблокирования численностью около 40 человек. Пешую колону духов мы накрыли «Градом» за 800 — 1000 м от кишлака.

При досмотре одного из строений в зеленке западнее Алишанга,

троих духов (возможно дозор резерва) буквально в упор уничтожил из своего АКС-74 командир 4 группы 1 роты лейтенант Вадим Матюшин. Вадим с двумя бойцами выдвинулся к соседнему подворью с задачей провести его осмотр и разместить в нем наблюдательный пост своей группы, с целью расширения сектора наблюдения и рубежа блокирования кишлака с юго-запада. Заглянув во двор, он заметил троих духов увлекшихся радиопереговорами... Разведчики еле «унесли ноги» от занятого «духами» двора. Их отход 80 — 100 метров длился не меньше 15 минут. Причем Вадим с бойцами оказался меж двух огней, что их и спасло. Мы прикрывали их отход «дружественным» огнем поверх голов, и разведчикам ничего не оставалось, чем ползти к своим товарищам по-пластунски. В общем итоге, огнем стрелкового оружия и РПГ-16, а так же наведенной и корректируемой поддерживающей артиллерией (2 реактивные системы залпового огня БМ-21 и огневой взвод 122-мм буксируемых гаубиц Д-30) мы уничтожили около 15-20 боевиков. Разблокировать Алишанг противнику не удалось.

Где-то через час, в район боя с запада подтянулось уже более сотни боевиков. Досталось всем: и духам, и разведчикам, и бронегруппе. Бронегруппа, вызванная в район боя, была сформирована из БМП-2Д 1 роты 334 оо СпН и бронетехники мотострелкового батальона 66 омсбр, базирующегося в Митерламе (4 км восточнее Алишанга). Огневую позицию безоткатного орудия, открывшего огонь по танку Т-62М сводной бронегруппы отряда и мотострелкового батальона, мы обнаружили в распадке между двух вершин. Ее накрыли огнем 82-мм автоматического миномета «Василек», установленного на МТ-ЛБ минометной батареи мсб.

Когда через 1,5-2 часа боя командир майор Григорий Быков принял решение на штурм кишлака с целью захвата склада с боеприпасами силами РГ СпН лейтенанта Алексея Степанчука и двумя РГ СпН 2 роты. Остальные разведывательные подразделения и бронегруппа сдерживали подошедшие резервы противника.

В это время 2 и 4 группы 1 роты под управлением заместителя командира роты прикрывали западное направление. Несмотря на заградительный огонь артиллерии, и наш огонь «духи» подошли к Алишангу извне на 40 — 60 метров. На таком расстоянии огонь нашей артиллерии представлял опасность для самих разведчиков и был заменен на огонь прямой наводкой танка Т-62М, который разведчики «уберегли» от огня безоткатки. Огневая позиция танка находилась на горном плато 500 — 600 м от позиций спецназовцев, и каждый осколочный снаряд танкисты кляли с филигранной точностью в 30 — 50 м от разведчиков. Танкисты, корректируемые спецназом продолжали ювелирно долбить духов из танковой пушки Т-62М, когда поступила команда на захват Алишанга.

Алексей Степанчук со своей группой стал продвигаться к зданию исламского комитета и складу с боеприпасами (дом с красно-зеленым знаменем на крыше в центре кишлака). Группа Степанчука стала перебежками выдвигаться к объекту захвата. Пройдя несколько десятков метров Алексей оказался напротив пролома в глинобитной стене (дувала) в створе огня моджахедов... В Алексея попало три пули. Он, запросил разрешение на отход и вызвал «броню» для поддержки. Тяжело раненным, он продолжая руководить действиями группы, находясь на узкой улочке под обстрелом противника. Ему на помощь подполз боец-сибиряк из Новосибирска снайпер Иван Кашенко. «Духи» видимо держали раненого командира под прицелом, и как только Иван подполз к нему, прозвучал одиночный выстрел...

К группе Степанчука прорвалась БМП-2Д мотострелков во главе с начальником штаба батальона. В момент загрузки раненого Алексея и погибшего Кашенко, духи подбили ее из РПГ-7. Гранатометчик выскочил из-за угла и с расстояния 30 — 40 метров положил гранату в перегородку между кормовыми люками БМП (машина стояла кормой к противнику). Контуженный экипаж и врач отряда спецназ старший лейтенант Валерий Шкуратов покинули заглохшую машину. Осколками разорвавшейся гранаты ранило еще семерых бойцов разведгруппы. Куча раненых на узкой улочке и застопорившая движение БМП могли стать легкой добычей противника.

Разведчики 2 роты и РГ СпН № 511 1 роты стали с запозданием зачищать прилегающие к улочке дворы. Ситуацию спас разведчик 1 роты рядовой Капелюшный. Под автоматным огнем противника он занял место механика-водителя и завел двигатель БМП воздухом т.к. кумулятивной струей противотанковой гранаты разбило аккумуляторы машины.

На смену пехотной БМП-2Д подошла БМПшка, возглавляемая заместителем командира 1 роты по политической части старшим лейтенантом Игорем Семеновым, и стала равнять дувалы огнем 30-мм автоматической пушки. Отход группы комбат приказал прикрывать огнем прямой наводкой БМ-21 «Град». Причем с присутщим Грише «Кунарскому» сарказмом он приказал приданным артиллеристам сделать с Алишанга «маленькое Сонгми» (так и прозвучало в радиозфире), с одной лишь разницей, что мирное население из афганского кишлака было выведено еще в начале боя. «Мирняку» объявили из агитационной установки, место сбора, куда и последовали женщины с детьми и старики.

К чести афганцев, они не прятались за бабскими юбками и не прикрывались детьми, как новоиспеченные «муджахеды Кавказа». Те — настоящие Воины, дали возможность своим семьям выйти из кишлака, и приняли бой... Боевики, прибывшие для деблокирования Али-

шанга, предприняли очередную попытку пробить брешь в боевых порядках спецназа, когда отряд уже практически начал отход из зеленки. Тащить у себя на плечах «духов» спецназовцы не планировали, и дело дошло до ручных осколочных гранат. Их у разведчиков оказалось больше... Отходили мы ползком и на четвереньках по полю с молодой кукурузой, минирруя пути отхода.

Алексей Степанчук умер от ран, когда его доставили к бронегруппе и Валера Шкуратов оказал ему первую врачебную помощь. До последнего момента своей жизни он находился в сознании, не подавая всем своим видом смертельного ранения. Смерть наступила внезапно...

Жизнь еще одного бойца 1 роты медикам удалось спасти чудом. Не обращая серьезного внимания на боль в левой груди разведчик «подумал, что это от контузии», но когда товарищи заметили кровь на левом боку, а позже и входное отверстие пули, застрявшей в нескольких миллиметрах от сердца, диагноз «контузия» не подтвердился. В горячке боя из-за выброса адреналина у человека притупляется порог чувствительности, но организм не обманешь...

Алексей Степанчук окончил в 1985 году Дальневосточное ВОКУ, командиром группы специального назначения 334 оо СпН он прослужил в Афганистане более года. Это был настоящий офицер, честный и открытый. Несмотря на равный со своими сверстниками лейтенантами отряда возраст, держал он себя как-то по-взрослому, был серьезней, чего нам, недавним выпускникам училищ, не всегда хватало. Бойцы его просто обожали, особенно переживал смерть взводного его заместитель сержант Алексей Двирный и земляк Степанчука рядовой Сергей Кочерженко из Запорожья.

Как офицер спецназа лейтенант Алексей Степанчук состоялся не в один день. 4 марта 1987 года, когда разведчики пошли на захват склада с боеприпасами в Сурхрудской зеленке 25 км юго-западнее Джелалабада, духи прижали 1 роту к земле фланговым огнем РПГ и автоматов. Группа Степанчука оказалась на левом фланге под шквальным огнем противника посреди поля опиумного мака. Единственная БМП, прикрываемая разведчиками от огня РПГ попятилась за укрытие... «Москва-3 (позывной Степанчука), я Москва, прикрой левый фланг!». Командиру разведотряда больше ничего Алексею объяснить было не надо... Он перестроил группу и стал теснить духов к оврагу, занял развалины глинобитных построек, прикрыл маневр БМП на выгодную огневую позицию и обеспечил 1 и 2 роте отряда прикрытие левого фланга. Задачу тогда, за девять дней до гибели Алексея Степанчука и Ивана Кашенко, мы выполнили без потерь.

На гранитных плитах Мемориала «Доблесть и память подразделений специального назначения России» есть и их имена.

Вспоминает ветеран отряда Андрей Згобин:

«Операция под Суруби, наверное, является наиболее характерной для действий 5-го отряда. Характерна она и тем, что для захвата укрепленного базового района привлекались крайне малые силы, и дерзостью действий, которые частично позволили осуществить замысел. Характерна она и потерями. Командир отряда Григорий Быков отличался суровым нравом и авантюрными наклонностями.

Как рассказывали офицеры отряда, каждая «война» в отряде воспринималась исполнителями воли командира не как рутинные действия, а как последний бой. К нему и готовились соответственно. Замысел операции зачастую был на грани здравого смысла. Так, наверное, нужно воевать по защите своего Отечества. С другой стороны, если бы отрядом командовал менее решительный человек, трудно сказать, смогли бы отряд поправиться после тяжелого наследия Мараварского ущелья. Операция под населенным пунктом Суруби проходила в мае 1987 года. В отряде, который насчитывал около сорока человек, были, в основном, старослужащие, которым на днях предстояло увольняться в запас.

В Суруби на высоте стоял десантный батальон. Именно с его базы, согласно замыслу комбата, нам и предстояло работать. Прибыли скрытно, однако от всевидящего ока малолетних разведчиков не ускользнул тот факт, что в небольшом городке появились новые люди. В городе нас сразу окружила стайка мальчишек, которые, в отличие от их сверстников, проживающих в других местах Афганистана, не предлагали что-то купить, а обескураживали вопросом:

— Вы кто? «Десантура» или «Соляра?».

Пытаясь скрыть свою принадлежность к спецназу, мы поспешно сказали, что «Соляра». Но проницательных афганских пацанов было не так просто надурить. Недоверчиво покачив головой, они отошли в сторонку для совещания, и через пару минут один из них безапелляционно выдал:

— Вы — не «Соляра». Вы — «Асадабадегерь».

Такая осведомленность местных жителей заставляла усилить маскировку предстоящих действий.

План этот Григорий вынашивал давно. Здесь несколько лет назад две армейские операции потерпели фиаско. Поэтому десантники, которые несли службу в этом удаленном гарнизоне, были крайне изумлены, когда увидели нас, к вечеру собравшихся на войну. Спустя час, мы покинули расположение батальона, растворившись в темноте.

В эту ночь Быков решил реализовать агентурные разведанные. Незадолго до операции в отряд пришел здоровенный пуштун и стал «сдавать» очень интересную информацию. К сотрудничеству с «шурави» его подтолкнула личная обида. Духи недобросовестно расплати-

лись с ним за какое-то дело и, в результате, нажили себе серьезного врага. С источником договорились, что в случае подтверждения его информации он получит один автомат Калашникова и десять тысяч афгани. За это он обещал отвести разведчиков прямо к месту дислокации отряда. По его данным, которые переключались с данными других источников, там находился довольно большой отряд хорошо вооруженных моджахедов.

О том, что отряд имел нерадовое вооружение, говорит тот факт, что у духов имелись две двенадцатиствольные пусковые установки реактивных снарядов китайского производства. Еще до того, как обмануть моджахедов, нужно было обмануть «Царандой», занимавший позиции на внешнем кольце обороны. В их распоряжении имелись прожекторы, которые периодически освещали прилегающую местность. Пуштун обещал вывести нас мимо постов «Царандоя» так, как это делали духи. И, надо сказать, не обманул. Пока не стемнело, отряд обозначил движение в сторону, противоположную от настоящего направления движения, а с наступлением темноты сделал резкий разворот.

В ходе марша нам неоднократно приходилось падать в арыки, ныряя с головой, когда луч прожектора шарил в поисках нарушителей. Но вышли из зоны охранения беспрепятственно. За это время многие уже стерли ноги, идя по воде. Но это никого не остановило. Впереди был маршрут длиной в двадцать пять километров. Слава Богу, местность, по асабадским понятиям, была почти ровной. Это позволяло сделать рывок. Несмотря на свою худобу, наши парни на марше не «умирали».

Духа поручили вести мне. Всю дорогу он вел себя спокойно и уверенно показывал дорогу. Но когда до хребта, о котором шла речь, осталось совсем немного, информатор начал что-то бубнить себе под нос. Со мной шел переводчик-таджик, но я и сам (вырос в Средней Азии) неплохо понимаю по-таджикски. Беда в том, что информатор был пуштун. Однако на привале, с грехом пополам, поняли, что он переживает из-за того, что идет впереди. В случае чего, его, как первого в колонне, и застрелят, и прощай обещанный Калашников и десять тысяч «афшоек». Мне удалось уговорить его довести нас только до хребта, а дальше он пойдет третьим или четвертым. Пуштун успокоился и бубнить перестал.

Разделились. Я с двумя группами двинулся на хребет. Одна группа осталась внизу для обеспечения. Еще две группы ушли правее. Шли очень тихо, стараясь не шуметь. Проводник вывел к хребту и обвел вокруг, так чтобы мы скрытно могли приблизиться к позициям духов. Когда почти достигли вершины, проводник что-то жарко зашептал и стал показывать пальцем. Но, видимо, усталость дала знать, да и понять было трудно то, что говорил пуштун. Я не понял и не разглядел то,

что показывал информатор. В направлении, куда пуштун указывал пальцем, дальше в трехстах метрах горел огонек. Его я и принял за объект. Проводник же показывал позицию ДШК, до которой оставалось всего метров пятьдесят. Уже начало светать, и мы не успевали скрытно подойти к тому месту, где горел огонек.

Я решил для дневки использовать развалины, встретившиеся при подъеме. Но вместо того, чтобы завалиться спать, выставив охранение, я заставил бойцов на всякий случай заложить камнями оконные и дверные проемы. В стенах почти метровой толщины проковыряли бойницы. Как потом оказалось, не зря. А поутру, как говорится, они проснулись... Внизу уже началось движение. Духи, проснувшись, отправились по своим делам. Быкову только это и было нужно. Как только они обозначили себя, Григорий вызвал вертушки, навел их. Муравейник зашевелился.

Еще на рассвете, наблюдая за хребтом, я увидел силуэт, напоминавший зачехленный ДШК. Получалось, что группа сидит прямо под его позицией в ста метрах. Но полной уверенности не было. Все прояснилось, когда на хребте стали появляться моджахеды. Сначала вышел один. Потянулся, отлил. И также непринужденно сдернул чехол с пулемета. Самые мрачные предположения оправдались. Вскоре рядом с ним появилось еще несколько духов. Судя по жестикации, они бурно обсуждали, откуда взялись вертолеты. К этому времени «двадцатьчетверки» уже сожгли пусковую установку на «Тойоте», которая куда-то ехала по своим душманским делам.

Один из духов принес бинокль и стал обозревать окрестности. Я тоже смотрел в бинокль. На какое-то мгновение наши взгляды встретились. Мне захотелось закрыть глаза, чтобы минимизировать биотоки, исходящие от меня. Однако дух оказался грубым и бесчувственным и, ничего не ощутив, перевел бинокль дальше. Самое странное, что он, глядя в бинокль на развалины дома, который видел каждый день, не смог заметить то, что окна и двери заложены, а в стенах появились бойницы. Внизу уже полным ходом шла война. Радиостанция «раскалится добела». Быков со своим командирским голосом мог бы командовать и без нее. Во всяком случае, слышно было далеко, как он наводит авиацию. В принципе, из-за этого все и началось.

Вымотавшись на марше, охранение группы закемарило. Рано утром два духа услышали, как Григорий разговаривал по радио. Видимо, не поняв, что это за звуки, решили, на свою беду, взглянуть. Войдя в дувал и увидев Григория, они все поняли и попытались бежать. Первого Гриша уложил сам из пистолета. Второго подранил кто-то из проснувшихся наблюдателей.

Не выходя из дувала, духу скомандовали: «Инжибо!» (Иди сюда!). Раненый оказался послушным и приполз.

Группу начали искать, но обнаружить не смогли. Наши соседи на хребте засутились. Откуда-то на вершине появилась толпа прекрасно экипированных моджахедов. Поражало вооружение, еще отливавшее на солнце заводской смазкой. Каждый третий был вооружен пулеметом, а каждый пятый — РПГ-7. Мы насчитали сорок четыре человека. Как и положено, духи построились. Командир им поставил задачу, и они, развернувшись, двинулись ее выполнять.

Я, когда рано утром спускался с гребня в дувал, на тропе поставил мину ОЗМ-72. Духи шли именно к ней. Ничего радостного в этом не было. После подрыва они обязательно начнут искать, кто поставил мину, и наверняка обнаружат группу. До вечера было еще далеко, а продержаться в таком неудобном месте было довольно сложно. Позиция у моджахедов была более выгодной. Я напряженно следил за происходящим. Духи показались на тропе, и один за другим, перешагнув через нашу растяжку, удалились в указанном командиром направлении.

Часам к четырем пополудни духи вернулись. Мы пересчитали «подопечных» — все. Я уже догадался, что склад, который нам и был нужен, находится на этом гребне, поэтому уходить не собирался. Главное было дожидаться темноты и не обнаружить себя. Ближе к вечеру, когда уже начало темнеть, духи снова построились для получения новой задачи. В этот раз они пошли в сторону «зеленки», которая была у нас за спиной. И все бы ничего, но головной дозор из пяти человек вышел прямиком к позициям группы. Остальные шли в пятидесяти метрах правее. Нам ничего не оставалось, как мочить. Грянул залп, и пятеро дозорных остались лежать под стенами дувала. Некоторые из состава основной группы тоже упали, остальные залегли. Минут сорок тишину не нарушал никто. Духи вообще никогда не «лупили в белый свет, как в копеечку», если не видели цели. За эти сорок минут мои бойцы буквально издергались:

— Товарищ старший лейтенант, давайте стволы достанем.

— Потом.

— Товарищ старший лейтенант, ботинки у духов классные.

— Позже.

Но в конце я сдался и разрешил разведчикам выползти и забрать ствол и РПГ. Это было ошибкой. Группу сразу обнаружили и открыли огонь из всего имевшегося оружия. В стены врезались граната за гранатой. Не выдержав такого огня, они постепенно стали оседать. Я пытался отвечать из трофейного гранатомета, но он оказался не вполне исправным. Граната в стволе не фиксировалась и при стрельбе вниз выкатывалась из ствола. Но не до жиру. Приноровившись, стрелял навскидку, быстро опуская ствол, пока граната не успела вывалиться. Солнце клонилось к закату, и каждый разведчик молил в душе, чтобы оно быстрее зашло. Ночь ждали, как спасение. Но еще дотемна оба-

лилась одна стена. Решили отходить. Под прикрытием огня товарищей, парами, резким броском отошли к зеленке и рванули вдоль нее. Справа шел гребень, в сторону которого уходили небольшие ущелья. Проскочив пару из них и оставив на путях своего отхода несколько мин ОЗМ-72, мы резко повернули вправо, назад и вверх. Решение оказалось верным. Оторвались. Отдышались. Через некоторое время слышался сначала один, затем второй разрыв. Сработали мины. В темноте духи открыли беспорядочный огонь, увлеклись погоней и проскочили дальше. Вышли к группе Кистеня. Ротный связался с комбатом и доложил обстановку. Григорий похвалил и приказал всем выходить на тот хребет, где находился склад. В животе ощутил противный холодок, но, чтобы не деморализовывать своих подчиненных, я бодрым голосом сообщил, что теперь пришло время «надрать задницу духам».

Возражений не было, тем более что нас теперь было вдвое больше. Скрытно вышли на хребет к позиции ДШК, до которой прошлой ночью не дошли пятьдесят метров. На позиции два духа. Короткий свист, и повернувшийся пулеметчик с напарником получили меж глаз по пуле из АПСБ (Автоматический пистолет Стечкина бесшумный). Позиция оказалась оборудована по первому классу. Вырубленная в скале, она была усилена бетоном. В принципе, даже точечное попадание для расчета было нестрашным. Далее уходила тропинка, которая и вела на склад. Группа с Кистенем во главе осталась наверху обеспечивать работу подгруппы уничтожения. Тропа вела в расщелину, которая выходила на площадку под горой. На площадке стоял дом, рядом с ним была волейбольная площадка.

Самое замечательное в этом было то, что все это с воздуха не просматривалось — расщелина заворачивалась улиткой. Далее шла сквозная пещера — основной разведпризнак нужного нам склада. На складе хранились тротил, мины, средства взрывания и боеприпасы. Взяв для образца пару мин, мы заминировали склад, который, спустя несколько минут, взлетел на воздух. А внизу у Григория война шла полным ходом. Несмотря на ночь, он снова вызвал вертолеты. Освоив трофейный ДШК, я попросил целеуказаний, чтобы поддержать комбата огнем. Война продолжалась еще часа три. Видимо, поняв, что склад уничтожен, духи нас оставили в покое. У комбата война тоже пошла на спад. По радио договорились, где встретиться. Еще горячий ДШК сняли с треноги, а треногу, уходя, подорвали. Когда отряд вернулся в расположение десантников, их удивлению не было предела. Они не могли поверить, что сорок человек вернулись оттуда, где две армейские операции получили по полной программе. В отряде не было даже раненых».

Но бывало и иначе. 2 сентября 1987 года в районе населенного пункта Чаколай, что в 3 километрах от границы с Пакистаном, 500-й

разведотряд обнаружил караван мятежников с оружием, идущий от границы вглубь провинции Кунар. Смеркалось, когда разведчики внезапным огнем из засады нанесли поражение охране каравана. Но моджахеды были хорошо вооружены и обучены и ответили мощным стрелковым и минометным огнем. За несколько минут девять разведчиков лейтенант Юрий Острякко, сержант Юрий Коршунов, ефрейтор Загребельный, рядовые Левин, Разиков, Камалетдинов, Лишук, Куприянов, Хомяков получили ранения, из них двое тяжелые. Получив подкрепление из Пакистана, душманы усилили огневое воздействие и разведчики были вынуждены начать отход. Раненых выносили на руках. Ситуацию усугубил подрыв на минном поле, после чего ранения получили сержанты Александр Игнатов, Олег Рогов, рядовой Зобенков. Не доходя до пункта постоянной дислокации, от тяжелого ранения в живот на плечах товарищей умер рядовой Хомяков Николай Сергеевич, уроженец г. Новомосковска Днепропетровской области. Отличный разведчик, кандидат в члены КПСС, принятый в партию по боевой характеристике, как наиболее отличившийся в боях.

Ветеран отряда и бригады Яремко Н.И. вспоминал: «Однажды отряд разведчиков под командованием майора В.Дмитрука попал в засаду. На помощь пришла бронегруппа. Неожиданный удар с тыла ошеломил моджахедов и заставил отойти. Но одна из БМП, в которой размещался дополнительный боекомплект, была подбита. К задымившей машине бросился разведчик рядовой А.Ефимов. Вытащив раненого механика-водителя рядового Юрия Кухарука, он сел за штурвал и вывел БМП в безопасное место. Огонь был погашен, неминуемый, казалось, взрыв был предотвращен. Вряд ли Ефимову удалось бы спасти своего товарища и технику, если бы в роте с каждым солдатом, независимо от специальности, не проводились занятия по вождению бронетехники. Их инициатором был зампотех роты старший лейтенант Дорогин А.Н.»

Отлично работали разведчики подразделений капитана Дикарева И.Н., Матвейчука И.И. Голыбина О.В., Степаненко, Яшунина, Бирюкова в ходе армейской операции «Магистраль», что проходила в ноябре 1987—январе 1988 г. в провинции Пактия. Выполняя приказ командования, с 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. РГСПН №№ 511, 512, 533, 534, занимающие господствующие высоты (отм.2735 и отм.2803), вели постоянную разведку местности методом наблюдения за перемещениями моджахедов в горах Каламайгар и перевал Саротикандав.

Тропы, ведущие к кишлаку Гундай, по их указанию, были заминированы «Лепестками», район подходов к высоте 3169 перекрыт «Охотой-2». В результате действий разведорганов отряда и полученной информации от радиоперехвата, были собраны ценные разведыватель-

ные данные о скоплении моджахедов, которые впоследствии уничтожили авиация и артиллерия армии. Выявленная реактивная установка мятежников, размещенная на высоте 3192, была поражена огнем приданной отряду артиллерии по целеуказаниям и наводке командира группы старшего лейтенанта Бирюкова.

В условиях холодной и снежной зимы пребывание разведчиков на продуваемых горных пятках было настоящим мужеством... За участие в той операции более 200 разведчиков отряда были представлены к наградам. Ранения и контузии получили старший лейтенант Юрий Боровской (впоследствии полковник командир Забайкальской бригады спецназ ГРУ ГШ РФ), старший лейтенант Олег Чукин, рядовые Сергей Салей, Роберт Королев, Дмитрий Лисица и другие.

Последний боевой выход «асадабадские егеря» совершили в ходе четырехдневной армейской операции «Восток-88», что проходила в середине апреля 1988 года под Асаром.

...Так распорядилась судьба, что тоже символично, ровно через три года после кровавого крещения в Мараварском ущелье, асадабадцы навсегда вышли из провинции Кунар, и совершив десятичасовой марш, благополучно прибыли в провинциальный центр Джелалабад, где расположились полевым лагерем на одной из ровных горных террас за 154 отрядом, недалеко от штаба бригады, для подготовки к дальнейшему маршу на Союз.

Городок же 334-го отряда спецназа, оставленный разведчиками в Асадабаде, представлял собой жалкое зрелище: он был весь перепачкан снарядами и минами, щелями и укрытиями.

...Сиротливо торчали сгоревшие перекрытия строений и маза-нок. Более менее сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским военным властям.

В автопарке навсегда остался ржавый металлолом сгоревших автомобилей, боевых машин и бэтээров, другой битой техники. Можете себе представить, что творилось в ППД накануне выхода отряда, если только за двадцать минут 14 апреля (с 14.00 по 14.20) во время обстрела было зарегистрировано одиннадцать прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В том море огня стали сгорели два Зил-131, а у шести бэтээров осколками искрошило все колеса. Разведчики С.Соловьев, С.Макагон, А.Пульников, Ш.Худайбердыев, В.Яремкив, перебивая друг друга, рассказывали мне: «Духи в конце совсем обнаглели, среди белого дня из-за Басмача снарядами нас закидывали... Голое место, и мы, как тараканы на дне стакана. Как правило, после обстрела были раненые и убитые. Страшно было смотреть, как однажды рядовому Якимову из Талицкого района Свердловской области прямо на земле майор Качура, помогая врачам, ножом отрезал окровавленные шмотки мяса, оставшиеся от обеих ног. Избави, Господи, подумал

каждый из нас. Только не это. А жить то так хочется...». «Басмачом», разведчики прозвали конусообразную вершину, нависающую над рекой и местом дислокации отряда со стороны пакистанской границы.

В ходе марша на Джелалабад вскрылись многочисленные технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию рот с заместителями по технической части предстояло до 15-го мая сделать невероятное — восстановить технику к сложнейшему маршу к государственной границе СССР. А в части на ходу на тот момент осталось всего ничего — 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю находилось 485 человек, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Восемнадцать военнослужащих к тому времени находились с ранениями и болезнями в госпиталях. Их эвакуацией занималась медслужба 40-й армии. Все рабочие и служащие СА к тому времени уже были отправлены в Союз. Надо отметить, что среди них были настоящие герои, которые хотя и не ходили на «войну», а, выполняя свой мирный труд по обеспечению жизнедеятельности отряда, порой тоже проявляли отвагу.

О мужестве повара Асадабадского батальона Людмилы Масиной ходили легенды. Несмотря на непрерывные обстрелы, во время которых весь личный состав прятался в укрытия, она под огнем готовила обеды. Ее оружием были золотые руки повара. Это о таких Некрасов писал: «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Рассказывали: Масина может работать сутками, но каждое утро бегаёт на физзарядку, безотказна в общественной работе, стрижет ребят вместо парикмахера, пишет стихи...

Сама Люда говорила:

— Вы не представляете, как жалко ребят! Первое время плакала, думала, не выдержу, уеду домой. Но на кого их бросишь? Они же еще мальчишки нецелованные...

Однажды реактивный снаряд, пробив крышу модуля, влетел в кухонное помещение, упал рядом с котлами, где работала Людмила, но, к счастью, только все разбил, а сам не взорвался. Отважная повара выскочила из поврежденного здания с окровавленной рукой.

— Помогите!

К ней подбежал молоденький солдат, растерялся и замер, застеснялся. Кровь с перебитой вены хлестала струей. Тогда она покрыла его таким отборным матом, что шок с бойца слетел моментально...

За отвагу и самоотверженность мужественная советская женщина в ноябре 1987 года была награждена почетной солдатской медалью «За боевые заслуги».

Ох уж эти обстрелы, сколько бед приносили они. Однажды на огневой позиции батарее под огнем погибли почти все номера расчетов артиллерийских орудий. А накануне вывода отряда в укрытие, где

прятался от обстрела личный состав, влетел реактивный снаряд, и одним взрывом изуродовал шестерых разведчиков — рядовых Коржанова И.И., Левшука В.И., Дорофеева Э.Д., Камбурова В.В., Демидова Н.Н., Абрамяна Т.И.

Под огнем противника бесстрашные вертолетчики сумели вывезти всех пострадавших на Джелалабадскую площадку «Сеялка» на территории 66 омсбр. На операционном столе двое из них потеряли ноги, и находились в тяжелейшем состоянии — в реанимации госпиталя 66-й бригады.

Я пришел к ним в палату после того, как они очнулись после операции. Они, еще одурманенные наркотиками, не осознали полностью того, что с ними сделала война...

— Товарищ подполковник, сегодня ночью нас отправят в Союз! Какое счастье, что этот кошмар для нас кончился! — сказал мне один из раненых.

— Товарищ подполковник, я во время обстрела потерял письмо от девушки, которое только получил, но не успел прочитать. Позвоните, пожалуйста, нашим, пусть найдут его и перешлют мне. Оно для меня дорого. — трогательно вежливо попросил потерявший зрение солдат.

— Хорошо! — пообещал я.

— Бедные парни, как сложится у вас жизнь? — думал я, глядя на их изможденные лица, горящие глаза и кровоточащие бинты на обрубках конечностей.

Заговорив о медиках, уместно вспомнить лейтенанта медицинской службы Андрея Николаевича Линева, который заслуженно являлся гордостью асадабадцев. ...Когда 15 мая 1988 года на окраины Кабула начали приходиться первые бронетранспортеры маршевой колонны отрядов 15-й бригады из Джелалабада, сам командарм Б.Громов, бросив все дела в штабе, приехал встретить колонну. И вдруг его взору открылась непривычная для этих краев картина: над БТРом начальника штаба пятого батальона майора В.Качуры развевался на ветру бело-голубой военно-морской флаг СССР.

— Кривопалов, — обратился генерал ко мне, — немедленно спрячьте это полотнище. Откуда оно у вас? А что это за якоря на башнях? Что вы цирк устраиваете? В рядах нашей армии никогда не было моряков!

— Были, товарищ командующий! В отряде служил и героически погиб кавалер ордена Красного Знамени лейтенант Линева! — ответил я.

— Знаю такого, — смягчился командарм, — а все равно спрячьте флаг до Союза!

Кто такой моряк Линева? Как он оказался в Афганистане? Почему

в память о нем на бронетехнике спецназа были нанесены морские якоря? Об этом отдельная история. Линева прожил яркую, но короткую жизнь, — двадцать три года, разве это много? Он родился 20 июня 1962 г. далеко от моря в славном трудовом городе на Востоке Украины. В музее средней школы № 37 г.Луганска, где учился Андрей, собраны его похвальные грамоты за все годы учебы. Он отличался от своих сверстников неуемной жаждой получить знания и взрослой целеустремленностью. Был он отличником, потому вполне логично, что по окончании школы ему удалось без особых проблем преодолеть барьер вступительных экзаменов... Сбылась первая мечта Андрея — он стал курсантом Военно-медицинской академии в Ленинграде. Затем размеренно потекли годы напряженной учебы в прекрасном городе на Неве и ожидание морских походов, о которых он мечтал... О том как прожил эти годы курсант, рассказал его рапорт:

«Прошу вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о назначении меня по окончании военно-медицинской академии им.С.М.Кирова на любую должность первичного звена медицинской службы ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Как коммунист и выпускник академии, считаю для себя нужным находиться на ответственном участке выполнения интернационального долга. Занимаюсь со второго курса включительно на кафедре военной травматологии и ортопедии, имею твердые навыки в оказании первой врачебной и неотложной квалифицированной медицинской помощи. Курсант 6 курса А.Линева. 22.05.1985 г.».

Рапорт был удовлетворен, и вместо Тихоокеанского флота, куда его первоначально распределили, с началом ноября 1985 года лейтенант Линева в Афганистане.

«Андрей, несмотря на молодость, небольшую практику, был эрудированным, знающим хирургом, мечтал оставить в военно-полевой хирургии свой след. О работе в госпитале и не помышлял — только в войсках, только быть рядом с солдатом...» — писал, работавший в Афганистане полковник медслужбы И.Д. Косачев.

Линева был направлен врачом-хирургом в 334 отряд спецназа. Для адаптации молодой медработник Линева совершил несколько длительных маршей в составе транспортных колонн, в ходе которых сполна испытал джелалабадскую полуденную жару и стужу гор Гиндукуша. Именно тогда, под обстрелом душманов перевязывал первых своих раненых. В общем строю отряда Линева, захватив сумку с медикаментами, отправлялся в горы. В унылых пустынных горах под Джелалабадом вкусил сполна тяжелую изнурительную работу разведчика, но не опозорил морскую тельняшку, которую носил до конца. Окружающая действительность, в которой оказался молодой врач, могла испугать... Повальные инфекционные заболевания... Две трети личного состава

в течение года получали тяжелую инфекцию и не одну. Каждый день риск и кровь. Смертельной опасности подвергались исключительно все: и солдаты, и офицеры, и медики... Линева как хирургу практики и работы хватало. Только за декабрь того года в боях с душманами разведчики потеряли убитыми семь человек. Восьмым оказался сам Андрей.

Вот что написал о последних минутах его жизни начальник медицинской службы части А.Трифонов: «Оказав помощь двум тяжело раненым, Андрей, прикрывая их эвакуацию, уничтожил огнем своего автомата четверых душманов, и пострадавшие были вынесены в безопасное место. Сам врач был тяжело ранен в живот, однако продолжал вести бой. Уничтожив еще одного бандита, хирург потерял сознание». Декабрьское утро выдалось холодным. Сумрачный рассвет был наполнен грохотом. От минного обстрела вздрагивали горы. Противник принял попытку окружить превосходящими силами группу спецназа. Под отвесной скалой расположился пункт сбора раненых. Линева с помощниками перевязывал их. Душманские мины все ближе ложились к скале. Осколком ранило одного из помощников, а очередной разрыв нанес смертельное ранение и самому Андрею.

У родителей хранится стопка его писем. На конверте от 1 декабря 1985 мать написала: «Последнее письмо сыночка». «Здравствуйте, мои родные. Выпала свободная минута, сразу хочу написать письмишко, хотя вчера писал. Сегодня первый день зимы. Правда, у нас она символическая, просто подул северный ветер...».

Кто знает, может, в этом северном ветре ощутил Андрей прощальный привет, прилетевший с Родины, где его ждали родные и друзья. За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, Андрей Николаевич Линева был награжден орденом Красного Знамени. Кто был на войне — знает цену этому ордену.

На последнем построении над телом погибшего комбат майор Г.Быков тогда сказал так:

— Он прослужил у нас немного, но сумел доказать, что настоящий мужик-спецназовец. Пусть каждый из нас навсегда сохранит в душе образ этого отважного морячка!...

И эти пророческие слова сбылись, о Линева не забывают.

...А когда пропыленная колонна 15 обрСпН, под командованием полковника Ю.Старова, шла по мосту на советский берег над своенравной Аму-Дарьей, неожиданный встречный северный ветерок развернул полностью полотнище военно-морского флага и оно гордо затрепетало в напряжении над головами разведчиков отряда.

Много повидавшие пограничники, стоящие на обочине, от вида этого флага непроизвольно приняли строевую стойку и отдали честь знамени, сами не осознавая того, что отдают ее не только боевой святыне, но и памяти всем погибшим спецназовцам 334-го отряда. Это

полотнище, опаленное войной и афганским солнцем, вернулось на Тихоокеанский флот, туда, где мечтал служить лейтенант Линева. Оно было передано бывшим начальником штаба отряда майором Вячеславом Качурой на вечное хранение в полк морской пехоты. Этот Флаг пережил многих и хранили в музее на острове Русском до 2007 года, до перемещения дивизии морпехов на новое место.

Разведчикам 334-го ооСпН есть чем гордиться. За годы войны в Афганистане 334 отрядом было уничтожено и захвачено: 2917 душманов, 15 минометов, 10 ЗГУ, 4491 реактивный снаряд (РС), 9 автомобилей, 4 каравана, 185 вьючных животных с грузом, 29 ПТУРС, 420 единиц стрелкового оружия, 750 мин и др.

Более тысячи солдат и офицеров этого отряда были награждены боевыми орденами и медалями, а разведчики лейтенант Кузнецов Н.А. и рядовой Турчин В.А., удостоены высокого звания Героев Советского Союза.

Отряд же выполнив свой воинский долг, согласно приказу, благополучно вышел в Союз 18 мая 1988 года. В Термезе загрузился в эшелон и через двое суток гордо прошел походной колонной по улицам Чирчика, осыпаясь цветами ликующего местного населения. А после частичного сокращения и расформирования отдельных подразделений отряда, он был передан в состав 5-й обрСпН КБВО. 6 июня 1988 года эшелон 334 ооСпН вернулся в Марьину Горку. Отряд торжественно встречали на привокзальной площади командование и личный состав 5-й обрСпН, местное население. Исполняющий обязанности командира отряда майор Дмитрук В.И. доложил командиру 5-й отдельной бригады, ветерану 15-й обрСпН, полковнику Герасимову Д.М. о прибытии отряда. Так завершился славный боевой путь 334-го ооСпН. Служба в составе 5 обрСпН продолжается в Вооруженных Силах независимой Республики Белоруссии и ныне. На территории военного городка, где дислоцируется отряд, установлен мемориал, на котором увековечены фамилии 105 разведчиков, погибших в Афганистане.

Благодаря подвижническому труду ветерана отряда подполковника запаса Игоря Семенова, в Москве и Минске появились великолепные мемориалы памяти погибших спецназовцев, к подножью которых приносят цветы ветераны и молодежь. Фамилии солдат и офицеров навсегда увековечены в памяти народа. Мужество и подвиги «асадабадских егерей» воодушевили на литературную деятельность российских писателей. Благодаря их творчеству о боевых действиях 334-го отряда сейчас можно прочитать в книгах П.И. Ткаченко «Мараварская рота» и Н.И. Кикешева «Встань и иди».

И это хороший памятник погибшим героям!

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

*«Дыхание опасности
во мне почуял зверь,
все остальное — частности,
Все частности теперь.
Мгновенье — нет усталости —
Вперед и победить!
Эх, не дожить до старости
А, может быть, дожить?»*

В. КОШЕЛЕВ.

15-ю отдельную бригаду спецназ эта операция не обошла стороной. Как ее участник я в свое время, пытался сохранить для потомков детали боевых действий спецназа в декабре 1987 — январе 1988 гг. Впоследствии эти записи были включены в исторический формуляр бригады, однако они оказались еще менее долговечными, чем человеческая память. После передачи бригады в состав ВС Узбекистана в 1994 г. штаб бригады сгорел, как можно судить, при весьма таинственных обстоятельствах, при этом все штабные документы и архивы погибли. В огне превратился в пепел бесценный материал, касавшийся операции «Магистраль» в Афганистане.

Пожалуй, это печальное обстоятельство и подтолкнуло меня попытаться реставрировать хотя бы часть тех пережитых событий. И пусть простит меня читатель за общий подход к описываемым событиям, а также за эти мои, может быть, порой пространные и не совсем точные воспоминания.

...Почти каждому гражданину нашей страны довелось в советское время хотя бы однажды отдохнуть на Черноморском побережье Кавказа, где есть населенный пункт со звучным названием — Хоста... А вот для тех, кто служил в Афганистане, это название ассоциируется совсем с другим Хостом.

Административный округ Хост — один из городов провинции Пактия, всегда занимал важное оперативное, а по афганским меркам просто стратегическое положение, ибо город расположен на важнейших путях, ведущих вглубь страны, и непосредственно граничит с Пакистаном. Последнее обстоятельство позволяло мятежникам беспре-

пятственно организовывать снабжение своих бандформирований с баз, расположенных в Пакистане. Вместе с тем, правительственные войска в этом районе были очень уязвимы, так как действовали в изоляции. Овладение Хостом открывало моджахедам путь для беспрепятственного наступления на Гардез и Газни, и далее к Кабулу.

События того времени разворачивались для нас так...

В один из вечеров командир 15-й бригады спецназ полковник Ю.Т. Старов получил приказ командующего армией о немедленной переброске соединения в район боевых действий — в провинцию Пактия.

В кабинете командира ровно работал кондиционер и нес освежающую прохладу собравшимся заместителям командира и начальникам служб. Все молчали. Говорил только Старов:

— Обстановка в районе Хоста остается сложной и напряженной. Мятежники не оставляют попыток взять под свой контроль всю территорию вокруг города. Основные усилия мятежников направлены на продолжение его экономической блокады путем срыва торговли с Пакистаном, они постоянно обстреливают Хост, недавно уничтожили сторожевой пост на 36-м караванном маршруте и возобновили поставки оружия во внутренние провинции Афганистана. В соответствии с приказом командующего армией № 042 от 10 ноября, с 17 ноября началась операция 40-й армии под кодовым названием «Магистраль» с целью прорыва блокады округа Хост и срыва планов контрреволюции по отторжению его территории от Афганистана.

Согласно приказу, наша бригада в составе оперативной группы, подразделений штаба бригады и двух отдельных отрядов привлекается для ведения разведывательно-боевых действий в районе Гардеза. Я назначен руководителем боевых действий.

Замолчав на секунды, и пошелестев бланком шифртелеграммы, он отдал боевой приказ:

— Командному пункту бригады, 334-му и 668-му отрядам спецназ 16.12.87 совершить марш в район боевых действий и к исходу 17.12 сосредоточиться в районе Гардез.

Мы с Кривопаловым, начальником разведки и начальником особого отдела вылетаем сегодня ночью в район боевых действий.

Начальнику штаба майору Исакову обеспечить убывающую оперативную группу бригады средствами связи, для чего подготовить «Чайку» и станцию тропосферной связи, а также соответствующую охрану в составе взвода комендантской роты. В состав ЦБУ (центр боевого управления) включить майора Куфтина, лейтенанта Шакурина, переводчиков младших лейтенантов Золкина и Казанбаева.

Заместителю по вооружению подполковнику Васильеву передать бронетехнику и личный состав управления бригады в колонну пятого

батальона при его подходе к Джелалабаду. Место встречи определить дополнительно.

Начальнику связи подполковнику Муратову отобрать для работы в районе операции самых опытных радистов из отряда спецрадиосвязи. Ахмед, вылетать в Гардез будете со мной и начальником политотдела.

Начальнику тыла подполковнику Серзину лично связаться со штабом тыла армии и подготовить колонну для получения со складов и доставки в район операции всего необходимого для боевых действий в горных условиях.

Первый заместитель командира бригады подполковник Безручко остается в Джелалабаде за меня и осуществляет общее руководство боевой деятельностью в районах оперативной ответственности бригады. О принимаемых решениях докладывать мне немедленно.

Комбриг снял телефонную трубку и приказал дежурному по ЦБУ:

— Вызвать на связь со мной командиров четвертого и пятого батальонов!

Через несколько минут комбаты ответили.

— Здравствуйте, Анатолий Васильевич и Владимир Иванович, слушайте боевой приказ...

С этой минуты все завертелось в нервном круговороте...

Забегали солдаты и офицеры: из секретки понесли рулоны топографических карт на марш и район боевых действий, начали укладывать в ящики бумаги, журналы и другую документацию, рюкзаки. Загремело и забряцало, вытаскиваемое из ружкомнат и сейфов, оружие и амуниция. Перекрывая все звуки, из автопарка могуче ревели прогреваемые двигатели.

Однако во всей этой на первый взгляд общей неразберихе у каждого был свой смысл и свой маневр. Быстро собравшись, надев лифчики боевой разгрузки, прицепив кобуры с пистолетами и закинув на плечо автоматы, подхватив парашютные сумки с необходимыми вещами, мы с командиром бригады запрыгнули в УАЗик и выехали на аэродром Джелалабада. Вылет не заставил себя долго ждать... В 23 часа самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

В то время, когда мы летели на Кабул, из Асадабада и Бараков спешным порядком двинулись окутанные соляным маревом боевые колонны наших отрядов. Особенно тяжело дался внезапный ночной марш для побитой техники пятого батальона, который ежедневно подвергался обстрелам с пакистанской территории. Впоследствии, вызванные этим многочисленными поломки бронетранспортеров и автомобилей на марше стали поводом для злорадства у некоторой части штабной братии 40-й армии, которые не особенно жаловали спецназовцев.

Для нас же одним мгновением пролетела бессонная ночь. В сто-

личном аэропорту, прямо по полосе мы прошли на вертолетную площадку, где уже ожидал Ми-8, выделенный нам под оперативную группу бригады. Она была невелика: мы с комбригом, начальник разведки бригады с начальником связи, а также начальник особого отдела КГБ бригады. Поначалу мы расселись в выделенный нам вертолет и стали спокойно ждать взлета. Действительно, вскоре винты вертолета дрогнули и начали с легким и нарастающим шумом набирать обороты. Рев двигателя дошел до максимального — под ногами мелко задрожал пол. Но вдруг обороты начали спадать, и двигатель заглох. Из кабины летчиков вышел командир и равнодушно сказал:

— Товарищ полковник, пока отбой. Ждем приказа.

— Какого еще приказа? — с раздражением переспросил Юрий Тимофеевич.

— Диспетчеры пока разрешение на вылет не получили. Подождите немного. — ответил летчик.

Мы просидели пять, потом десять, двадцать минут... Терпение командира лопнуло. Он поднялся и приказал:

— Всем оставаться на местах, а я схожу на КДП, уточню причину задержки, — и растворился в темноте аэродрома.

Мы просидели еще около часа. Командира не было. Все испытывали нервное напряжение и от этого немного мерзли. Для того, чтобы согреться и размяться вышли из салона вертушки на полосу. Погода стояла хмурая — по ночному небу низко плыли тучи, и мы, уже теряя надежду, начали обсуждать, где остановимся на ночлег в случае отмены вылета.

Я не выдержал и пошел в сторону КДП искать Юрия Тимофеевича. Метров через триста столкнулся с ним в темноте. Вместе пошли обратно. Он был невероятно раздражен и немногословен.

— В чем задержка, Юрий Тимофеевич? — спросил я.

— А ну их и говорить не хочу! — ответил комбриг, — пошли к вертолету. Пришлось выходить на дежурного по перелетам, потом на оперативного дежурного по КП ВВС. Все полусонные. У них, видишь ли приказ, а мы ночью по собственной инициативе дурака валяем. Пока их «ебом» не покрыл, сославшись на Громова, не зашевелились. В общем, все нормально. Сейчас вылетаем. Все по местам! — подал команду Старов.

Действительно, на этот раз, рассаживаясь по скамейкам вертолета, мы уже чувствовали иную реакцию — в эфире у летчиков журчал интенсивный радиообмен, вспыхнули прожектора, забегала обслуга на вертолетной площадке. Лопасты нашего вертолета дрогнули и пошли по кругу. Через несколько минут двигатель набрал обороты, и вертушка пошла на взлет...

С рассветом мы уже находились на «Пучке», — продуваемом все-

ми ветрами аэродроме Гардеза. Высоко над головой еще виден был ковш Медведицы, а впереди над вершинами уже засветлела полоска слюдяного цвета. Быстро набухая, она плыла навстречу, смывая с небосклона звезды. И словно раздуваемые кем-то языки пламени в костерке, над горной грядой затеплились первые жарки зари.

Сойдя по трапу на металлические плиты взлетной полосы, мы, не сговариваясь, одновременно начали сладко и сонно потягиваться, словно сбрасывая с себя путы бессонной ночи. Мы, как мальчишки, начали со смехом приседать и махать руками, хлопать по плечам, поправлять друг на друге боевое снаряжение.

— Ну что, оклемались, орелики? — шуточно спросил Старов, — тогда вперед, на минные поля!

Подхватив свои пожитки, мы энергично направились в расположение братьев-десантников из 56 дшбр.

Начиналась историческая среда 16 декабря 1987 года... В этот день советские и республиканские войска вынуждены были продолжить боевые действия, начатые 17 ноября, и приостановленные 1 декабря, но теперь уже они переместились за перевал Сатыкандав.

Прибыв в штаб 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, мы с сожалением услышали от дежурного о том, что, оказывается, комбриг полковник Раевский по замене убыл в Союз. Считалось большим счастьем для каждого из нас дожидаться замены, но в среде остающихся о приличных людях сучали, и не раз вспоминали добрым словом. Ту нишу, которую они занимали в наших душах, вновь прибывшему в ДРА новичку удавалось заполнить не скоро и далеко не каждому. Виталий Анатольевич Раевский был как раз из тех, кого вспоминали добром. Приличный был человек. Я знал его давно. Мое первое знакомство с Раевским произошло еще в период лейтенантской службы в Чирчике, где он, мой ровесник, командовал взводом в артиллерийском полку Ферганской влд. Мы встречались на совместных прыжках и учениях 105-й влд, на которых наш батальон спецназ действовал за условного противника. Нам с Раевским в одно время довелось учиться и в Москве в академиях. В 1985 году началась афганская служба Раевского. С должности командира полка он попадает в Гардез, где проявляет лучшие командирские и человеческие качества. Под непосредственным командованием полковника Раевского впервые за годы афганской войны была разработана и проведена успешная ночная высадка десанта с захватом базы моджахедов. Он всегда отличался высокой надежностью и порядочностью, в чем мы, спецназовцы, не раз убеждались в ходе проведения совместных боевых операций.

— Жаль, не повидались с Виталиком, — сказал Юрий Тимофеевич, — Ну дай бог ему удачи!

Забегая вперед, скажу, что это чистосердечное пожелание сбы-

лось. Удача сопровождала Раевского. Впоследствии он окончил академию Генштаба, с 1991 года командовал дивизией в Прибалтике, а после распада СССР, в 1992 году, создавал аэромобильные войска Украины. Однако долгой службы не получилось, через шесть лет в возрасте 49 лет и в звании генерал-майора, не выслужив положенные сроки службы даже для полковника, он был уволен из рядов вооруженных сил Украины в запас.

Как-то позже Раевский говорил мне:

— Если вы меня спросите, почему не пошла служба, то отвечу, что всему виной бестолковое постперестроечное время, когда особенно процветало равнодушное отношение к опытным и заслуженным кадрам.

В комнате дежурного по бригаде Старов связался по телефону с командармом и зычным командирским голосом доложил о прилете и готовности к выполнению поставленных задач.

Задача была поставлена немедленно. Ее Старов записал в блокнот как первое боевое распоряжение. Суть его сводилась к тому, чтобы встретить подразделения 4-го батальона, и его силами разгрузить прибывающую из Союза автоколонну с боеприпасами.

— А кто сейчас у вас комбриг? — спросил Старов у дежурного.

— Подполковник Евневич, — ответил тот.

— А, ну звони ему! Это мой воспитанник по Старому Крыму.

Новый комбриг 56-й, выдвинувшийся из заместителей Раевского, где-то отсутствовал. Но наш ранний прилет не остался незамеченным. Вскоре к нам бодро подошел и поздоровался начальник политотдела бригады подполковник Александр Тулин. Среднего роста, крепкий и симпатичный мужчина. Тут же на ходу отдал распоряжения дежурным:

— Выделить технику для переезда к месту встречи колонны, обеспечить боевое охранение из комендантской роты, немедленно накрыть завтрак для гостей в комнате для приема пищи.

— Распоряжение мудрое, спасибо комиссар! — добродушно улыбаясь, похвалил Старов, — чувствуется настоящая школа! Молодец!

После доброго завтрака, состоявшего из гречневой каши с тушенкой и крепкого индийского чая, позволившего окончательно сбросить с себя состояние усталости, мы на двух БМД выехали на склад боеприпасов, что располагался на окраине города. Склад представлял из себя ровную площадку в несколько гектаров пустынной территории, обнесенной забором из колочей проволоки с примитивной будкой КПП у ворот.

На встречу нам вышел малорослый, полноватый для своего возраста майор — начальник склада артвооружения. Судя по всему, он уже был оповещен о том, кто к нему приедет, и будет помогать с раз-

грузкой снарядов. Надо отдать должное, он, как положено военному человеку, подошел к полковнику Старову почти строевым шагом и представился.

— Здравствуйте, я полковник Старов — командир бригады! — ответил ему на приветствие Юрий Тимофеевич.

— Я знаю, кто вы! — с нескрываемым уважением и обожанием в голосе ответил начальник склада, — извините за назойливость, но позвольте обратить ваше внимание на меры безопасности, которые необходимо строго выполнять личному составу бригады на нашем складе.

— Товарищ майор, — оборвал его комбриг, — я с малолетства военный человек. Инструктаж личного состава пребывающей части проведем с вами вместе.

— В Ваше распоряжение поступает один из моих лучших батальонов. Заранее продумайте вопросы обеспечения пищей и водой прибывающего личного состава.

— Обязательно, товарищ полковник! — бодро заверил начальник склада.

В этот момент к нам подъехал на бэтээре замкомандующего 40 ОА по тылу полковник Васенин. Ловко спрыгнув с брони, он дружески пожал нам руки и сказал:

— В Кабуле, на Теплом Стане *(так советские офицеры обозвали микрорайон, где находились склады и стоянки для техники — от автора)*, мы сосредоточили все запасы материальных средств. Переброска многих тысяч тонн груза на 130 километров из Кабула до Гардеза требует времени. На трассе за переброску отвечает генерал Кондратьев, но Громов недоволен сроками доставки. Приказал обеспечить фронт погрузки и разгрузки. Отправляем колоннами по пятьдесят машин. А таких колонн двадцать. Этот склад, Старов, — на вас! Твоих шесть колонн. На разгрузку машины даю не более десяти минут. Задача боевая, время пошло! О выполнении доложить командующему.

Наших ждать пришлось недолго. Вскоре на БМП приехал авангард колонны баракинского батальона. Все разведчики — в плотных зеленых штормовках, в горных коричневых свитерах, сдвинутых на затылки вязаных шапках-масках. Комбат Анатолий Корчагин, узнав задачу, не смог скрыть своего глубочайшего разочарования от того, что его отборному воинству доверили работать грузчиками. Мы полностью разделяли его чувства. Нам самим уже не раз приходилось удивляться порой таким нелепыми задачам: охране штабов руководства, сопровождению колонн других частей, штурму укрепрайонов в пехотной цепи. Однако приказ есть приказ. Через короткое время к складу начали подтягиваться головные машины ожидаемых армейских колонн. Вскоре три сотни автомобилей «Уралов» и «КамАЗов», заполнили своей массой все окрестности. Они доставили боеприпасы всех калибров.

И закипела тяжелая физическая работа, которая была не в тягость нашим физически крепким разведчикам. Они играючи ворочали стокилограммовыми ящиками со 152-мм и 122-мм снарядами. Но сотни машин одновременно под разгрузкой изматывали бойцов, которые вскоре уже работали по пояс обнаженными. Командиры и политработники подразделений, показывая пример, работали наравне со своими подчиненными.

Работа по разгрузке была длительная, поэтому определился стандартный режим деятельности: 45 минут разгрузка, пятнадцать минут отдых. Разгрузка осуществлялась прямо на грунт в штабеля на территории полевого склада. Для обеспечения безопасности на его территории въезжало только необходимое количество автомашин.

К очередному перерыву, в местах отдыха подразделений, прямо на голой земле, расстелили плащпалатки. На них выложили нехитрый рацион из общевойсковой сухая № 1 (каши, тушенку) и поставили зеленые термосы с горячим чаем. После непродолжительного обеда настроение у личного состава заметно поднялось, и к вечеру все было кончено. Территория склада была буквально забита ящиками с реактивными, гаубичными и пушечными снарядами.

Пока шла разгрузка командир бригады с командиром 4-го батальона, а также офицеры штаба изучали изменения в военно-политической обстановке и замысел предстоящих боевых действий, которые доводил до них недавно назначенный на должность начальника разведки 40 ОА полковник Сивачев, приехавший с КП армии. Народная молва уже оповестила, что Николай Зиновьевич не новичок в Афганистане. Как рассказывали о нем, Сивачев первый раз служил в Афгане в должности начальника разведки 108-й мотострелковой дивизии... Среди его лучших воспитанников командир разведроты 285-го танкового полка капитан Валерий Гринчак, один из первых Героев Советского Союза!

Вот и сейчас, опытный по афганским меркам полковник, мог бы отсиживаться в штабе, но его чаще видели на «передке», чем в тылу.

Это был среднего роста плотный офицер, совсем не похожий на штабных «работяг». Правда, если быть объективным, то он более тяготел к родной и понятной ему войсковой разведке, а к спецназу относился, как бы мягче сказать, — настороженно.

Слушать начальника разведки было приятно. Он говорил четкими и грамотными фразами бывшего слушателя военной академии. Вот что после его слов прояснилось:

...Летом и осенью 1987 года особую озабоченность у афганского руководства и советского военного командования вызывала обстановка в провинции Пактия, а именно в округе Хост. Она была вызвана тем, что вооруженные отряды оппозиции практически завершили блокирование города. Как следствие этого, сложилась критическая ситуация с

продовольствием, и население города голодало. Продукты доставлялись в город преимущественно самолетами, а с осени 1987 г. и по воздуху перебрасывать их стало очень опасно. Летали по ночам.

После выхода советского гарнизона из города сложилась реальная угроза гибели и самого населенного пункта, и всего округа. Положение осложнялось тем, что сам округ находился в двойной изоляции. Первое кольцо состояло из бандформирований контрреволюции, а второе проходило по горной гряде перевала Сатыкандав, высота которого достигала 3-х тысяч метров.

Воспользовавшись отсутствием советских войск в том районе, душманы восстановили одну из самых крупных своих перевалочных баз «Джавара», что в переводе означает «Волчья яма», которую наши войска, как считалось, окончательно разгромили еще весной 1986 года.

После многократных и настойчивых просьб афганского руководства командованием Ограниченного контингента советских войск было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию советских и афганских войск, основной задачей которой был прорыв блокады с целью обеспечения населения блокированного Хоста продовольствием, горючим, медикаментами и т.д.

Замыслом операции, — говорил начразведки, — предусмотрено встречными ударами главных сил армии из Гардеза и частью сил 108-й дивизии из Хоста после массированных ударов авиации и артиллерии прорвать блокаду и нанести поражение главной группировке войск противника. Силами 108-й мсд и 191-го омсп захватить предперевальный участок, а силами 103-й ввд — перевал Сатыкандав. Затем, наращивая усилия вводом в сражение 56-й дшбр, 345-го опдп и соединений правительственных войск, занять господствующие высоты вдоль главной коммуникации, блокировать маршрут на всем его протяжении, уничтожить основные группировки противника в районе Хоста, расширить безопасную зону и тем самым обеспечить проводку колонн с материальными средствами. Размах операции составляет 15 км, средний темп наступления — 5 — 6 км в сутки. Всего в операции принимают участие 51 батальон, из них два ваших спецназовских...

Сивачев на минуту замолчал, а потом продолжил:

— Группировка оппозиции в этом районе состоит в основном из военизированной части племени джадран. Это гордый народ, который в своей истории не подчинялся вообще никакому правительству и действовал так, как считал нужным. Общее руководство формированиями моджахедов осуществляет пуштун Джелалуддин.

Племя джадран, населяющее юго-западные районы провинции Пактия и округа Хост, является одним из многочисленных (140 тысяч человек, из которых 15 тысяч способны носить оружие) Их усиливают

воинственные пуштунские племена, имеющие влияние во всем Афганистане.

— В настоящий момент, войска, захватив перевал, ушли вперед, а в тылу наших частей беспрепятственно хозяйничают вооруженные формирования. Они настолько активны, что даже несколько раз подвергли обстрелу командный пункт армии. Есть потери. Исходя из обстановки, командующий армии приказал: силами бригады спецназ обезопасить северное и северо-восточное направления. Захватить господствующие высоты, вести наблюдение и огнем артиллерии уничтожать душманов при подходе. Провинция Пактия должна быть очищена от боевиков. Вопросы есть?

Посыпались уточняющие вопросы, на которые отвечал не только Сивачев, но и его подчиненные. Послушали и их. После всего услышанного более осознанно стали смотреть на окружающую нас действительность...

Город Гарdez являлся обычным провинциальным центром. В провинции, расположенной на высоте 2,5 тысячи метров над уровнем моря, проживает полмиллиона человек. Горные ледники и ветры определяют климат и условия жизни аборигенов. Здесь свежо и даже холодно. Спецназовцы были готовы к этому. Перед выходом командование частей обратило серьезное внимание на экипировку личного состава. Все военнослужащие были одеты в зимнее обмундирование (шапки ушанки, теплые белье и ватные куртки).

Проезжая через город, мы отметили, что городская архитектура здесь не отличается особым изыском. Обычная восточная застройка со средневековым уровнем развития инфраструктуры. Грязные улицы, глинобитные дувалы, ишаки и верблюды в качестве основной тягловой силы. Заметно было, что народ здесь живет беднее, чем в Джелалабаде. На улицах немногочисленно, совсем не видно женщин. Группами и поодиночке попадают одни мужчины и мальчишки, которые, не обращая внимания на низкую температуру, бегают в резиновых галошах или тапочках на босую ногу.

В центре города, на европейский манер на перекрестке нескольких дорог, стоял высокий гранитный столб, от которого на юго-восток уходила прямая магистраль в административный округ Хост.

— Дорога в ад, — мрачно пошутил контрразведчик подполковник Виктор Семенович Варивода.

— А нам именно туда и лежит путь. — ответил Старов. — Кстати, знаете ли вы, что в приграничном округе Хост проживает почти половина населения провинции Пактия, и, что характерно, преимущественно все пуштун.

Выехав за город, мы поразились совершенству древнейших инженерных ирригационных сооружений, которые, казалось бы, вопреки

законам физики обеспечивали водой террасы полей, находящиеся даже высоко в предгорье. В это время, еще не зимы, но уже глубокой осени на всем лежала печать запустения. Но порядок, заведенный тысячи лет назад, поражал воображение своей масштабностью и кропотливостью исполнения. Местные племена жили по суровым законам раннего средневековья. Вся власть в кишлаках и городах находилась в руках старейшин, без согласия которых не делалось ничего.

— Интересный народ, — включился в разговор старший офицер разведотдела армии, бывший командир Баракинского батальона спецназ подполковник Модест Рыжик. — За тысячи лет в нем сложилось особое почтительное отношение к земельным ресурсам. Под страхом смерти категорически запрещалось покидать свои земли. Уход с земельных наделов своих предков считался нарушением племенной чести и наказывался безжалостно. Помимо скотоводства и земледелия, коммерцию в провинции определяет торговля деревом (при этом топливо стоит очень дорого, так, к примеру, 0,1 м³ дерева обходился в 1000 афгани). Бешеные деньги.

— По территории провинции, — продолжал Рыжик, — проходят караванные маршруты №№ 36, 37, по которым осуществляется переброска караванов с оружием и боеприпасами для бандформирований в провинции Вардак, Кабул, Газни, Парван, Каписа. Что интересно, — отметил Модест Иванович, — для переброски в округе Хост создаются «духами» специальные отряды и группы, обеспечивающие охрану и сопровождение грузов. Они имеют хорошее вооружение, современные средства ПВО и связи. На настоящий момент, в районе боевых действий нашей разведкой выявлено 76 отрядов и групп. Наибольшую активность проявляют мятежники из северной части уезда Джадран (11 отрядов), и из базового района Срана. Там отмечен отряд оппозиции численностью около 220 боевиков.

Тем временем колонна вышла на окраины Гардеза. Кишлаки закончились, дорога побежала среди холмов и столообразных гор. Местность оказалась сильно пересеченной, с преобладанием вершин в 2000 и более метров. Земля под колесами и гусеницами нашей колонны выглядевшая, как сахарная пудра, со специфическим коричневым оттенком, медленно тяжело поднималась в воздух, зависала и также медленно опускалась обратно.

Несколько выше трассы Гардез — Хост горы были покрыты растительностью, состоящей из реликтовых хвойных пород — тибетской ели и сосны. Полуразрушенные серпантинные горные дороги и многочисленные горные речки и арыки серьезно затрудняли продвижение нашей боевой техники... Мы часто останавливались, ожидая отставших. Нам навстречу попадались бронетранспортеры и БМП, поднимавшие невероятную пыль. Мы обгоняли неповоротливые тяжелые

колонны инженерных машин разграждения и танков, транспортно-заряжающих машин реактивной артиллерии. Слева и справа от дороги в лощинах и площадках размещались дивизионы гаубиц, пушек и «Катюш». Такое количество боевой техники в одном месте встретить было сложно, и мы с интересом крутили головами. Картина впечатляла, так как вся эта боевая техника жила. То и дело с направляющих реактивных установок с воем срывались и устремлялись в голубое небо ракеты, сопровождаемые снопами огня. Над нашими головами на небольшой высоте прошла четверка вертолетов. Вертушки, казалось, не снижались — падали в ущелье. Вся эта картина напоминала фильмы о войне. Было интересно и увлекательно наблюдать за этим.

Но наше движение вперед вдруг остановили регулировщики командантской службы. Под очередную какофонию рева и взрывов командиру нашей бригады показали направление движения, и мы, прыгнув с брони, полезли по узкой тропинке круто вверх по склону. Поднявшись на высоту 3026, увидели окопы полного профиля, и командный пункт армии генерала Громова, в который он переместился после очистки горной гряды и перевала. КП командующего представлял собой вместительный блиндаж длиной метров тридцать и шириной метров пять. Амбразурами он был обращен на восток, в сторону Хоста. Сверху его искусно прикрыли маскировочными сетями.

От увиденной панорамы перехватывало дух. Думаю, не многим приходилось видеть красоты горной местности с высоты 3 тыс. метров над уровнем моря. Вокруг — только горы и дальше — тоже горы, а снежный хребет упирается в небо. Те, кому доводилось бывать в горах, или видеть произведения Рериха, могут понять, какие чувства испытали мы в тот момент, когда перед нами открылась неземная сказочная красота тех мест.

На перевале как бы «сталкивались» массивы гор. С востока — Логаригар, с запада — Гумбархулегар. Горы имели причудливые формы. Дорога на Хост, извиваясь, бежала вниз, и видно ее было километров на 10 — 12. Но любоваться горными пейзажами нам пришлось только несколько минут.

В момент нашего прибытия для доклада командарму по громкоговорящей связи линии ВВС неожиданно прозвучала информация о поражении на высоте 4000 метров нашего вертолета МИ-8МТЯ, предназначенного для ведения радио- и радиотехнической разведки. Вертолет находился над кишлаком Ханкала.

Это название «Ханкала» я второй раз услышал через десяток лет из сводок боев на Северном Кавказе. Удивительное совпадение, но там тоже был сбит вертолет федеральных сил России.

Прервав доклад, командующий и все его заместители, а также многочисленные начальники служб и присутствующие, как по коман-

де, бросились из блиндажа в траншею. Когда следом за командующим и мы выскочили наружу, то увидели северо-западнее — в воздухе — последние мгновения падения сбитого летательного аппарата и два купола парашютов, опускавшихся на землю по вертикальному дымному следу оставленному ранее упавшей машиной. В несколько секунд с вертолетом все было кончено.

— Сколько человек было на борту? — нервно крикнул командующий. Ему никто вразумительно ответить не мог.

Эта трагедия, произошедшая у нас на глазах, стала толчком для второй боевой задачи, поставленной командующим армией перед подразделениями нашей бригады.

Командарм, который не меньше, чем все остальные, был потрясен увиденным, отдал приказ:

— Товарищ полковник, — с окаменевшим и враз побледневшим лицом, с металлом в голосе, не сказал, а выдавил из себя Громов, обращаясь к Старову, — немедленно вывести бригаду в район гибели вертолета МИ-8. Блокировать его. Прочесать местность в квадрате 1634 и двух прилегающих кишлаках Утманай и Сипахихель. Предпринять все меры для спасения экипажа.

— Смотри карту. Вот эти кишлаки. По вертолету стреляли из них. В твоё распоряжение, Юрий Тимофеевич, поступает батарея самоходок из 191-го полка. Задача ясна?

— Так точно, товарищ командующий!

— Мои радиочастоты и позывные... Жду доклада. Вперед! — он резко повернулся и вбежал в блиндаж.

Мы тоже побежали вниз по отвесным ступеням тропинки на дорогу Гарdez — Надиршахкот — Хост, где стояли БТРы штаба нашей бригады, а также колонна 4-го батальона. Мгновения, и мы запрыгнули на броню... Взревели моторы и БТРы двинулись в путь...

По основной магистрали мы вернулись назад километра на три в сторону Гардеза, а у кишлака Ханкала свернули направо на север с целью скорейшего выхода в район блокирования.

Шли на большой скорости одной колонной. Из-за густого пыльного облака опустившегося на дорогу, видимость была нулевая. В районе высоты 2481 машина комбрига остановилась. Подтянулась и встала вся остальная техника.

— Майора Корчагина к командиру, — прокатилась команда от одной машины к другой.

Подбежал комбат. Козырнул.

— Анатолий Васильевич, спешить первую, вторую и третью роты! Развернуть цепью. Прочесать местность по направлению — окраина кишлака Сипахихель. Левый фланг — высота 2633, правый — исключительно кишлак Ханкала. Прочесывание начинать после завершения

артобстрела кишлаков Утманай и Сипахихель. В кишлаки входить по моей команде.

Подкатили самоходки мотострелков и лихо развернулись, обдав нас тучей пыли и соляного смрада. Выскочили расчеты, каждый артиллерист сноровисто делал свою работу: одни отбросили броневые щитки с тыльной стороны башен, а другие вытаскивали снаряды из ящиков, закрепленных на броне самоходок. Артиллерийский комбат в танковом шлеме склонился над развернутым планшетом.

— Основное направление стрельбы..., прицел, уровень, стрелять осколочно-фугасным..., — долетали до нас резкие команды офицера.

— Скоро начнется, — подумал я. Поправив лифчик боевой разгрузки, я побежал на левый фланг в первую роту. Впереди развернутой цепи стоял коренастый ротный командир капитан Шуба, инструктирующий своих взводных офицеров Корьгина, Бугу, Слипченко и Похвощева.

— Сдуру куда не лезть, беречь людей! — донеслись до меня последние слова ротного.

В это время ударили гаубицы, и земля заходила под нашими ногами. Выстрел. Над кишлаком Утманай поднялся черный гриб разрыва. Второй выстрел — удар. Затем третий и четвертый. Все заволочло дымом и пылью. Последующие разрывы уже не были видны, и считать их можно было только на слух. Мы нервно шли вперед к лежащему перед нами неведомому населенному пункту, который на наших глазах менял свои очертания.

До ближайших дувалов осталось всего метров триста, уже прозвучала продублированная командирами групп команда: «Приготовиться к атаке!» Как вдруг над изрытым снарядами кишлаком наступила, сжимающая сердце холодом, тишина. Наша батарея прекратила стрельбу.

Начинало смеркаться. Со стороны расстрелянного кишлака время от времени раздавались гулкие взрывы и в небо взметались облака огня, освещая тревожным светом окрестности...

— Наверное, склады с боеприпасами взрываются, — сказал Игорь Буга. — Бандитское гнездо...

Когда я вернулся на командный пункт бригады, уже совсем стемнело. Старов разговаривал по телефону с офицерами разведотдела армии. До меня долетали отдельные его фразы.

— Да, привет, Петр Григорьевич! Коркишко вышел на обломки вертолета. Позже нашли всех. Очень долго пришлось искать третьего летчика. Да, всего их было трое.

— Разведчики лейтенанта Игоря Дубровы отогнали «духов», пытавшихся захватить летчиков в плен. От летчиков и узнали, что пока еще не найден третий член экипажа, старший лейтенант Головкин Виктор Христофорович, бортовой авиатехник вертолета.

— Нет, сейчас уже найден.

— Полчаса тому назад лейтенант Гопиенко со своей группой наткнулся на него. Рядом лежал полураскрытый купол парашюта. Осмотр тела показал, что парню не повезло — в момент покидания падающей машины его настигла лопасть несущего винта и разрубила в районе таза. Вот так. На войне, как и в жизни, в одной ситуации у каждого своя судьба...

— Да, документы у него обнаружили...

— Передали подполковнику Вариводе...

— Какие, удостоверение офицера и служебный паспорт. По документам — это он — Головка, 1960 года рождения, белорус, родом из города Береза Брестской области. В Вооруженных силах с 1979 года. Окончил Кировское военное авиационно-техническое училище. В Афгане прослужил всего два месяца.

— Как ты думаешь? Мой майор Головка загрустил. Все-таки погибший его полный однофамилец, тезка и земляк, — говорит. — Такая наша фамилия несчастливая...

Когда командир бригады положил трубку, я подошел к нему:

— Юрий Тимофеевич, докладываю, у нас все нормально, потерь нет!

Мы не виделись с командиром несколько часов, а я заметил как он осунулся, как под глазами легли тени. На волосах легкой дымкой легла серая пыльца.

— Юрий Тимофеевич! — спросил доверительно я, когда мы остались одни. — Вы получили приказ отставить или сами прекратили атаку? Она была бы бесполезна, кишлаки пусты и, как выяснилось, с утра брошены жителями. Нет там духов!

— Да, я это уже знаю. Вот и решил людьми не рисковать при прочесывании кишлака. Не дай бог подрывы или что-то в этом роде, — ответил Старов. — Главная задача выполнена — район блокирован. Летчиков мы нашли. Я командарму уже доложил...

В эту минуту я остро почувствовал всю глубину личной ответственности комбрига за всех подчиненных ему людей. Конечно, в случае неудачи спросили бы и с меня, его заместителя по политчасти, как это бывало не раз и до и после этого. В критической ситуации на нас двоих легла бы и вся полнота ответственности за ошибки, просчеты и потери. Вплоть до снятия с должности, но, когда он единолично принимал это решение, я в тот момент был в пехотной цепи, наступавшей на мятежный кишлак. А командир бригады, один, взвалил на себя весь груз моральных переживаний: — стрелять не стрелять? Штурмовать или нет? И проявил великую мудрость и мужество, что не махал бездумно шашкой, а прогнозировал возможные последствия своей бесша-

башности. В этом большой командирский талант, который дается не каждому.

Говорят, что на войне все одинаковые — и маршал, и солдат. Это не так. Это перед смертью все одинаковые. А на войне у каждого свой крест, и свой кругозор. Солдат видит войну из своего окопа, взводный с уровня своего подразделения, а комбриг, оперируя еще более широкими понятиями, кроме того, решает и высокие нравственные проблемы.

— Правильный приказ или нет?! — не тебе выбирать.

— Как его выполнить с меньшими потерями? — вот тут надо думать.

Ради справедливости надо сказать, что человеческий фактор в моем комбриге был развит необычайно. Он не был солдафоном, педантично выполняющим приказ. Пожалуй, к Юрию Тимофеевичу в полной мере можно отнести слова из известной газмановской песни:

— Он не делал карьеры на солдатской крови...

В эту минуту я почувствовал еще большее уважение к нему и собственное моральное облегчение. А вместе с ним проснулось и животное чувство голода. Немудрено, ведь почти сутки мы ничего не ели. Как бы угадав мое желание, командир сказал:

— А что-то, комиссар, кушать хочется, не пора ли нам перекусить?

Зашедший начальник разведки бригады, будто услышал наши слова и достал из вещмешка несколько банок тушенки. Ловко вскрыл их финкой. Ей же порубил замерзший хлеб. Мы набросились на незатейливую пищу, чистосердечно считая в тот момент, что ничего вкуснее в жизни не едали.

Наш кормилец Михаил Васильевич Коркишко — разведчик от бога. Мне рассказывали, что перед дембелем со срочной службы в ГСВГ, его, способного сержанта зенитно-ракетного дивизиона, сосватали в Киевское высшее общевойсковое командное училище, где он и стал разведчиком. Через четыре года учебы судьба возвратила его в полубившуюся Германию на должность командира группы в 3-ю гвардейскую обрСпН. Долгих пять лет серьезной боевой учебы пролетели одним мгновением. В 1981 по замене он убыл в Забайкалье, где в течение очередной пятилетки последовательно принимает сначала долгожданную роту, а затем и штаб батальона спецназ. В 1986 переводится начальником штаба баракинского батальона в Афганистане. В 1987 меняет Витю Головку на должности начальника разведки бригады. Михаил был высоким и сильным мужчиной, который, помимо привлекательной для женщин наружности, обладал еще и добрым, деловым нравом. Мы все смело и без натяжки называли его настоящим боевым товарищем.

— Денек выдался памятный! — сказал Миша.

— Да уж эти кишлаки, которые мы раздолбали, точно помнит будем всю жизнь... — ответил я.

— Что-то еще будет? Посмотрим?! — сдержанно сухо ответил Старов.

Таким запомнился мне финал второго дня нашего участия в операции и боевая задача и первый бой.

Нервное напряжение не отпускало нас, поскольку вся окружающая действительность напоминала о войне. Тишины и покоя не было — земля непрерывно дрожала от грохота артиллерийской канонады. Стреляли наши и афганские дивизионы. Над горами, справа от Сатыкандава, висели осветительные бомбы, и от этого в том районе было светло, как днем. То и дело грохотали мощные взрывы от бомбоштурмовых ударов авиации. Кстати, и в последующие дни эта артиллерийская какофония сопровождала нашу жизнь круглыми сутками. За время боевых действий мы настолько привыкли к этому шуму, что могли спокойно спать только тогда, когда стреляла артиллерия, и как живая дрожала и вибрировала под нами земля...

Припоминаю, как однажды ночью, нас с командиром охватило беспокойство, близкое к состоянию испуга или даже шока, когда перерыв между залпами реактивной и ствольной артиллерии оказался длиннее, чем обычно. Мы, сонные, одновременно подпрыгнули и, на ходу одеваясь, бросились на ЦБУ к майору Куфтину.

— Александр Николаевич, что произошло?

— Почему наступила тишина?

— Почему не стреляет артиллерия?

В Афганистане артиллеристов справедливо называли настоящими «тружениками» войны. Потаскайте тоннами снаряды к орудиям, не поспите сутками...

Все имели минуты расслабления, но только не боги войны. У них были плановые и неплановые цели, им сообщали координаты разведчики всех родов войск, в том числе и наш спецназ. И реакция на запросы должна была быть быстрой, точной и адекватной запрашиваемой помощи...

Как уже упоминалось выше, 40-я армия участвовала в операции силами частей 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка, 191-го отдельного мотострелкового полка, 45-го отдельного инженерно-саперного полка, а также рядом других частей и подразделений. Для выполнения боевых задач привлекались авиачасти и эскадрильи с территории Союза. В частности, боевые задачи выполняла бомбардировочная дивизия из Таргу, которой командовал в то время один из лучших летчиков ВВС

СССР генерал-майор Д. Дудаев (ставший впоследствии первым президентом Чечни).

Для обеспечения боевых действий активно использовалась агентурная и специальная разведка, которую представляла и наша бригада.

Сколько же нас было? От 15-й обрСпН были выделены:

— оперативная группа штаба бригады (всего 30 человек), во главе с командиром полковником Ю. Старовым;

— подразделение отряда спецрадиосвязи, прапорщики Олег Непукой и Пудиновский с дюжиной бойцов (станция тропосферной связи Р412А, КШМ-142), под общим командованием незаменимого и толкового начальника связи бригады подполковника А. Муратова;

— 668-й ооСпН, под руководством майора А. Корчагина, в количестве 365 человек (из боевой техники имевший 18 — БТР, 9 — БМП, 1 — БРМ, 2 — «Шилки», приданный взвод артиллерии, вооруженный гаубицами Д-30. Временно обязанности замполита отряда исполнял прикомандированный офицер политотдела бригады капитан Г. Ганчар, назначенный мной, в связи с отсутствием штатного замполита, убитого в отпуск;

— 334-й ооСпН в составе двух рот, всего более 250 человек. Обязанности командира батальона исполнял опытный разведчик первый заместитель командира отряда майор В. Дмитрук, так как командир отряда подполковник Гилуч в этот момент находился в плановом отпуске в Пскове. Замполит батальона капитан Нимко, начальник штаба майор Качура.

Всего наша бригада на операцию «Магистраль» сумела выделить более 30 разведорганов (восемь штатных рот спецназа и три отдельных взвода), что, как показало время, позволило успешно выполнить поставленные перед нами задачи.

Бок о бок с советскими частями боевые задачи выполняли и «зеленые». В предгорьях и ущельях изготовились к сражениям республиканские 8-я, 11-я, 12-я, 14-я и 25-я пехотные дивизии, 15-я танковая бригада и несколько подразделений специального назначения. Кроме того, группировку усиливали 10 батальонов афганской милиции (Царандоя) и госбезопасности (ХАДа).

Во второй половине третьего дня нашего пребывания на операции с большим опозданием подошла колонна из Асадабада. С приходом 5-го батальона саперами Корчагина уже была проведена инженерная разведка местности в районе крепости и кладбища Джадранкала, выбранным комбригом под дислокацию штаба бригады и асадабадцев.

Предусмотрительность и осторожность командира бригады была вознаграждена — саперы сняли с десятков мин. Особенно отличился один сапер из роты минирования. К сожалению, память не сохранила его фамилию, но его работа была отмечена в историческом формуляре

бригады. Солдат являлся собаководом и его овчарка по кличке Геза входила в число лучших минно-поисковых собак. Более чем за год боевой работы Геза не ошиблась ни разу. Именно тогда, на операции «Магистраль» я открыл для себя, что боевая служба у собак рот минирования очень трудна. Непосвященному неизвестно, что горький запах тола притупляет, убивает обоняние, и чем оно тоньше, тем быстрее происходит губительный процесс. Запах тола разъедает легкие животного, но это не влияет на поиски мин, а со временем сказывается только на здоровье собаки. Помня об этом, саперы берегли собак. Особенно трепетно о них заботился начальник инженерной службы отряда капитан Владимир Николаевич Гореница.

— Собаке разрешается работать не более двух часов в день, — пояснял он мне, — потом обязательно должен быть отдых. В жаркую погоду, когда запах тротила становится особенно острым и вредным, собаку лучше вообще не выводить на поиск.

— Но ведь работать-то надо?

— Мне их очень жалко, я ведь разумом все понимаю, что они ведь тоже на войне и мое чувство жалости — неуместное чувство. Однако люблю их и жалею, — пояснял Гореница.

Доброе сердце полковника Гореницы Владимира Николаевича перестало биться в неполные 50 лет. Смерть настигла его в Краснодаре 25 июня 2005 г. К этому времени, помимо Афганистана, он прошел все горячие точки СССР и несколько раз выполнял боевые задачи в Чечне.

Рано утром следующего дня из разведотдела армии поступило распоряжение силами группы спецназ провести разведку в районе высоты 2473, что находилась в пяти километрах северо-восточнее места дислокации полевого командного пункта армии. По мнению разведчиков, именно с этой двугорбой возвышенности, напоминающей наш кавказский Эльбрус, кочующие огневые точки противника стреляли по КП армии. Тактика действий была несложной — подвижные группы душманов на ишаках поднимали на господствующие высоты реактивные снаряды, разворачивали огневые позиции на седловине, производили пуски и уходили.

Район боевых действий был настолько велик, что нашими силами все преобладающие высоты невозможно было охватить, поскольку войска уже ушли вперед, к Хосту. Захватом перевала Сатыкандав (высотой около трех тысяч метров) советское руководство обеспечивало продвижение войск и надежное блокирование дороги Гардез — Хост.

А охрана КП армии оказалась недостаточной, так как войск не было. Получилось, что небольшие подразделения занимали отдельные высоты, лощины и перевалы, но оставляли без прикрытия соседние высоты. Это давало возможность противнику просачиваться в тыл советских и афганских войск и занимать господствующие высоты, а за-

тем с выгодных позиций фланкирующим огнем наносить поражение нашим войскам. Вот почему ключевые высоты в районе КП армии оказались не занятыми и не укрепленными.

Начальник оперативного отдела армии полковник Турлайс, выполнявший в ходе операции и роль начальника штаба оперативной группы, поставил задачу комбригу:

— Выслать группы спецназ для разведки противника на все господствующие высоты. Проверить их на предмет возможного использования для обстрела пункта постоянной дислокации КП армии. Заминировать возможные пути подхода к вершинам и обеспечить безопасность воинских частей и командного пункта.

Для выполнения этой задачи от батальона Корчагина были направлены несколько групп. С одной из них пошел я. Старший лейтенант Роберт Яшин был опытным разведчиком. Мне очень нравился этот разумный, взвешенный офицер, пользующийся репутацией доброжелательного и смелого человека. Кстати, впоследствии в 2005 году он вместе с полковником Владимиром Квачковым, будет арестован якобы за попытку покушения на самую одиозную фигуру российского бизнеса Анатолия Чубайса.

Выехав из расположения батальона на рассвете, мы благополучно на двух бэмпэшках прибыли к подножью горы. Яшин, с командиром бронегруппы лейтенантом Тесля, согласовал вопросы прикрытия огнем и секторы его ведения. Повторили сигналы и дополнительные частоты связи. Бронемашины, подняв стволы пушек, заняли боевые позиции, даже механики-водители, сев на броню, взяв бинокли, стали рассматривать склон, по которому должны были подниматься их товарищи. Группа вытянулась в длинную гусеницу и пошла в неизвестность...

Внимательно осматривая местность и тропу перед собой, впереди шли три разведчика, составляющие головной дозор. За ними на удалении в сотню метров двигалось ядро группы. Разведчики шли в колонну по одному на расстоянии два-три метра друг от друга. Все это делалось для того, чтобы в случае внезапного обстрела противником одной пулеметной очередью либо взрывом гранаты или мины пострадавших было как можно меньше.

После того как мы вышли из зоны видимости и сектора возможной поддержки огнем бронегруппой, отстав от основной группы, на расстоянии ста метров пошел тыловой дозор, который тоже вел разведку и следил за обстановкой в тылу. Поднимались перекатами, поскольку в этих условиях одновременного подъема, невозможно было заранее захватить господствующие высоты и выставить пулеметчиков для прикрытия группы в ходе ее движения. Это был самый ответственный участок маршрута, ибо разведгруппа более всего подвергается риску

на переходах. На ее пути могут оказаться как одиночные мины, так и целые минные поля. Разведчиков может ожидать засада, и неминуемая смерть многих, если головной дозор вовремя не выявит противника.

Только получив доклад дозора о благополучном подъеме на вершину и готовности к страховке, следом энергично стали подниматься остальные. Подъем был достаточно крутым, поэтому людям, у которых за плечами большое количество боеприпасов, мин, средств взрывания, взрывчатки и другой инженерной премудрости, пришлось трудно. Буквально выползая на вершину, все валились на землю и несколько минут отдыхали, тяжело дыша, молча как рыбы открывая рты.

— Бабенко, хватит лежать! Давай со своими орлами обследуй вершину и проведи разведку на предмет наличия минно-взрывных заграждений, — привел всех в чувство голос командира группы.

Саперы из роты минирования, оставив свои рюкзаки, начали неспешную работу.

Проверив с помощью шомпола, не заминирован ли оборудованный кем-то на вершине окоп, они махнули нам рукой и мы устроили в нем свой командно-наблюдательный пункт. Огляделись.

Пустынный высокогорный мир открывался по обе стороны долины. Тянулись бесконечные цепи гор и вершин, поднимаясь в небесную синь и сверкая своими макушками в солнечном сиянии. До 3500 — 4000 метров в высоту поднимались мощные горные массивы, вписываясь в небо своими зубцами, обрывами и скалами. А где-то там, на востоке, за ними располагался Хост.

Для обеспечения безопасности на всех трех господствующих высотах залегли наблюдатели с пулеметчиками. Все было тихо. Саперы мирно копались среди больших валунов и камней, обращая особое внимание на явные места недавнего пребывания моджахедов. Об их пребывании здесь свидетельствовали СПСы (*стрелково-пулеметные сооружения — от автора*), брошенная бухта проводов для пуска стартовых двигателей реактивных снарядов, три примитивных деревянных станка, с которых пускались эти РС, горстка стреляных гильз от английского карабина «Бур-300», растяжка с гранатой Ф-1, обезвреженная саперами, да еще свежий навоз. Однако явного противника вблизи, к счастью, не просматривалось...

Высота и хребет, уходящий на юго-запад, были чисты. «Духи» скорее всего вычислили наши маневры на подходе и ретировались по руслу высохшего ручья вниз по противоположному склону хребта. Закрепившись на вершине, командир группы и шесть разведчиков начали спускаться по вероятному маршруту ушедших моджахедов. Мы шли осторожно по естественной тропке, проложенной природными силами, среди беспорядочного нагромождения камней. Когда тропа стала делиться на несколько распадков, мы остановились.

— Саперов со всем арсеналом ко мне, — передал Роберт по радиации на вершину.

Тяжело топая, как бегемоты, с горы скатились четверо бойцов из роты минирования, груженные мешками и ящиками с инженерным имуществом.

— Слушай боевой приказ, — сказал Яшин, — на этом месте и выше тридцать метров по склону, производим комбинированное минирование местности. Это самые лучшие подходы к вершине. Вот здесь ставьте мину МОН-50, — показал командир группы, — с направлением в эту расщелину. Растяжку натягиваем на высоте 15 см. ОЗМ-4 выставим вот на этом рубеже. Под центральную мину вот сюда, — показал он, — заложите мину-сюрприз разгрузочного действия.

Минеры достали инженерные средства различного назначения: мины МОНки, ОЗМки, МСки, взрыватели МУВ-3, детонаторы МД-5, кронштейны, растяжки. Аккуратно разложили на ровной площадке и спокойно и деловито начали собирать конструкции и минировать тропу. Командир контролировал их работу. Последовательно поднимаясь к вершине, группа оставила после себя несколько рубежей сложного минирования.

Когда все разведчики собрались на вершине, Яшин, укрывшийся в СПСе, еще раз долго разглядывал в бинокль местность вокруг нас. С высоты видно было очень далеко. В северо-западном ущелье хорошо просматривались кунги, машины связи, антенны, палатки, бронетехника и автомобили штаба армии. Наше минирование в определенной степени должно было сбить охоту у моджахедов лазить в этих горах.

— У нас остались мины? — спросил он у командира отделения из 4 роты. — Минируйте вершину и все СПСы, мы сюда уже не придем.

Определив порядок отхода и прикрытия спускающейся группы, Яшин дал команду на начало спуска к подножью горы, к бронегруппе.

Спускаться с вершины оказалось делом не таким простым, как это может показаться. Но с матом и синяками, полученными от падающих камней, разведчики благополучно скатились вниз. Их потные и грязные физиономии излучали радость и чувство удовлетворения от успешно выполненной боевой задачи. Невольно у бойцов бронегруппы родилось и тут же улетучилось чувство некоторой зависти к этим парням, что ходили в горы. Разведчики отряхивались от пыли и с удовольствием расслаживались на броне. Колонна тронулась. Отъехав метров на пятьсот, Яшин развернул бээмпэшку и сказал, обращаясь ко мне:

— Что, обрабатываем на всякий случай вершину, товарищ подполковник!

— Давай, не повредит.

— По вершине десять снарядов беглый огонь!

Ударил 30 мм пушка БМП (2А42) по горной складке, что была несколько ниже вершины и прикрывала бывшую огневую позицию «духов». Фонтанчики разрывов подняли пылевую завесу, а когда стрельба прекратилась, неожиданно до нашего уха отчетливо долетел звук одиночного взрыва. Трудно было определить, где именно он произошел, но эхо опять повторило его реальность.

— Это не душманы ли на нашей мине подорвались? — спросил волгоградец рядовой Александр Бабенко.

— Вполне возможно. Значит, они были совсем рядом с нами, — ответил взводный. — Ну, б... дела. Хорошо хоть не обстреляли.

Уже смеркалось, когда мы вернулись в ППД батальона. За один световой день лагерь заметно изменил свои очертания. Кругом продолжала кипеть работа — рылись землянки, огневые позиции для гаубиц, капониры для машин командного пункта батальона, натягивали ограждения автопарка, из камней выложили прямую линию, означающую место построения подразделений на плацу, установили шлагбаум при въезде в батальон со стороны дороги Гардез — Хост... Активно велась инженерная разведка.

К исходу вторых суток площадка в районе высоты 2532 была досконально проверена саперами. Тщательно были обследованы и развалины небольшого кишлака, отмеченного на карте как кладбище Джадранкала. «Кала» в переводе с пушту означает крепость. И действительно, этот кишлачок напоминал крепостной бастион. Высокие неприступные стены с бойницами только отдаленно напоминали обычные жилые дувалы. Джадранкала по решению комбрига стала штабом бригады. За стены этого азиатского сооружения загнали часть машин связи и два штабных кунга, а также оборудовали огневые позиции и посты охранения комендантского взвода. За дувалами установили палатку, в которой развернули центр боевого управления бригады (ЦБУ). В жилых и подсобных помещениях крепости Джадранкала оборудовали спальные места для солдат комендантского взвода штаба бригады. На этом месте и располагалась оперативная группа штаба бригады с 20 декабря 1987 г. по 22 января 1988 г.

В трехстах метрах юго-западнее штаба бригады на ровной площадке развернули полевой городок 334-го отряда. Личный состав рот батальона зарылся в землю в течение одного дня. Землянки, прикрытые сверху брезентом, стали незатейливым домом для разведчиков. На поверхности у входа в землянки круглосуточно дежурили дневальные в полном боевом облачении, включающем каски и бронжилеты. Полевой лагерь выглядел пустынно, так как большая часть личного состава рот основное время проводила в горах — в засадах и на постах наблюдения.

668-й отряд дислоцировался в километре восточнее от

334-го ооСпН, в таких же полевых условиях, на противоположном юго-восточном гребне высоты 2530, в ложине. Такие же землянки, прикрытые брезентом, автопарк под открытым небом, капонир приданного от 56-й одшбр артиллерийского взвода гаубиц Д-30.

Не сразу, а в ходе обустройства, в центре полевого лагеря обнаружили выход на поверхность глубокого кяриза, который стали использовать как помойку для сброса мусора. За месяц этот кяриз был забит отходами под завязку.

Таким образом, наш полевой быт был весьма незатейливым: спали в вырытых в каменном грунте землянках, не снимая обмундирования, бок о бок, на деревянных нарах.

Через неделю боевых действий появились дополнительные трудности — началась борьба с педикулезом. После первых выходов на боевые задания у отдельных солдат появились вши, которые из-за большой скученности личного состава быстро распространились почти на всех. Это явление до сих пор мало изучено наукой. От переживаний и страха, сопутствующего бойцам, вдруг появляются эти пакостные насекомые...

Хотя приказом командующего по тыловому обеспечению предусматривалось для организации помывки личного состава в каждом полку иметь ДДА и комплект белья на 100%. У нас ДДА не было по штату. Комбриг обратился к заместителю руководителя боевых действий генералу Н.П.Пищеву и он оперативно решил вопрос об обеспечении нас соответствующими установками. Люди были помывты, но это все равно кардинально не решало вопроса. Поэтому Старов приказал строить свои стационарные полевые бани. Используя для этого дувалы, развалины крепости Джадранкала, а в 4 батальоне рыть специальный котлован — землянку под баню.

В ходе строительства понадобилась техника, и для этих целей при поддержке начальника инженерной службы армии полковника Поварчука нам перегнали трактор с ковшом. Землеройная техника 45-го инженерного полка в течение дня вырыла котлован под землянку. Местные умельцы обшили ее стены досками от снарядных ящиков. На бревна положили потолок. Из камней, обмазанных глиной, сделали кожух для буржуйки. В бане была даже предусмотрена небольшая парилочка, вход в которую прикрыли плотным байковым одеялом. Рядом с баней установили большую емкость с водой, форсунку для ее нагрева, и система заработала. Как говорится в народе, дым стоял коромыслом. С удовольствием в этой бане помывлся весь личный состав батальона. Много ли надо солдату для полного счастья. После помывки сразу поднялось настроение, люди заулыбались, посылались шутки и бодрый смех. Не стали исключением и мы с командиром бригады — мы с ним тоже спустились в баню, где с большим удовольствием отмыли

вьевшуюся грязь. Баня хотя и была примитивной, но функционировала как надо.

Для того, чтобы легче было соблюдать гигиену, все коротко подстриглись. Здесь уж было не до красоты. Да и, пожалуй, в этот момент у нас у всех в голове были другие эстетические понятия. И комбриг, и солдаты имели совершенно одинаковые прически под ноль, которые творили нам «самородки из народа». Этот солдатский быт как-то еще более сближал нас друг с другом.

Нельзя не отметить, что в боевой повседневной работе и полевой жизни шло незримое соперничество между командованием асадабадцами и баракинцами. И, если быть объективными, чаще всего победителями выходили подразделения баракинцев.

Этому было и объяснение: они имели возможность больше захватить с собой строительных материалов и имущества. А 5 батальон совершил очень длинный марш из Кунара. Поэтому брали только необходимое. Даже необъявленный конкурс банных инженерных сооружений признал более удачной конструкцию Анатолия Васильевича Корчагина. Котлованная система позволяла эффективнее сохранять тепло внутри бани, чем в сооружении, сотворенном в развалинах крепости асадабадцами.

В начале января, согласно плану командарма, в район Хоста был высажен десант в составе одного советского мотострелкового батальона, двух групп спецназ нашей бригады и бригады афганских командосов всего в количестве более трех сотен человек. Таким образом, были созданы достаточно выгодные условия для продвижения навстречу друг другу наших и республиканских войск и окружения бандформирований, противодействующих наступлению наших войск.

Действовавшие по направлению от Гардеза к Хосту части советских войск последовательно захватывали господствующие высоты вдоль дороги и, освобождая территорию, тут же брали трассу под свою охрану.

Однако противник и не думал сдаваться или рассеиваться в горах. Военнизированная часть племени джадран продолжала упорное сопротивление. Душманы вели прицельный огонь по артиллерийским позициям советских войск и даже по командному пункту армии.

С целью обеспечения безопасности КП армии 15 обрСпН была поставлена задача захватить господствующие высоты в указанном районе. Сдержанный прибалт полковник Дайнис Антонович Турлайс, конкретизировал задачу: в последующем вести разведку действий моджахедов, а в случае обнаружения и выдвижения банд в контролируемый район, уничтожать огнем приданной артиллерии, бомбоштурмовыми ударами авиации, а также огнем стрелкового оружия из засад.

В ходе этих боев нашими войсками был сначала блокирован, а

потом и уничтожен базовый район Срана, который находился чуть южнее перевала Сатыкандав, ближе к Хосту.

В этих местах состоялись жесткие боевые столкновения. На первых порах десантники 345 опдп прикрывали действия саперов 45-го полка, а затем прохождение колонн с грузом. Обеспечивая безопасность сверху. А в ночь с 7 на 8 января моджахеды несколько раз поднялись в атаку для того, чтобы отбить высоту у обороняющихся. В ходе этих боев «востротинцы» потеряли шесть человек убитыми, но держали оборону прочно. Никто не дрогнул и не покинул поле боя.

Успех операции по проводке колонн в Хост во многом зависел от саперов. Дорога на Хост была сплошным минным полем, ее перегородили завалы из щебня и скальных глыб. Согласно донесению, только в один из декабрьских дней на подступах к перевалу саперам удалось пройти 1800 метров. Обезвредить: мин противопехотных — 64, противотанковых — 126, фугасов — 32.

По несколько раз в день подрывались боевые машины разминирования, по саперам моджахеды били «эресами». Но люди шли, и за ними шла колонна. Когда саперное подразделение Владимира Козловского, которое продвигалось от Хоста, встретилось с подразделением Олега Бота, им даже не пришлось докладывать своему командиру Юрию Проворову, что задача выполнена. Об этом все узнали и так: встреча вышла шумной — с трассерами в небо, салютом сигнальных мин. На это мальчишество командарм не сердился. Это был, по сути, финал боевой части Хостинской операции.

30 декабря, за сутки до начала нового года, саперы 45-го исп подполковника Геннадия Белоуса полностью очистили дорогу от мин, фугасов и завалов. Полковник Поварчук тут же доложил командующему о готовности полотна дороги к пуску по ней первых колонн с продовольствием.

В своей рабочей тетради он записал: *«Саперы армии проверили на наличие МВЗ — 570 км дорог; 30 квадратных км местности. Обнаружили и уничтожили ПТМ — 667 штук; ППМ — 36 штук; фугасов — 207 штук. Была проведена громадная работа и по восстановлению дороги общей протяженностью 18,5 км. Солдатскими руками построено 8 мостов, открыто 176 укрытий для техники и 208 для личного состава, установлен 31 узел заграждения».*

Впоследствии за умелое руководство саперными частями в ходе операции начальник инженерных войск Тарас Поварчук был награжден орденом Красного Знамени.

С того самого часа из Гардеза в город Хост ежедневно уходили по 2 — 3 колонны. К 19 января завоз был завершен. Последняя порожняя колонна вернулась из деблокированного города. За это время, по докладу начальника тыла, водители армии перевезли более 24 тыс.

тонн различных грузов. В основном это было продовольствие и горючее.

Почти три недели советские войска стояли на «блоках» вдоль дороги, охраняя проходящие колонны. Все это время наши воины-спецназовцы выполняли боевые задачи по разведке и уничтожению противника в полном отрыве от основных войск, на господствующих высотах, превышающих 3000 метров. Это было очень нелегкое дело.

26 декабря из «Шоколадного города», так мы здесь называли между собой Джелалабад, пришла первая колонна с продуктами и бельем. Ее возглавлял лично замкомбрига — начальник тыла Серзин. Игорь привез с собой письма и газеты, накопившиеся в наше отсутствие. Как только их раздали, наш полевой лагерь на глазах опустел. Все военнослужащие расплозились по укромным уголкам лагеря и крепости читать полученные весточки из дома.

Мы пытались разнообразить скромный полевой быт и досуг наших частей. Так, например, политработники 4-го батальона вывезли с собой все необходимое для организации отдыха. Неплохо работал радиоузел, два стареньких телевизора, способных принимать теле-сигнал из Союза от ретранслятора. По три раза в неделю полевые клубы крутили под открытым небом художественные фильмы, которые бойцы смотрели стоя, так как не сиделось от холода. И независимо от содержания картины все солдаты и офицеры смотрели их незатейливые сюжеты, на мгновения отвлекаясь от просмотра на огненные хвосты реактивных снарядов, срывающихся с направляющих с недалеко расположенных огневых позиций. Эти кинопросмотры хоть и не долго, но вырывали людей из обстановки окружающей нас войны и снимали психологическое напряжение. Они как бы напоминали, что все проходящее скоро кончится, война не вечна.

В эти минуты как никогда была высока роль политработы. Мне в той обстановке не раз и не два приходилось наставлять своих молодых коллег, не скатываться на позиции дублирования командиров. Понятно, что политработник в боевой обстановке делает то же, что и командир-единоначальник, но, когда появляется минута и командир отдыхает, комиссар должен делать свою работу, которую никто, кроме него, делать не будет.

Немаловажную роль в боевом становлении 193 молодых солдат, впервые участвующих в боевых действиях, играло организованное в ротах соревнование среди боевых троек. Система работы по сплочению коллективов и передаче боевого опыта называлась «боевым наставничеством». Суть которого сводилась к тому, что за опытными бойцами закреплялись новички, которые учились боевой специальности непрерывно. Боевой наставник — должен был быть примером для лич-

ного состава. В помощь активу политотделом бригады была разработана «Памятка боевому наставнику», в которой было сказано:

«1. Помни, что доверенный тебе молодой воин — твой младший товарищ, с которым ты делишь все радости и тяготы службы на войне.

2. Не забывай, что и ты был молодым солдатом и настоящим специалистом ты стал не сразу.

3. Повседневно учи его науке побеждать, мастерски владеть оружием и техникой. Передавай ему свой боевой опыт.

4. Готовь его психологически и физически к преодолению трудностей. Разъясняй, солдатский труд — трудный, но на нас смотрит Родина, и все трудности сообща мы преодолеем вместе.

5. Будь сам образцом в учебе и бою, учи молодого солдата по принципу — делай как я!

6. Сам погибай, а товарища выручай!

7. Относись к молодому солдату так, как будто это твой младший брат. Воплоти в нем свои лучшие моральные и боевые качества, и ты увидишь плоды своего труда!»

В результате такой опеки, действительно, среди молодежи вскоре появились талантливые ребята, буквально на лету схватывавшие премудрости работы разведчика. К концу операции командиры подразделений с гордостью представили к награждению медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 23, наиболее отличившихся молодых солдат и сержантов.

Укрепляли коллективы и молодые коммунисты, которых старались равномерно распределять по боевым подгруппам для обеспечения боеспособности и дисциплины. Согласно постановлению ЦК КПСС от 25.05.1982 г. «О порядке приема в партию военнослужащих и создании партийных комиссий при политорганах Ограниченного контингента советских войск в Афганистане» ежегодно в нашей бригаде принималось в партию от 100 до 120 солдат и офицеров. За месяц же этой операции, по докладам партийных секретарей Берзина Ю.В. и Машонкина М.А., им было подано более 30 заявлений о приеме кандидатами в члены КПСС. Явно ощущался эмоциональный подъем настроения у личного состава. Как шутливо говорили командиры подразделений:

— «Полиморсос»¹ нормальный!

Для улучшения полевого быта командиры и политработники, опираясь на комсомольский актив, провели конкурс «На лучшую землянку».

В состав комиссии вошли солдаты и сержанты из обоих батальонов. Пропаганда передовиков подстегивала отстающих. Этому способствовала и наглядная агитация. Которая, помимо обычных боевых ли-

¹ Политико-моральное состояние — принятое морское бытовое сокращение при докладах на флоте.

стков, представлялась разнообразными стенными газетами, сатирическими бюллетенями и фотогазетами. Помимо информационной части в них было достаточно едкой критики фактов ротозейства, неряшливости, забывчивости, потери имущества (ложек, котелков, ремней, рукавиц и прочего). Хотя и созданы они были в примитивных полевых условиях, но оформлялись солдатами и сержантами с большим вкусом. Более того, сопровождалась стихами и эпиграммами, написанными самими офицерами и солдатским активом, порой весьма талантливо. У этих стендов с материалами всегда толпились бойцы, и их просмотр сопровождал здоровый гомерический смех, а где эмоции, там всегда ненавязчивое воспитание. Кстати, следует сказать, что в конкурсе стенной наглядной агитации победили комсомольцы роты минирования, где замполитом был старший лейтенант Галаганюк С.В. (Впоследствии он был ранен). На зависть остальным его саперы получили главный приз — ящик стуженного молока и три килограмма конфет. Лучшей ротной походной ленинской комнатой была признана удобная разборная и содержательная конструкция, исполненная умельцами под руководством замполита роты МТО старшего лейтенанта Яцуты В.В.

Формам и методам творческой работы в полевых условиях приходилось учить молодых коллег-политработников на примерах передовиков. Так один из них, выпускник Свердловского высшего военно-политического училища замполит 3 роты спецназ старший лейтенант Быков Н.В. в перерывах между боевыми выходами умудрился подготовить отличную концертную программу, которую с большим интересом посмотрели и в соседнем братском 334 отряде. На достаточно высоком уровне прошли в ротах спецназ, где замполитами были лейтенанты Никокошев В.В. и Карлов А.В. тематические утренники и беседы на темы: «О героях разведчиках Великой Отечественной войны» и «25-летию создания родной бригады посвящается».

К сожалению, отмечались случаи, когда отдельные политработники тяготились своих уставных обязанностей. Приходилось их поправлять. В частности, замполитов рот — бесстрашного холерика, моего любимца, Садовникова М.И., или хладнокровных лейтенанта Цигорева В.В. и капитана Голубева С.А. — более склонных к действиям в составе групп спецназ. Мне пришлось жестко принуждать их заниматься рутинной воспитательной работой с личным составом в полевом лагере. Лично контролировать их деятельность и осуществлять подробные ежедневные разборы, внушая при этом:

— У тебя не одна группа, ты отвечаешь за целую роту. А с остальным личным составом кто работать будет?

Скажу откровенно, что меня первоначально очень напрягал секретарь комсомольской организации 5 батальона старший лейтенант А.Самойленко. Однако понаблюдав за ним, я изменил первоначальное

мнение. Как оказалось, он по складу своего характера тоже не мог усидеть в лагере. Пользуясь любой вакансией, он выходил в горы на боевые, а позднее десантировался под Хост.

— Ну, как ругать такого помощника? Ведь не бездельник. И уходит не на прогулки, а на опасную и тяжелую физическую работу, демонстрируя личное мужество. Но все-таки «выловил» комсорга и сдержанно, но жестко «вздрычил» за то, что тот запустил свой участок работы. Ведь кроме политработников, никто это дело не сделает... Он потом долго пыхтел — выполняя мое задание: восстанавливал и записывал для исторического формуляра батальона примеры мужества разведчиков, проявленные за прошедшие недели операции. Иначе завтра в текучке боев и новых впечатлений многие мелочи были бы просто забыты... Спросил я с него и за работу с активом?!

Я внушал политработникам на совещаниях:

— Политработник — летописец истории. Ему по долгу положено знать людей, уметь находить подход к каждому. Кого поддержать добрым словом, а с кого спросить за нерадивость. Находить время для писем родителям отличившегося воина. Оставлять для истории записи о мужестве, о подвигах, о славном и героическом... Пройдет немного времени и все, чем мы сейчас живем уйдет в прошлое, как вода в песок, даже не оставит и следа...

Ориентируясь на работу фронтовых политработников, мы практиковали отправку писем родителям отличившихся воинов. Один из таких героев, получивших ранение, оказался земляком моей жены Галины. Я сфотографировал Павла Рыбина и фотографию отправил вместе с письмом в редакцию газеты города Кушвы, где жили родители Павла. Вскоре получил письмо от горкома КПСС, к которому была приложена газетная публикация «Кушвинского рабочего» от 21.06.1988 г. Впоследствии, вернувшегося из Афгана домой Рыбина, городские власти встретили как почетного гражданина и вне очереди предоставили отдельную однокомнатную квартиру в престижном доме...

Вот и знай, как наше слово отзовется...

В целом же организация политической работы во время операции стала подлинной школой для политработников, всего партийно-комсомольского актива. Как следствие этой работы мы рассматривали массовое мужество и героизм военнослужащих бригады. Солдатская работа всегда трудна, но в тех горных условиях она была особенно тяжелой. Нечеловеческие усилия приходилось прилагать для выхода в районы разведки. Разведчики поднимались в горы с грузом в 40 — 45 кг на высоты, значительно превышающие 3000 метров, выходили в указанные им районы и сутками мерзли на каменных, продуваемых всеми ветрами площадках, ведя разведку и ожидая противника. За афганскую войну нашей бригаде несколько раз пришлось воевать в ус-

ловиях высокогорья. Однако в описываемый период ветеранов-альпинистов в строю уже никого не осталось. Вспоминая свою лейтенантскую юность с собственным небольшим чимганским опытом, я с недоумением отмечал, что обеспечение частей вышедших на афганские трех- и четырехтысячники было, мягко говоря, недостаточным. Наши части были не полностью снабжены специальным горным снаряжением и оружием. Да, действительно, в экипировку личного состава нашей бригады входили удобные горные брезентовые куртки с капюшоном, брюки и свитера, ватные спальные мешки, темные очки. Да, действительно, наши военнослужащие, идущие в горы, обеспечивались высококалорийным питанием — горным пайком. Однако ни палаток, ни походных спиртовых индивидуальных кухонь и примусов, ни меховых жилетов и носков, шерстяных и кожаных перчаток, ни подшитых валенок, ни горных ботинок, положенных горным стрелкам, мы не получали. Выходя на задания, разведчики не имели элементарных снегоступов, скальных молотков, лавинных шнуров, ледорубов, десятизубых «кошек», веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горнолыжных ботинок и лыж, горных спасательных средств.

Мне могут сказать, что горы в районе боев не были такими сложными, как это могло быть на подобных высотах в Тянь-Шане или Гималаях. Но сложность подъема в горах провинции Пактия определялась и оценивалась связкой бойцов-разведчиков, идущих в горы, а не тыловыми службами, беспечно пьющими чай в автомобильных кунгах. Да, наверное, несправедливо их обвинять в этом. Вопросы обеспечения войск решались в Москве. И делалось это часто с большим опозданием.

Добрым словом хочу вспомнить представителей медслужбы обоих батальонов, которые регулярно проверяли состояние здоровья личного состава, наличие у бойцов промедола, индивидуальных перевязочных пакетов и резиновых жгутов. Многократно проводили занятия и беседы по приемам оказания первой помощи раненому товарищу, а также при обморожениях, что было достаточно актуальным.

Невольно вспоминаю очень холодные дни и ночи, когда 513 группа вышла в эфир с сигналом «SOS». Люди попросту замерзли. Учитывая это, комбриг принял решение сократить пребывание разведгрупп в горах с шести до трех суток, поскольку среди разведчиков начались простудные заболевания и обморожения.

Не избежал простуды в это время и я. А получилось это очень буднично. Однажды вечером с перевала Сатыкандав спустился начальник разведки бригады, где он проводил рекогносцировку местности перед отправкой групп. Докладывая командиру о трудностях выхода групп пятого батальона в район разведки, он охарактеризовал боевую

обстановку и географию маршрута вывода. В качестве одного из практических выводов сформулировал мысль:

— С целью сохранения физических сил бойцов предлагаю для облегчения подъема разведгрупп в горы — выделять дополнительно личный состав в качестве носильщиков грузов, как это принято в Гималаях, на Памире и уже практиковалось на Гиндукуше.

Обдумав это предложение, комбриг Старов согласился:

— Хорошо, так и сделаем. Впредь в приказах назначать основную разведывательную группу и дежурную группу для ее вывода в район разведки на перевал.

Поддерживая мнение командира, я утром следующего дня вышел с очередной дежурной группой на задание. Рассветало, перед землянками роты пятого батальона началась подготовка к выходу на боевое задание группы старшего лейтенанта Александра Бирюкова. Разведчики снаряжали магазины, укладывали рюкзаки, потрошили сухие пайки, распределяли пулеметные ленты, гранаты подствольников и патроны россыпью. Большую часть грузов распределяли на личный состав дежурной группы, выполняющих задачи носильщиков. Всего разведчиков вместе с дежурной группой, которых возглавил я, набралось более тридцати человек.

Я присматривался к Бирюкову, о котором слышал, что он уже перенес ранение, награжден медалью «За отвагу». Мне говорили, что это опытный офицер, за полтора года службы в ДРА прошел многими тропами в провинциях Кунар, Нангархар, Кабул. Познакомившись с ним, я с удовлетворением отметил, что он произвел на меня самое приятное впечатление.

Часам к девяти утра подготовка группы закончилась. Все выходящие на задание были одинаково вооружены, но основной состав группы Бирюкова был освобожден от тяжелых рюкзаков с боезапасом и продовольствием. Разведчики несли только притороченные к РД спальные мешки и свое зимнее ватное обмундирование. Носильщики зимнее обмундирование не одевали, так как им мерзнуть было некогда. Все они были в горных коричневых брезентовых костюмах и свитерах. Нас от мороза должны были спасать энергичные действия по подъему грузов в горы, а после чего стремительный спуск к месту эвакуации, где нас ожидала бронегруппа.

Запрыгнув на броню, я сел в люке старшего, а по бортам и у ствола крупнокалиберного пулемета КПВТ рядом расселись бойцы и носильщики.

Колонна, начав движение по маршруту, предварительно проверенную саперами армии, через час зашла в ущелье под высотой 2996, непосредственно входящей в горный массив перевала Сатыкандав.

В том месте разместилась сторожевая застава 191-го отдельного

мотострелкового полка из Газни. Пехотинцы хорошо знали спецназовцев нашей бригады, дружили с разведчиками 177 отряда «Батьки Блажко», и отнеслись к нам по-родственному. Тем более, что высокий авторитет разведчиков всегда подкреплялся непрерывной боевой работой, из чего и складывались в армейском фольклоре легенды о спецназе ГРУ. Я даже от летчиков порой слышал восторженные отзывы и пожелания по-настоящему повоевать вместе со спецназом. Газнийцы помогли разгрузить бронетранспортеры и с большим сомнением смотрели нам вслед, после того, как весь груз мы взгромоздили на свои заливки и пошли вверх, на перевал.

— Ни хрена себе, вы нагрузились! Как бы пупки не развязались?

— За нас не ссыте, есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! — отвечал за всех острослов ефрейтор Фоменко.

— Всего вам доброго, мужики! — кричали нам вслед на прощание.

На душе у каждого из нас было тревожно и волнительно, но эмоциональное напряжение заменила физическая нагрузка. И хотя погода стояла сумрачная, небо было затянуто серыми тучами и дул сильный северный ветер, наши спины вскоре стали мокрыми, а дыхание прерывисто-поверхностным. Преодолев перепад высоты почти в 400 метров, одолев отдельную отвесную стенку, мы поднялись на высоту 3300 метров. Отдышавшись, уже спокойно пошли в колонну по одному по хребту на север. За спиной у нас остались последние советские посты и застава 3 роты газнийского полка.

В этот момент я вышел на частоту мотострелков и, используя их позывной «Триумф», связался с ними. Буквально после первого запроса услышал в ответ их командира:

— Вас слышу и вижу на хребте. Впереди чисто, счастливого пути! В случае опасности давайте целеуказания — прикроем огнем.

Тропа и местность, открывающаяся вокруг нас, представляла собой интересное зрелище. Все напоминало о недавних горных боях. То и дело нам попадались торчащие из земли корпуса неразорвавшихся мин и реактивных снарядов, при внимательном осмотре земной поверхности под ногами бросались в глаза многочисленные ржавые осколки от взорванных боеприпасов.

— Смотрите себе под ноги. Взрывчатые объекты обходить! Идти след в след, — напомнил я разведчикам, пройдя вдоль колонны.

Через десять километров пешего передвижения по хребту, в районе отметки 2921, мы остановились. Сняли с себя рюкзаки и передали их разведчикам, уходящим на боевое задание. Тепло попрощавшись, мы повернули обратно, а командир группы Бирюков, помахав нам рукой, повел свою группу на север на обозначенную ему приказом горную вершину...

В эти минуты и так-то неудобная погода переменялась на шторм. Налетели черные тучи, которые выбросили мелкий холодный дождь со снегом. Резкий порывистый ветер буквально сбивал разведчиков с ног. Держась друг за друга мы сползали по скользким склонам по еле заметной тропе. В этом аду отчетливо запомнился напряженный момент, когда мы, проходя по местам недавних боев с моджахедами, увидели противника.

— Внимание! Опасность, — подал знак разведчик рядовой Сергей Яковлев.

Прямо над тропой на гребне горной складки сидел человек. Он был одет в афганскую национальную одежду, руки держали автомат, а обнаженная голова гордо по-орлиному смотрела мимо нас в ущелье. Группу буквально «сдуло» с тропы. Мы затаились, сняв оружие с предохранителей и приготовившись к бою.

— Отбой! — прокричал замкомвзвода. — Товарищ подполковник, это убитый на прошлой неделе бандглаварь, — пояснил мне старший сержант Вычугжанин. — Его после боя наши бойцы убрали с тропы и посадили на этом выступе, как предупреждение остальным душманам. Подходы к трупам хорошо заминировали. «Духи» несколько раз пытались забрать тело, но подрывались на минах и уносили восвояси своих убитых и раненых.

За прошедшие дни после гибели процесс разложения совершенно не коснулся останков моджахеда. Особые специфические условия высокогорья: ледяной ветер и яркое солнце, сделали лицо убитого джандрана бронзовым, и он сидел, как памятник, провожая нас — пришельцев из другого мира своим мертвым ненавидящим взглядом. Я достал фотоаппарат и запечатлел эту страшную мумию.

Спускаться вниз под проливным дождем и снегом оказалось очень сложным делом. Особенно мне запомнилась почти отвесная стена, которую преодолевали поодиночке. Цеплялись за небольшие трещины и уступы, срывая ногти с пальцев, сползали вниз как в преисподнюю. Хорошо, что все когда-то заканчивается...

Вот и сторожевая застава 191-го полка, на которой радушно приняли нас, и продемонстрировали свои лучшие душевные качества солдаты пехотинцы. Цены им нет!

Забытые богом и своими командирами, связанными боями, пехотинцы несколько дней не получали продукты и голодали. Но, увидев наши изможденные лица, достали свой последний «НЗ» — булку заморзшего хлеба. Развели костер и напоили нас чаем (название жидкости чисто условное), показавшийся нам в тот момент лучшим напитком в мире. Поджарили на сковородке каждому по кусочку хлеба.

Тронутый их солдатской заботой, я связался по радио с КП бригады и попросил Старова прислать с бронегруппой, что придет за

нами, десантные пайки. Наш «сухпай № 9» включал деликатесы: гущенное молоко, тушеное мясо, сосисочный фарш, печеночный паштет и сало в стограммовых консервных баночках, шоколад, витаминки, соки, галеты. Для подогрева придавались сухой спирт и непромокаемые охотничьи спички с мощными головками.

Юрий Тимофеевич мою просьбу выполнил. И мы передали ребятам шестнадцать пайков. При прощании с нами грязные и обветренные пехотинцы не скрывали своих добрых чувств, а отдельные даже смахивали слезы сентиментальности за проявленную о них заботу. Им впервой было есть такие деликатесы. Как оказалось, этот ничего не стоящий для нас жест доброй воли еще более укрепил братскую дружбу между военнослужащими разных родов войск. Прошли годы, и я встретил в Днепрпетровске бывшего солдата этого полка по имени Руслан.

И с удивлением услышал от него:

— Товарищ полковник, а вы помните меня? Помните под Хостом мы вас с гор встречали?

— Да, помню.

— Я служил в Газнийском батальоне спецназа.

— Но 177-й отряд на операции «Магистраль» не участвовал. Там были газнийские мотострелки 191 полка.

— Нет, что вы, я в вашей бригаде служил.

Я не стал дальше развивать эту тему, потому что понял, что парень выдает себя за однополчанина. Тогда нас ничто не разделяло.

Вернувшись в лагерь, я слег с температурой. Но болел недолго к профессиональной гордости наших эскулапов, которые с помощью мощных трофейных американских антибиотиков быстро подняли меня на ноги. Валяясь в поту, я вспоминал о разведчиках, что находились в эти минуты на горных вершинах и перевалах. Им требовалось большое личное мужество. Даже просто прожитая ночь в высокогорье под постоянным ветром и снежными зарядами — уже сама по себе большое испытание. Представьте, что даже спальные мешки леденеют от проникающего в них мороза и снега. За длительные часы лежания на снегу от тепла тел образуются ямки. Движения ограничены маскировкой.

Наш земляк, днепрпетровец, сержант Заднипрный Е.В., рассказывал мне о своих чувствах особой обреченности именно в эти ночи, проведенные в горах:

— Ночи были темные и безлунные. В таких условиях ночные бинокли помогали слабо, и приходилось надеяться на зрение и слух, чтобы не прозевать «духов». Мне кажется, что ужаснее ситуации, когда ты неподвижно лежишь на камнях, нет ничего. Было просто дико холодно. Ночью мы ждали наступления дня, так как в светлое время лег-

че переносить неподвижность и мороз. Бывало наступит утро. Наверху — ясно и холодно, а далеко внизу, над долиной висит туча, закрывающая все. Создается впечатление, что мы находимся в космосе.

Пока я валялся больной, под кишлаком Мелан опять подорвался наш бронетранспортер. В этой связи невольно набежали воспоминания о недавно пережитом подрыве в том же месте. Было это на неделю раньше, 25 декабря в 2 часа 34 минуты ночи, во время вывода в район разведки двух групп. При спуске в ложбинку колонна напоролась на минное поле. Я ехал на втором БТРе, под правым задним колесом которого взорвалась мина. Механик-водитель Виктор Набока получил ранение, а мы, сидевшие на броне, были разбросаны взрывом в разные стороны. Очнулся я как все, на земле, все тело трясло, из уха и разбитых губ текла кровь. Пронзительно остро болело плечо. Рядом стонали и матерились разведчики. Остатки резины колеса дымились. Преодолев слабость, я поднялся и стал оказывать помощь разведчикам. Ранены и контужены были пять человек: командир роты Юрий Боровской, рядовые Сергей Салей, Роберт Королев, Дмитрий Лисица. К нам вплотную подъехал третий БТР и загрузил всех. Тяжело раненного и контуженого заместителя командира роты по технической части лейтенанта Олега Чукина положили за башней между десантными люками. Во время движения он стонал, его бил мелкая дрожь. Он пытался, но совершенно не мог говорить, только мучительно заикался. Для того, чтобы он не свалился при движении с БТРа, с двух сторон его поддерживали бойцы. Остальные были такие же чумные и полуоглохшие. По прибытии в батальон Олега, как самого тяжелого, отправили в госпиталь, и больше я его не видел.

Кроме нас, в том проклятом районе чуть позднее подорвались еще три машины. Некоторые из них восстановлению не подлежали. И ведь местным жителям все сходило с рук, так как кишлак Мелан был «неприкасаемый» — в нем родился президент Афганистана Наджибулла. Это обстоятельство и спасало его от мести «шурави» и полного уничтожения.

Потери на подрывах вызывали раздражение. Миша Коркишко ворчал:

— И зачем спецназ надо было привлекать. Это не наши функции — сидеть как пехота и наблюдать. Наше дело активные боевые действия — облеты, засады, нападения. А тут мы, как бы не у дел.

По мнению же командования армии, наши разведывательные операции имели исключительное значение, ибо мятежники регулярно делали попытки прорвать боевое охранение, выйти в тыл нашей группировки и к трассе и сорвать перевозки. Сделать это им не удалось. Почти все основные высоты были захвачены десанниками и спецназом и мы их не отдали.

Моджахеды в книге «По другую сторону горы. Тактика моджахедов в Советско-Афганской войне» отмечали на стр.165 — 175:

«Внезапный захват советскими войсками тактически важных возвышенностей дал им огромное преимущество. Они начали направлять артиллерию и ракетный огонь на кишлаки, расположенные в долинах, идущих от перевала Сатыкандав на Хост».

Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназ, умело организованные первым заместителем командира 334-го отряда майором Дмитруком и начальником штаба майором Качурой.

С 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. ргСпН №№ 511, 512, 513, 533, 534, занимавшие высоты с отметками 2735 и 2803, вели постоянную разведку местности методом наблюдения за перемещениями моджахедов в горах Каламайгар, в районе перевала Саротикандав. Тропы, ведущие к кишлаку Гундай, по их указанию, были заминированы «Лепестками», а район подходов к высоте 3169 перекрыт «Охотой-2». В результате действий разведорганов отряда и полученной информации от радиоперехвата были собраны ценные разведывательные данные о скоплении моджахедов, которые впоследствии были уничтожены или рассеяны авиацией и артиллерией армии. Выявленная реактивная установка мятежников, размещенная на высоте 3192, была поражена огнем приданной отряду артиллерии по целеуказаниям и наводке командира группы старшего лейтенанта Бирюкова. В условиях холодной и снежной зимы пребывание разведчиков на продуваемых горных платках было настоящим мужеством...

За участие в той операции более 200 разведчиков отряда были представлены к наградам. Среди них более десяти процентов бойцов прослужили в Афгане первые три месяца.

В четвертом батальоне, разведывательная деятельность планировалась для ргСпН №№ 411, 412, 413, 421, 422, 423, 431, 432, 433. Начальник штаба батальона майор Головка только вернулся после ранения из госпиталя и с ходу окупился в планирование. Свою ставку он сделал на лучших офицеров-разведчиков Гоппенко, Яшина, Похвощева, Жогло, Бокова, Кравченко, Барышева, Дуброва, Бобылева, Клименко, Бородавку, Лупенко, Прохоренко, Олефриенко и других...

Добрую память заслуживает и замполит 1-й роты старший лейтенант Михаил Иванович Садовников. Дело в том, что он 26 июля 1987 года получил пулевое ранение в лоб. Но чудом остался жив. В свойственной ему манере шутил по этому поводу:

— Хорошо, что мозгов нет, а то было бы сотрясение.

Однако черепно-мозговая травма у него была очень серьезной. Кое-как он оклемался и, скрыв от врачей сильнейшие головные боли, сбежал в часть. Когда добрался до Суфлы, то военный городок части

испугал его своей пустотой. Кроме караульных, охранявших расположение батальона, весь личный состав убыл на боевые действия по прорыву блокады под Хостом. Недолго размышлял Миша над тем, что ему делать? Запрыгнул на броню проходящей колонны и через полсуток, как снег на голову, объявился в полевом лагере отряда.

Командир отряда Анатолий Корчагин, увидев Мишу, его страшный кроваво-розовый шрам на лбу, синеву под глазами, не сдержался и накричал на него:

— Зачем приехал? Кто тебе разрешил? Надо было остаться в Ба-раках...

Комбриг Старов, который в тот момент находился в командирской машине комбата, сдержанно промолчал. Он уважал мужественных людей. Безусловно, этот поступок Садовникова по достоинству оценили все офицеры и солдаты части. В характере Михаила было много командирского: он говорил грубым баритоном, красочно ругался матом, тяготился политзанятиями и был бесстрашным боевым офицером. Впоследствии Садовников очень хорошо показал себя во время боевых выходов в горы. Рядом с такими офицерами быстро проходило становление и молодых солдат, только что пришедших из учебного полка из Союза.

Иногда повседневная действительность приносила комические ситуации. Рассказывает командир группы Сергей Полозов:

— Моя разведывательная группа СпН № 431 вела наблюдение с высоты 2737. В один из дней в кишлак Мач с гор спустилась группа вооруженных моджахедов. Доложив по команде, я начал наводить огонь артиллерии. После нескольких пристрелочных выстрелов, когда кишлак уже был захвачен в вилку, над дувалами населенного пункта вдруг на шесте подняли в небо развивающийся красный флаг. Мы приостановили стрельбу, а из кишлака в горы бросились убежать моджахеды. Вот в предгорье мы их и накрыли огнем. А по поводу кишлака мои сослуживцы потом шутили, что «Полозов установил Советскую власть в отдельно взятом населенном пункте».

Своеобразным рубежом в ходе операции «Магистраль» стал проход первой колонны. С этого момента, помимо боевых действий, началась политическая фаза операции. В район боев для освещения реализации гуманитарной ее части было стянуто большое количество журналистов, которые передавали материал в различные телекомпании мира. Приехали они и в Хост, чтобы убедиться, что дорога в этот район и в город действительно свободна, и по ней беспрепятственно идут грузы для населения. Это было главное. Операция закончилась полной победой. Для усиления афганского республиканского влияния и обеспечения безопасности одновременно вдоль всей трассы началась пере-

дача афганским военным застав и постов, созданных «шурави» во время операции.

Мне же в этот предновогодний период первый раз пришлось близко познакомиться с руководителем информгруппы Центрального телевидения СССР Михаилом Лещинским. «Афганцы» называли его главным «телесказочником» за надуманные сюжеты, которые он подавал на экраны телевизоров... Позднее мы неоднократно встречались с его журналистами, и они сделали не один десяток добрых репортажей о нашей бригаде. Встреча с Лещинским состоялась в домике генерала армии Варенникова, что находился на аэродроме Гардеза. Заканчивалось 30 декабря, оставались сутки до Нового года, и Лещинский со своей группой пытался улететь на вертолете в Кабул для передачи собранного материала.

Как сейчас, отчетливо помню 31 декабря. Выпал глубокий снег. Резко похолодало, воздух был необыкновенной чистоты. В частях царило праздничное оживление, к новогодним торжествам в горах были срублены голубые елочки и во всех подразделениях их украсили одинаково — патроны автоматные, патроны пулеметные, патроны пистолетные, снежинки из бумаги, конфеты-карамель...

Командир дал команду тыловикам во всех частях улучшить асортимент продуктов.

Этот Новый год остался в нашей памяти самым необыкновенным. Мы с полковником Старовым встречали его с личным составом в частях и подразделениях, ходили из землянки в землянку, поздравляли солдат и офицеров. Во всех ротах умельцы приготовили торты из галет, обильно смазанных сгущенкой. И, не сговариваясь, гостеприимные хозяева угощали нас, убеждая, что их пирог самый вкусный. Разведчики радовались празднику, как малые дети. Были ряженые Деда Морозы и Снегурочки с усами, которых под дружный смех обнимали.

Зашли мы и к семнадцати артиллеристам взвода, приданного нам из состава 56 десантно-штурмовой бригады. Они тоже сидели в своей землянке за праздничным столом. Поздравили их, а на 24.00 командир объявил готовность к плановой стрельбе. К этой минуте по радио связались с группами, находящимися на боевых постах, поздравили их с необычным Новым годом в афганских краях. С последним ударом кремлевских курантов земля вздыбилась от грохота артиллерии. Стреляли наши, стреляли реактивные дивизионы, стреляли и «зеленые». Все кричали:

— УРА! — И высказывали общее пожелание:

Вернуться домой живыми!

Из письма того времени:

«Пишу вам 4 января. Днем солнечно и тепло, снег тает. Земля подсыхает, но пыли еще нет. Сижу на камне и пишу вам на планшет-

ке. Передо мной прекрасный вид — горы, покрытые шапками снега. Время от времени под горой бьет реактивная артиллерия, и все тонет в грохоте. А в сторону снежных вершин летят, сверкая огненными хвостами, наши «бакишиши» для «духов». О наших делах в этом районе вы знаете из газет и теленовостей. Противник сломлен, и сегодня в Хост ушла шестая колонна с материальной помощью, а это ни много ни мало — 310 автомобилей...»

Но до завершения было еще далеко, боевые действия в новом году продолжались еще три недели...

Война напоминала о себе ежеминутно. Мы теряли людей убитыми, ранеными, больными. В памяти осталось несколько фамилий: 27 декабря 1987 г. в районе Хоста на mine, стоящей «на разгрузке», подорвался младший сержант Д.В. Мухин. Умер он мгновенно. Огненный смерч разметал его тело. Хоронить было просто нечего. Все останки убитого поместились в одном вещевом мешке... Я запомнил, что Дмитрий Владимирович перед призывом в армию закончил второй курс Минского университета. Тогда студентов брали в армию. И хотя прослужил-то он совсем немного — все его знали и любили, отзывались о нем с большой теплотой, что делало потерю горькой вдвойне. Погиб он во время работы при подготовке СПС к засаде. Через три дня погиб молдаванин прапорщик Михаил Кузьменко... 5 января погибли младшие сержанты Игорь Пряхин и Заур Синякаев, 17 января — рядовой Игорь Савинов, ефрейтор Алексей Еремкин. А в самом конце операции, 18 января погиб белорус младший сержант Виктор Граньков. Через пять дней умер от ран в госпитале рядовой Иван Бодиштян.

20 января мы получили приказ на возвращение наших подразделений из районов разведки в места базирования частей для подготовки к маршу...

В эти последние дни и часы боевых действий погода вновь переменилась, напомнив нам, что мы находимся в суровых условиях высокогорья. Налетел сильный шквалистый ветер, и всю ночь выла метель — до неузнаваемости преобразившая местность. С утра — серое мрачное небо. Ветер рвет брезент палаток. Все, кто могут, попрыгались в землянках. Разведчики, в невероятно трудных условиях пурги спустившиеся с гор, отсыпаются. Оживление присутствует только на площадках с бронетехникой. В грязном промасленном обмундировании под руководством заместителей по технической части работают мученики-водители. Лица синие, руки озябшие — копаются с техникой. Наступает их время. У каждого своя работа на войне. Как бы сказал по этому поводу патриарх спецназа комбриг полковник Роберт Павлович Мосолов:

— Богу — богово, а кесарю — кесарево!

Скоро марш. С перевала Сатыкандав мимо нас сплошным непре-

рывным потоком идут колонны пехоты и десантников, уже вышедших из боя. Мы же еще на месте, так как ждем возвращения своих бронегрупп, которые забирали разведчиков из-под самого Хоста.

Командир сидит в палатке на ЦБУ и по телефону отдает распоряжения на подготовку наградных материалов. Накануне сам Громов приказал не тянуть с оформлением документов, особо подчеркнув фактор своевременности прохождения наградных материалов по инстанциям, поэтому Старов лично составлял списки для награждения.

Всего от бригады представлялось к правительственным наградам более 400 солдат и офицеров, активных участников боевых действий и специалистов из подразделений обеспечения. К орденам представлены мои однополчане, псковитяне: начальник связи Ахмед Муратов — ко второму ордену Красной Звезды, лейтенант Сергей Шакурин — к ордену «За службу Родине в ВС СССР» III-й степени.

Самому же комбригу напоминает об этой операции орден Боевого Красного Знамени и навсегда застуженная поясница...

...23 января, солнечным морозным днем, наша колонна благополучно дошла до Кабула, и мы с командиром были вызваны на доклад к командующему армией.

Прибыв во дворец Тадж-Бек, попали на служебное совещание, посвященное итогам прошедшей операции. С докладом выступал сам командарм. Я тогда записал за ним следующие строки:

— *«Подводя итоги, можно смело сказать, что помимо политического значения операции, противнику был нанесен серьезный урон в живой силе и материальных запасах. Так, за время боев было захвачено и уничтожено только складов с оружием и боеприпасами более ста, а кроме того, большое количество различного рода вооружения, среди которого даже были 4 танка и девять БТР, десять машин залпового огня. Подобные трофеи оказывались у нас и раньше, но не в таком количестве. Потери группировки войск 40-й армии были сравнительно небольшими, можно даже сказать минимальными...».*

После краткого заслушивания, во время которого комбриг доложил о ходе марша, Громов отпустил его обратно к личному составу бригады.

— А вы, подполковник Кривопапов, останьтесь, — сказал он мне. — Вы с заместителем начальника штаба армии вылетаете сегодня вечером в Бараки. В провинции Логар резко обострились отношения между органами местной власти и советским командованием, дислоцирующихся там воинских частей, в том числе и вашего 668 отряда СпН. Погасите взаимную ненависть. Не допустите обострения конфронтации, погасите конфликт, — инструктировал меня командарм Громов.

Не скрою, меня, конечно, это расстроило, ведь так хотелось приий-

ти в себя после операции, помыться и отоспаться, но приказ есть приказ.

Как учит устав: приказ начальника — закон для подчиненного!

Во второй половине дня боевая колонна бригады под руководством Старова ушла в Джелалабад без меня.

Прошли многие годы, но сентиментальные воспоминания о Джелалабаде, о перевалах под Хостом то и дело посещают меня.

У меня сохранилось простенькое стихотворение того времени, написанное переводчиком бригады младшим лейтенантом Султаном Казанбаевым.

СПЕЦНАЗ ПОД ХОСТОМ

Стоял спецназ в Джелалабаде,
Душманов банды он гонял,
Бдил службу трудную в отряде,
Свой долг он честно выполнял.

В горах, долинах и среди скал,
Склады душманов «забывая»,
Простым афганцам помогал,
Хлеб ребятишкам раздавая.
Однажды к нам пришел приказ,
У духов в Хост отбить дорогу,
Нам приходилось помогать не раз,
Все как один мы вышли на подмогу.

В широком поле лагерь развернув,
Разведотряды к «духам» в тыл ходили,
С переполоху «духи» все струхнув,
Открыв пальбу, в «зеленку» уходили...

...И здесь мир дорог для тебя,
Цвет неба мирно-голубой,
Кричит в азарте ребячьи,
В войну играя меж собой.

Пройдут века, а может меньше,
И гарь боев сойдет с полей,
Дехкане возведут здесь огороды,
Взметнутся в небо ветви тополей.

Поверить в это мы не прочь,
Что мир опять придет сюда,
Спать будут дети тихо в ночь,
И звуков войн не будет никогда.

Откуда мы могли знать тогда, что война в том краю и в той стране будет продолжаться и в XXI веке, а дети, принимавшие с благодарностью продовольствие от советских солдат в 1988 году, будут опять воевать.

Но теперь уже с американским спецназом, и если сильно не повезет, окажутся в американском лагере для пленных талибов на далеком острове в Карибском море...

ВЕХИ ИСТОРИИ

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ 15-й БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ

*«Врач — это единственная
категория людей, которая
никогда не мучается вопросом
о смысле жизни»
Эрих-Мария Ремарк*

В организационной структуре нашей бригады военные медики занимали свою скромную нишу. О них редко говорили, о них, так же как и в обычной жизни, вспоминали только тогда, когда возникала острая необходимость. По настоящему здоровые люди не посещают медучреждения и относятся к эскулапам снисходительно равнодушно, а вот когда жизнь бросает на госпитальную койку, то с нее как раз и хорошо виден самоотверженный труд врачей и медсестер.

Несмотря на тщательный отбор по здоровью солдат и офицеров в части спецназ и на войне люди болели. У них от невероятных физических нагрузок и высоких температур резко поднималось давление, доставляя адские страдания, разрушались зубы, возникали ситуации, требующие немедленного хирургического вмешательства врачей. Традиционно медпункт бригады формировался квалифицированными кадрами.

В конце 60-х и начале 70-х годов начальниками медпункта были офицеры Александр Александров, Анатолий Коновалов, Александр Матсаков, Александр Казуров. Они были хорошими специалистами, окончившими кафедры военной подготовки и до прибытия в бригаду получившие опыт работы в госпиталях различного уровня. Наравне со всеми военнослужащими они совершали прыжки с парашютом из всех типов летательных аппаратов.

Комплектование медперсонала в первые два десятилетия существования части осуществлялось очень придирчиво, как правило, из жен военнослужащих бригады имеющих воинские звания медицинской службы. Так врачом-стоматологом работала старший лейтенант м/с Манченко Валентина Валентиновна, врачом медпункта старший лейтенант м/с Багирова Зуфра, начальником аптеки-фельдшером сер-

жант м/с Кривопалова Галина Александровна, медсестрой старшина м/с Конищева Анастасия Ильинична. Коллектив медпункта бригады обеспечивал повседневную жизнедеятельность части и работал в ритме плана боевой подготовки: дежурил на аэродроме, на площадках приземления, в полевом учебном центре.

Врач лейтенант м/с Владимир Седельников с медработниками на регулярных практических занятиях обучали нештатных санинструкторов подразделений основным навыкам оказания первой помощи при ранениях, травмах. Командиры подразделений трепетали перед проверками безжалостных медицинских комиссий по соблюдению мер санитарной гигиены в местах жизнедеятельности личного состава в казармах, в военном городке. Медики три раза в сутки проверяли качество приготовления пищи в столовой, что становилось особенно актуально в жарких азиатских условиях. Ну и, естественно, оказывали квалифицированную медицинскую помощь при травмах, потергостях, воспалениях.

Традиции качественного подбора штатного медперсонала сохранялись все годы существования соединения. Это позволило медслужбе бригады развернутой по штатам военного времени эффективно работать в крайне сложной санитарно-эпидемической обстановке в Афганистане. С чем столкнулись спецназовцы в первые месяцы пребывания в чужой стране? Отсутствие воды, убийственный климат горно-пустынной местности, ни казарм, ни колодцев в местах дислокации, посуду приходилось чистить чуть ли не песком, ни оборудованных кухонь, ни бань... Словом, идеальные предпосылки для массовых инфекций брюшного тифа, дизентерии, вирусного гепатита. Особенностью повальных инфекционных заболеваний в боевых условиях ДРА являлось тяжелое и осложненное течение с высокой смертностью.

Так, в 1983 году в гарнизонах Кандагара и Кундуза тиф характеризовался тяжелым течением в 24,9%, осложнениями — в 19,6%. Летальность от брюшного тифа в эти годы составила 3,3%. То, чего удалось избежать в Великую Отечественную, предстало в ходе Афганской войны. Почему? Ответов по сути два: чудовищная антисанитария, царившая в ДРА, и недостатки в обустройстве войск. Две трети 40-й армии в течение года получали тяжелую инфекцию и не одну.

Вводя войска, всерьез никто о такой опасности не думал. То ли потому, что жалеть нашего солдата не принято (он ведь самый выносливый, терпеливый, мужественный), то ли потому, что политики не брали его — солдата — в расчет. Эпидемия холеры в бригаде в 1985 г., стала серьезным испытанием для военных врачей. Англичане, когда-то державшие свои войска в Афганистане, признавались, что теряли здесь от болезней в несколько раз больше людей, чем в боях. Наши люди проверили это на себе. Полностью исключить заболевания было

невозможно. Но то, что вспышки инфекций были погашены, — это заслуга военных врачей.

При 40 армии действовало несколько госпиталей. Центральный госпиталь был развернут в Кабуле. В последние годы войны его возглавлял опытный хирург полковник медслужбы А.А.Люфинг. Зарекомендовали себя прекрасными специалистами полковники медслужбы В.Ф. Алексеев, Ю.В. Немытин, М.Величко, подполковники А.В. Почтовик, И.Е. Мороз и другие.

Надо прямо сказать, что формирование медучреждений в армии запаздывало, так только в 1986 году, на седьмой год войны, была создана госпитальная база для лечения инфекционных больных. Насчитывала она 1670 коек. Крупные стационары и инфекционные госпитали были развернуты в Желалабаде, Кандагаре, Пули-Хумри, Кундузе, Шинданде.

Сеть стационаров дополняли медбатальоны и роты частей, где оказывалась первая медпомощь. К четырем инфекционным госпиталям добавились также отделения в трех многопрофильных госпиталях. Копаясь в разных архивных материалах, пытаюсь проанализировать истинное положение на, так называемом, «втором фронте» борьбы за жизни наших солдат и офицеров в ДРА, мне открылось такое, что превзошло все ожидания.

Оказывается, из 620 тысяч солдат и офицеров, прошедших службу в рядах ОКСВ за девять лет войны в Афганистане, почти 470 тысяч лечились в госпиталях. Вдумайтесь! Это 75% личного состава! Из них вернулись в строй — 455071, стали инвалидами — 10751.

Болезней оказалось больше ранений! Эпидемии имели определенную цикличность, обычно развивались с июня по декабрь месяц. Тогда число коек в госпиталях увеличивалось до 6 тысяч. К сожалению, профилактика всю войну оставалась самым слабым звеном системы помощи.

До 85% заболевших поступали в лечебное заведение только на 4 — 12 сутки. Естественно смертность была высокой. Взять хотя бы амебные процессы в печени. Их не могли диагностировать четко и быстро. Иногда просто не видели их, а люди умирали.

В первые годы войны больных вывозили в Союз для лечения и реабилитацию в Ташкент, Ашхабад и Душанбе... Но вдруг эту систему отменили. Было заявлено: «Из-за «афганцев» в Средней Азии началась малярия, которой раньше не было, стал процветать гепатит в тяжелых формах, появился амебиаз»... Но войны-то в чем виноваты? Однако приказ есть приказ. Был создан специальный реабилитационный центр в Баграме и отделения при госпиталях. Организовать на месте лечение и реабилитацию оказалось непросто.

Врачей винить трудно — очень тяжелыми были условия армейс-

кого быта. На одну медсестру приходилось порой по 200 зараженных гепатитом. В модулях устраивали палаты, койки ставили в два яруса. Капельница — у нижнего больного, прокапают ему, он лезет вверх, а его место занимает верхний. Так и лечили. Да и лекарств не хватало.

От всех болезней лечили хиной, тинидазолом и даже трихополом. Как незабвенный Василий Иванович все лечил одной таблеткой, так и здесь...

Не все, прошедшие лечение, по-настоящему выздоровели. Чем они питались? Теми же консервами, о диетической пище можно было только мечтать. Здоровых среди них нет... Переболели даже командарм генерал-лейтенант Борис Всеволодович Громов, начальник штаба армии генерал-майор Владимир Соколов... А сколько наших боевых товарищей умерло на Родине в расцвете лет от невидимых последствий перенесенных инфекционных заболеваний. Я назову только несколько известных фамилий: генералы В.П. Дубинин, А.И. Захаров, Щербатов, М.В.Шатин, полковник И.А. Серзин, подполковник Н.Л. Лымарь, майор В.В. Юдаев и другие.

Их число никто и никогда не узнает, потому что их никто и никогда не считал... Однако то, что сейчас количество инвалидов Афганской войны растет с каждым годом, является ярким признаком отдаленных последствий ран, травм и заболеваний, перенесенных в ДРА.

Достаточно однобокой являлась и статистика учета медслужб в частях. Прежде всего вышестоящие штабы запрашивали данные по боевым и не боевым ранениям и травмам, а не попадающие под учет инфекционные болезни, бывало, просто выкашивали ряды личного состава рот и взводов.

Только в статистических данных госпиталей просматривалось количество сраженных коварными инфекциями. Например, по докладу тыла 40-й армии, в 1986 году в госпиталях лечилось 52820 человек. Из них:

- с боевыми ранениями и травмами — 2028 человек;
- с не боевыми ранениями и травмами — 2391 человек;
- с хирургическими заболеваниями — 3460;
- с соматическими заболеваниями — 5404;
- с инфекционными заболеваниями — 39537.

Как видно из этих цифр, в общем числе санитарных потерь значительное место занимают заболевшие. Всего же за годы войны переболело:

- инфекционным гепатитом — 115308 человек;
- брюшным тифом — 31080 человек;
- другими инфекционными заболеваниями (малярия, дизентерия, амебиаз, тиф А) — 140665 человек.

Таким образом, потери, обусловленные болезнями, в пять раз превышали боевые.

Сколько среди них было наших разведчиков, мне установить не удалось, но сохранившиеся данные по боевым и не боевым потерям наглядно демонстрируют напряженность службы медиков в спецназе и риск боевых буден, когда ежедневно более десятка наших разведорганов вели разведывательно-боевые действия.

Согласно официальным отчетам медслужбы бригады в медслужбу 40-й общевойсковой армии за период с 25 марта 1985 по 1 мая 1988 года, медиками 15 обрСпН (медпункта штаба и четырех отдельных отрядов) была выполнена следующая работа:

1. Ликвидирована одна эпидемия (холера).
2. Оказана первичная медицинская помощь и эвакуированы в госпиталь 1241 раненый военнослужащий. А это не много и не мало составляет от штатной численности бригады каждый второй военнослужащий соединения!!! Очень страшная цифра! Что это? Чьи то промахи или недоработки? Попробуем разобраться вместе.

Конкретные цифры по частям и управлению бригады смотри в таблице №1.

Таблица №1

Ранения + боевые травмы, полученные в период боевых действий

Воинские части	1985 год	1986 год	1987 год	1988 год (данные до 1.5.)
154 ооСпН	32+55=87	72+15=87	85	7
177 ооСпН	47+66=107	120+64=184	83	18
668 ооСпН	40+55=95	26+21=47	47	27
334 ооСпН	115+2=117	87+43=130	115	22
15 обрСпН	3+1=4	2+2=4	2	1
Всего за соединение	410	452	332	75

Возьмем для анализа 1987 год, когда боевые ранения и травмы 15 обрСпН составили — 332 человека. Боевые травмы, понимая в этом числе и минно-взрывные травмы (МВТ) характеризовались возрастающим числом повреждений, носящих тяжелый и особо тяжелый характер. Этот вид боевой травмы отличался особой тяжестью, поскольку подрыв на mine, как правило, сопровождался не только повреждением или утратой ног, рук, глаз, но и кровоизлияниями в легких, повреждением внутренних органов, разрушением тонких структур головного мозга.

А ведь были и контузии — своеобразное повреждение головного

мозга, при котором человек не в состоянии выполнять правильные формы поведения. Они включали оглушение, спутанность, дезориентировку, нелепые (иногда агрессивные) формы поведения.

Эти больные нуждались в строгом надзоре врачей и кропотливом лечении. «Мир подвешен на тонкой нити, и эта нить — душа человеческая», — эти слова великого психолога Альфреда Адлера вспоминаются, когда сталкиваешься с судьбами людей, перенесших контузии.

По степени локализации и тяжести полученных поражений дает представление таблица № 2.

Таблица № 2.

Локализация поражений	% поражений
Черепно-мозговые травмы	17
Лицевой череп	4
Грудь	9.6
Верхние конечности	18
Живот	3.2
Таз	3.2
Нижние конечности	45

Как убедительно видно по данным таблицы, основные причины ранений — минирование местности. Но кроме риска быть раненым или убитым в бою, повседневная служба разведчиков предполагала постоянный экстрим: пешее передвижение личного состава в составе подразделений или на бронетехнике в колоннах в сложных горно-пустынных условиях или в тропиках джелалабадской низменности.

Практически круглосуточно непрерывно у личного состава под рукой находилось оружие и боеприпасы, различные взрывчатые вещества, что притупляло чувство самосохранения и осторожности. А как верно отметил классик, — если на стене висит ружье, значит оно когда-то выстрелит. Военнослужащие ремонтных подразделений круглые сутки самоотверженно трудились, оживляя подорванную и пострелянную боевую технику и в ходе рутинных работ в условиях высоких температур отмечались случаи нарушения мер безопасности, что порой приводило к трагедиям, досадным ранениям и травмам.

Наших людей угнетали тепловые поражения, к которым относятся солнечные и тепловые удары. Продолжительный период к этому явлению относились скептически. Впервые о них заговорили официально и серьезно без умалчивания только во второй половине 80-х годов, когда в приказе командующего войсками ТуркВО № 050 от 3.07.87 г. «О тяжелых случаях тепловых поражений военнослужащих» было заявлено, что «тяжелые случаи тепловых поражений военнослужащих считать травмами».

Приказывалось «при температуре 35 градусов и выше с 12 до 16 часов запретить использовать личный состав на открытых территориях». К тому времени, в боевой обстановке уже сотни солдат и офицеров 40-й армии стали жертвами солнца. Припоминаю один из таких трагических случаев. 25 июня 1984 года личный состав 2 мсб 66 омсбр при спуске в ущелье Лиматак (провинции Кунар) в условиях высокой температуры получил тепловой удар.

Мотострелки теряли силы, сознание и ориентировку в пространстве, и просто валились с ног. У пострадавших резко поднялась температура тела, оказались пораженными мозг, печень и почки. Часть воинов удалось спасти механику-водителю Красенко В.А. и оператору-наводчику Рудакову В.В., которые внизу на дороге ждали свое подразделение. Они несколько раз поднимались в горы с водой, а вниз спустили тела шести своих сослуживцев, среди которых двое оказались офицерами: командир роты и авианаводчик. Они же оказали им первую помощь — облили ледяной водой и завернули во влажные одеяла.

Остальные бойцы в это время погибли на скалах.

Спецназовцы, в отличие от других, не имели возможности покинуть свои места дневок или засад. В результате тепловые удары в горах или пустыне наступали у них и не на открытом солнце. Эти потери личного состава считали не боевыми. Статистические данные по боевым и санитарным потерям в ВС СССР имели различные цензурные запреты для открытых видов информации (по количеству случаев, массовости любых санитарных потерь, по воинским частям, по указанию боеспособности и других), что делало их секретными.

Тем не менее, в отчетах медицинской службы бригады просматривается следующая статистика по не боевым ранениям и травмам, см. в таблице № 3:

Таблица № 3.

Не боевой травматизм (ранения + травмы)

Воинские части	1985 год	1986 год	1987 год (имеющиеся данные только за полгода)
154 ооСпН	10+97= 107	1+70= 71	13+ 13=26
177 ооСпН	19+ 157= 176	65+ 18=83	12+ 12= 24
668 ооСпН	33+ 78= 111	14+ 48=62	10+ 10= 20
334 ооСпН	6+ 92=98	16+ 39=55	24+ 8= 32
15 обрСпН	3+ 43=46	8+ 33=41	7+ 7= 14
Всего за соединение	71+467= 538	104+ 208= 312	72+ 44= 116

Автором более детально были изучены данные за первую половину 1987 г. Анализ показал, что общее количество получивших боевые травмы в первой половине года составило всего 116 человек. В том числе, по обстоятельствам получения:

По личной неосторожности — 56;

В результате нарушения техники безопасности — 31;

Неуставные отношения — 16;

Неосторожное обращение с оружием и ВВ — 10.

Эвакуация раненых и больных из районов боевых действий и пунктов дислокации частей осуществлялась вертолетами. Врачи медпунктов частей и разведчики-санитары буквально вытаскивали людей с того света после тяжелейших ранений, травм и увечий, оказывали первую помощь и готовили раненых к эвакуации с поля боя на этап квалифицированной медпомощи.

Эвакуация в условиях горно-пустынной местности имела исключительное значение и, по оценке медиков, в 86% случаев была единственным средством доставки раненых и больных. При необходимости для эвакуации привлекались необорудованные летательные аппараты с установкой носилок непосредственно на полу грузовых кабин. В наших частях с начала боевых действий в ДРА это было обычным явлением, так только в 1986 — 1987 годах в 95% случаев эвакуация осуществлялась боевыми вертолетами. Каждый из вертолетов, в зависимости от типа, обеспечивал одновременную эвакуацию от 5 до 9 раненых. Столь широкое применение вертолетов объясняется сложностью передвижения в горах автотранспорта, большой вероятностью обстрела машин и подрыва их на минах. Да и по воздуху значительно сокращались сроки эвакуации раненых. Благодаря такому способу быстрой эвакуации, была спасена жизнь командира 459 отдельной роты спецназ капитана Рафиса Латыпова, тяжелораненого снайпером в область таза.

В тех случаях, когда из мест, вблизи которых не было подходящих посадочных площадок, эвакуация осуществлялась непосредственно из боевых порядков вертолетами поисково-спасательных групп на режиме «зависания» с использованием механической лебедки.

Но медицинская служба армии располагала небольшим парком собственных аппаратов, состоящим из двух самолетов Ан-26 «Спасатель» и десяти специальными вертолетами Ми-8МТ, которые для эвакуации с поля боя не использовались по причине отсутствия собственных огневых средств и большого полетного веса.

Надежным и быстрым транспортом для эвакуации раненых и больных являлся вертолет Ми-8МТ «Биссектриса», оборудованный парой носилок, комплектом шин, набором перевязочного материала, аптечками и жгутами. Этими вертолетами осуществлялась эвакуация

почти половины раненых и больных из лечебных учреждений в пределах армии. Кроме того, для эвакуации раненых и больных в лечебные учреждения СССР использовались Ил-18 «Санитар», а с конца 1986 года — Ту-154. Но их коэффициент использования был невысок, так как мало аэродромов могли быть использованы для приема указанных типов самолетов.

Эвакуация боевых действий диктовала и необходимость по доставке на родину всех умерших и погибших. Это в истории страны осуществлялось впервые! Сначала в Кабуле был создан нештатный морг, а в крупных гарнизонах временные полевые морги.

Первый штатный стационарный пункт приема, обработки и отправки пораженных (ППООП), появился в мае 1984 г. в Кабуле, а затем в Кундузе, Баграме, Шиндане. Нештатные (помещения подвального типа) созданы в Джелалабаде, Газни, Гардезе, Герате, Кандагаре и Файзабаде. Медслужбой ТуркВО осуществлялась подготовка их персонала, так называемой службы «Черный тюльпан», для простейшего бальзамирования и фотографирования погибших. Свои потери спецназовцы первоначально сдавали в «Черный тюльпан» для подготовки тел к отправке, а затем с сопровождающими отправляли в Союз по месту жительства.

Как свидетельствует анализ потерь и ранений за период с 1985 по 1988 годы, основная нагрузка по интенсивности в бригаде лежала на медперсонале 177-го, 334-го и 154-го отрядов спецназ. Все отряды были укомплектованы одинаково, но особенности боевой дислокации и интенсивность разведывательно-боевой деятельности были разными, что сказывалось на количестве боевых потерь от воздействия всех видов оружия противника и сопутствующих поражающих факторов. В нижеприведенной таблице не учтены потери 154 и 177 отрядов с 1979 года по март 1985 года.

Смотри таблицу № 4:

Таблица № 4.

Воинская часть	Погибшие в боях (1985 — 1988 гг)	Раненые	Небоевые потери	Итого Всего
154 ооСпН	77 человек	266 чел.	204 чел.	470
177 ооСпН	52 человека	392 чел.	283 чел.	675
668 ооСпН	51 человек	216 чел.	193 чел.	405
334 ооСпН	104 человека	384 чел.	185 чел.	569

Огромный опыт приобрели на войне все медики нашей бригады. Добрым словом вспоминал командир бригады полковник Ю.Т.Старов врачей Л.А.Лутченко, В.Астафьева, И.К.Шкуратова. В блокноте авто-

ра сохранились записи о мужестве в бою медицинских работников легендарного 154 отряда, начавшего воевать в декабре 1979 года:

«Первым из медиков боевое крещение в Афганистане и высокий орден Красного Знамени получил начальник медслужбы 154 ооСПН капитан Артыков Абдыресул Бехбитович. Выпускник 2-го московского медицинского института, до призыва в армию работал хирургом-травматологом областной больницы г.Чарджоу. Вечером 27 декабря 1979 года через полчаса после штурма дворца Тадж-Бек в отрядный медпункт буквально обрушился поток раненых, 67 разведчиков получили ранения различной тяжести. Среди них пятеро военнослужащих оказались очень тяжелыми. Их своими силами немедленно начали оперировать, и тем самым спасли жизни. При этом гвардии рядовому Виктору Барышникову (9 рота) ампутировали нижние конечности. Только на другой день удалось 36 тяжелораненых разведчиков на БМП вывезти на аэродром и на специально вызванном самолете ИЛ-18 отправить в Ташкентский госпиталь. 6 января 1980 г. тяжелое ранение не совместимое с жизнью получил разведчик рядовой З.Мадияров, но его спасти капитану медслужбы Артыкову не удалось.

Кроме того, в течение первых суток через медпункт отряда прошло более ста раненых афганских солдат и офицеров. После оказания первичной врачебной помощи их отправляли в Кабульский военный госпиталь. До сих пор не совсем ясно, какие дополнительные силы и откуда привлек капитан Артыков для медицинской помощи такому количеству раненых? По воспоминаниям замполита отряда Сатарова, когда его раненого в живот привезли в медпункт, то первую помощь ему оказывала незнакомая женщина-врач афганской национальности... Профессионально работал начальник аптеки медпункта старший прапорщик Карим Асроров, который был высокого роста и физически очень крепким человеком, ветераны рассказывали: «В его руках шприц казался спичкой. В ходе боя он хватал по двое раненых под мышки, и вместе с оружием выносил из-под огня. В медпункте сортировал раненых по срочности и оказывал медицинскую помощь легкораненым». Впоследствии А.Б.Артыков окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию, стал полковником медицинской службы, дослужился до начальника медицинской службы общевойсковой армии. После развала страны возглавлял медслужбу пограничных войск Туркмении. Живет в Ашхабаде. Женат. Имеет 4 детей».

Ветеран бригады полковник И.Ю.Стодеревский, рассказывая о становлении медслужбы отряда в Афганистане, поведал: «К нам из Ташкента как-то приехала комиссия, разбираться на каком основании в отряде делаются полосные операции, так как такие делаются только в медсанбате дивизии. Но когда они посмотрели нашу материальную базу, и увидели наш штат врачей, то были приятно удивлены. Они считали,

что мы обыкновенный мотострелковый батальон. А у нас по штату был старший врач-хирург, врач-анестезиолог и все необходимое оборудование. Не было только операционной сестры. Сколько я не пытался ее выбить, ничего не вышло. Наши медики подготовили себе двух солдат, те помогли им при проведении операции. В одном из вагончиков мы оборудовали реанимационную палату, а один из тягачей МТЛБ был переоборудован для проведения операций прямо на поле боя. Хирургом был старший лейтенант Бегишев Э.Ф., безусловно одаренный человек, сколько он солдат спас, а вот сам не уцелел, погиб на последней операции перед отъездом в Союз».

Стодеревский вспомнил трагический случай 7 сентября 1983 г., когда при подрыве МТЛБ одновременно погибли сразу два медика отряда старший лейтенант Э.Ф.Бегишев и младший лейтенант И.Н. Крышталь.

Далее читаем в историческом формуляре отряда: «Прекрасным специалистом зарекомендовал себя врач-анестезиолог отряда лейтенант Александр Сурначев». «Геройски погиб, спасая раненого прапорщика Юрия Дурнева, саниструктор рядовой Михаил Мочернюк. Его имя присвоено МТЛБ медпункта отряда». «Во время боя по уничтожению ук-репрайона «Карера» в марте 1986 года особо отличился хирург старший лейтенант Юдин, которому в ходе боя осколком оторвало полуха. Наскоро оказав себе первую помощь, он продолжал драться, как лев. Спецназовцы, вспоминая его поведение в бою, отмечали: мочил он «духов» здорово, молодец, не скажешь, что медик — герой!». «25 октября 1987 года при выходе в район засады разведотряда 3 роты 154 отряда произошло столкновение с бандой мятежников. В ходе скоротечного боя получили ранение командир роты капитан Пархоменко и командир группы старший лейтенант Смирнов. В этой обстановке мужественно действовал впервые принимавший участие в боевых действиях врач медпункта бригады старший лейтенант медслужбы Ильдус Шайхутдинов (за этот бой он впоследствии награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени). Смело и профессионально действовал вместе с ним санитар 3 роты рядовой Мурад Абдухаликович Усканбаев (впоследствии награжден медалью «За отвагу»). Это был его восемнадцатый боевой выход».

В 177 ооСПН с первых лет войны сложился прекрасный коллектив военных врачей. Первый командир отряда полковник Б.Т. Керимбаев, рассказывая о работе медпункта, вспоминал: «Медслужба отряда. Начальник медпункта Р.Рахманкулов, хирург А.Утеев, анестезиолог В.Ниякин. Их боевые помощники, как мы их называли «медбратья» — Н.Усенов (начальник аптеки), О.Тазобеков, Б.Такирбасов. Наши ребята уходили в бой с уверенностью, что наши доктора, в случае ранения, сделают все возможное и невозможное, но не отдадут их в лапы

смерти. Иногда случалось так, что раненого нельзя было транспортировать, и тогда врачи вылетали или выезжали к месту боя и оказывали помощь в полевых условиях и даже под обстрелом. Доктора наши воевали вдвойне: и когда шли с нами на боевые операции, и когда делали медицинские операции, сражаясь за жизни раненых». В последующем хорошо зарекомендовали начмеды капитан В.И.Карплюк, старший лейтенант А.В.Казаренко, хирурги старшие лейтенанты И.Д.Герич, С.М.Слостин, В.П.Дроздецкий, анестезиологи старшие лейтенанты Д.И.Киселев, А.А.Кондрашов, младший врач лейтенант С.Лихонос, начальники аптеки прапорщики Ю.Бобров и Г. Калганов. Добрым словом вспоминал своих медиков ветеран отряда майор К.Таривердиев: «Когда было надо, они ходили с нами на войну и оказывали первую хирургическую помощь прямо в горах. Это очень важно, какую ты помощь получил сразу. Квалифицированную или неквалифицированную. От этого зависело доведут тебя до пункта постоянной дислокации или не доведут. Они оказывали нам помощь прямо под пулями, а потом, когда отряд или разведгруппа возвращались, сдавали оружие, чистились, мылись, пили водку, отходя от пережитого, они не отдыхая, а с ходу шли в операционную долечивать тех, кому оказали помощь еще в горах». Посмертно награжден орденом Красной Звезды героический санинструктор роты отряда младший сержант С.В.Шульга из Днепропетровской области.

В 668 ооСпН за первые месяцы пребывания в Баграме успели получить хороший опыт работы в местном госпитале медики старший лейтенант Куренков и капитан Нахалов. Впоследствии этот опыт позволил им работать самостоятельно, своими силами профессионально оперировать раненых. Им на смену в сентябре 1985 года в медпункт пришел младший врач лейтенант медицинской службы Белевитин Александр Борисович, который за два года стал настоящим профессионалом, и, кроме того, принимал участие в девяти боевых операциях, в ходе которых показал себя смелым и решительным офицером. Часто под пулями оказывал быструю и квалифицированную медицинскую помощь, если требовала обстановка — брался за автомат. В наградных листах на Белевитина командиры отмечались его многочисленные боевые заслуги: 6 апреля 1986 г. при досмотре места уничтожения каравана, 16 апреля в бою при уничтожении банды мятежников, 20 июня 1986 г. при обстреле мятежниками территории части, 4 августа 1986 года при налете на склад моджахедов. В ходе боя лейтенант медслужбы Белевитин лично уничтожил одного моджахеда. Не единожды, сам будучи раненым и контуженным, Белевитин оказывал медицинскую помощь раненым разведчикам. Под интенсивным огнем противника занимался эвакуацией раненых. За мужество и отвагу, личную храбрость А.Белевитин награжден тремя орденами и медалью «За боевые

заслуги». Опыт, полученный в боевой обстановке, позволил Александру впоследствии защитить диссертацию, получить ученую степень, стать заместителем начальника военно-медицинской академии, генерал-майором медслужбы Вооруженных Сил РФ. И такое поведение было правилом для медработников — вместе с разведчиками они рисковали жизнью на равных. И, бывало, погибали, как бесстрашный разведчик-санитар рядовой А.А. Солониченко, посмертно награжденный орденом Красной Звезды.

Особо хотелось бы отметить мужество, ответственность, высочайший профессионализм медработников 334 отряда, где начальником медслужбы был А.Н.Трифонов (впоследствии награжденный орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени). Трифонов и Валерий Шкуратов со своими подчиненными работали в отрыве от медико-санитарного батальона и Джелалабадского госпиталя. Очень часто человеческие жизни солдат, офицеров зависели от мастерства врачей отряда. Гордостью бригады навсегда останутся врач отряда лейтенант медслужбы Линева и санинструктор роты спецназ сержант Пик, героически погибшие в боях. Так хирург Андрей Николаевич Линева прослужил в Афганистане всего несколько месяцев. Путь становления хирурга — долгий и тернистый. Должно пройти немало лет, прежде чем человек может назвать себя настоящим специалистом. Судьба не дала Андрею времени на большое становление, но за короткие недели пребывания в боевой обстановке он заслужил высокий авторитет и был награжден орденом Красного Знамени (посмертно). Добрая молва ходила о смелости и профессионализме санинструктора роты этого отряда младшего сержанта Платонова.

О санинструкторах особая тема разговора. Из истории Великой Отечественной войны нам известно, что правительственных наград были удостоены более 100 тысяч медработников (из 200 тысяч врачей и полумиллиона медсестер и санитаров). Героями стали 52 медработника: 35 мужчин и 17 женщин; из них 23 погибли в боях. Работа медиков в ротном батальонном звене была сопряжена с большой опасностью для жизни. Боевые потери среди санитаров-носильщиков и санинструкторов занимали одно из первых мест. Они оказывали первую помощь на поле боя, выносили раненых в укрытие и доставляли их на батальонный медпункт. Работа санитаров имела высокое моральное значение, кроме того, она требовала большого напряжения сил, умения, находчивости, отваги и мужества. Не случайно поэтому в самом начале войны, для стимулирования этой категории, 23 августа 1941 г., лично И.В. Сталин издал приказ № 281 «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Согласно ему, работа медиков приравнивалась к боевым подвигам, приказывалось: «За вынос с поля боя 15 раненых с

их винтовками представлять к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу». Этот приказ имел моральную составляющую, поскольку героизм медиков был особенным, малозаметным, повседневным. И забота о конкретном человеке приказом выдвигалась на первый план.

Через тридцать четыре года начавшаяся война в Афганистане вновь востребовала воинов армии Гиппократов. Первичной категории медиков — санинструкторов было немало в штате наших отрядов. Так в каждой роте спецназ имелось десять санинструкторов. Один в управлении роты в категории старший сержант и девять рядовых в группах спецназ (по одному в каждом отделении). Совершенно очевидно, что в учебках за короткий период обучения солдат в системе военно-медицинской подготовки простейшим, но жизненно необходимым способам оказания само и взаимопомощи проводилось недостаточно эффективно. Приобретенные навыки закреплялись непосредственно в отрядах врачами медпунктов в ходе систематических тренировок.

Перед выходом на боевые проверялось наличие и комплектность индивидуальных средств защиты. Только в результате такой кропотливой работы число летальных исходов, связанных с дефектами оказания первой помощи, в последующем снижалось. Анализ летальных исходов погибших в бою в горно-пустынной местности в бригаде показал, что в 55% случаев первая медпомощь оказывалась не в полном объеме, а в 15 — 20% такая помощь отсутствовала вообще.

Иногда раненые находились с наложенными жгутами на кровоточащих конечностях до 4 часов. Такая «помощь» приводила впоследствии к осложнениям, ампутации конечностей. Часто санинструкторы, накладывая жгуты, плохо представляли себе последствия длительного пережатия сосудов. Бывали случаи, что они накладывались неправильно, не вводились обезболивающие средства. И иногда это происходило по вине руководителей.

Громким скандалом однажды завершилась проверка комиссии, когда у начмеда капитана медслужбы Крамаренко в аптеке не досчитались 66 шприцев с промедолом. Не грамотно использовались индивидуальные перевязочные пакеты. Но война сурово учила ответственности и профессионализму на крови и на жертвах...

О каждом санинструкторе можно говорить особо, но исторические записки позволяют только напомнить фамилии в длинном списке военнослужащих, стоящих по штату на должностях санинструкторов бригады, которые достойно выполняли свои обязанности, назову тех, кого помню: мл.сержант Пригодич Н.Н., рядовые Шагин Ю.Н., Хазиев Х.М., Петенев Г.Г., Герасимов Б.П., Ценев С.А., Лищук Н.Н., Будзан А.Г., Марченков В.В. (убит в бою), Логачев В.Н., Кражан К.И., Сулин В.А. (убит в бою), Комогорцев Н.Н. (убит при выносе раненых с

поля боя), Куриленко И.И., Федосенко Ю.М., Петриков И.А., мл.сержант Гаврилов Ю.Е., мл.сержант Груодис А.Б., рядовые Кочетков В.А., Замушинский Г.И., Куцай О.П., Борматаев А.Н., Жакожбаев А., мл.сержант Зварыгин, рядовой Ишбердин Ф.Х. и другие.

Яркий след в истории отряда оставили медработники начмед лейтенант Лапин А.Н., хирург, ст. лейтенант Куламов С.А., нач. аптеки ст. прапорщик Лязер Г.Н., фельдшер, прапорщик Черталин А.А. Все они награждены орденами Красной Звезды. Александр Николаевич Лапин особо отличился в ходе операции «Карера», когда оказал помощь и вынес с поля боя более 29 человек. Сам Лапин был тяжело ранен. Прямо на поле боя, ст. лейтенант Куламов оказал ему врачебную помощь и тем самым спас жизнь. Впоследствии за самоотверженность и проявленный героизм в том сражении старший лейтенант Лапин А.Н. был награжден орденом Красного Знамени. А медаль «За отвагу» получил прапорщик Александр Черталин. Обобщая положительный опыт работы коллектива медпункта, в обзоре 40 армии отмечалось, что благодаря усилиям врачей 154 отряда количество инфекционных заболеваний в части снизилось в 20 раз. Впервые в практике медслужбы ограниченного контингента советских войск врачи спецназа этого отряда стали использовать бронемашину МТЛБ для оказания врачебной помощи, а не только для эвакуации на ней раненых с поля боя.

Всего, по неполным данным, на афганской земле только с 1985 по 1988 гг. состоялись награждения десятков военных врачей и медицинских работников отрядов 15 обрСпН, при этом:

орденом Ленина — 1 человек (рядовой Сулин В.А.);
орденом Красного Знамени — 3 человека (офицеры Артыков А.Б., Лапин А.Н., Линев А.Н.);
орденом Красной Звезды — 6;
орденом «За службу Родине в ВС СССР» — 6 человек;
медалью «За отвагу» — более 10 человек;
медалью «За боевые заслуги» — более 10 человек.

Но по большому счету все медработники соединения были достойны государственных наград и поощрялись в отрядах наравне с разведчиками по результатам разведывательных выходов на войну... Медиков высоко ценили и уважали в частях бригады и знали по именам.

ВЕХИ ИСТОРИИ

КОМБРИГ 15-ой И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ

*В армии полки хорошими будут от полковников,
а не от уставов, как бы быть им должно.*

П.А. РУМЯНЦЕВ.

В облике комбрига полковника Старова Юрия Тимофеевича было много от внешности известного киногероя Джеймса Бонда. Он был сухощав, высок и спортивен. В 47 лет запросто делал стойку на руках, а что выделял на перекладине — это надо было видеть. Короткая стрижка, красивое вытянутое лицо с характерными морщинами на лбу и возле рта. Проницательные и умные глаза с хитринкой. Аккуратная военная форма, которая в отличие от других, выглядела на нем очень эффектно... как это бывает у настоящих военных профессионалов...

О нем Артем Боровик написал: «У Старова мягкий голос, переворачивающийся перед строем солдат в раскатистый гром.

— Говорят, вы жесткий человек, Юрий Тимофеевич. Это правда? — обращаюсь к Старову, чтобы раззадорить его. Он смеется. Нет, конечно, он не жесткий человек. Но дисциплинированным, умеющим спрашивать с себя и других его назвать можно. Я говорю ему об этом.

— А иначе на войне нельзя. Доброта-то она резинка растяжимая. Здесь она добрая, а вот там уже зло. Грани четкой не проведешь. Это точно. Здесь, в военных условиях, доброта часто оказывается, по меньшей мере, попустительством, а потому, в конечном счете, злом».

Юрий Тимофеевич в обычной обстановке был непринужден, весел и общителен, его простота и оптимизм импонировали окружающим. Как возникают и крепнут человеческие симпатии? Это дело в высшей степени сложное. А вот со Старовым у меня, например, с первых минут знакомства наладились доверительные и дружеские отношения, которые сохранились на всю жизнь.

Рассказывали, что Юрий Тимофеевич в одно время учился в Военной Академии им. Фрунзе с командующим 40-й армии генералом Б. Громовым. Они, оба хорошие спортсмены, тогда не раз схватывались в спортивном азарте. Через много лет встретились в Афганистане защищать афганский народ от моджахедов.

Боевого опыта Старову не занимать. Он умело руководит боевыми действиями бригады. Частенько сам ходит в горы на рекогносци-

ровки, большую часть времени проводит в отрядах на местах их дислокации, облетает зону ответственности, анализирует просчеты и недостатки боевых операций. И толк от этого есть. При Старове значительно снизились потери личного состава, отмечены высокие результаты в разведывательно-боевой деятельности (в частности, по захвату ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп», уничтожению самых крупных караванов мятежников). Его любят в бригаде, так как при нем заметно изменилась и кадровая политика — он бережет своих офицеров от опалы, от необоснованных репрессий и снятий с должностей, смелее и чаще представляет отличившихся в боях к награждению.

А самого командира незаслуженно забывали, только накануне вывода бригады в Союз, спохватившись с недельным разрывом представили сразу к двум орденам Красного Знамени. Кстати сказать, первым наградил комбрига «1-й советской особой бригады» высоким орденом Боевого Красного Знамени Республики Афганистан президент Наджибулла. Только после этого зашевелились его непосредственные начальники. После вывода бригады в Союз Старов несколько лет продолжал командовать бригадой в Чирчике. Затем с большим трудом перевелся ближе к дому в центральный аппарат в Москву, в ГРУ. Уволился в запас по достижению предельного возраста пребывания на военной службе.

Давно замечено, что вокруг хорошего руководителя и подчиненные подбиаются приличные. Не исключение в этом правиле заместители командира при Старове.

Первым заместителем командира 15 бригады, сменив подполковника Дементьева А.М., являлся крепкий симпатичный голубоглазый блондин среднего роста подполковник **Безручко Анатолий Ильич**. Анатолий родился в 1950 году, закончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, 9 роту, факультет спецназа, а позднее разведывательный факультет академии им. М.В.Фрунзе. В Афганистане прослужил два года. Он имел квадратное волевое лицо с хорошо выбритым мощным подбородком, мощная голова мыслителя крепко сидела на тренированной шее. От него всегда излучался приятный запах здорового и опрятного мужского тела, слегка смягченный хорошим парфюмом. Мне всегда казалось, что в военной одежде Анатолия Ильича было что-то интеллигентно-франтоватое. Обычное стандартное обмундирование на нем выглядело изысканно. Замкомбрига Безручко был настоящим военным, во всем чувствовался высокий уровень теоретической подготовки. Спокойно, твердо и уверенно умело руководил боевыми действиями частей и подразделений бригады. А как он прекрасно стрелял из всех типов оружия, об этом ветераны вспоминали с восхищением. Анатолий почувствовал власть, получив хорошие практические навыки командования в условиях настоящей войны

и, естественно, мечтал о должности командира соединения. Иногда Анатолия доставали, и отставив свою интеллигентность, он мог круто снять стружку с нерадивого подчиненного. Доходили до меня жалобы о том, что Безручко мог взять за грудки строптивного командира и поставить его на место, напомнив, кто есть кто... Одновременно он был по-офицерски галантен и внимателен к женскому полу, работающему в штабе бригады и в отрядах. Женщинам это нравилось, и они кокетничали с ним, отвечая взаимностью, приятно во всех отношениях симпатичному мужчине. В общем, это был во всех отношениях настоящий офицер, достойный заместитель командира бригады. Прослужив два года в Афганистане, А.И. Безручко был заслуженно награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине ВС СССР» III степени и афганским орденом «Славы».

Хочу отметить, что мы с Анатолием дружили. Существовал между нами душевный и деловой контакт, что позволяло по службе выступать единомышленниками. Я уважительно относился к нему, а он прислушивался к моим проблемам и требованиям.

Мы дружили с Анатолием и после ДРА.

Перед отъездом из Джелалабада, пришел приказ министра обороны о досрочном присвоении А.И. Безручко воинского звания «полковник». Он не скрывал своей радости по поводу назначения командиром 2 бригады в Псков. Служба же на новом месте оказалась у него скоротечной, новым назначением для тридцативосьмилетнего полковника определили разведуправление Дальневосточного военного округа в Хабаровске, где он служил честно, как умел. Об этом решении кадровых органов многие сожалели, поскольку у А.И. Безручко могло быть большое командирское будущее. После увольнения в запас вернулся в родной город, где стал заместителем начальника управления региональной безопасности — начальником отдела по работе с военнослужащими и работниками правоохранительных органов правительства Рязанской области.

После майора В.М. Корунова, начальником штаба — первым заместителем командира 15 бригады стал подполковник **Исаков Юрий Дмитриевич**. По образованию он был настоящим профессионалом-спецназовцем, выпускником девятой роты Рязанского десантного училища, разведфака Военной академии имени Фрунзе и имел хорошую, как говорят, прочную военную подготовку. Умело и грамотно проводил занятия по командирской подготовке с офицерами штаба и управления, отслеживал деятельность оперативных дежурных на ЦБУ, контролировал караульную и внутреннюю службы комендантской роты. Бывая в отрядах, принимал участие в планировании боевых операций, лично выходил с бронегруппами на реализацию разведанных, несколь-

ко недель провел в Асадабаде под ежедневными артиллерийскими и минометными обстрелами. В этот период тяжело заболел инфекционными заболеваниями и лежал в госпитале.

Юрий был высок, крепок, несколько сутуловат, высокий лоб не прикрывали рано реденеющие черные волосы. Его однокашники отзывались о нем положительно, рассказывая мне, что определенная замкнутость и нелюдимость, свойственная Исакову, являются отпечатком трудностей бытия и клубка семейных проблем, которые он носил в себе. Исаков, являясь воспитанником комбрига Старова еще по 10 обрСпН, в мирное время был награжден медалью «За боевые заслуги, а это много значило. Да и в 15 бригаде штаб под руководством Юрия Дмитриевича работал хорошо.

После вывода бригады в Чирчик полковник Старов, выдвинул Юрия Дмитриевича Исакова на должность командира мотострелковой бригады в Таджикистан. В тех непростых условиях горной войны в 1992 — 1994 гг. полковник Ю.Д. Исаков достойно справился с должностью, а через несколько лет вернулся в систему военной разведки, где продолжил службу старшим преподавателем на курсах офицеров разведки в Загорянке. Когда он надевает парадный мундир, то на его груди светятся серебром и достоинством ордена Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР» III степени, которыми он был отмечен за службу в спецназе.

Новый заместитель командира бригады по тылу подполковник Серзин И.А. сменил долгожителя, проработавшего в должности почти десять лет, подполковника Турбуланова В.А. в начале 1987 года.

Игорь Александрович Серзин родился 14 октября 1948 года в Хабаровском крае в семье морского офицера. Отец Александр Степанович был контрразведчиком Тихоокеанского флота. Мать Анна Федоровна — учительница начальных классов. Рос умным и способным мальчиком. Хорошо усваивал предметы обучения, одновременно ходил в музыкальную школу по классу баян. После окончания средней школы год работал художественным руководителем и баянистом в клубе леспромхоза под Вяземским, где первоначально развил свои организаторские способности. В 1970 году поступил в Уссурийское автомобильное училище, которое окончил с отличием.

Служил взводным и ротным командиром в Уссурийске и в Смолениново на Дальнем Востоке. С должности командира роты со второго раза поступил в академию тыла и транспорта. С отличием ее закончил. Прошел хорошую школу на развернутых частях. Заместителем командира 5 учебного танкового полка в престижной учебной дивизии Киевского военного округа, в после этого пять лет напряженной бое-

вой службы заместителем командира танкового полка в Германии. В августе 1986 года вернулся по замене в Кривой Рог в 17-ю танковую дивизию, где возглавил тыл мотострелкового полка.

Но заскучать ему не пришлось. Осуществляется ротация кадров в 40 армии и вместо тертого опытного замполтылу Турбуланова кадровики отбирают Серзина. В феврале 1987 подполковник Серзин прибывает в десантную бригаду на Восток Афганистана. Серзин соответствовал облику руководителя тыла. Игорь красочно ругался матом. Когда он появлялся в штабе, то, казалось, стены начинали шататься от его неформальной лексики, которой он подкреплял воспитательный процесс своих подчиненных офицеров, кладовщиков-прапорщиков, которые не упускали возможности, что-либо утянуть налево или направо. Что греха таить, в свободную минуту любил Игорь Александрович заложить за воротник, но от этого в нем проявлялось еще большее усердие к службе, и его иногда приходилось притормаживать. Правда, критику принимал и всегда обещал делать выводы. Он был заботливым офицером-тыловиком и отличным человеком.

Вспоминаю свое первое пробуждение в Джелалабаде. С первым рассветом нового дня в комнату ко мне зашел подполковник И. Серзин со стопкой нового обмундирования «афганка» с уже подшитым белоснежным подворотничком. На воротнике были закреплены защитные десантные эмблемы, а на погонах подполковничьи звезды. И говорит:

«Олег Владимирович, с добрым утром! Примерь ХБ, мне кажется, тебе будет в самый раз.

— Да, вот возьми с собой в командировку немного денег (я вылетал в этот день на военный совет в Шинданд и Кушку)», — с этими словами протянул мне 20 чеков внешпосылторга. — «Для того, чтоб водички купить можно было». — «Поскольку оружие с собой в Союз брать не будешь, то возьми гранату «Ф-1», корпус толкни в левый карман рукава, а запал в правый. В случае чего — подорвешься...»

— «Ни хрена себе начало, — подумал я, окончательно просыпаясь. — Хороша себе перестройка с мирного на военный лад». — Это был незабываемый урок настоящей заботы о незнакомом человеке. В этом примере — весь Игорь Александрович.

За период службы в Афганистане замполтылу 15 обрСпН подполковник Серзин И.А. прошел с колоннами более 15 тысяч километров. Да еще каких километров, когда «вдоль дороги-то все косточки русские» — остовы сгоревших автомашин, бронетранспортеров и танков. Будучи старшим колонны, он провел в боевых условиях более 30 армейских колонн (значит сборных со всех частей 40-й армии), более 200 машин в каждой. На нем лежала организация взаимодействия с боевым обеспечением: артиллеристами, зенитчиками, авиацией, мотострелками, танкистами, машинами для разминирования местности и разграж-

дения. Только с такой светлой головой, какая была у него, можно было толково все спланировать. На его воле держалась дисциплина в разношерстной колонне. На должностях начальников тылов некоторая часть офицеров просто обогатилась. Загоны налево хотя бы одну машину — и никто не узнает. Но отличительной чертой Игоря Александровича была честность, порядочность во взаимоотношениях со всеми. А как он гонял ворюг-прапорщиков. Он был альтруистом во всем.

Игорю часто доставалось за подчиненных. Он злился и отвечал резко на обиды. Но своих подчиненных не подставлял, а разбирался и наказывал их сам. Когда он уходил в колонну, нам его не хватало. Он проводил колонны из Таругунди на Кабул, а из Кабула развозил продукты, материальное имущество и боеприпасы по отрядам на Бараки и в Газни. Это была непростая и опасная работа. Не случайно Серзин был в числе первых награжден орденом Красной Звезды. Вторая награда у него тоже редкая и боевая — Почетный Знак ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть» — была только у него и у комбрига Старова.

После вывода бригады в Чирчик в течение года добивался перевода на родину к семье. Перевод удался к октябрю 1989 года. Серзин назначается заместителем командира зенитно-артиллерийской дивизии (базы хранения) по тылу, что дислоцировалась в поселке Всебратское в Кривом Роге. В армии после этого отслужил три с лишним года, а в января 1993 года уволился в запас по болезни. Игорь Александрович не хотел быть игрушкой в руках политиков, поэтому отказался принять украинскую присягу.

Продав за бесценок квартиру, семья Серзиных переехала на родину жены на Кубань в небольшой городок Горячий Ключ. Маленький старый домик, завещанный его жене еще бабушкой, — вот и все, что у них осталось... Он не ставил личное превыше всего, не просил помощи. Он всегда думал о других — о детях и стариках, которые нуждаются в помощи, о своих соседях (был председателем квартального комитета). Пошел работать в школу. Учитель средней школы №1 В.Гуляева вспоминала о нем: «Он пришел в нашу школу в августе 1995 года работать на мизерную зарплату, в школу, где для детей, порой, не существует таких авторитетов, как звание и возраст. Дети сами по каким-то только им известным критериям определяют, кто есть кто, и действуют соответственно.

Но Игорь Александрович в школе оказался на месте. Он был на месте и среди детей, и на педсоветах, и когда определял «стратегию и тактику» наших будущих совместных действий. Он сплотил мужской коллектив школы, они тянулись к нему, ценили общение с ним. На наших праздниках — Дне учителя, встрече Нового года, 8 Марта — его неунывающий характер, душевная щедрость, способность согреть словом были как нельзя более кстати. И шоколада у него всегда было

столько, что хватало на всех. Наши дамы шутили: «Ах, какой мужчина — настоящий полковник!». Игорь Александрович проработал в нашей школе два года: вел уроки ОБЖ, занимался автоделом. Но его знания и талант организатора были оценены администрацией города — его забрали от нас заниматься созданием комбината детского питания, курировать военно-патриотическую работу городских школ в должности инспектора ГорОНО. Казалось бы, жить и жить... Однако дни его оказались сочтены. Умер полковник Серзин И.А. в возрасте 51 года внезапно, от артериального тромбоза. Это трагическое событие произошло 12 ноября 1999 года. Его последние слова были обращены к любимой жене:

— Татьяна Константиновна! В этом году у нас с тобой 30-летие. Давай обвенчаемся в церкви. Я тебя так люблю, хочу, чтобы мы были вместе и здесь, и там...

Вспоминая светлой памятью Игоря, могу сказать, что работало с ним отлично, и сейчас, прошли годы, его имя вспоминают ветераны бригады на товарищеских встречах. Он был золотой человек в общении.

Прекрасным специалистом и верным товарищем комбригу и всем заместителям оказался заместитель командира по вооружению 15 обрСпН подполковник **Якуба Василий Иванович**. Он по характеру был мягок и вежлив, интеллигентен и обаятелен. Хорошо знал свое дело и технику, находящуюся на вооружении частей бригады и обожал в ней покопаться. Под его руками возрождалась жизнь в любой безнадежно поврежденной железяке. Такое вот несовместимое в одном: броня, масло, железо и нежнейшая душа... Он, работая любил напевать: «Встает заря на небосклоне, а в месте с ней наш батальон. Механик чем-то недоволен, в ремонт машины погружен. Куда, куда танкист стремится, куда же свой ты держишь путь? Или с болванкой повстречаться, или на mine отдохнуть? Нас извлекут из-под обломков, поднимут на руки друзья. И залпы башенных орудий в последний путь проведут нас...»

Но при своей сентиментальности и чуткости был человеком с крепким характером и железной волей. Встречаясь с женщинами и закручивая с ними легкие флирты, ни одну близко к себе не допустил. Как он говорил нам по этому поводу: «У меня в жизни было два несчастливых брака, я женщинам не верю, я им всю жизнь мщу!»

Василий Якуба был урожденным сибиряком — кряжистым и крепким. Он родился 1 апреля 1951 года в селе Шипуново Алтайского края в семье зоотехника и учительницы. Его отец, четырнадцатилетним мальчишкой добровольцем ушел на фронт, и вскоре по прибытии на фронт в феврале 1945 года попал под жестокий артиллерийский обстрел. В том первом бою Иван Якуба получил тяжелейшую контузию,

которая на два года сделала его глухонемым калекой. На всю жизнь он сохранил отмети той войны: в своем теле носил два осколка — в ключице и под глазом... Мама Василия, Полина Ивановна, была старше своего мужа-фронтовика на восемь лет. Как-то особо мудро по-матерински любила своего Иванушку и оберегала от житейских трудностей. Все нагрузки жизни тянула на своих плечах, а вот сердце у самой не выдержало нечеловеческих нагрузок, и остановилось в 1986 году, когда ее младшенький сынок Вася выполнял воинский долг в Афганистане.

Василий в детстве радовал свою мать учительницу, он был послушным ребенком и хорошим учеником. Показательно, что выпускник глухой деревенской школы сразу поступил в политехнический институт и учился легко и уверенно. Завершив обучение на военной кафедре института и получив звание лейтенанта, он был призван на два года в Вооруженные Силы СССР. Из подневольной по началу незаметно служба в армии стала его судьбой. Два года отслужив в проклятом богом Забайкальском военном округе на должности заместителя командира танковой роты по технической части, а затем три года начальником бронетанковой службы дивизии — не отпугнули от службы... Подошло время замены и Якуба переезжает на запад — в город Белгород-Днестровский. В 1979 году командирован в Германию на должность начальника бронетанковой службы (БТС) дивизии, но местные кадровики переназначают его на более скромную должность замполтеха мотострелкового батальона.

В 1984 году по замене возвращается в Криворожскую 17 танковую дивизию замполтехом танкового батальона. Там на благодатной украинской земле вроде и все условия для спокойной жизни, а он пишет рапорт о направлении его в ДРА. Просьба патриота вскоре удовлетворяется, и 15 мая 1985 года Якуба становится начальником БТС 66-й омсбр в Джелалабаде. Через два месяца его переводят старшим офицером бронетанковой службы в штаб армии в Кабул. Но запали ему в душу джелалабадские соседи — хулиганистые «спецназеры», о которых легенды в Кабуле ходили. После новогодних праздников 1986 года подполковник Якуба переводится заместителем командира 15-й отдельной бригады СпН по вооружению, сменив полковника Попова В.С. За время службы Якуба, храбрый и опытный танкист, неоднократно с отчаянными разведчиками бывал в тяжелых боевых переделках: вытаскивал подорванную боевую технику с минных полей, а летом 1987 года взял на себя руководство боевой операцией, когда отряд спецназа, в котором он находился, уничтожил крупный караван с мятежниками.

В 16 часов 15 июля 1987 года с вертолетной площадки Баракинского батальона один за одним взлетела группа вертушек на Кабул. Вопреки требованию комбрига лететь всем вместе в ночное время, в

последний борт запрыгнул замкомбрига по вооружению подполковник Якуба В.И., прокричавший на прощание: «Я вас встречу в Кабуле, мне надо срочно в управление вооружения».

Через пятнадцать минут на ЦБУ пришло сообщение, — один из вертолетов сбит, столкнулся с землей, взорвался и догорает в 12 км от ППД. Дежурная бронегруппа отряда блокировала район и установила, что пассажиров на сгоревшем борту вроде бы не было...

Когда под утро следующего дня мы с комбригом прилетели в Кабул, нас встречал Якуба. Здороваясь с ним, Юрий Тимофеевич Старов сказал: «Вася, ты — гаденыш! Ведь мы посчитали тебя погибшим. Верна пословица: Не лезь поперед батька! В следующий раз по-отцовски высеку...»

В сентябре 1987 года на афганской земле его награждают орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Примечательно, что орден вручали дважды: первый раз в Кабуле, второй — перед строем бригады в Джелалабаде. Отмечая мужество и высокий профессионализм боевого заместителя, командир бригады полковник Старов представляет Якубу ко второму ордену — Красной Звезды, но вновь назначенный своенравный заместитель командарма по вооружению полковник Иванов вернул наградную с циничной формулировкой: «награда не соответствует заслугам». В ноябре 1987 года Василий Иванович убит по замене в Дальневосточный военный округ. Попал в Благовещенское высшее танковое командное училище преподавателем. Курсанты и сослуживцы в нем души не чаяли. Вскоре Василий стал доцентом, старшим преподавателем и проработал на одной кафедре до самого увольнения в запас по предельному возрасту и болезни. По дембелю вернулся подполковник запаса Якуба на родину, в Алтайский край, в село Быково Шипуновского района. Нашел себе душевную женщину — женился. Но Афганистан не прошел для него бесследно. Он часто болеет, а в 1999 году попадает в Московский военный госпиталь имени Бурденко, где переносит тяжелую операцию на сердце. В эти месяцы его морально поддерживает боевой комбриг полковник Ю.Т. Старов со своей женой Надеждой Петровной и болезнь отступает... В настоящее время Василий ведет размеренный образ жизни сельского интеллигента: завел пасеку, практикует костоправством, помогает местным механизаторам ремонтировать трактора, любит порыбачить и поохотиться, попариться в баньке, возглавляет районное объединение ветеранов Афганистана, пишет статьи в газеты на военно-патриотические темы, реализовал проект создания памятника погибшим, сплотил вокруг себя молодое поколение ветеранов Афганской и Чеченских войн. Не забывает Василий и воинское братство, рожденное в рядах доблестной бригады.

Сменщиками убитых в Союз подполковников Безручко и Яку-

бы оказались прибывшие из Сибирского военного округа подполковники Николай Кириллов и Владимир Васильев, которые захватили очень напряженное время активизации боевых действий под Хостом, в провинциях Кунар, Газни, Логар и технической подготовки отрядов бригады к выходу на территорию СССР. В этот период оба заместителя много летали по частям бригады, оказывая командирам непосредственную помощь на местах. Впоследствии за добросовестное выполнение воинского долга оба награждены орденами Красной Звезды.

При этом первый заместитель командира бригады подполковник Кириллов Николай Федорович, по приказу комбрига, оставался с двумя отрядами 15 бригады, прикрывавшими Кабул, практически до завершения вывода ОКСВ в Афганистане в феврале 1989 года. Послевоенная служба Кириллова прошла и закончилась в Украине. Сначала служил на равной должности в бригаде спецназ в Изяславе, а потом возглавил кафедру спецназа в Киевском ВОКУ, где проработал до последнего дня его бездумного расформирования. Несмотря на то, что полковник Н.Ф. Кириллов зарекомендовал себя хорошим профессионалом, отлично владеющим английским языком, он оказался не востребованным в Главном управлении разведки МО Украины. Поэтому уволился в запас в достаточно молодом возрасте. Одно успокаивает душу ветерану, что вырастил сына, который продолжил дело отца и в настоящее время служит офицером в украинском спецназе.

Заместитель командира бригады по вооружению подполковник Владимир Иванович Васильев после сдачи излишков бронетанковой техники и вооружения соответствующим службам Туркестанского военного округа, согласно приказу убит в родной Сибирский военный округ. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Успешная работа заместителей была невозможна без четких согласований действий офицеров и прапорщиков штаба и служб управления бригады. К сожалению, через двадцать лет память автора сохранила лишь отдельные фамилии соратников: Бекасов, Горенков, Гунчин, Джобадзе (впоследствии полковник, начальник разведки ВД МВД), Дроздов, Есаулов, Жихарев, Коробка, Кулик, Каменев, Лученко, Лопаткин, Мордовцев, Мисяков, Мишутин, Нагорняк, Николенко, Переверзев, Пынзарь, Полуэктов, Ракунов, Рейнеке, Туаев, Титаренко, Харченко, Шакурин (впоследствии полковник, замкомбрига 2 обрСпН) и другие.

ВЕХИ ИСТОРИИ

О ПОЛИТРАБОТНИКАХ

15 обрСпН

Подготовка к войне остается главной, но не единственной обязанностью офицера; кроме своих обязанностей, чисто военных, офицер должен нести обязанности и воспитателя.

ДЮРЬИ.

Этой военной специальности в советские времена не стеснялись. Более того, будущие маршалы С.К. Тимошенко и А.Е. Еременко гордились тем, что получили образование в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Феномен этого явления заключается в том, что политработников люто ненавидели враги Советской власти, а со сменой власти в России и Украине, они стали притчей во языцех для нового племени пропагандистов.

Чем сейчас-то опасны разогнанные Горбачевым политорганы? Они не представляли собой некую закрытую масонскую ложу, в их ряды мог запросто попасть любой командир, инженер или тыловик, обладающий даром положительно влиять на окружающих, в нравственном плане более порядочный и уравновешенный, чем окружающие. Многие из них предварительно прошли общественные должности комсоров и парторгов. Эти лидерские качества, своевременно замеченные начальниками, позволяли работать с людьми и быть реализованными на должностях в структурах властных и безусловно авторитетных — в политотделах и партийных органах, которые сделали очень много для утверждения и становления социализма.

Люди, прошедшие через опыт организаторской и политической работы, были востребованы везде. В книге «Россия в лицах. ГРУ. Дела и люди», издательство «Олма Пресс», 2002 г., приведены биографии лучших сотрудников этого солидного ведомства, среди которых значительную часть составляли бывшие политработники (комиссары, политуки, замполиты), ставшие профессионалами спецслужбы. А среди имен прославленных командиров разведчиков, оказалось, тоже немало выходцев из этой категории.

Знающим военную историю много говорят имена бывших политуков и комиссаров Героев Советского Союза генерал-майора Вер-

шигоры Петра Петровича, полковника Бринского Антона Петровича, майора Гнидаш Кузьмы Савельевича, отважных командиров отрядов и групп специальной разведки капитанов Яромова Владимира Владимировича и Черникова Ивана Ермолаевича и многие другие...

Начинали свою службу на поприще политработы и два командира 15-й обрСпН полковник Мосолов Роберт Павлович и полковник Овчаров Александр Алексеевич... Наше поколение воспитывалось в духе коммунистической идеологии. В эту идеологию были заложены далеко не худшие понятия — патриотизм, преданность делу, бескорыстие...

Что бы не говорили потом, но в 1920 — 1970-е годы XX века слово «комиссар» было одним из самых романтических понятий. Помните, как задушевно пел про «комиссаров в пыльных шлемах» Булат Окуджава? Думается, что, поспешив развенчать эту романтику, мы допустили большую ошибку. Из истории шагнуло в нашу военную жизнь это слово: «Комиссар!»

В мае 1988-го в Джелалабаде я познакомился с английской журналисткой Каролин Скофилд, которая на первом этапе вывода войск из Афганистана проехала с нашей бригадной колонной до границы СССР. Пытаясь понять «таинственную русскую душу», она на привалах беседовала с солдатами и офицерами наших частей. После окончания войны мне удалось прочитать её статьи по итогам тех впечатлений. Её взгляд на политработников, показался мне взвешенным и интересным. Поскольку ксероксов тогда еще не было, я пометил в блокнот ее суждения: «... Дело в том, что к слову «замполит» в Англии относятся с большой опаской и подозрением. Это основывается на неправильном представлении о том, чем они реально занимаются. Им приписывается функция контроля за политическим мышлением. Именно это вызывает к ним негативное отношение.

В системе нашей армии подобных должностей нет, а значит, и сравнивать не с чем. Иногда проводят параллель с должностью священника. Но я думаю, что это не совсем точно и правильно. Потому что если вы неверующий человек, то можете капеллана проигнорировать. Вы можете быть хорошим солдатом армии Великобритании и не быть верующим и никогда словом не обмолвитесь с ним. У вас же в поле зрения замполита каждый военнослужащий. Если говорить о моих собственных впечатлениях, то я поняла: основная функция ваших политработников состоит в том, чтобы следить за жизнью солдат, помогать им в решении социальных проблем.

Самым же неожиданным оказалось то, что в любом звене замполит должен быть хорошим специалистом, первоклассным профессионалом. Если он находится среди десантников, он должен быть парашютистом. Если он находится среди пилотов, он должен летать. Если

он на флоте — должен быть морским офицером. Зная это, можно понять, что авторитет замполита, успех его работы во многом зависят от того, какой он солдат...»

После развала политорганов многие выпускники политучилищ оказались выдвинуты на командные должности. Например, В. Силуянов, В. Казанцев (НВВПОУ) стали генералами заместителями командующего ВДВ по боевой подготовке (впоследствии трагически погиб); Б.Егоров (СВВПТАУ) генерал-лейтенантом, заместителем командующего СибВО по боевой подготовке, а до того успешно командовал дивизией; В. Казаков (НВВПОУ) стал генерал-майором, начальником военного училища. Успешно командовали отрядами спецназа в Афганистане, а позднее и в Чечне подполковники В.Портнягин и А.Чайка (оба выпускники СВВПТАУ). И сейчас бывшие политработники работают на различных командных должностях в спецназе ГРУ.

Не профессия, в конечном итоге, определяет личность, а личностные и нравственные качества определяют авторитет должности и профессиональную пригодность.

Кто-то добрым словом вспоминает свою службу и озарение, излучаемое от замполита подразделения или части. Кто-то клянет последними словами своего отца командира.

Однако к личности политработника всегда были повышенные требования. Например, в Афганистане командиров, допустивших недисциплинированность, досадные ошибки, приведшие к потерям, как правило, снимали вместе с замполитами.

Именно поэтому замполит должен был обладать характером не меньшим, а порой и большим, чем командир, потому что он должен был влиять не только на солдат, но и на командиров. Нормальными считались взаимоотношения, когда командиры лучшими своими друзьями и помощниками считали замполитов, с которыми делить им было нечего, кроме трудностей и лишений. Которые были всегда рядом и помогали в работе.

В повседневной жизни войск и командиры-единоначальники и политработники попадались разные, но не случайно именно о последних было рождено выражение — «подковерных дел мастера».

Народное творчество сохранило неприязненные оценки этаких «начпошек».

*«Последыш Берш, адепт Ежова,
Трус, самодур и лизоблюд...
Избавь, господь, от подлеца такого
И Лашкаргах, и Фарахруд».*

Автором этих едких строк о своем начальнике стал дважды ране-

ный заслуженный боевой «комиссар» подразделения. Вероятно, достал... Подобную категорию нравственных уроков дополняет немалая группа простых обывателей — «политрабочих», — которые, как и отдельные командиры, не были для подчиненных примером добросовестного исполнения служебного долга, участия в боевых действиях. Совершенно справедливо, что на войне, особенно в наших боевых частях спецназа, бросалось в глаза несоответствие функциональных обязанностей строевых офицеров, что возглавляли взводы и роты в условиях, связанных с риском для жизни, и тех, кто исполнял свои обязанности, согласно мирному формуляру.

В военном коллективе каждый делал собственное дело, определенное уставами, наставлениями, положениями. Тыловик, вооруженец, связист, парторг, комсорг, начальник клуба. Ведь не критикуют же тыловиков, вооруженцев, механиков, связистов, оперативных дежурных на ЦБУ и т.д., что они не участвовали лично в лихих налетах, рейдах или засадах. И их награды воспринимают спокойно. Но почему-то ордена и медали политработников раздражали. Почему? А потому, что требования к ним были выше, чем к другим, поскольку они в отличие от других тоже с людей требовали! Примером может служить следующая эпиграмма на секретаря партийной комиссии:

*«Его призвание — иезуит:
Он мягко стелет, сладко говорит,
Ну а потом шельмует и карает,
И ордена за это получает».*

Наводя порядок в частях, они действительно карали нерадивых, которые никогда им не забудут собственное унижение. Разве признается когда-либо бывший командир, что его выгнали из Афгана по требованию политоргана, после наложенного партийного взыскания, за пьянство и сексуальный беспредел, организованный им в части по отношению ко всем без исключения подчиненным служащим-женщинам. Да никогда, а о политработниках, которые пресекли его преступления, барство и мазохизм, он будет говорить только с отрицательными оценками.

Но никогда коллектив бригады и все ветераны спецназа не поймут и не простят того политработника, что не переступил через свою гордыню и не подписал наградной лист на боевого спецназовца капитана Евгения Сергеева, представленного к званию Героя Советского Союза за взятый в бою первый «Стингер» в январе 1987 года. Служивцы вспоминали: «Сергеев ростом невелик, но офицер очень боевой. Настоящий спецназовец. Воевал хорошо. Знал зону ответственности 186-го Шарджойского отряда, как свои пять пальцев. И закономер-

но, что ему улыбнулась удача со «Стингером». И вообще в этом деле много вопросов. Проштрафился Сергеев, почему не дали В.Ковтуну, который был на борту вместе с ним или командиру досмотровой группы В. Чебоксарову? Не стал Героем и командир вертолетного отряда Соболев. Офицер В. Ковтун вспоминал: «Мы от радости обалдели. Все знали, какой ажиотаж создало командование армии вокруг закупок моджахедами «Стингеров». Знали и то, что тому, кто возьмет первым хотя бы один образец, вручат Золотую Звезду Героя. Но самую высокую награду из участников того блестящего боя получил сержант Айтбаев — орден Красного Знамени.

В основном конфликтные ситуации складывались на фоне зависти и человеческой не порядочности. Молодое поколение спецназовцев, возможно, и не знает, что представленные В.В. Колесником к званию Героев Советского Союза трое офицеров «мусульманского» батальона не получили своих наград в результате неприглядной истории, сфабрикованной партторгом батальона. Некто Анвар Ганиевич Р. (я не хочу писать его фамилию), не был профессиональным политработником, он являлся выпускником Ташкентского ВОКУ, который быстро поднатерел в общественной работе и ушел с командной на освобожденную должность парторга. Р. — как человека недолюбливали в коллективе по причине его склочного характера, болезненного тщеславия и такого же самолюбия. Нормальный человек мог с ним общаться только один раз, а потом обходил стороной и люто ненавидел. Впоследствии в 1986 — 1988 гг. Р. возглавлял политотдел 66 омсбр в Джелалабаде, где, по оценке сослуживцев, был «кровожаднее моджахедов», поскольку многим подчиненным командирам сломал военную карьеру. Пройдя по головам, в Узбекской армии стал генерал-лейтенантом, но уверен, что всю жизнь за ним шел смрад подлости, совершенный в январе 1980 г.

А произошло тогда следующее. В период представления участников штурма на наградам, его непосредственно не принимавшего участия в боевых действиях представили к медали. Парторг обиделся и написал клевету о мародерстве штурмовых групп во дворце Амина. Бумага попала куда надо. Представленные к наградам сотрудники КГБ, ГРУ и военнослужащие отряда спецназ вынуждены были давать длительные объяснения. Ветеран отряда В.С. Шарипов рассказывал: «В итоге, представленным к орденам, снизили ранг награды на одну ступень. Не пощадили и представленных к званию Героя. В итоге в батальоне — семь орденов Ленина и ни одной Золотой Звезды. В моей ротке: один орден Ленина, пять — Красного Знамени, двенадцать — Красной Звезды, остальные медали...» Перед Шариповым, ничего, кроме сквозного пулевого ранения, из Афгана не вывезшего, потом долго извинялись: «Ты уж прости, Володя! Мы совсем забыли, что тебя от дворца сразу в посольство отвезли с ранением. А так бы хоть один Герой Со-

ветского Союза в батальоне был». И такие случаи за войну повторялись не единожды. Вспоминаю печальную историю ветерана бригады Дмитрия Михайловича Герасимова. На одном из заседаний Военного Совета армии полковник Герасимов позволил себе не согласиться с суждениями главного политработника ОКСВ в Афганистане начальника политотдела 40-й армии генерал-майора Щербакова. Вскоре после этого инцидента за легендарный бой у поселка Маю комбрига 22-й лично начальник штаба ТуркВО генерал Гусев представил к званию Героя Советского Союза, командующие армией и округа документы подписали. Когда представление ушло в Москву, Щербаков убедил наградной отдел ЦК КПСС, что Герасимов не достоин высокого звания. Он добился своего, представление реализовано не было. Вот так мелко политработник отомстил за уязвленное самолюбие. Потом Дмитрию Михайловичу шепнули, что он, несмотря на свои заслуги, был излишне горяч, и ему припомнили выступление на том злосчастном Военном Совете, где он возразил Щербакову. Сколько неприличной грязи и упущенных возможностей...

Вспоминая 45-летнюю историю 15-й бригады, могу сказать, что нам везло на хороших политработников с первых дней существования соединения.

Первым среди тех, кто закладывал славные традиции бригады, был хорошо известный в ВДВ человек — полковник **Белобрагин Александр Александрович**. Заместитель командира — начальник политотдела бригады был из фронтового поколения комиссаров, тех, что не раз прыгали в тыл противнику. Ему довелось пережить несколько трагедий воздушных десантов под Вязьмой (1942 г.) и в ходе Днепровской десантной операции (1943 г.), походить по тылам, партизанить в лесах Украины и Белоруссии. В праздничные дни его орденский иконстас приводил в восхищение солдат и офицеров бригады. Он был невысок, крепок в кости. Как водилось в десанте, мог красочно загнуть матерное коленце. Но его авторитет в коллективе был непререкаемый. Во многом он основывался на том, что, несмотря на возраст и многочисленные ранения, «комиссар» много прыгал с парашотом и беззаветно любил это отчаянное занятие. За свою десантную жизнь Белобрагин пережил несколько аварийных ситуаций в воздухе и неоднократно ломал конечности, но в кабинете штаба не сидел и не любил кабинеты. Чаще всего его видели в казармах, на стрельбище с подчиненными...

На смену ему в 1971 году пришел подполковник **Руденко Валентин Григорьевич**. 1934 года рождения. Уроженец Ростовской области. Семилетним мальчиком он пережил в своем селе Пишваново две волны перемечивых кровопролитных сражений за Ростов, как говорил сам, — хлебнул горяшка войны сполна. Оккупацию в их семье

пережили не все. Зверски избитый немцами с отбитыми почками умер отец. Мать из последних сил одна тянула троих детей. Сын Николай и дочь Евдокия, вероятно, в те черные дни надорвали здоровье и рано ушли из жизни. Впоследствии мать до старости опекал только последний — Валентин. Он привык быть себе голова, опорой близким. Руденко запомнился блондином приятной внешности, среднего роста, несколько полноватый, говоривший с заметным украинским акцентом и небольшой картавинкой. Валентин обладал удивительной тягой к знаниям.

Всю свою жизнь Валентин Григорьевич постоянно учился. Окончив военное училище связи и мотаясь по гарнизонам в Калуге, в Эстонии, в Группе советских войск в Германии, в Киргизии на китайской границе в городе Панфилове, в Чирчике, впоследствии в Москве, Руденко заочно успешно осваивает науки сначала на историческом факультете университета, а затем на общевоинском факультете Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Второй отличительной особенностью характера Валентина Григорьевича являлось правило — никогда не ругаться матом, что и без этого делало его исключительно культурным, требовательным и справедливым руководителем, пользовавшегося большим уважением и авторитетом у личного состава. Когда он находился в бригаде, все ощущали твердую руку и волю комиссара, вникающего во все дела. Именно у Руденко политработники ротного звена того времени учились четкости в постановке задач подчиненным, пунктуальности в исполнении приказаний, твердости в проведении своей линии. Позднее, когда Руденко уже работал в политотделе ГРУ, он внимательно отслеживал судьбы всех своих воспитанников, встречался с руководством факультетов академии, находил добрые слова за отличную учебу и обеспечил всем своевременное возвращение в части военной разведки. Через четыре года службы в столице полковник Руденко убыл в командировку в одну из разведывательных частей на Кубе, ведущих радиоперехват американских электронных систем связи. За успешное обеспечение разведывательных задач полковник Руденко В.Г. награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР». Женат. Имеет двух дочерей. При нем в политотделе бригады служили Борисов, Бледных и Шувалов.

После Руденко в 1974 году начальником политотдела бригады стал полковник **Николай Васильевич Лысак**. Он был всего на год моложе своего предшественника, но собственных мальчишеских впечатлений от пережитых бомбежек и обстрелов родного села Красная Поляна Змиевского района Харьковской области и от немецкой оккупации у него было предостаточно. С детской поры ранняя седина покрывала его воронные волосы. В 1946 году одиннадцатилетний Коля переехал из разрушенного села в поселок Бабаи, где к 1954 году окон-

чил среднюю школу и поступил в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Служил лейтенантом артиллерийским мастером в Германии.

Командование части отметило в молодом лейтенанте доброе сердце, уважительность к людям, организаторские способности и направило его на учебу в город Львов на возрожденные партией курсы политсостава. Впоследствии до 1965 года служил замполитом роты на государственном полигоне Сары-Шаган.

Четыре года обучения в Военно-политической академии показали ему наградой за терпение. Но по выпуску замполит артиллерийского полка Николай Лысак вновь оказался в Средней Азии под городом Семипалатинском. Служил достойно и как лучший политработник был выдвинут в 1974 году начальником политотдела 15 бригады спецназ. Как отмечали современники, Николай Васильевич был высок, несколько сутуловат, по-мужски красив, по характеру исключительно деликатен и сдержан, и по первоначальному показало, уступал характером своему предшественнику. Однако высокие моральные качества этого хорошего, честного и открытого человека раскрылись очень скоро и были оценены в коллективе.

Его любили, к нему тянулись, и он бескорыстно помогал всем. В 1978 году полковника Лысака переводят заместителем начальника передающего центра главного управления генштаба. Через три года он возглавляет политотдел спецчастей связи центрального подчинения. С 1983 по 1989 гг. в спецкомандировке в Германии. За успехи в боевой и политической подготовке награжден орденом Красной Звезды. Женат. Имеет двух дочерей. С 1978 по 1980 гг. политотдел бригады возглавлял подполковник Тибенко И.М. Его сменил майор Марков И.И. После ввода бригады в Афганистан в 1985 г. начальником политотдела назначили офицера из политуправления ТуркВО полковника Рузина П.И. В 1987 его сменил подполковник О.В. Кривопапов, прибывший из 2-й обрСпН. После вывода бригады в Союз, на завершающем этапе существования политорганов в армии начальником политотдела бригады был подполковник Хутько М.Ю.

Самобытной и от этого запоминающейся личностью являлся заместитель командира второго отряда спецназ по политической части, позднее заместитель начальника политотдела бригады подполковник **Кондратович Дмитрий Васильевич**. Это был высокого «гренадерского» роста лысоватый блондин. За склонность к красивому слову (а он был хорошим оратором, и часто выступал перед личным составом) офицеры отряда и бригады между собой называли его «отцом русской демократии».

Кондратович не отличался большой глубиной суждений, и знания его были скорее поверхностные, звучащие как заученные цитаты,

но по натуре, по внутреннему своему состоянию — это был необыкновенно чуткий и душевный человек. Надо сказать, что комбат и его замполит, старые вояки, умели говорить с нами красочными штампами. Первые афоризмы армейского фольклора, услышанного от них, я начал записывать на служебных совещаниях в отряде. А в дембельских альбомах солдат эти цитаты увековечивались среди фотографий. Прошли годы прежде чем я узнал, что эти крылатые воспитательные выражения, звучащие как философские аксиомы, придуманы были задолго до Кондратовича, что их принесли в бригаду десантные командиры и политработники, которые первыми формировали бригаду. Чем, например, не блестящ такой оптимистический пассаж:

— В ВДВ нет больных, есть только живые и мертвые.

В солдатских записных книжках и дембельских альбомах можно было прочитать:

— Кто не служил в ВДВ — радуйся, кто служил — гордись!

— Один десантник может многое, двое — все!

Эта особая гордость осталась у нас на всю жизнь:

— Десантник три минуты орел, а остальное время — лошадь, — говорит каждый из нас, когда его спрашивают о сущности десантной службы.

Поэтому высказывания начальников запоминали и часто цитировали, как классиков марксизма-ленинизма. Сейчас они стали классическим образцом народного фольклора. Чем не философское:

— Человеку для жизни нужно многое, а десантнику лишь тяжкое кольцо.

— Десантник, снабженный сухпайком, практически бессмертен! — нравочения Кондратовича запоминались на всю жизнь. Порой мы бывали с ним не согласны, но скрепя сердце выполняли его указания, потому что знали — жизнь все равно подтвердит верность его слов. Всем нам в то время было 20 — 25 лет, и какой-то жизненный опыт был у каждого, поэтому по большинству из поднимавшихся в беседах тем у нас имелось свое собственное мнение, однако некоторые из рассказывавшихся Кондратом (там мы еще иногда его называли) акцентов, многим молодым офицерам в последующем оказались очень полезны. Например, мне, безотцовщине, привитое на улице и в училище чувство принадлежности к определенному коллективу значило очень много.

Хорошо запомнились повествования замполита батальона, направленные на приобщение нас к спецназу и выработку у молодых офицеров чувства особой гордости за службу в 15 обрСпН. Да и в части весь процесс обучения и воспитания и солдат, и офицеров был направлен именно на это. Мосолов, Колесник и другие представители командования бригады на совещаниях офицеров, а также во время различных мероприятий, носящих официальный или неофициальный ха-

актер, постоянно повторяли мысль о том, что все должны гордиться службой в спецназе. А это само по себе предопределяет высокий уровень дисциплины и порядка, добросовестное отношение всех военнослужащих к своим обязанностям и результативное выполнение стоящих учебно-боевых задач.

Так вот, Кондратович был один из тех, кто умел формировать у нас характер и волю. Легко брошенная фраза перед марш-броском на десять километров:

— Десантник бежит сначала сколько может, а потом сколько надо, — прибавляла силы.

Когда мне исполнилось столько лет, сколько ему в те годы, я осознал, что предвидение «комиссара» основывалось на хорошем знании жизни и психологии подчиненных.

— Если у десантника не хватает сил победить, то всегда хватит, чтобы не покориться!

Что-то, а понятия победы и поражения, покорности и твердости характера он сам усвоил с малолетства. У нашего батальонного воспитателя была трудная судьба. Дмитрий Васильевич родился 8 ноября 1931 года на Украине, в маленьком городке Вольнской области. Мать за помощь партизанам расстреляли фашисты. Остался отец, который всю войну тянул шестерых детей, а с победой — умер.

Сиротам рано пришлось идти работать. Будучи еще второклассником, Дима пас коров, чтобы прокормить семью. Жизнь заставляла работать, чтобы выжить, а у подростка была необыкновенная тяга к знаниям. Когда представилась возможность, продолжил обучение и учился прилежно. В 18 лет в 1950 году отлично закончил 7 классов. Через год его призвали в армию.

Судьба распорядилась, чтобы военная служба стала для Дмитрия Кондратовича делом жизни. Четверть века посвятил он военному делу. А началось все на Чукотке в 1951 — 1952 годах, когда заботливый замполит учебной роты, фронтовик, определил его судьбу — убедил стать курсантом военного училища. Выбор оказался правильным. Окончив Тюменское пехотное училище, Дмитрий служил на Дальнем Востоке, в Германии, в Туркестанском военном округе. С должности замполита отряда спецназ был выдвинут заместителем начальника политотдела 15-й отдельной бригады спецназначения. В 1976 году подполковник Кондратович уволился в запас и переехал с женой и сыном на постоянное место жительства в Тюмень. Там же и умер 28 декабря 1999 года после тяжелой и изнурительной болезни, начавшейся со смертью тридцатилетнего сына Аркадия.

Вдова Евгения Павловна осталась с невесткой и двумя внуками. Всю жизнь мы переписывались с Дмитрием Васильевичем, и чем старше я становился, тем еще больше осознавал, как мне повезло на перво-

го наставника. Через пять лет после его смерти из Тюмени на адрес Днепропетровского областного совета ветеранов, где я работаю, пришла бандероль, в которой для меня оказалась посмертная весточка от Дмитрия Васильевича и «Военно-исторический альманах», в котором опубликованы мои воспоминания о действиях Чирчикского спецназа в ДРА и партийно-политической работе в боевой обстановке. В сопроводительном письме неизвестный мне В. Чудинов написал: «Уважаемый Олег Владимирович! Волей судьбы Ваш черновой вариант книги и некоторые фото оказались у меня. Это тот набранный текст, что Вы высылали для правки Д.В.Кондратовичу. После его смерти вдова передала их мне. Разыскивая Вас, я направлял письма по месту Вашего проживания в Челябинске и Днепропетровске. Но, к сожалению, ответа не получил.

Ради правды, я поместил одну из глав в издаваемый нами альманах. Напечатана она под Вашим именем. Это последняя воля Дмитрия Васильевича». Получив бандероль, я был очень удивлен тем, что отправленные когда-то давным-давно воспоминания не только не пропали, но и были напечатаны.

Казалось бы, мелочь, но в этом поступке как нельзя лучше проявился характер альтруиста Дмитрия Васильевича. Он, будучи уже на смертном одре, когда надо думать о вечном, думал о том, чтобы материалы об Афганистане не пропали, а стали достоянием истории и смогли хоть немного, но обогатить опыт новых поколений российских спецназовцев. Таким же неординарным в поступках он был и в далеких 70-х. Кондратович, в отличие от некоторых других заместителей командира отряда, не рвал на груди тельняшку, доказывая, что он «отчаяюга» — спецназовец. Он спокойно и уверенно делал свое дело: прыгал с парашютом, бегал кроссы, проводил занятия, контролировал подразделения, то есть показывал личный пример в выполнении служебного долга. И все о нем отзывались хорошо, даже те, кому он спуску не давал за нерадивость.

Анализируя обстановку в батальоне в те годы, прихожу к выводу о больших результатах воспитательной работы, которой занимался майор Д.В. Кондратович со всеми категориями военнослужащих. Для него не было категорий, недоступных для критики. Своим примером бескомпромиссности он воспитывал своих молодых коллег — юную смену политработников, которая состояла из выпускников краткосрочных курсов политсостава и высших военно-политических училищ. Он был наставником. До глубокой старости он сохранил привязанность к однопольчанам. По-отечески заботливо относился к командирам и политработникам. Побывал у Василия Трисмакова в Уссурийске, у Олега Кривопалова в Днепропетровске. Он любил людей, и они относились к нему соответственно.

Полную переездов и порой драматических ситуаций, но по итогам счастливую удачливую жизнь прожил политработник **Юрий Алексеевич Артемов**. Уроженец Волгоградской области начинал военную службу в ГСВГ. Отслужив три года, в звании старшины убыл для получения военного образования на курсы политсостава в южноуральский город Оренбург. Пока учился — женился. Там же родился у него первый сын. По выпуску вместе с однокашниками лейтенантами Ангизидовым и Зуевым попали в Чирчикскую бригаду спецназа. Юрий стал замполитом 1-й роты спецназа, а потом и замполитом первого батальона.

Первым среди политработников того поколения убыл на повышение в дождливый и пасмурный эстонский Вильянди — заместителем начальника политотдела 4-й бригады, где впоследствии стал начальником политотдела. За успехи в боевой и политической подготовке и качественное политическое обеспечение стратегических учений «Запад» получил первый свой орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

С началом войны в Афганистане откомандирован заместителем командира — начальником политотдела 56-й десантно-штурмовой бригады. Там получает орден Красной Звезды и афганский орден «За храбрость». Вернувшись в Союз, направляется на равную должность в Кутаисскую десантно-штурмовую бригаду. Через несколько лет в этом соединении происходит «ЧП», прогремевшее на все вооруженные силы, — во время пожара казармы в огне погибают несколько военнослужащих.

В итоге, согласно грозному приказу министра обороны СССР, командира бригады и заместителя командира — начальника политотдела Ю.Артемова снимают с должностей. Но подполковник Артемов не потерял самообладания и сумел подняться над пропастью. Вскоре уехал военным советником политкомиссара в жаркую Анголу, где оказывает интернациональную помощь чернокожим товарищам. После возвращения в Союз некоторое время заведует подмосковным арсеналом, а потом перебирается на юг начальником штаба министерства по чрезвычайным ситуациям Краснодарского края. В настоящее время он по-прежнему востребован. Полковник. Работает в Спецстрое МО РФ, награжден пятым орденом. «Служу и работаю во благо державы, Но и себя не забываю», — говорит он с улыбкой. Женат. Имеет сына и дочь.

— Ах, шельмец, этот Юрка, далеко пойдет, — говорил Дмитрий Кондратович об Артемове в далеком 1972 году. И он не ошибся...

Толковым офицером политработником остался в памяти ветеранов бригады и **Александр Савельевич Зуев**. Это был высокий, крепко сложенный, спортивный парень, выпускник краткосрочных курсов политсостава, являющийся примером для других политработников

части по выпуску различных образцов наглядной агитации, которые сам он и рисовал. Оформительская деятельность была необходимым элементом работы замполита, потому он был на высоте. Кроме того Зуев был хорошим спортсменом, играл в ручной мяч и много времени проводил на площадке. О нем хорошо написал ветеран бригады И. Стодеревский: «Замполитом роты был Зуев, не понаслышке знавший солдатскую жизнь. Он отслужил три года срочную, а затем курсы политсостава. Оставаясь за командира роты, прекрасно справлялся с обязанностями. Этаким политрук-командир». Александр Савельевич родился в 1946 году в селе Венгерovo Новосибирской области в семье ветерана войны, инвалида второй группы, местного кузнеца Савелия и матери, продавца сельмага. Вскоре родители переехали в Казахстан, где в предгорьях Тянь-Шаня обосновались в поселке Фабричный, что под Алматы. Там Саша окончил одиннадцать классов и остался работать преподавателем в средней школе № 1. В 1966 году его призвали в армию и он очутился под Ташкентом в пос. Луначарский, где дислоцировалась бригада осназа РУ ТуркВО. Освоившись в службе, решил стать профессиональным военным, и уехал на учебу на 32-е курсы политсостава в город Оренбург. Там познакомился с будущей женой красивой уралочкой Людмилой Владимировной. Окончил курсы в 1970 году и прибыл для дальнейшей службы в 15-ю бригаду замполитом 4 роты спецназ. В бригаде состоялось его офицерское становление. Впоследствии стал пропагандистом бригады, секретарем парткомиссии (даже был удостоен чести участвовать во Всеармейском совещании секретарей парторганизаций в Кремле). В 1976 году поступил на педагогический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. После окончания учебы принял в Пскове должность заместителя начальника политотдела 2-й бригады, а через несколько лет возглавил политотдел в Печорском учебном полку спецназа. В 1985 году перевелся в Киевский военный округ, в город Кировоград. Возглавил политотдел 9-ой бригады спецназ, которая тогда была добротным десантным соединением. С началом развала армии и политорганов ушел в областной военный комиссариат начальником 1-го отдела военкомата. Сейчас полковник запаса. Женат. Имеет дочь Елену и сына Владимира.

Александр Волобуев отличался серьезностью, ответственностью. Его уважали в бригаде. Он был выпускником курсов политсостава и общевоинского факультета СВВПТАУ. Службу проходил замполитом роты минирования и заместителем командира отряда спецрадиосвязи бригады. Это был среднего роста стройный, атлетически сложенный офицер, трудоголик, влюбленный в работу, увлекающийся спортом. Впоследствии Волобуев достиг «олимпа» став полковником начальником политотдела-заместителем командира отдельной бригады связи в Северо-Кавказском военном округе.

Практически всю жизнь без выезда прослужил в бригаде усидчивый и ответственный политработник **Александр Владимирович Славник**. Родом он с Северного Кавказа. После срочной службы и школы прапорщиков стал секретарем комсомольской организации второго отряда спецназ в Чирчике. Работал заместителем командира роты спецназ по политчасти, у капитана Игоря Стодеревского, который о нем писал:

«Во всех моих начинаниях мне нужна была поддержка личного состава. Здесь много усилий приложил замполит роты прапорщик Александр Славник. Прапорщик-замполит — это исключительное явление, ведь у нас в спецназе это была капитанская должность. Но он справлялся с ней хорошо».

Заочно окончил общевоинской факультет СВВПТАУ и стал лейтенантом. В июле 1977 г. назначен помощником начальника политотдела бригады по комсомольской работе. С ноября 1979 года заместитель командира отряда спецназ. Позднее майор Славник стал секретарем парткомиссии бригады уже в Афганистане — в Джелалабаде в 1985 — 1987 гг. Женат. Имеет дочь Алену. К сожалению, его послевоенная судьба неизвестна.

Одним из первых орденосцев среди политработников стал замполит «мусульманского батальона» капитан **Саттаров Анвар Саттарович**. Он родился 8 сентября 1946 года в селе Учи Учинского района Наманганской области Узбекистана. После окончания школы поступил в Кокандское железнодорожное училище и впоследствии работал в локомотивном депо. В 1966 году призван в армию и окончил сержантскую учебу в г. Люберцы Московской области.

Служил командиром отделения в учебном подразделении РВСН в Ярославле, а позднее начальником радиолокационной станции слежения по низколетящим целям. После увольнения в запас в 1969 году принимает решение стать профессиональным военным и сдает вступительные экзамены в Новосибирское высшее военное-политическое общевоинское училище. В 1973 году по окончании училища попадает в ТуркВО, где назначается замполитом роты 371 Краснознаменного Зимовниковского мотострелкового полка. Служит успешно, как замкомандира отличного подразделения в 1975 году представляет ТуркВО на Всеармейском слете передовиков боевой и политической подготовки в Москве. В 1976 году по просьбе больной одинокой матери, нуждающейся в постоянном уходе, переведен пропагандистом в Наманганский областной военный комиссариат.

В мае 1979 года откомандировывается в 15 обрСпН на должность заместителя командира 7 отряда спецназ по политчасти. Во время штурма Дворца Амина замполит в рядах атакующих и получает ранение от

огня снайпера, но не покидает поле боя до завершения операции. За мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени.

В 1980 году в звании капитана назначен заместителем командира Тедженского учебного мотострелкового полка 61 учебной дивизии в Ашхабаде. За успехи в боевой и политической подготовке и умелое воспитание подчиненных по представлению командира полка полковника Аннамурата Солтанова и начальника политотдела дивизии полковника Халова приказом министра обороны СССР Саттарову присваивается воинское звание «майор» досрочно. Через год становится слушателем Военно-политической академии им. В.И. Ленина, после окончания которой служит в Северной группе войск.

В 1986 году переведен в ТуркВО в г. Сурхандарью на равную должность. Летом 1986 года повторно направлен в Афганистан в 149 мсп 201 мсд для оказания помощи командованию по подготовке к выводу танкового полка на территорию СССР. Осенью 1986 года переведен в политотдел Наманганского облвоенкомата. С 1992 по январь 2005 года начальник управления альтернативной службы Наманганской области. Военный пенсионер. Женат. Имеет двух сыновей и дочь.

Среди замполитов рот «мусульманского батальона» 15 обрСпН первым особо отличился **Абдуллаев Рашид Игамбердыевич**. Он родился в 1957 году в Башкирии. Окончив 8 классов, поступил в Казанское суворовское военное училище, после которого продолжил учебу в Свердловском высшем военно-политическом танко-артиллерийском училище. По окончании училища в 1978 году назначается замполитом роты в 232 учебном танковом полку в г. Теджене. В мае откомандировывается в Чирчик замполитом 3 роты в «мусульманский батальон» 15 обрСпН. В декабре 1979 года получает ранение при штурме дворца Амина и за проявленное мужество и героизм награждается орденом Красного Знамени. После пятимесячного лечения в госпитале назначается замполитом отдельного десантно-штурмового батальона в Южной Группе войск (Венгрия). С 1985 по 1988 — слушатель Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Во время обучения проявил способности к научной деятельности и уходит на преподавательскую работу в военное училище. В 1993 году переведен в Центральный Военный Научно-исследовательский институт МО Узбекистана (г. Нукус). С мая 1994 начальник кафедры в Самаркандском высшем военном автомобильном командно-инженерном училище. Впоследствии начальник кафедры Академии Вооруженных Сил Республики Узбекистан. Постоянно проживает в Чирчике. Женат, имеет двоих сыновей.

Не избежали Афганистана и другие политработники. Так замполит батальона спецназ майор **Евланов Анатолий Матвеевич** убыл в ДРА в 1985 году. Опытный человек, который до службы в спецназе стрелком-радистом на стратегическом бомбардировщике ТУ-16 облетел пол-

мира. В Афганистане он служил два года в должности заместителя начальника политотдела 15 обрСпН. Там же в Афганистане получил подполковника. После возвращения в Союз уволился в запас. Замполитом разведбата ушел в Афганистан старший лейтенант **Измалков Валерий Николаевич**. В 1980 году для поощрения офицеров спецназа, отличившихся в первых боях, большая группа передовиков получила возможность поступить на учебу в братские военные академии Варшавского договора. Так заместитель командира батальона выпускник СВВПАУ 1973 года выпуска капитан **Петрачев Александр Николаевич** поступил в Болгарскую военную академию в Софии, впоследствии возглавлял политотдел 22-й обрСпН в Лашкаргахе. Замполит роты старший лейтенант **Михайлов** поступил в Польскую военную академию в Варшаву. Одновременно с этим офицер политотдела **Алексей Павленко** в 1980 году был откомандирован военным советником при замполите полка в Афганистан. Капитан Махотин назначен замполитом танкового батальона в Кушку.

В мае 1987 года автор этих строк был вызван из Пскова в Москву в ЦК КПСС для утверждения в должности начальника политотдела 15 обрСпН. В административном отделе на Старой Площади меня ввели в обстановку в Афганистане и проинструктировали по формам и методам работы с органами местного самоуправления и партийными органами провинциального уровня. А также по особенностям политической и партийной работы в подразделениях бригады. Поскольку бригада была развернута по штатам военного времени, во всех ротах были политработники, в батальонах замполит батальона, парторг и секретарь комсомольской организации. По прибытии в Джелалабад, во время знакомства с хозяйством я пометил себе фамилии политработников, которые служили в бригаде. Некоторые из этого списка были в первые годы войны, а основная часть служила вместе со мной. Вот такой получился внушительный фолиант:

Политотдел бригады: Евланов Анатолий Матвеевич (заместитель начальника политотдела), Зозуля Сергей Григорьевич (заместитель начальника политотдела), Славник Александр Владимирович (секретарь парткомиссии), Глова Александр Николаевич (секретарь парткомиссии), Черепанов Сергей Петрович (агитатор), Ипатьев Виктор Сергеевич (орг-партработа), Гончар Геннадий Михайлович (по спецпропаганде), Гаренко Сергей Борисович (пом. по комсомолу), Яремко Николай Иванович (пом. по комсомолу).

ОСПС: Униченко Олег Петрович, Смирнов Валерий Николаевич (замполит батальона связи), Бойко Юрий Тимофеевич, прапорщик Муравьев Александр Владимирович, прапорщик Пудиновский Станислав Казимирович (комсорг батальона связи).

154-й ооСпН: Саттаров Анвар Саттарович (замполит батальона,

ранен, награжден орденом Красного Знамени), Воронов Владимир Николаевич (замполит батальона), Петров Сергей Александрович, Пинчук Николай Гаврилович (замполит батальона), Чичагин Анатолий Николаевич (замполит батальона), Гулевич Александр Дмитриевич (замполит батальона, награжден двумя орденами Красной Звезды), Баяндин Василий Николаевич (замполит батальона), Клоков Владимир Иванович (замполит батальона), Тукманбетов Мухаметджан Абуевич (парторг), Кара Оол Юрий (комсорг), Бобров Олег Юрьевич (комсорг), Хусаинов Мурат Ораевич (замполит 1 роты СпН), Стасюк Алексей Адамович (замполит 1 роты СпН, награжден орденом Красного Знамени), Борецкий Георгий (замполит роты СпН), Казаков Андрей Владимирович (замполит роты, прижизненно ранен, погиб в сбитом вертолете), Майоров Владимир Юрьевич (замполит 1 роты СпН), Касымов Солижон Собирович (замполит 2 роты СпН), Жеглов (замполит 2 роты СпН), Статкевич Владимир Владимирович (замполит роты СпН, убит в бою), Соколов Евгений Борисович (замполит 2 роты СпН), Абдуллаев Рашид Игамбердыевич (замполит 3 роты СпН, ранен, награжден орденом Красного Знамени), Ермаков Александр Михайлович, замполит 3 роты, ранен, Шепелев Сергей Павлович (замполит 3 роты СпН), Комбаров Александр Магрупович (замполит 4 роты), Бессонов Николай Анатольевич (рота минирования), Почтовик Игорь Александрович (рота мто).

177-й ооСпН: Муратов Мухтар Зиятдинович (замполит батальона), Бондаренко Виктор Сергеевич (замполит батальона), Мовенко Виктор Александрович (замполит батальона), Волош Владимир Владимирович (замполит батальона), Чернов Алексей Алексеевич, Мясников Игорь Борисович (замполит батальона), Козлов Аркадий Николаевич (парторг), Шарафутдинов Феим Зарифулович (комсорг, перенес контузию и тяжелую травму позвоночника), Федосов Владимир Павлович (комсорг), Батуев (замполит 1 роты СпН, погиб) Хальзов Игорь Викторович (замполит 1 роты СпН), Король Олег Владимирович (замполит 1 роты СпН), Жавтасов (замполит 2 роты СпН, ранен), Зубиков Валерий Владимирович (замполит 2 роты СпН), Галкин Андрей Валентинович, Самогулов (замполит 3 роты, ранен), Гусев Григорий Владимирович (замполит 3 роты СпН), Сивин (замполит 4 роты, ранен), Губин Сергей Григорьевич (рота минирования), Скоченко (замполит 5 роты, ранен), Сагатдинов Валерий Венерович (рота мто), Уажанов С., Афанасенко Александр Александрович.

668-й ооСпН: Герасименко Виктор Григорьевич (замполит батальона), Ткаличев Владимир (замполит батальона, переболел тифом и гепатитом), Тукманбетов Султан Абуевич (замполит батальона), Компанец Юрий Петрович (замполит батальона), Берзин Юрий Викторович (парторг), Смагулов Ербол Калманович (комсорг), Трофимов Михаил (замполит 1 роты СпН, погиб в 90-х г. в Югославии), Садовников

Михаил Иванович (замполит 1 роты СпН, перенес ранение и контузию, награжден тремя орденами Красной Звезды), Трофимов Павел Георгиевич (замполит 2 роты СпН, представлялся к званию Героя, награжден орденом Красного Знамени), Кара-Оол Леонид Валерьевич (замполит 2 роты), Быков Николай Васильевич (замполит 3 роты СпН), Галаганюк Сергей Владимирович (рота минирования, перенес ранение), Яцуга Владислав Викторович (рота мто), Комаров Валерий Викторович, Токарев, Симонов М.Г.

334-й ооСпН: Елецкий Владимир Сергеевич (замполит батальона), Петрухин Владимир Дмитриевич (замполит батальона), Кулюкин Виктор Георгиевич (замполит батальона), Нимко Михаил Анатольевич (замполит батальона), Чайка Александр Иванович (парторг), Машонкин Михаил Анатольевич (парторг), Самойленко Сергей Александрович (комсорг), Семенов Игорь Викторович (замполит 1 роты СпН), Карлов Александр Витальевич (замполит 1 роты СпН), Никокошев Вячеслав Владимирович (замполит 2 роты СпН), Голубев Сергей Андреевич (замполит 3 роты СпН), Щигорев Вячеслав Викторович (рота минирования), Кадыров Александр Хашинжанович (рота мто); Бондаренко Михаил Иванович (начальник клуба), Гоговский Эдуард Владимирович (начальник клуба бригады).

Несколько человек были откомандированы в Союз вместе со снятыми с должностей командирами, трое — за бытовое пьянство. Основной костяк офицеров служил отлично. Особенно это касалось категории заместителей командиров рот, которые воевали вместе со своим личным составом. Но кроме замполитов Волоша, Стасюка, Жеглова, Борецкого Павла и Михаила Трофимовых, Майорова, Быкова, Садовникова, Галкина, Шарафутдинова, Короля, Семенова, Карлова, Никокошева, отмечали отчаянных парторгов и комсоров Чайку, Яремко, Мясникова, Аркадия Козлова и других.

Крепким сложившимся руководителем остался в моей памяти замполит 154 ооСпН майор **Клоков Владимир Иванович**. Он родился 9 декабря 1956 года в станице Кавказской Краснодарского края. По окончании средней школы в 1974 году поступил на инженерный факультет Донецкого высшего военно-политического училища инженерных войск и войск связи. Службу офицером начал в 1978 году в понтонно-мостовом полку окружного подчинения на Дальнем Востоке, затем в ГСВГ, где был переведен в подразделение спецназа. В 1985 — 1987 годах служил в 6 гвардейской танковой армии в Киевском военном округе.

В ДРА находился с 1 октября 1987 по 15 мая 1988 года в должностях заместителя командира батальона 386 полка 108 гвардейской мотострелковой дивизии в Панджшерском ущелье в населенном пункте Руха в провинции Парван, затем — заместителя командира 154 отдельного

отряда 15 бригады специального назначения в провинции Нангархар. За короткий период показал себя боевым офицером. Участник 47 боевых операций и вывода войск из Афганистана. Затем служил в городе Чирчике УзССР, участвовал в 1990 году в операции по поддержанию конституционного порядка в Азербайджане. В настоящее время — полковник милиции, первый заместитель командира ОМОНа ГУВД Краснодарского края. Награжден орденами Красной Звезды и Мужества, медалями «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, «За отличие в охране общественного порядка» и другими.

Владимир Иванович ярый сторонник того, что нельзя было оставлять Афганистан, не доведя начатого дела до конца. «Это же относится и к нынешним событиям на Северном Кавказе, — говорит он, — в которых ему и бойцам Краснодарского ОМОНа приходится участвовать по долгу службы». Используя свой афганский опыт, выработанное годами умение общаться с людьми, боевой офицер делает все для того, чтобы его подчиненные возвращались домой из своих опасных командировок без потерь.

«Сегодня, — говорит В.И. Клоков, — мы готовим наших бойцов по еще более жесткой и напряженной программе, чем та, которая была 15 — 16 лет назад в Афганистане. Иначе нельзя: изменилось время, боевые действия ведутся на российской территории, хотя их сценарий и характер очень напоминают афганские. Не скрою, что на меня некоторые обижаются за чрезмерные нагрузки и повышенные требования, но я уверен: только через упорный труд, постоянное совершенствование своей боевой выучки личный состав отряда милиции особого назначения ГУВД Краснодарского края способен успешно выполнять свои задачи. Потерять кого-то из своих ребят считаю недопустимым! В этом нахожу постоянную поддержку руководства ГУВД Краснодарского края. Ведь еще А.В. Суворов говорил: «Тяжело в учении — легко в бою!» К подразделениям особого назначения это относится в первую очередь!»

В ходе беседы со мной В.И. Клоков постепенно переходит от рассказа о днях сегодняшних к событиям Афганской войны. На столе появляются фотоальбомы, со снимков которых нам в глаза смотрят его однополчане, побратимы из 154 ооСпН. И кажется, что откуда-то издалека, со стороны афганских гор, снова слышатся отголоски давно прошедших сражений, доносится грозный рокот двигателей, усиленные эхом крики и стоны...

Листая страницы альбома, Владимир Иванович вспоминает об эпизоде, когда в марте 1988 года, выполняя свою основную задачу по обнаружению и перехвату вражеских караванов с оружием и боеприпасами и уничтожению душманов, боевая группа спецназа под командованием лейтенанта П.А. Маркова, старшим которой был майор

В.И. Клоков, в очередной раз вылетела на задание. Наконец, внизу показались строения кишлака Шахидан. Удалось заметить и лошадей с грузом, находившихся в горном ущелье. Заняв боевую позицию, вертолеты Ми-24 произвели несколько залпов НУРСами, поразив часть выючных животных. После того, как местность «отработали» наши штурмовики, бойцы под прикрытием вертолетов высадились и начали операцию. Уничтожив обнаруженных боевиков и захватив их оружие, группа благополучно вернулась в расположение своей части. Тогда отличился рядовой роты минирования Леошко из Ростова-на-Дону: проявив подлинное мужество, он провел разминирование местности, подходов к обнаруженному складу и лично уничтожил оружие и боеприпасы душманов.

Чуть позже в районе того же кишлака была перехвачена банда в составе 30 человек. Боевой группой руководили тогда капитан А.П. Шепелев и старший лейтенант В.В. Борзинец. Душманы погибли, но в бой вступили другие бандиты, укрывавшиеся в соседнем заброшенном поселке. Им удалось сбить наш вертолет, экипаж которого погиб. Чтобы не дать фанатикам надругаться над телами пилотов, на следующее утро в тот район, после бомбово-штурмового удара авиации, выдвинулись спецназовцы под командованием В.Ф. Воробьева. В.И. Клоков и А.Н. Ефентьев осуществляли прикрытия личного состава с барражировавших над горами вертолетов. Обнаружив и погрузив тела погибших и «черные ящики», боевые машины взлетели. В пылу боя трое солдат не заметили сигнала к отходу и остались сражаться с превосходившими силами противника. Вертолеты вернулись за ними, уничтожив душманов и взяв солдат на борт. Позже они были представлены к награждению орденами Красной Звезды, которые им вручили перед строем бригады.

«Мы делали тогда обычную боевую работу, — говорит В.И. Клоков. — К нашей общей чести хочу отметить, что даже специалисты ЦРУ США в своих аналитических обзорах отмечали высокие морально-боевые качества советских военнослужащих, а подобная оценка со стороны вероятного противника стоила очень многого!»

Яркой оказалась военная судьба у ветерана бригады, выпускника СВВПТАУ, полковника **Александра Николаевича Петрачева**. Уроженца Ленинграда, 1952 г.р., офицерское становление которого прошло на строевых должностях политработника в подразделениях и частях спецназначения ГРУ в ТуркВО, БВО и СибВО. После Афганистана, где он был заместителем командира — начальником политотдела 22-й обрСпН, вся его последующая служба состоялась на охваченном огнем Кавказе. Исполняя обязанности заместителя командира 10-й и 147-й мотострелковых дивизий по воспитательной работе, позднее заместителя командующего 58-й армии по воспитательной работе —

члена военного совета, он пережил сложнейшие времена непрерывных боевых действий на территории Чечни, Дагестана и Южной Осетии. В 2002 году в звании полковника уволен в запас с должности помощника начальника Главного автобронетанкового управления МО РФ по воспитательной работе. Награжден орденами Красной Звезды, «За военные заслуги» (РФ), Боевого Красного Знамени (ДРА), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени (с мечами). Вырастил трех сыновей.

Хорошо зарекомендовал себя замполит роты 177 ооСПН старший лейтенант **Король Олег Владимирович**. Уроженец г. Днепродзержинска Днепропетровской области, из пролетарской семьи, он с детства был приучен к тяжелому физическому труду. До того как стать курсантом НВВПОУ, послужил в армии, командовал средним танком Т-64. Зная его тягу к технике, комбат часто привлекал замполита для технической подготовки офицерского состава отряда. «Придут, бывало, выпускники-желторотики, референты-переводчики, живого бронетранспортера не видели, — рассказывал комбат А.Блажко. — Я приказываю: «Король, забирай в автопарк эту братию, и через неделю, чтобы все водили и стреляли из БМП и БТР, как ты!». И он хорошо их натащивал. Требовательный был, знающий и смелый офицер. Умел работать с личным составом и в бою не робел. Орденом Красной Звезды впоследствии был награжден». После Афганистана служил О.Король в Заполярье, в Пскове. В Печерах Псковских в учебном полку спецназ исполнял обязанности заместителя начальника школы прапорщиков. К сожалению, не дослужив до пенсии два года, был уволен в запас и уехал в Украину.

Добрым словом вспоминая всех своих коллег, я не могу не вспомнить старшего инструктора по оргпарработе политотдела бригады майора, впоследствии подполковника **Ипатьева Виктора Сергеевича**. Он родился в 1951 году в Кяхтинском районе Республики Бурятия. После 8 классов поступил в Уссурийское суворовское военное училище, а по его окончании — в Дальневосточное высшее общевоинское командное училище им. К.К. Рокоссовского. Службу проходил в Дальневосточном и Киевском военных округах. С ноября 1986 по май 1988 гг. на территории Афганистана в политотделе 15 обрСПН, а потом секретарем парткомиссии в 66 омсбр в Джелалабаде.

По возвращении в Союз служил в 17 танковой дивизии 6 гв. танковой армии в Кривом Роге, где с 1 сентября по 31 декабря 1988 г. принимал участие в ликвидации последствий на ЧАЭС. В 1992 г. уволен в запас со сокращению штатов. Вернулся на постоянное место жительства на родину в Иркутскую область. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и Мужества.

В настоящее время ведущий специалист по вопросам ГО и спецработе в Усть-Ордынском центре телекоммуникаций ОАО «Сибирьтелеком». Женат. Имеет две дочери.

Среди офицеров политотдела я особенно выделяю помощника по комсомолу старшего лейтенанта **Яремко Николая Ивановича**, по той простой причине, что мы с ним пережили 17 апреля 1988 года четыре обстрела, проскочили, отстреливаясь, через засаду моджахедов и остались живы. В боевой обстановке ему цены не было. Послевоенная жизнь его тоже не баловала.

Родился Николай 2 июня 1961 года на Украине в селе Великополовецком Сквирского района Киевской области в семье бедных крестьян. Отец Иван Герасимович, 1923 года рождения, окончил 7 классов, во время войны на две недели попал к немцам в плен. После государственной проверки органами НКВД, решением военного трибунала, объявлен предателем и осужден. До 1953 года мыкался по сталинским лагерям. Умер в 1998 году реабилитированным. Мать Елена Митрофановна, 1924 года рождения, имела 5 классов образования. Вырастила четверых детей — троих сыновей — Анатолия, Николая, Василия и дочь Ольгу.

Коля с детства был физически крепким и спортивным парнем. Все свободное время без остатка отдавал спорту. В 16 лет от роду играл в Киевском СКА в высшей лиге по волейболу. Занимался боксом. Кстати, после сорока лет вернулся в спорт и стал бронзовым призером Чемпионата Евросоюза среди ветеранов по баскетболу.

Он много учился в различных вузах, но по разным причинам обучение не закончил в Киевском институте физической культуры, в Минском педагогическом институте, в Новосибирском госуниверситете, Военно-политической академии им.В.И. Ленина. Согласно официальной справке имеет нижеперечисленное образование по диплому: в 1985 году Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища, в 1998 году Московского государственного университета леса по специальности экономика и управление в отраслях химико-лесного комплекса, инженер-экономист.

После окончания училища попал в Киевский военный округ на должность замполита роты охраны Аджанской базы хранения. 9 месяцев исполнял обязанности командира роты. Непрерывно писал командованию рапорта об отправке его добровольцем в Афганистан. Согласно рапорта был назначен замполитом роты минирования в Кировоградскую бригаду спецназ, откуда был откомандирован в Афганистан в Асадабадский батальон 15 бригады. После должности комсорга отряда спецназ, помощник начальника политотдела по комсомольской работе, инструктор отделения комсомольской работы политотдела 40 армии, замполит батальона в Московском военном округе, помощник на-

чальника политуправления по комсомольской работе МВО. После разгрома сторонников ГКЧП, арестован. Несколько месяцев провел в Матросской Тишине. Уволен из армии, исключен из академии, где учился заочно. Заново начинал жить. Не сломался и нашел себя в новом деле — экономике.

Научной деятельностью занимается с 1995 года, доктор экономических наук. Опубликовал ряд научных работ, в том числе «Управление кредитной организацией» (1998), «Стратегический маркетинг и управление кредитной организацией» (1999), «Ипотека в России» (1999), «Стратегический маркетинг кредитно-инвестиционных организаций» (2000), является автором книг «Проведение ревизий и проверок в агропромышленном комплексе России» (2004), «Методика проведения контрольных мероприятий в агропромышленном комплексе России» (2002). Побывал в 20 странах мира.

В настоящее время является начальником контрольно-ревизионного управления Министерства сельского хозяйства России.

Яремко счастливый отец четырех сыновей: Ивана 1983 г.р., Ильи, 1992 г.р., Арсения, 1995 г.р., Александра, 1997 г.рождения. Живет в Москве.

Николай любит повторять фразу историка: «Великие люди рождаются в провинции, а умирают в столице». — Это про меня, — говорит он. В некоторой степени это, наверное, так...

Бездумный эксперимент, проведенный в армиях на постсоветском пространстве показал, что вакуум, образованный после ликвидации политорганов, необходимо было чем-то заполнять. Война в Чечне продемонстрировала, что моральным духом солдат надо было немедленно кому-то серьезно заниматься, и вновь были возрождены, вроде бы ликвидированные уже навсегда, замполиты и политруки, — только теперь уже как заместители командиров по воспитательной работе. Что в принципе не изменило их сути. Так их и продолжают называть в войсках — замполиты.

Не обошли войны и миротворческие операции рубежа столетий ветерана бригады, кавалера двух орденов Красной Звезды полковника **Гулевича Александра Дмитриевича.**

Ему выпускнику Минского СВУ, Новосибирского ВВПОУ, прослужившему замполитом 154 ооСПН до апреля 1987 года в Джелалабаде, навсегда врезался в память Асадабадский батальон, в котором он получил боевую закалку, возглавляя партийную организацию. Проведя два года в боях он и думать тогда не мог, что еще двадцать лет (до конца 2008 года) будет востребован как комиссар «продуваемых всеми ветрами войсках». А потом у него была Брестская десантно-штурмовая бригада, Капчагайская воздушно-десантная бригада, 242-й учебный Центр ВДВ, 98-я воздушно-десантная дивизия в Иваново, Рязанское воздуш-

но-десантное училище. Пройдя на передовой все должности строевого политработника, последние пять лет армейской службы, полковник Гулевич А.Д. являлся заместителем командующего Воздушно-десантными войсками по воспитательной работе. За ним закрепилась репутация умного, взвешенного и грамотного офицера-десантника. В составе группы исследователей, А.Д. Гулевич, внес немалый вклад в обобщение боевой истории ВДВ за последние полстолетия. По мнению историков, достойным аналитическим сборником последних лет стала книга «ВДВ России», изданная при его личном участии в 2007 г., при финансовой поддержке Фонда содействия ВДВ и спецназу им. генерала армии В.Ф.Маргелова. Воспитал двух сыновей, старший выбрал для себя беспокойную службу в МЧС России.

ВЕХИ ИСТОРИИ

**ФЛОРА И ФАУНА
АФГАНИСТАНА И
НЕИСТРЕБИМЫЙ РУССКИЙ
ХАРАКТЕР**

*Не вернулся из разведки
Старый друг, но слезы прочь! —
На трехтысячной отметке
Вновь и вновь штурмую... ночь.
Часто я не сплю ночами —
То, что было, не ушло:
Мне парадными речами —
Выбить память тяжело.
Владимир КОШЕЛЕВ.*

Природа Джелалабада и Асадабада поражает обилием своей флоры. Но только здесь в Афганистане в провинциях Кунар и Нангархар растут банановые пальмы и эвкалипты...

Эвкалипт — во многих отношениях замечательное дерево. Он быстро растет и достигает 100 метров. Не знаю, кто и когда завез их из Австралии, но эвкалипты прижились в Джелалабаде и успешно использовались для осушения переувлажненных местных грунтов.

Насколько я помню, в Союзе их много только во влажной Колхиде. Популярность эвкалипта очень высокая, благодаря ценному эфирному маслу, убивающему многие микробы. Наши солдаты и офицеры широко используют эвкалиптовые веники в бане, поскольку они создают своеобразный лечебный дух в парной, помогающий избавиться от недугов. Благодаря особому химическому составу, у эвкалиптов очень мало вредителей и болезней. Это настоящее дерево жизни, которое оберегает и нас, иностранцев, от болезней.

Много фруктовых деревьев, которые в условиях жаркого климата источают необыкновенный чарующий цитрусовый аромат. На ветках томно висят темно-зеленые плоды грейпфрута размерами в средний лимон, которые к осени созреют и станут большие и желтые. Впервые в жизни здесь я увидел необыкновенно богатое изобилие цветов.

Особенно произвела впечатление необычная лиана из семейства

ночечетных, под названием бугенвиллия, она встречалась всюду — на ухоженных газонах королевского дворца и у бедных лачуг. Одно такое пятиметровое сокровище растет рядом с нашим командирским модулем. Бугенвиллия нравится всем своими ярко окрашенными чистыми и теплыми тонами. Как ни странно, самые яркие розовые органы являются не цветками, а прицветными листьями. В условиях субтропиков Джелалабадской низменности они цветут круглый год и производят какое-то необычное праздничное оживление.

Но и фауна не уступает своим многообразием. Первое знакомство с ней у меня состоялось с варанами, которые бегали по стенам и потолку наших жилых и служебных помещений. Они относятся к семейству наиболее крупных ящериц, обладающих стройным и мускулистым телом с хорошо развитыми пятипальными конечностями. Более или менее вытянутая, тупо закругленная спереди голова венчает длинную и толстую шею. Афганские вараны имеют разнообразную окраску (полосатые, желтые, пустынного или серого цвета), но приглушенного, не слишком яркого оттенка. Они удивительно хорошо лазают по деревьям и охотно заходят в воду. Убежищами им служат норы и дупла деревьев. Часто пугают нас, когда неожиданно взбираются на кусты и деревья для разорения птичьих гнезд, и спрыгивая с высоты на землю рядом с нами.

По словам афганцев, вараны не покидают территории своих участков и являются их хозяевами. Вараны — активные хищники, поедающие птиц, ящериц, змей, мышей, черепах, скорпионов, фаланг, насекомых, хотя некоторые из них разнообразят свой рацион плодами и семенами растений. От человека варан старается убежать. В движении они быстры и грациозны, бегают со скоростью 100 метров в минуту, высоко приподняв тело на растопыренных ногах и не касаясь хвостом земли.

Однако наш боец любопытен и в свободное время охотится за варанами, поэтому в случае опасности тот яростно защищается от них и кусается как собака. При этом сильно раздувает тело, отчего оно становится широким и плоским, громко шипит, высовывает язык и широко раскрывает пасть, пытаясь укусить. Для устрашения он с силой хлещет хвостом направо и налево, не позволяя взять себя в руки. Укусы его довольно болезненны, причем, как рассказывают, крупные вараны в состоянии перекусить человеку палец, подтверждая поговорку, — ему палец в рот не клади.

Но грозой животного мира здесь являются многочисленные змеи. Наиболее распространенные среди них индийские кобры. Я познакомился с представительницей этого мерзкого племени при забавных обстоятельствах на собственной территории штаба бригады.

Однажды, проходя мимо стоянки техники спецрадиосвязи, уви-

дел дюжину солдат хозяйственного и автовзвода, оживленно разговаривающих, издающих истошные вопли и взрывающиеся при этом гомерическим смехом. Молодежи свойственно веселье, но такое неадекватное поведение многих бойцов насторожило меня. Поэтому я подошел к ним.

Они поднялись, приветствуя меня, и в этот момент я увидел на площадке между ними вертикально поднятую переднюю часть тела полутораметровой очковой змеи, которая грозно опустив голову и раздув капюшон на шее с ярко проступившим рисунком, очень похожим на настоящие очки, танцевала грозный танец. Дикий суеверный страх охватил меня мгновенно.

— Вы что совсем обалдели, ребята? У нее же смертельный укус, — сказал я приглушенно.

— Не бойтесь, она ручная, — ответил мне громко и нарочито задиристо рядовой Сызранцев из комендантского взвода, — мы ей рот зашили нитками.

При этих словах он опустил перед коброй на колени и вытянул вперед руку как заклинатель змей, демонстрируя мне и притихшей компании «магическое искусство колдуна».

Однако наша кобра не захотела повиноваться шарлатану и нанесла резкий удар для укуса, а потом попыталась отползти в сторону, но ей преграждали путь пыльные солдатские ботинки, и она вновь приняла боевую стойку. Но на этот раз ловко схватил змею за хвост и поднял в воздух рядовой Даншин.

Я отпрянул, когда взглянул в небольшие с крупными зрачками глаза этого наводящего всеобщий ужас чудовища.

— Где вы ее поймали? — спросил я.

— В фундаменте нашего модуля, — ответили, перебивая друг друга санитары рядовые Данильченко и Тарасюк.

— А еще одну видели под корнями деревьев, рядом с магазином «Военторг», но поймать ее не сумели. Уползла, — добавили Михайлов и Слюняев.

— Как же вы не побоялись взять ее в руки и зашить пасть?

— А мы хотели сначала просто ей зубы выломать, но побоялись, вот и зашили, — пояснил Мухамеджанов.

— Немедленно прекратить это баловство. Насколько я знаю, самцы и самки держатся парами, так что побаивайтесь мести второй змеи.

Вечером на совещании офицеров мы с командиром бригады подробно проанализировали этот факт и дали жесткие указания командирам и политработникам тщательно проверить всю территорию и обеспечить безопасность в местах человеческого жилья. Напомнили, что среди 14 видов кобр встречаются плюющие змеи, способные выбрызгивать яд в направлении врага на расстояние до 2 метров. При попада-

нии яда в глаза наступает помутнение роговицы и полная слепота. А легенды об обломанных зубах необоснованны, так как даже обломанными основаниями змея может нанести ранение и выпрыснуть яд. А вместо сломанных зубов быстро вырастают не менее ядовитые заместители.

Врачи медпункта бригады доложили о наличии в аптеке противоядия от укуса кобры и проведенном инструктаже санитаров и любопытного личного состава.

Все оживились, ветераны отряда спецрадиосвязи начали вспоминать, что раньше змей не было, так как на территории бывшего оливкового завода жил мангуст, который выслеживал и бесстрашно нападал на заползающих змей, но как-то в 1986 году ночью его застрелил испуганный часовой комендантского взвода. Жаль, а ведь этих защитников людей описал еще легендарный Редьярд Киплинг, помните рассказы о Рики-Тики-Тави.

Серьезный тон служебного разговора оказался на время нарушенным, и на перебой старожилы бригады стали вспоминать проделки еще одного животного — любимца соединения маргышкообразной обезьяны по кличке Тарас. Необычайно юркая обезьянка этого типа, если верить рассказанным индийским легендам, в древние времена была объявлена священной за то, что украла для своего народа чудесный плод манго, который рос тогда только в саду злого цейлонского великана. Обезьянка была поймана на месте и брошена в огонь, но смерти избежала — только лицо и руки навсегда остались обожженными, черного цвета. Складывалось впечатление, что Тарас чувствует свою исключительность и поэтому ведет себя с многими очень заносчиво и цинично.

Во-первых, он сумел влюбить в себя командира бригады, который позволял ему многое и в том числе сидеть на своем правом плече. Тарас не разлучался с командиром, а когда тот выезжал на боевые и закрывал его в модуле, он очень скучал и издавал печальные звуки.

Во-вторых, если командир начинал журить за недостатки своих подчиненных офицеров, то и Тарас порой бросался на объект критики и начинал его бить кулаками и кусать за погоны и плечи. При этом, стараясь больше демонстрировать усердие и злость, чем делать больно.

В-третьих, во время обхода, созерцая городок с плеча командира, он ловко и быстро запрыгивал на ветки эвкалиптов и скакал с кроны одного на крону другого дерева — осматривая территорию. Если обнаруживал незваных гостей, то начинал громко и противно кричать, а кошек из местного афганского кишлака с невероятной скоростью настигал и с остервенением насиловал.

Но Тарас очень боялся змей и являлся индикатором опасности — обходил стороной те участки, где они могли находиться.

В отличие от животного мира, наши же бойцы инстинктивно не боялись ничего. Смесь мальчишеского интереса к азиатской экзотике и поиск экстрима толкала их порой на минные поля.

На днях одного разгильдяя из комендантской роты штаба бригады потеряли. Долго искали и нашли спящим на минном поле. Когда его спросили:

— Осознавал ли он, что его жизнь подвергалась опасности?

Ответил:

— И что вы нервничаете, ничего страшного не произошло. Хотя выпался вдоволь и никто не мешал.

Вот уж, действительно, нашего солдата напугать ничем нельзя. Настоящими былинными героями были наши разведчики. Вчерашние мальчишки переносили неслыханные психологические и физические нагрузки и не выходили из боев. Порой и в пунктах постоянной дислокации им не было покоя, так как городки обстреливались мятежниками. Особенно тяжело пришлось асабабадцам.

Особенно страшным в истории 334 отряда выдался день 27 ноября 1987 г. Через двадцать лет, ветеран 334 ооСпН, механик-водитель 1 роты СпН, инвалид войны рядовой в отставке Игорь Якимчук вспоминал:

«С утра мы с Березиным работали в автопарке — перевозили на ГАЗ-66 новую коробку передач на его БМП. Вроде и подвязали проволокой прочно, но когда стали разгружать, уронили ее на землю. От затрещины роты лейтенанта Олега Чукина крепко досталось. Материл он от души:

— Мудак ты, Береза стоеросовая, ты же нулевую коробку угробил...

Мы потом долго сидели и клеили ее эпоксидкой. К полудню повседневность скрасили вертушки, подсевшие на наш аэродром. Наш взводный старший лейтенант Вадим Матюшин проверил группу и увел ее к вертолетам для подлета на выносной пост. Но что-то долго не взлетали. Десант был смешанный, то ли пехота с 66-й тянулась, то ли что я не помню. Мы подошли поболтать к бортам. В одной вертушке сидел мой земляк Саня Мороз из Белоруссии. Потрепались, я обратил внимание, что он какой-то нервный, не в себе. Вдруг собрал все свое имущество и вышел из салона. Ему Матюшин:

— Ты куда, Мороз?

А он отвечает:

— Я не полечу.

— Как? Что с тобой?

А он отвечает:

— Не полечу и все.

Он же нормальный парень был с нашего призыва. Воевал нормально, а тут непонятное поведение...

— Кто-то из нашей роты, сейчас не помню, говорит:

— Разрешите мне.

Ну, делать нечего, Матюшин говорит:

— Садись.

Вскоре они взлетели.

Мы все пошли заниматься своими делами, и сам момент гибели вертолета я не видел. Вдруг крики, взрыв, суматоха началась... Оказывается, вертолет с Матюшиным только через Кунар перелетел, их из двух «Стингеров» и долбанули. Как потом рассказывали, один летчик выпрыгнул, но высоты ему не хватило и парашют не успел раскрыться, второй летчик при ударе об землю вылетел через лобовое стекло и тоже лежал отдельно мертвый. Все кто были в салоне погибли.

Тут всех, кто был под рукой, загрузили на вертолеты и к месту гибели выбросили для блокирования района, помню, летчик очень нервничал и кричал, что не полетит, но его уговорили. Прилетели два «крокодила» и давай землю рыхлить. А когда они подсаживались к нам, мы заряжали их НУРСами. Потом нам с Копой приказали собрать все документы и одежду погибших и принести в штаб на отправку с телами в «Черный тюльпан».

Только это закончили — по городку эрэсы начали рваться. Все бросились в укрытия. Мы с Копой побежали в автопарк и залезли в правое десантное отделение БМП. Закурили — пыхнули. А разрывы все ближе рвутся. Андрюха хотел дверь закрыть, а я ему говорю:

— Михалыч, не закрывай, а то обоим ж... будет, — только произнес эти проклятые слова, как дзынкнет, и я выпал из реальности. Очутился, но еще ничего не понимаю. Андрея рядом нет. Голову поднимаю, а надо мной в броне дыра. Вниз глянул, а там болванка от эрэса загнута розочкой. Начал вылезать, а левая нога не слушается — болтается, как снятый наполовину сапог. Хотел опереться правой рукой, не могу — осколком плечо перебито. Кое-как вылез наружу. Осмотрелся. Андрюха окровавленный лежит неподалеку в песке, весь перебит — мешок с костями. Чуть выше автопарка вижу офицера с биноклем — наблюдает за духами и корректирует огонь батареи. Я хочу крикнуть, а голоса нет. Оказалось, правое легкое осколком перебито. Но увидели меня, подбежали несколько человек и земляк мой Мороз. А разрывы опять все ближе и ближе. Погасили меня ребята под горку. Тут как грохнет, и Мороз меня своим телом закрыл. Я ему кричу:

— Сам прячься, убьют!

А он меня как ребенка опекает, не бросил. В этот момент мне себя так жалко стало, ведь всего 19 лет, как жить охота, прямо до слез.

Чуть обстрел уменьшился, меня уволокли в санчасть к пехоте. Тут приехал начштаба отряда Качура и осматривает наших раненых. Я ему:

— Товарищ майор, что с Копой?

А он отвечает:

— Убит твой Копа!

А солдат ему говорит:

— Зачем вы ему так?

Вероятно, очень я плохой был в тот момент. Оказали мне первую помощь и в нашу санчасть перевезли до темноты. Вкололи то ли 3, то ли 4 тубика промидола, и не пробивает. Как стемнело, пришли вертолеты и нас многих раненых загрузили для отправки на «Сеялку» в Джелалабад. Там меня прооперировали, и я в реанимации провалялся пять суток. Со мной в палате еще четверо тяжелых лежали. Потом отправили нас в Кабул, а через месяц в Союз. Сколько мне операций сделали, не помню — я счет потерял. В Москве в Бурденко лежал десять месяцев. Там и со своей женой познакомился. Она медсестра. После излечения, я уехал с ней жить на ее родину — на Урал. Сына назвал именем нашего взводного».

А ветеран отряда инвалид войны разведчик Евгений Заднипрный из Днепропетровска вспоминал тот день так:

«Когда сбили вертолет, подняли по тревоге остатки нашей роты, а там сплошь были — раненые, больные, хромые. Лейтенант Карлов возглавил тот десант, но народу было мало, и он добавил на борт молодых солдат, что накануне прилетели. У тех глаза от ужаса по полтиннику. Поднялись в воздух и на гору Басмач. Зависли правым бортом, а сесть невозможно — склон. Пришлось прыгать из зависания вниз метров с трех-пяти. Но там спастись уже было некого. Все погибли. В этот момент духи начали обстрел городка. Я видел с горы начало обстрела со стороны, снаряды над нами пролетали. Видел, как один снаряд в бэмпэшку в автопарке попал. Потом мне сказали, что там сидели Копа и Якимчук. наших тогда погибших было трое: Лисовский Сергей Анатольевич (из Узбекистана), Шкабат Владимир Станиславович (из Украины) и Матюшин Вадим Александрович. Он отличный был офицер, вояка, юморист и балагур. Ему накануне начальник политотдела партбилет вручил и он всем с гордостью его показывал. А самое обидное, что погиб он в последние дни своей службы, так как уже ждал замену. В Кировограде он договорился с дембелями своей группы съехаться к Сергею Дубине, чтоб отметить возвращение. А вот как получилось. В тот день погибших и раненых у нас было очень много. Под обстрелом пострадали не мы одни — и пехота 66 бригады, и связисты, и минеры, и советники... На моих глазах после возвращения в городок одному бойцу ноги оторвало. Он бежал к бомбоубежищу, тут как грохнет сна-

ряд, и он упал в укрытие уже без ног. Фамилию, к сожалению, сейчас не скажу — забыл».

А за всем этим кошмаром войны остается святая чистая душа наших мальчишек, воспитанных на примерах мужества своих отцов и дедов. Так, например, беззаветно отдавался службе рядовой Олег Владимирович Нетребко. Не раз он с гордостью рассказывал о своем деде Петре Ильиче Нетребко, который старшим матросом служил в легендарном 384-м отдельном Краснознаменном Николаевском батальоне морской пехоты, воспитавшем за годы Великой Отечественной войны 71 Героя Советского Союза. Молодому поколению было на кого равняться и с кого брать пример.

Ветеран 334 отряда москвич полковник Игорь Семенов рассказывал: «Могу назвать имена всех бойцов, на которых пришлось писать наградные с пометкой «посмертно». Стоит перед глазами Николай Алексеевич Муравчук, сержант из Ростовской области, награжденный медалью «За отвагу», потом орденом Красной Звезды. Была у нас операция в районе Чемшай Масти 19 апреля 1986 года. До увольнения в запас ему оставалось пять дней. Коля вытаскивал раненых ребят и снова бросался в бой. Уже в темноте, бросившись на очередной крик о помощи, случайно зацепил растяжку и пятьдесят осколков вошли в его тело. Последние слова его были: «Ну, вот и все, ребята». Посмертно его наградили орденом Красного Знамени. Я плакал тогда как ребенок, думая о том, как все-таки несправедлива судьба. Золотой был парень, с которым можно было идти хоть к черту на рога. Забыть это невозможно».

Вспоминает разведчик 154 ооСпН рядовой Попов Олег Андреевич, уроженец с. Березнуватовка Днепропетровской области:

«Нашей 2 роте спецназ, в которой я служил снайпером, под командованием хорошего мужика — капитана Аракчеева, любимца всех солдат, фатально не везло на минных полях. Помню, за короткое время мы потеряли четыре бэтээра. Из них два потрескались по швам, один был насквозь прожжен в днище от кумулятивного заряда, а последний разнесло вдребезги на фугасе. Да, кроме этого, один бронетранспортер утонул при форсировании реки Кабул. Технику не жалко, но при подрывах всегда гибли люди. На память приходит такой эпизод: мы были на боевых под Сурхрудом. Вечером нас забрали на броню, и мы возвращались в пункт постоянной дислокации. Очень устали, было уже под утро. Несмотря на запрет, мы со Шлыковым и Петровым залезли в БТР и дремали. Колонна шла след в след. Я проснулся от мощного толчка, а затем взрыва, все на меня повалилось. Пошли удушливые газы. Мы думали, что горим и вылетели наружу в один люк. Увиденное представляло страшную картину. Все, кто сидел на броне, лежали разбросанными по сторонам от бэтээра. Оператор-наводчик был в созна-

нии, но ничего не понимал. Водителя Мишу Говенько из Тамбовщины вытащили из машины еще в сознании. Сделали укол промедола. Бросилось в глаза, что его левая нога вся была обтрепана, а пятки не было вообще. Мне показалось, что он будет жить, но когда прибежал ротный и, посмотрев на него, сказал: — Эх, Миша, Миша. — Я понял, что его не спасти. Вскоре его накрыли плащ-палаткой с головой... Примерно через месяц, 8 августа 1987 года, мы шли в колонне с 3 ротой, которой командовал капитан Н.В. Пархоменко. Вся рота прошла, а первый БТР нашей колонны, двигаясь по сухому руслу реки, наскочил на мину. Может, поставили ее духи в пыли перед самым носом, я не знаю. Я момент подрыва БТР не видел — он находился в низине, куски резины от колес и осколки долетели даже до нас. От взрыва БТР перевернулся. Башню сорвало, и она улетела вместе с оператором. Парень чудом остался жив. А на куски посебло моего земляка-днепропетровца, младшего сержанта Сашу Солдатенко, рядовых Юру Новикова и узбека Фариды Яхьяя. Врезалась в памяти страшная деталь — Саше придавило руку локтем, и когда мы доставали его тело, то пришлось эту руку отрубить.

Что вспоминается доброе об Афганистане? Во-первых, дружба! Сколько лет прошло, а мы встречаемся независимо от званий и должностей — офицеры и рядовые. Во-вторых, неподражаемый солдатский быт. Тогда мы так мучались от жары и жажды, а сейчас с удовольствием вспоминаю баню с эвкалиптом, бассейн перед штабом отряда, который сами сделали и в котором купались как маленькие дети... Разным букашкам радовались и жизни, которая была впереди... Тогда жили воспоминаниями о доме, а сейчас о войне...

Я редко достаю свою медаль «За отвагу». Разве что одеваю ее иногда в день ВДВ или в день Военной разведки. Каждый раз, когда беру ее в руки, думаю: — А ведь такие медали вручали нашим дедам и отцам — фронтовикам, за то, что освобождали нашу страну и всю Европу от фашизма. — Вспомню свою службу и товарищей, и такая ностальгия берет по молодости. Много лет прошло, а я твердо уверен, что мы были там, в Афгане, достойны своих отцов. Надеюсь, что мой сын Юра будет не хуже нас».

ВЕХИ ИСТОРИИ

ЛЕГЕНДЫ ДЖЕЛАЛАБАДСКОГО БАТАЛЬОНА

*Выполняя святой обряд,
Друг за друга стеною стоя,
Был спецназа крутой отряд
И родней моей, и семьею.*

В.А.НЕЙШОВИЧ.

Третий период участия 154 отряда в Афганской войне состоялся после обустройства в провинции Нангархар, что граничит с Пакистаном. «Джелалабадский» батальон в очередной раз оказался в нужное время в нужном месте. С приходом на политическую арену М.Горбачева начался новый этап эскалации боевых действий. С этого времени основной задачей спецназа стала «караванная» война. Проблема караванов всегда вызывала озабоченность советского командования. Чтобы ее решить, прибегали к разным способам: минировали границу (особо отличился ветеран 15 бригады полковник Тяпкин И.М., награжденный двумя орденами Красной Звезды); наносили бомбоштурмовые удары по предполагаемым местам стоянок караванов; совершали облеты больших участков приграничных территорий на вертолетах; совершали дерзкие налеты и рейды. Исламские партизаны, чтобы избежать потери караванов, стали прибегать к тактическому приему: сразу же после перехода афганской границы караван дробили на части и передавали в течение суток людям из отрядов оппозиции.

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в советских вооруженных силах накануне вторжения в эту страну не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск Генеральный штаб сделал довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в Афганистане. По всей видимости, вооруженная оппозиция в лице моджахедов не воспринималась в качестве серьезного противника. Только столкнувшись с мощью джихада, советское командование кардинально изменило свою первоначальную точку зрения. Функции специаль-

ных антипартизанских подразделений были возложены на спецназ, который изначально имел совершенно иное предназначение.

Парадокс ситуации заключался в том, что настольными книгами моджахедов были пособия, написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время Второй мировой войны. А командирам-спецназовцам нашей бригады пришлось досконально изучать немецкие наставления по борьбе с советскими партизанами. В определенной мере спецназу на себе пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан, творчески переработанный и приспособленный к азиатским условиям.

Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительное поражение исламским партизанам. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в различное время наполеоновские войска в Испании, немецкие — в России и Югославии, американские — во Вьетнаме. Подавить партизанское движение, имеющее широкое признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Однако операции, проведенные спецназом против моджахедов, достойны глубокого изучения.

Большие заслуги в этой напряженной вооруженной борьбе с мятежниками имел 154-й отряд спецназ. 6 ноября 1983 года в присутствии командира 15 бригады полковника Стекольников Анатолия Михайловича Стодеревский сдал отряд новичку, прибывшему из Союза, майору Алексеенко Василию Ивановичу, которого через три месяца пришлось заменить на Портнягина В.П.

Майор Владимир Павлович Портнягин был волевым и харизматичным человеком, по оценке комбрига полковника Бабушкина В.М.: «Нормальным офицером. Твердым средним комбатом — на своем месте». Автор этих строк был знаком с Портнягиным с курсантской юности по СВВПТАУ.

В среде курсантов, Володя Портнягин был, пожалуй, одной из популярных личностей в училище. Он постоянно занимался спортом и имел высокие спортивные результаты в соревнованиях различного уровня в легкой атлетике, по борьбе самбо, в стрельбе из пистолета, в офицерском многоборье, в горном туризме, и пропагандировал здоровый образ жизни. О нем мне было известно, что он из семьи профессиональных военных. Отец Владимира Павел Павлович Портнягин в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым батальоном и был награжден четырьмя орденами, среди которых был и высокопочитаемый в армии орден Боевого Красного Знамени. Поэтому не случай-

но Владимира с детства привлекала романтика военной службы и тяга к экстриму. Закончив 7 классов и став студентом Челябинского железнодорожного училища, он возглавлял студенческий оперативный отряд по борьбе с преступностью. Стал внештатным сотрудником милиции. После завершения учебы работал монтером на энергоучастках ЮУЖД. В ноябре 1966 года призван на военную службу и направлен на обучение в школу младших командиров войск ПВО страны. Ревностное отношение к военной специальности оказалось отмеченным в Книге Почета школы. Через год по рекомендации командования был направлен на учебу в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище. С отличием в июне 1971 года его закончил и был направлен в Закавказский военный округ. Ровно через тринадцать лет после окончания СВВПТАУ Владимир Портнягин был назначен командиром 154-го ооСпН в Афганистане. Шел февраль 1984 года. На мой вопрос:

— Володя, как ты попал в спецназ?

Он ответил лаконично:

— Был отобран разведчиками округа для службы в 12-ю отдельную бригаду спецназначения на должность замполита роты спецназ. А потом в ходе службы был переведен на должность начальника физической подготовки и спорта части. В том же полку стал начальником разведки. В 1980 году был назначен заместителем командира 173 ооСпН. В 1983 году стал командиром отряда 12 обрСпН. В период войны кадровая чехарда и волюнтаризм, поспешность в решениях вырвали из рядов 40-й армии многих командиров и политработников, не успевших еще набраться опыта и допустивших ошибки, повлекшие потери в боевых столкновениях с моджахедами.

Уровень боевой подготовки командиров в мирное время оценивали на практических занятиях и тактических учениях, в этом плане сравниться с Портнягиным могли не многие. Сергей Козлов почему-то по этому поводу недоброжелательно пишет: «Организовав несколько «показух», на которых присутствовало высокое начальство, он был обласкан». Действительно, когда понадобилась замена в ДРА, вспомнили Портнягина. Лично начальник направления специальной разведки ГРУ Герой Советского Союза В.В. Колесник отобрал Владимира Павловича Портнягина на должность комбата в свой любимый, им сформированный в 1979 г, 154 ооСпН. А это был признак особого высокого доверия с его стороны. Ибо этот отряд под командованием майора Игоря Стодеревского добился высокого боевого авторитета у командования 40 ОА и руководства ГРУ. А то, что новый командир из политработников, роли не играло, в армии таких было немало. Даже начальник штаба 40 ОА, генерал-майор Ю.П. Греков, в свое время закончил военно-политическое училище.

Новый комбат производил приятное впечатление. Он был высок, сухощав и строен, что выдавало хорошую спортивную подготовку. Говорил лаконично и складно. Любил воспитывать личный состав по принципу: «Делай, как я!». Ему доверили командовать боевым уникальным коллективом. Из письма Портнягина майору И.Ю. Стодереvскому:

«9 февраля приказом начальника ГШ я стал командиром 154 ооСпН. Моего предшественника и замполита батальона сняли с должностей за потери. Во время нашего марша из Айбака на Джелалабад у нас тоже были потери, одна БМП в районе перевала Саланг упала в пропасть. По мнению командования, это произошло по причине низкой боеготовности и дисциплины.

Новым местом дислокации утвердили н.п.Шамархель (в 12 км. от провинциального центра), на территории 66 омсбр. В течение февраля-апреля изучал район и учился с подчиненными действовать в местных горах. Установил контакты с руководством провинции Нангархар и зонального управления ХАДа (госбезопасности). Через советников было достигнуто взаимодействие с вождями племен Моманд и Шинвари, что позволило провести ряд успешных операций без потерь личного состава.

В итоге часть территорий провинций Нангархар и Кунар взята под контроль племенем Моманд, имеющим 140 человек под ружьем. С боевым отрядом племени Шинвари проведена совместная операция по ликвидации баз оппозиции в уезде Назьян. Оказана помощь ХАДу в формировании и обучении первого в Афганистане оперативного батальона ХАД, в котором советником майор КГБ Труш Г.А. Здесь жизнь напряженная, воюем часто. Офицеры все живы, кроме С.Овчаренко и О.Скуридина. Первый погиб 23.03., а второй с четырьмя солдатами погиб 08.04. Погибли они героически — досмотровая группа попала под огонь из кишлака. И они фактически взяли огонь на себя. Атаковали расчет ДШК. Чтобы их найти, в тот район высадили весь батальон и еще две роты усиления от соседей (66 омсбр).

Мы заняли всю долину и господствующие высоты. Правда, были и потери: у нас трое и у мотострелков много подорвалось на минах. Но с духами мы поквитались. Объяснили им доходчиво. Может быть, после того боя и пошли слухи о моем снятии. На мое несчастье, большой начальник в бинокль видел моих бойцов в деле и в моем присутствии. Очень возмутился, и отстранил меня от должности на целые сутки. А за эти сутки соседи напоролись на пакистанцев и был очень напряженный бой, который, вероятно, убедил начальников, что духов надо воспитывать «как спецназ».

Сейчас, кажется, снимать не за что, хотя здесь это делается быстро. Приехавшего вместе со мной командира батальона в Газни уже

сняли, якобы за трусость. Меня же, наоборот, обвиняют в авантюризме, но ни на одной из моих «авантюр» пока ни один мой боец даже не ранен (Скуридин не в счет), только на mine потеряли одно колесо у БТР. Зато каждый выход дает результат.

17.05. Десять наших разведчиков пробрались в середину кишлака и там главаря с охраной накрыли. Кто из колыца вырвался, тоже далеко не ушли. Главаря забили, а с ним, оказывается, забили и гостей, которые были издалека. В апреле 1984, благодаря хорошим отношениям, сложившимся с советническим аппаратом и местной властью, получил территорию под отдельный городок отряда: 6 каменных строений бывшей птицефабрики, эвкалиптовую рощу, небольшой канал с чистой горной водой. К маю провели ремонт развалин, отрыли две артезианские скважины, построили столовую, помещение караула, баню, склады, ремонтные мастерские. При этом все ремонтные и строительные работы выполнены собственными силами.

Добавлю к написанному Портнягиным, что этот городок 154 отряда при нем стал лучшим в бригаде, ибо другие части располагались значительно хуже: Газнийский батальон всю войну прожил в палатках, Баракинский батальон в землянках, а Асабабадский батальон, размещенный на полуострове, не имел возможностей для развития инфраструктуры из-за ежедневных обстрелов оппозицией.

Портнягин сообщал: «Приходится крутиться. В Союзе за год столько бы не сделал и не построил, а здесь за месяц порой такое делаем. Читал о тебе в «Красной звезде». Хорошо написано. Тебя в коллективе помнят, и потому за этой газетой охотились. Извини за краткость, сам знаешь, здесь рабочий день плавно переходит в рабочую ночь, а та — в новый рабочий день. Засыпаю на ходу. А в общем жизнь интересная, я себя чувствую на своем месте, занимаюсь делом, к которому стремился всю жизнь».

24 сентября 1984 г. духи обстреляли Джелалабадский аэродром и авиабазу реактивными снарядами. Портнягин поднял подразделения отряда по тревоге для прочесывания близлежащих кишлаков. Одно подразделение возглавил сам лично. Бывший командир роты спецназ Дмитрий Лютый об этом случае вспоминал:

«В кишлаке, в который пошел комбат, оказались духи. В составе бронегруппы, которая пошла туда, был проводник, лейтенант из батальона охраны. Именно их БРДМ и обстреляли в кишлаке из РПГ-7. Водителя практически разорвало надвое, а лейтенант, бросив в машине секретную карту, на которой были нанесены все минные поля и посты батальона охраны, все пристрелянные цели, сбегал. В эфире я услышал голос комбата: «Все ко мне!». Больше ничего понять было нельзя, поскольку частоту они сами и забили, пытаюсь говорить все сразу. Я поспешил на выручку. Вскоре в кишлаке мы обнаружили под-

битый БРДМ. Чтобы не подставлять машины, я приказал им дальше не двигаться, а взять окрестности под наблюдение, развернув башни в разные стороны. Мы полезли пешком. Духи, хоть и отвечали огнем, но нам удалось вытащить и труп водителя из подбитого бронника, и карту, и комбата Портнягина, которого ранило в том бою. Духи отошли по руслу на другой берег, мы их не преследовали».

В тот период начальником одной из оперативно-агентурных групп ГРУ в Джелалабаде был майор Бакуров А.Т., который хорошо знал Портнягина. Их дружба, естественно, способствовала доверительной дружной и творческой оперативной работе. Так он рассказывал, что генерал Гусев, тогдашний НШ ТуркВО, по приезду в Джелалабад был настроен снять Портнягина с должности за безрассудные, смелые и авантюрные действия по борьбе с бандформированиями. Но вникнув в суть дела, заслушав разведчиков ОАГр., побеседовав с афганскими руководителями — губернатором провинции, начальником ХАДа зоны «Восток», советскими советниками, он смягчил приказ командующего округа о наказании комбата, и более того приказал представить документы для награждения наиболее отличившихся офицеров и солдат. В итоге два командира группы 154 ооСпН лейтенанты В.Мусорин и С. Зинченко были награждены орденами Красного Знамени.

Сделав выводы из разбора, впоследствии Портнягин работал осторожнее, но несколько его операций получили скандальное звучание. Так Бакуров, в частности, вспоминал операцию по захвату в плен офицера пакистанской разведки, используя которого удалось искусно спровоцировать раскол в лагере оппозиции на территории провинции Нангархар, а также заключение договора о сотрудничестве с сыном вождя племени Шинвари Авилдачем, который дал важную информацию. На основании ее была проведена удачная советско-афганская специальная операция по ликвидации 13 руководителей бандформирований, прибывших из Пакистана в провинцию для активизации повстанческих действий. Правда, в том бою 154 ооСпН понес потери: геройски погибли лейтенант Х.М. Нафиков, младший сержант У.М. Магомедов, рядовой А.И.Харитонов. Портнягину не везло после лечения по ранению в медроте 66 омсбр в Джелалабаде, он подцепил гепатит в тяжелой форме. А потом вскрылась зажившая вроде бы рана, начались проблемы с поврежденным на подрыве позвоночником... 28 октября 1984 г. его эвакуировали в военный госпиталь в Союз.

Лечение Портнягина растянулось на три месяца. В новом, 1985 году возвращается в строй. До сентября 1985 г. он исполняет обязанности старшего офицера разведуправления Туркестанского военного округа. За этот период трижды участвовал в операциях в провинциях Нангархар, Кунар, в Панджшерском ущелье, а также в районе авиабазы Баграм. После чего откомандировывается в 14 обрСпН в г.Чучково Рязанской области командиром отряда СпН. Уволился в запас по болезни в октябре 1988 г. в звании подполковника. Вернулся на малую родину в г. Челябинск, где работал преподавателем истории. Возглавлял профком. Помимо основной работы, активно занимался общественной деятельностью — воспитанием молодежи. В 1990 г. совместно с уральским писателем Виктором Петровым инициировал создание в Челябинске детско-молодежной организации «Юные разведчики», занимающейся внешкольным воспитанием детей, восполняющим воспитание в семье и школе. В основу работы были положены традиции старейшей российской детской организации, основанной героем русско-японской войны офицером Генштаба Олегом Пантюховым в Павловске под Петроградом в 1909 г. Портнягин руководит психологической и физической подготовкой молодежи. В газете «Наш выбор» 21.09.1994 г. Владимир Портнягин излагает свое мировоззрение так: «Очень часто приходится слышать вопрос: зачем я трачу силы на работу с чужими детьми? Во-первых, не помогать подросткам в нынешнее время равносильно, как не протянуть руку помощи утопающему. Я хочу, чтобы было как можно больше людей, живущих по принципу: «Боже, дай, чтобы я сегодня был лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня...». «...Высочайшее наслаждение испытывает человек от преодоления экстрима, когда маятник его психологических и физиологических возможностей раскачивается с предельной амплитудой... Мальчишке заново хочется испытать это наслаждение, испытать гордость за свой характер, а таковая потребность — уже стимул для самосовершенствования...»

С такими нравственными установками постоянной проверки своих физических и психологических возможностей окупился Портнягин в вечную борьбу за социальную справедливость. После создания учебного центра частной охраны «Аргус» работал в нем инструктором по рукопашному бою, огневой и тактической подготовке, впоследствии директором.

С сентября 1995 по июнь 1998 гг. преподавал в университете финансов на кафедре экономической безопасности. Одновременно совершенствовал свои знания в области экономики, производства и финансовой деятельности, способах возможных хищений с предприятий. Большую практику борьбы против этих хищений получил начальником управления охраны и безопасности на «Уралавтозаводе» и агропромобъединении «МакФа».

Зная увлекающуюся натуру Владимира, который в спецназе дневал и ночевал на службе, нечто подобное «опьянение от работы» произошло и в гражданской деятельности. В 2004 г. он написал: «До конца февраля 1999 г. я постоянно находился на заводе. В этот период мой рабочий день составлял примерно 18 часов, а иногда, в период прове-

дения операций по пресечению хищений, по 2 — 3 суток непрерывно. Мной была выявлена хорошо организованная система хищений, в том числе с участием сотрудников милиции и охраны завода. Удавалось задерживать партии похищенной продукции общей стоимостью 500 тысяч рублей и более. В январе в г. Миассе был выявлен склад похищенной продукции на более чем 3 млн. рублей». К глубокому сожалению, деятельность Портнягина больше походила на бой Дон Кихота с ветряными мельницами. Он шел против всех. Портнягин писал:

«В феврале 1999 г. по решению Арбитражного суда в собственность «Уралавтозавода, был возвращен завод «Ивеко-УралАЗ». В связи с «искусственным» затягиванием юридического оформления принятия территории завода и имущества «на ответственное хранение» у меня произошел конфликт с руководством». Для того, чтобы убрать упряма, 6 января 2001 г. у подъезда дома на Портнягина было совершено покушение, но оно оказалось неудачным. Бравый спецназовец победил в схватке двоих нападавших, а затем, вызвав милицию, сдал их органам МВД. Тогда против него было сфальсифицировано дело о якобы «подготовке покушения» на одного из руководителей АПО «МакФа». После личного вмешательства начальника ГРУ генерала армии В.В. Корабельникова, губернатора Московской области Б.В. Громова, обратившиеся в соответствующие контрольные службы МВД, Генеральной Прокуратуры, ФСБ положение осужденного было смягчено. «Мотив преступления смехотворен и опровергнут свидетелями и документами, но оставлен в приговоре», — констатировал осужденный, — «но меня не сломать». Его борьба со злом продолжается. Весной 2007 года, пережив смерть единственной дочери Светланы, Владимир Павлович вернулся к полноценной жизни.

28 октября 1984 г., должность командира 154 ооСпН принял майор Дементьев Алексей Михайлович. Алексей родился 19 января 1953 года в селе Кошелевка Корсунского района Ульяновской области. После окончания Казанского суворовского и Ульяновского гвардейского высшего танкового командного училища проходил службу в различных частях Вооруженных сил Советской и Российской армии, пройдя путь от командира танкового взвода до командира батальона. Боевое крещение командир парашютно-десантного батальона капитан Дементьев получил в Афганистане, где прослужил с ноября 1983 по октябрь 1984 года. Здесь он стал майором, а потом возглавил 154 отряд специального назначения в Джелалабаде и успешно командовал им. Примером успешного ночного налета на кишлак служит операция, проведенная Дементьевым в феврале 1985 года, когда в ночном бою в кишлаке Тонги-Тогчи было уничтожено 28 главарей вместе с охраной исламской оппозиции провинции Нангархар. После этой акции активность душманов в провинции почти на месяц была сведена к нулю.

Комбата любили и уважали свои и боялись враги. В августе 1985 года он переходит на вышестоящую должность заместителем командира бригады СпН. За героизм и мужество, проявленные в боях, Алексей Михайлович награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

После окончания разведывательного факультета Военной академии имени М.В.Фрунзе, Дементьев назначен командиром 16 бригады специального назначения в Чучково, где, опираясь на боевой опыт, полученный в Афганистане, готовил специалистов для частей специального назначения. Уйдя в запас в звании подполковника, он не сидел без дела — руководил промышленным предприятием, работал в военном комиссариате...

К глубокому сожалению, 2 апреля 2007 года на 55-м году жизни после тяжелого онкологического заболевания Дементьев скончался. Дело его жизни продолжил младший сын Константин, который окончил военный институт.

С августа 1985 года по октябрь 1986 отрядом командовал капитан Абзалимов Рамиль Каримович. Он родился 4 апреля 1958 года в селе Захаровка Болотинского района Новосибирской области в бедной татарской семье. По рассказам близких родственников до революции его дед был муллой в Узбекистане, что впоследствии явилось причиной его ареста в годы массовых репрессий. Отец Рамиля прошел всю войну. Воевал смело. Семь раз был ранен. Закончил войну капитаном. До глубокой старости служил в МВД. В семье было одиннадцать детей. С 4 лет Рамиль мечтал быть военным. Учился в средней школе №5 Жана-Даур Илийского района Алмаатинской области.

После 8 класса поступил в Свердловское суворовское военное училище. Через полтора года в связи с ухудшением зрения отчислен из училища. Доучивался в школе, занимался по специальной программе, которую ему посоветовал врач в СВУ. Восстановил зрение до прежнего уровня и после окончания школы поступил в престижное Рязанское ВВДКУ в 9 роту.

В ноябре 1979 года молодой лейтенант направлен для прохождения службы в 15 обрСпН. 3 декабря командиром группы минирования улетел в Кабул. Награжден орденом Красной Звезды. После возвращения из Афганистана продолжал служить в бригаде. В 1981 году вторично направлен в Афганистан военным специалистом — инструктором по минно-подрывной подготовке в части Советской армии, что дислоцировались в провинции Лагман и в н.п.Джабаль-Уссарадж. С 1982 года заместитель командира отряда спецназ по воздушно-десантной подготовке.

В 1984 году вновь откомандировывается в Афганистан военным специалистом — инструктором в 668 ооСпН в Баграм. В связи с кад-

ровыми перестановками оставлен в ОКСВА и переведен в 154 ооСпН на должность заместителя командира отряда. В августе 1985 года назначается командиром отряда. При нем были спланированы и проведены операции по захвату укрепрайонов Гошта и Карера... Награжден вторым орденом Красной Звезды. В октябре 1986 года вернулся в Союз. В 1987 поступил на разведфак Военной академии им. М.В.Фрунзе, по окончании которой в 1990 году назначен начальником оперативно-планового отдела 14 обрСпН в Уссурийске. В 1993 году уволен в запас по болезни. Проживает в Казани. Имеет троих детей.

С октября 1986 по ноябрь 1987 года 154 ооСпН командовал подполковник Гилуч Владислав Петрович, который уверенно командовал батальоном. Планировал боевые операции и лично участвовал в реализации разведанных. Осенью его перевели на самый трудный в бригаде Асадабадский батальон для усиления командного состава. О нем см. подробно в статье «Асадабадские егеря».

Должность комбата в Джелалабаде у Гилуча В.П., принял капитан Воробьев В.Ф., опытный и боевой заместитель командира 668-го отряда, где он прекрасно себя зарекомендовал. Это был среднего роста, спортивный и гибкий, очень подвижный в движениях человек. Непременным предметом его постоянного гардероба являлся головной убор в форме берета воина-интернационалиста периода войны в республиканской Испании. Не только в этом, но и во многом другом Владимир показал себя оригинальным и творческим человеком, умным и дальновидным командиром.

Владимир Федорович Воробьев родился 20 февраля 1958 года в селе Емантаево Абдулинского района Оренбургской области. Окончил 8 классов и поступил в Калининское СВУ. В 1975 поступил в РВВДКУ на факультет спецназа. Училище окончил в 1979 году с золотой медалью. Офицерскую службу начинал в 1701 отдельном учебном полку спецназ командиром взвода минирования. Затем служил командиром группы СпН и командиром учебного взвода учебной роты в 3 гв.обрСпН (ГСВГ).

Усердие молодого офицера отмечают и выдвигают на должность заместителя командира — начальника ПДС орСпН 3-й гв.УОА, а через год он начальник штаба разведбата 47 тд 3-й УОА. По возвращении в Союз командиром в Афганистан на равную должность — начальником штаба 781-го разведывательного батальона 108 мсд 40-й армии. Но, узнав о наличии в составе армии частей спецназа, рвется к товарищам по училищу. Вскоре ему удается перевод на должность заместителя командира 668 ооСпН. На этой должностной ступеньке раскрывается военный талант боевого офицера. За мужество и героизм в марте 1987 года капитан Воробьев награжден орденом Красной Звезды.

В ноябре 1987 года его назначают на самый престижный

154 ооСпН. Под влиянием неутомимого командира, используются новые формы и методы борьбы, которые приводят к удаче боевых операций. Так, к примеру, 15 и 19 февраля 1988 захватываются четыре ПЗРК «Стингер». Майской колонной выводят свою часть без потерь на территорию СССР. За мужество и героизм в феврале и октябре 1988 г. майор Воробьев В.Ф. награждается двумя орденами Красного Знамени. Осенью 1988 года начинает учебу в Военной академии им.М.В.Фрунзе. После ее окончания осенью 1991 г. командиром в Чечню. До 1993 г. начальник разведки дивизии МВД в Белоруссии. Как перспективный оперативный офицер приглашается для работы с организованной преступностью в Интерпол. В конце 1993 г. оформил инвалидность и увольняется в запас.

С 2003 г. начальник службы безопасности банка в Минске. Жена. Имеет дочь и сына.

Под стать командирам подобрались и начальники штабов 154 ооСпН:

Ашуров Абдулкасым, Ершов Сергей, Ахметов Равиль, Быков Григорий, Лютый Дмитрий, Петунин Анатолий, Фрезе Валерий, Кондратьев Валерий, Самсонов Юрий.

Не повторяясь, расскажу о тех, о ком еще не написано. Начальник штаба отряда капитан Ершов Сергей Николаевич — военная косточка. Родился в с.Ляличи Приморского края в семье офицера 10 октября 1955 года. Когда подошло время, поступил и успешно окончил Уссурийское суворовское училище, за что впоследствии уже в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище от друзей получил ласковое прозвище «Тигренок». Осенью 1976 года лейтенант Ершов принял командование разведывательной группой в Чирчикской бригаде. Прошел последовательно все командные должности, а в 1981 году возглавил штаб 154 отряда и убыл с ним в Афганистан. Воевал достойно. Был тяжело ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». После ранения опять служил командиром отряда СпН в Чирчике в 15 обрСпН, а после ее ухода в Афганистан командовал учебным подразделением в Чирчикском учебном полку спецназ. С должности командира отряда поступил в 1988 году на разведфак в Военную академию им. М.В. Фрунзе. По распределению при выпуске попал в Изяславскую бригаду спецназ на должность заместителя командира бригады по ВДП, там же через два года стал заместителем командира бригады. Получил воинское звание полковник. В 1994 году назначен заместителем командира 17-й отдельной морской бригады СпН в г.Очакове. Присвоено воинское звание «капитан первого ранга» ВМФ Украины. В 1998 году стал комбригом. За успехи в боевой подготовке и умелое командование военноморским соединением награжден почетным знаком отличия министра

обороны Украины «Доблесть и честь». В 2004 году уволен в запас по возрасту. Женат. Имеет двух сыновей и дочь. Один из сыновей продолжил традицию офицерской династии Ершовых.

Начальник штаба капитан Ахметов Равиль Мусаевич родился в Свердловске 9 октября 1954 года. Окончил Киевское ВОКУ. Служил с 1976 по 1981 гг. в 75 орСпН в Венгрии. В сентябре 1981 года в Чирчике на должности командира группы спецназ, с апреля 1982 года в 154 ооСпН — командир 3 роты. В марте 1983 руководит боевой операцией по уничтожению полевого командира Ашрафа в Кули-Ишане. Награжден орденом Красной Звезды. После ранения Ершова Ахметова назначают начальником штаба отряда. В мае 1984 года из Афганистана убивает в Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1987 майор Ахметов Р. М. командир мотострелкового батальона 276 танкового полка 30 танковой дивизии в г. Новоград-Волынский. В момент развала Союза сменил несколько должностей, а с сентября 1991 начальник штаба отдельного вертолетного полка. Уволен в запас в звании полковника. В настоящее время работает в системе экономической безопасности предприятия. Живет в Киеве. Женат.

Сменщик Ахметова начальник штаба отряда майор Анатолий Анатольевич Петунин был прирожденным военным. Он родился 25.9.1952 в Бобруйске в семье офицера. Закончил Минское СВУ и Киевское ВОКУ. Это был высокий и крепкий мужчина, любивший в свободное время поиграть пудовыми гириями. После недолгой службы в части спецназначения попал командовать курсантами в Череповецкое училище радиозлектроники, непосредственно подчиненное ГРУ.

После продолжительной размеренной и предсказуемой службы уже капитаном вернулся в Вильянди заниматься любимым делом. Вскоре здесь подошла его очередь ехать в Афганистан. Командир роты Олег Мартьянов, который соседствовал в коммунальной квартире с семьей Петуниных, вспоминал:

«Разница в возрасте у нас была почти десять лет, но я ее никогда не ощущал. Анатолий относился к таким людям, с которыми сходишься именно по-человечески, духовно. Наверное, будь он генералом, мне, лейтенанту, с ним было бы общаться также легко, а тут оба взводные. По характеру он был оптимистом, грустить не любил. Никогда не впал в отчаяние. Говорил всегда одно и то же: «Ничего, прорвемся...»

Война быстро расставила все на свои места, показала, кто чего стоит. Взводным он был недолго, вскоре назначили начальником разведки батальона, затем начальником штаба. Через месяц службы в ДРА представили к ордену Красной Звезды. Осенью 1985-го, наконец, присвоили звание майора. Последним боем Анатолия стали мартовские сражения с духами на «Карере». Пуля снайпера сразила Петунина, перебив ему позвоночник, полностью разорвав спинной мозг, повредив

легкие, печень... Ранение было смертельным. Никто из врачей не мог объяснить, как он выжил с таким ранением в холодных горах, почти сутки ожидая вертолета и эвакуации в госпиталь. Осложнения начались сразу. Еще в Кабуле развилась гангрена правой ноги. Ее ампутуют, возникнут пролежни, незаживающие язвы, не прекращалось кровотечение. Петунина эвакуируют в Ташкент. Там посчитали, что его дни сочтены и что он не вынесет дальнейшей эвакуации в глубь страны. Вообще приходят к заключению, что его дни сочтены. Однако состояние раненого неожиданно улучшилось, появилась возможность переправить его в Москву в Центральный военно-морской госпиталь. На новом месте здоровье Петунина опять осложнилось.

Не выдержав картины ужасных ран сына умер от сердечного приступа отец-фронтовик Великой Отечественной. Самому выдержать все муки многочисленных операций, переливание 60 литров крови, помогла жена Анатолия Марина Юрьевна, которая стала его сиделкой, перевязочной сестрой и санитаркой. Может быть ее любовь, небесные силы, вдохновили его на новую жизнь. Произошло чудо — израненный, измученный, он вновь пошел на поправку. Едва поправившись, он передвигался в инвалидной коляске по госпиталю, навещая раненых афганцев, подбадривая их. У его кровати появились эспандер, гантели, гири. Месяцы мучительных тренировок, и в кресло сажали уже не «живые мощи», а крепыша с налитыми бицепсами и широкой грудью. Он никогда не расставался с десантной тельняшкой. Сам его пример воскрешения из мертвых действовал лучше любого лекарства. Сколько раненых он поднял на ноги. Это бескорыстное подвижничество было логическим продолжением подвига боевого.

Руководство госпиталя, видя этот каждодневный подвиг Петунина, направило рапорт Главкому Сухопутных войск с ходатайством о поощрении мужественного офицера-спецназовца. В Министерстве обороны подошли с пониманием и 6 апреля 1988 года для поддержки морального духа А. А. Петунина приказом министра ему присвоили звание подполковника, на ступень выше звания, предусмотренного по штатной должности. Такой подарок судьбы еще более окрылил Анатолия. Из Москвы его перевели в военно-морской госпиталь в Таллинне, морские врачи не захотели отдавать своего большого сухопутчикам. Когда последние части ОКСВА выходили в Союз, состояние Петунина резко ухудшилось. Погребовалась ампутация левой ноги. Он никогда не жаловался, только изредка говорил: «Ничего, прорвемся!» Он проправился и на этот раз. Но злобные нападки на семидесятилетнюю историю армии выводили его из себя. Сохранились письма Петунина о том времени, когда его сердце разрывалось от тоски: «Смотрел «Взгляд» и чуть не запустил в экран гантелей», «Становится противно брать в руки газеты. Прочитаешь и будто в грязи извозился... Но я — офицер Совет-

ской Армии! И спину, хоть и простреленную, гнуть не намерен!», «Почему с таким упорством вешают нам ярлык «оккупантов»?», «Почему они так дружно осуждают ввод советских войск в Афганистан? Почему американцы не оплевали в своем сенате ни вьетнамскую войну, ни налет на Ливию, ни вторжение на Гренаду?»

Его сердце остановилось 27 декабря 1989 года, когда в стране поминали десятую годовщину ввода наших войск в ДРА. Он должен был погибнуть на пакистанской границе от пули снайпера, но там он выжил, а погиб в родной стране... И только ли от огнестрельной раны? Кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды подполковник А. Петунин ушел в вечность. Кому-то покажется странным, что смертельно раненый, никогда ту войну не проклинал. Его друг С. Птичкин вспоминал: «Мне Анатолий как-то сказал: — Я же профессиональный военный и форму надел не только для парадов. На войне же, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Я честно выполнил свой долг до конца и стыдиться мне нечего...» К глубокому огорчению, командование Вильяндинской бригады спецназ никак не отреагировало на смерть своего сослуживца и его со всеми воинскими почестями под флагом ВМФ только через десять дней(!) после физической смерти похоронили моряки Балтийского флота...

Начальник штаба батальона Григорий Васильевич Быков, ушедший на повышение в 334 отряд, оставил о себе память как энергичный и непредсказуемый боевик. Битый за потери и за волюнтаризм, он всем своим поведением демонстрировал свою неординарность. На самостоятельной должности его талант раскрылся полностью.

Его сменщиком на должности начальника штаба отряда стал пунктуальный и во всех отношениях образцовый немец капитан Фрезе Валерий Рольфович. «Я горжусь тем, что роль немцев в развитии России, в превращении ее в мировую державу была очень заметна, — рассказывал Фрезе. — Немало немецких офицеров было и в старой русской армии, и в армии советской. Мои предки испокон веков жили в Поволжье. Известно, что республика немцев была ликвидирована, все ее жители выселены. Мои родители работали на лесоповале в Кировской области, а затем в колхозе в Сибири. Конечно, обидно, что были разрушены родовые гнезда. Но разве одни немцы пострадали в годы беззакония и произвола? А сколько русских крестьян сослали и уничтожили только за то, что они хорошо трудились и попадали под раскулачивание? Ни мне, ни моим родственникам даже в голову никогда не приходило начинать выяснять, кто же больше пострадал, или пытаться предъявлять счет кому-то за свои обиды. Нет! У нас у всех общая судьба, и общие наши ошибки мы должны исправлять вместе. Все мы должны болеть за судьбу Отечества, Союза.

Как немец, я никогда не ощущал к себе предвзятого отношения.

Продвижение по службе зависело только от меня, от моих способностей». Вспоминая Валерия Фрезе, могу сказать, что он был великолепным боевым офицером, взвешенным и серьезным. Его аналитические способности после академии были использованы на поприще преподавательской деятельности. Впоследствии ставший полковником начальником кафедры престижного военного учебного заведения России — Новосибирского высшего общевойскового командного училища, он подготовил сотни офицеров спецназа, которые прошли войну на Северном Кавказе. Десятки из них стали Героями России. Имея таких преподавателей за курсантов можно быть спокойным.

Авторитет последнего начальника штаба майора Самсонова Юрия Николаевича был высок еще до Афганистана. Юрий, уроженец Алтайского края, кавалер двух орденов Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», человек непростой военной судьбы. Он обладал удивительной деликатностью и выносливостью. Когда к нему приставали назойливо забияки, Юра отвечал застенчиво: «Отстань, пожалуйста. Не хочу». Но стоило задеть его или толкнуть в спину, как обидчик моментально оказывался на лопатках. Эти внезапные всплески отваги поражали окружающих. Заядлый спортсмен, имеющий шесть спортивных разрядов, бывший матрос погранвойск, выпускник знаменитого Тюменского инженерного командного училища, давшего спецназу многих хороших командиров, он на первое место всегда ставил физическую выносливость и выдержку.

Он прошел хорошую школу в период командования отличной ротой минирования на берегу рек Великая и Череха, что на Псковщине. Его подчиненные демонстрировали такие «показухи», что выдавшие виды десантники из соседней дивизии ВДВ, говорили: «Ну, чего удивляться — это же Спецназ!!!» Легенды ходили о физической силе самого Самсонова и спортивном мастерстве его подчиненных военнослужащих отряда. Обладал Юрий Николаевич принципиальным и резким нетерпимым характером, который не всем командирам и начальникам нравился, но подчиненные его именно за это и уважали. Своих он никогда в беде не сдавал... Впоследствии, уволившись в запас, возглавил ветеранскую организацию соединения и многого добился на этом поприще...

Легендой отряда стал майор Дмитрий Евгеньевич Лютый, который прошел через несколько командных должностей на войне и всюду справлялся на отлично. А вот в мирной армии службу зашкалило. «Как-то мы готовились к большим соревнованиям. Я только вернулся из Афганистана, был переполнен впечатлениями, — вспоминал Лютый. — Мне и поручили готовить группу к соревнованиям. Я стал учить группу настоящим образом. Всего месяц мы не ходили ни в наряды, ни на хозработы. С рассвета и до глубокой ночи пропадали в поле, в лесу, на

стрельбище... Через тридцать дней из «зеленой» группы вышли такие асы, которые, думаю, вполне могли бы потягаться с «зелеными беретами». Так что суть профессионализма не только в деньгах. Моя группа заняла второе место, мне объявили благодарность и забыли... И я решил уйти из Вооруженных Сил...»

Фрезе о нем горевал: «Дима — человек эмоциональный и поддался амбициям периода развала армии и страны. Жаль. С его уходом Вооруженные Силы потеряли профессионала самого высокого уровня — ведь у него три боевых ордена и несколько медалей. Я его не одобряю, но прекрасно понимаю».

Великолепным офицером и человеком, который воспитывал из солдат настоящих героев, был капитан Ветров Александр Николаевич. Он родился 13 августа 1962 г. в поселке Елтай Казахской ССР, окончил Свердловское СВУ в 1973 г., факультет спецназ РВВДКУ в 1983 г. С лейтенантской поры служил командиром группы спецназ в 15 обрСпН в Чирчике. С февраля 1984 по апрель 1986 гг. возглавлял подразделение и был начальником разведки 154 ооСпН в Джелалабаде. За мужество и героизм награжден орденами Красной Звезды (1985 г.), Красного Знамени (1986 г.), «За службу Родине в ВС СССР» (1989 г.) После возвращения в Союз до октября 1988 года командир учебной роты в Чирчикском учебном полку спецназ. С октября 1988 года по 11 февраля 1989 гг. вновь в Афганистане. На этот раз в Кабуле в составе 668 ооСпН. В мае 1989 г. прибыл в Кировоград. Окончил Военную академию им. Фрунзе. Женат. Имеет дочь. В настоящее время полковник А.Н. Ветров — член редакционного совета ежемесячного информационно-аналитического журнала «Солдаты России».

Работая в единой команде с ветеранами 15 бригады полковниками А.В. Мусиенко (ответственный секретарь редакции), Ю.Т. Старовым, О.В. Баканачом (председателем Регионального общественного движения защитников Родины «Доблесть Отечества»), М.И. Колесником (заместителем начальника управления внутренних дел Южного административного округа г. Москвы), удалось реализовать множество важных общественно-политических проектов, направленных на военно-патриотическое воспитание населения и сохранение памяти сослуживцев-спецназовцев ГРУ. В их числе, создание мемориала «Доблесть и память спецназа», поддержка выхода в свет воспоминаний Игоря Стодеревского «Автобиография. Записки офицера Спецназа ГРУ» и др.

Яркой личностью был начальник инженерной службы 154 ооСпН капитан Гореница Владимир Николаевич. Он родился 19 сентября 1955 года в украинском городе Хотине. По окончании средней школы поступил в Каменец-Подольское высшее военное инженерно-командное училище имени маршала Харченко. Военную службу начал командиром инженерного взвода 19 танковой дивизии в городе Цегледе. Затем был

переведен в одну из частей в город Барановичи, стал заместителем командира понтонно-мостового батальона. Рапорт о направлении в Афганистан написал в 1979 году и семь лет ожидал решения командования. В ДРА находился в 1986 — 1987 годах в провинции Нангархар в должности командира саперного подразделения отряда специального назначения ГРУ. Участвовал в десятках боевых операций по минированию и разминированию местности, уничтожении 93 вражеских караванов с оружием. Когда встречаешься с боевым офицером, всегда хочется узнать о чем-то героическом, необычном, запомнившемся этому человеку. А когда появляются записи в рабочем блокноте, ловишь себя на мысли: как же рассказать о человеческой судьбе? Да и бесполезно ставить перед собой такую задачу: о Владимире Николаевиче вполне можно написать отдельную книгу!

Он и сегодня остается таким, каким был в Афганистане: все время рядом со своими сотрудниками, на переднем сидении служебного микроавтобуса с лаконичной надписью «Разминирование». Они никогда не знают заранее, с чем придется иметь дело в этот раз — то ли с ржавыми снарядами времен Великой Отечественной войны, то ли с хитроумным взрывным устройством нынешних террористов. Смертельная опасность подстерегает их на каждом шагу, и они, саперы, не имеют права ошибаться... Но сегодня наш разговор с В. Н. Гореницей мы ведем об Афганистане.

— Основной задачей нашего отряда, — говорит он, — был самостоятельный поиск и уничтожение баз и караванов душманов, а также минирование и разминирование местности.

Однажды, узнав сведения о том, что душманы могут получать противозенитные ракетные комплексы «Стингер» на нашем участке, командование решило приготовить бандитам несколько «сюрпризов». Я предложил тогда установить мины на отдельных тропах, чтобы противник оказался в «мешке» и не смог из него уйти. Пять ночей подряд саперы, рискуя жизнью, устанавливали мины, но и результат оказался неплохим: в капкан угодил тогда вражеский караван с оружием из 180 вьючных животных, каждое из которых несло от 10 до 20 реактивных снарядов, боеприпасы, крупнокалиберные пулеметы, медикаменты. Было захвачено и два грозных «Стингера».

Многое в жизни Афганистана было чужим и непонятным. К примеру, когда командиром батальона, состоявшего из пуштунов, назначили узбека, тот батальон ушел в горы в знак протеста и вернулся только тогда, когда командиром стал их соплеменник. Однажды им встретился кочевник в рваном халате и босой. Ведя привычный кочевой образ жизни, этот человек, как оказалось, окончил два западных университета, владел 8 гостиницами в Пакистане и 10 миллионами долларов на личном счете! Порой незнание местных обычаев приводило к беде.

Так, одним из наших блок-постов командовал опытный старший лейтенант. Помогая местным жителям лекарствами, обеспечивая кишлаки теплом и светом, коллектив поста практически не знал, что такое обстрелы, и жил в мире с дехканами. Когда же начальником поста назначили другого офицера, все обернулось иначе. Тот повел себя высокомерно, отказываясь от встреч со старейшинами и показывая себя не гостем, а хозяином на чужой земле. И уже через месяц тот пост был разгромлен...

Вспоминается полковнику милиции непродуманное обмундирование и экипировка, доставлявшие им немало хлопот. К примеру, разведчикам нужно было действовать бесшумно и скрытно, а выданные им специальные горные костюмы при ходьбе издавали ужасный грохот, слышимый издалека. Приходилось долго мять их ткань, чтобы избавиться от шума. Не лучше выглядели и «разгрузки» для автоматных магазинов. Они были рассчитаны для «рожков» под патроны 5,45 мм, хотя у многих солдат автоматы были калибра 7,62 мм и, естественно, их магазины в карманы не помещались. Вот и приходилось вначале пользоваться иностранными, трофейными «разгрузками».

Был случай, когда душманы подбили наш вертолет. Пока экипаж ремонтировал его, отряд, в котором находился и В. Н. Гореница, подошел на помощь и помогал отражать атаки противника. Когда же вертолет взлетел, то обнаружилось отсутствие одного бойца. Как и куда он делся, никто не знал. Вернувшись на место, они нашли того солдата, который, оказывается, отлучился «по нужде», но не учел, что вертолеты взлетают очень быстро. К счастью, все закончилось благополучно.

Страшная жара, при которой вода в металлических чайниках закипала на солнце, заставила начальство как-то заботиться о бытовом устройстве наших военнослужащих. Так, уже в 1987 году в модулях, где они жили, появились кондиционеры, которые очень облегчали им жизнь. Едва ли не каждый вечер демонстрировались советские кинофильмы, с особой остротой напоминая солдатам, как далеко от Родины они находились, о привычном укладе жизни, оставшихся дома близких. Не передать той радости, с которой встречали наши военнослужащие выступления Валерия Леонтьева, Софии Ротару и других известных артистов!

— Как афганцы восприняли известие о выводе наших войск?

— Многие говорили нам, что с уходом наших войск жизнь у них станет еще тяжелее. А старейшины двух провинций даже вручили нам петицию, в которой просили Советское правительство оставить советские войска в их стране. К сожалению, все было решено по-другому, и последствия этого хорошо известны.

— Вам и сегодня приходится иметь дело с боеприпасами, бывать в Чечне. Похожи ли сценарии этих двух войн?

— Эти войны очень похожи, только вот террористов сегодня называют не «духами», а «чехами», а среди вражеских снайперов немало украинцев, жителей Прибалтики и даже русских наемников. Близость Чечни способствует проникновению на Кубань большого количества оружия и боеприпасов, сохраняется реальная угроза совершения террористических актов. Поэтому работы нам сегодня хватает. Стараюсь передать свой боевой опыт молодежи, тем, кому предстоит нести нашу опасную службу в будущем. Учю своих ребят внимательности, осмотрительности, спокойствию: эти качества для них необходимы, ведь ошибка в нашем деле может стоить жизни... К сожалению, начальника инженерно-технической службы ОМОН ГУВД Краснодарского края полковника милиции В.Н. Гореницы уже нет в этом мире. Кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена «За службу в Вооруженных Силах СССР» III степени, похоронен на городском кладбище города Краснодара. Вдова и дети верны его памяти.

Рассказывает ветеран бригады Александр Мусиенко:

— На протяжении всей Афганской войны налет являлся основным и наиболее результативным способом выполнения разведывательно-боевых задач подразделениями специального назначения Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Если своих целей в среднем достигала каждая седьмая организованная спецназовцами засада, то результативность налета была близка к 100 процентам. И это не удивительно, ведь налет — это внезапное нападение на заранее выбранный и тщательно разведанный объект...

Советские войска в Афганистане использовали свой козырь внезапности — воздушный способ вывода в район выполнения боевой задачи. Аэромобильные действия Спецназа обеспечивали не только внезапность, но и значительно экономили силы разведчиков.

Проведение налета с десантированием разведывательных групп вертолетами посадочным способом непосредственно у объекта налета обеспечивали не только внезапность, но и обеспечивали Спецназу огневое превосходство над противником.

Не столько огнем боевых вертолетов, как применением десантируемыми разведорганами оружия поддержки: крупнокалиберных пулеметов, автоматических и противотанковых гранатометов, реактивных пехотных огнеметов и других систем тяжелого оружия, доставляемых на огневые позиции транспортно-боевыми вертолетами Ми-8. В этих условиях отсутствие полноценной разведывательной информации об объекте налета, разведчики компенсировали огнем превосходством над противником. В случае воздушного вывода разведгрупп в район проведения налета, уже в ходе боя они вели разведку целей и поражали их огнем стрелкового и тяжелого оружия, а при необходимости наведением на цели авиации или огнем поддерживающей артиллерии.

При определенном опыте проведения таких налетов, а он у Спецназа бесспорно имелся, разведчикам без потерь удавалось захватывать не только отдельные огневые позиции, наблюдательные посты, склады или охраняемые тайники с оружием и боеприпасами, но и уничтожать крупные бандформирования в местах их отдыха (проживания) или укрепленные вооруженной афганской оппозиции («Гошта», «Висатичингай», «Хадигар» и др.).

Не редко объектами налета становились места дневного отдыха караванов с оружием и боеприпасами, выявленные досмотровыми разведывательными группами Спецназ в ходе ведения воздушного патрулирования — облета. Яркий тому пример: налет разведчиками 668 ооСпН в апреле 1987 года на караван моджахедов на дневке в окрестностях кишлака Абчакан (48 мятежников и 193 выючных животных), провинции Логар, в ходе которого было захвачено 47(!) ПЗРК, 8 безоткатных орудий и более 50 единиц стрелкового оружия. Караван уничтожен полностью. Но были налеты и с трагичными для Спецназа последствиями, ведь налет — это не только наиболее результативный способ специальных действий, но и один из самых рискованных. Именно при проведении налетов разведчики больше всего теряли своих боевых друзей.

Об одном из таких налетов рассказывает прапорщик Юрий Дурнев:

— Во второй декаде марта 1986 года наш 154 отдельный отряд специального назначения с оживлением воспринял информацию о предстоящем проведении налета на перевалочную базу моджахедов. В целях конспирации ее место не оглашалось, но все знали, что действовать придется в горном кишлаке, и соответственно к этим действиям готовились. За несколько дней до самого налета, разведывательный отряд Спецназ от 3 роты в ходе разведывательно-поисковых действий в южных предгорьях Хадигара (Черных гор) провел рекогносцировку района предстоящего налета. Истинные цели РПД — разведка района проведения налета и подбор площадок десантирования знал только командир разведотряда.

Являясь старшиной 1 роты Спецназ, от меня требовалось своевременно, согласно поданных командирами групп заявок, получить на роту боеприпасы (на подготовку к налету и сам налет), сухие пайки и различное мелкое, но необходимое имущество. В хозяйственной суматохе, я все же не забыл пристрелять личный автомат и доукомплектовать боеприпасами трофейный китайский пояс для автоматных магазинов, а прощя — «лифчик».

19 марта разведывательные группы отряда с первыми лучами солнца были уже на аэродроме взлета армейской авиации Джелалабад. Я попросился в 1 разведывательную группу лейтенанта Виктора Кра-

ильникова, в которой, кроме самого Виктора, служили несколько моих близких товарищей — надежных сержантов и бойцов срочной службы. Я ведь и сам был почти их сверстником, недавно окончившим школу прапорщиков воздушно-десантных войск в Прибалтике.

Полет от аэродрома взлета Джелалабад до площадки десантирования занял около 30 минут. О подходе к посадочной площадке мы догадались по противозенитному маневру вертолета — рыскающему движению несущейся на максимальной скорости машины, чуть ли не цепляющей винтами и колесами шасси за пронносящую под нами землю. В этот момент наивысшего предбоевого нервного напряжения, обычно все дружно начинали подкалывать друг друга, со всех сил стараясь удержаться на «сидушках» салона вертолета. Вибрируя корпусом, наша «восьмерка» сбросила скорость и, пару раз подпрыгнув от контакта шасси с землей, присела на сопку. Покидали вертолет и занимали круговую оборону мы уже под грохот стрельбы — и нашей, и «духов». Огневое воздействие противника на этапе десантирования ничего хорошего не предвещало. Мы потеряли основной козырь — внезапность, и противник на некоторое время перехватил инициативу.

«Духи», предвидя последствия окружения себя в кишлаке, зеленым оазисом примыкающему к горам Торгар, стали прорываться из блокируемого селения между тремя нашими посадочными площадками. Две площадки десантирования 1 и 2 роты разделял овраг, а площадку 3 роты от нас отделяла старая Кабульская дорога. «Духи» попытались отойти в горы по оврагу. Достать их в овраге мог только огонь подствольных гранатометов, так как огонь стрелкового оружия представлял серьезную опасность для соседей. Зато духи веером поливали огнем автоматов окружающие их сопки. Не имея возможности быстро укрыться от плотного огня противника, в первые мгновения десантирования получили ранения старшина и радист 2 роты. Несмотря на серьезное ранение, жизнь старшего прапорщика медикам удалось спасти. Радиотелеграфист получил пулевое ранение с повреждением паховой артерии. При таком ранении, если оперативно устранить обильное кровотечение не удастся, смерть наступает от потери крови в течение нескольких минут. Остановить кровотечение в области паховой артерии мог только медик, но его рядом не оказалось...

В течение десяти-пятнадцати минут нам удалось уничтожить отходящих мятежников огнем всех трех разведотрядов. Остальные были блокированы в нескольких домовладениях кишлака Кулала. С первых минут боя стало ясно, что разведанные о нахождении на перевалочной базе «духовских» караванов бандгруппы численностью 15 — 20 человек явно устарели. В кишлаке и на прилегающих склонах гор мы насчитали около полусотни ослов и лошадей, что указывало на то, что в Кулале остановился на дневку крупный выючный караван. В последу-

ющем у захваченного 3 ротой пленного было установлено, что в Кулале находится около 80 мятежников. Таким образом количественное соотношение личного состава нашего разведотряда, состоящего из шести разведывательных групп по 10 — 12 разведчиков в каждом из шести десантировавших нас вертолетов Ми-8МТ и бандгруппы было не в пользу нападавших.

Нашей группе и группе из 2 роты удалось захватить два домовладения, уничтожив укрывшихся в них боевиков. В одном из дворов лейтенант Красильников подобрал громкоговоритель, которым обычно управляли группой полевые командиры моджахедов. Вбежав в очередной двор, Витя стал подавать команды подчиненным, которые уже досматривали дворовые хозяйственные постройки. Всюду гремели разрывы гранат, слышались одиночные выстрелы и стрельба короткими очередями — «духи» не желали сдаваться без боя. В грохоте боя я все же услышал Витькины команды и побежал за ним. Забежав через ворота во двор, я увидел Красильникова уже лежащим на земле. Не обратив внимания на сержантов Коваленко, Рожновского и рядового Мочернюка, укрывшихся под навесом одной из дворовых построек, я бросился к командиру. В этот момент сильный удар в грудь отбросил меня на землю. Я стал задыхаться от острой боли в груди, в глазах поплыли черные круги, и на какое-то короткое время я потерял сознание. Дальше события развивались с поразительной быстротой, но описание их требует большего времени.

«Духовский» пулеметчик, вооруженный чешским 7,92-мм пулеметом ZB/VZ-26 «Врпо», тяжело ранивший лейтенанта Красильникова и меня, занял оборону на втором этаже глинобитного дома. Сержант Павел Рожновский, действуя в тройке с сержантом Коваленко и рядовым Мочернюком, решил уничтожить пулеметчика, но едва он ступил на лестницу, как был сражен очередью того же пулемета. От прострела пуль на Пашке загорелся «пирофакел» (наземный сигнальный патрон красного огня — НСП-КО), обжигая пламенем лицо уже мертвого разведчика... Санинструктор роты Миша Мочернюк бросился к товарищу, надеясь еще помочь своему другу, но, сраженный огнем пулемета, упал рядом с ним.

В это время разведчики соседних групп и подгрупп уже спешили к злополучному двору. Передвигаясь перебежками в нескольких десятках метрах от спасительного глиняного забора-дувала, получает смертельное ранение рядовой Анатолий Кушнеров. Когда Толика ранило, он вскрикнул и упал в пересохший арык. На оклик товарищей он ответил, что у него все в порядке... Каково было их удивление, когда несколько минут спустя его обнаружили мертвым — пуля попала в печень и задела другие жизненно важные органы.

Через довольно короткое время я пришел в сознание, все еще

оставаясь посреди двора. Витька Красильников лежал рядом без сознания. «Дух», по всей видимости, считал нас мертвыми. Я кивнул сержанту Коваленко, и он бросил мне плащ-палатку, к углу которой была специально привязана веревка.

Преодолевая боль, я накатился на развернувшуюся плащ-палатку, вцепившись в нее руками и зубами. Вася в одно мгновение волоком вытащил меня из зоны обстрела под навес. Здесь огонь укрывшегося сверху духа уже не представлял опасности. Вася быстро вколот мне раствор промедола (обезболивающее средство) и наспех перебинтовал поверх одежды живот, на котором выступила кровь. Вася использовал свой и мой индивидуальные перевязочные пакеты — ППИ.

Свою ошибку он понял тогда, когда по моей просьбе посадил меня, прислонив спиной к стене. Раны оказались выше повязки — две пули навывлет пробиты грудь, и кровь, вытесняемая воздухом из пробитого правого легкого, хлынула из раны. Третьего перевязочного пакета у нас не было... Его, по Васькиной просьбе, бросил нам из-за калитки рядовой Саня Егоров (погиб десять дней спустя — 29 марта при отражении контратаки моджахедов в ходе захвата укрепленного района «Карера»). Легкий матерчатый ППИ не долетел нескольких метров до навеса. Я не успел удержать Васю, как он в порыве спасения моей жизни потянулся за ним. Пулеметная очередь над моей головой сменилась оглушительной тишиной. Вася неподвижно лежал, сжимая в руках перевязочный пакет. На земле, как в немой сцене кино, вокруг Васиной головы расплозилось кровавое пятно...

Подосевшие разведчики, определив откуда бьет пулемет, прижали пулеметчика огнем и не давали ему высунуться в окно или дверь, но «дух» продолжал вести неприцельный огонь короткими очередями.

Последнюю точку в этих драматических событиях поставил прибывший к нам на помощь заместитель командира 3 роты лейтенант Геннадий Удовиченко. Он, приказав нам всем отойти через пролом в дувале, решился на отчаянный шаг. Гена пробрался к помещению, где укрывался пулеметчик и, перекрикиваясь с ним, закрепил штормовой заряд на опорном столбе под потолком первого этажа.

Меня и Красильникова уже эвакуировали на безопасное расстояние, и мы уже беспокоились за Генку. Со двора постоянно слышалась пулеметная и автоматная стрельба (Геннадий был вооружен автоматом). Как позже выяснилось, поджечь огнепроводный шнур зажигательной трубки Удовиченко смог только с третьей попытки. Ему, оставшемуся одному, то и дело приходилось постреливать из автомата, давая понять противнику, что разведчики все еще находятся во дворе.

Взрыв прогремел прямо под ногами «духа», обрушив под ним пол и стены. Рисковал Гена здорово, но выбора не было. Он принял

решение и поступил так, как диктовали условия обстановки — не рискуя жизнями своих подчиненных.

Когда бой окончательно затих, меня, лейтенанта Красильникова и других раненых эвакуировали в медицинскую роту 66 омсбр. Спустя три дня Витя Красильников умер на госпитальной кровати от полученных в бою ран.

Первое, что я сделал, поправившись после ранения — это посетил мать Васи Коваленко в селе Лыповеньки, Кировоградской области на Украине. До последних дней своей жизни Васина мать хранила военную форму и награды сына — медаль «За Отвагу», орден Красной Звезды и орден Красного Знамени.

Позже неоднократно встречался с родными ребят, погибших в бою 19 марта 1986 года. Тех моих боевых друзей, которым я обязан жизнью. Огромное вам спасибо. Я помню вас. Мы вас помним...

Рассказывает ветеран бригады Александр Мусенко:

— Евгений Овсянников, — представился, протягивая мне руку рослый широкоплечий лейтенант, — командир первой группы.

— Саня, Александр. Назначен командиром второй группы, — протянул я руку Евгению, ощущая его крепкое, но не жесткое рукопожатие.

Евгений показал мою кровать в комнате офицерского модуля, как мы называли щитовой домик офицерского общежития, и заторопился в комнату дежурного по части — он стоял в наряде.

— Вечером познакомимся ближе, — бросил он мне на ходу, закрывая дверь.

Вечером состоялось традиционное вливание в офицерский коллектив роты меня и вновь прибывшего старшины роты прапорщика Юрия Дурнева. Нас представили всему личному составу 154 отряда. Мероприятие проходило «без фанатизма» (с ограниченным употреблением алкоголя, привезенного мной и Юркой с Союза). И все бы ничего, если бы не открывшаяся на улице стрельба. Кто-то обстрелял нашего часового на посту. Несколько очередей ЗСУ-23-4 «Шилка» остудили горячую голову прибывшего с гор на побывку моджахеда.

Утром следующего дня, как и следовало ожидать, прибывшего в роту молодого лейтенанта в первый же день официального исполнения служебных обязанностей назначили контролировать подъем роты и проводить физзарядку. Каждый что-то делает впервые. Возникают вопросы. С ними я и обратился к Женьке, окончившему военное училище годом ранее.

— Что делать, если «дембеля» проигнорируют команду «Подъем»?

— Скидывай их с кровати, — посоветовал мне старший товарищ.

Я так и сделал, когда по истечении минуты после команды «Подъем» несколько старослужащих продолжали имитировать крепкий сон, с головой укрывшись простыней. Бубня себе что-то под нос, они неспешно поднимались с земли (в казарме шел ремонт и рота ночевала на улице), неспешно одевались и брели в строй. А дальше, повинувшись чувству коллективизма, отправились на зарядку. Сержанты в роте были их же сверстниками, и подводил их перед офицером «дембелям» рядовым было не с руки.

Еще много чего полезного за неделю нашей совместной службы успел я взять от Женьки. Он был старше меня на четыре года, и до поступления в Рязанское воздушно-десантное училище успел закончить техникум и прослужить в армии.

Лейтенанта Овсянникова назначили старшим сбора молодых офицеров-выпускников, прибывших в Афганистан, вопреки всем директивным указаниям, прямо с училищной скамьи. Таких нас в отряде набралось шесть человек, и Евгения, год назад окончившего училище с золотой медалью, назначили посвятить нас азам боевой деятельности. И сделал это Женька как нельзя лучше. Он относился к тем людям, которые любую порученную работу делают с энтузиазмом. Его умение увлекать всех вокруг, вызывало добрую зависть. Проводимые с нами занятия не были той рутинной, в которую иногда превращаются сборы с лейтенантами выпускниками в мирной обстановке. Овсянников добился того, что на занятиях по огневой подготовке нам не только показали все трофейные образцы вооружения отряда и афганских бандформирований, но и дали возможность пострелять из них, сравнивая наше оружие и противника. Занятия по инженерной подготовке закончились практическим подрывом наших и «духовских» мин, где мы красноречиво убедились в превосходстве отечественной осколочной мины МОН-50 над аналогичной ей американской М18 «Клеймор» (восемь пробоин в мишени против одной!).

Не успели закончиться недельные сборы, как в отряд пришла информация о совещании лидеров бандгрупп в одном из кишлаков южнее Джелалабада. 18 сентября, как только спала дневная жара, мы — командиры разведывательных отрядов и групп, вылетели на вертолетах на рекогносцировку района проведения налета. Вертушки прошли чуть в стороне от кишлака Багича, в одном из домов которого собралось пять бандглаварей. Прильнув к иллюминатору, я успел разглядеть горку, языком вклинившуюся в жидкую «зеленку» с заброшенными, поросшими бурьяном лоскутами полей. Моей группе предстояло десантироваться на нее посадочным способом из вертолета и прикрыть действия группы захвата. Вечером, по возвращении с рекогносцировки, командир роты капитан Алексей Турков, которого офицеры роты величали по отчеству Валентинычем, уточнил задачу роты.

Завтра мой первый боевой выход, и готовился я к нему под четким руководством Евгения самым тщательным образом. Женька между делом объяснял мне сколько патронов, гранат, аккумуляторных батарей к радиостанции брать, куда все это складывать. Но самыми ценными были, казалось бы, самые незначительные мелочи: в какие карманы снаряжения укладывать автоматные магазины с трассирующими патронами для целеуказания и с обычными, как крепить бинокль, чтобы он не болтался на груди, для чего снайпера группы держать непосредственно возле себя, как рассаживать группу в вертолете и где находиться в нем самому.

Рота поднялась затемно и с первыми лучами солнца была уже на аэродроме. Заняв место у кабины за спиной экипажа, я искал место посадки вертолета, но экипаж и без моих указаний посадил машину в нескольких десятках метров от ведущей «восьмерки» (вертолет Ми-8), из которой уже высаживалась группа захвата, в которую входила разведгруппа лейтенанта Овсянникова и управление роты.

Со снайпером Александром Подоляном, держать которого всегда рядом с собой советовал Женька Овсянников, и еще несколькими бойцами мы заняли позицию у края крутого склона. С него мы и просматривали заросший тутовником двор, в котором сквозь листву деревьев мелькали разведчики группы захвата.

Едва я успел уточнить задачи снайперу и находящимся рядом со мной бойцам, как во дворе открылась интенсивная стрельба, чередующаяся с разрывами гранат. Стрельба прекратилась, как и открылась, внезапно. В эфире прозвучал взволнованный доклад заместителя командира роты старшего лейтенанта Олега Мартыанова. Замкомроты запрашивал вертолеты для эвакуации одного «трехсотого» и «двухсотого». Вертолеты Ми-8 базировали над степью в нескольких километрах от нас, и спустя несколько минут к подсевшей у подножия сопки «восьмерке» разведчики вынесли на пестрых афганских одеялах раненого и погибшего. Едва их загрузили на борт, как винтокрылая машина оторвалась от земли и понеслась в сторону госпиталя.

— Смотрите, духи! — увидел я двоих удаляющихся от подворья моджахедов, чьи спины мелькали среди кустов «зеленки» в 350 — 400 метрах от нас.

Пулеметчик дал в их сторону длинную очередь, но, похоже, он стрелял по направлению моей руки... Спрыгнув в окоп, я отобрал у него пулемет и со злостью стал бить короткими очередями по убегающим. Один из «духов» распластался на земле, второму все же удалось уйти...

Подробности боя выяснились уже на аэродроме. Вертушки зашли на площадку десантирования на минимальной высоте со стороны всходящего солнца, и в грохоте винтов боевых «двадцать четверок»,

прошедших над крышами афганского подворья, «духи» не услышали шум двух транспортных Ми-8, десантировавших наш разведотряд на сопку. Появление во дворе разведчиков группы лейтенанта Овсянникова застигло противника врасплох. Женька одним из первых спрыгнул с обрыва, образующего ограждение подворья со стороны сопки. Разведчики, действуя тройками, приступили к осмотру помещений. Четверо «духов», затаившихся в одном из сараев, бросились к калитке. Оружия разведчики у них не заметили. Овсянников несколькими прыжками настиг последнего из убегающих у самой калитки, и рванул его на себя за ворот рубахи. В это время бегущий впереди вскинул из-под накидки автомат АКМС. Что-то предпринять было уже поздно, и Женька прикрыв собой тех, кто бежал за ним...

Две пули попали Евгению в сердце, третья пуля, выпущенная из китайского автомата, застряла в его крепком плече. В том, которое он всегда подставлял своим боевым товарищам, и которым, возможно, уберечь чью-то жизнь. Но одна из тех двух, которую он уже никак не мог задержать, прострелила крышку ствольной коробки автомата капитана Туркова и попала в живот...

— Женьку спасайте, Женьке помогите, — цедил сквозь зубы медленно опускающийся на землю Алексей. Женьке Овсянникову уже никто помочь не мог...

Капитан Турков Алексей Валентинович умер на операционном столе медицинской роты 66 отдельной мотострелковой бригады. Военные медики сделали все, что могли. Умер Алексей с застывшей на устах улыбкой. Лейтенант Евгений Иванович Овсянников и капитан Алексей Валентинович Турков награждены орденом Боевого Красного Знамени (посмертно). Евгений Овсянников похоронен на кладбище поселка Тучково, Московской области. Спустя несколько месяцев после Женькиных похорон, у него родился сын — Евгений.

На Женькину должность прибыл мой однокашник по Киевскому ВОКУ лейтенант Виктор Красильников — умер 21 марта 1986 года от ран, полученных в бою при проведении налета на караван бандформирований у кишлака Кулала 19 марта. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Витьку сменил выпускник Рязанского ВВДКУ 1985 года лейтенант Игорь Семин — погиб при подрыве на противопехотном фугасе 17 января 1987 года. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Александр Подолян погиб в бою при захвате укрепрайона Карера 29 марта 1986 года, лично уничтожив в бою огнем из СВД более десятка «духов». Награжден орденом Боевого Красного Знамени (посмертно).

Такая была у нас работа. И судьба...

ВЕХИ ИСТОРИИ

СЛАВА ВВС!

«Я люблю их общество... Постоянный риск, любимый и опасный труд, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота, все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства: зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — и в ней остается чистое золото».

А.И. КУПРИН.

Большим уважением в составе ОКСВ пользовались летчики. Авиация определяла практически всю жизнь ограниченного контингента. Не случайно символом Афгана стал вертолет над горами. За всю историю существования Советского Союза 40-я армия оказалась единственной, которая имела в своем составе военно-воздушные силы. Причем достаточно мощные. Они насчитывали множество самолетов и вертолетов различного назначения. При этом, армейская авиация сыграла ведущую роль среди других родов ВВС в период войны. Каждой из четырех дивизий ОКСВА были приданы вертолетные эскадрильи, отряды усиливали 66-ю и 70-ю омсбр. Каждый отряд спецназа, а их было восемь, тоже имел свои вертолетные эскадрильи. На вооружении стояли боевые вертолеты Ми-24. Наряду с ними активно использовались транспортно-боевые и транспортные машины Ми-8Т. Это были очень надежные и мощные машины. Усовершенствованный двигатель позволял экипажу подниматься на высоту до пяти тысяч метров, имея на борту более двух тонн груза.

Вертолетные подразделения у нас были и остаются составной частью ВВС, что значительно усложняло и усложняет их взаимодействие с наземными войсками. На первом этапе Афганской войны было особенно очень много межведомственных согласований, усложнявших взаимодействие «земли» и «воздуха». К 1987 году в штабах бригад спецназа появилась новая должность — **заместитель командира бригады спецназа по авиации**. Она была полковничья, и потому многие опытные летчики были согласны перейти на время в спецназ для получения очередного звания. Но командование ВВС так ни разу и не использовало эту вакансию. А жаль. Ибо с появлением этого должностного лица

спецназовцы ожидали более оперативного взаимодействия с авиацией особенно в период реализации разведанных.

Однако ни для кого не было секретом то обстоятельство, что личные контакты командиров частей спецназ с командирами авиачастей во всех гарнизонах со временем налаживались, что само по себе было очень большим делом. Так как эта неформальная дружба в последующем позволяла решать стоящие перед ними задачи, обходя инструкции, запрещающие много из того, что было необходимо для боевой работы. Но запреты на полеты, наложенные командующим ВВС в силу многих обстоятельств, преодолеть было нелегко.

Чем занимались наши вертолетчики в Афганистане?

В ходе боевых действий наши «сталинские соколы», как мы их называли, с риском выполняли огромный объем задач. Они вели воздушную разведку, подавляли, атакуя, сотни опорных пунктов противника, поддерживали огнем спецназ после их высадок, доставляли войскам боеприпасы, прикрывали транспортные вертолеты и самолеты, колонны, уничтожали караваны моджахедов, наносили удары по живой силе противника, его складам. Они эвакуировали поврежденную авиационную технику, доставляли к местам боев вооружение, перевезли десятки тысяч тонн грузов, вывезли из районов боевых действий тысячи раненых и «груз 200». Своей боевой деятельностью они спасли тысячи жизней советских солдат, прапорщиков, офицеров, которые вели нелегкие бои в горах, пустынях, «зеленках», кяризах, среди дувалов душманских гнезд. Десятки тысяч боевых вылетов и часов полета! Иногда до десяти часов в сутки — в раскаленной кабине вертолета, где температура доходила до +80 °С. Они делали тяжелую мужскую работу и знали, что без них наземным войскам не обойтись. 200 часов в месяц — такой налет имели вертолетчики в пик боевых действий, который пришелся на период с 1985 по 1988 гг., когда особенно активизировалась боевая деятельность спецназа.

Первыми вертолетчиками — Героями Советского Союза, отличившимися в боях вместе со спецназом ГРУ, стали пятеро: подполковник Ковалев Николай Иванович (посмертно), капитан Кучеренко Владимир Анатольевич, капитан Майданов Николай Саинович, капитан Очиров Валерий Николаевич, подполковник Райлян Александр Максимович.

Кроме высадки десанта и поддержки его, вертолетчики вывозили раненых и убитых. Проводилось все это, как правило, под шквальным встречным огнем душманов. Именно поэтому и потери в ВВС были самыми высокими.

В Афганистане от смерти никто не был застрахован. Но самый высокий риск был у офицеров ВВС! За годы Афганской войны советская авиация потеряла 451 летательный аппарат, среди которых было

118 самолетов, 333 вертолета и 511 летчиков. 333 вертолета! Умножьте эту цифру на количество членов экипажа вертолетов массового применения — Ми-8 и Ми-24, и вы получите цифру 999. Столько могло погибнуть вертолетчиков, но большая часть осталась жить, благодаря надежности и боевой живучести наших винтокрылых машин.

Отдавая дань любви и уважения летчикам, в военных городках спецназа выкладывали из камней, покрашенных извештой, хорошо видимые с воздуха лозунги «СЛАВА ВВС». Спецназовцы очень ценили ВВС, ведь по специфике деятельности они чаще пехоты общались с авиаторами. 20 летчиков, из них 15 вертолетчиков, с честью выполнявшие свой интернациональный долг, проявившие при этом исключительное мужество и высокий профессионализм, были удостоены высших наград Родины. Ходили легенды о мужестве летчиков. Вошел в историю случай, когда на одном вертолете удалось вывезти с поля боя не десять, а двадцать четыре человека... Очень часто спецназовцы бывали в таких переделках, где помочь могли только летчики, и они убедились, что те в трудную минуту их не бросят. Но и потери за войну, работая со спецназом, вертолетчики несли немалые — 84 летчика и бортехника (20% от общих потерь армейской авиации). Автором впервые собраны данные о всех погибших вертолетчиках, обеспечивающих боевые действия спецназа. Вспомнить их мы обязаны. Тех, кто воевал в Афганистане и вернулся на Родину в «Черном тюльпане», кому пекло Джелалабада, Асадабада и Газни, Бараки и Гардеза дышало в лицо не месяц, а шесть-восемь в году. Вспомним тех, кто погиб, выполняя боевые вылеты.

Известно, что потери авиации из года в год неумолимо росли. Если первые экипажи сбивали в основном огнем из пулеметов и автоматов. То далее — мы знаем не понаслышке. Щедрая помощь Пакистана, США и других стран — и вот в Афганистане появляются переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) — «Стрелы» и «Блоупайпы». Потери возросли, вертолеты выполняли боевые задачи на средних и предельно максимальных высотах. В 1985 году «империя добра» — США поставила в Афганистан первую партию ПЗРК «Стингер», а американский инструктор произвел показательный пуск этой зенитной ракеты с тепловой головкой самонаведения по советскому вертолету. Эти ракеты, как чума, быстро расплозились по всему Афганистану. Летчики были вынуждены выполнять полеты на предельно малых высотах и ночью. «Сложняк» стал желанным, радиообмен — кратким, ночью летали без бортовых огней, с притушенным подсветом пультов и приборных досок в кабинах.

Фактически, еще до 15 мая 1988 года вертолетная авиация прекратила активное участие в боевых действиях. Кроме тех вертолетчиков, которые обеспечивали боевые выходы спецназа. По архивным дан-

ым, 18 апреля 1988 года в юго-восточной части пр.Логман, прикрытая досмотровую группу лейтенанта Сергея Лафазана (154 ооСпН), обезвредившая огневую позицию с 78 реактивными снарядами направленными на Джелалабад, «крайними» погибли капитан Гусев Сергей Владиславович, командир звена Ми-24 и лейтенант Щипанов Павел Алексеевич, штурман звена Ми-24. При выходе из атаки вертолет был поражен ПЗРК.

Война не выбирала, опытные это летчики или нет. Гибли и командиры эскадрилий, и лейтенанты. Из 84 погибших, семеро служили в Афганистане второй раз: это капитаны Гуртов А.В., Тупица Р.И., Сергин С.Н., Синько С.Л. (это ему посвящена песня «Погиб вертолетчик в горах под Газни»), Молоденков Ю.И., Хрипач М.П., Шамсеев И.М. А это значит, — они были уже настоящими асами. Многие летчики говорили, что летать по-настоящему их научил только Афган, однако «там» о своих достижениях в пилотаже предпочитали не распространяться — запреты оставались запретами. «Крутой пилотаж» был необходим, но и смертельно рискован.

Они уходили от нас одиночно и экипажами, парами, звеньями и отрядами, а итога войну — эскадрильями. Погибло: командиров авиационных эскадрилий — 2, заместителей командиров авиационных эскадрилий — 1, заместителей командиров авиационных эскадрилий по политической части — 1, командиров звеньев — 3, командиров отрядов — 1. С ними в бою гибли верные помощники — члены экипажей их боевых машин: летчики-операторы, летчики-штурманы, штурманы отрядов и звеньев, начальники парашютно-десантной службы, бортовые техники — воздушные стрелки вертолетов и другие... По официальным данным 31 вертолетчик погиб в результате взрыва боевой машины в воздухе.

Более 20 командиров экипажей, порой смертельно раненые, выполняли посадку на поврежденных и горящих вертолетах, спасая членов экипажа и десант. При посадке вертолеты получали еще большие повреждения, взрывались, разрушались, но командиры, если оставались живы, руководили эвакуацией личного состава с борта вертолета, а затем, если обстановка усложнялась, — обороной, принимая последний бой на земле. Некоторые члены экипажей прикрывали отход своих боевых товарищей. Это летчик старший лейтенант Тувальский Олег Рышардович, расстрелявший 16 автоматных магазинов, прежде чем был убит. Старший лейтенант Просандеев Владимир Петрович, юго-восточнее Газни, отражая попытку мятежников захватить вертолет, погиб в бою на земле. Очень мало вертолетчиков выбрасывались на парашютах! Или была небольшая высота, или внизу были горы и «духи» — у них пулеметы, они били по летчикам, секли пулями стропы и жгли купола их парашютов, не давая шансов выжить. А если и удавалось

уйти от огненных трасс, то горы встречали их ущельями, остроконечными вершинами и почти отвесными скалами.

Выполняя боевые задания по поиску сбитых экипажей вертолетов и самолетов, погибли экипажи Е.А. Симороза, П.В. Золкина, В.В. Некрасова... Русское — сам погибай, а товарища выручай — прозявлялось во всем своём величии.

Подбитые, на поврежденных вертолетах отворачивали от жилых кварталов Джелалабада — как старший лейтенант Пономарев Геннадий Юрьевич, лейтенант Погорелый Евгений Александрович, прикрывали аэродром Газни — как капитан Феденев Виктор Викторович, старший лейтенант Матвеев Юрий Петрович...

Первоочередной задачей летчиков стала защита городов и аэродромов от участвовавших минометных и ракетных обстрелов. На Джелалабад, Асадабад, Бараки из близкой «зеленки» мины и пули сыпались почти регулярно, и в лунные ночи даже в туалет частенько приходилось пробираться крадучись. Непрерывное вертолетное патрулирование, наряду с минными заграждениями, оказалось наиболее эффективной мерой обороны. Рабочий день на авиабазах начинался в 4 — 5 часов утра со взлета дежурного звена вертолетов, прочесывавших периметр в поисках вражеских стрелков. До наступления темноты «вертушки» кружили вокруг аэродрома, прикрывая взлет и посадку самолетов. Ночью на них подвешивали САБы. Охоту за противником, подбиравшимся к стоянкам, вели с помощью приборов ночного видения — ИК-очков ПНВ-57Е. Обнаружив «теплую цель», намерения которой не вызывали сомнений, подсвечивали ее «лострой» и с ходу открывали огонь на поражение. Вертолет при этом оставался невидимым, а уйти ослепленному противнику было некуда. Прикрывая авиабазы, ставшие последними плацдармами, вертолетчики не всегда могли защитить себя. Из 84 трое погибли при обстреле аэродромов.

Вертолетчиков спецназовцам есть за что почитать, перед кем преклоняться. Боевая история бригады и ее отрядов навечно переплетена с историей таких легендарных боевых частей, как 335-й отдельный боевой вертолетный полк (командирами которого в разное время были полковники Целовальник В.П., Грачев Н.Н., Крушинин В.Н., начальниками политотдела подполковники Владыкин Ю.И., Малашкин В.А.), 205-я и 239-я отдельные вертолетные эскадрильи. Добрым словом спецназовцы вспоминают вертолетчиков Николая Нелиповича, Алексея Кузнецова, Олега Кучеренко, Геннадия Сорокина, Юрия Онипко и других. Как становились летчиками? У них обычные биографии советских парней, выбравших небо. Расскажу только об одном. Подполковник Юрий Иванович Владыкин родился 7 сентября 1945 года в Норильске в простой рабочей семье.

Родители много ездили по Сибири, одно время жили в Кировс-

кой области, а затем вернулись на постоянное место жительства матери, — на ее родину, — в город Бийск Алтайского края. Это то удивительное по красоте место, откуда берет начало Чуйский тракт, а в 40 км находится родина Василия Шукшина. Только сказочный Алтай считал своей родиной и Юра. Отучившись 8 классов, в 15 лет Юра пошел работать.

Был рабочим леспромхоза, работал в сплавной конторе. На тяжелой физической работе учился выдержке, степенности. С того периода своей биографии привык себя уважать. В 1965 году двадцатилетний парень был призван в армию, и попал в танковые войска. Служил в Новосибирске в учебном танковом батальоне, а затем на ст. Крохаль неподалеку, в ремонтном танковом батальоне.

Пути Господни неисповедимы... В 1966 году солдат-танкист поступил в Сызранское высшее военное училище летчиков. Через четыре года, с отличием завершив обучение, был оставлен летчиком-инструктором в этом же училище. В 1977 году поступил на факультет ВВС Военно-политической академии им. Ленина. В 1980 году Юрий Иванович был назначен начальником политотдела заместителем командира 319-го вертолетного полка им. Ленина, что дислоцировался в селе Черниговка Приморского края Дальневосточного военного округа. Ровно через пять лет Владыкин убыл во главе большой группы летчиков на равную должность в 335-й отдельный боевой вертолетный полк на аэродром приграничного с Пакистаном города Джелалабад. Нагрузка там была сумасшедшая. Судите сами, только за один год он совершил 485 боевых вылетов на вертолете МИ-24. Сама цифра гражданскому человеку, не связанному с авиацией, ничего не говорит. Много ли это — 485 боевых вылетов? Такое количество боевых вылетов можно сравнить с 600 боевыми вылетами прославленного и удачливого летчика Великой Отечественной войны А.И.Покрышкина. Не принижая великой боевой славы лучшего летчика, все же хочу пояснить, что Покрышкин был на войне четыре года, а Владыкин совершил свои вылеты за один год! Можете представить, какие нагрузки перенес организм и психика летчика 80-х годов. За свой каторжный ратный труд в афганском небе Юрий Владыкин был представлен к орденам Ленина и Красной Звезды. Впоследствии стал полковником авиации.

Несколько строк из дневника Владыкина о взаимодействии с подразделениями спецназа 15 бригады: «18.01.86 год, ДРА, провинция Нангархар, г.Джелалабад. К каждому из нас приходит понимание ответственности за жизнь других людей. Вероятно, это накапливается с годами, дается опытом, а больше всего — узнаванием людей. Не по скупым строкам, изложенным в личном деле, а в процессе обыкновенной совместной жизни в одном большом и крепком военном мужском коллективе. Это не расскажешь словами, а горе и слезы, если они бу-

дут, поскребут за сердце, все равно не такие горькие, как у близких и родных тех парней, которых уже нет. Высота эта, 1259, вблизи от Джелалабада, забудется для многих быстро, но для меня она останется тем перевалом, за которым оставлена лихость и решительность без точного расчета. Трудно все предусмотреть, но если цена высокая, то обязан. ... В первом заходе со стороны солнца тишина. Готовимся пустить ПТУРС по укреплению, в котором должен быть ДШК. Пуск удачный, обеспечиваю себе выход из атаки НУРСам, сзади ведомый — Костычев. Вот здесь все оцетинилось. Слева прошла белая дымная полоса — пуск ПЗРК, но прошла мимо, потом мы эту трубу нашли. С земли передали: «Воздух, по тебе работают слева и справа, сзади тоже работают». Пробит из ЗГУ левый блок, крыло, пробиты лопасти. Но тогда я еще об этом не знал. Работаем, пока есть БК, пустили еще ПТУРС — забили ЗГУ, а внизу просят еще ударить, уже по другой цели. Справа внизу яркие вспышки — стреляет ДШК. По нему из пулемета бьет командир роты спецназовец Дима Лютый. Разворачивая, стреляя из пушки, попал удачно. Костычев добавляет на выводе, подловили ведомого, доложил, что убит бортовой техник. Отпустил его домой, а сам остался с парой Остапенко. Десант сидит в 300 метров от духов. В этот день 3 вылета по два часа. Сменил ведомый машину — много повреждений, а мне заменили блок и снова туда же. Высоту взяли только к исходу следующего дня. Михайлова отправляем с аэродрома, дали трехкратный залп... Кто-то сказал, что победой потери не воспользуются, они его только лишь оправдываются. Десант убитых не имел.

9.02.86 г. Есть такое местечко Лоя-Термай. Два вылета — нормально, на третьем, когда уже собрались запустить десант, меня немного повредили — пробита лопасть, задрожал правый двигатель — расплавились лопатки и заклинило свободную турбину. Бахта потом сказал, что если бы не выключили, то двигатель должен был взорваться. На заходе сбросили блоки, левый не тянул. Садилась — тянули через обрыв. Приземлились за два-три метра от обрыва, метров 10 — 15 пробежали, остановились. Кругом большие камни. Вертолет весь в масле, но целый, только срубили антенну. Заняли оборону, а пулеметы с борта кое-как с Витей Кутным достали, летали без бортехника, а он уже на земле, закрыл двери на ключ. Через несколько минут прибежал, весь в мыле, опять Дима Лютый — лучший друг-десантник, прикрывать нас. Покурили, прилетела восьмерка. Паша Семенов нас забрал. Стреляли по нам из гранатомета, и командир сказал: «Это тебе второй звонок». Но летать-то все равно надо. Без полетов, как без воды — бывают моменты, когда каждый глоток на вес самого дорогого металла. Появилась возможность кое-что записать для памяти. Говоря о летчиках, техниках, мы часто забываем, для чего вообще нужен их труд. А все, начиная от пробы вертолета и заканчивая нажатием на боевую кноп-

ку, предназначено в итоге для обеспечения боевых действий десанта. Несколько первых месяцев я причислял себя к людям необычной профессии, гордился, что принадлежу к особой группе — летчикам, о которых с давних пор ходит по земле добрая слава, которую они добыли в небе. И все же, не очерняя летную рать, должен признаться, что те, кто десантируется, а потом бывает несколько суток под огнем, пробивается к рубежам, поставленным их командиром, должны обладать не меньшими, а лучшими, чем мы, качествами... Только в слабеньких фильмах про войну смерть воспринимается как междометие, а порой как эффектная заставка. Видно, торопятся режиссеры, уповая на то, что о 20 миллионах погибших по отдельности не расскажешь. Наяву же — кто-то сжимает гортань и с трудом подбирает слова перед прощальным троекратным залпом. Видел это сам и чувствовал... Спецназовцы Паша Бекоев и Дима Лютый мне рассказывали о своих бойцах, с которыми вместе карабкались по горам, где даже без душманского огня трудно. И я представил себе состояние человека, которому нужно в составе группы прочесать кишлак, пробираясь через лабиринты дувалов, где неожиданно может ударить в спину пулеметная очередь и понял, что к этому привыкнуть невозможно. Поэтому, наверное, летчики часто здороваются с солдатами спецназа, первыми подавая руку».

На память приходит ситуация, когда зимой 1988 года, после очередного боя, досмотровая группа 154 ооСПН вернулась на аэродром в Джелалабад. При проверке обнаружили отсутствие одного разведчика, забытого впопыхах. Не запрашивая разрешения из Кабула, без лишних слов летчики вновь вылетели в район боя и в последние минуты, буквально из зубов духов, вырвали очумевшего от обреченности парня. И это не исключение. Как известно, в частях ОКСВ в Афганистане с первого дня действовал приказ о том, что ни один военнослужащий — контуженый, раненый или убитый — не должен оставаться на поле боя. Все, в том числе и тела погибших, должны быть найдены и вывезены. И летчики были этому приказу верны до самопожертвования.

Безусловно без вертолетов была бы невозможной эффективная работа спецназа.

Осенью 1985 года силами спецназа удалось перехватить и полностью истребить банду одного из самых известных командиров — муллы Маланга. А взятие первых «Стингеров», а налеты на укрепленные и много другого. Очень эффективными оказались поисково-ударные действия вертолетов со спецназовскими досмотровыми группами на борту, позволявшими охватывать районы в радиусе 100 — 120 км от места базирования. Высадив группу, пара Ми-8 прикрывала их с воздуха и отсекала разбегавшимся караванщикам пути отхода.

Наибольшее количество боевых вылетов выполнили погибшие командиры экипажей: В.Н. Басов — 86 боевых вылетов, Ю.Н. Кани-

щев — 92, Е.А. Погорелый — 92, М.Г. Шамсудинов — 96, Н.Н. Захаров — 100, С.В. Молчанов — 108, С.Н. Ешин — 109, С.Н. Рабко — 110, Г.Л. Сечко — 170, П.А. Щипанов — 180, Н.Н. Яструбанко — 209, А.Г. Лаврентьев — 295, А. Г. Литвиненко — 493, Р.И. Тупица — 533. И ведь каждый полет на вертолетах был сопряжен с большим риском.

Старшим по возрасту среди погибших был Н.И. Ковалев — 49 лет, чуть моложе его были О.Л. Харчевников, А.И. Манько — 45 лет. В.А. Буяшкову в день гибели исполнилось 44 года.

А кто же самый молодой из летчиков, погибших в Афганистане? Им оказался лейтенант Шебанов Олег Леонидович. 25 сентября 1986 года во время высадки группы спецназ в районе н.п.Шахидан попал в зону зенитного огня и был сбит.

Даты рождения. Они о многом говорят: гибли молодые малообученные ребята лейтенанты 1965 — 1966 годов рождения. В начале 1986 года им было по 20 — 21 году и... три года войны впереди. И она их не пощадила. Их опытные старшие товарищи порой годились по возрасту в отцы. Как могли они берегли их, но разве пуля или «Стингер» выбирала? Пришедшая молодежь училась по-настоящему летать только на войне: по 5 — 6 вылетов ежедневно, проводя в воздухе до 8 часов. Здесь только они практиковали маневры с большими перегрузками, категорически запрещенные в Союзе виражи, боевые развороты, горки с отрицательными перегрузками и крутые пикирования, при которых в кабине было темно от земли, заполнявшей весь обзор. Отработка нужных методов пилотирования на крайних режимах стоила жизни некоторым летчикам, но чтобы воевать, они должны были учиться работать на пределе. В полетах среди однообразных гор и ущелий ориентирами летчики выбирали приметные деревья, характерные скалы или строения, не нанесенные ни на какие карты и передававшиеся летчиками друг другу «под запись». Совершенствуя тактику, вертолетчики стали применять эффективный при атаке группой замкнутый круг («вертушку»), заходя на цель с пикирования и прикрывая друг друга при выходе. И всему этому надо было быстро научиться. В противном случае смерть наступала и без помощи моджахедов...

При оказании огневой поддержки особое значение приобретал тесный контакт с наземными частями и командирами, поскольку в этом деле ошибки летчиков дорого стоили.

Припоминаю типичные несчастные случаи. Один произошел 28 июля, второй 20 сентября 1987 года, третий 17 апреля 1988 года. Один из лучших разведчиков бригады командир группы лейтенант О. Гопиенко из 668 ооСПН в районе Калавазир-Бала во время облета обнаружилдвигающийся автобус и десантировался для его досмотра. Неожиданно без команды по объекту досмотра был нанесен удар бортовым огнем вертолета МИ-24. После поражения цели, разведчики в салоне

машины обнаружили исключительно гражданских лица, не имевших отношения к моджахедам, из которых семь оказались убиты и два десятка получили ранения различной тяжести. Во время разбора совместных действий командира досмотровой группы хотели сделать крайним, но офицеры Дубрава и Берзин, находящиеся на борту, подтвердили, что летчик стрелял самовольно без команды Гопиенко... Подобный случай необоснованного обстрела досмотровыми вертолетами автомашины, вывозящей дрова с гор, известен и под Джелалабадом, когда командир группы 3 роты пятого батальона лейтенант Д.Хоров и начальник разведки отряда лейтенант В.Матвеев 28 июля 1987 года в районе н.п. Синзай (провинция Нангархар) в 11.00 местного времени оказались свидетелями обстрела без команды спецназа четырьмя МИ-24 двух автомашин с афганцами, что привело к необоснованным жертвам среди местного населения. Из этого ряда преступной самостоятельности летчиков и трагедия 17 апреля 1988 года, унесшая жизни лучших офицеров 15 бригады. Однако в целом командирами летательных аппаратов и групп спецназ удавалось добиваться тесного контакта и четкого взаимодействия в бою.

Кого же потеряла страна в лице военных авиаторов?

Она потеряла интеллектуальное богатство численностью в 84 молодых и зрелых мужчин, среди которых были несостоявшиеся мужья, отцы семейств, будущие командиры эскадрилий и полков, руководители военных учреждений... Вертолетная авиация потеряла высококлассных летчиков с опытом полетов в разных широтах, от льдов севера до «горных вершин и пустынь юга», которым по плечу была любая боевая задача. Погибли и умерли от ран: 2 прапорщика, 16 лейтенантов, 34 старших лейтенанта, 27 капитанов, 3 майора, 1 подполковник.

Как же отмечен ратный труд погибших авиаторов той войны?

Родина посмертно вручила их семьям: 1 медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (Ковалев Н.И. — погиб 1.06.1985 г. под Асадабадом пр.Кунар), 4 ордена Ленина (Ковалев Н.И., Лукьяненко В.В., Сечко Г.Л., Синько С.Л.), 19 орденов Красного Знамени (Ашихмин С.Я., Гиниятуллин А.Я., Гуртов А.В., Гусев С.В., Ермолов И.В., Матвеев Ю.П. (погиб 27.02.1987 под Газни), Молоденков Ю.И., Молчанов С.В., Новиков И.Ф., Погорелый Е.А., Рыбко С.Н., Савин В.Г., Савельев А.В., Харчевников О.Л., Хрипач М.П., Шинькович В.В., Шебанов О.Л., Щербakov В.И., Щипанов П.А.), а также другие погибшие были награждены посмертно орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, 10 медалями «За отвагу», 7 медалями «За боевые заслуги».

Двумя полнокровными эскадрильями сегодняшних дней они шагнули в бессмертие, выполнив приказ Родины. Пример достоин для подражания нынешнему поколению! И как ни печально, вертолетчики,

ветераны Афганистана, дополнили список погибших в «горячих точках» Советского Союза и СНГ в последующие годы.

Ветераны — участники войны в Афганистане, бывшие мотострелки, артиллеристы, танкисты, десантники... Спросите любого, кто за полтора-два года там не летал на вертолете или не ждал их помощи, будучи окруженным в горах, кого раненым вертолетчики не везли в госпитали Кабула и Джелалабада, кому они не привозили воду, продукты, сигареты, письма, кого не выручали, вырывая из-под носа у «духов» — снимая с «пятак»», повиснув одним колесом над пропастью! Они были всегда желанными, когда отгоняли врага бортовым огнем от окруженного взвода. И самыми родными тогда, когда, прикрывая бортом, грузили в кабины вертолетов спецназ и уходили в небо, оставляя куски покрышек и лужи керосина на камнях из пробитых топливных баков.

Поэтому не случайно День ВДВ и День Авиации мы в гарнизонах отмечали вместе. Сначала за одним застольем, а потом за другим. Мы были как братья.

Опыт локальных конфликтов, начавшихся с Афганской войны, а также имевших место в различных регионах мира, убеждает в эффективности действий авиации против партизан и повстанцев. Именно она позволяет подразделениям спецназа наносить стремительные удары по объектам противника или по базе повстанцев и также стремительно покидать поле боя, выполнив задачу. До Афганистана наиболее массированно авиация применялась только американцами во Вьетнаме. Наш собственный опыт показал, насколько эффективны действия авиации при умелом ее применении и четком взаимодействии с наземными войсками. Что ни говори, а победа, в конечном итоге, добывается на земле.

Большое спасибо Вам, дорогие наши друзья, за боевую дружбу и воинское братство!

Мы помним Ваше мужество и мастерство в боях. Вечная память погибшим!

Слава ВСВ!!!

ВЕХИ ИСТОРИИ

ОДИН ИЗ НАС

«Трудно и больно вспоминать о войне в Афганистане, особенно нам, полностью испытавшим на себе ее тяготы, и нельзя оценивать эту войну с позиции нынешнего времени. Тогда все было другое, был Советский Союз, такое высокое понятие как интернациональный долг и решения руководства страны по оказанию помощи соседнему дружественному Афганистану».

С.М. БЕКОВ.

Судьба свела меня с ним в месте экзотическом — бывшей зимней резиденции афганского короля — городе Джелалабаде. О тех местах один наш армейский поэт сказал довольно точно:

*Днем ветер, ночью снегопад,
Морозные рассветы.
А мы летим в Джелалабад,
В Джелалабаде — лето.*

Первая строфа как бы вводит читателя в обстановку тревожной жизни бойцов спецназа. Вторая рассказывает о радостях бытия, красотах этого вечнозеленого города:

*Там в эвкалиптовых ветвях,
Большие, как сороки,
Десятки желтогрудых птах
Устраивают склоки.*

Третья строфа еще пуще разжигает воображение, суля райские утех:

*Там пальм упругие листья,
Как зеркала, сверкают
И звезды с чистой высоты
По ним в траву стекают.*

Но, чу! Не верьте красотам Джелалабада! Ох, не верьте:

*Там обезьяны из чащоб
Пугают визгом уток...*

Если бы этими милыми картинками все и заканчивалось. Да где там:

*Там снайпера стреляют в лоб,
Что тоже, кроме шуток.*

...Я знал куда и зачем лечу. Все мы знали и были готовы к любым неожиданностям. Неприятных было много. Приятной, пожалуй, одна — знакомство с советником ЦК КПСС в зоне оперативной и войсковой ответственности «Восток» Сергеем Мажитовичем Бековым. Его ставка как раз и находилась в Джелалабаде, а точнее в окрестностях — в кишлаке Самархель. Кое-что я слышал о Бекове от своих товарищей. Горец, ингуш, известный на Северном Кавказе партийный и советский руководитель, лет около пятидесяти, умен, храбр, человечен. Забегая вперед, замечу: был Сергей Мажитович ко всему сказанному остроумен, сдержан, полон обаяния. Но по порядку.

Прибыв в Джелалабад и решив все срочные дела, мы с командиром бригады полковником Юрием Тимофеевичем Старовым отправились к Бекову, как положено, представляться. Навстречу нам из-за стола вышел человек, одетый в гражданскую одежду, выше среднего роста, подтянутый и красивый, той мужской красотой, которой зачастую отличаются горцы. Открытое выразительное лицо, приветливый взгляд, мягкий доверительный голос. Так получилось, что даже льдинки напряженности между нами не возникло.

Беков после обязательной в таких случаях беседы по существу моих обязанностей в Афганистане, пригласил к столу. Еда была столовская, но это обстоятельство не делало ее невкусной. Тем более, что хозяин был само гостеприимство. После обеда мы вновь вернулись к делам. Обстановка не радовала. Война шла восьмой год и конца ей не было видно. Похоже, что мы застряли в Афганистане, как когда-то США во Вьетнаме. Приказ, конечно, приказ, но никто не мешал нам самим думать. По стране гуляла перестройка, много говорилось о гласности и демократии. Однако армия оставалась армией с ее жесткими написанными кровью уставами. И все же в тот день у Бекова мы не смогли не поинтересоваться его мнением о происходящем. Прежде всего, о перспективах нашего пребывания в стране, раздражаемой своими внутренними противоречиями. У них шла борьба за власть не на жизнь, а на смерть. А тут еще мы...

Немного поколебавшись, я все-таки спросил:

— Сергей Мажитович, как вы думаете — долго ли...

Беков перебил:

— Я понимаю, что вы хотели спросить. Отвечаю.

Он отодвинул от себя столовый прибор и встал. Мы тоже встали.

— Да, я очень хорошо понимаю вас.

Высокий, прямой, со «стечкиным» у бедра, Беков был колоритен. Мы с Юрием Тимофеевичем замерли, ожидая некоего волшебного сло-

ва. От кого же его и услышать, если не от советника ЦК КПСС. Но Сергей Мажитович не спешил. Видимо, и ему нелегко давалась искренность. Нервно передернув плечами, Беков вдруг заговорил страстно и торопливо, словно боясь, что какие-то слова останутся недоговоренными. Я дословно не могу сейчас передать всю его речь. Помню суть:

— Надо беречь людей... Что касается нашего пребывания здесь, то я думаю, что дело скоро склонится к развязке.

Он не сказал «мы скоро уйдем». Он сказал:

— Дело движется к развязке.

Мы со Старовым были не мальчики и прекрасно понимали язык недоговоренностей. Беков награждал нас надеждой. Надеждой на близкое возвращение домой.

Провожая нас к двери кабинета, Беков вдруг сказал:

— Сегодня в клубе у нас будет кино «В бой идут одни «старики».

Рекомендую посмотреть еще раз. Леонид Быков — майор Титаренко, ответ на все ваши вопросы. Надо беречь молодых солдат и офицеров.

И, обращаясь к полковнику Старову, добавил:

— На днях у командующего будет совещание командиров. Речь пойдет о том, чтобы четко и умело выполнять те рекомендации, которые есть в отношении наших пленных. Это очень важная задача разведки. Очень.

— Да, Сергей Мажитович, вы правы.

— Вот и хорошо, что вы все понимаете. Прошу завтра ко мне на совещание. До свиданья.

Беков обнял каждого из нас. Улыбнулся мне:

— Так говоришь, в Приморье служил? Я везде был, а вот на Дальнем Востоке не пришлось.

— Какие наши годы, — с улыбкой сказал Старов.

— Спасибо! Но живы будем, сначала побываю у меня на родине: Чечено-Ингушетия — прекрасный край! Покажу вам Кавказ. На самой высокой горе, откуда виден весь Кавказ, будем жарить шашлык, петь песни и пить вино...

Забегая вперед, скажу: не случилось нам с комбригом воспользоваться приглашением Бекова. Едва мы вышли из Афгана — загремели конфликты на Кавказе.

Однако мне запомнилось многое из того, что рассказывал Сергей Мажитович о давнем прошлом своего народа. Согласно легенде род чеченов пошел от Турпала — богатыря. И ингуши произошли от Турпала. И те и другие рождены в ночь, когда волчица дает миру щенят. Чеченец рождается, держа в руках кусок сыра. Ингуш же при рождении держит в ручонке зеленый лист. Там, в Джелалабаде, легенда, рассказанная Бековым, поразила своей поэтичностью. Особенно запал мне

в душу образ ребенка с зеленым листочком. И подумал я тогда, зеленый лист — это символ жизни. Благодаря зеленым листьям, земля получает атмосферу. В свою очередь, кислород — основа жизни. Предки ингушей в мыслях своих дотягивались до космических высот.

Много позже после Афгана, когда мне пришлось увидеть знамя Ичкерии с изображением волчицы, я невольно вспомнил легенду, рассказанную Сергеем Мажитовичем в Джелалабаде. Понял я, и отчего площадь в Грозном зовется «Минутка». Беков ведь объяснял, что в 30-е — 40-е годы Старые и Новые промыслы Грозного соединял трамвай. Вагоны шли навстречу друг другу по бывшей улице Ленина. Вагоны встречались примерно на половине пути возле хлебного магазина. Они разминались по кругу. Маневр этот занимал одну минуту. Отсюда и «Минутка».

Довелось слышать мне и рассказы участников событий в Чечне. Я знаю, что С.М. Беков и В.П. Поляничко много сделали для того, чтобы предотвратить кровавые столкновения на Кавказе. К сожалению, ни ему, ни погибшему Поляничко, ни кому другому не удалось остановить войну. Волчица из легенды взбесилась и прыгнула на флаг Ичкерии. Люди перепутали свободу с вольницей и началось... Знаю я также, что нет у Сергея Мажитовича большей заботы, как та, которая поможет людям в его крае замириться.

Однако я увлекся, но не настолько, чтобы забыть, что на дворе ночь и мы с полковником Старовым едем в расположение своей бригады. На всем пути следования мы с Юрием Тимофеевичем перебирали мельчайшие подробности встречи с Бековым. Он нам понравился. Я говорю об этом сейчас, по истечении 15 лет, без всякого подхалимажа. И не потому, что старших принято хвалить. Нет. Дело в другом: Беков предстал перед нами не как партийный сановник, которых я тоже повидал на своем веку, а товарищем по общему делу. Сергей Мажитович отвечал моему требованию к чиновнику такого ранга, как он: умен, доступен, доброжелателен, обязателен. Приехав в свой штабной городок бригады, мы выслушали доклад дежурного на ЦБУ и улеглись спать. Но ночь оказалась для комбрига бессонная: в районе Абчакана наша группа, находясь в засаде, уничтожила вооруженное формирование мятежников, и Старов руководил и координировал действия авиации и артиллерии. После обеда, ближе к вечеру, мы вновь встретились с Бековым. На этот раз речь шла о сугубо военных делах. Кроме нас, в совещании принимали участие афганские и советские товарищи: уполномоченный ЦК НДПА и Реввоенсовета ДРА, председатель Совета обороны зоны «Восток», энергичный и просветский настроенный писатель и поэт Мехтобутдин Сафи; начальник управления МГБ провинции Нангархар, сдержанный и немногословный пуштун Мазула (просидевший при Амине 9 месяцев в тюрьме); начальник разведпункта

Мирр Абдула Саид; командир пехотной дивизии генерал-лейтенант Барикзай и его замполит полковник Миджит; начальник афганского госпиталя №1 полковник Муин Зерматаль, а также советники А.Корнилов, А.Поносов, С.Тюрьменко, Ю.Шонов, В.Калугин, В.Анцифиров, В.Арцыков, В.Микадзе и др.. И вновь меня поразили уровень военной подготовки Сергея Мажитовича. Я сам семь лет тому назад окончил академию и, казалось, что объем информации, почерпнутый мною во время учебы, более чем достаточен для того, чтобы ориентироваться в обстановке. Так-то оно так, но слушая Бекова, явственно ощущал пробелы по одному вопросу, то по другому. Очевидно так оно и должно было быть: ведь на стороне Сергея Мажитовича был опыт, эрудиция, конкретика, а мне только предстояло «сапогами мерять отроги Гиндукуша», да пройти с бригадой сотни километров в провинциях Нангархар, Кунар, Пактия, Кабул, Логар, Газни, сидеть в засадах на караванных тропах.

Я не стану подробно рассказывать о той обстановке, которая сложилась на границе с Пакистаном. Отмечу только лишь одно, это было время жесткого военного противостояния советского спецназа с военными формированиями моджахедов. Именно о наших местах командарм Б.Громов писал: «В приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет советского военного присутствия в Афганистане. Пик боевых действий пришелся там на завершающий этап Афганской войны».

Сейчас, когда пишу эти строки, словно слышу выразительный голос Бекова:

— Все караваны с оружием, идущие из Пакистана, для нас важны. Но особенно, несущие зенитно-ракетные комплексы «Стингер».

— Значительно возросла противовоздушная оборона моджахедов. Более интенсивно стали применять зенитно-ракетные комплексы. Так если в 1984 году было отмечено всего 62 пуска ПЗРК, в 1985 г. — 141, то в 1986 году — 847 (при этом было сбито 26 самолетов и вертолетов). А в текущем году, за пять месяцев (1.01 — 1.05. 1987 года) ВВС 40-й армии уже потеряли 120 самолетов и вертолетов (как потом оказалось из 451, сбитых за всю Афганскую войну)...

От названных Бековым цифр сбитых наших самолетов и вертушек у меня мороз пошел по коже.

— Активную помощь моджахедам, — продолжал он, — оказывают американцы. Они готовят и вооружают боевиков, и оружие раздается по миру... По данным агентурной разведки, Раббани продал 11 «Стингеров» из поставок США в Иран за 14 млн. долларов. Контроль за использованием этих ПЗРК был утерян, в результате чего «Стингерами» в Персидском заливе сбили два самолета и один верто-

лет. Американцы оказались в неудобном положении, но от помощи нашим врагам не отказываются.

— Юрий Тимофеевич, — обратился Беков к Старову, — еще раз доведите до личного состава, что главное — «Стингеры». За взятый «Стингер» командир группы спецназ будет представлен к Герою, а все разведчики, входящие в группу будут награждены орденами.

— Сергей Мажитович, — ответил комбриг, — мы делаем все.

— За 9 месяцев 1987 года разведчики нашей бригады, — четко докладывал Старов, — совершили 861 боевой выход. В засадах и при досмотровых действиях уничтожено 996 вьючных животных, 25 автомобилей, 6 тракторов, 5 пусковых установок реактивных снарядов, 12 пулеметов ДШК, 16 минометов. Захвачено 256 вьючных животных, 6 автомобилей, 1 трактор, 12 пусковых установок реактивных снарядов, 9 пулеметов ДШК, 62 ПЗРК китайского производства. Эти цифры, товарищи, сами понимаете, свидетельствуют о напряженном ратном труде разведчиков, но «Стингеров» пока мы еще не брали. Люди знают приказ министра обороны и не жалеют себя. На минных полях и во время обстрелов мы потеряли 25 единиц техники... В этом году посмертно награждены орденом Красного Знамени лейтенанты Рязанцев Юрий Михайлович, Рудометов Виктор Петрович, сержант Ярмош Владимир Васильевич, рядовой Шариков Олег Владимирович. Достоинно выполняют боевые задачи офицеры-«асадабадцы»: начальник разведки батальона Владимир Матвеев, командир роты Дикарев, командиры групп спецназ Дзыба, Сазонов, Степаненко, Степанчук, Бирюков, Мусиенко, Матвейчук, Хоров, Гольбин, Острянко, Матюшин, Яшунин. Замполиты рот Семенов и Карлов и другие. В Газнийском батальоне отличились лейтенанты Линьков, Глазырин, Залуев. Лейтенант Хайдаров захватил духовскую машину с боеприпасами, а через несколько дней уничтожил колонну автомобилей. В Бараки блеснули результатами молодые лейтенанты Буга, Дуброва и Барышев.

Совещание закончилось поздно ночью. Дневной зной сменила пропахшая эвкалиптами темень. Все время хочется пить, только стакан осушил, рука тянется за другим, хэбэ — влажное от пота. Мы все потом научимся разумно общаться с водой. И это станет первым, но таким важным контактом с окружающей нас средой, который помогал выжить.

Потянулись боевые будни. Дни, не похожие друг на дружку. Подъем. Зарядка. Завтрак. Постановка задач. Ежесуточно десятки разведорганов бригады выполняют боевые задачи. Кто уходит на сутки, кто на трое, а кто и того дольше.

Ох уж эти караваны, эти «Стингеры»... Порой приходится ждать караваны несколько суток в засадах. Разведгруппы, вышедшие для ночных засад, делают все, чтобы остаться незамеченными. Их время —

ночь! Мучительно медленно тянется время на дневке. Ждешь не дождешься, когда солнце упадет за горизонт. Почти сразу же появляются большие звезды. Становится прохладнее. Воют шакалы. Наскоро ужинаем и скорым шагом вытягиваемся в колонну по одному. Скорее в район засады. Занимаем господствующие высоты на караванной тропе или в русле пересохшего ручья и ждем до утра.

Издалека караван вызывает надежду. Представьте себе пустыню или голое предгорье, палящее солнце, пустое без облачка небо. неподвижный пейзаж растапливает душу. И вдруг из-за бархана или из лощины горной гряды показывается змеиная голова переднего верблюда, за ним шествует второй, третий... Движение! Вместе с движением мир как бы приобретает устойчивость и систему координат. Но, чу! Будь осторожен, разведчик!

Чуть что, с верблюжьих горбов огрызнутся свинцом моджахеды. Опытные караван-баши в один миг положат верблюдов на песок. Организовывать круговую оборону им не впервой. А уж стрелять басмачи умеют. В дневное время досмотр караванов ведут разведгруппы, летающие над горами и пустынями на вертолетах. Это высокий риск, но пропустить караван с оружием нельзя. Нас интересуют далеко не все караваны, а только те, которые несут оружие, боеприпасы и «Стингеры». Переносные зенитно-ракетные комплексы — оказались оружием стратегическим. Они изменили ход всей Афганской войны. И мы действуем наверняка. Внезапность — наше оружие. Бои носят яростный характер. «Стингеры» — дорогая добыча. И мы и они мертвой хваткой цепляемся за ракеты. От наших действий зависят судьбы вертушек и самолетов. Зависят сотни жизней наших и афганцев.

Днем летаем на разведку на вертушках. МИ-8 отличные трудяги машины, стремительно идут на бреющем над землей, иллюминаторами всматриваясь в местность. Сознание четко фиксирует каждое изменение в пейзаже под тобой. Внезапный блеск может оказаться прицелом ПЗРК, или снайпера. Каждый дрогнувший куст у кучи камней — огневой точкой, откуда могут взлететь ракеты. И хотя вертушка набита оружием, лететь над территорией, контролируемой моджахедами, страшно. Можно, конечно, никого не встретить, но можно и на беду напороться. Как это недавно случилось с группой старшего лейтенанта Вадима Матюшина. Светлая им всем память! Досмотровые группы летают парами. Под прикрытием «крокодилов». Так надежнее...

Как-то уже от Шахидана ложимся на обратный курс. Летим над бурной гладью горного Кабула. Навстречу нам вертушка, кто бы это?

Пилот замкомандира полка подполковник Валера Крушинин (в настоящее время живет в Одессе) говорит:

— Беков! — сказал и чему-то улыбается. Скорее всего ему тоже нравится Сергей Мажитович.

За те месяцы, что я провел в Джелалабаде, мне пришлось познакомиться со многими людьми. Разведчики, мотострелки, врачи, журналисты — все они неизменно, услышав: «Беков», — многозначительно, но по-доброму улыбались. И начинались всякие истории, так или иначе связанные с Сергеем Мажитовичем. Вот некоторые из них.

Как-то случилось в провинции Нангархар событие, которое никак не вписывалось ни в какие рамки. Умер 110-летний святой, лидер пуштунов Абдул Гафар Хан. В мусульманском мире он был значительной фигурой. Завещал похоронить себя на родине в Джелалабаде. Мероприятие на международном уровне. До границы Пакистана с Афганистаном за траурным кортежем следовало около полумиллиона человек. Но это их заботы. А вот от границы до самого провинциального центра траурную церемонию пришлось проводить С.М. Бекову. Конечно же, ни местные власти, ни армейские наши части в стороне не стояли. Однако главная забота о сотнях тысяч верующих пала на плечи Бекова. Было очень трудно, экстремисты сумели все-таки провести два теракта с человеческими жертвами.

Вот что писала газета «Правда» 23 января 1988 года по этому поводу: «Джелалабад: 150-тысячная манифестация. В административном центре пограничной афганской провинции Нангархар — Джелалабаде 22 января состоялась грандиозная траурная манифестация и похороны известного борца против британского колониализма, признанного лидера пуштунов Абдул Гафар Хана. Однако враги единства пуштунов предприняли гнусную акцию. В то время, когда у могилы А.Г.Х. шел траурный митинг, среди скопления оставленных на стоянках машин прогремело два взрыва — взлетели на воздух автомобили со взрывчаткой. Погибло шесть человек, в том числе дети».

Сергей Мажитович с болью делился мнением об этом варварстве: — На деле погибших было пятнадцать человек. Около сотни получили ранения. Взорвано было 1200 кг взрывчатки. Но самое возмутительное во всей этой трагедии то, что в исламских средствах массовой информации и на западе появилась ядовитая фальшивка следующего содержания: «С огромным огорчением и печалью мы получили известие, что лишенные чести и совести русские отступники и поддерживаемые ими враги внутри страны произвели два взрыва в г. Джелалабаде во время церемонии захоронения видного деятеля пуштунов Гафар Хана... И они добились главного — распрей между братьями, спровоцировали открытие огня. Это факт, очень низкий и подлый в столь неблагоприятный и неудобный момент подтвердил свою полную враждебность по отношению к нам. Мы надеемся и верим, что такие средства террора, осквернение памяти великого старейшины не сгладят в народе его любви и уважения к нему и ко всем тем, кто сражается и погибает ради священных интересов Ислама».

В этой фальшивке, ярко просматривались формы и методы борьбы противников режима против собственного народа. Конечно, это старая истина, что политика — грязное дело. Но действия советских войск, во взаимодействии с советниками, были направлены на пресечение возможных провокаций и, если бы наших подразделений не было, потери были бы больше. Шурави в меру своих сил старались делать все, чтобы соблюдать основные традиции и привычки афганцев. И порой этому хорошо помогали советники, такие как Беков, которые хорошо знали обычаи и традиции.

Вот уже прошли многие годы, но мы с теплотой вспоминаем афганский народ, так как никогда не объединяли его с моджахедами, и объединять никак нельзя. Простой народ, который нас окружал, был прекрасен. Свободолюбивый, красивый народ. Им выпала тяжелая жизнь среди гор и пустынь. Тысячелетия и многие нации поработали над созданием красоты афганцев. В древности через Афганистан в Среднюю Азию и обратно на Индию проходил Александр Македонский. Но его боевые слоны по горам идти не захотели. Кроме того, один легион взбунтовался, и его бросили в горах. Так греки добавили афганцам эллинской крови. Потом пришел генерал Скобелев со своими голубоглазыми казачками, которые завершили процесс совершенствования афганских красавиц и красавцев. Чудо! Прямые греческие носы, голубые миндалевидные глаза. Женщины хороши в 12 — 14 лет, а после 20 они теряют свою привлекательность. Мне очень нравились афганские мальчишки — они напоминали моего сына Георгия, о котором я скучал — такие же черненькие и шустрые. Я также как все солдаты и офицеры ОКСВ во время выезда в сиротские дома «Ватан» и в населенные пункты всегда делился с бачатами своим сухим пайком.

Беков справлялся со своими обязанностями, нашел общий язык со всеми. Помогли дюжина языков и наречий, которыми Сергей Мажитович владел безупречно. Я сам был свидетелем, как советник беседовал с людьми пришедшими из отдаленных горных кишлаков и из глухомани горных ущелий. Он наравне говорил с муллами, поражая их знанием и толкованием Корана. Счастья и здоровья Вам, Сергей Мажитович!

— Иншала!

Однажды перед выходом в засаду, я встретил машину с Бековым. Он остановился, порылся в бардачке и протянул мне несколько целлофановых пакетов.

— Зачем они?

— Пригодятся. Когда понадобится утолить жажду, найди куст селина или верблюжей колочки, засунь в целофан, оставь на ночь. Поутру обнаружишь влагу.

Беков обнял меня, крепко пожал руку и дал по газам.

Он то знал, что наша группа не скоро вернется в родной городок. Пять суток просидели мы в засаде, то была одна из утомительных охот за «Стингерами». А что такое дневка под раскаленным солнцем? Ад. От жары спекаются глазные яблоки. Плавают мозги. Воспаляются губы. Отлетает душа. Все мысли — о воде. Наш запас уже давно кончился. Только ночью в темноте можно будет направить пару разведчиков на берег речки Кабул. Но ночью — в темноте у нас боевая работа. Тогда-то я и вспомнил о подарке Бекова. Сделал как он велел. И что же вы думаете? Получилось. Не много влаги, но на двоих по глотку вышло. Бойцы группы лейтенанта Валерия Петровича Федорченко, с которым я вышел в засаду, в основном жители равнины, были поражены как малые дети. Все мы твердо усвоили, что в пустыне без воды человеку быстро приходят кранты, а тут на тебе — пораскинй умом и живи!

И еще о воде и Бекове. Однажды среди офицеров нашей бригады разгорелся спор, что помогает верблюду сравнительно долго обходиться без воды?

Один сказал:

— Два горба.

Другой поддержал:

— Так организм устроен.

Третий честно признался:

— Не знаю.

Беков стоял рядом и беседовал с комбригом. Вроде и не прислушивался к голосам спорящих. Потом обернулся и обронил:

— Дело обстоит куда как трагичнее.

Вмешался и я:

— Почему?

Беков поискал глазами колючку, подрезал ее, взял в руки, сказал:

— Смотрите — каждый листик, как иголка. Верблюд ест свою колючку и ранит полость рта. Выступает кровь, увеличивая объем жидкости...

Кто-то ахнул:

— Выходит, животное пьет свою кровь?

— Выходит.

Сказав это, Беков попрощался и залез на бронетранспортер. Ему предстояла дальняя дорога. Однако рассказ советника о необычных свойствах верблюда поразил всех нас. Ведь верблюд был похож на нас самих. В тот вечер никто эту тему не стал развивать, но много позже, анализируя всю доступную мне правду о событиях в Афганистане, облик верблюда, пьющего свою кровь, обжигал мою душу.

Кстати, о тайнах природы. В своем отношении к ней Беков ведет себя удивительным образом. Я сам слышал по утрам, прежде чем заняться физическими упражнениями, он здоровается с солнцем, потом

с ветром, потом с травой и деревьями, словно они его близкие родственники.

Надо сказать, что сказочная красота Джелалабадской низменности не являлась раем на земле.

Воздух здесь, как в парной, со специфическим ароматом эвкалиптового дерева. Правда, грунтовые воды здесь подходят к поверхности земли очень близко, потому и создается благодатный для растений и живого мира климат. Но очень жарко. Отмечаются случаи смертей солдат и офицеров от солнечных ударов от перегрева организма. Даже ночью здесь не ниже 30 градусов по Цельсию, люди мучаются от жары, практически не могут спать ночами. Тяжело приходится нам, северянам, но и афганцам достается от жары, о чем свидетельствуют водоносы, снующие по городу. Да и средняя продолжительность жизни местного населения всего 45 лет, что свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни. Эпидемиологическая обстановка здесь непростая. То и дело вспышки холеры, чумы, натуральной оспы, брюшного и сыпного тифа, бактериальной дизентерии, тропической малярии, сибирской язвы, туляремии, бруцеллеза, инфекционного гепатита, трахомы и проказы. 30% населения болеют туберкулезом. Не обходят болезни и наших солдат и офицеров. Так только в 1987 году у нас в бригаде переболели две трети личного состава, в том числе даже начальник штаба бригады майор Юрий Исаков. А сколько наших однополчан от этих болячек умерло уже на родине? Кто считал?

В Джелалабаде Беков жил в военном городке Самархель и как советник ЦК КПСС обладал немалой властью, и вот что замечательно: власть свою он употреблял исключительно во благо наших солдат и местного населения. Не помню я также ни одного случая, чтобы обратиться к Бекову, я не решил самого трудного вопроса. Причем исполнительские действия в его аппарате были на высоте. Не терпел Беков ни лгунов, ни подхалимов. И хотя на самом деле Восток дело тонкое, Сергей Мажитович лукавству и полуправде предпочитает откровенность и определенность, хотя при нужде он может развести такие политесы, что иному чиновнику и не снилось.

В быту он был скромнен и доступен. Рядом с домиком, где жили советники, находился бассейн. И вот вспоминаю, мой командир пьет чай и беседует с Бековым, а сам все на бассейн поглядывает. Его взгляд перехватил Беков и, улучив момент, извинившись, встал из-за стола и на несколько минут оставил нас одних. Как оказалось он «сгонял» за купальными принадлежностями для нас. Магазин находился не так далеко, и советник ЦК купил нам плавки. Я до сих пор их храню как реликвию. Согласитесь, как это прекрасно, когда человек не кичится своей должностью!

Беков был близок нам по духу. Особенно импонировала его суво-

ровская скромность и аскетизм, ибо у нас в спецназе был свой устав и свой монастырь. У нас невозможна ситуация, которая считалась обычной в других частях, когда во время пеших переходов по горам все снаряжение офицера, все его личные вещи, за исключением оружия, несли бойцы. В группах спецназа офицер не только нес сам весь свой груз, который весил порой 35 — 40 килограммов, но и брал на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникала такая необходимость. На операции офицер питался тем же пайком, что и солдаты, спал рядом с ними в точно таких же условиях. Если подчиненные видели, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, готов помочь солдату, то, как правило, в группах складывались очень дружеские отношения, что во многом способствовало выполнению боевых задач. В группах спецназа офицер гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях «ограниченного контингента». Таким по духу разведчиком был и Беков. Он не признавал личную охрану, был смел и порой просто дерзок.

А как искренне радовался Беков за нас, как гордился разведчиками Старова, когда группа старшего лейтенанта Германа Похвощева захватила в бою четыре «Стингера» и два английских «Блоупайпа»! Он специально приехал к нам в бригаду, чтобы позать руку этому скромному забайкальскому парню, получившему из рук командующего армией орден Ленина. А потом были Сережа Лафазан и Игорь Довбня, Сергей Клименко, Андрей Залуев, Юрий Коваленко, Павел Кольчус, Николай Зубков...

— Спецназ умеет воевать, — говорил он всем. — Берите с них пример!

Как-то я услышал от того же Бекова:

— Жизнь коротка, да день долог.

— Вот уж действительно и в самом деле тянулись они долго...

А однажды мы построились, выслушали приказ. Это был самый прекрасный приказ на белом свете:

— Домой!

Из оперативно-войсковой зоны «Восток» последним вышел ее руководитель — Сергей Беков. «Старики» брали на себя самые трудные задания. Джелалабад держался до марта 1989 года, только после предательского убийства руководителей обороны города талибы сумели его захватить и разграбить.

Но и для нас, как оказалось, война не закончилась. Мы принесли ее с собой, она пошла полыхать по всем регионам нашей родины.

Меня поражала широта мышления Бекова, его способность предвидеть те или иные события, прогнозировать обстановку: не успел он приехать на Кавказ, как сразу почувствовал запах пороха. Для того,

чтобы привлечь внимание к проблеме раскола и милитаризации общества, он собирает интеллигенцию. Под его руководством в Грозном была опубликована замечательная брошюра «Воспитывать патриотов-интернационалистов, надежных защитников Родины». Это был 1989 год. Творческий коллектив в составе д.и.н, профессора В.Б. Виноградова; к.ф.н., доцента Д.Д. Межидова; д.ф.н., профессора А.Д. Тимаева; Л.П. Кизилова, М.И. Азиева и др. постарался сделать все, чтобы обратить внимание руководства страны к проблемам межнациональных отношений. Прозорливо звучат слова С.М. Бекова: «Сегодня, как никогда, от каждого из нас требуется высокая политическая бдительность, умение с твердых классовых позиций разграничивать истинно патриотические взгляды от всего вредного, наносного, пресекать попытки протаскивать под видом народных традиций и обычаев чуждые нашему интернациональному обществу идеи и мораль».

Актуальные слова, которым уже 15 лет. Но к ним прислушаться было некому, а потому разгорелась война на Кавказе...

Я, так как и он, хочу чтобы там скорее все утихомирилось. И пришел мир на благодатную землю.

Заканчивая свое повествование, и вспомнив то время, меня неожиданно охватила острая тоска по годам, проведенным на земле Афганистана в кругу друзей. Кажется, что если бы вдруг представилась возможность вернуть былое, то я ухватился бы за эту возможность с радостью и без колебаний...

Вспомнил лица командиров и солдат легендарного Джелалабадского 154 отряда спецназначения: ротных командиров, обстрелянных и мудрых: Дмитрия Евгеньевича Лютого, Сергея Николаевича Поддубного, Николая Васильевича Пархоменко, Алексея Керсова (ныне генерала), Юрия Козлова, Черемискина, Аракчеева, Анциферова, А. Туркова, Олега Мартынова, Николая Войтенко, Роберта Яшина. Славой покрыли свои фамилии боевые командиры групп спецназ: Хамид Нафиков, Сергей Лафазан, Валерий Федорченко, Игорь Довбня, Зворыгин, Марков, Верещкий, Ахметшин, Рыбаков, Леонтьев, Киселев, Голенков, Ефентьев, Абрамский, Яковлев, Борозинец, Зувев, Мурашкевич, Кулешов, Суковатый, Лубинец, Кулешов, А. Токарев. Большим трудягой и смелым человеком зарекомендовал себя порывистый и горячий замполит 2 роты спецназ Юрий Степушенко. Прекрасными специалистами являлись начальники служб: В. Костин, Нижегородцев, Красников, Никоненко. Вспоминаю добрым словом прапорщиков кавалера двух орденов Красной Звезды Юрия Дурнева, Бориса Тарасова, Василия Федорова, Сергея Рычкова, Кравченко, Ковалева. Трижды раненого в спину старшину Сударушкина, который вопреки диагнозу врачей остался жив. Вспоминаю незаметную, но необходимую на войне работу комсомольских активистов Юрия Кара-Оола, сержантов Кузнецова В.Н., Нурму-

хамедова Р.Х., рядовых Войтович А.В., Степанова С.С., Кутрудза Н.Х. Отличную память о себе оставили командир отделения роты минирования Султан Хакимов, рядовые Игорь Савинов, Олег Попов, а также писарь штаба батальона рядовая Пушкарева и много других.

Громадную работу по обработке и анализу развединформации проводили переводчики разведотделов бригады и отрядов офицеры Олег Воронин, Султан Казанбаев, Вагид Зильфугаров, Александр Пехота, Александр Горохов и другие. Они ходили на боевые вместе с разведчиками, осуществляли радиоперехват, летали на воздушную разведку...

Вот как образно выразил это в стихах младший лейтенант Казанбаев:

*Опять война, разрывы боя,
Опять ребятам воевать.
Разведку радио вести не уставая,
Со станций вражеских пленки снимать.*

*Стоит один на сопке пост,
Там командиром Гена Гостев.
Работать с ним легко и просто,
Идет разведка в полный рост.*

*Проческа пленгом эфира,
Засечка станций — божий дар!
Звонок конкретный командиру
Направит духам артудар.*

*А дальше доблестной разведке
Всего лишь остается бдить,
Чего у духов в недостатке,
А что в достатке — разбомбить.*

*С пушту точнейший перевод
Султан в сей миг осуществит,
А командир, он все поймет,
Детали в ясность превратив.*

*И день за днем идет работа,
Работа, скрытая от глаз.
Война несет свои заботы,
Заботы мира лучше в тыщу раз.*

Замечательные были люди. Кого-то уже и нет среди нас., а те, как говорят, далече...

По опыту войны мы знаем, насколько это тяжелое дело. Смертельно тяжелое. Не по своей воле мы были в Афганистане. Война в том краю — тема особая, но мы, прожившие там несколько лет, говорим: «Это яркий кусок нашей жизни! Ведь на эти годы выпала молодость людей нашего поколения...»

При всем при том я благодарю судьбу за то, что она познакомила меня с таким замечательным человеком, как генерал-полковник Сергей Мажитович Беков.

Беков верен принципу своего отца: «Аз санна дел!», в переводе с ингушского это значит: «Делай, как я!».

И таких, как он, среди воинов-интернационалистов было большинство...

ВЕХИ ИСТОРИИ

ПОД ПРИЦЕЛЬНЫЕ ЗАЛПЫ НАВЕТОВ И ЛЖИ

*...Я часто думал, чем же мой комбат
Займётся, если стихнет бой
Наверное, начнёт ковать булат,
Незнающий победы над собой.*

*А может вместе с ним мы забузим
И скажем: — Если с нами вы вот так?!
Отряд свой — «мусульманский» возродим,
И всероссийский прекратим бардак...*

*Евгений ХОРОШИЛОВ,
г. Чита, разведчик
154 ооСпН (1981 — 1983)*

Вопреки бытующему мнению, выводить отдельные части советских войск из Афганистана начали еще в январе 1980 года. Хочу напомнить вам точную дату, 9 января 1980 г., когда в полном составе был выведен «мусульманский» батальон 15-й обрСпН. Перед вылетом солдаты и офицеры передали все оружие и боевую технику соответствующим службам 40-й армии.

В том же году, как говорят, под руководством Л.Брежнева серьезно обсуждался вопрос о выводе наших войск, но некоторые события послужили причиной переноса срока. В связи с этим было принято решение — советские войска пока не выводить, оказать разностороннюю помощь в формировании афганской армии, а потом вернуться к вопросу о выводе. С приходом Ю.Андропова было заявлено о непреклонном выводе советских войск, о чем начались даже переговоры с ООН. Но только в 1985 году удалось сдвинуть все с мертвой точки.

...Май месяц в 1988 году показался нам очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада в 8 утра температура в тени уже была плюс пятьдесят градусов. Даже нашим ребятам, привыкшим к экстремальным условиям и высоким температурам, грозили тепловые удары. Особенно тяжело им приходилось на боевых.

Как правило, «жертвой» солнца становились физически слабо-

развитые, неупитанные солдаты, а десантники упитанными не бывали. Все спецназовцы нашей бригады были поджарыми как волки, без лишнего грамма веса.

В конце апреля — начале мая боевая деятельность спецназа сворачивалась. Однако результаты боестолкновений подтверждали данные разведки о повышении активности мятежников.

Так 20 апреля разведчики РГСпН № 513 завязали тяжелый бой с противником. При отходе подорвались на минном поле и получили ранения мл.сержант Заднипряный Евгений Васильевич из Днепропетровска и рядовые Вашкеба и Цховребов. 21 апреля командиры РГСпН №№ 124 и 121 лейтенанты Лафазан и Рыбаков уничтожили группу из 7 моджахедов и две зенитные горные установки (ЗГУ).

21 апреля РГСпН № 431 (командир ст.лейтенант Полозов) обнаружил караван и завязала тяжелый бой, в ходе которого с нашей стороны были убиты рядовые Лукица Ю.В. и Грибов В.П., а Николай Булатов ранен.

22 апреля, вышедшая им на помощь бронегруппа № 435 (командир майор Пимонов) подорвалась на минах. Разведчик рядовой Черников С.В., входивший в РГСпН № 512, подорвался на ППМ и потерял правую ногу.

23 апреля бронегруппа № 505, под командованием капитана Дикарева обнаружила и уничтожила караван мятежников из 10 вьючных животных. Захвачено большое количество боеприпасов, мин, стрелковое оружие, 10 реактивных снарядов, 200 выстрелов к пулемету ДШК, 12 — к РПГ. В ходе боя убиты 7 мятежников.

24 апреля РГСпН № 433 (командир ст.лейтенант Дуброва) вела двухчасовой бой с охранением каравана, предположительно до 100 вьючных животных. Геройски погиб чирчикский паренек рядовой Дымов Анатолий Иванович. И так каждый день...

Вот ведь какая сложилась противоречивая ситуация: наглюющего противника надо бить, а спецназу уже не до него. Сознательно, согласно приказу, все меньше спланированных групп выходило в засады и вылетало на боевое патрулирование. Все больше времени бойцы и офицеры проводили в парках боевой техники. Полным ходом шла подготовка к выводу частей бригады на территорию СССР.

Первыми движение к границе Родины начали асадабадцы. 23 апреля, в третью годовщину гибели в Мараварском ущелье роты капитана Цебрука, однодневным переходом пришла потрепанная колонна под командованием подполковника Гилуча. Прибывшие расположились лагерем на одной из площадок в предгорье, за городком 154-го отряда.

В ходе марша, который шел очень медленно, вскрылись технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию батальона предстояло до 15-го мая сделать невероятное — отремонти-

ровать всю матчасть. В батальоне на тот момент осталось 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю числилось 485 человек личного состава, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Отсутствовали 18 военнослужащих, находящихся в госпиталях по причине ранений и болезней. Их эвакуацией централизованно занималась медслужба 40-й армии. К этому моменту все служащие СА уже были отправлены в Союз самолетами.

Особенно тяжелое время пришлось пережить разведчикам за последние три месяца до вывода войск. Непрерывные обстрелы изматывали психику и увеличивали количество пострадавших. Городок отряда спецназ, оставленный в Асадабаде, был весь перепахан снарядами и минами. Сиротливо торчали в небо сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским властям. В автопарке навсегда остался ржавый металлолом из сгоревших автомобилей и боевых машин.

Только 14 апреля в полдень при обстреле ППД было зарегистрировано 11 прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В итоге — сгорели два Зил-131, а у шести бэтээров осколками искрошило колеса. Но самое страшное произошло в районе казарм. В одно из укрытий, в котором прятался от обстрела личный состав, влетел и разорвался реактивный снаряд. Его осколками были ранены шестеро разведчиков: рядовые Коржаков И.И., Левшук В.И., Дорофеев Э.Д., Камбуров В.В., Домиллов Н.Н., Абрамян Т.И. При этом двое из пострадавших потеряли нижние конечности и находились в тяжелейшем состоянии. Один из бойцов лишился глаз... Несмотря на сложную противоздушную обстановку вертолетчики вылетели в Асадабад и вывезли всех раненых в госпиталь 66-й омсбр на «Сеялку».

С каждым днем действия противника становились более наглыми, масштабными и скоординированными по месту и времени. На плечах уходящего из Асадабада спецназа, в ночь с 23 на 24 апреля, моджахеды перенесли свою диверсионную деятельность из Кунара в провинцию Нангархар, совершив нападения на объекты советских и афганских частей в Джелалабаде...

В 2.20 ночи была предпринята попытка налета на территорию штаба бригады. Группа моджахедов обстреляла часового 5-го поста рядового Белова. В стену рядом с солдатом одновременно попали четыре пули и трассер. Но Белов чудом не пострадал в этой ситуации. Оставшийся живым, часовой сумел победить страх, занять позицию для стрельбы из окопа и расстрелял 24 патрона... тем самым успешно отразив нападение — рассеяв нападающих.

Примерно в это же время, в районе Соловьиной рощи на дороге, ведущей с аэродрома в городок штаба бригады, подверглась обстрелу из засады наша колонна. К великому счастью, в обстрелянной колонне

никто не пострадал. Все закончилось только нервной встряской... Среди пострелянной техники оказался и мой служебный автомобиль Уаз-469, получивший серьезные повреждения. Утром, после технического осмотра, автомобилисты сделали заключение, что он не подлежит восстановлению. В итоге — автомобиль разобрали на запчасти.

Неспокойно было и в горах. С началом боя в районе Соловьиной рощи и кишлака Шамархель, была обстреляна и дежурная станция тропосферной связи Р412(А) отряда спецрадиосвязи бригады, находящаяся на господствующей высоте выносного поста «Роза». После успешного отражения нападения, бойцы прапорщика Неупокоев, потушили возникший пожар, и с рассветом спустили в 154-й отряд раненого и обгоревшего солдата.

Синхронно в самом Джелалабаде ночную тишину разрезали автоматные очереди. Там моджахеды совершили нападение на несколько постов караула афганской 11-й пехотной дивизии. В ходе перестрелки один часовой погиб, а трое «сарбозов» получили ранения различной тяжести.

Вот на таком фоне готовился вывод наших войск, в соответствии с подписанными 14 апреля 1988 года в Женеве документами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана...

Министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США решили, что Ограниченный контингент советских войск должен покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

— Что за особый смысл у этого срока? Не знаю.

Что касается состава выводимой группировки, то целесообразность ее у нас тогда вызывала большие сомнения. Возникали вопросы:

— А почему в первую очередь выводятся боевые части?

Ведь восемь батальонов спецназ твердо контролировали обстановку на границах с Пакистаном и Ираном. И вдруг враз все оголяется и бандитам открывается дорога вглубь Афганистана. Тогда вразумительного ответа мы не получили. Только через шестнадцать лет в книге воспоминаний генерала армии Варенникова «Неповторимое» т.5, «Советский писатель», 2001г., стр.294 — 295, я получил ответ на этот вопрос. Валентин Иванович описал это так:

«Я прозондировал настроение Наджибуллы — как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности, в области стабилизации ситуации. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и, сказал: «Вывод советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою

готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил».

Я переговорил по телефону с начальником Генштаба С. Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и начал с вопросов:

— А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим огласием?

Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск: Какие части вы предполагаете вывести? На каких направлениях? Как это отразится на общей обстановке? Думаю, что это будет пять-шесть боевых частей. Именно боевых — другие не прозвучат».

В этом месте я считаю необходимо сделать небольшое отступление, для пояснения отдельных деталей...

Практический опыт у командования по выводу наших войск из этой горной страны уже был. За полтора года до этого, в сентябре 1986 года, вышли на территорию СССР несколько мотострелковых, танковых и зенитно-артиллерийских полков 5-й, 108-й и 201-й дивизий. Они дислоцировались в гарнизонах, где достаточно сильны были афганские войска и присутствовали наши части и подразделения.

Однако тот вывод растянулся на несколько этапов. Из которых первые были приостановлены в связи с большим скоплением банд мятежников у дорог, готовых выдвинуться и массированным огнем бить наши колонны.

Войскам была дана команда: «Отбой!» Артиллерийские части и особенно авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. Первые два часа удары наносились фактически непрерывно. Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбоштурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла свои удары через каждые два-три часа. Остальное время методическим огнем артиллерии, огневыми налетами уничтожались отдельные цели.

Об этом времени генерал армии Варенников рассказывал:

«Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во

многих местах банды изготовились к нападению на колонны частей 40-й армии, предназначенные для вывода.

В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Альянса семи», в ущерб афганскому и советскому народам. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены. Гульбетдин Хекматиар хотел «баню»? Он ее получил. И мы постарались это разъяснить народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходоков в кишлаки. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последующие наши удары будут во много крат мощнее предыдущих».

После такой «чистки» в сентябре 1986 г. войска вышли без потерь.

И вот новое «масштабное» испытание... Как-то оно пройдет в 1988 году? ...В начале года, как только закончилась операция «Магистраль», в 40-й армии в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе вся группировка армии делилась ориентировочно на две равные части, каждая из которых составляла около 50 тысяч личного состава.

Боевым распоряжением командующего 40 ОА № 01 от 13.03.1988 года нашей бригаде вывод был определен своим ходом в три этапа.

1 из Джелалабада — 15 мая — 228 единиц техники одной колонной; 2 из Газни — 28 мая — 139 машин 177 ооСпН; 3 из Бараков (Суфла) — 10 июня — последней колонной 668 ооСпН из 127 машин. Предстояло своими силами этими колоннами вывести весь личный состав и грузы: 72 тонны боеприпасов, 236 тонн ГСМ, 60 тонн продовольствия, а также 365 тонн прочего имущества.

В апреле 1988 г. министр обороны СССР генерал армии Д. Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. В том числе, указывалось, что все войска выводятся за 9 месяцев.

Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 года, второй — с 15 ноября 1988 года по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось по три месяца и на перерыв между ними еще три месяца. Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки, а время, определенное на январь-февраль (самые снегопады в горах и морозы), было ошибочным.

Министр обороны СССР определил и направления вывода. Это были те же маршруты, по которым 40-я армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар — Шинданд — Кушка. На востоке: объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам этого направления предстояло преодолеть перевал Саланг

высотой более 3000 метров, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров из 15-й и 22-й бригад спецназ, 56-й десантно-штурмовой бригады, 66-й и 70-й мотострелковых бригад, а также частей 201-й мотострелковой дивизии, покидали Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад, Кундуз на первом этапе.

Варенников вспоминал о, вроде бы, второстепенных, но важных моментах:

«В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40-й армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же, и особенно Яковлев, проявляли исключительную активность в обсуждении проблем. Но в итоге все улеглось. Однако по двум вопросам решение было принято в сложных условиях.

Шла речь о способности афганской армии защитить власть и народ от агрессивных действий банд оппозиции. Вполне естественно, что под давлением Наджибуллы и его соратников в нашем Политбюро сложилось впечатление, что мы, советские воины, нанесли недостаточное поражение мятежникам, а поэтому возможности правительственных войск защищаться сомнительны. Отсюда вывод: в оставшееся время пребывания частей 40-й армии в Афганистане постараться нанести поражение наиболее опасным группировкам противника (и в первую очередь, Ахмад-Шаху Масуду). Мне совершенно ни к чему было разжигать эту дискусию, к примеру, таким заявлением: «Правительственные войска способны защищать власть, а если кто-то думает иначе, то заблуждается».

Вполне понятно, что это взорвало бы ситуацию, хотя соответствовало действительности, и было подтверждено жизнью (почти три года афганцы держались без наших войск).

«Поэтому я говорил уклончиво: «Будут приняты меры».

«Второй вопрос — об участии корреспондентов средств массовой информации СССР и всех представленных в Афганистане государств. Причем вопрос не стоял: участвовать им или не участвовать, ибо всем было ясно, что такое событие должно широко освещаться. Но проблема состояла в обеспечении их безопасности. Если в пунктах дислокации, которые покидались нашими частями, а также в районах ночевки или у государственной границы безопасность обеспечивалась с высокой гарантией, то во время движения колонн — а все журналисты хотели следовать с колоннами — сделать это было сложно. Журналисты, не имея оружия и средств защиты, при первом же нападении любой банды станут первыми жертвами. Тем более, что мы уже имели в этом плане не один горький опыт.

Когда дебаты подходили к концу, обратились с вопросом ко мне: а как вы считаете? Я ответил: «Дело добровольное. Все будут предупреждены о возможной опасности. В случае нападения банды каждый должен выполнить команды командира подразделения, с которым следуют корреспонденты. За свою жизнь каждый отвечает лично. Кто опасается — может поприсутствовать при проходах и на госгранице, куда мы постараемся перебросить желающих. Я высказался за такой вариант, чувствуя, что вывод войск будет все-таки безопасным. Кроме того, имел в виду, что почти всем корреспондентам мы все-таки сможем выдать бронежилеты. Со мной согласились».

Вернувшись из Москвы, генерал армии В.Варенников прилетел в Джелалабад, где инспектировал нашу бригаду. Заслушал командира и заместителей, осмотрел части, и в целом остался доволен состоянием дел, а перед вылетом вдруг неожиданно приказал:

— Силами бригады в течение недели соорудить бункер для остающихся советников на территории Джелалабадского аэродрома.

Прямо скажу, приказ был шокирующим, ну какие из наших разведчиков — строители? Но обсуждению он не подлежал, тем более что к руководству были сразу приставлены специалисты-строители инженерной службы штаба 40-й армии. Строящемуся объекту было присвоено кодированное название «Саркофаг». Основная тяжесть работ легла на плечи личного состава 154-го отряда нашей бригады. 334-й оОСПН не привлекался, так как он занимался восстановлением своей материальной части и боеспособности.

В этой ситуации мы с командиром бригады нервничали необычайно, ведь проблем с подготовкой к выводу было «выше крыши», а приходилось отвлекаться на совершенно ненужную нам работу. Не скрою, у нас с первой минуты твердо укрепилось мнение об этом строительстве, как об очередной аванюре. Основным строительным материалом были избраны бетонные «хумы» из периметра ограждения военного городка штаба бригады, расположенного на территории бывшего оливкового завода. «Хумы» представляли собой полые бетонные кубы со сторонами в полтора метра. Было решено этими блоками прикрыть по бокам и сверху стандартный жилой модуль, в котором до того жили летчики.

Сооружение должно было полностью обеспечить безопасность, т.к. не имело окон, а у выхода блоки были выложены изгибом, чтобы пуля или осколок не залетели в помещение. Наши разведроты работали по-стахановски круглые сутки, в темное время на площадке включались прожектора для подсветки. Мы с командиром, меняя друг друга, круглосуточно контролировали стройку, мотаясь между аэродромом и штабом бригады. Все наши усилия объять необъятное были оправданы, и, несмотря на ряд сложностей, задача была выполнена пол-

ностью. Благодарности за работу над объектом мы не дождались, так как завершили строительство с некоторым опозданием по времени, за что получили разнос вышестоящего командования по этому поводу...

Объект получился далеким от совершенства. Бетонные блоки выглядели угрюмо, тяжеловесно и устрашающе... Жилое помещение советников было обнесено монументальной стеной — огромными металлическими сетками, заполненными валунами, в два ряда. Вдоль стены шли минные поля: подвешены на туго натянутых проволоках осколочные гранаты, мины вкопаны в землю. Все было продумано. Это сооружение предназначалось для последнего смертного боя, и инженерная служба армии вместе с нашими солдатами потрудились на славу. Стоять «Саркофаг» будет вечно, как монумент «шурави». Наши друзья советники, так же, как и мы, отзывались очень скептически о новом фортификационном сооружении. Всем было понятно, что это решение принималось в Москве, в удобном кабинете какого-то начальника и не ведавшего, что такое Афганистан.

Остающаяся группа советников была убеждена, что долго здесь не задержится. Так оно и получилось. На другой день после августовского выхода последнего подразделения 66-й бригады в Кабул поступила тревожная радиограмма о неотвратимости наступления мятежников и срочной эвакуации советников. В тот же вечер прибывшие из Кабула самолеты забрали группу.

В середине лета к нам в Чирчик заезжали двое наших друзей-чекистов (Арцыков В.Д. и Микадзе В.) из той группы советников. И с возмущением рассказывали нам свои впечатления о разграбленных военных гарнизонах, переданных царандою, о выброшенных на ветер материальных средствах, и о том, что они (советники) и не думали задерживаться в Джелалабаде. Технические неисправности в подаче электроэнергии и воды делали невозможным их пребывание в «саркофаге». Боевого контакта с противником не было, но в двухстах метрах разорвалась одна мина, что оценили как «подготовку противника к штурму».

Задумка начальников не получилась. Важно было показать, что мы остаемся с защитниками города, не бросаем его на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло другое. Два чувства — страх перед противником и недоверие к союзнику — превращались в решающие факторы поведения наших советников. Аппарат советников в Кабуле знал, что делается на местах, но их информация в Москве оценивалась иначе.

Учитывая показательность и сложность вывода авангарда войск армии, ее организацией занимался лично командарм Б.Громов, который часто бывал в эти дни в Джелалабаде. Он же лично проводил строевой смотр готовности походных колонн.

Стремительно пролетели две недели мая. Джелалабад, представляющий особую значимость, заблаговременно (т. е. до вывода советских войск) максимально усиливали. Перебросили дополнительно армейские части правительственных войск, боевую авиацию, направили пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, боевую технику и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерия). Шла большая организаторская работа наших советников, не прекращаясь ни днем, ни ночью, строилась оборона, проводились тренировки. К тому времени в Джелалабадском гарнизоне были сконцентрированы неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца.

Военные городки, в которых жили части бригады, — казармы, столовые, бани — остались в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены новыми постельными принадлежностями, которые накануне вывода завез из Союза неутомимый заместитель командира бригады по тылу Игорь Серзин. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками — тапочки. Казармы усилиями нескольких поколений военнослужащих выглядели обжитыми и были оборудованы всем необходимым. Без перебоя работал водопровод. Объединенной комиссией советских и афганских тыловых служб были подписаны акты о приеме и передаче имущества. Афганцы, подписав соответствующие документы, выставили в гарнизонах свою охрану. Утром 14 мая мы полностью освободили занимаемые военные городки. И остановились лагерем в роще на берегу мелкого ручья, недалеко от места постоянной дислокации 154 ооСпН. В сотне метров от нас проходило стратегическое шоссе Кабул — Джелалабад — Пешавар, по которому буднично катились бурбухайки в Пакистан и обратно. Афганские водители призывно сигнализировали нам клаксонами, их пассажиры дружелюбно махали руками: «Счастливо, шурави!»

И вот наступило то историческое утро — 15 мая. День начала вывода советских войск. С первыми лучами солнца, наскоро перекусив, наша колонна с личным составом на борту вернулась на территорию 66-й бригады. Спешилась.

Управление, штаб бригады, два отряда спецназначения, отряд спецрадиосвязи и подразделения обеспечения построились на строевом плацу. От командования армии на трибуне находился член военного совета армии генерал-майор Захаров. Все представители местной афганской власти и общественности прибыли в бригаду для личного участия в церемонии прощания. Надо отдать им должное, руководство провинции Нангархар организовало сердечные проводы выводимых частей. Быстро пролетел митинг; завершившийся торжественным проходом войск, и колонна неотвратимо пошла на север. И хотя на

часах было только 7 утра, расплавленный солнечный диск уже давил своим безжалостным жаром все живое. В движении лица обжигала просто мартеновская духота...

Прощание афганцев с нашими воинами было просто трогательным. При прохождении колонны через Джелалабад с солдатами, сержантами и офицерами вышли проститься более двенадцати тысяч местных жителей. Стоя плотной стеной на обочине шоссе, простые декхане бросали на броню проходящей техники цветы и бумажные венки, открытки с приветствиями и пожеланиями, написанными на русском языке, флажки с выдержками из Корана. Думали ли они в тот момент, в какое тревожное время вступают после выхода советских войск? Со всем скоро провинциальный центр будет разбит огнем артиллерии талибов. Тысячи людей бросят свой кров и уйдут в безопасные места. Кто-то откровенно радовался выводу, кто-то мечтал о возмездии, но тем не менее при прохождении нашей колонны провокаций отмечено не было.

Командование армии провело огромную работу по организации боевого охранения войсковых колонн в ходе марша и в местах отдыха. Все используемые коммуникации были основательно заблокированы войсками. На маршруте Джелалабад — Кабул на блоках находились десантники 103-й ввд. На участке Кабул — Джабаль — Уссарадж подразделения 108-й мсд, на перевале Саланг и далее до Чаугани — силами 345 опдп. Далее до Хайратона ротами 395, 149 и 122 полков 201-й мсд. Были тщательно спланированы действия артиллерии и всей авиации ВВС армии. На весь личный состав выходящих частей из Афганистана были доставлены каски и бронезилеты.

Провоевав девять лет, разведчики спецназа только перед началом последнего марша получили средства индивидуальной защиты. Кстати деньги на эти цели были потрачены немалые, например, только один бронезилет типа 6-Б-2 стоил 960 рублей! Это тогда были очень немалые деньги. А бронезилетами обеспечили всех военнослужащих — от комбрига до последнего солдата-повара... Принятые меры безопасности не были лишними — благодаря им, наши колонны вышли без царапины и погибших.

Об этом памятном дне написал и генерал армии Варенников:

«В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66-я отдельная мотострелковая бригада и 1-я бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания.

Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей. Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству — в Асадабаде), — переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч.

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде, в военных городках только населения собралось более 15 тысяч человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 года, по решению Ельцина, мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты — с помощью талибов они вообще разрушили страну».

Добавлю, что на маршруте движения колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и сердечные проводы «шурави». На окраине Кабула первые машины колонны встречал сам командарм Громов и при подходе всей массы машин возглавил ее марш при прохождении по городу. При этом колонна была поделена на две части. Первая боевая из 114 БТР-80 шла за машиной командарма через Кабул, а вторая тыловая пошла вокруг города на отстойник Теплового Стана. В столице в этот момент творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах бывало так много разряженной публики. По оценкам службы безопасности, на проходящую колонну смотрели более ста тысяч человек. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка... По-моему, этот праздничный настрой свидетельствовал о многом.

С наступлением ночи, разместились на отдых на стоянках Теплового Стана — в отстойнике. По-походному перекусили сухими пайками, укутались в теплые куртки и шинели, и как смогли переночевали, устроившись прямо на броне своих машин... Да и что той ночи то, в три легли — в пять часов встали.

Короткая и беспокойная ночь кончилась. Как только рассвело, на часах было 4.30 местного времени, начали вытягивать колонну к месту построения. В 7.15 16 мая колонна вошла в столицу.

Все волновались. Командарм на вечернем совещании предупредил, что советских воинов будут провожать лично президент Мохаммад Наджибулла Ахмадзай, или коротко Наджибулла, все члены Политбюро ЦК НДПА, все афганское правительство, многие обществен-

ные организации. На выходе из города нашли удобную площадку, где построили огромную трибуну-шатер для руководства страны, там же разместили большой оркестр и несколько тысяч горожан.

К 9 утра приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных находились чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, руководящий состав посольства, командующий 40-й армией, члены военного совета, начальники служб армии, представители — от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., главный советский военный советник, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство ООН во главе с генерал-майором Раули Хельминеном — руководителем комиссии ООН, осуществляющей наблюдение за выводом советских войск, и Беноном Севаном — помощником Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса. Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана.

Торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее невозможно. Да, хоть мы разной веры, — думал я, — но за эти годы мы породнились с афганцами, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда.

Хотя, забегая вперед, можно сказать, что вместе с лидерами наших стран менялись и отношения, что, конечно, бросало тень на наши народы. По крайней мере, нас сильно изменить не удалось. Мы до сих пор сохранили добрые чувства к афганскому народу.

Когда все было готово, прозвучали фанфары. Начиная митинг командующий войсками ТуркВО генерал армии Н.И.Попов, зачитавший Обращение ЦК КПСС к советским воинам-интернационалистам, возвращающимся из Афганистана. После этого было четко объявлено:

— Перед народом Афганистана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан — Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере — страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть. А для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднократной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США,

Пакистан и оппозиция — «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию — мы за мир на любых условиях и, в первую очередь, с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, — говорил Наджибулла. — Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане.

— В эту минуту, — говорил Наджибулла, — мы обращаемся к советским матерям. Ваши доблестные сыновья возвращаются домой. Низкий вам поклон за воспитание настоящих интернационалистов. Наш народ никогда не забудет имена тех, кто отдал свою жизнь.

Прошу почтить их память минутой молчания. Мы выражаем свою сердечную благодарность всему советскому народу за всестороннюю бескорыстную помощь. Советские воины уходят, но дружба с Советским Союзом остается. В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь его прерывалась аплодисментами. Мне довелось несколько раз встречаться с ним в штабе 40 ОА и бывать в его Президентском дворце в центре Кабула, при вручении мне афганского ордена Боевого Красного Знамени. Он был приятным в общении человеком и красивым мужчиной.

Его любили советские военнослужащие. В его внешности и поведении чувствовалась какая-то внутренняя надежность. Он до последнего дня был верен СССР. Забегая вперед, скажу, — что 13 апреля 1992 года последние семь военных советников под руководством генерала Перфильева Б.С. отбывали из Афганистана, но когда администрация кабульского аэродрома стала чинить им препятствия, позвонили Наджибулле. Он лично приехал на аэродром и обеспечил их отправку в Ташкент, сказав на прощание, — что в ближайшее время к власти придет оппозиция, ему самому на посту президента осталось находиться 5 дней и, хотя советские и предатели, он считает своим долгом отправить их домой целыми и невредимыми. К нему же в трагические минуты жизни благородства проявлено не было. Его бросили на растерзание.

От имени афганского руководства Наджибулла вручил бригаде спецназ памятное Почетное Красное знамя ЦК НДПА.

Ответное слово было предоставлено командиру «1-й специальной бригады советских войск» полковнику Старову. Наш Юрий Тимофеевич был прекрасным оратором и сразу приковал к себе внимание

аудитории. Своими яркими простыми фразами он как бы обобщенно говорил за нас о том, что было на сердце у каждого советского военнослужащего.

— Мы гордимся тем, — сказал комбриг, — что с честью выполнили свой интернациональный долг. Нас радует высокая оценка, которую дало правительство дружественной республики всему личному составу, награждение части высшим афганским военным орденом Красного Знамени. В нашей памяти навсегда останутся не только совместные бои против врагов афганского народа, но и помощь, которую мы вместе оказывали жителям кишлаков и городов. Мы внимательно будем следить за жизнью республики, будем радоваться вашим успехам в решении задач экономического и социального развития, претворения в жизнь политики национального примирения...

Президент республики, другие афганские руководители спускаются с трибуны, подходят к строю и вручают советским воинам медали «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа»

Раздается команда: «По машинам!». Под звуки военного оркестра колонна, растянувшаяся на несколько километров по всему городу, медленно вытягивается по дороге, ведущей к перевалу Саланг. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов. Машины нашей бригады шли первыми.

Надо отметить, что за ночь, проведенную в Кабуле, бойцы по неуставному «украсили» свою технику. На башнях танков и БТРов, на солнцезащитных щитках в кабинах автомобилей появились большими буквами написанные наименования населенных пунктов, откуда были родом водители и механики-водители. Таким способом бойцы славили свою малую родину и отыскивали земляков и друзей, обменивались новостями. Над штабным БТРом асадабадского батальона неугомонный майор Качура опять закрепил военно-морской флаг. Но изменить что-то уже было нельзя и грозный командарм просто раздраженно махнул рукой...

Момент прощания с первой колонной советских войск описал В.Варенников:

«Первой пошла колонна 1-й бригады спецназ полковника Старова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможденные, всегда настороженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще прощание с советскими солдатами было трогательным,

а с такими героями — тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол».

На обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица русских женщин, которые вышли замуж за афганцев и проживали в Кабуле. Многие из них, обливаясь слезами, кричали нам: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!», «Ребята, заберите нас на Родину!», «Что же мы без вас будем делать?». Эти эмоции запали мне в душу. Еще тогда в горячке вывода я подумал, а действительно, что же будет с несколькими тысячами русских женщин, создавших смешанные семьи, нарожавших детей и остающихся один на один с мусульманским средневековьем? Будущего у них не было. Эту надвигающуюся катастрофу не ощутил тогда никто, кроме них. Как показала жизнь, к марту 1996 года в Афганистане осталось в живых всего семь русских женщин. Остальные были безжалостно вырезаны поголовно вместе с детьми и мужьями, как пособники Наджибуллы.

...Шоссе втягивается в ущелье. Мы вышли на маршрут Кабул — Хайратон протяженностью 530 км. Изредка под откосами — сгоревшие наливники и бэтээры. Чем выше мы поднимаемся, чем ближе Саланг, тем этих кладбищ техники больше и больше... За кюветом, словно верстовые столбы — обелиски водителям и бойцам: где поставлен камень, где на плиту положили руль, и имена наших ребят под красной звездой. Это памятники погибшим. ...Облака — вот они, рукой подать. Это самый трудный участок дороги Чарикар — Доши, на котором расположен перевал Саланг.

Наконец, дорога выкручивается вниз. Веселее побежали машины. Вырываемся на равнину.

— Слава богу, самый трудный участок прошли.

К вечеру дошли до Пули-Хумри, городок дислоцируется на равнине, среди полукружья гор. Нас встречают тыловики подполковника А.Рыбакова. Очень быстро, образцово-показательно сотни боевых машин были заправлены горючим, а затем расставлены на ночлег. Лагерь этот без преувеличения можно отнести к вершинам творчества тыловой службы, возглавляемой заместителем командующего полковником В.А.Васениным. В Пули-Хумри для нас есть все: баня, столовые и казармы для ночного отдыха. Нас с командиром встречает и размещает для отдыха лично начальник разведки армии:

— Как прошли маршрут, Юрий Тимофеевич?

— Колонна обстреливалась дважды. Техника выдержала, потерь и отставших нет, — спокойно, с достоинством отвечает Старов.

— Полковник Чуркин докладывал командующему, что вас крепко обстреляли!

— В 13.40 из района Дахи-Нау по колонне были выпущены эрессы, накрыли дорогу вблизи Дакай-Бала, но мы проскочили без потерь... Повторного обстрела не было, так как авиация и артиллерия нанесли ответный удар.

— Как же вы проскочили без потерь? Докладывали, что зарегистрировано сорок шесть разрывов снарядов. Мы думали, всё, конец: дым, пыль!

— Значит, повезло! Не так страшен черт, как его малюют. Разговор прервал дежурный по связи:

— «Бронза» (позывной комбрига), вас вызывают на связь!

— Юрий Тимофеевич, здравствуйте, слышал, «западные голоса» твердят сейчас, что первая советская колонна «пробивается к границе с боями». Доложите обстановку!

— Товарищ член военного совета, потерь не имею. При выходе из Кабула отличился отряд обеспечения движения под командованием капитана Мальцева. Быстро заставил замолчать огневые точки духов. В районе кишлака Дакай-Бала грамотно сработал «Барсук» (позывной комбата Гилуча), увеличил дистанцию между машинами и взял на прицеп поврежденный осколками грузовик. Так что все штатно! Сказки все это. Попытка выдать желаемое за действительное. Интересно, а что скажут по поводу марша иностранные журналисты, что идут у меня на броне? Дайте им возможность сбросить в свои агентства информацию о ходе марша!

Несмотря на общую загруженность маршрута, по словам офицеров диспетчерской службы, по 25 — 30 колонн в день, нашей колонне отдан приоритет. Нас не останавливают для подтягивания колонны на диспетчерских контрольно-пропускных пунктах, а только машут на прощание руками. Идем на хорошей скорости.

В пограничный город-порт Хайратон на встречу первой колонны прибыло рекордное количество корреспондентов (117 советских и 135 зарубежных). На голом пустынном пятачке, между машинами, я провел с ними подробную пресс-конференцию.

...Позади восьмисоткилометровый марш. Впереди ночевка. Бойцы приводят себя в порядок прямо на броне. Таможня и пограничники с особистами частей «шерстят» подразделения. Мгновением пролетела бессонная ночь. Когда рассвело, всех охватило необычное волнение. Мы с командиром тоже привели себя в порядок: помогая друг другу, из кружки помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, закрепили награды. По команде подразделения начали вытягивать колонну. На нашем командирском бэтээре разместили Боевое Знамя бригады. Открытое наименование предусмотрено зашитом куском материи. Хотя скрывать было совершенно излишним, так как «духи» были информированы о многом.

На последнем митинге в Хайратоне попрощались с афганскими товарищами. И вот, наконец, тронулись — уже видим ажурные контуры моста через Амударью. Когда наши войска входили в Афганистан, этого моста не было. Да и город узбекский Термез, благодаря только последнему десятилетию, получил известность во всем мире. Хотя давным-давно здесь проходил «Великий шелковый путь». Как писали исторические хроники, караваны с большими трудностями перебирались через Амударью, которую в народе называли Джейхун, что значит «бешеная». Караван-баши, перебравшись на другой берег, подавали голос спутникам, не успевшим форсировать реку:

«Тырк мыз!» — «Мы живы!»

Может быть, спустя века «тырк мыз» трансформировалось в сегодняшний Термез? Наверняка, наши парни, возвращающиеся домой, не знали этой легенды, но многие на своих боевых машинах написали на кумаче: «Мы живы!».

Газета «Правда» 19 мая 1988 г. об этом моменте написала так:

«Туда, на мост дружбы, внимание множества людей — жителей Термеца и многочисленных гостей. И вот на серо-стальной вязи моста пламенем забилось под ветром развернутое знамя: движется головной БТР колонны — командирская машина полковника Ю. Старова. Бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля! Звуки маршей, приветствия, рев моторов сливаются в мощный гул. Вглядываемся в лица возвращающихся: радость и волнение. Дорогие наши бойцы в объятиях Родины.

С честью вернулись они домой. Интернациональный свой долг, задачи, которые поставила перед ними страна, они выполнили. Подходим к командирскому бронетранспортеру.

— С возвращением, Олег Владимирович! — обмениваемся рукопожатием с политработником подполковником Олегом Кривопаловым. — Как дошли?

— Все нормально. Безмерно рады возвращению домой.

В люке боевой машины видим рядового Виктора Набоху. — Как самочувствие? — знаем, что водителю-механику, сидящему за рулем, пожалуй, труднее всего дался марш. Виктор улыбается, машет рукой: мол, рад. Видим, многим бойцам волнение мешает выразить словами все то, что нахлынуло на них сейчас среди улыбок и цветов родной земли».

Замер строй на высоком берегу Амударьи напротив пограничной стелы и портретов Политбюро. Звучит величественный гимн родной страны. Начинается митинг.

— Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения национального суверенитета государств и народов, — сказал

Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П.Хабибуллаев. Узбекский народ встречает и приветствует воинов-интернационалистов как самых дорогих и славных своих сынов.

Слушая оратора, я думал о своем: — Почему на митинге нет ни одного представителя союзной власти? Такое исторически важное событие мог бы отметить и президент СССР! Ведь он главный организатор начала вывода войск. Ведь есть примеры: лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина-интернационалиста, возвращающегося на Родину.

Это невнимание тогда задевало самолюбие и солдат, и офицеров. Во многих курилках и казармах потом обсуждалась эта тема.

Через десятилетия другой человек — боевой генерал, участник той войны написал созвучные нам слова:

«Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства... Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется, сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей».

У трибуны стояло множество родственников, приехавших со всего Союза. В толпе увидели Надежду Петровну Старову — жену нашего комбрига. Рядом с ней утирает слезы Нугазама Фарвазова, она приехала из Челябинска встречать сына Виталия, водителя бэтэра нашей бригады.

Мы стоим лицом к Амударье. За ней — афганская земля. Думаю: — Неужели это момент истины?

Вспоминаются слова философа Николая Бердяева: «Прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет!»

Какое будет у нас будущее?

ВЕХИ ИСТОРИИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Вспомню, что за моей спиной,
Словно выловил прошлое сетью,
Все, что было не только со мной
За прошедшие полстолетия
Но не в звездах с надгробной плитой,
Не в спецназовской этитафии
Я — песчинкой, своею судьбой
Отразился в его биографии.*

В.А. НЕЙШОВИЧ

Итак, 45 лет позади. У ветеранов бригады выросла достойная смена. Сыновья и внуки одели военную форму и служат Отечеству в подразделениях Спецназ. В заключение хотелось бы отметить, что личный состав 15 обрСпН за годы своего существования представлял из себя сплоченный многонациональный коллектив, в котором служили представители 21 национальности Советского Союза. При этом все служили одинаково честно и самоотверженно.

Штатный состав 15-й отдельной бригады СпН (только по военнослужащим на 15 мая 1988 года)

Категория	Штат	По списку	В управлении	В отрядах
Офицеры	303	302	67	59
Прапорщики	151	147	39	28
Солдаты/ сержанты	1962/198	1707/326	171/27	371/70
Всего	2416	2482	304	По 528 человек

По данным политического отдела бригады на 15 мая 1988 года в составе бригады служили следующие национальности:

Национальность	Количество	Национальность	Количество
Русских	984	Туркменов	8
Украинцев	1066	Литовцев	7
Узбеков	231	Таджиков	1
Белорусов	94	Киргизов	5
Казачов	53	Армян	2
Грузин	18	Латышей	1
Азербайджанцев	13		
		Всего за бригаду	2482 чел.

Примечание: данные обобщенные политотделом 15-й обрСпН по национальному составу (только по военнослужащим).

Количество коммунистов

На учете состояло всего 349 человек, из них членов КПСС — 252, кандидатов в члены КПСС — 97.

По категориям	Количество	Процент от личного состава
Офицеры	256	81,8%
Прапорщики	39	25,8%
Сержанты	23	5,2%
Солдаты	31	1,5%
Всего	349	13,2%

Принято в партию

Подразделения и части	1986 год	1987 год	Первый квартал 1988 года
Управление бригады	7	10	5
Отряд спецрадиосвязи	2	6	6
154-й ооСпН	15	30	15
177-й ооСпН	22	27	15
668-й ооСпН	21	15	17
334-й ооСпН	21	20	13
Всего:	88	108	71

Каждый десятый военнослужащий являлся коммунистом или кандидатом в члены КПСС. Членами ВЛКСМ были 2039 человек. Среди офицеров коммунистами были — 81,8 %, среди прапорщиков — 25,8%, сержантов — 6%, солдат — 1,5%. Это позволило создать во всех ротах спецназ партийные организации. При этом в 6 ротах было до 5 коммунистов, а в 14 ротах до 12 коммунистов. В инженерных ротах 4 парторганизации по 5 — 8 человек. Безусловно, такое количество сознательных и наиболее организованных сержантов, солдат и офицеров положительно влияло на сплочение коллективов и укрепление воинской дисциплины.

Нельзя назвать воинскую дисциплину на войне образцовой, как и всюду и всегда в войсках, на бытовом уровне отмечались случаи употребления спиртных напитков, нарушения караульной и внутренней службы, пререkanie и грубость, неуставные взаимоотношения, воровство, проматание или утрата военного имущества.

Отдельные факты нарушения воинской дисциплины имели громкое звучание и отразились на репутации частей. Так, в ночь с 6 на 7 декабря 1987 года в 4 батальоне произошел факт грубейшего нарушения воинской дисциплины, связанный с неуставными взаимоотношениями между призывами. Водитель БТР, рядовой Бекбулатов Бектурган животновод из Саратовской области, прибывший из учебного подразделения накануне, ударил топором по голове разведчика рядового Баринаова Михаила, в прошлом токаря из Москвы, прослужившего в

армии полтора года. Бекбулатов пояснил свой поступок вспышкой возмущения вызванного издевательствами над ним в форме извращенных «тренировок в вождении бронетранспортера» ползком под кроватями, а также в выставлении в различные изнурительные гимнастические стойки «джамба», «кандагарский мостик», «поза варана», «поездка в Кабул», «поза думающего мальчика» и другие. Баринаова отправили в госпиталь, а виновника самосуда после разбирательства освободили от уголовной ответственности. Это послужило основанием для отстранения представления 668-го отряда для награждения Вымпелом Министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть» и наказания в дисциплинарном порядке командира отряда и его заместителя по политчасти. Взыскания были наложены и на комбрига и его замполита.

Но во время боевых выходов на реализацию разведанных личный состав демонстрировал высокие морально-политические качества, психологическую устойчивость, мужество и героизм.

Анализ действий разведки в Афганистане, особенно в период с 1984 года по 1989 год подтвердил высокую результативность частей спецназ ГРУ, составлявшие 4,1 % от численности 40-й армии (максимальное количество — 120.000 чел.), которые давали до 80% боевых результатов всей армии.

В мае 1986 года в Чучково состоялся сбор руководящего состава частей и соединений спецназа ГРУ. Перед собравшимися командирами бригад и начальниками политотделов выступил начальник ГРУ генерал армии Ивашутин П.И., который, подводя итоги деятельности спецназа в Афганистане, назвал следующую динамику боевой активности:

«...Если в 1984 году разведывательными подразделениями двух отрядов (154 и 177 ооСпН) и отдельной ротой спецназ было уничтожено — 87 караванов с оружием и 73 группы вооруженных мятежников, то в 1985 году четырьмя отрядами только 15 обрСпН уничтожено 159 караванов, 210 групп моджахедов, а только за четыре месяца 1986 года уничтожено 52 каравана и 60 групп моджахедов...», «Не случайно, отмечая заслуги лучших частей СпН, в декабре 1985 года, 154-й отряд спецназначения был награжден Вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении специальных заданий командования». Как говорится, по заслугам и честь!

Спецназ наносил ощутимый урон исламской оппозиции, так по данным Генштаба ВС СССР, спецназом ГРУ ГШ ВС СССР было уничтожено 17000 душманов, 990 караванов и 332 склада, захвачено 825 пленных.

У меня сохранилась выписка из приказа начальника штаба ТуркВО № 06 от 29 января 1988 г., который называется: «О поощрении личного состава частей СпН по итогам боевой деятельности в 40 армии в 1987 году».

В приказе отмечается: «...в истекшем году (имеется в виду 1987 год) подразделениями спецназ перехвачено и уничтожено 332 каравана с оружием и боеприпасами, что не позволило руководству мятежников поставить во внутренние провинции Афганистана более 290 единиц тяжелого оружия, 80 ПЗРК, 30 ПУРС, около 14 тысяч мин к минометам, 15 тысяч выстрелов к БО, 5 тысяч выстрелов к РПГ, 1800 единиц стрелкового оружия, более 5 тысяч ПТ и ППМ, 8 миллионов боеприпасов к стрелковому оружию. Частями СпН захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Так каждый пятый миномет и ДШК, каждая четвертая единица СО, каждый третий РПГ, каждое второе безоткатное орудие, в 40 армии захвачены в бою разведчиками спецназначения ГРУ...» Хочу отметить, что по напряженности боевых действий 1987 год мало чем отличался от предыдущих.

По состоянию на 15 мая 1988 года результаты боевой деятельности 15 обрСпН выглядят следующим образом:

Наименование результата	Уничтожено	Захвачено
Мятежников	5234	413
Вьючных животных	2105	353
Автомобилей	113	7
Пусковые установки РС	25	17
Пулеметы ДШК	41	29
Зенитные горные установки	23	18
Безоткатные орудия	42	6
Реактивные снаряды	Более 4000	
Переносные зенитно-ракетные комплексы, из них	-	Более 70
типа «Стингер»	-	8
«Блоупайп»	-	4

Данные взяты из доклада командира 15-й отдельной бригады спецназначения полковника Ю.Т. Старова на военном совете 40-й ОА в Кабуле (май 1988 г).

Но война для двух отрядов бригады в мае 1988 года не закончилась. 668 отряд выведен на Родину только 6 февраля 1989 года, а 177 обСпН в последний день войны 15 февраля 1989 года. Восемь с половиной месяцев разведчики продолжали выполнять боевые задачи по периметру обороны столицы Афганистана, уничтожали врага и несли потери.

Все спецназовцы, и не только 15 обрСпН, стояли в приграничных, самых горячих точках Афганистана. Оценивая это обстоятельство, командующий 40 армией генерал-лейтенант Б.Громов писал: «...в приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Особенно трудно пришлось батальонам, которые дислоцировались в Газни и Бараки. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет. Особенно тяжело пришлось подразделениям, находящимся в Асадабаде».

Достойную оценку спецназу давали и наши враги. Так глава исламской партии Афганистана Гульбеддин Хекматъяр, выступая на конференции в учебном полку ХАЗРАТ в январе 1987 года, отмечал: «Моджахеды на каждом шагу подстерегают опасность. Они подвергаются воздушным атакам вертолетами и СУ-25. На них устраивают засады воины спецназа».

В статье американского политолога Дэвида Отгауэя, опубликованной 6 июля 1989 года в газете «Вашингтон Пост», отмечалось: «...Советский Союз оказался способным проявлять чрезвычайную гибкость в приспособлении «сил специального назначения» к задачам операции легкой пехоты...», и далее: «единственные советские войска, которые воевали успешно — это силы специального назначения, доставлявшиеся на вертолетах».

Безусловно, в Афганистане спецназ получил боевое крещение и раскрыл свой боевой потенциал. Высокая специальная подготовка, мужество и выдержка наших разведчиков стали поистине легендарными. Война есть война. В ходе боевых действий Спецназ нес потери, но они относительно других родов войск были минимальными. Так за всю Афганскую войну части СпН потеряли около 800 солдат и офицеров, при этом 780 человек были убиты и 14 пропали без вести.

По соединениям и частям статистика потерь выглядит так: **15-я обрСпН — 508 человек (495 убитыми и умершими от ран в ходе боя, 13 пропавшими без вести)**. До ввода в Афганистан в марте 1985 года бригада отвечала за комплектование личным составом 495-й отдельной роты спецназ, которая потеряла в боях убитыми 34 человека. Поэтому автор считает уместным потери отдельной роты считать потерями личного состава 15 бригады. Итого всего за бригаду потери составляют: 542 убитых и пропавших без вести. **22-я обрСпН — 190 убитыми и 1 пропавшим без вести.**

Потери по отдельным отрядам за весь спецназ в Афганистане составлял:

Примечание: *Полный список погибших за 15 бригаду и 495 обСпН размещен в приложении этой книги.*

Место дислокации и открытое наименование	Убитых	Пропавших без вести
Джелалабад -1 омсб	177	9
Газни — 2 омсб	160	3
Асадабад — 5 омсб	104	-
Кандагар — 3 омсб	83	-
Бараки — 4 омсб	51	1
Шахджой — 7 омсб	41	-
Лашкаргах — 6 омсб	39	-
Фарахруд -8 омсб	22	1
Штабы 15 и 22 обрСпН	18	-

За массовое мужество личного состава и воинскую доблесть бригада и ее части награждены двумя Вымпелами МО СССР (12.1973), (12.1985г.), Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», 2 Почетными Знаменами Военных Советов ТуркВО и СаВО, а также 3 знаменами союзных республик Казахстана, Киргизии и Узбекистана.

Бригада и все ее отдельные отряды награждены Почетными Красными Знаменами НДПА.

За Афганскую войну Президиумом Верховного Совета СССР награждены боевыми орденами и медалями более 4 тысяч солдат и офицеров 15 отдельной бригады Спецназ, при этом:

Советскими наградами награждены, человек	Афганскими наградами награждены, человек
Герой Советского Союза — 3	Орденом ДРА «Боевого Красного Знамени» — 5
Орденом Ленина — 15	Орденом ДРА «За храбрость» — 16
Орденом Красного Знамени — 107	Орденом ДРА «Звезда» — 26
Орденом Красной Звезды — 1160	Орденом ДРА «Славы» — 30
Орденом «За Службу Родине в ВС СССР» III степени — 103	Медалью ДРА «За отвагу» — 44
Медалью «За Отвагу» — 1311	Медалью ДРА «От благодарного Афганского народа» — более 4000
Медалью «За боевые заслуги» — 871	Медалью ДРА «10 лет Саурской революции» — 100
Медалью Министра обороны СССР «За отличие в воинской службе» I и II степени — 118	Медалью ДРА «За отличие в охране госграницы Афганистана» — 20
Медалью «70 лет Вооруженным Силам СССР» — более 3000	-

Список военнослужащих 15 обрСпН, удостоенных звания Героев Советского Союза

Полковник	Колесник Василий Васильевич	Указ ПВС СССР 1980 год
Лейтенант	Кузнецов Николай Анатольевич (посмертно)	Указ ПВС СССР 1985 год
Сержант	Миролюбов Юрий Николаевич	Указ ПВС СССР 1988 год

Кроме того, 10 военнослужащих были представлены к присвоению звания Героя Советского Союза за совершение героических подвигов в ходе боевых действий в Афганистане, но удостоенные других государственных наград СССР или представления которых реализованы не были:

рядовой Алхимов Сергей Николаевич награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 года);

капитан Бекоев Павел Викторович — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 года);

рядовой Красников Виталий Васильевич награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 года);

сержант Коваленко Василий Владимирович — награжден (посмертно) орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 года);

капитан Сахатов Марат Таймасович — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР, апрель 1980 года);

старший лейтенант Трофимов Павел Георгиевич — награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР, сентябрь 1987 года);

лейтенант Удовиченко Геннадий Викторович — представленный к званию Герой Советского Союза в 1987 году, представление реализовано не было.

майор Холбаев Хабибджан Таджибаевич — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от апреля 1980 года);

старший лейтенант Шарипов Владимир Салимович — награжден орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от апреля 1980 года);

лейтенант Якута Олег Александрович — представленный к званию Герой Советского Союза в январе 1987 года, представление реализовано не было.

№	Ф И О	Воинское звание
1.	Колесник Василий Васильевич	Полковник
2.	Холбаев Хабибджан Таджибаевич	Майор
3.	Сахатов Мурат Таймасович	Капитан
4.	Джамолов Ашур	Капитан
5.	Байхамбаев Махаджон Каримович	Старший лейтенант
6.	Прауга Василий Максимович	Старший лейтенант
7.	Шарипов Владимир Салимович	Старший лейтенант
8.	Турсункулов Рустамходжа Турдихуджаевич	Лейтенант
9.	Нафиков Хамид Муинович (посмертно)	Лейтенант
10.	Кузнецов Николай Анатольевич (посмертно)	Лейтенант
11.	Сулин Вячеслав Анатольевич (посмертно)	Рядовой
12.	Миролюбов Юрий Николаевич	Сержант
13.	Похощев Герман Владиславович	Старший лейтенант
14.	Головки Виктор Николаевич (посмертно)	Майор
15.	Герасимов Дмитрий Михайлович	Полковник

Список военнослужащих и ветеранов 15 обрСпН, награжденных орденом Ленина

Представлен к награждению орденом Ленина в апреле 1984 года сержант БОРЕЦ Александр Николаевич (посмертно), 154 обСпН, однако представление реализовано не было. Награжден орденом Красной Звезды.

Список военнослужащих 15 обрСпН, награжденных двумя орденами Красного Знамени

№	Ф И О ветерана бригады	Воинское звание
1.	Бекоев Павел Викторович (посмертно)	Капитан
2.	Воробьев Владимир Федорович	Майор
3.	Корчагин Анатолий Васильевич	Подполковник
4.	Рындин Сергей Иванович	Капитан
5.	Саввин Василий Иванович	Капитан
6.	Старов Юрий Тимофеевич	Полковник

Список ветеранов 15 обрСпН, впоследствии ставших генералами в армиях независимых государств СНГ

№	Ф И О ветерана бригады	Воинское звание
1.	Ахметов Махмудали	Генерал-майор
2.	Бекбоев Мелс Сагиналиевич	Генерал-майор
3.	Белевитин Александр Борисович	Генерал-лейтенант м/с
4.	Герасимов Дмитрий Михайлович	Генерал-лейтенант
5.	Жезузак Сакен Мухамедович	Генерал-майор
6.	Колесник Василий Васильевич	Генерал-майор
7.	Керсов Алексей Николаевич	Генерал-майор
8.	Куцов Сергей Николаевич	Генерал-лейтенант
9.	Луцев Николай Иванович	Генерал-майор
10.	Мереддурдыев Ринат Гельдыевич	Генерал-майор
11.	Тарасов Юрий Александрович	Генерал-майор
12.	Тишин Евгений Викторович	Генерал-майор
13.	Тишаев Гафуржон Кадырович	Генерал-лейтенант
14.	Фадеев Сергей Иванович	Генерал-майор
15.	Фомин Александр Гурьевич — Герой России	Генерал-майор
16.	Фазилев Исаак Камилович	Генерал-майор
17.	Чубаров Александр Сергеевич	Генерал-майор

Мужество и героизм наших мужчин, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, был и остается одной из главных тем этой книги, но нельзя не вспомнить женщин-военнослужащих и служащих Советской Армии, которые находились во всех частях бригады. Большая им благодарность от всех ветеранов бригады. Не могу сейчас вспомнить всех пофамильно, назову нескольких. Прапорщички москвичка Наталья Яковлевна Кривицкая и свердловчанка Людмила Ивановна Мещерякова не бросались в атаки, но опаленную службу они прошли, неся на женских плечах тяготы и лишения службы. Н.Кривицкая прослужила в Афганистане четыре года, Л.Мещерякова — один год. По долгу службы они выполняли разные функции: первая — связистка, вторая — работник секретной части штаба. В военторге и столовой работали милые женщины ростовчанка Надежда Носкова и минчанка Людмила Авдеева, которые зарекомендовали себя отличными специалистами и замечательными людьми. Женщин в бригаде было несколько десятков и о каждой необходим отдельный рассказ, но на особом счету наши погибшие: Шевчук Любовь Тарасовна, Присакарь Людмила Владимировна, погибшие на трассе Кабул — Бараки, и Лы-

кова Татьяна Васильевна, ушедшая в вечность во время взрыва в воздухе сбитого самолета.

Стали народными депутатами в парламентах независимых государств СНГ

№	ФИО ветерана 15 обрСпН	Страна
1.	Задорожный Николай Васильевич	Казахстан
2.	Хижняк Павел Григорьевич	Казахстан
3.	Зубко Юрий Григорьевич	Украина
4.	Кара-Оол Леонид Валерьевич	Российская Федерация

Закончилась Афганская война, но мирная передышка для личного состава бригады оказалась короткой. Не прошло и десяти месяцев, как 16 января 1990 года соединение подняли по тревоге и вся бригада самолетами Ил-76 была переброшена на аэродром Кала в Азербайджан. Довооружена бронетехникой и вертолетами и брошена на войну, но на этот раз уже на территории СССР. Разведчикам поручили воздушное патрулирование побережья Каспийского моря и блокирование и охрану коммуникаций в условиях режима чрезвычайного положения в Азербайджане, охваченном национальной ненавистью. Снова пули полетели в тех, кто думал, что навсегда забудет их свист после Афганской войны. В разгар чирчикской весны — 31 марта 1990 года — после успешного выполнения специального задания подразделения бригады вернулись в пункт постоянной дислокации. Полный энтузиазма, новый командир бригады полковник Квачков Владимир Васильевич, с воодушевлением планировал боевую подготовку на летний период обучения, но ритм боевой учебы нарушали многочисленные проверки и разговоры о разделе армии. Ташкентские руководители начали кроить независимый Узбекистан. Через два года начались кровопролитные столкновения в Таджикистане и опять спецназовцев Чирчикской бригады по тревоге бросили в кишлаки и города этой горной страны. Все так напоминало Афганистан и вызывало глубокое разочарование чувством безысходности от потерь общего Отечества и разрушения его идеалов. С 1992 по 1994 гг. подразделения бригады мужественно выполняли поставленные задачи по борьбе с бандформированиями мятежников и обеспечением общественного порядка. Ветерану бригады полковнику Золотареву Сергею Кондратьевичу выпала печальная участь передавать соединение в Министерство обороны Узбекистана.

В конце 1994 года на основании международного соглашения между Россией и Узбекистаном 15 обрСпН была передана в состав комплекта войск Министерства обороны Республики Узбекистан. 154 отряд выведен из состава бригады и перебросен на другое место. В во-

енный городок пришли новые командиры и хозяева. Но это уже другая история.

Чему же научила нас Афганская война?

Так распорядилась история, что главным делом военнослужащих 15 бригады спецназ стала Афганская война. Через бригаду за это время прошло несколько поколений солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров. И все они достойно выполнили свой воинский долг. После развала Советского Союза наряду с высшим военно-политическим руководством во всех мыслимых грехах обвинили и рядовых участников этой войны. На самом деле наша главная вина заключалась в том, что именно мы, а не другие были направлены служить в Афганистан. Но мы считаем, что годы, проведенные «за речкой», сделали нас чище и мудрее.

Следует помнить не только нам главный урок афганской кампании — с народом воевать нельзя. К сожалению, этот урок стоил немалых жертв. В советском обществе того времени, когда шла война в Афганистане, за редчайшим исключением никто открыто не выступил против этой явно несправедливой войны. Мы просто не чувствовали, что она несправедлива, потому что на местах оказывали конкретную помощь конкретным людям, которые были нам благодарны: за поддержку стабильной власти, за развитие экономики, за подготовку кадров специалистов, за вооруженную защиту от наемников всех мастей. Мы полюбили этот простой, но мудрый народ, которому история не дает жить в мире и до сих пор, уже без «шурави»...

Наши соотечественники, отдавшие жизнь на земле Афганистана, честно выполняли свой воинский долг и остались верными присяге. Увы, их смерть не послужила предостережением обществу и политикам. Именно поэтому несколько лет спустя все повторилось на Кавказе. Вихрь Чеченской войны у многих снес буйные головы. Только Героями России за бои в Чечне стало более 30 спецназовцев. Эта цифра свидетельствует о напряженности боев и мужестве воинов Спецназа ГРУ, которым суждено продолжать традиции старших поколений. Вечная им всем слава, а погибшим вечная память!

И в качестве заключения.

С большим удовлетворением и гордостью могу констатировать, что единственная советская часть, награжденная афганским правительством за десять лет войны в Афганистане, оказалась наша 15-я отдельная бригада специального назначения. Это высочайшая оценка заслуг всех поколений военнослужащих бригады

Именно об этих заслугах воинов-разведчиков говорится лаконично в Указе Президента Республики Афганистан № 136 от 3.02.1988 года:

«За оказание интернациональной помощи народу Республики Афганистан советскими военнослужащими, которые не жалея своих сил, проявили мужество и героизм при выполнении заданий Родины, в соответствии с пунктом 15 статьи 75 конституции Республики Афганистан 1-я ОСОБАЯ БРИГАДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК НАГРАЖДАЕТСЯ ОРДЕНОМ БОЕВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН».

Президент Республики Афганистан НАДЖИБУЛЛА.

Завершив более чем тридцатилетнюю военную службу, я с особым чувством вспоминаю свою бригаду, которая осталась в памяти, как самая родная, самая близкая, самая лучшая часть.

Таких доверительных отношений, такого спаянного, дружного коллектива, как это было в нашей бригаде во все времена ее истории, и не только в Афганистане, я в Вооруженных Силах СССР больше не видел. Пусть это мое настроение сейчас называют «старческим романтизмом» или «афганским синдромом». Действительно, прошло время и даже сложные, а порой отрицательные моменты: неустроенный быт, скудное питание, постоянный риск, огромные физические и психологические нагрузки — перестали восприниматься как негативные, а приобрели некую привлекательность, стали одними из самых ярких переживаний и воспоминаний моей жизни. Самые лучшие друзья у меня оттуда — из лейтенантской юности. Я хочу особо поблагодарить ветеранов бригады — уважаемого командира полковника Юрия Тимофеевича Старова и друзей полковника Сергея Александровича Харламова, полковника Игоря Юрьевича Стодерева, старшину Владимира Спиридоновича Листопада, сержанта Евгения Васильевича Заднипряного за большую помощь в работе над этой книгой. По большому счету без их поддержки и помощи она бы не получилась.

Те, кому довелось служить в Спецназе в мирное время или в Афганистане, и те, которые видели виды, знают, что это была у нас за служба и почему цена десантной мужской дружбы. Поэтому не случайно, когда меня спрашивают, — где я служил в армии?

Отвечаю, не раздумывая, просто:

— В 15-й бригаде специального назначения в Чирчике! — Об этом соединении знают все...

Знаменательно то, что мы, ветераны 15 бригады, начинаем новое тысячелетие с восстановления истории соединения и памяти о погибших героях. Простите за пропуски и скупость отдельных рассказов, но автор использовал максимум того, что удалось собрать.

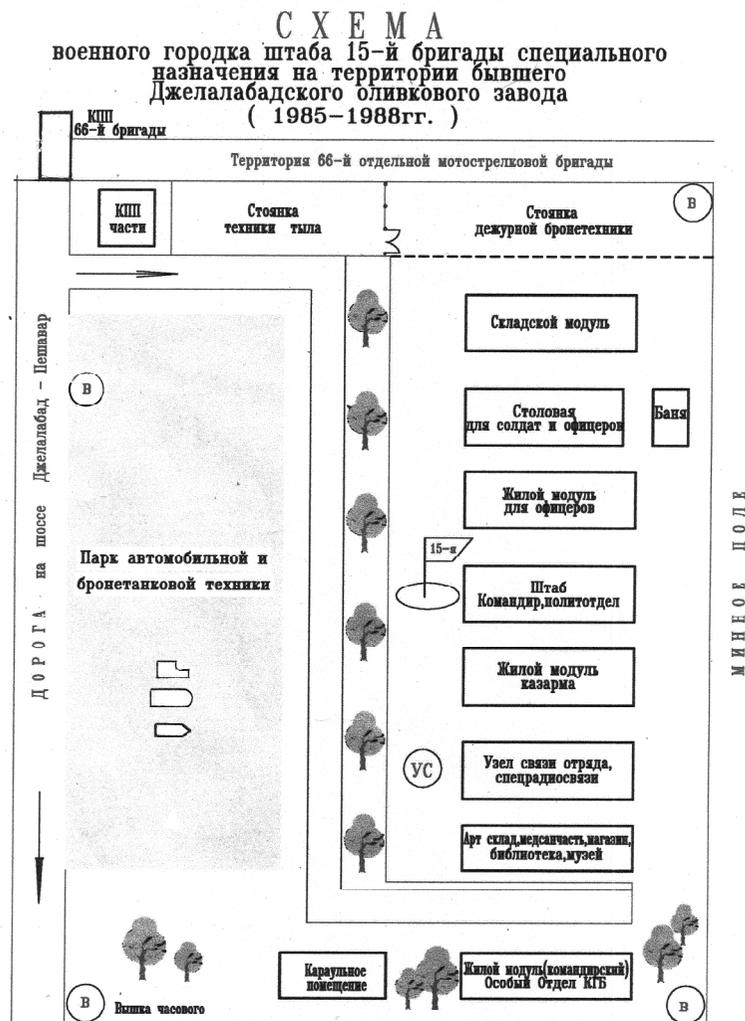
Подумайте о том, что будут чтить наши внуки и будущие поколения!

Надо знать и помнить свою историю и конкретных героев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОМАНДИРЫ 15-й ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (За период с 1963 по 1994 гг.)		
В.звание	Фамилия, имя, отчество командира бригады	Время командования соединением
полковник	ЛУЦЕВ Николай Иванович	1963-1967
полковник	МОСОЛОВ Роберт Павлович	1968-1975
полковник	КОЛЕСНИК Василий Васильевич	1975-1977
полковник	ОВЧАРОВ Александр Алексеевич	1977-1980
полковник	СТЕК ОЛЬНИК ОВ Анатолий Михайлович	1980-1984
полковник	БАБУШКИН Владимир Матвеевич	1984-1986
полковник	СТАРОВ Юрий Тимофеевич	1986-1990
полковник	КВАЧКОВ Владимир Васильевич	1990-1994
полковник	ЗОЛОТАРЕВ Сергей Кондратьевич	1994
ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА БРИГАДЫ - НАЧАЛЬНИКИ ПОЛИТОТДЕЛА		
В.звание	Фамилия, имя, отчество	Период в должности
полковник	Белобрагин Алексей Александрович	1963-1971
полковник	Руденко Валентин Григорьевич	1971-1974
полковник	Лысак Николай Васильевич	1974-1978
подп-к	Тибенко Иван Михайлович	1978-1980
подп-к	Марков Иван Иванович	1980-1985
полковник	Рузин Петр Ильич	1985-1987
подп-к	Кривопапов Олег Владимирович	1987-1988
подп-к	Хутыко Михаил Юрьевич	1988-1991
КОМАНДИРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ		
В.звание	Фамилия, имя, отчество	Период командования отрядом
154 ооспН		
майор	Холбаев Хабиб Таджибаевич	5.1979-8.1981
майор	Костенюк Николай Михайлович	8.1981-10.1981
майор	Стодерева Игорь Юрьевич	10.1981-11.1983.

Окончание		
В.звание	Фамилия, имя, отчество	Период коман- дования отр ядом
майор	Олексенко Василий Иванович	11.1983-2.1984
майор	Портнягин Владимир Павлович	2.1984 - 11.1984
майор	Дементьев Алексей Михайлович	11.1984-8.1985
капитан	Абзалимов Рамиль Каримович	08.1985- 10.1986
подп-к	Гилуч Владислав Петрович	10.1986- 11.1987
майор	Воробьев Владимир Федорович	11.1987-6.1988
майор	Козлов Юрий Всеволодович	6.1988-9.1990
майор	Ефименко Анатолий Николаевич	9.1990-9.1991
подп-к	Свирин Валерий Михайлович	9.1991-9.1992
майор	Воронцов Сергей Анатольевич	9.1992- 12.1994
177 ооСпН		
майор/подп-к	Керимбаев Борис Тукенович	2.1981-10.1983
подп-к	Квачков Владимир Васильевич	10.1983-2.1984
подп-к	Грязнов Владимир Алексеевич	2.1984 - 5.1984
капитан	Кастыпкаев Бахыт Мукашевич	8.1984- 11.1984
майор	Юдаев Вячеслав Васильевич	11.1984-7.1985
майор	Попович Алексей Михайлович	7.1985- 10.1986
подп-к	Блажко Анатолий Андреевич	10.1986-6.1989
майор	Пимонов Юрий Григорьевич	6.1989-1.1990
подп-к	Самсонов Юрий Николаевич	1.1990-12.1994
668 ооСпН		
подп-к	Юрин Игорь Степанович	6.1984-2.1985
подп-к	Рыжик Модест Иванович	2.1985-11.1985
майор	Резник Евгений Александрович	11.1985-6.1986
майор	Удовиченко Владимир Михайлович	6.1986-04.1987
подп-к	Корчагин Анатолий Васильевич	4.1987-6.1988
подп-к	Горатенков Валерий Александрович	6.1988-6.1989
334 ооСпН		
майор	Терентьев Виктор Яковлевич	3.1985-5.1985
майор	Быков Григорий Васильевич	5.1985-6.1987
подп-к	Клочков Александр Борисович	6.1987- 11.1987
подп-к	Гилуч Владислав Петрович	11.1987-6.1988
подп-к	Чмырев Александр Прохорович	6.1988-6.1994

К И Ш Л А К

Примечание: Схема составлена по памяти полковником Кривоноговым О.В.

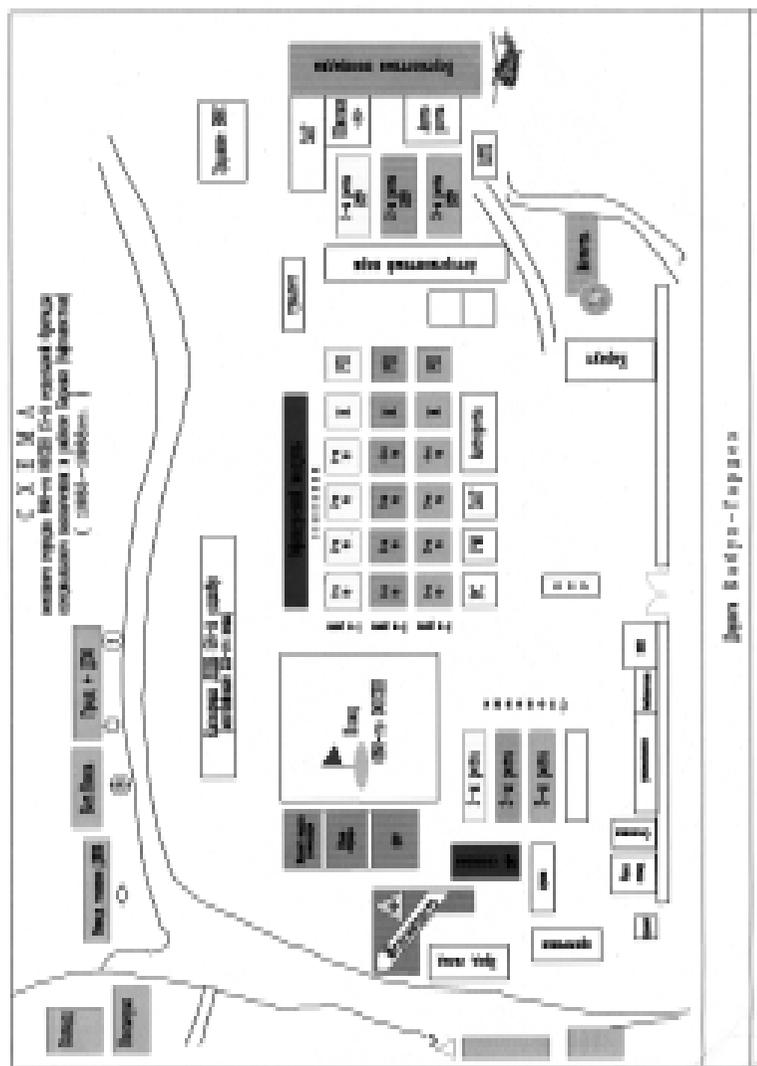

Схема составлена по памяти полковником
О.В. Кривопаловым.

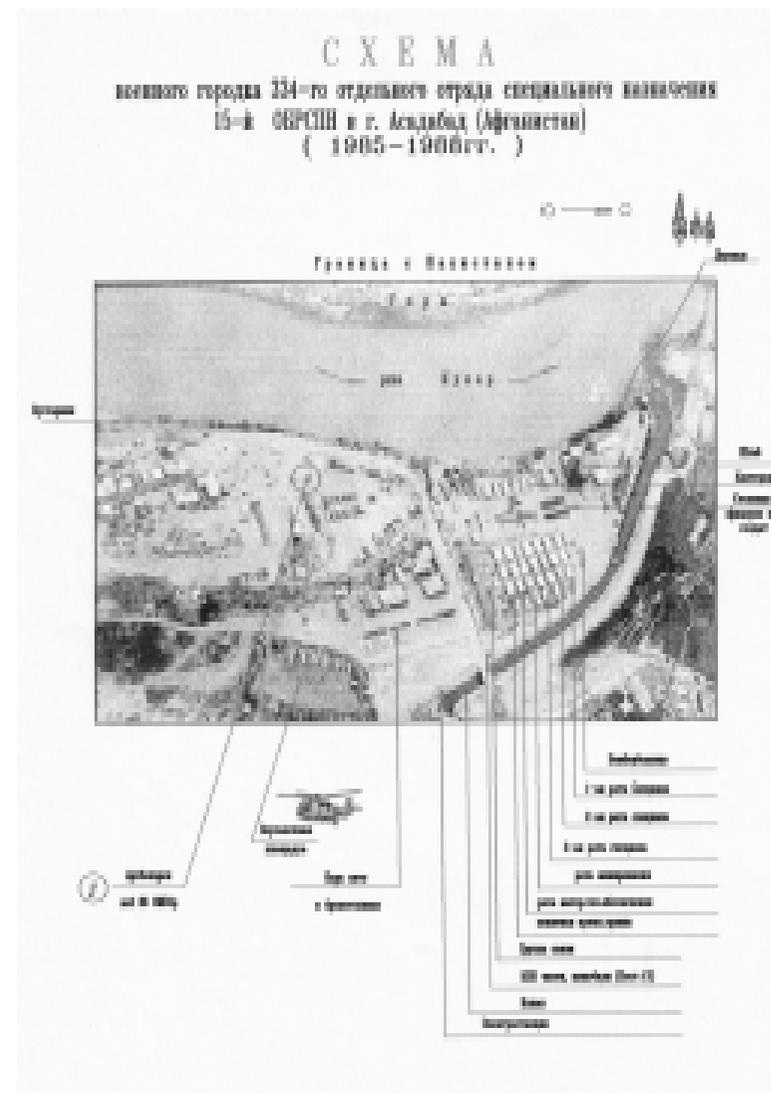

Схема составлена по памяти полковником
О.В. Кривопаловым.

*Им старость больше не страшна –
Их мир запомнит молодыми.
А нам, оставшимся живыми,
Сынам давать их имена.*

ПОИМЕННО ПОМЯНЕМ...

СПИСОК потерь личного состава 15-й отдельной бригады специального назначения с 1979 по 1989 гг.

Управление бригады							
№	В/название	Фамилия	Имя	Отчество	Дата	Место	Откуда
1	2	3	4	5	6	7	8
1	ефрейтор	Зелёный	Николай	Родионович	31.01.86	Джелалабад	Украина
2	служащая СА	Пыкова	Татьяна	Васильевна	29.11.86	Джелалабад	Воронежская обл
3	лейтенант	Урошлев	Сергей	Сергеевич	29.11.86	Джелалабад	Волгоградская обл
154-й ооСПн							
1	рядовой	Богодинов	Абдумумин	Абдунабиевич	27.12.79	Кабул	Таджикистан
2	рядовой	Курбанов	Ходжанетес		27.12.79	Кабул	Туркменистан
3	рядовой	Хусанов	Сабирджон	Камилович	27.12.79	Кабул	Узбекистан
4	рядовой	Мамаджанов	Абдунаби	Гайджанович	27.12.79	Кабул	Киргизия
5	рядовой	Сулайманов	Шокиржон	Султанович	27.12.79	Кабул	Узбекистан
6	мл.сержант	Шербенко	Миркасым	Абрашимович	27.12.79	Кабул	Узбекистан
7	рядовой	Расульметов	Курмантай	Муратович	28.12.79	Кабул	Казахстан
8	рядовой	Мадияров	Зиябиддин	Гиясиддинович	06.01.80	Кабул	Узбекистан
9	лейтенант	Михалёв	Владимир	Николаевич	01.11.81	в госпитале	Белоруссия
10	рядовой	Бобиев	Хайридин	Ташаевич	20.11.81	Агча	Таджикистан
11	рядовой	Милибаев	Баходир	Патидинович	20.11.81	Агча	Узбекистан
12	лейтенант	Слепцов	Андрей	Александрович	20.11.81	Агча	Ярославская обл
13	рядовой	Чегодаев	Виктор	Анатольевич	20.11.81	Агча	Ульяновская обл
14	сержант	Шиварев	Алексей	Фёдорович	20.11.81	Агча	Украина

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
15	рядовой	Эшонов	Шавкат	Абдурайимович	23.11.81	Агча	Узбекистан
16	мл.сержант	Калинин	Михаил	Валентинович	07.12.81	Агча	Читинская обл
17	мл.сержант	Рахматуллин	Рашид	Шавкатович	07.12.81	Агча	Узбекистан
18	мл.сержант	Щеголев	Леонид	Юрьевич	07.12.81	Агча	Читинская обл
19	рядовой	Гаврилов	Сергей	Геннадьевич	04.01.82	Агча	Читинская обл
20	рядовой	Бабев	Норбобо	Манонович	16.01.82	Агча	Таджикистан
21	мл.сержант	Хайруллин	Фарит	Нагимович	20.01.82	Агча	Башкирия
22	рядовой	Шадрманов	Гияс	Иргашевич	24.01.82	Агча	Узбекистан
23	рядовой	Юлдашев	Ахаткул	Рахманович	24.01.82	Даразб	Узбекистан
24	ст.лейтенант	Статкевич	Владимир	Владимирович	04.04.82	Агча	Украина
25	рядовой	Широких	Виктор	Валентинович	12.04.82	Агча	Читинская обл
26	рядовой	Павленков	Сергей	Владимирович	18.05.82	Агча	Челябинская обл
27	ефрейтор	Школин	Виктор	Иванович	28.05.82	Агча	Читинская обл
28	рядовой	Алибердыев	Кабул	Каримович	06.06.82	Агча	Узбекистан
29	ефрейтор	Анциферов	Игорь	Михайлович	06.06.82	Агча	Читинская обл
30	рядовой	Вацубрович	Александр	Иванович	06.06.82	Агча	Белоруссия
31	сержант	Гимранов	Анвар	Наилович	06.06.82	Агча	Узбекистан
32	лейтенант	Капмыков	Сергей	Николаевич	06.06.82	Агча	Башкирия
33	мл.сержант	Шабакеев	Марс	Октябрисович	06.06.82	Агча	Коми
34	сержант	Шворнев	Михаил	Александрович	06.06.82	Агча	Новосибирская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
35	мл.сержант	Маурин	Герман	Александрович	10.06.82	в госпитале	Коми
36	рядовой	Мордович	Юрий	Васильевич	29.06.82	Агча	Новосибирская обл
37	рядовой	Вафин	Дамир	Миннуллович	05.07.82	Агча	Татарстан
38	рядовой	Калустин	Виктор	Владимирович	28.08.82	Айбак	Бурятия
39	сержант	Шаловалов	Игорь	Николаевич	11.10.82	Айбак	Украина
40	сержант	Герасимов	Александр	Юрьевич	03.11.82	Айбак	Московская обл
41	рядовой	Бальбин	Дмитрий	Валентинович	16.11.82	Айбак	Новосибирская обл
42	рядовой	Сорокин	Александр	Васильевич	03.05.83	Айбак	Чувашская ССР
43	рядовой	Мельник	Виктор	Владимирович	29.07.83	Айбак	Украина
44	рядовой	Скворцов	Юрий	Сергеевич	06.08.83	Айбак	Ленинград
45	рядовой	Коркин	Виктор	Александрович	28.08.83	Айбак	Узбекистан
46	рядовой	Подзерей	Борис	Владимирович	28.08.83	Айбак	Новосибирская обл
47	мл.сержант	Кислицын	Сергей	Геннадьевич	05.09.83	Айбак	Свердловская обл
48	ст.лейтенант	Бегишев	Эльгизар	Федорович	06.09.83	Айбак	Узбекистан
49	лейтенант	Крышталь	Игорь	Николаевич	06.09.83	Айбак	Украина
50	ефрейтор	Трофимов	Иван	Михайлович	06.09.83	Айбак	Астраханская обл
51	ефрейтор	Терехов	Сергей	Владимирович	19.09.83	Айбак	Ярославская обл
52	ст.лейтенант	Доманин	Владимир	Владимирович	23.09.83	Айбак	Воронежская обл
53	рядовой	Высотин	Игорь	Александрович	02.10.83	Айбак	Красноярский край
54	рядовой	Бегиков	Валерий	Владимирович	12.01.84	Айбак	Рязанская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
55	рядовой	Керимов	Эльдар	Закирович	06.02.84	Айбак	Узбекистан
56	рядовой	Кояли	Михаил	Вадимович	06.02.84	Айбак	Ростовская обл
57	рядовой	Стадник	Сергей	Григорьевич	06.02.84	Айбак	Ростовская обл
58	рядовой	Обухов	Сергей	Михайлович	07.02.84	Айбак	Казахстан
59	рядовой	Казаев	Андрей	Юрьевич	23.03.84	Джелалабад	Самарская обл
60	рядовой	Мокров	Александр	Михайлович	23.03.84	Джелалабад	Бурятия
61	рядовой	Юрченко	Михаил	Иванович	23.03.84	Джелалабад	Брянская обл
62	рядовой	Кацов	Валерий	Васильевич	08.04.84	Джелалабад	Чувашская ССР
63	мл.сержант	Малюта	Иван	Иванович	08.04.84	Джелалабад	Ростовская обл
64	лейтенант	Скуридин	Олег	Игоревич	08.04.84	Джелалабад	Орловская обл
65	рядовой	Учанин	Андрей	Николаевич	08.04.84	Джелалабад	Читинская обл
66	рядовой	Полов	Игорь	Александрович	09.04.84	Джелалабад	Читинская обл
67	рядовой	Асанов	Эльдар	Фардаусович	11.04.84	Джелалабад	Узбекистан
68	сержант	Борец	Александр	Николаевич	11.04.84	Джелалабад	Украина
69	рядовой	Малыгин	Александр	Владимирович	17.04.84	Джелалабад	Бурятия
70	рядовой	Древяников	Александр	Геннадьевич	21.04.84	Джелалабад	Читинская обл
71	рядовой	Садиков	Гуламжон	Гапиевич	23.05.84	Джелалабад	Узбекистан
72	рядовой	Дадаев	Нугман	Камбарович	01.06.84	Джелалабад	Узбекистан
73	рядовой	Крыжановский	Петр	Андреевич	01.06.84	Джелалабад	Украина
74	мл.сержант	Мелентий	Иван	Михайлович	01.06.84	Джелалабад	Молдавия

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
75	мл.сержант	Руденко	Николай	Васильевич	01.06.84	Джелалабад	Украина
76	рядовой	Кыдырманов	Ермек	Касенович	01.06.84	Джелалабад	Казахстан
77	рядовой	Голубев	Валерий	Владимирович	03.06.84	Джелалабад	Самарская обл
78	сержант	Жигало	Валерий	Викторович	26.06.84	Джелалабад	Московская обл
79	капитан	Бабко	Валерий	Владимирович	10.07.84	Джелалабад	Белоруссия
80	сержант	Королев	Николай	Васильевич	22.07.84	Джелалабад	Ленинградская обл
81	мл.сержант	Магомедов	Усман	Магомедович	15.08.84	Джелалабад	Дагестан
82	лейтенант	Нафиков	Хамит	Мугинович	15.08.84	Джелалабад	Свердловская обл
83	ефрейтор	Харитонов	Андрей	Иванович	15.08.84	Джелалабад	Ленинград
84	рядовой	Монаярский	Виталий	Станович	08.09.84	Джелалабад	Украина
85	сержант	Пихур	Василий	Викторович	08.09.84	Джелалабад	Украина
86	мл.сержант	Токмаков	Сергей	Николаевич	24.09.84	Джелалабад	Читинская обл
87	мл.сержант	Кудыма	Олег	Евгеньевич	25.09.84	Джелалабад	Украина
88	мл.сержант	Воробьев	Геннадий	Валентинович	04.11.84	Джелалабад	Московская обл
89	рядовой	Матвеев	Матвеев	Самсонович	02.12.84	Джелалабад	Армения
90	рядовой	Мухин	Алексей	Викторович	02.12.84	Джелалабад	Московская обл
91	рядовой	Дроздов	Машакир	Машарифович	04.12.84	Джелалабад	Узбекистан
92	рядовой	Дильдин	Василий	Сергеевич	04.12.84	Джелалабад	Владимирская обл
93	рядовой	Ибрагимов	Тофик	Эмдин-оглы	04.12.84	Джелалабад	Армения
94	рядовой	Лещанов	Николай	Владимирович	04.12.84	Джелалабад	Ивановская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
95	рядовой	Моисеев	Сергей	Владимирович	04.12.84	Джелалабад	Самарская обл
96	ст.сержант	Пирожков	Владимир	Михайлович	04.12.84	Джелалабад	Узбекистан
97	мл.сержант	Пекшин	Игорь	Евгеньевич	04.12.84	Джелалабад	Узбекистан
98	мл.сержант	Джимхазев	Муса	Усманович	05.12.84	Джелалабад	Чечня
99	рядовой	Абдуалимов	Равшан	Кучкарович	11.02.85	Джелалабад	Узбекистан
100	мл.сержант	Коляниченко	Константин	Николаевич	11.02.85	Джелалабад	Краснодарский край
101	сержант	Курамагомедов	Мухтар-ахмед	Загирович	11.02.85	Джелалабад	Дагестан
102	лейтенант	Лемешко	Сергей	Николаевич	11.02.85	Джелалабад	Украина
103	рядовой	Макарчук	Аркадий	Степанович	11.02.85	Джелалабад	Краснодарский край
104	рядовой	Стеля	Сергей	Васильевич	11.02.85	Джелалабад	Молдавия
105	мл.сержант	Магниязов	Бахтиер	Султанович	12.02.85	Джелалабад	Узбекистан
106	ст.лейтенант	Турусумбаев	Игорь	Владимирович	12.02.85	Джелалабад	Саратовская обл
107	рядовой	Смыков	Владимир	Леонидович	19.03.85	Джелалабад	Белоруссия
108	сержант	Плотников	Сергей	Александрович	22.03.85	Джелалабад	Узбекистан
109	мл.сержант	Коркин	Михаил	Валентинович	09.04.85	Джелалабад	Свердловская обл
110	рядовой	Давиденко	Николай	Иванович	22.07.85	Джелалабад	Белгородская обл
111	рядовой	Лязин	Павел	Васильевич	23.07.85	Джелалабад	Узбекистан
112	рядовой	Кузнецов	Сергей	Николаевич	24.07.85	Джелалабад	Рязанская обл
113	лейтенант	Самойлов	Василий	Петрович	10.08.85	Джелалабад	Таджикистан

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
114	рядовой	Глинов	Александр	Александрович	13.08.85	Джелалабад	Молдавия
115	мл.сержант	Юлдашев	Хикматулла	Рахматуллаевич	25.08.85	Джелалабад	Узбекистан
116	капитан	Турков	Алексей	Валентинович	19.09.85	Джелалабад	Тверская обл
117	лейтенант	Овсянников	Евгений	Иванович	19.09.85	Джелалабад	Московская обл
118	рядовой	Оруджов	Гамлет	Ханали-оглы	04.10.85	Джелалабад	Грузия
119	рядовой	Джанзаков	Данияр	Сабденович	30.10.85	Джелалабад	Узбекистан
120	ст.лейтенант	Педько	Александр	Юрьевич	30.10.85	Джелалабад	Украина
121	ефрейтор	Щерба	Александр	Владимирович	30.10.85	Джелалабад	Украина
122	рядовой	Лобанов	Алексей	Михайлович	05.01.86	Джелалабад	Свердловская обл
123	рядовой	Нестеров	Анатолий	Владимирович	09.02.86	Джелалабад	Самарская обл
124	рядовой	Походзило	Олег	Николаевич	11.02.86	Джелалабад	Московская обл
125	сержант	Коваленко	Василий	Владимирович	19.03.86	Джелалабад	Украина
126	рядовой	Кушников	Анатолий	Степанович	19.03.86	Джелалабад	Украина
127	рядовой	Мочернюк	Михаил	Иванович	19.03.86	Джелалабад	Украина
128	рядовой	Осипов	Владимир	Александрович	19.03.86	Джелалабад	Узбекистан
129	сержант	Рожновский	Павел	Петрович	19.03.86	Джелалабад	Ленинград
130	лейтенант	Красильников	Виктор	Иванович	22.03.86	Джелалабад	Украина
131	рядовой	Вепкий	Владимир	Михайлович	29.03.86	Джелалабад	Украина
132	рядовой	Егоров	Александр	Васильевич	29.03.86	Джелалабад	Новосибирская обл
133	ефрейтор	Косичкин	Сергей	Владимирович	29.03.86	Джелалабад	Самарская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
134	рядовой	Подольян	Александр	Викторович	29.03.86	Джелалабад	Украина
135	мл.сержант	Разлиаев	Михаил	Николаевич	29.03.86	Джелалабад	Волгоградская обл
136	ст.лейтенант	Розыков	Холмухаммад	Джураевич	29.03.86	Джелалабад	Узбекистан
137	рядовой	Эминос	Виктор	Брониславович	29.03.86	Джелалабад	Ленинградская обл
138	рядовой	Якута	Виталий	Владимирович	29.03.86	Джелалабад	Эстония
139	рядовой	Усанёв	Андрей	Викторович	28.05.86	Джелалабад	Самарская обл
140	рядовой	Зазимко	Виктор	Борисович	16.07.86	Джелалабад	Украина
141	рядовой	Кукуруза	Александр	Павлович	28.07.86	Джелалабад	Украина
142	ефрейтор	Варес	Урмас	Олезович	07.08.86	Джелалабад	Эстония
143	сержант	Ибадов	Шухтар	Иноятуллаевич	07.08.86	Джелалабад	Узбекистан
144	мл.сержант	Кобыльченко	Андрей	Григорьевич	07.08.86	Джелалабад	Украина
145	рядовой	Фурсов	Юрий	Владимирович	07.08.86	Джелалабад	Кемеровская обл
146	рядовой	Мирошниченко	Анатолий	Александрович	16.09.86	Джелалабад	Украина
147	рядовой	Семенок	Василий	Иванович	16.09.86	Джелалабад	Украина
148	сержант	Ярмош	Владимир	Васильевич	16.09.86	Джелалабад	Украина
149	лейтенант	Бондарев	Валерий	Евгеньевич	29.11.86	Джелалабад	Ломоноская обл
150	лейтенант	Чёрный	Сергей	Павлович	29.11.86	Джелалабад	Московская обл
151	рядовой	Раджапов	Садулла	Кучкарович	13.01.87	Джелалабад	Узбекистан
152	рядовой	Чегор	Андрей	Борисович	13.01.87	Джелалабад	Новосибирская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
153	лейтенант	Себин	Игорь	Львович	17.01.87	Джелалабад	Эстония
154	рядовой	Кабанов	Василий	Анатольевич	17.01.87	Джелалабад	Свердловская обл
155	лейтенант	Злуницын	Олег	Игоревич	27.01.87	Джелалабад	Украина
156	рядовой	Овдиенко	Николай	Николаевич	27.01.87	Джелалабад	Украина
157	сержант	Яцковский	Сергей	Владимирович	27.01.87	Джелалабад	Украина
158	рядовой	Кучкинов	Ибрахим	Уктамович	27.01.87	Джелалабад	Узбекистан
159	рядовой	Жураев	Хасан	Исабекович	04.03.87	Джелалабад	Узбекистан
160	лейтенант	Хамалко	Юрий	Михайлович	04.03.87	Джелалабад	Молдавия
161	ст.лейтенант	Чикирев	Александр	Васильевич	04.03.87	Джелалабад	Тульская обл
162	рядовой	Бельх	Дмитрий	Михайлович	14.05.87	Джелалабад	Украина
163	мл.сержант	Тюфяков	Александр	Васильевич	25.05.87	Джелалабад	Новосибирская обл
164	рядовой	Ёлкин	Алексей	Эдуардович	08.06.87	Джелалабад	Калужская обл
165	рядовой	Говенько	Михаил	Алексеевич	02.07.87	Джелалабад	Брянская обл
166	рядовой	Атапов	Чингиз	Сиявуш-оглы	07.07.87	Джелалабад	Азербайджан
167	мл.сержант	Солдатенко	Александр	Николаевич	08.07.87	Джелалабад	Украина
168	рядовой	Новиков	Юрий	Васильевич	08.07.87	Джелалабад	Курская обл
169	рядовой	Яхьяев	Фохриддин	Хайрулдинович	08.07.87	Джелалабад	Узбекистан
170	рядовой	Кайралин	Яков	Всволодович	24.07.87	Джелалабад	Новосибирская обл
171	капитан	Ломакин	Александр	Евгеньевич	03.10.87	Джелалабад	Волгоградская обл
172	рядовой	Финдюкович	Николай	Владимирович	30.11.87	Джелалабад	Белоруссия

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
173	мл.сержант	Пряхов	Игорь	Сергеевич	05.01.88	Джепалабад	Алтайский край
174	мл.сержант	Синякаев	Заур	Тофикович	05.01.88	Джепалабад	Азербайджан
175	рядовой	Савинов	Игорь	Владимирович	17.01.88	Джепалабад	Алтайский край
176	рядовой	Бодилтян	Иван	Григорьевич	23.01.88	Джепалабад	Молдавия
177	подполковник	Петунин	Анатолий	Анатольевич	28.12.89	в госпитале	Белоруссия
177-й оосПН							
1	ефрейтор	Иванов	Андрей	Алексеевич	07.11.81	Гаэни	Новгородская обл
2	рядовой	Давыдов	Алексей	Евгеньевич	14.12.81	Гаэни	Таджикистан
3	ст.лейтенант	Березин	Владимир	Юрьевич	15.12.81	Гаэни	Тверская обл
4	мл.сержант	Максимов	Олег	Анатольевич	17.01.82	Гаэни	Казахстан
5	рядовой	Чернов	Виталий	Владимирович	10.03.82	Гаэни	Казахстан
6	ефрейтор	Оспанов	Мухтар	Залетович	12.05.82	Гаэни	Казахстан
7	ст.лейтенант	Ахметов	Калибек	Газизович	15.05.82	Гаэни	Казахстан
8	рядовой	Петров	Александр	Александрович	24.05.82	Гаэни	Удмуртия
9	сержант	Нех	Юрий	Павлович	10.06.82	Гаэни	Таджикистан
10	сержант	Аюченко	Олег	Петрович	11.06.82	Гаэни	Казахстан
11	рядовой	Макаренко	Юрий	Николаевич	11.06.82	Гаэни	Казахстан
12	рядовой	Перфильев	Александр	Васильевич	11.06.82	Гаэни	Читинская обл
13	сержант	Ахметов	Базарбай	Турашович	02.07.82	Гаэни	Казахстан
14	сержант	Белозор	Леонид	Павлович	02.07.82	Гаэни	Украина

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
15	капитан	Батуев	Батожан	Бимбаевич	03.07.82	Гаэни	Бурятия
16	мл.сержант	Махатов	Руслан	Анатольевич	03.07.82	Гаэни	Чечня
17	сержант	Баркин	Николай	Александрович	04.07.82	Гаэни	Тверская обл
18	рядовой	Бектобаев	Владимир	Александрович	04.07.82	Гаэни	Киргизия
19	рядовой	Шумаков	Сергей	Иванович	06.07.82	Гаэни	Читинская обл
20	прапорщик	Бубенцов	Александр	Николаевич	10.07.82	Гаэни	Казахстан
21	рядовой	Жилинский	Дмитрий	Романович	10.07.82	Гаэни	Казахстан
22	рядовой	Жильников	Виктор	Иванович	10.07.82	Гаэни	Казахстан
23	рядовой	Катасонов	Игорь	Анатольевич	10.07.82	Гаэни	Казахстан
24	рядовой	Останаев	Абдусатор	Фатахович	10.07.82	Гаэни	Таджикистан
25	рядовой	Табаров	Раджабали	Сафаралиевич	20.07.82	Гаэни	Таджикистан
26	рядовой	Аксенов	Сергей	Николаевич	30.07.82	Гаэни	Казахстан
27	рядовой	Садыков	Дайыр	Абылович	30.07.82	Гаэни	Киргизия
28	рядовой	Сулиев	Мейрапы	Едигарович	30.07.82	Гаэни	Казахстан
29	рядовой	Животков	Андрей	Николаевич	01.08.82	Гаэни	Читинская обл
30	рядовой	Эгамов	Ибодулло	Файзуллаевич	08.08.82	Гаэни	Узбекистан
31	ст.лейтенант	Ораалиев	Хурсанали	Маликович	14.08.82	Гаэни	Узбекистан
32	рядовой	Бердалиев	Зарылбек	Саасыкулович	25.08.82	Гаэни	Киргизия
33	ефрейтор	Байджанов	Равиль	Умаралиевич	27.08.82	Гаэни	Узбекистан
34	ст.сержант	Ефанов	Александр	Александрович	27.08.82	Гаэни	Казахстан

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
35	сержант	Лушников	Геннадий	Анатольевич	27.08.82	Гази	Ленинградская обл
36	рядовой	Авизов	Закир	Кузьевич	12.09.82	Гази	Киргизия
37	рядовой	Ситников	Анатолий	Александрович	12.09.82	Гази	Киргизия
38	мл.сержант	Ташнабаев	Исманжан	Кучкарович	12.09.82	Гази	Узбекистан
39	рядовой	Долгих	Александр	Витальевич	17.09.82	Гази	Курганская обл
40	рядовой	Абдрахимов	Ербол	Рафаэльевич	23.09.82	Гази	Казахстан
41	ефрейтор	Дзрелянчук	Андрей	Иванович	23.09.82	Гази	Мурманская обл
42	рядовой	Латилов	Хайбулло	Абдуллоевич	23.09.82	Гази	Таджикистан
43	рядовой	Улеков	Канат	Пернебаевич	23.09.82	Гази	Казахстан
44	сержант	Тердикбаев	Тойбек	Джекшенович	12.10.82	Гази	Киргизия
45	рядовой	Абдылдаев	Курмантеж	Туменбаевич	02.11.82	Гази	Киргизия
46	рядовой	Шемелин	Виктор	Константинович	03.11.82	Гази	Читинская обл
47	рядовой	Копесов	Сергей	Геннадьевич	07.11.82	Гази	Читинская обл
48	сержант	Ишмаев	Шамиль	Сабаханович	11.11.82	Гази	Узбекистан
49	рядовой	Маликов	Игорь	Ирикович	16.11.82	Гази	Таджикистан
50	сержант	Коновов	Александр	Борисович	19.11.82	Гази	Удмуртия
51	ст.сержант	Круглов	Владимир	Анатольевич	20.11.82	Гази	Тверская обл
52	рядовой	Волков	Александр	Викторович	20.12.82	Гази	Самарская обл
53	рядовой	Токмаков	Владимир	Александрович	23.12.82	Гази	Свердловская обл
54	сержант	Сиваченко	Юрий	Витальевич	30.01.83	Гази	Украина

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
55	сержант	Савченко	Юрий	Васильевич	25.03.83	Гази	Ставропольский край
56	ефрейтор	Безубицев	Андрей	Евгеньевич	10.06.83	Гази	Рязанская обл
57	ефрейтор	Ярошевич	Александр	Борисович	21.06.83	Гази	Карелия
58	рядовой	Золотухин	Александр	Васильевич	08.07.83	Гази	Читинская обл
59	рядовой	Хамдамов	Ислам	Акрамович	18.07.83	Гази	Узбекистан
60	рядовой	Скуляк	Николай	Иванович	03.08.83	Гази	Украина
61	рядовой	Ташев	Муратбек	Нумутбекович	31.08.83	Гази	Узбекистан
62	мл.сержант	Алеев	Владимир	Геннадьевич	04.11.83	Гази	Украина
63	мл.сержант	Вислюков	Константин	Александрович	04.11.83	Гази	Татарстан
64	ефрейтор	Гуляев	Виктор	Николаевич	04.11.83	Гази	Омская обл
65	рядовой	Толибов	Садри	Хасанович	04.11.83	Гази	Узбекистан
66	мл.сержант	Гимазетдинов	Ханиф	Кашфегдинович	04.11.83	Гази	Татарстан
67	сержант	Кожанов	Сергей	Викторович	05.11.83	Гази	Волгоградская обл
68	мл.сержант	Лепидов	Александр	Валентинович	13.12.83	Гази	Тверская обл
69	мл.сержант	Синельников	Николай	Анатольевич	13.12.83	Гази	Воронежская обл
70	сержант	Желудков	Александр	Викторович	14.12.83	Гази	Рязанская обл
71	рядовой	Никонов	Валерий	Анатольевич	23.12.83	Гази	Рязанская обл
72	мл.сержант	Карлов	Константин	Николаевич	13.01.84	Гази	Воронежская обл
73	прапорщик	Харитонов	Владимир	Александрович	13.01.84	Гази	Ростовская обл
74	рядовой	Аболик	Александр	Иванович	14.01.84	Гази	Белоруссия

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
75	прапорщик	Бондарь	Евгений	Дмитриевич	14.01.84	Газни	Украина
76	сержант	Гуляев	Александр	Васильевич	14.01.84	Газни	Узбекистан
77	рядовой	Зелевский	Владимир	Александрович	14.01.84	Газни	Белоруссия
78	мл.сержант	Макаров	Александр	Евгеньевич	14.01.84	Газни	Рязанская обл
79	ст.лейтенант	Мирошнченко	Сергей	Михайлович	14.01.84	Газни	Украина
80	ефрейтор	Моминов	Абдусамат	Бегмуратович	14.01.84	Газни	Узбекистан
81	сержант	Ниязов	Маркс	Сибгатович	14.01.84	Газни	Томенская обл
82	рядовой	Рахимов	Абдукахар	Абдулхакович	14.01.84	Газни	Узбекистан
83	ефрейтор	Смирнов	Вадим	Николаевич	14.01.84	Газни	Копи
84	мл.сержант	Тураходжаев	Сирожиддин	Садырович	14.01.84	Газни	Узбекистан
85	рядовой	Щербатов	Александр	Анатольевич	14.01.84	Газни	Ленинград
86	прапорщик	Великорец	Виктор	Александрович	18.01.84	Газни	Калининг. обл
87	рядовой	Гладышев	Петр	Александрович	03.02.84	Газни	Тамбовская обл
88	мл.сержант	Шульга	Сергей	Викторович	23.05.84	Газни	Украина
89	рядовой	Бердиев	Олег	Турдыевич	05.06.84	Газни	Узбекистан
90	прапорщик	Хребтов	Валерий	Геннадьевич	18.06.84	Газни	Казахстан
91	рядовой	Полов	Александр	Владимирович	29.06.84	Газни	Ростовская обл
92	ст.лейтенант	Литвинов	Владимир	Владимирович	30.06.84	Газни	Красноярский край
93	рядовой	Толмачев	Олег	Филиппович	30.06.84	Газни	Томенская обл
94	рядовой	Юлдашев	Мараг	Гафурович	30.06.84	Газни	Самарская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
95	мл.сержант	Страшнов	Андрей	Николаевич	05.07.84	Газни	Ульяновская обл
96	рядовой	Богданов	Валерий	Борисович	09.07.84	Газни	Читинская обл
97	мл.сержант	Забродин	Владимир	Николаевич	13.07.84	Газни	Читинская обл
98	мл.сержант	Назаров	Абдузохид	Саидович	08.08.84	Газни	Таджикистан
99	мл.сержант	Джумаганов	Ерболат	Кумарбекович	09.09.84	Газни	Алтайский край
100	рядовой	Петров	Александр	Александрович	16.09.84	Газни	Орловская обл
101	рядовой	Мухамедьяров	Мараг	Сайфулович	28.09.84	Газни	Башкирия
102	рядовой	Адаменко	Дмитрий	Васильевич	29.09.84	Газни	Узбекистан
103	рядовой	Хаитбаев	Бахтиер	Одилевич	02.10.84	Газни	Узбекистан
104	рядовой	Анаров	Алтынбек	Ализахович	03.10.84	Газни	Узбекистан
105	рядовой	Виняр	Петр	Иосифович	16.10.84	Газни	Украина
106	рядовой	Игнатенко	Юрий	Николаевич	22.10.84	Газни	Новосибирская обл
107	рядовой	Кахаров	Абдугафур	Махмудович	12.11.84	Газни	Узбекистан
108	рядовой	Абдуллаев	Бахтияр	Боходирханович	22.01.85	Газни	Узбекистан
109	ст.лейтенант	Казакон	Андрей	Владимирович	20.03.85	Газни	Украина
110	майор	Махметов	Орынбек	Охан-Улы	20.03.85	Газни	Казахстан
111	лейтенант	Трапавлов	Анатолий	Лингардович	20.03.85	Газни	Новосибирская обл
112	ст.лейтенант	Белов	Виктор	Владимирович	20.03.85	Газни	Владимирская обл
113	мл.сержант	Богомолов	Владимир	Николаевич	20.03.85	Газни	Московская обл
114	лейтенант	Нуманов	Раим	Абдуллаевич	23.03.85	Газни	Таджикистан

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
115	сержант	Михайлов	Олег	Александрович	24.03.85	Гаэни	Ленинград
116	рядовой	Бабаев	Сухроб	Бобоевич	10.05.85	Гаэни	Таджикистан
117	капитан	Филиппов	Александр	Константинович	10.05.85	Гаэни	Казахстан
118	мл.сержант	Новицкий	Геннадий	Леонидович	21.05.85	Гаэни	Белоруссия
119	прапорщик	Сарычев	Павел	Геннадьевич	21.05.85	Гаэни	Кемеровская обл
120	мл.сержант	Трофименко	Александр	Викторович	24.05.85	Гаэни	Украина
121	мл.сержант	Раковский	Анатолий	Дмитриевич	28.08.85	Гаэни	Воронежская обл
122	рядовой	Растобуров	Сергей	Владимирович	11.10.85	Гаэни	Узбекистан
123	рядовой	Абдуллаев	Юнус	Юлдашевич	19.10.85	Гаэни	Узбекистан
124	рядовой	Ахметов	Вадим	Рафикович	19.10.85	Гаэни	Свердловская обл
125	рядовой	Воронин	Юрий	Вячеславович	19.10.85	Гаэни	Самарская обл
126	рядовой	Гулов	Азиз	Егорович	19.10.85	Гаэни	Таджикистан
127	лейтенант	Макаров	Юрий	Павлович	19.10.85	Гаэни	Тульская обл
128	рядовой	Икрамов	Рахимберди	Рахманович	14.12.85	Гаэни	Узбекистан
129	рядовой	Белов	Александр	Анатольевич	21.12.85	Гаэни	Украина
130	рядовой	Кукиев	Махмудали	Сагдуллаевич	28.01.86	Гаэни	Узбекистан
131	рядовой	Марченко	Андрей	Петрович	29.01.86	Гаэни	Украина
132	рядовой	Смайлов	Сагындык	Садыкович	29.01.86	Гаэни	Казахстан
133	рядовой	Алхимов	Сергей	Николаевич	18.03.86	Гаэни	Украина
134	капитан	Баков	Павел	Викторович	18.03.86	Гаэни	Белоруссия

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
135	рядовой	Красников	Виталий	Васильевич	18.03.86	Гаэни	Новосибирская обл
136	ст.лейтенант	Севастьянов	Олег	Витальевич	18.03.86	Гаэни	Ленинградская обл
137	ефрейтор	Соловьев	Александр	Анатольевич	27.04.86	Гаэни	Пермская обл
138	рядовой	Бердяшов	Михаил	Александрович	03.06.86	Гаэни	Башкирия
139	рядовой	Бибик	Виктор	Николаевич	03.06.86	Гаэни	Кабардино-Балкария
140	прапорщик	Копесниченко	Василий	Анатольевич	03.06.86	Гаэни	Ростовская обл
141	рядовой	Низамиди	Александр	Анатольевич	03.06.86	Гаэни	Краснодарский край
142	капитан	Чайсов	Виктор	Анатольевич	03.06.86	Гаэни	Ростовская обл
143	рядовой	Туляганов	Шухратулла	Лутфуллаевич	13.06.86	Гаэни	Узбекистан
144	рядовой	Франчук	Михаил	Иванович	27.07.86	Гаэни	Украина
145	рядовой	Антонов	Игнатий	Георгиевич	25.09.86	Гаэни	Башкирия
146	рядовой	Александров	Евгений	Геннадьевич	23.10.86	Гаэни	Свердловская обл
147	рядовой	Голощук	Геннадий	Антонович	19.11.86	Гаэни	Украина
148	рядовой	Гордиенко	Александр	Борисович	25.11.86	Гаэни	Украина
149	рядовой	Данилов	Александр	Анатольевич	09.05.87	Гаэни	Краснодарский край
150	ефрейтор	Бондарчук	Петр	Иванович	19.08.87	Гаэни	Украина
151	рядовой	Хлюнов	Павел	Леонидович	27.09.87	Гаэни	Московская обл
152	рядовой	Валиев	Худойберди	Бадартович	30.09.87	Гаэни	Таджикистан
153	рядовой	Чайкин	Александр	Юрьевич	04.10.87	Гаэни	Ростовская обл
154	рядовой	Суц	Павел	Васильевич	08.12.87	Гаэни	Украина

Продвижение							
1	2	3	4	5	6	7	8
155	лейтенант	Трофимов	Алексей	Васильевич	08.12.87	Г а з и	Костромская обл
156	рядовой	Шумик	Сергей	Станиславович	03.04.88	Г а з и	У к р а и н а
157	рядовой	Шкробов	Евгений	Иванович	27.05.88	Г а з и	Новосибирская обл
158	сержант	Третьяков	Сергей	Николаевич	06.08.88	Г а з и	Оренбургская обл
159	рядовой	Бабичев	Андрей	Николаевич	09.08.88	Г а з и	К а з а х с т а н
160	лейтенант	Матаков	Олег	Борисович	15.02.89	Г а з и	Ленинградская обл
334-й оосПН							
1	рядовой	Бойчук	Владимир	Васильевич	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а
2	ефрейтор	Вакулук	Александр	Сергеевич	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а
3	мл.сержант	Гавраш	Юрий	Чеславович	21.04.85	Асадабад	Белоруссия
4	рядовой	Жуков	Андрей	Михайлович	21.04.85	Асадабад	Читинская обл
5	сержант	Касымов	Олег	Муурманкулович	21.04.85	Асадабад	Таджикистан
6	ефрейтор	Комогорцев	Никон	Николаевич	21.04.85	Асадабад	Читинская обл
7	лейтенант	Кузнецов	Николай	Анатольевич	21.04.85	Асадабад	Тамбовская обл
8	сержант	Кальнис	Станислав	Иосифович	21.04.85	Асадабад	Белоруссия
9	мл.сержант	Кухарчук	Василий	Федорович	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а
10	ефрейтор	Марченко	Вячеслав	Валентинович	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а
11	сержант	Матох	Михаил	Александрович	21.04.85	Асадабад	Белоруссия
12	рядовой	Морякин	Виктор	Гаврилович	21.04.85	Асадабад	Читинская обл
13	рядовой	Музыка	Василий	Николаевич	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а

Продвижение							
1	2	3	4	5	6	7	8
14	рядовой	Мустафин	Наиль	Маратович	21.04.85	Асадабад	Астраханская обл
15	мл.сержант	Напалковский	Игорь	Анатольевич	21.04.85	Асадабад	Белоруссия
16	сержант	Некрасов	Владимир	Леонидович	21.04.85	Асадабад	Пермская обл
17	рядовой	Попов	Владимир	Викторович	21.04.85	Асадабад	Хабаровский край
18	рядовой	Сулин	Вячеслав	Анатольевич	21.04.85	Асадабад	Хабаровский край
19	сержант	Тарасов	Виктор	Васильевич	21.04.85	Асадабад	К а з а х с т а н
20	сержант	Уразбаев	Жумабек	Амангельдиевич	21.04.85	Асадабад	К а з а х с т а н
21	ефрейтор	Федив	Василий	Иванович	21.04.85	Асадабад	У к р а и н а
22	капитан	Цебрук	Николай	Нестерович	21.04.85	Асадабад	Белоруссия
23	рядовой	Чихунов	Андрей	Михайлович	21.04.85	Асадабад	Читинская обл
24	мл.сержант	Чутанов	Абдурахман	Тажиевич	21.04.85	Асадабад	Таджикистан
25	сержант	Шаповалов	Юрий	Николаевич	21.04.85	Асадабад	Ростовская обл
26	рядовой	Курякин	Владимир	Павлович	22.04.85	Асадабад	Хабаровский край
27	рядовой	Новиков	Андрей	Константинович	22.04.85	Асадабад	Киргизия
28	рядовой	Овчинников	Олег	Павлович	22.04.85	Асадабад	Читинская обл
29	рядовой	Хайдаров	Сахоб	Саатович	23.04.85	Асадабад	Узбекистан
30	рядовой	Мадиев	Исмаилюло	Шамсович	01.05.85	Асадабад	Таджикистан
31	ст. лейтенант	Винник	Андрей	Александрович	05.06.85	Асадабад	К а з а х с т а н
32	мл.сержант	Ищенко	Сергей	Всеволодович	05.06.85	Асадабад	Белоруссия
33	рядовой	Алешков	Андрей	Владимирович	09.06.85	Асадабад	Читинская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
34	сержант	Ерченко	Андрей	Викторович	23.06.85	Асадабад	Казахстан
35	прапорщик	Сластенко	Михаил	Семенович	16.07.85	Асадабад	Белоруссия
36	рядовой	Ивашкин	Игорь	Юлианович	16.08.85	Асадабад	Украина
37	мл.сержант	Разгонов	Павел	Константинович	16.08.85	Асадабад	Приморский край
38	рядовой	Рогович	Роман	Петрович	16.08.85	Асадабад	Украина
39	мл.сержант	Савчук	Леонид	Иванович	16.08.85	Асадабад	Украина
40	лейтенант	Сафронов	Геннадий	Иванович	18.08.85	Асадабад	Узбекистан
41	рядовой	Сливко	Александр	Германович	10.09.85	Асадабад	Амурская обл
42	рядовой	Базилевич	Олег	Иванович	27.09.85	Асадабад	Украина
43	мл.сержант	Калота	Игорь	Александрович	27.09.85	Асадабад	Белоруссия
44	рядовой	Яковлев	Виктор	Юрьевич	03.10.85	Асадабад	Украина
45	рядовой	Селезнев	Андрей	Васильевич	29.10.85	Асадабад	Ивановская обл
46	рядовой	Дворников	Владимир	Ананиевич	03.12.85	Асадабад	Алтайский край
47	рядовой	Иванов	Михаил	Иванович	03.12.85	Асадабад	Томская обл
48	мл.сержант	Файзуллин	Марат	Исканданович	03.12.85	Асадабад	Татарстан
49	рядовой	Козак	Василий	Васильевич	04.12.85	Асадабад	Украина
50	мл.сержант	Матяш	Евгений	Викторович	04.12.85	Асадабад	Алтайский край
51	мл.сержант	Гильмуллин	Михаил	Валерьевич	09.12.85	Асадабад	Ивановская обл
52	лейтенант м/с	Линев	Андрей	Николаевич	11.12.85	Асадабад	Украина
53	рядовой	Дубровский	Олег	Анатольевич	22.12.85	Асадабад	Белоруссия

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
54	сержант	Кривоук	Николай	Александрович	12.01.86	Асадабад	Белоруссия
55	лейтенант	Сечук	Александр	Дмитриевич	24.02.86	Асадабад	Украина
56	ст.лейтенант	Татарчук	Сергей	Анатольевич	01.03.86	Асадабад	Украина
57	сержант	Бугров	Вадим	Кимович	07.03.86	Асадабад	Украина
58	рядовой	Жалимов	Борис	Хасанович	03.04.86	Асадабад	Хабаровский край
59	сержант	Хмельевский	Александр	Геннадьевич	09.04.86	Асадабад	Украина
60	рядовой	Баринев	Олег	Евгеньевич	14.04.86	Асадабад	Волгоградская обл
61	мл.сержант	Берёжин	Владимир	Иванович	18.04.86	Асадабад	Архангельская обл
62	рядовой	Горский	Александр	Евгеньевич	18.04.86	Асадабад	Узбекистан
63	ефрейтор	Плеван	Сергей	Тодорович	18.04.86	Асадабад	Украина
64	ст.лейтенант	Тупик	Игорь	Александрович	18.04.86	Асадабад	Омская обл
65	мл.сержант	Коваль	Павел	Иванович	19.04.86	Асадабад	Украина
66	рядовой	Лысов	Владимир	Иванович	19.04.86	Асадабад	Оренбургская обл
67	мл.сержант	Муравчук	Николай	Александрович	19.04.86	Асадабад	Ростовская обл
68	рядовой	Сорокин	Игорь	Васильевич	12.05.86	Асадабад	Самарская обл
69	рядовой	Богачев	Сергей	Юрьевич	16.06.86	Асадабад	Самарская обл
70	рядовой	Захаров	Валерий	Викторович	16.06.86	Асадабад	Узбекистан
71	мл.сержант	Радзиховский	Пётр	Александрович	16.06.86	Асадабад	Украина
72	мл.сержант	Козинец	Сергей	Сергеевич	03.07.86	Асадабад	Белоруссия
73	ефрейтор	Репегей	Виталий	Михайлович	16.07.86	Асадабад	Приморский край

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
74	рядовой	Нурбаев	Бахтияр	Абдуганиевич	31.07.86	Асадабад	Узбекистан
75	мл.сержант	Клюмов	Фуркат	Хашимович	05.08.86	Асадабад	Узбекистан
76	рядовой	Артиух	Аркадий	Николаевич	06.08.86	Асадабад	Украина
77	ст.лейтенант	Курнос	Виктор	Иванович	06.08.86	Асадабад	Украина
78	мл.сержант	Лабутин	Андрей	Леонидович	29.10.86	Асадабад	Свердловская обл
79	рядовой	Параска	Юрий	Павлович	29.11.86	Асадабад	Украина
80	мл.сержант	Заварницын	Сергей	Александрович	18.12.86	Асадабад	Свердловская обл
81	мл.сержант	Козырев	Игорь	Анатольевич	18.12.86	Асадабад	Украина
82	рядовой	Савко	Николай	Федорович	18.12.86	Асадабад	Украина
83	рядовой	Сапаров	Рустам	Абдукаримович	18.12.86	Асадабад	Узбекистан
84	рядовой	Древаль	Сергей	Александрович	27.12.86	Асадабад	Украина
85	рядовой	Плисов	Олег	Анатольевич	27.12.86	Асадабад	Узбекистан
86	ст.лейтенант	Рудометов	Виктор	Петрович	27.12.86	Асадабад	Тамбовская обл
87	рядовой	Сафаров	Убайдулло	Лочиневич	27.12.86	Асадабад	Таджикистан
88	рядовой	Эльмуратов	Махмуд	Гульмагоматович	27.12.86	Асадабад	Таджикистан
89	рядовой	Яценко	Александр	Павлович	27.12.86	Асадабад	Украина
90	рядовой	Тюрин	Юрий	Яковлевич	03.01.87	Асадабад	Воронежская обл
91	мл.сержант	Харламов	Александр	Николаевич	31.01.87	Асадабад	Свердловская обл
92	лейтенант	Степанчук	Алексей	Николаевич	13.03.87	Асадабад	Украина
93	рядовой	Кашенко	Иван	Владимирович	13.03.87	Асадабад	Новосибирская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
94	мл.сержант	Евстратов	Вячеслав	Дмитриевич	25.05.87	Асадабад	Московская обл
95	рядовой	Пономарёв	Александр	Иванович	26.05.87	Асадабад	Волгоградская обл
96	капитан	Жаринов	Вячеслав	Георгиевич	20.07.87	Асадабад	Ленинград
97	рядовой	Хомяков	Николай	Сергеевич	03.09.87	Асадабад	Украина
98	рядовой	Король	Николай	Николаевич	30.10.87	Асадабад	Украина
99	рядовой	Шкабат	Владимир	Станиславович	27.11.87	Асадабад	Украина
100	рядовой	Копя	Андрей	Михайлович	27.11.87	Асадабад	Белоруссия
101	рядовой	Лисовский	Сергей	Анатольевич	27.11.87	Асадабад	Узбекистан
102	ст.лейтенант	Матюшин	Вадим	Александрович	27.11.87	Асадабад	Хабаровский край
103	ефрейтор	Ерёжкин	Алексей	Николаевич	17.01.88	Асадабад	Казахстан
104	мл.сержант	Граньков	Виктор	Владимирович	18.01.88	Асадабад	Белоруссия
668-й ооСПН							
1	ефрейтор	Поволя	Валерий	Валентинович	06.12.84	Бараки	Украина
2	рядовой	Турдиматов	Абдурашул	Хожиматович	17.12.84	Бараки	Узбекистан
3	мл.сержант	Гонышев	Александр	Иванович	30.01.85	Бараки	Оренбургская обл
4	рядовой	Кривошея	Владимир	Иванович	16.02.85	Бараки	Украина
5	рядовой	Лутиков	Игорь	Иванович	21.02.85	Бараки	Рязанская обл
6	рядовой	Солонищенко	Алим	Александрович	27.03.85	Бараки	Украина
7	рядовой	Дундуков	Александр	Васильевич	04.06.85	Бараки	Ростовская обл
8	ст.сержант	Сушко	Дмитрий	Анатольевич	30.07.85	Бараки	Украина

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
9	рядовой	Мищенко	Виктор	Григорьевич	30.07.85	Барак	Украина
10	сержант	Карлюк	Николай	Васильевич	04.09.85	Барак	Украина
11	рядовой	Юрченко	Владимир	Владимирович	04.09.85	Барак	Краснодарский край
12	рядовой	Селимов	Гаджи	Фетихахович	05.09.85	Барак	Дагестан
13	рядовой	Христенко	Сергей	Александрович	16.09.85	Барак	Украина
14	мл.сержант	Камаев	Сергей	Михайлович	11.10.85	Барак	Молдова
15	мл.сержант	Адылов	Шукрат	Бурбаевич	04.11.85	Барак	Узбекистан
16	рядовой	Бакулин	Геннадий	Владиславович	04.11.85	Барак	Самарская обл
17	рядовой	Чернов	Сергей	Витальевич	04.11.85	Барак	Кемеровская обл
18	рядовой	Каримов	Шамсулло	Буриевич	07.01.86	Барак	Таджикистан
19	рядовой	Котков	Василий	Константинович	03.05.86	Барак	Ульяновская обл
20	рядовой	Хуако	Руслан	Асланбечевич	12.05.86	Барак	Краснодарский край
21	рядовой	Поддубский	Виктор	Владимирович	30.05.86	Барак	Казахстан
22	рядовой	Рунаев	Сергей	Вячеславович	19.06.86	Барак	Волгоградская обл
23	ст. прапорщик	Нагорный	Иван	Васильевич	29.11.86	Барак	Украина
24	лейтенант	Пашнин	Константин	Егорович	29.11.86	Барак	Томенская обл
25	мл.сержант	Ильенко	Владимир	Валерьевич	06.12.86	Барак	Мурманская обл
26	капитан	Михайлов	Валерий	Николаевич	06.12.86	Барак	Украина
27	рядовой	Кирилов	Олег	Ефимович	07.12.86	Барак	Казахстан
28	сержант	Волков	Андрей	Александрович	24.03.87	Барак	Пензенская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	8
29	сержант	Канашков	Александр	Иванович	24.03.87	Барак	Белоруссия
30	рядовой	Быличкин	Василий	Васильевич	03.04.87	Барак	Пензенская обл
31	служащая СА	Шевчук	Любовь	Тарасовна	05.04.87	Барак	Украина
32	служащая СА	Присакарь	Людмила	Владимировна	05.04.87	Барак	Молдова
33	ст. лейтенант	Корчака	Павел	Яковлевич	10.04.87	Барак	Украина
34	рядовой	Обручев	Николай	Александрович	17.04.87	Барак	Архангельская обл
35	рядовой	Михалин	Владимир	Петрович	18.04.87	Барак	Узбекистан
36	рядовой	Двухреченский	Александр	Валентинович	08.07.87	Барак	Новосибирская обл
37	рядовой	Шариков	Олег	Владимирович	18.07.87	Барак	Узбекистан
38	рядовой	Ткаченко	Михаил	Витальевич	15.08.87	Барак	Украина
39	мл.сержант	Захарченко	Виктор	Владимирович	15.08.87	Барак	Алтайский край
40	майор	Романов	Владимир	Ильич	22.10.87	Барак	Воронежская обл
41	рядовой	Чигура	Андрей	Михайлович	07.11.87	Барак	Ивановская обл
42	рядовой	Бачурин	Александр	Анатольевич	19.11.87	Барак	Липецкая обл
43	прапорщик	Кузьменко	Михаил	Александрович	31.12.87	Барак	Молдова
44	майор	Головки	Виктор	Николаевич	17.04.88	Барак	Белоруссия
45	ефрейтор	Грибов	Валерий	Петрович	21.04.88	Барак	Белоруссия
46	рядовой	Лукица	Юрий	Васильевич	21.04.88	Барак	Молдова
47	рядовой	Дымов	Анатолий	Иванович	24.04.88	Барак	Узбекистан
48	рядовой	Захаров	Александр	Геннадьевич	09.06.88	Барак	Псковская обл

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	
49	рядовой	Панченко	Анаголий	Федорович	13.06.88	Бараки	Украина
50	мл.сержант	Мирзоев	Одиржан	Анварович	31.07.88	Бараки	Таджикистан
51	рядовой	Мороз	Стелан	Георгиевич	04.08.88	Бараки	Украина
459-й ФСБП							
1	рядовой	Горшук	Михаил	Михайлович	28.08.80	Кабул	Украина
2	рядовой	Алимбаев	Рустам	Таджибаевич	25.09.80	Кабул	Узбекистан
3	ефрейтор	Обухов	Владимир	Ильич	22.01.81	Кабул	Читинская обл
4	рядовой	Горайнов	Герман	Евгеньевич	24.07.81	Кабул	Новосибирская обл
5	мл.сержант	Солодовников	Сергей	Викторович	24.07.81	Кабул	Киргизия
6	мл.сержант	Сафонов	Сергей	Викторович	31.07.81	Кабул	Красноярский край
7	ефрейтор	Гончаров	Игорь	Иванович	25.08.81	Кабул	Узбекистан
8	сержант	Егоров	Альберт	Гарникович	10.09.81	Кабул	Узбекистан
9	рядовой	Азаров	Николай	Михайлович	21.11.81	Кабул	Киргизия
10	рядовой	Лямин	Сергей	Владимирович	21.11.81	Кабул	Киргизия
11	лейтенант	Адиев	Фанус	Бадавиевич	22.02.82	Кабул	Казахстан
12	прапорщик	Бельский	Геннадий	Иванович	05.06.82	Кабул	Казахстан
13	рядовой	Журавлев	Алексей	Анатольевич	26.07.82	Кабул	Москва
14	прапорщик	Кокарев	Николай	Иванович	22.04.83	Кабул	Рязанская обл
15	капитан	Якименко	Валерий	Павлович	23.07.83	Кабул	Башкирия
16	рядовой	Косаченко	Юрий	Михайлович	23.01.84	Кабул	Красноярский край

Продолжение							
1	2	3	4	5	6	7	
17	сержант	Голубев	Вячеслав	Витальевич	12.03.84	Кабул	Москва
18	рядовой	Лазаревич	Станислав	Васильевич	13.03.84	Кабул	Украина
19	сержант	Тимошенко	Николай	Николаевич	23.06.84	Кабул	Новосибирская обл
20	мл.сержант	Матвиенко	Александр	Юрьевич	06.07.84	Кабул	Украина
21	рядовой	Барышкин	Михаил	Александрович	07.07.84	Кабул	Самарская обл
22	рядовой	Клыковский	Михаил	Владимирович	21.08.84	Кабул	Новосибирская обл
23	рядовой	Зайко	Юрий	Яковлевич	19.09.84	Кабул	Читинская обл
24	капитан	Ковалев	Борис	Александрович	19.09.84	Кабул	Украина
25	сержант	Стратьев	Виталий	Александрович	19.09.84	Кабул	Ростовская обл
26	рядовой	Гафуров	Мирзоумдин	Забирович	19.09.84	Кабул	Таджикистан
27	рядовой	Демянов	Владислав	Иванович	19.09.84	Кабул	Тамбовская обл
28	рядовой	Поталов	Владимир	Анатольевич	19.09.84	Кабул	Тульская обл
29	рядовой	Афанасьев	Алексей	Евгеньевич	19.09.84	Кабул	Узбекистан
30	прапорщик	Самсонов	Дмитрий	Борисович	02.07.85	Кабул	Украина
31	рядовой	Кучер	Сергей	Ефимович	20.06.86	Кабул	Украина
32	лейтенант	Зубов	Валентин	Владимирович	19.07.86	Кабул	Новосибирская обл
33	прапорщик	Пешков	Андрей	Васильевич	04.04.87	Кабул	Московская обл
34	рядовой	Подмосковный	Игорь	Александрович	22.08.87	Кабул	Узбекистан
Пропавшие без вести							
1	рядовой	Бакыев	Базар	Атдаевич	21.05.85	Бараки	Туркменистан

		Окончание					
		Таджикистан		Газни		Дагестан	
		Дагестан		Газни		У краина	
2	сержант	Ануфриев	Михаил	Викторович	02.07.82	Газни	Джелалабад
3	рядовой	Абдурашидов	Юсуф	Абдулагзич	05.08.82	Газни	Джелалабад
4	ефрейтор	Гелетчак	Игорь	Степанович	13.07.85	Газни	Джелалабад
5	рядовой	Горбунов	Евгений	Александрович	07.11.81	Джелалабад	Иркутская обл
6	мл.сержант	Олейников	Юрий	Николаевич	23.03.84	Джелалабад	Бурятия
7	лейтенант	Овчаренко	Сергей	Васильевич	23.03.84	Джелалабад	Ростовская обл
8	рядовой	Белицкий	Виктор	Павлович	24.03.84	Джелалабад	Белоруссия
9	рядовой	Наумов	Павел	Михайлович	11.02.85	Джелалабад	Московская обл
10	рядовой	Ситников	Геннадий	Яковлевич	11.02.85	Джелалабад	Свердловская обл
11	мл.сержант	Житняковский	Виктор	Юльянович	11.02.85	Джелалабад	У краина
12	рядовой	Буза	Александр	Михайлович	29.03.86	Джелалабад	Белоруссия
13	рядовой	Москвинов	Дмитрий	Владимирович	29.03.86	Джелалабад	Москва

**ТАБЛИЦА ДИСЛОКАЦИИ
СОЕДИНЕНИЙ И ЧАСТЕЙ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ И
АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ**

Дислокация	В/ч п/п, позывной	Наименование частей и соединений
г.Кабул	44633	459 орСпН (с 1980 по 1988 гг.)
	97978	ВВС 50-й сап (введен – 3.1980)
	33860	339 я осаэ (с 1982, при ГСВС)
	55362	320-я овэ (с 1984, при ГСВС)
р-н Бараки, пров. Логар (вывод гарнизона - 5.88)	44653 «Бахор»	668 ооСпН, «4-й отдельный мотострелко- вый батальон» 15-й обрСпН (с 3.85, с 1984-85 гг.: р-н Баграма)
Газни (вывод гарнизона - 5.88)	36988	239-я овэ (с 1.1986)
	43151 «Лаура»	177 ооСпН, «2-й отдельный мотострелко- вый батальон» 15-й обрСпН (с 2.84, 1981-84: М аймене, Руха, Гульбахар)
Джелалабад, пров. Нангархар (вывод гарнизона - 5.88 - 8.88)	71351 «Бретань»	15-я брСпН, «1 отдельная мотострелковая бригада» (с 3.1985)
	35651 «Пахта»	154 ооСпН, «1-й отдельный мотострелко- вый батальон» 15-й обрСпН (с 2.1984 по 5.1988; с 12.1979 -1.1980: Кабул; с 1981- 1984: Акча, Айбак)
	22630	292-й овп (с 1980 по 1981гг.) 335-й обвп (с 1981 по 1988 гг.)
Асадабад, пров. Кунар (вывод гарнизона-4.88)	83506 «Тариф»	334ооСпН, «5-й отдельный мотострелко- вый батальон» 15-й обрСпН (с 3.1985)
р-н Даулатабада, пров. Фарах (вывод гарнизона-8.88)	41527	411ооСпН, «8-й отдельный мотострелко- вый батальон» 22-й обрСпН (сформи- рован осенью 1985)
р-н Кандагара (вывод гарнизона - 8.88)	96044	173ооСпН, «3-й отдельный мотострелко- вый батальон» 22-й обрСпН (с 2.1984)
	17668	280-й овп
Лашкаргах, пров. Гильменд (вывод гарнизона-8.88)	71521	22-я обрСпН, «2-я отдельная мотострел- ковая бригада» (с 3.1985)
	83428	370 ооСпН, «6-й отдельный мотострелко- вый батальон» 22-й обрСпН (с 3.1985)
	65200	205-я овэ (с 12.85)
р-н Шахджоя, пров. Заболь (вывод гарнизона-5.88)	54783	186 ооСпН, «7-й отдельный мотострелковый батальон» 22-й обрСпН (с 4.1985)

СОКРАЩЕНИЯ

- автбр — автомобильная бригада.
- апиб — авиационный полк истребителей-бомбардировщиков.
- ап — авиационный полк.
- артп — артиллерийский полк.
- аз — авиационная эскадрилья.
- брмо — бригада материального обеспечения.
- вдд — воздушно-десантная дивизия.
- гв. — гвардейский.
- гпп — горно-пехотный полк.
- ГСВС — Главный советский военный советник.
- ГБУ — группа боевого управления.
- ДРА — Демократическая Республика Афганистан.
- дкбр — дорожно-комендантская бригада.
- дшбр — десантно-штурмовая бригада.
- зенап — зенитно-артиллерийский полк.
- зрп — зенитно-ракетный полк.
- идсбр — инженерная дорожно-строительная бригада.
- исп — инженерно-саперный полк.
- мсд — мотострелковая дивизия.
- мсп — мотострелковый полк.
- оап — отдельный авиационный полк.
- обрСпН — отдельная бригада специального назначения ГРУ.
- ооСпН — отдельный отряд специального назначения.
- обо — отдельный батальон охраны.
- овп — отдельный вертолетный полк.
- овэ — отдельная вертолетная эскадрилья.
- одкб — отдельный дорожно-комендантский батальон.
- оисб — отдельный инженерно-саперный батальон.
- омсп — отдельный мотострелковый полк.
- омсбр — отдельная мотострелковая бригада.
- опдп — отдельный парашотно-десантный полк.
- опОсН (РиРТР) — отдельный полк особого назначения (радио- и радиотехнической разведки).
- осаэ — отдельная смешанная авиаэскадрилья.
- орб — отдельный разведывательный батальон.
- пдп — парашотно-десантный полк.
- ППД — пункт постоянной дислокации.
- ППИ — перевязочный пакет индивидуальный.
- ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс.
- реап — реактивный артиллерийский полк.

- сап — смешанный авиаполк.
- тпбр — трубопроводная бригада.
- тп — танковый полк.
- ргСпН — разведгруппа специального назначения.
- раэ — разведывательная авиационная эскадрилья.
- пмп — полковой медицинский пункт.
- 40А — 40-я общевойсковая армия.
- БМД — боевая машина десанта.
- БТР — бронетранспортер.
- БМП — боевая машина пехоты.
- БРДМ — бронированная разведывательная дозорная машина.
- ВДВ — воздушно-десантные войска.
- ВВС — военно-воздушные силы.
- Спецназ — войска специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР.
- ДШК — крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина.
- СА — Советская армия.
- ОКСВ — ограниченный контингент советских войск.
- ЦБУ — центр боевого управления.
- ЧВС — член военного совета.
- Комдив — командир дивизии или дивизиона в артиллерии.
- Комбриг — командир бригады.
- Комбат — командир батальона или командир батареи в артиллерии.
- КШМ — командно-штабная машина.
- Десантура — военнослужащие ВДВ, спецназа, десантно-штурмовых подразделений.
- Броня — обобщенное название бронетехники.
- Душман — противник.
- Лифчик — тактическое снаряжение в виде нагрудника с карманами.
- Моджахед — воин, участвующий в вооруженной борьбе за веру.
- Шурави сарбоз — советский солдат.
- МОН — мина осколочная направленного действия.
- ОЗМ — осколочно-заградительная мина.
- ПКМ — пулемет Калашникова модернизированный.
- ЗГУ — зенитная горная установка.
- «Зеленка» — жилая орошаемая зона долин и ущелий.
- Дукан — магазин, торговая лавка.
- Головняк — головной дозор.
- Пайса — деньги, дань, оброк.
- Фишка — наблюдательный пост.
- Кишлак — населенный пункт сельского типа.
- РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аблазов В.И. «Над всем Афганистаном безоблачное небо», Киев, РИА «Марко Пак», 2005 г.

Альбом «Спецназ» (50-летию российских соединений и частей специального назначения ВС РФ) Составители С.В. Баленко, А.И. Барт, А.А. Устинов, Москва, 2000 г.

Альбом «Спецназ» (55 лет соединениям и частям специального назначения ВС РФ) Составители С.В. Баленко, Н.Н. Пронькин, А.А. Устинов, Москва, 2005 г.

Альбом «Слава и гордость советской военной разведки», под редакцией К.Н. Ткаченко, Москва, 1967 г.

Альбом «Спецназ ГРУ в Афганистане», А.В. Сухолесский, А.В. Мусиенко. Арктика 4D, 2006 г.

«Афганистан болит в моей душе...», (Воспоминания, дневники) запись П.Ткаченко, Москва, Молодая гвардия», 1990 г.

Сергей Баленко. «Коммандос «Батя». Легенда спецназа ГРУ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

С.М. Беков. «Миссия за Гиндукушем», Москва, 2004 г.

«Миссия за Гиндукушем. 15 бригада Спецназ. Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев». С.М. Беков, О.В. Кривопапов, Ю.Т. Старов, М., «Русская панорама», 2009 г.

Виктор Белоус. «Боль моя, Афганистан», Краснодар, «Печатный двор Кубани», 2004 г.

Михаил Болтунов «Генерал Герасимов. Судьба моя, спецназ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

Михаил Болтунов. «Коммандос «Диверсанты ГРУ», Москва, «Эксмо» «Яуза», 2004 г.

Михаил Болтунов. «Альфа» — секретный отряд КГБ», Ростов-на-Дону, «Проф-Пресс», 1995 г.

Артем Боровик. «Спрятанная война», Киев, «Заповит — Трамвай», 1994 г.

Книга Памяти «В часть не вернулся». Военно-историческое издание в 12 томах, Составители С.В. Баленко, А.И. Барт, А.А. Устинов, Москва. «Раритет», 2000 г.

Книга Памяти «О выпускниках Сызранского, Саратовского и Кировского военных авиационных училищ», «О военных вертолетчиках, погибших в Афганистане» часть I и II, под общей редакцией В.Е. Павлова. — Сызрань, 2001 и 2002 гг.

А.В. Волков. «Спецназ на тропе войны», журнал «Военный комментатор», Екатеринбург, издательство Гуманитарного университета, №1, стр.109 — 121, 2000 г.

«Время и судьбы»: Военно-мемуарный сборник. Выпуск первый. Сост. А. Бурсов, Ю. Дубченков, А.Якубовский. стр. 311— 332, Москва, Воениздат, 1991 г.

М.А. Гареев. «Моя последняя война», Москва, «Инсан», 1996 г.

Ф.И. Гредасов. «Этих дней не забыть», Москва, ФГПУ «Экспериментальная типография», 2002 г.

Б.В. Громов. «Ограниченный контингент», Москва, «Прогресс», 1994 г.

Л.В. Голубенко. «334 отдельный отряд специального назначения», литературно-художественное издание, Минск, «Харвест», 2005 г.

А. Деревягин. «Его звезда», журнал «Знаменосец» №12, 1988 г.

Дон Миллер (А.Е.Тарас). «Коммандос» формирование, подготовка, выдающиеся спецоперации, Минск, «Харвест», 1997 г.

И.А. Дамаскин. «Сто великих операций спецслужб», стр. 444 — 450, Москва, «Вече», 2004 г.

Михаил Каминский «Восточный транзит... на войну», газета «Третий тост», Киев, 2005 г.

Б.Т. Керимбаев. «Капчагайский батальон», Алма-Ата, типография ОО ДОИВА, 2005 г.

Сергей Козлов и другие. «Спецназ ГРУ» Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. Москва, «Русская панорама», 2000 г.

Сергей Козлов и другие «Спецназ ГРУ-2» Война не окончена, история продолжается. Москва, «Русская панорама», 2002 г.

А. Колпакиди, Д.Прохоров. «Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки». В 2-х книгах. Издательство «Олма-Пресс», 1999 г.

Г.П. Корж. «Афганское досье» История войны в Афганистане, Харьков, «Фолио», 2003 г.

Владимир Кошелев. «Мусульманский» батальон Спецназа ГРУ», Харьков, «Майдан», 2003 г.

Владимир Кошелев. «Молитва офицера Спецназа», Харьков, «Майдан», 2004 г.

Владимир Кошелев. «Наше дело — война и разведка», Харьков, «Майдан», 2004 г.

Владимир Кошелев. «Штурм дворца Амина. Версия военного разведчика», Люберцы, 2007 г.

Николай Кикешев. «Встань и иди», Москва «Славянский дом», 2005 г.

Олег Кривопапов. «Его представляли к Герою...», газета Северного Флота «На страже Заполярья», 20.07.1991 г.

Олег Кривопапов. «Карера» стоила карьеры», журнал «Спецназ» № 2 — 3, стр.27 — 31, Москва, 2000 г.

Олег Кривопапов. «Неприступных ущелий не бывает», журнал «Спецназ» № 1, стр.15 — 20, Москва, 2001 г.

Олег Кривопапов. «Операция под Джар-Кудуком», газета «Третий тост» №20 (236), Киев, 5.11. 2002 г.

Олег Кривопапов. «Шторм» — через всю жизнь», газета «Третий тост», Киев, 13.12.2003 г.

Олег Кривопапов. «Спецназ на Афганской войне», «Военно-исторический альманах» № 4, стр.5 — 57, Тюмень, издательство «Вектор», 2004 г.

Олег Кривопапов. «Подвиг группы Таривердиева в Афганистане», газета «Третий тост», Киев, 5.11.2004 г.

Олег Кривопапов. «Афганский перевал», Днепропетровск, «ИМА-пресс», 2007 г.

А.А. Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана», Москва, ГПИ «Исконна», 1995 г.

Александр Маргелов. «Генерал Маргелов», Москва, «Полиграфресурсы», 1998 г.

«Мы — интернационалисты» Сборник, Москва, Издательство политической литературы, 1986 г.

Евгений Никитенко. «Восток — дело тонкое». Афганистан от войны 80-х до прогноза новых войн, Москва «Аст-Астрель», 2004 г.

В.Г. Петров. «Уходит в ночь отдельный...», Кировоград, 2001 г.

С. Птичкин. «Звезда погасла на рассвете», журнал «Советский воин», 11, 1990 г.

Петр Ткаченко. «Слово о Мараварской роте», Екатеринбург, издательство Гуманитарного университета, 2004 г.

Сергей Урусов. «Время выбрало нас. Люди.События.Подвиги», Киев, «Варга», 2005 г.

Спольников В.Н. «Афганистан: исламская контрреволюция», Москва, «Наука», 1987 г.

«Спецназ России», энциклопедия, составитель В.Степанов, Москва, «Яуза» «Эксмо», 2007 г.

Старов Ю.Т. «Разведка – непростая работа», Пушкинский вестник № 44 от 4.11.2000 г.

Содеревский И.Ю. «Заметки офицера спецназа ГРУ», Москва, «Финтранс», 2006 г.

Скрынников Михаил. «Спецназ ВДВ», Москва, «Яуза» «Эксмо», 2005 г.

С.А. Харламов. Как была написана эта книга. Москва, 2007 г.

Игорь Цыбульский. «Громов», Серия ЖЗЛ, Москва, «Молодая гвардия» 2005 г.

С.В. Червонопский, А.А.Костыря «Историография войны в Афганистане», Киев, РИА «Марко Пак», 2005 г.

Черняк И. «Двое на одной войне» «Комсомольская правда», 23.04.1989 г.

Алексей Чикишев. «Спецназ в Афганистане», Москва «Олма-Пресс», 2004 г.

Н.И. Яремко. «В архив не сдавать» журнал «Коммунист Вооруженных Сил» № 6, 1989 г.

Справка из исторического формуляра 15-й отдельной бригады спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 154-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 177-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 334-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

Справка из исторического формуляра 668-го отдельного отряда спецназ ГРУ ГШ ВС СССР.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Одной из главных задач в деятельности командиров и политических органов в частях и соединениях специального назначения было и есть формирование высоких моральных качеств у личного состава, создание здорового климата в коллективе и привитие высокого чувства ответственности за выполнение поставленной задачи. Воспитание чувства глубокого уважения командиров к своим подчиненным и забота подчиненных о своих командирах. По моему мнению, в частях спецназа во многом это удавалось в результате слаженной работы командиров и политработников. Особое значение это приобретало в боевой обстановке.

В мае 1987 года вместо выслужившего установленный срок в Афганистане полковника Рузина П. И. на должность начальника политотдела бригады прибыл по замене подполковник Кривопапов Олег Владимирович. Мой земляк (родом из г. Троицка, что недалеко от Магнитогорска), но, как оказалось, и учились то мы в одном городе — Свердловске, где я окончил в 1960 году Суворовское военное училище, а он в 1968 стал курсантом военного училища.

Олег родился в семье ветврача и учителя. Все мужчины его рода были солдатами, прошедшими русско-турецкую, первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную войны. Его прадед — Федор Георгиевич Кривопапов хорошо известен в военной истории, как Герой Гражданской войны, служил в 19 кавполку легендарной Первой Конной Армии Семена Буденного и был награжден двумя орденами Красного Знамени. Поэтому закономерно, что его правнук, Олег, в год 50-летия Советских Вооруженных сил стал курсантом Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища. После его окончания направлен в Среднеазиатский военный округ, где из 150 выпускников училищ был лично отобран полковником Гредасовым Ф. И. (впоследствии генерал-лейтенантом, начальником разведки Сухопутных войск) единственным кандидатом для службы в спецназе. И лейтенант Кривопапов не подвел, его становление в должности заместителя командира роты спецназ по политической части состоялось быстро. Отмечая деловую хватку и качества молодого политработника, командование бригады не-

днократно поручало ему командование подразделением, и он уверенно справлялся с обязанностями командира. 6 рота спецназ стабильно была отличной. За успехи в боевой и политической подготовке, умелое руководство подразделением в 1975 году приказом Министра Обороны СССР Кривопапову присвоено очередное воинское звание старший лейтенант досрочно. Вскоре с должности заместителя командира отдельного батальона он поступил на общевоинской факультет Военно-политической академии им. Ленина. После отличного окончания которой, перед ним открылась успешная карьерная лестница: старший инструктор политотдела спецчастей ГРУ ГШ, заместитель командира отдельного полка разведки. Через шесть лет службы на Дальнем Востоке его награждают орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени. С ноября 1985 года он возглавляет политотдел 2-й отдельной бригады специального назначения в Пскове. В мае 1987 года командирится в 15 бригаду спецназ, в которой начинал свой офицерский путь, но уже не в Чирчик, а в воспетый поэтами и писателями жаркий и знаменитый не только трелями соловьев, но и «соловиной рощей», славящейся свистом пуль в любое время суток и года, пограничный с Пакистаном город Джелалабад, моим заместителем по политической части — начальником политического отдела.

Я встретил молодого, коренастого, с внимательным и умным взглядом подполковника по прибытии с боевых действий. С первой встречи наши отношения легли на добрую почву. Олег был внимателен ко всему. Для него не было второстепенных вопросов. Он имел свое мнение и мог всегда обосновать его. В отношениях с товарищами и подчиненными принципиален и честен. С первых дней он рвался на боевые действия. Однако в течение первого месяца я не отпускал его от себя, лично проверяя на стрельбище навыки и умения владения оружием, находящимся на вооружении подразделений спецназ и трофейного оружия, которым разведчики часто пользовались, захватывая его в караванах. Вводил в круг своих знакомств, давая время на адаптацию. Подробно знакомил с особенностями ведения боевых действий в зонах ответственности отрядов, так как исходя из условий местности и тактики действий противника, боевые действия отрядов бригады значительно отличались друг от друга.

Кривопапов быстро схватывал обстановку, был требователен к себе и подчиненным. Ни один из его политработников не

рассчитывал на правительственные награды, если уклонялся от боевых действий. Начальник политотдела воспитывал их на личном примере. Командиры подразделений Козлов, Дикарев, Федорченко, Марков, Зуев, Яшин, Бирюков и другие смогли оценить выносливость старшего товарища во время совместных длительных горных маршей, смелость и неординарность решений в засадах, на воздушной разведке, при досмотре караванов. Мой замполит не сидел в кабинетах, а прошел через семь засад, дюжину облетов и досмотров, боевые действия операций «Тропа», «Магистраль», «Восток-88», «Дарбант», «Затвор» и другие. Лично принимал участие в переговорах с афганскими руководителями различных формирований. Вскоре в бригаде выработался своеобразный «кривопаловский» политический стиль работы, основанный на высокой требовательности, уважении и внимательном отношении к людям, взаимодововерии. Главной целью во всем было выполнение боевой задачи и сохранение личного состава. Каждая потеря воспринималась как личная трагедия. Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры верили своему комиссару. Доверяли ему самое сокровенное, уважали, а нерадивые побаивались его крутого нрава. С большим удовольствием летом 1988 года перед строем бригады я вручил ему орден Красной Звезды. После вывода первой колонны 18 мая 1988 года в Советский Союз, оценив деловые качества руководителя и организатора, Кривопалов был назначен с повышением в политотдел 40-й армии и уехал обратно в Афганистан, где до вывода войск мотался по частям, выполняя свои новые служебные обязанности с присущей ему ответственностью, творчеством и скрупулезностью. По представлению начальника разведки армии, 5 ноября 1988 года лично Президент Афганистана наградил его орденом Боевого Красного Знамени Республики. А потом была операция по окончательному выводу войск из Афганистана и боевые действия по их боевому обеспечению. Так уж довелось, что на его плечи легла ответственность за политическое обеспечение приказа при начале вывода советских войск из Афганистана и его окончания. В последний день войны, О. В. Кривопалов вышел в Кушку на броне разведывательного батальона. Во время откомандирования его к новому месту службы в Киевский военный округ, командарм генерал-лейтенант Б. В. Громов вручил ему медаль «За боевые заслуги».

После развала армии полковник Кривопалов полтора десяти-

летия добросовестно трудился уполномоченным Кабинета министров Украины по социальной защите ветеранов в Днепропетровской области. Помимо этого активно участвовал в общественной работе совета областной Организации ветеранов.

Олег Владимирович — автор научного труда по комплексной программе адаптации военнослужащих, уволенных в запас, более 100 публикаций в журналах и газетах России и Украины, книг «Записки великоросса» (2006), «Колыбель Чирчикского спецназа» (2008), составителем книг «Афганский перевал» (2007), сборника стихов «Звезды над переправами» (2008), соавтором книг «Опаленное небо Афганистана» (2009), «15 бригада спецназа» (2009), «Историческая энциклопедия «Спецназ ГРУ», Очерки истории, книга 3 (2009), Книги Памяти «В часть не вернулся» 6 и 7 тома (2005).

За большую работу по сохранению боевых традиций военной разведки О. В. Кривопалов награжден ведомственными наградами министерств обороны Украины «Знак Пошани» и России. Отмечен медалью «За полезное» Фондом поддержки ВДВ им. генерала армии В. Ф. Маргелова.

За весомый личный вклад в развитие ветеранского движения, патриотическое воспитание молодежи, плодотворную общественную деятельность, Российским Союзом ветеранов Афганистана награжден орденом «За заслуги», губернатором Днепропетровской области поощрен Почетным Знаком «За развитие региона» (2007 г.).

Сорок лет женат на Галине Александровне. Супруги вырастили дочь Марию и сына Георгия.

Олег Владимирович Кривопалов навсегда остается моим боевым другом и надежным товарищем.

СТАРОВ Ю. Т.,
гвардии полковник, командир 15-й
отдельной бригады специального назначения
(1986 — 1990 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
ПАТРИОТИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ СОЛДАТА	15
Вехи истории	
ФОРМИРОВАНИЕ БРИГАДЫ	31
Вехи истории	
ПЕРВЫЙ КОМБРИГ	35
Вехи истории	
В ЭПИЦЕНТРЕ ЭПИДЕМИЙ	39
Вехи истории	
МУЖАНИЕ	53
Вехи истории	
ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ	79
Вехи истории	
«ШТОРМ» ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ	88
КОМБРИГ	98
Вехи истории	
НАШЕ ДЕЛО — ВОЙНА И РАЗВЕДКА	100
Вехи истории	
МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН СНОВА НА ВОЙНЕ	108
Вехи истории	
ОПЕРАЦИЯ ПОД ДЖАР-КУДУКОМ	111
Вехи истории	
НЕПРИСТУПНЫХ УЩЕЛИЙ НЕ БЫВАЕТ	125
Вехи истории	
ЗАСАДА	132
Вехи истории	139
«КАРЕРА» СТОИЛА КАРЬЕРЫ	139
Вехи истории	
О СВЯЗИСТАХ	159
Вехи истории	
ГАЗНИЙСКИЙ БАТАЛЬОН	165
Вехи истории	
БАРАКИНСКИЙ БАТАЛЬОН	209

Вехи истории	
АБЧАКАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ	276
«В ОБЫЧНЫЕ СОЛДАТЫ УХОДИМ МЫ В ЗАПАС»	288
Вехи истории	
АСАДАБАДСКИЕ ЕГЕРЯ	290
Вехи истории	
ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»	358
Вехи истории	
МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ 15-й БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ	401
Вехи истории	
КОМБРИГ 15-ОЙ И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ	416
Вехи истории	
О ПОЛИТРАБОТНИКАХ 15 ОБРСПН	426
вехи истории	
ФЛОРА И ФАУНА АФГАНИСТАНА И НЕИСТРЕБИМЫЙ РУССКИЙ ХАРАКТЕР	450
Вехи истории	
ЛЕГЕНДЫ ДЖЕЛАЛАБАДСКОГО БАТАЛЬОНА	459
Вехи истории	
СЛАВА ВВС!	486
Вехи истории	
ОДИН ИЗ НАС	497
Вехи истории	
ПОД ПРИЦЕЛЬНЫЕ ЗАЛПЫ НАВЕТОВ И ЛЖИ	512
Вехи истории	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	531
ПРИЛОЖЕНИЯ	543
ТАБЛИЦА ДИСЛОКАЦИИ СОЕДИНЕНИЙ И ЧАСТЕЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ И АРМЕЙСКОЙ АВИАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ	579
СОКРАЩЕНИЯ	580
БИБЛИОГРАФИЯ	582
СЛОВО ОБ АВТОРЕ	586

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Рос6)

К 82

Кривопалов Олег Володимирович
К 82 Колиска Чирчикського спецназу. Видання друге.

Виправлене та доповнене. Вірші, проза, спогади. Літературно-документальне видання. — Дніпропетровськ. ІМА-прес. — 2010. — 592 с. + 60 с. вкл. (Рос.мовою).

ISBN 978-966-331-305-4

У книзі «Колиска Чирчикського спецназу» — неприхована розповідь про 15 окрему бригаду спецпризначення ГРУ ГШ ЗС СРСР, її солдатів та офіцерів, які воювали в Афганістані. Книга розрахована на широке коло читачів.

УДК 821.161.2-1

ББК 84.4 УКР6-5

Літературно-документальне видання

КРИВОПАЛОВ ОЛЕГ ВОЛОДИМИРОВИЧ

КОЛИСКА ЧИРЧИКСЬКОГО СПЕЦНАЗУ

(Рос. мовою)

Технічний редактор М.Михлик

Художній редактор В. Ларін

Коректор М. Литвиненко

Підписано до друку з оригінал-макету 30.12.2010 р. Формат 84 x 108^{1/32}
Друк офс. Гарнітура «Таймс». Ум. др. арк.34,23. Зам. № . Тираж 120 пр.
Видавництво ІМА-прес, 49051, м. Дніпропетровськ, вул. Журналістів, 7/215.
(056-2) 27-76-70, 050-514-52-75, 067-910-61-01. Е-mail: IMA@optima.com.ua

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи ДК № 244 від 16.11.2000 р.
Друк КП «Нікопольська друкарня», 53219, м. Нікополь, вул. Електрометалургів, 21.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру серія ДП № 2947 від 28.08.2007 р.

ISBN 978-966-331-305-4

ISBN 978-966-331-164-7 (вид. перше). © Кривопалов О.В., 2010.